

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский государственный университет»

На правах рукописи

Колесниченко Ольга Викторовна

**ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ВОЗМЕСТИМОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ВРЕДА**

Специальность 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация

на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:

доктор юридических наук, доцент

Соломин Сергей Константинович

Тюмень – 2024

Оглавление

	Введение	4
Глава 1.	Категория физического вреда: теоретико-правовые основы	29
§ 1.	Здоровье в системе нематериальных благ.....	29
§ 2.	Понятие вреда здоровью в отечественной цивилистике.....	55
§ 3.	Основы формирования концепции возместимости физического вреда в гражданском праве.....	83
Глава 2.	Физический вред через призму динамики форм и способов его возмещения	108
§ 1.	Эволюция форм и способов возмещения вреда здоровью в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи.....	108
§ 2.	Развитие теоретических представлений и нормативного правового регулирования в области определения форм и способов возмещения вреда здоровью в советском гражданском праве.....	131
§ 3.	Современные формы и способы возмещения физического вреда. Проблема сверх- и недокомпенсации физического вреда и пути ее решения.....	160
Глава 3.	Объемная характеристика физического вреда: оптимальный режим нормативного правового регулирования и его доктринальное обоснование	196
§ 1.	Объем юридически значимого физического вреда: вред влияния и вред состояния.....	196
§ 2.	Компонент утраченных способностей потерпевшего: порядок и критерии определения размера возмещения.....	225

§ 3.	Компонент новых и возросших потребностей потерпевшего: порядок и критерии определения размера возмещения.....	249
§ 4.	Оценка и возмещение физического вреда состояния.....	273
§ 5.	Связанные с физическим вредом экономические и неэкономические потери: проблема отграничения, критерии возместимости.....	297
Глава 4.	Особенности возместимости физического вреда в частных системах компенсации.....	322
§ 1.	Система возмещения физического вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.....	322
§ 2.	Система возмещения физического вреда, причиненного в результате дорожно-транспортных происшествий.....	348
§ 3.	Система возмещения физического вреда, причиненного в результате недостатков товаров, работ или услуг.....	373
§ 4.	Система возмещения физического вреда, причиненного в сфере медицинской деятельности.....	398
§ 5.	Система возмещения физического вреда, причиненного в экологической сфере.....	421
	Заключение.....	447
	Список использованных источников.....	450

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Проблема возместимости физического вреда может быть представлена в различных аспектах: социально-экономическом, доктринальном, правоприменительном, правотворческом.

Социально-экономический аспект определяется тем, что от эффективности правового регулирования возмещения вреда здоровью напрямую зависит возможность построения в России социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Охрана здоровья граждан, предусмотренная в качестве одного из важнейших социальных обязательств государства ст. 7 Конституции РФ, не ограничивается созданием систем бесплатного медицинского обслуживания и социального обеспечения населения, поскольку полнота восстановления положения, существовавшего до нарушения права, может достигаться исключительно цивилистическими средствами. Реализация права на возмещение вреда здоровью направлена, в том числе, на создание материальных условий для скорейшего возвращения потерпевшего к трудовой или иной социально полезной деятельности, активному участию в жизни семьи и общества в целом. Некорректная или неполная регламентация соответствующих вопросов приводит к прямо противоположному результату. Из-за несвоевременного проведения необходимых лечебных и реабилитационных мероприятий растет число пострадавших с инвалидностью, увеличивается финансовая нагрузка на систему социального обеспечения.

Доктринальный аспект. Несмотря на многолетнюю реформу гражданского законодательства, опосредуемую разработкой и реализацией комплексной концепции его развития¹, вопросы гражданско-правовой защиты одного из

¹ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: утв. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 г. – URL: <http://privlaw.ru/sovet-pokodifikacii/conceptions/konserciya1/> (дата обращения: 14.01.2024).

основополагающих благ личности – здоровья – не получают должного освящения в доктринальных источниках. Содержащееся в п. 2 ст. 150 Гражданского кодекса РФ указание на то, что способ защиты, применимый в отношении конкретного нематериального блага, избирается с учетом его существа и характера, а также последствий нарушения, не принимается наукой гражданского права в качестве предпосылки для качественной теоретической проработки вопросов определения правовой природы причиненного ему вреда, совершенствования порядка возмещения его отдельных компонентов.

Полнота восстановления положения, существовавшего до нарушения права, для случаев повреждения здоровья определяется полнотой учета возникающих по поводу данного блага правомерных притязаний, направленных на сохранение безболевого и равновесного состояния организма человека в качестве базового условия для развития и применения его способностей (способности к труду, самообслуживанию, общению и др.). Такой учет предполагает рассмотрение данного вреда как физического, относящегося к организму человека, совокупности выполняемых им функций (нейромышечных, языковых, функций отдельных органов и систем и др.), а также общему качеству жизни, связанному со здоровьем. Однако это понимание реализовано сегодня лишь в области права социального обеспечения и используется здесь для установления потребности субъекта в мерах социальной защиты.

Цивилистическая доктрина, по общему правилу, отрицает наличие у физического вреда свойства возместимости, понимаемого как способность такого вреда своим возмещением восстанавливать положение, существовавшее до нарушения права, или по крайней мере максимально приближать потерпевшего к такому положению. Здоровье человека рассматривается наравне с категорией духовных благ, возникающих и существующих исключительно на уровне индивидуального или группового восприятия и оценки, а потому причиненный ему вред искусственно отождествляется с комплексом опосредованных убытков. Этот подход сопровождается некорректными попытками переноса на возникающие отношения правовых конструкций и оценочных механизмов,

разработанных для использования в договорных отношениях. В совокупности сказанное свидетельствует о потребности в создании прочного теоретического фундамента для признания вреда здоровью возместимым в его непосредственном, физическом значении, разработки универсальных параметров для определения его размера и возмещения.

Правотворческий аспект. Опорными правовыми категориями, на которых строится правовое регулирование порядка возмещения вреда здоровью, до настоящего момента остаются категории утраты трудоспособности и дополнительно понесенных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию потерпевшего (ст. 1085 ГК РФ). Однако их обоснование и первичное закрепление в данном значении связано с развитием обязательного государственного страхования рабочих и служащих в СССР в 1950-1960 гг. Буквальное заимствование положений законодательства о данной разновидности страхования не формирует условий для реализации принципа полного возмещения вреда в настоящее время, когда каждый вправе свободно распоряжаться своими способностями для трудовой, предпринимательской и иной деятельности.

С другой стороны, приходится констатировать, что введение новых частных правил определения размера и порядка возмещения вреда здоровью в сфере обязательного страхования (страхования от несчастных случаев на производстве, страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, владельцев опасных объектов и др.) не только не решает эту проблему, но порождает диспропорции в объеме гражданско-правовой ответственности, конкуренцию норм о различных выплатах возместительного значения. Это позволяет говорить о потребности в подготовке научно обоснованных предложений по изменению гражданского законодательства, касающихся содержания юридически значимого вреда здоровью, сочетания различных форм и способов его компенсации.

Правоприменительный аспект. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что в делах о возмещении вреда здоровью весьма высок показатель

снижения сумм выплат (в 65 % случаев иск удовлетворяется лишь частично¹). Кроме того, наибольшее количество дел данной категории касается тех сфер, где в течение длительного времени применяется та или иная разновидность обязательного страхования (29,7 % – при выполнении трудовых обязанностей, 53 % – при нарушении правил движения на транспорте). В числе иных дел (17 % от общего числа) преобладают дела о возмещении вреда здоровью, причиненного вследствие недостатков товаров, работ и услуг, в сфере медицинской деятельности, что обращает внимание на потребность в дополнительном изучении используемых здесь компенсационных схем².

На излишнюю строгость применяемых нормативных требований и доказательственных стандартов, недостаточную эффективность существующих страховых механизмов указывает и то, что в каждом пятом деле о компенсации морального вреда при повреждении здоровья, рассмотренном судом первой инстанции, в обоснование иска приводятся аргументы о необходимости оплаты лечения и реабилитации, потере источника средств к существованию и т.п.³ Как видно, проблема неэффективности одного из базовых способов защиты нарушенного права (восстановления положения, существовавшего до нарушения права) решается через отнесение материальных потерь на сумму компенсации морального вреда. Разработка вопросов возместимости физического вреда призвана сделать данный способ защиты по-настоящему доступным для применения на практике.

Сказанное в совокупности подтверждает актуальность темы диссертационного исследования. Представляется необходимой разработка

¹ Здесь и далее процентные показатели приводятся на основе анализа сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2013 – 2023 гг., размещенных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (<http://www.cdep.ru/>).

² По результатам интеллектуального поиска по базе данных из 37 380 актов судов общей юрисдикции, принятых по делам о возмещении вреда здоровью в 2013 – 2023 гг., размещенных на платформе «Судебные и нормативные акты РФ» (<https://sudact.ru>).

³ По результатам интеллектуального поиска по базе данных из 81981 актов судов общей юрисдикции, принятых по делам о компенсации морального вреда при повреждении здоровья в 2019 – 2023 гг., размещенных на платформе «Судебные и нормативные акты РФ» (<https://sudact.ru>).

целостной концепции возместимости вреда здоровью, согласующейся с принципами разумности и обоснованности, полноты восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и исходящей из представления о возможности возмещения такого вреда в его материальном, физическом значении. Формирование такой концепции, с учетом исключительной ценности здоровья как базового блага личности, является одной из важнейших задач цивилистики.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследование проблем возмещения вреда здоровью, определения объема и характера такого вреда в цивилистической науке осуществлено достаточно фрагментарно, о чем свидетельствует тот факт, что соответствующие вопросы рассматриваются исключительно применительно к отдельным видам специальных деликтов или категориям потерпевших, отдельным формам возмещения. Как, например, в кандидатских диссертациях С.Ф. Моисеевой «Возмещение вреда, причиненного здоровью и жизни военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации», Н.К. Шакуровой «Обязательства по возмещению вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих», монографиях М.Ю. Старчикова «Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика», Е.Г. Дюбко «Защита нематериальных благ и неимущественных прав граждан и юридических лиц в гражданском праве России» и др. Последние попытки системного рассмотрения компенсационных механизмов, опосредующих возмещение вреда здоровью, относятся к периоду интенсивного развития государственного социального страхования трудящихся в СССР, и здесь особо следует упомянуть монографические исследования Н.С. Малеина «Возмещение вреда, причиненного личности», М.Я. Шиминовой «Компенсация вреда гражданам: гражданско-правовое регулирование», в которых впервые были поставлены вопросы о необходимости расширения юридически значимого объема такого вреда, обоснована потребность в комплексном анализе существа деликтных и страховых обязательств, возникающих в связи с его причинением.

В современных условиях определенный интерес в качестве теоретической основы для разработки новой концепции вреда здоровью граждан представляют исследования, подчеркивающие многоаспектность проблематики возмещения такого вреда с точки зрения сочетания различных форм и способов его возмещения, а также исследования, ставящие под сомнение определение правовой конструкции убытков в качестве универсального средства установления стоимости любого нарушенного субъективного права или блага, среди которых особо следует отметить докторские диссертации Ю.Э. Монастырского «Возмещение убытков в гражданском праве России», Ю.Б. Корнасенковой «Межотраслевые связи права социального обеспечения: современное состояние и их влияние на дальнейшее развитие отрасли», кандидатскую диссертацию А.А. Пузыревой «Пределы использования частнопровых конструкций в праве социального обеспечения». Не умаляя достоинств работ вышеобозначенных авторов, следует констатировать, что в настоящее время в науке гражданского права отсутствуют диссертационные и монографические работы, в которых категория вреда здоровью изучалась бы комплексно, на основе представления о возместимости такого вреда в его физическом значении, раскрывающегося применительно к его объемной характеристике и порядку оценки отдельных компонентов, правовым формам и способу возмещения, их сочетанию в частных компенсационных системах.

Объектом диссертационной работы выступают общественные отношения, возникающие по поводу возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья гражданина.

Предметом диссертационного исследования являются выраженные в доктринальных источниках, законодательстве и судебной практике России и зарубежных стран научные представления и нормативные положения о вреде, причиненном повреждением здоровья гражданина, определении объема и размера такого вреда, формах, способах и порядке его возмещения.

Цель диссертационного исследования состоит в разрешении имеющей существенное значение для доктрины гражданского права и

правоприменительной практики проблемы неполноты и неэффективности восстановления положения, существовавшего до нарушения права, при повреждении здоровья гражданина, посредством разработки авторской концепции возместимости физического вреда.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих задач:

- установить место здоровья в системе защищаемых гражданским правом нематериальных благ;
- раскрыть понятие вреда здоровью с позиции преобладающих в отечественной цивилистике доктринальных подходов;
- определить основы формирования концепции возместимости физического вреда в гражданском праве;
- исследовать категорию физического вреда через призму динамики форм и способов его возмещения в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи;
- осуществить критический анализ теоретических представлений и нормативного правового регулирования в области определения форм и способов возмещения вреда здоровью в советском гражданском праве;
- раскрыть современные формы и способы возмещения вреда с акцентом на проблему сверх- и недокомпенсации и пути ее решения;
- обосновать оптимальный режим нормативного правового регулирования объема юридически значимого физического вреда в контексте его деления на вред влияния и вред состояния;
- разработать порядок и критерии определения размера возмещения компонента утраченных способностей потерпевшего;
- разработать порядок и критерии определения размера возмещения компонента новых и возросших потребностей потерпевшего;
- предложить методику оценки и возмещения физического вреда состояния, уточнив при этом область применения компенсации морального вреда в исследуемых отношениях;

– установить критерии возместимости связанных с физическим вредом экономических и неэкономических потерь, предложить пути решения проблемы их отграничения друг от друга;

– определить особенности реализации концепции возместимости физического вреда в частных системах компенсации, распространяемых на случаи повреждения здоровья в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, дорожно-транспортных происшествий, недостатков товаров, работ или услуг, в сфере медицинской деятельности и в экологической сфере.

Методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод познания, совокупность общенаучных (сравнения, наблюдения, описания, абстрагирования и обобщения, анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, системный, метод моделирования) и частнонаучных методов (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, межотраслевой, методы толкования правовых норм). Использование в качестве всеобщего диалектического метода познания позволило выявить закономерности проявления свойства возместимости физического вреда относительно его компонентов, форм и способов возмещения, частных систем компенсации, раскрыть ценностную характеристику здоровья с позиции объективно существующих потребностей личности, связанных с решением бытовых задач, участием в трудовой или иной полезной деятельности.

С помощью общенаучных методов сравнения, наблюдения, описания, абстрагирования и обобщения было обосновано существование в цивилистике теоретической концепции, раскрывающей содержание вреда здоровью через конструкцию убытков, выявлены ее внутренние противоречия. Анализ и синтез, дедукция и индукция использовались при определении компонентов физического вреда, рассмотрении правовых форм его возмещения и обосновании принципов их сбалансированного сочетания. Использование системного метода позволило дать характеристику здоровья в качестве элемента системы нематериальных благ, произвести исследование страховых и иных альтернативных компенсационных

механизмов во взаимосвязи друг с другом и частными модификациями конструкции деликтной ответственности. Применение метода моделирования сделало возможным обоснование комплекса организационно-правовых средств, направленных на достижение возместимости физического вреда, базирующихся на характеристиках безвиновных, презумпциональных и смешанных частных систем компенсации.

Формально-юридический метод позволил обосновать категорию физического вреда, сформировать непротиворечивый понятийный аппарат, опосредующий разработку и практическое внедрение цивилистической концепции его возместимости. Методы толкования правовых норм использовались при анализе норм гражданского законодательства, регулирующих исследуемые отношения, для уяснения их действительного смысла и содержания. Применение сравнительно-правового метода позволило выявить тенденции и особенности правового регулирования возмещения вреда здоровью в России и зарубежных странах, установить значение различных проявлений повреждения здоровья для определения совокупности экономических и неэкономических потерь, подлежащих возмещению. С помощью историко-правового метода формы и способы возмещения физического вреда были рассмотрены в их историческом развитии. Межотраслевой метод позволил выявить специфику цивилистического подхода к возместимости физического вреда на основе связей гражданского права с правом социального обеспечения.

Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, принятые в России законы и иные правовые акты, нормы которых регулируют общественные отношения по возмещению вреда здоровью и сопутствующих экономических и неэкономических потерь; нормативные правовые акты по соответствующим вопросам отдельных зарубежных государств. **Эмпирическую базу исследования** составили материалы отечественной судебной практики, включая разъяснения высших судебных инстанций; материалы иностранной судебной практики отдельных государств; аналитические, справочные и методические документы (руководства), изданные

по вопросам определения размера и порядка возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья, в России и зарубежных странах.

Теоретическая основа исследования представлена трудами трех научных поколений отечественных ученых, посвященных проблемам развития института гражданско-правовой ответственности, страховых и иных форм возмещения, распространяемых на вред здоровью, а именно:

– *дореволюционных ученых-юристов, таких, как:* К.Н. Анненков, А.М. Гуляев, П.Н. Гуссаковский, Е.М. Дементьев, Н.Л. Дювернуа, К.П. Змирлов, А.С. Кривцов, В.П. Литвинов-Фалинский, А.М. Нолькен, И.А. Покровский, И.М. Тютрюмов, Г.Ф. Шершеневич, Т.М. Яблочков и др.;

– *советских ученых-юристов, таких, как:* М.М. Агарков, Б.С. Антимонов, А.М. Белякова, И.Л. Брауде, К.М. Варшавский, М.Г. Гуревич, С.Е. Донцов, Т.И. Илларионова, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, Л.А. Майданик, Н.С. Малеин, М.Я. Маринина, Г.К. Матвеев, И.Б. Новицкий, В.К. Райхер, А.Е. Семенова, Н.Ю. Сергеева, А.А. Сергиенко, А.К. Сергун, В.И. Серебровский, В.Л. Слесарев, В.Т. Смирнов, А.А. Собчак, Ш.Т. Тагайназаров, В.А. Тархов, Е.А. Флейшиц, Х.И. Шварц, М.Я. Шиминова, К.К. Яичков и др.;

– *современных ученых-юристов, таких, как:* Е.Н. Агибалова, В.К. Андреев, Ю.Н. Андреев, И.В. Бакаева, Д.Е. Богданов, В.А. Болдырев, А.Н. Бочаров, С.Л. Будылин, В.В. Витрянский, С.Л. Дегтярев, Т.А. Дерюгина, А.В. Добровинская, Д.В. Добрачев, Э.А. Евстигнеев, А.И. Ибрагимова, А.О. Иншакова, А.Г. Карапетов, Д.Н. Кархалев, Е.Г. Комиссарова, М.В. Кратенко, О.В. Кузнецова, С.Э. Либанова, М.Н. Малеина, Д.А. Матанцев, И.А. Михайлова, В.П. Мозолин, Ю.Э. Монастырский, Е.Л. Невзгодина, А.В. Нестеров, А.К. Романов, В.Д. Рузанова, С.К. Соломин, Н.Г. Соломина, М.Ю. Старчиков, Д.А. Торкин, Ю.Е. Туктаров, Ю.Б. Фогельсон, А.С. Шевченко, Г.Н. Шевченко, Е.П. Шевчук, Т.В. Шепель, В.Ф. Яковлев и др.

В диссертационном исследовании учтены также относящиеся к определению категории вреда здоровью и его отдельных компонентов в физическом значении позиции таких зарубежных ученых, как: G. Alpa,

M. Alshaibani, D. Arcadio, B. Askeland, T. Auhuber, R. Bagshow, E. Bargelli, J. Barrett, A. Baumgärtner, J. Bell, D. Bisneto, P. Bonifacio, W.H. Boom, M. Bossani, R. Bouvet, W. Cardi, F. Canelutti, P. Cendon, H. Chen, M. Coester, A. De Cupis, P.M. Desmet, D.L. Dorey, S. Douglas, A. Ekkernkamp C.P. Folmer, M. Fuchs, P. García, E. Gleixner, J. Goldberg, P.M. Gras, M.D. Green, R. Guerra, B. Guillon, C. Hamone, S. Harder, C. Hou, M.F. Husaini, A. Janssen, C.A. Jerstad, N. Jousset, E. Karner, M. Kasperska, H. Koziol, M. Kjelland, G. Laing, H. Landolt, B. Markesinis, B. Markesinis, M. Martín-Casals, S.L. Mate, U. Magnus, N.J. McBride, A. Morris, A.S. Nieto, S. Nitsch, K. Oliphant, F. Pardey, W. Pauker, Gabriele Positano, Giuseppe Positano, S. Rabino, H. Rached, L.N. Renato, B.L. Rentiers, M. Rossetti, K. Salleh, A.J. Sebok, S. Li, V. Sherifi, H. Schulz-Borck, T. Schütze, P. Sirena, A. Spickhoff, V.S. Teslaar, A. Ullstein, V. Varkallo, G. Watt, M. Wich, L. Zhang, M. Zettin, L. Zoppoli и др.

Научная новизна исследования определяется созданием целостной авторской концепции возместимости физического вреда, основывающейся на представлении о связи здоровья человека с возникающими по поводу него правомерными притязаниями, направленными на сохранение безболевого и равновесного функционирования тканей, органов и их систем; развитие и применение способностей и возможностей организма для решения бытовых задач, создания материальной основы жизнедеятельности, реализации личных и семейных планов. В диссертации впервые обосновывается несостоятельность преобладающего доктринального подхода к пониманию правовой природы вреда здоровью, исходящего из идеи об универсальности убытков как правового средства определения стоимости любого нарушенного субъективного права или блага. Постулируется, что отсутствие у здоровья оборотных свойств не препятствует распространению гражданско-правовой защиты на его базовую, физическую составляющую, независимо от ее социально-психологических или личностно-информационных интерпретаций.

В работе представлены пути решения не нашедших должного освещения в доктрине гражданского права проблемных вопросов правового регулирования

соответствующей разновидности компенсационных отношений, в том числе, обоснованы принципы, обеспечивающие непротиворечивое понимание правовой природы, балансировку форм и способов возмещения вреда здоровью во избежание необоснованных сверхкомпенсаций и снижения размера возмещения, предложено толкование требований разумности и обоснованности возмещения применительно к утраченным способностям к получению полезного результата в сфере занятости и обеспечению личной автономии, росту потребностей в области медицинского обслуживания и возникновению дополнительных потребностей в связи с компенсацией ограничений, присущих посттравматическому физическому состоянию. Определены разновидности и принципы действия частных систем возмещения физического вреда (безвиновных, презумпциональных, смешанных). Впервые обоснована потребность в рассмотрении неблагоприятных изменений общих параметров физического состояния потерпевшего отдельно от конструкции морального вреда, уточнена область применения данного способа защиты гражданских прав, охватывающая собой развитие эмоциональных реакций по поводу вызванных повреждением здоровья нематериальных потерь «особой ценности». Предложены оценочные параметры для каждой вводимой разновидности возмещаемых потерь, а также методика определения размера компенсации физического вреда состояния.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Обосновано, что различия в способах гражданско-правовой защиты нематериальных благ определяются условиями их существования и формами объективизации в сфере гражданско-правовых отношений. По данному критерию следует различать духовные нематериальные блага, блага в себе (самоценные) и блага смешанного свойства. Поскольку здоровье относится к категории самоценных благ, отсутствие у него оборотных свойств не препятствует его защите в непосредственном значении, независимо от социально-психологических или личностно-информационных интерпретаций.

2. Доказано, что свойством возместимости обладает сам вред здоровью, тождественный физическому вреду, выраженному в утрате или нарушении

целостности органов и тканей, прекращении или ограничении их нормального функционирования, полной или частичной утрате способностей и возможностей человеческого организма, реализацией которых достигается личное и социальное благополучие субъекта; претерпевании боли и неудобств физического состояния в качестве проявлений такой утраты или нарушения. Построение оптимального режима правового регулирования его возмещения базируется на цивилистической концепции, раскрывающей данное свойство применительно к объемной характеристике физического вреда и порядку оценки отдельных компонентов, правовым формам и способу компенсации, их сочетанию в частных системах возмещения.

3. Установлено, что возмещение физического вреда может осуществляться двумя способами: через возмещение потерь и непосредственное предоставление помощи и ухода, осуществление мероприятий, направленных на восстановление здоровья потерпевшего и приспособление к ограничениям жизнедеятельности. Правовые формы возмещения физического вреда в зависимости от лежащего в их основе правового средства подразделяются на деликтную индивидуализированную, деликтную перераспределяющую, страховую и социальную.

4. Доказано, что сбалансированное сочетание форм возмещения физического вреда основывается на принципе поглощения большей вины меньшей, согласно которому специальный субъект, исполняющий возместительную обязанность в силу презумпции или специального указания закона, производит ограниченное возмещение физического вреда, а обнаружение вины конкретного лица позволяет сочетать прямые и обратные требования для доведения ответственности в его абсолютном объеме. При применении данного принципа должны соблюдаться следующие правила: 1) переход от деликтной перераспределяющей к деликтной индивидуализированной форме возмещения недоступен, если специальный субъект имеет собственную вину в наступлении неблагоприятных последствий; 2) при применении страховой формы возмещения возможность доведения ответственности до виновного лица блокируется

потребностью в защите интересов добросовестного страхователя; 3) обратные требования не могут заявляться в части базовых гарантий оказания бесплатной медицинской помощи и социального обеспечения.

5. Обосновано, что в объеме физического вреда необходимо различать: *физический вред влияния* – совокупность компонентов, обоснованных динамико-реляционными характеристиками повреждения здоровья и подлежащих абстрактной или конкретной экономической оценке; *физический вред состояния* – самостоятельную неэкономическую потерю, выражающуюся в общем снижении качества жизни потерпевшего из-за физической боли и неудобств, являющихся проявлениями такого повреждения. В составе физического вреда влияния надлежит учитывать: утрату личной автономии; утрату способности к действию, направленному на получение полезного результата в сфере занятости; рост потребностей в сфере медицинского обслуживания; возникновение дополнительных потребностей в связи с компенсацией ограничений, присущих посттравматическому физическому состоянию; утрату иных способностей, рост и (или) появление иных новых потребностей в качестве проявлений анатомо-функционального нарушения.

6. Обоснован вывод о том, что достаточная степень определенности размера возмещения утраченных способностей достигается направленным толкованием универсальных цивилистических критериев разумности и обоснованности. Следование этим критериям при компенсации утраты способности к труду и иной оплачиваемой занятости предполагает учет всей совокупности утраченных профессионально-значимых качеств потерпевшего, которыми он мог быть воспользоваться в течение жизни, с поправкой на динамику такой способности. Возмещение утраты способности к получению иного полезного результата в сфере занятости, утраты личной автономии производится, исходя из разумных ожиданий относительно выполнения конкретных видов работ и ухода за членами семьи, обслуживания собственных бытовых нужд в различные периоды жизни пострадавшего лица с учетом его возраста, начального состояния здоровья и иных значимых факторов.

7. Доказано, что следствием отрицания свойства возместимости физического вреда в доктрине и судебной практике является сужение критериев разумности и обоснованности возмещения дополнительно понесенных расходов на лечение (реабилитацию) потерпевшего до требования выбора самого дешевого из юридически доступных планов такого лечения (реабилитации). Для того чтобы избежать постановки потерпевшего в худшее положение по сравнению с лицами, восстанавливающими поврежденное имущество, при возмещении компонентов потребностей (в области медицинского обслуживания и реабилитации) следует исходить из разумности выбора плана лечения или реабилитации, отдельных препаратов, изделий, видов услуг, оплата которых в заявленном размере оправдывает эффективное удовлетворение соответствующей потребности; повышенной вероятности достижения с их помощью положительного результата в форме выздоровления, стабилизации состояния здоровья или приспособления к изменившимся условиям жизнедеятельности (по сравнению с другими доступными планами, препаратами и т.д.); адекватности проводимых мероприятий обеспечению достойного уровня жизни потерпевшего.

8. Доказано, что рассмотрение неблагоприятных изменений общих параметров физического состояния потерпевшего отдельно от конструкции морального вреда, а также компонентов утрат способностей и роста потребностей предопределяется их ролью в качестве неэкономической основы жизнедеятельности каждого человека, проистекающей из ресурсно-ориентированного подхода к категории качества жизни. Уточнена область применения компенсации морального вреда в отношениях, связанных с повреждением здоровья. Обосновано, что применение данного способа защиты гражданских прав следует связывать с развитием эмоциональных реакций по поводу сопутствующих нематериальных потерь «особой ценности» (потери возможности получать удовольствие от профессиональной деятельности и обычных повседневных занятий; потери перспектив личностного роста в спорте и хобби; потери возможности испытывать чувство удовлетворения при реализации

личных и семейных планов; потери или ослабления супружеского доверия и ощущения близости в семейных отношениях и т.п.).

9. Предложена методика расчета компенсации физического вреда состояния, в соответствии с которой размер взыскания для конкретного случая определяется в процентах от консенсусной суммы, соответствующих характеру и степени влияния повреждения на общее качество жизни потерпевшего, связанное со здоровьем. Искомый процентный показатель устанавливается на основе следующих принципов: 1) обособленности оценки физических состояний для временных и стойких травм; 2) комплексности учета влияния повреждающих факторов, предполагающей корректировку исходного процента в сторону повышения при исключительно дискомфортных физических состояниях; продолжительном лечении и реабилитации; проведении наиболее болезненных и травматичных медицинских манипуляций; 3) объективности оценки болевых ощущений исходя из необходимости госпитализации и (или) применения определенного типа медикаментозной терапии.

10. Разработаны критерии возместимости связанных с физическим вредом материальных потерь. Доказано, что следование принципу полного возмещения вреда позволяет считать обоснованным использование категории утраты шанса для обозначения особой разновидности сопутствующих материальных потерь, взыскиваемых дополнительно к физическому вреду при условии отнесения утраченной благоприятной возможности к динамическому аспекту личных способностей и отсутствии оценочных механизмов для ее учета в рамках принятой системы компенсации. Иные материальные потери, не обусловленные восстановлением утраченных способностей, оплатой стоимости лечения и реабилитации, могут включаться в объем физического вреда согласно тесту потребности.

11. Установлено, что по принципу действия частные системы возмещения физического вреда могут быть безвиновными, презумпциональными и смешанными. Применение смешанных систем обосновано в тех сферах человеческой деятельности, участники которых продуцируют повышенные риски

повреждения здоровья не только для третьих, более уязвимых, лиц, но и для самих себя и равноправных с ними субъектов отношений. Презумпциональные системы оправданы в ситуации, когда повышенные риски повреждения здоровья носят распределенный характер. Безвиновные системы целесообразно задействовать при отсутствии стабильно функционирующих систем социального обеспечения и обязательного медицинского страхования.

12. Аргументирован тезис о том, что распределение компонентов объема возмещения физического вреда между доступными правовыми средствами в частных системах компенсации строится на различиях страховой (иной альтернативной) и деликтной индивидуализированной форм возмещения, выраженных в предпочтительности определенного способа восстановления (в первом случае – натурального, во втором – денежного); характере связи отдельных компонентов возмещения с рисками, свойственными для сферы профессиональной деятельности и иных сфер отношений, в которые вовлекается потерпевший (имеет значение либо безразлична); цели компенсации (скорейшем возвращении к оплачиваемому труду или восстановлению положения, которое могло бы существовать в отсутствие нарушения права в целом); преобладающем порядке расчета выплат (на основе статистически обоснованных закономерностей или оценки индивидуальной ситуации).

13. Доказано, что возместимость физического вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, обеспечивается существованием смешанной частной системы компенсации, в которой обязательное страхование рисков причинение вреда дополняет собой обязательное страхование гражданской ответственности, будучи используемым для защиты пострадавшего водителя и назначения ограниченной автоматической компенсации немоторизованным участникам дорожного движения. Необходимая модификация института деликтной ответственности в такой системе связывается с введением опровержимой презумпции наличия причинной связи, устанавливаемой при нарушении Правил дорожного движения, а также

минимального процента возмещения, которого пострадавший не может быть лишен при наличии сопутствующей вины в происшествии.

14. Установлено, что качественную специфику конструкции ответственности в частной системе возмещения физического вреда, причиненного в результате недостатков товаров, работ, услуг, составляет определение условий ее наступления через комплексную характеристику дефектности товара (работы, услуги). Завершение внедрения такой модели в России требует закрепления в гражданском законодательстве специальных презумпций наличия противоправности и причинной связи для случаев причинения физического вреда в процессе эксплуатации отдельных категорий товаров (оказания услуг, выполнения работ), при условии, что: 1) обычное использование таких товаров (оказание услуг, выполнение работ) связано с повышенными рисками для жизни и здоровья; 2) предвидение и предупреждение таких рисков затруднительно с учетом современного состояния науки и техники; 3) определение противоправности и (или) причинной связи невозможно в отсутствие специальных познаний.

15. Доказано, что возместимость физического вреда, причиненного в сфере медицинской деятельности, обеспечивается существованием презумпциональной частной системы компенсации, в которой привлечение медицинских организаций и работников к деликтной ответственности за дефект медицинской услуги осуществляется под действием специальной презумпции грубой ошибки при оказании медицинской помощи, а риск наступления такой ответственности подлежит добровольному страхованию. В качестве ее факультативного элемента может приниматься страхование рисков причинения вреда, распространяемое на те сферы медицинской деятельности, в которых высока вероятность непредвиденных неблагоприятных явлений (при оказании услуг по родовспоможению, вакцинации, при использовании продуктов крови).

16. Аргументировано, что возместимость физического вреда, причиненного в экологической сфере, за пределами действия социально-обеспечительных механизмов достигается применением презумпциональной

частной системы компенсации. Базовой характеристикой такой системы является ее распространение на возникающие деликтные обязательства, в дополнение к презумпции экологической опасности отдельных видов деятельности, неопровержимой презумпции наличия физического вреда и его происхождения от присущего таким видам неблагоприятного экологического влияния, основывающейся на доступных знаниях о причинах возникновения и симптомах экологически обусловленных заболеваний (медицинский критерий), принадлежности потерпевшего к группе риска по признаку проживания или работы на зараженной территории (юридический критерий).

Теоретическое значение диссертационного исследования заключается в том, что предлагаемая автором концепция создает необходимые условия для переоценки содержания целого ряда базовых понятий и категорий цивилистической науки (вред здоровью, моральный вред, вред в целом, убытки, правовая форма возмещения вреда и др.), открывает перспективы для качественного изменения доктринальных подходов к рассмотрению предпосылок возникновения, сущности и значения компенсационных обязательств. Построение концепции возместимости физического вреда расширяет научные представления о природе и способах гражданско-правовой защиты нематериальных благ, способствует формированию новых и уточнению механизма действия существующих защитных инструментов в соответствии со спецификой каждого блага и характером его нарушения. Сформулированные автором теоретические выводы и предложения, касающиеся правовых форм и способов возмещения физического вреда, особенностей их сочетания в частных системах компенсации, обеспечивают решение значительной части теоретических проблем, сопровождающих доктринальную разработку специальных модификаций конструкции деликтной ответственности. Результаты проведенного исследования позволяют определить направления дальнейших научных изысканий, связываемых с исследованием влияния страховых и иных альтернативных компенсационных механизмов на гражданско-правовую ответственность, толкованием основания и условий возникновения деликтных обязательств.

В своем непосредственном значении цивилистическая концепция возместимости физического вреда распространяется на рассмотрение вопросов юридически значимого содержания такого вреда и применения различных способов его возмещения в любой сфере общественных отношений, где такой вред может быть причинен, благодаря обоснованному в ее содержании непротиворечивому понятийно-категориальному аппарату, базовым принципам доктринального восприятия соответствующих правовых явлений. Концепция автора, таким образом, является вкладом в развитие учения об обязательствах из причинения вреда, страховых и иных альтернативных компенсационных обязательствах и представляет собой решение теоретической задачи, имеющей существенное значение для науки гражданского права.

Практическое значение диссертационного исследования определяется тем, что в его содержании обоснован оптимальный режим нормативного правового регулирования возмещения физического вреда. В целях создания условий для его применения на практике сформулированы, в том числе, следующие предложения по изменению гражданского законодательства:

1. Дополнить абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ нижеприведенными положениями:

«Обязанность по возмещению вреда, возлагаемая на его причинителя или иное лицо на специальных условиях, может быть ограничена возмещением отдельных потерь в силу закона. Причинитель вреда, привлекаемый к ответственности на общих основаниях, исполняет обязанность по его возмещению без ограничений».

2. Изложить ст. 1072 ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 1072. Возмещение вреда при использовании страховых и иных альтернативных компенсационных механизмов

Обязательство по возмещению вреда погашается в соответствующей части в случае исполнения в пользу потерпевшего договора страхования ответственности, договора страхования рисков причинения вреда или применения иных альтернативных компенсационных механизмов по инициативе ответственного лица».

3. В ст. 1081 ГК РФ:

3.1. Дополнить п. 1 ст. 1081 ГК РФ нормой следующего содержания:

«Не признается лицом, возместившим вред, причиненный другим лицом, субъект, осуществляющий в пользу потерпевшего выплаты или предоставляющий услуги (выполняющий работы) в рамках реализуемых государством социальных обязательств по охране здоровья граждан, гарантий в сфере оказания бесплатной медицинской помощи и лечения».

3.2. Дополнить п. 4 ст. 1081 ГК РФ нормой следующего содержания:

«Право регрессного требования не возникает у страховщика, осуществившего в пользу потерпевшего страховую выплату по договору страхования ответственности, договору страхования рисков причинения вреда, в отношении страхователя (застрахованного лица), добросовестно исполнившего свои обязанности по такому договору».

4. Изложить ст. 1082 ГК РФ в следующей редакции:

«Удовлетворяя требование о возмещении вреда, суд в соответствии с обстоятельствами дела обязывает ответственное лицо возместить вред в натуре (оплатить лечение, предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т.п.) или возместить причиненные убытки (потери)».

5. В статье 1084 ГК РФ заменить словосочетание «более высокий размер ответственности» на словосочетание «более высокий размер возмещения».

6. Изложить п. 1 – 2 ст. 1085 ГК РФ в следующей редакции:

«1. При повреждении здоровья возмещению подлежат утрата способности потерпевшего к обслуживанию себя в быту и иной повседневной деятельности, утрата способности к действию, направленному на получение полезного результата в сфере занятости, рост потребностей в области медицинского обслуживания, возникновение дополнительных потребностей в связи с компенсацией ограничений, присущих посттравматическому физическому состоянию, утрата иных способностей, рост и появление иных новых потребностей, являющиеся проявлениями такого повреждения.

2. Дополнительно к потерям, указанным в п. 1 настоящей статьи, потерпевший имеет право на компенсацию неэкономических потерь, выраженных в снижении общего качества жизни, в порядке и размерах, а также в соответствии с методикой, утверждаемой Правительством РФ».

7. Дополнить п. 3 ст. 1085 ГК РФ нормой следующего содержания:

«Возмещение потерь, вызванных опосредованным нарушением общих экономических интересов потерпевшего при повреждении здоровья, не допускается. Исключение составляют случаи умышленного причинения вреда здоровью».

8. Изложить ст. 1086 ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 1086. Возмещение утраченных способностей потерпевшего

1. Определение размера возмещения утраченной способности к труду и иной оплачиваемой занятости производится на основании экономической оценки способности потерпевшего к любым видам оплачиваемой деятельности, учитывающей разумные ожидания относительно изменения такой способности на протяжении жизни. Размер возмещения определяется в процентах к среднему месячному заработку или иному вознаграждению, соответствующих степени утраты способности к труду и иной оплачиваемой занятости, принимаемых исходя из сведений обо всех профессионально-значимых качествах и характеристиках потерпевшего.

2. Определение размера возмещения утраченной способности к получению иного полезного результата в сфере занятости производится на основании экономической оценки способности потерпевшего к участию в повседневных занятиях, направленных на организацию проживания и необходимого бытового обслуживания совместно проживающих членов семьи, ухода и присмотра за нетрудоспособными лицами, прямого удовлетворения базовых потребностей без обращения к рынку соответствующих товаров, работ или услуг. Размер возмещения устанавливается исходя из среднерыночной или фактической стоимости услуг (работ) специалистов, привлекаемых для выполнения замещающих функций.

3. Определение размера возмещения утраченной способности потерпевшего к обслуживанию себя в быту и иной повседневной деятельности производится на основании экономической оценки утраты способности к участию в повседневных занятиях, направленных на удовлетворение базовых бытовых нужд, обеспечивающих автономное ведение жизнедеятельности потерпевшего независимо от проживания совместно с членами семьи и иными лицами. Размер возмещения устанавливается исходя из сведений об объеме услуг (работ), необходимых при оказании посторонней помощи, их среднерыночной или фактической стоимости.

4. Достоверность размера возмещения утраченных способностей обеспечивается по выбору потерпевшего предоставлением экспертных свидетельств или применением статистически обоснованных закономерностей. При отсутствии возможности подтверждения наличия и размера утраченной способности потерпевшего им может быть реализовано право на возмещение утраченной возможности развития и использования соответствующей способности».

9. Дополнить § 2 гл. 59 ГК РФ ст. 1086.1 ГК РФ следующего содержания:

«Статья 1086.1 Возмещение потребностей потерпевшего»

1. Определение размера возмещения роста потребности потерпевшего в сфере медицинского обслуживания производится на основании экономической оценки всех видов медицинской помощи, необходимых для эффективного удовлетворения такой потребности, при условии подтверждения разумности выбора плана лечения или его отдельных компонентов исходя из наличия медицинских показаний и экспертных свидетельств повышенной вероятности достижения с их помощью положительного результата (по сравнению с иными доступными планами лечения и их отдельными компонентами).

2. Определение размера возмещения новой потребности потерпевшего в компенсации ограничений, присущих посттравматическому физическому состоянию, производится на основании экономической оценки совокупности реабилитационных мероприятий, применением которых достигается или может

быть достигнуто наиболее эффективное приспособление потерпевшего к изменившимся условиям жизнедеятельности, обеспечивающих поддержание достойного уровня жизни такого лица».

Помимо указанных предложений, диссертационное исследование содержит в себе обоснование комплекса организационно-правовых средств, подлежащих применению в целях обеспечения возместимости физического вреда в тех сферах человеческой жизнедеятельности, где требования о возмещении вреда здоровью наиболее распространены (в производственной сфере, в сфере использования транспорта, обращения товаров, работ и услуг, медицинской деятельности), а также характеристику содержания и принципов построения цивилистического механизма, рекомендуемого для внедрения в целях возмещения вреда, причиненного здоровью в экологической сфере. Практическая значимость диссертации определяется также тем, что сформулированные в ней выводы и предложения будут способствовать формированию единообразной судебной практики по делам о возмещении вреда здоровью. Материалы проведенного исследования могут быть использованы в образовательном процессе при проведении учебных занятий, подготовке учебников, учебных пособий, учебно-методической литературы по курсу «Гражданское право» и иным курсам, в содержании которых затрагивается проблематика исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и одобрена на заседании кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета. Результаты исследования были использованы в образовательном процессе при проведении лекционных занятий и занятий семинарского типа в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по дисциплине «Гражданское право», в Тюменском государственном университете по дисциплине «Профессиональный семинар «Юридические технологии и практики»». Основные выводы и положения диссертации обсуждались на международных и всероссийских научно-практических конференциях (в период с 2018-2024 гг.). Основные выводы и положения диссертации отражены в опубликованных автором работах, включая

22 научные статьи в рецензируемых научных изданиях и журналах, индексируемых базой данных Scopus, иных работах автора, включая монографии, научно-практические пособия (всего 55 изданий общим объемом 71,6 п.л.).

Структура диссертации обусловлена логикой поставленных цели и задач исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих шестнадцать параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Категория физического вреда: теоретико-правовые основы

§ 1. Здоровье в системе нематериальных благ

Провозглашение особой ценности здоровья человека в цивилистической доктрине часто приводит к такому парадоксу, когда нематериальное свойство данного блага вынуждает исследователей констатировать возможность причинения только лишь неимущественного вреда в результате его умаления и продолжать свое участие в дискуссии исключительно в контексте предложения справедливых параметров компенсации нравственных и физических страданий. При этом акценты смещаются на представление об идеальной природе здоровья, лишаящей законодателя и правоприменителя какой бы то ни было возможности определения его стоимостного эквивалента¹. Такое представление базируется на устоявшихся доктринальных представлениях о системе и свойствах нематериальных благ, понятии и содержании защищаемых гражданским правом неимущественных прав.

Поскольку в п. 1 ст. 150 ГК РФ перечислены разнопорядковые категории, в теории гражданского права предпринимаются попытки обосновать признаки или общие сущностные черты (свойства) нематериальных благ. Они также служат средством обоснования качественной специфики реализуемых при посягательстве на соответствующие блага гражданско-правовых защитных механизмов. Примечательно, что, несмотря на многообразие точек зрения, практически всеми авторами выделяются свойства нематериальных благ, характеризующие качество связи между благом и личностью его обладателя (неразрывность такой связи, неотчуждаемость блага от личности соответствующего субъекта), а также свойства, относящиеся к ценностной характеристике защищаемого блага, традиционно определяемые в негативном значении (через отсутствие

¹ См.: Голубев К.И., Нарижний С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. – СПб.: Литагент «Юридический центр», 2004. – С. 49; Ерофеева А.С. Возмещение морального вреда в связи с повреждением здоровья: правовые проблемы и пути совершенствования законодательства // Lex russica. – 2006. – № 1. – С. 137; Российское гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – Т. 1. – С. 69.

имущественного (материального) содержания, невозможность денежной оценки и т.п.)¹. Различие носит в значительной степени редакционный характер, обуславливается глубиной изучения отдельных характеристик или направленностью конкретного исследования. Так, в частности, свойства неотъемлемости и неотчуждаемости нематериальных благ могут связываться с их принадлежностью гражданину от рождения или в силу закона², тогда как признак невозможности их денежной оценки приводится совместно с признаком отсутствия материального содержания³ словно для того, чтобы усилить характеристику качественного своеобразия нематериальных благ по сравнению с другими объектами гражданских прав, подтвердить тезис о необходимости применения при их нарушении специальных инструментов гражданско-правовой защиты.

Несколько выбивается из существующих подходов позиция, согласно которой каждое нематериальное благо представляет собой одно из базовых условий существования человеческой личности, ресурс, необходимый для организации жизнедеятельности человека как биосоциального существа. Впрочем, приведение этого признака совместно с указанием на то, что благодаря наличию условий данного рода удовлетворяются потребности личности исключительно «в нематериальной сфере», а сами они ни при каких обстоятельствах не могут иметь денежной оценки⁴ вновь возвращает нас в русло традиционной концепции, ограничивает понимание нематериальных благ для целей гражданско-правового регулирования и защиты.

Неудивительно, что при таких предпосылках качественное своеобразие нематериальных благ чаще всего обосновывается на примере чести и достоинства личности – применительно к таковым наиболее очевидным является наличие

¹ См.: Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 12.

² См.: Гражданское право: учебник / отв. ред. С.С. Алексеев. – М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. – С. 94.

³ См.: Гражданское право: учебник / под ред. О.Н. Садикова. – Т. I. – М.: Контракт; Инфра-М, 2006. – С. 151 – 152.

⁴ См.: Темникова Н.А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребенка в семейном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 6.

специфики оценки, предполагающей отсутствие общепризнанных параметров определения степени «честности и порядочности» пострадавшего лица, их количественного или качественного уменьшения¹. В сущности, защита чести и достоинства личности становится возможной благодаря признанию самостоятельным объектом правовой охраны комплекса свойств и характеристик личности, отражающихся в ее собственном и общественном создании, признании значения самостоятельного нематериального блага не за объектом материального мира, а за не существующим в материальной плоскости результатом субъективного восприятия этих свойств и характеристик.

Совершенно неподходящим для такой интерпретации видится здоровье человека как нематериальное благо – состояние психического, физического, социального благополучия не только измеримо с помощью объективных показателей, но и существует в объективной действительности, может служить не только объектом правоотношений, но и иных социальных связей (в рамках медицинских, социологических и др. исследований).

Нельзя не заметить, что в истории отечественной цивилистики существовали и иные подходы к осмыслению компонента «неимущественности» исследуемых благ и их сущностных характеристик. О.А. Красавчиков, подходя к проблеме через классификацию личных неимущественных отношений, включенных в предмет гражданского права, обращал внимание на неоднородность последних и невозможность сведения их к единственной конструкции, характеризующейся типовыми признаками. Свойства неотчуждаемости нематериальных благ и их тесной связи с личностью, на взгляд автора, наблюдались и оказывали определяющее влияние лишь на развитие той категории личных неимущественных отношений, которые имели своим объектом нематериальные духовные блага личности или социального образования (честь и достоинство, средства индивидуализации, личная неприкосновенность и др.). Именно здесь фиксировался запрет на стоимостные оценки, предполагающие

¹ См.: *Ульбашев А.Х.* Осуществление и защита личных прав // Законодательство. – 2017. – № 9. – С. 14.

эквивалентное возмещение в случае нарушения. К иным категориям неимущественных отношений, возникающих, в особенности, в связи с реализацией творческого потенциала личности (созданием и использованием произведений науки, техники, искусства), решением организационных задач, такое ограничение не применялось. Более того, О.А. Красавчиков особо подчеркивал, что являющиеся их объектом нематериальные блага либо могли существовать автономно от личности, либо в принципе не характеризовались прямой или косвенной связью с последней¹.

Тенденции к сужению этого подхода обнаруживаются уже в развитии концепции неимущественных отношений в прочтении О.А. Красавчикова Н.Д. Егоровым, которому принадлежит обоснование двух «атрибутивных» свойств этих отношений – неимущественного содержания и личного характера. С позиции Н.Д. Егорова, данные свойства отличают любую категорию личных неимущественных отношений в силу самого их наименования, причем каждая разновидность имеет своим содержанием процесс индивидуализации личности, состоящий в выявлении и оценке ее социальных качеств².

При всей стройности такого обоснования неотъемлемое свойство связи нематериального блага с личностью его обладателя остается здесь недостаточно конкретизированным, не очерченным конкретными правовыми границами. В частности, требует своего разрешения комплекс вопросов о том, является ли личность исключительно совокупностью социально-значимых качеств, ценностей или установок, отделена ли сугубо «биологическая» составляющая от ее юридически значимой характеристики, защищается ли гражданским правом только ценностная интерпретация нематериального блага в сознании индивида и представлении общества или само такое благо в целом.

Возвращаясь к современной цивилистике, следует указать, в первую очередь, на то, что действующая редакция ст. 150 ГК РФ, несмотря на свое

¹ См.: *Красавчиков О.А.* Категории науки гражданского права // Избранные труды: в 2 т. – Т. 1. – М.: Статут, 2005. – С. 41 – 44.

² См.: *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – С. 117.

наименование («Нематериальные блага»), не формирует четких критериев разграничения охраняемых нематериальных благ и неимущественных прав, а существующие доктринальные воззрения по данному вопросу лишь подтверждают преобладающую ограничительную характеристику нематериальных благ и доступных способов их гражданско-правовой защиты. К примеру, неимущественные права признаются одним из «уровней» нематериальных благ. Последняя из упомянутых категорий считается собирательной, а существование в законодательстве понятия «личные неимущественные права» объясняется тем, что блага-права возникают не сами по себе, а в результате их правового регулирования, благодаря которому становится возможным построение и защита конкретных правовых связей¹. При сходном обосновании в системе нематериальных благ, точно очерчиваемой ст. 150 ГК РФ, предлагается выделять не только блага, но и свободы, характеризующиеся теми же признаками, что и нематериальные блага в узком значении – отсутствием экономического содержания, неотделимостью от личности и др.²

На фоне тенденций к отождествлению личных неимущественных прав и нематериальных благ достаточно типичной для науки гражданского права является позиция о том, что гражданско-правовой охране подлежат во всех случаях не сами нематериальные блага, а конкретные неимущественные права или интересы, возникающие по поводу нематериальных благ, и, собственно, именно связанные с их реализацией отношения отличаются неэкономическим и невещественным содержанием³. Следование такому пониманию в качестве отправной теоретической предпосылки предполагает, что для каждого

¹ См.: Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК Велби; Проспект, 2003. – Т. 1. – С. 379 – 380.

² См.: *Ситдикова Л.Б.* Информация как нематериальное благо // Юрист. – 2007. – № 8. – С. 62 – 64.

³ См.: *Сараев Д.В.* О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // Юрист. – 2002. – № 7. – С. 3 – 6. См. также: *Гаврилов Е.В.* Нематериальные блага и личные неимущественные права в новой редакции статьи 150 Гражданского кодекса РФ // Гражданин и право. – 2016. – № 1. – С. 65 – 66; *Нохрина М.Л.* Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство и цивилистическая наука // Правоведение. – 2013. – № 5 (310). – С. 158 – 159 и др.

«нематериального блага в узком значении» должно быть найдено возникающее по поводу такого неимущественное право.

В одной из вариаций такого подхода личные неимущественные права подразделяются по признаку их целевой направленности на обеспечивающие индивидуализацию их носителя и обеспечивающие существование отдельных форм охраняемой законом неприкосновенности (личной, неприкосновенности частной жизни)¹. Здоровье в пределах такой классификации не защищается само по себе, но лишь как объект прав, обеспечивающих физическую неприкосновенность лица наряду с такими благами, как жизнь, внешний облик, благополучная окружающая среда. Представляется, такая трактовка также несет в себе ограничительный посыл, поскольку отношения по обеспечению физической неприкосновенности личности локализованы в весьма узкой среде межсубъектовых связей, которые возникают по поводу недопущения проникновения в зону физического состояния конкретного лица, связей, которыми опосредуется реализация правовых гарантий в области свободного распоряжения своим телом, принятия решений о получении медицинской помощи и лечении или отказе от таковых и т.п.

Не лишен внутренних противоречий и полярный подход, при котором самостоятельными объектами личных прав признаются нематериальные блага, имеющие наиболее тесную связь с их носителем (правообладателем) и формирующиеся его собственным поведением, и неимущественные права, существование которых всегда предполагает требование определенного поведения от посторонних субъектов (такое поведение может предусматривать как совершение конкретных действий, так и воздержание от вмешательства или ограничения)². В данном случае критерием для разграничения нематериальных

¹ Впервые эта классификация была предложена в академическом учебнике по гражданскому праву под редакцией Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева (Гражданское право / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – СПб.: Теис, 1996. – С. 273 – 274). См. также: *Бабенко А.В.* Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений // *Право и экономика.* – 2006. – № 6. – С. 44; *Бакаева И.В.* – Указ. соч. – С. 11.

² См.: *Сулейменов М.К.* Неимущественные права в законодательстве Казахстана и других постсоветских стран // *Неимущественные права: Материалы международной научно-*

благ и личных неимущественных прав видится преобладание статического (для первого случая) или динамического (для второго) компонента в содержании возникающих правоотношений. Вместе с тем, ни к одному из указанных компонентов в чистом виде не может быть сведена характеристика отдельно взятого нематериального права или личного неимущественного права, и здесь нельзя не согласиться с суждением А.Х. Ульбашева о том, что такая классификация не устраняет основных противоречий в исследуемой области, поскольку с наличием нематериальных прав также может связываться наличие правомочия на некоторые положительные действия со стороны третьих лиц, в свою очередь, неимущественные права также связаны с личностью их обладателя¹.

Применительно к предмету настоящего исследования обнаруживаемые противоречия в доктринальных подходах к систематизации нематериальных благ, вкупе с неким неудобством вовлечения в сферу гражданско-правового регулирования условного «актива», лишённого обычных оборотных свойств, приводят к вполне осязаемым последствиям. Они выражены в отождествлении объекта гражданско-правовой охраны с единственным даже не правом, а правомочием заинтересованного лица, связываемым с обеспечением неприкосновенности критически значимого блага.

Реализуемый в цивилистике подход в настоящее время предполагает отождествление нематериальных благ с духовными, признание объектом правовой защиты не самого здоровья человека, но его индивидуально воспринимаемой «личной и социальной» ценности², аксиологической интерпретации таковой в создании человека и мнении общества. Свойство нематериальности придается, таким образом, не самому благу, но возникающим по поводу него правам или интересам, которые, исходя из базовой теоретической

практической конференции / Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы: Казахстанский Международный Арбитраж, 2020. – С. 13.

¹ См.: Ульбашев А.Х. Институт личных прав в гражданском законодательстве постсоветских стран // Законодательство. – 2022. – № 1. – С. 63.

² См.: Бакаева И.В. – Указ. соч. – С. 13.

концепции, удовлетворяют потребности личности в нематериальной сфере. Однако, в действительности, является ли справедливым и достаточным для целей гражданско-правового регулирования и защиты такое, весьма ограниченное, представление?

Момент перехода нематериальных благ из категории «неимущественных» в широком смысле, по своему значению и (или) происхождению, в категорию «духовных» как возникающих и существующих лишь на уровне индивидуального или группового восприятия и оценки, достаточно четко связывается с закреплением за ними «личного характера» в несколько специфическом понимании. В упомянутой работе Н.Д. Егорова личностный признак раскрывается как характеристика нематериальных благ в контексте достижения с их помощью индивидуализации личности через приобретаемые ей социальные свойства, непосредственно в рамках участия субъекта в личных неимущественных отношениях¹. Завершение этой трансформации в современной цивилистической литературе показательно иллюстрирует позиция В.Д. Рузановой, предлагающей использовать объективный признак в качестве критерия, позволяющего произвести разграничение имущественных и неимущественных гражданских правоотношений, и считающей при этом, что характерной особенностью последних является наличие особого объекта – духовного (нематериального) блага².

Представленная позиция в настоящее время составляет основу принятых методологических подходов к изучению системы нематериальных благ, и лишь в редких случаях отдельные их свойства и особенности находят критическую оценку в научных исследованиях. Показательно, что такие суждения традиционно формулируются по результатам сравнения обязательств, возникающих по поводу нематериальных благ, с обязательствами, объектом которых выступает имущество, а также в рамках обоснования предложений по развитию

¹ См.: Егоров Н.Д. – Там же.

² См.: Рузанова В.Д. Вопросы разграничения имущественных и неимущественных гражданских правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 16 – 18.

гражданского законодательства сообразно с новыми, объективно существующими, потребностями гражданского оборота. Так, отмечается, что признак неотделимости блага от лица характерен не только для нематериальных благ, но и для некоторых категорий неимущественных прав¹.

Запрет денежной оценки нематериальных благ или последствий их повреждения оспаривается на примере деловой репутации юридического лица, которая по правилам бухгалтерского учета в организации принимается в качестве актива, фактически подвергаемого такой оценке. Считается, что облик человека, сведения о его личной жизни также приобретают имущественное содержание в результате их активного вовлечения в область «товарных отношений»². Исследование правовых связей, возникающих в связи с осуществлением творческой деятельности, во всей их многогранности приводит к обоснованию тезиса о том, что даже право авторства и право на имя могут подлежать возмездной передаче³. На фоне приведенных аргументов обоснованным выглядит тезис о том, что традиционные утверждения об отсутствии у нематериальных благ экономического эквивалента и невозможности их денежной оценки подавляющим большинством ученых-цивилистов воспроизводятся исключительно как «научные верования»⁴.

Сложившаяся ситуация в целом, на наш взгляд, свидетельствует о допущении в доктрине гражданского права двух критически важных подмен, из которых первая выражается в тезисе о том, что по поводу нематериальных благ могут складываться исключительно личные неимущественные отношения, а вторая предполагает отождествление нематериальных благ с благами духовного свойства, происхождение и существование которых наиболее тесным образом

¹ См.: *Тагайназаров Ш.Т.* Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. – Душанбе: Дониш, 1990. – С. 24.

² См.: *Слипченко С.А.* Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // *Цивилист.* – 2011. – № 2. – С. 43.

³ См.: *Михайлова И.А.* Имущественная составляющая личных неимущественных авторских прав: вопросы теории и практики // *Труды по интеллектуальной собственности.* – 2022. – Т. 41. – № 2. – С. 50.

⁴ См.: *Бакаева И.В.* Личные неимущественные отношения и нематериальные блага в контексте модернизации гражданского законодательства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2012. – № 12. – С. 87.

связано с наличием и ценностной характеристикой некоторых особых, личностно- и социально-значимых качеств того или иного субъекта. В данном контексте представляется важным проверить, не обнаруживаются ли отмеченные противоречия при попытках классификации нематериальных благ, не становятся ли, в частности, такие «ценности в себе», как жизнь и здоровье человека при их отнесении в ту или иную классификационную группу тем самым «камнем преткновения», который заставляет отвергать традиционные подходы или формулировать исключения из общих правил.

Для начала необходимо отметить, что обосновываемые в доктрине классификации нематериальных благ и неимущественных прав, хотя и могут базироваться непосредственно на различиях в ценностных характеристиках¹, чаще производятся исходя из их правовой природы, условий возникновения и признания в качестве объектов правовой охраны. Следование такому критерию предполагает разграничение биологических и социальных начал существования человеческой личности, с помощью которого могут быть обособлены блага биологического порядка, возникающие естественным образом (не только жизнь и здоровье, но и базовые параметры внешнего облика, генетический статус²), и блага социального порядка, формируемые в процессе «социальной» жизнедеятельности (в эту категорию входит широкий круг благ, образующихся исключительно в связи с признанием их значимости, таких, как честь, деловая репутация, охраняемая законом тайна)³.

В рамках второго подхода «духовность» нематериальных благ достаточно показательно связывается с их существованием не в конкретном материально-вещественном носителе, но «в персональном, коллективном и/или массовом сознании». Такая форма «объективизации вовне» не исключает отображения на

¹ См.: Трофимова Т.В. Системный подход к классификации личных неимущественных прав в гражданском праве // Вестник Омского государственного университета. – Серия Право. – 2008. – № 3. – С. 181.

² О гражданско-правовом режиме генетической информации см. подробнее: Малеина М.Н. Понятие и классификации геномной (генетической) информации // Lex russica. – 2020. – № 7. – С. 50 – 58.

³ См.: Ермолова О. Нематериальные блага: сущность и признаки правовой конструкции // Цивилист. – 2012. – № 3. – С. 38.

бумажных или электронных носителях, но различие между материальными и нематериальными благами строится именно на том обстоятельстве, что имущественная оценка первых может зависеть от действительной цены, а для вторых использование такого критерия не представляется возможным вследствие их «существующего, но не действительного» характера¹.

Рассматривая постулирование свойства духовности в качестве дани существующей правовой традиции, можно предположить, что описанная схема способна обеспечить корректное встраивание здоровья в систему охраняемых нематериальных благ уже в силу факта признания его биологического происхождения и наполнения. Вместе с тем, при ближайшем ее рассмотрении становится видна ее неполнота и ограниченность – так, в частности, тело человека признается «материальным носителем» конкретных нематериальных свойств, к которым относятся облик, почерк, авторская манера, голос и другие свойства, исследуемые и определяемые как «осознанные им отображения в виде нематериальных благ», неповторимо характеризующие его на протяжении всей жизни².

Иными словами, защите в качестве нематериального блага подлежит не здоровье человека как определенное равновесное состояние его организма, а сведения об уникальных характеристиках его внешнего облика³, иная информация, формирующаяся в процессе индивидуального восприятия личностью ценности конкретных параметров его жизнедеятельности⁴. Физическая компонента здоровья, в свою очередь, не подлежит ни защите, ни регулированию в результате отсутствия коррелирующего личного неимущественного права.

¹ См.: *Нестеров А.В.* Правовая категория нематериальных (существующих) благ и их систематизация // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 21.

² См.: *Нестеров А.В.* – Указ. соч. – С. 26.

³ О внешнем облике как самостоятельном нематериальном благе см.: *Иниакова А.О., Мограбян А.С.* Перспективные тенденции развития законодательных основ права физического лица на внешний облик // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 36 – 41.

⁴ В данном контексте весьма своевременным представляется мнение о том, что исследование сущности субъективных гражданских прав часто необоснованно ограничивается рассмотрением таковой с позиции пределов их осуществления и защиты – см.: *Комиссарова Е.Г.* Методические ориентиры в учебном познании гражданско-правовой тематики о субъективных правах // *Ex Jure*. – 2020. – № 1. – С. 42.

Любопытно, что альтернативный подход, исследующий «биологические компоненты» личности в контексте их непосредственной защиты гражданско-правовыми средствами, максимально приближен к констатации отсутствия у этих компонентов самостоятельного правового значения. Пользование здоровьем здесь достаточно показательно ограничивается правомерной реализацией возможностей человеческого организма, при этом в качестве отправного принимается тезис о том, что возникающие отношения не могут иметь ничего общего с извлечением полезных свойств из вещей или пользованием имущественными правами. Поскольку тело человека никогда полностью не переходит под его власть и не может по этой причине признаваться объектом права собственности, считается, что субъекту доступен ограниченный объем личной автономии по отношению к нему¹. Реализация такой естественной автономии связывается, в частности, с действиями по изменению внешнего облика без нарушения целостности органов и систем, направленными на повышение социального статуса в значении достижения определенного уровня признания в обществе, построения гармоничных межличностных отношений и т.п.² Применительно к последнему замечанию отчетливо видна корреляция с традиционными представлениями о защите не самих нематериальных благ, но лишь их специфической ценностной характеристики или особых свойств.

Исследование вариантов классификации нематериальных благ, таким образом, вновь приводит нас к идее о производности защищаемого блага от здоровья или тела человека, его физических свойств, а она, в свою очередь, возвращает к утверждению о том, что личные нематериальные права являются инструментом правовой охраны личных нематериальных благ, активируемым через установление правила об их неприкосновенности, запрета на физическое

¹ В частности, речь может идти об использовании своего тела посредством нанесения татуировок, грима, макияжа и т.п. Предполагается, что такое использование должно осуществляться в границах действия права на физическую неприкосновенность – см.: *Малеина М.Н.* Объекты авторского права на теле человека и проблемы их использования // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 62.

² См.: *Донцов Д.С.* Тело живого человека как нематериальное благо и гражданско-правовая защита его физической неприкосновенности // Медицинское право. – 2011. – № 2. – С. 38 – 39.

или психическое воздействие. Вместе с тем, пока физическое в структуре личности признается выполняющим исключительно вспомогательные функции, формирующим современные блага человека как персоны, неразрешенным остается вопрос о том, как быть с теми проявлениями человеческой природы, которые не создают особой охраняемой информации или аксиологических характеристик, с самим равновесным состоянием органов и систем, которое служит отправным условием участия субъекта в личных и семейных отношениях, построения социальных связей и организации индивидуальных активностей в процессе налаживания повседневной жизнедеятельности, нормального существования и развития способностей к передвижению, ориентации во времени и пространстве, самообслуживанию, общению, обучению.

В самом деле, отчасти справедливым можно считать утверждение о том, что система нематериальных благ неоднородна и включает в себя категории биологического, физиологического (жизнь и здоровье), социально-психологического (честь, достоинство и деловая репутация), личностно-информационного (личная и семейная тайна) характера¹. Однако не может приниматься без дополнительного обоснования идея о том, что универсальной характеристикой и качественной особенностью всех перечисленных благ служит наделение их гражданско-правовым содержанием путем предоставления субъектам личных неимущественных прав на данные объекты².

Как следует из примерного перечня ст. 150 ГК РФ, физическая компонента человеческой личности попадает в зону гражданско-правовой регламентации обособленно от ее социально-психологических или личностно-информационных интерпретаций. При ином понимании указанная норма содержала бы в себе лишь категории соответствующих производных нематериальных благ, являющихся продуктом восприятия человеком принадлежащей ему ценности или информации о таковой.

¹ См.: Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 6.

² См.: Михайлова И.А. Там же.

Следует полагать, что в действительности разноуровневость защищаемых гражданским правом нематериальных благ предопределяется не столько различиями в их происхождении, сколько условиями для признания таких благ существующими в сфере гражданских правоотношений, а также правовыми формами такой объективизации. В последнем случае речь идет о том, какая часть содержания нематериального блага и в каком значении вовлекается в данную сферу. С этих позиций, на наш взгляд, представляется возможным говорить о наличии трех категорий таких благ, из которых первую образуют духовные блага, возникающие исключительно в результате личностного и социального восприятия и оценок (достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация, авторство), блага в себе (самоценные), существующие независимо от такого восприятия и оценок, и блага смешанного свойства. Последние, хотя и имеют естественное происхождение, существуют и приобретают конкретное наполнение в гражданских правоотношениях в результате длительного процесса социальной перцепции и следующего за ней правового признания. К данной категории с уверенностью можно отнести охраняемые законом виды тайн и формы неприкосновенности, некоторые свободы (личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения и др.), имя гражданина как способ индивидуализации, существующий исключительно в социуме, для принятия которых к защите необходимо правовое решение, доступное на определенном, достаточно высоком, уровне развития человеческого общества.

Каждая разновидность защищаемых благ в рамках описанного подхода наделяется собственной характеристикой и пониманием «нематериальности». При этом конкретно здоровье представляется нематериальным не из-за существования в духовной сфере личности, а потому, что создается совокупностью естественных факторов независимо от воли человека, вне гражданского оборота и не подвержено приращению или умалению в имущественных отношениях.

Сообразно с условиями происхождения, гражданско-правовой режим духовных и смешанных благ предполагает определение их содержания, пределов осуществления возникающих по поводу таких благ прав или отдельных правомочий. Что касается благ в себе, в отношении которых регламентация внутреннего наполнения оказывается недоступной законодателю, то здесь на первый план выходит регулирование способов гражданско-правовой защиты, предоставляемых в случае совершения в отношении них противоправного посягательства.

Высказанное замечание, однако, не свидетельствует об отсутствии потребности, состоящей в том, чтобы установить, какие компоненты содержания нематериальных благ и связанные с ними права или интересы могут быть вовлечены в область гражданско-правового регулирования, уточнив тем самым объем допустимого для них правового воздействия¹. Такое знание необходимо при построении оптимального правового регулирования потому, что освобождает обладателя нематериального блага от необходимости приводить и обосновывать критерии признания его ценности и методы ее количественного измерения. В данной части нельзя не обратить внимания на справедливость позиции Ю.Н. Андреева, полагающего, что законный интерес может основываться не только на легальных возможностях субъекта права, но и его материальных и нематериальных потребностях, устремлениях и пр. В соответствии с произведенным уточнением и должен строиться комплексный механизм гражданско-правовой защиты самоценных нематериальных благ, или благ в себе, к которым относится человеческое здоровье.

В свете сказанного нельзя обойти вниманием тот факт, что п. 3.5 разд. «Объекты гражданских прав» Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации содержало достаточно лаконичное указание на необходимость дополнить гл. 8 ГК РФ («Нематериальные блага и их защита») развернутой системой правовых норм, имеющих целью регулирование и

¹ См.: Андреев Ю.Н. О некоторых вопросах законных интересов субъектов гражданского права // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. статей. – Воронеж: Научная книга, 2021. – С. 451.

(или) защиту конкретных нематериальных благ и личных неимущественных прав. Разработку этих норм предполагалось осуществлять с учетом не только достижений отечественной правовой науки, но и опыта других стран, имеющих в этой области развитое гражданское законодательство.

Возражая представлениям о том, что указанная задача была успешно решена¹, следует заметить, что на деле проведенная модернизация коснулась лишь некоторых специфичных форм использования нематериальных благ (в частности, было принято законодательное допущение о применении соглашений о таком использовании), внедрения специальных способов их защиты (признания судом факта нарушения, опубликования такого решения, пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо)². Однако последние были доступны заинтересованному лицу и до реформы гражданского законодательства, несмотря на отсутствие специальных указаний в ГК РФ. Из-за того, что институт компенсации морального вреда сохранил свою «прописку» в гл. 8 ГК РФ, укрепилось представление о целевой, исключительной направленности данного правового механизма на отношения, возникающие при посягательствах на нематериальные блага и неимущественные права. Так и не была сформирована стройная система способов защиты нематериальных благ.

Предположение о пользовании нематериальными благами исключительно в рамках личных неимущественных правоотношений в современной доктрине следует в русле законодательных модификаций, признавших такие отношения самостоятельным предметом регулирования (ст. 2 ГК РФ) независимо от того, связаны они с имуществом или нет, при условии, что возникают и развиваются такие отношения на принципах равенства, автономии воли и имущественной

¹ См.: *Михеева Л.Ю.* Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2015. – URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785835411139.html> (дата обращения: 14.01.2024).

² О недостаточной эффективности гражданско-правового механизма защиты нематериальных благ как одной из значимых проблем гражданского права см.: *Андреев Ю.Н.* О некоторых проблемах в гражданском праве // *Цивилист.* – 2022. – № 2 (38). – С. 60.

самостоятельности участников. Истинный посыл п. 2 упомянутой статьи, состоящий, на наш взгляд, в том, что универсальные защитные механизмы, используемые в гражданском праве, нуждаются в приспособлении под существо нематериальных благ, находящих свое применение в различных формах, в т.ч., с учетом объективно складывающихся условий гражданского оборота, тонут в русле традиционных дискуссий о том, можно ли признать право гражданское только лишь защищающим или полноценно регулирующим личные неимущественные отношения¹. Справедливым в данном контексте представляется мнение С.А. Сеницына, полагающего, что современная наука по-прежнему, несмотря на многочисленные фундаментальные исследования в рассматриваемой сфере, нуждается в выяснении правовой природы личных прав в частном и публичном праве, не ограничиваемом их исключительно «охранительным эффектом»².

Тем временем, немногочисленные положения ГК РФ о нематериальных благах, касаясь проблемы их распоряжения (в т.ч. невозможности отчуждения или передачи «иным способом»), не устанавливают общих ограничений относительно способа пользования ими специальных ограничений в отношении здоровья. В гл. 8 ГК РФ единственным нематериальным благом, применительно к которому определяются требования к форме использования, является изображение гражданина, причем законодатель ограничивается лишь рядом общих указаний о необходимости получения согласия гражданина в качестве общего правила, допустимых отступлениях от этого требования при получении изображения определенным способом или в определенных целях. Из п. 1 ст. 152.1 ГК РФ, в частности, косвенно следует, что использование изображения гражданина в

¹ См.: *Зайцев О.В.* Проблемы определения предмета гражданского права // *Власть Закона*. – 2017. – № 4. – С. 101; *Гусакова Ю.С., Вдовенко Е.В.* Концепции личных неимущественных отношений в предмете гражданского права // *News of Science and Education*. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 106; *Попондопуло В.Ф.* Личные неимущественные отношения в системе дуализма регулирования // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. – 2022. – № 3 (13). – С. 28; *Хужин А.М.* Современные подходы к определению предмета и метода гражданского права // *Российский правовой журнал*. – 2021. – № 1. – С. 71 – 72 и др.

² См.: *Сеницын С.А.* Личные неимущественные права и безопасность человека в виртуальном пространстве // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 18.

коммерческих целях, т.е. возникновение в данной части имущественных прав, не противоречит гражданскому законодательству (согласие гражданина не требуется, если в процессе получения изображения он позировал за плату).

В общем ряду нематериальных благ наиболее примечательным, на наш взгляд, представляется правовой режим авторства, определяемого действующей редакцией п. 1 ст. 150 ГК РФ в качестве отдельного нематериального блага (в старом варианте речь шла о соответствующем праве). Несмотря на сохранение прежней терминологии в ч. IV ГК РФ, такой подход законодателя подчеркивает различия между нематериальностью самого охраняемого блага и возможной, но не презюмируемой для всех случаев нематериальностью возникающих по поводу него гражданских правоотношений. С наличием нематериального блага авторства в новом прочтении связывается существование комплекса не только личных неимущественных (право авторства, право на имя, неприкосновенность произведения и др.), но и имущественных прав их обладателя (исключительное право, право на вознаграждение)¹.

Аргумент о невозможности фактического обладания жизнью, здоровьем, честью, достоинством и иными благами, неразрывно связанными с личностью, обеспечивает преимущество крайне осторожного подхода к самой возможности существования регулятивных гражданских правоотношений, складывающихся по поводу нематериальных благ. Потому, на наш взгляд, лишь в единичных случаях в цивилистической науке констатируется существование в структуре личного неимущественного права классических правомочий по владению, пользованию и распоряжению ими².

Впрочем, правовые формы пользования такими нематериальными благами, как жизнь и здоровье, даже в трудах не конформистски настроенных авторов

¹ В контексте сказанного не меньший интерес представляет обоснование позиции о том, что в комплексе прав автора результата интеллектуальной деятельности могут быть выделены неимущественные права, содержащие в себе значительный имущественный компонент, или, иначе, личные неимущественные права, взаимосвязанные с «имущественными факторами» - см.: *Братусь Д.В.* Организационные авторские права / под общ. ред. Б.М. Гонгалю. – М.: Статут, 2022. – С. 47 – 50.

² См.: *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: МЗ «Пресс», 2000. – С. 26.

уступают место ограниченную кругу форм распоряжения ими. В ряду последних рассматриваются донорство органов и тканей, распоряжение репродуктивной функцией через оказание услуг по суррогатному материнству, принятие решения об отказе от получения конкретных медицинских услуг при наличии повышенных рисков развития неблагоприятных последствий вплоть до летального исхода (пассивная эвтаназия)¹. При общей характеристике нематериальных благ исключительно в контексте недопущения вмешательства в естественную среду их существования, здоровье может восприниматься для целей гражданско-правового регулирования в медицинском значении как условное состояние «благополучия», отличающееся отсутствием болезней или патологий, связанных с потерей, расстройством психологической, физиологической, анатомической структуры и (или) функций организма человека². Указанное определение видится дискуссионным потому, что при условии неразрывной связи здоровья с личностью конкретного человека и его неотчуждаемости, характеристикой данного нематериального блага нельзя считать описанное идеальное состояние, хотя бы достижение такового и могло служить нормативной целью выработки государственной политики в области гарантий бесплатного оказания медицинских услуг, оценочным параметром в области государственного статистического наблюдения и т.п. Представляется, что при таком подходе содержание прав и отдельных интересов, возникающих по поводу здоровья, подлежит рассмотрению не в разрезе их допустимого вовлечения в область гражданско-правового регулирования, а применительно к связям, в рамках которых обеспечивается неприкосновенность данного блага, сфере, где действуют публично-правовые запреты и гарантии³.

¹ См.: *Кратенко М.В.* Действия по «распоряжению» личными нематериальными благами: понятие, виды и пределы осуществления // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2008. – № 1. – С. 60, 62.

² См.: *Малеина М.Н.* Юридическая характеристика здоровья как нематериального блага // *Медицинское право.* – 2014. – № 4. – С. 13 – 14.

³ Здесь нельзя не отметить, что еще В.А. Тархов обосновывал, что специфика отношений по поводу личных неимущественных благ предопределяет потребность в урегулировании возникающих по поводу них отношений государственным правом – см.: *Тархов В.А.*

Разумеется, граница между соответствующими отношениями может быть достаточной подвижной, однако различия становятся очевидными на простом примере – объектом договора оказания медицинских услуг являются конкретные медицинские манипуляции, но не стандарты безопасности, применимые при их оказании, и не система государственных гарантий предоставления бесплатной медицинской помощи населению, происходящие от компетентных публичных субъектов.

Неслучайно, на наш взгляд, развивающаяся в науке конституционного права концепция «соматических прав» (от греч. «σῶμα» – тело) связывает содержание таких прав, преимущественно, с распоряжением телом в различных вариациях (через его модернизацию, реставрацию или даже фундаментальную реконструкцию как изменение набора доступных телу функций)¹. К числу соматических прав относятся предоставляемые субъекту правовые возможности, реализацией которых в том или ином варианте опосредуется прекращение существования человеческого организма как совокупности обеспечивающих его жизнедеятельность органов, тканей и систем, - либо полностью, либо по сравнению с ранее существовавшим качественным состоянием (право на смерть, право на применение методов генной инженерии, право на предоставление органов для трансплантации). Иные выделяемые разновидности соматических прав являются суть ничем иным, как правами на применение запретов и ограничений, устанавливаемых в целях недопущения необоснованного вторжения в область обеспечения физической неприкосновенности лица в части, касающейся его здоровья (право на применение запрета на использование тела человека или его частей без его согласия, право на получение информации о каждой медицинской манипуляции и т.д.)².

Конституционные отношения // Правоведение. – 1981. – № 2. – С. 26; *Тархов В.А.* Гражданское право. Общая часть. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. – С. 31.

¹ См.: *Крусс В.И.* Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43 – 50.

² См.: *Лебедев В.А.* Права человека в современной России // Проблемы права. – 2012. – № 6. – С. 9 – 14.

Следует полагать, что в действительности основополагающий характер нематериальных благ предопределяет преимущественное регулирование ограничений, связанных с их использованием, в иных (в основном, публичных) отраслях законодательства, в то время как защитные механизмы, реализуемые при нарушении правомочия пользования ими могут принадлежать области действия гражданского права – с ограничениями, предусмотренными п. 2 ст. 150 ГК РФ (каждое используемое средство правовой защиты должно соответствовать существу нарушенного нематериального блага и характеру наступивших неблагоприятных последствий)¹. При этом в отношении здоровья человека справедливым оказывается комплексное представление о вовлечении нематериального блага в область имущественных и личных неимущественных отношений по аналогии с благом авторства.

В самом деле, здоровье человека представляет собой необходимый физический ресурс для участия во всех формах общественных отношений, налаживания личных и социальных связей. Отсутствие у него оборотных свойств не исключает возникновения и существования по поводу здоровья юридически значимых притязаний, законных интересов, направленных на сохранение равновесного состояния тканей, органов и их систем, применение способностей и возможностей организма человека для решения обыденных повседневных задач, создания материальной основы жизнедеятельности (заработка, иного дохода), а равно творческой и профессиональной реализации, построения и воплощения в жизнь семейных планов. Лишь при наличии этого базового условия становится возможным создание в духовной сфере жизнедеятельности индивида производных ценностей нематериального характера, в т.ч., в процессе формирования представлений о социально-значимых характеристиках и качествах личности, роли семьи и родственных связей, интеллектуальной деятельности и пр.

¹ Разумеется, это не исключает рассмотрения биологических материалов человека в качестве особого, ограниченного в обороте, объекта гражданских прав – см., напр.: *Малеина М.Н.* Правовой статус биобанка (банка биологических материалов человека) // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* – 2020. – № 1. – С. 101.

В свете сказанного представляет особый интерес позиция классика итальянской цивилистики А. Де Куписа, полагавшего, что для вовлечения тех или иных благ и притязаний личности в сферу гражданско-правового регулирования обязательным является предоставление средств гражданско-правовой защиты на случай направленного против них посягательства, возможное лишь при наличии связанного с ними охраноспособного интереса. Юридически-значимый интерес, в свою очередь, предполагает пользование субъектом неким активом как любым средством или ресурсом, направленным на удовлетворение конкретной потребности, обнаруживаемой через требование о совершении конкретных действий, объективно существующую нужду, возникающую из-за отсутствия повреждаемого «актива». Два основных подхода, по А. Де Купису, могут быть использованы для ценностной характеристики охраняемого интереса. С точки зрения первого, таковая равнозначна оценке актива исходя из потребности, с точки зрения второго – представляет собой характеристику взаимосвязи между субъектом потребности и объектом, способным ее удовлетворить, производится, таким образом, не исходя из потребности, а с учетом возможности полезного использования блага или притязания в процессе жизнедеятельности субъекта¹.

Представляется любопытным, что до А. Де Куписа считалось, что субъективная оценка интереса не может быть обеспечена средствами гражданско-правовой защиты, поскольку, во-первых, представляет собой лишь интеллектуальное усилие, предпринимаемое конкретным лицом и недоступное для объективной оценки, а, во-вторых, существование «ценности» исключительно в сознании индивида делает ее невозмещаемой, поскольку причинение вреда никак не влияет на ее наличие и не порождает новых потребностей². В границах актуального гражданско-правового регулирования в учете субъективно воспринимаемой ценности здоровья для конкретного человека нет противоречия, однако этот учет не предполагает назначения возмещения, эквивалентного такому

¹ См.: *De Cupis A. Il danno: teoria generale della responsabilità civile.* – Roma: Bosch, 1975. – P. 109.

² См.: *Carnelutti F. Il Danno e il Reato.* – Padova: C.E.D.A.M, 1926. – P. 12.

субъективному восприятию, но лишь компенсацию нравственных и физических страданий, интенсивность которых предопределяется последним.

Произведенное сравнение подчеркивает, что интерес или право (в зависимости от правопорядка и доктринальных предпочтений) не имеют четкой привязки к нематериальной природе охраноспособного блага. Напротив, доступным вспомогательным инструментом является определение последнего в качестве «актива», позволяющее установить его материальную ценность в условном значении через исследование вариантов применения способностей и возможностей человеческого организма или потребности, вызванной утратой того или иного компонента содержания соответствующего блага. С особой осторожностью, однако, следует подходить к материальной или нематериальной характеристике проявлений повреждения здоровья, не ограничиваясь при этом предложенными инструментами и отсылкой к неременной субъективизации неимущественных потерь. Общее физическое благополучие личности может быть рассмотрено как существующее независимо от индивидуальной аксиологической интерпретации объективное состояние, лишённое неблагоприятных ощущений, вызванных травмой или внезапным заболеванием, которое составляет самостоятельный ресурс, «актив» личности, формирующий материальную основу ее жизнедеятельности для любого, «среднестатистического», потерпевшего. Его оценка, как представляется, не требует наглядной демонстрации полезности.

Следует заметить, что в правопорядках, свободных от шаблонного восприятия свойства нематериальности базовых личных благ и возникающих по поводу них прав, если не сама их характеристика, то содержание предоставляемых средств гражданско-правовой защиты указывают на стремление к расширению взглядов на охраноспособность таких благ или интересов. Это становится возможным благодаря рассмотрению возникающих по поводу них отдельных правомочий и форм их практической реализации в отношениях, доступных, в отличие от отношений по обеспечению физической неприкосновенности, для регулирующего воздействия норм гражданского права.

Так, к примеру, в Польше дополнительным защитным механизмом, задействуемым при посягательстве на жизнь, служит «возмещение существенного ухудшения жизненной ситуации»¹ в пользу близких родственников жертвы. Заявляемые на основании данной нормы требования материальны, хотя и не подвержены строгой экономической оценке. Собственно, речь идет о достаточно свободном взгляде на возможность учета различных проявлений участия умершего в жизни заявителя, в пределах, соответствующих среднему уровню благосостояния в обществе. Смерть супруга, например, исследуется не только в контексте снижения общего уровня доходов семьи, но и в контексте невозможности выполнения в обычном объеме некоторых хозяйственных, организационных функций (ремонт дома, оплата счетов и т.п.). Для ребенка в случае потери родителей поводом к возмещению особой потери может служить вынужденный отказ от продолжения обучения из-за отсутствия родительской поддержки в вопросах оплаты образовательной программы или съемного жилья². Сходный институт обнаруживается в гражданском праве Чехии, где компенсация неэкономического вреда включает в себя «утрату общественного положения» – вред, причиняемый в связи со снижением способности к трудовой или иной оплачиваемой деятельности, оцениваемый в том случае, если травма (заболевание) служит «препятствием для лучшего будущего пострадавшего»³.

Совершенно особую категорию представляют собой правопорядки, в которых правовая защита нематериальных благ осуществляется без доказывания наличия нравственных и физических страданий, на основании самого факта противоправного посягательства. Венгрия, в частности, служит уникальным

¹ См.: Kodeks cywilny (Ustawa z dnia 23 kwietnia 1964 r.), art. 446, § 3. – URL: <https://arslege.pl/kodeks-cywilny/k9/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: I C 49/13 - uzasadnienie Sąd Okręgowy w Radomiu z 2013-05-23. – URL: [https://orzeczenia.radom.so.gov.pl/details/\\$N/153010000000503_I_C_000049_2013_Uz_2013-05-23_001](https://orzeczenia.radom.so.gov.pl/details/$N/153010000000503_I_C_000049_2013_Uz_2013-05-23_001) (дата обращения: 14.01.2024); I ACa 1039/13 - wyrok z uzasadnieniem Sąd Apelacyjny w Katowicach z 2014-02-05. – URL: [https://orzeczenia.katowice.sa.gov.pl/content/\\$N/151500000000503_I_ACa_001039_2013_Uz_2014-02-05_002](https://orzeczenia.katowice.sa.gov.pl/content/$N/151500000000503_I_ACa_001039_2013_Uz_2014-02-05_002) (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Law 89/2012, the Civil Code of the Czech Republic. – URL: <http://obcanskyzakonik.justice.cz/images/pdf/Civil-Code.pdf>. Section 2958, 2963 (1, 2) (дата обращения: 14.01.2024).

примером страны, где компенсация за нарушение личных прав считается выполняющей двойственную функцию – с одной стороны, она позволяет преодолеть, насколько это возможно, последствия правонарушения, а, с другой, служит частноправовой санкцией, средством устрашения. Однако, поскольку с ее взысканием не может связываться предоставление необоснованной выгоды потерпевшему, исследованию в каждом случае подлежит вредный результат противоправного воздействия, что применительно к вреду здоровью предполагает оценку количества и тяжести повреждения, перенесенной боли, продолжительности и сложности лечения. Лишь полученное с учетом этих факторов значение подлежит корректировке под обстоятельства, сосредоточенные на поведении, нарушающем право на неприкосновенность частной жизни, и личности нарушителя. Этим, на наш взгляд, подтверждается учет ценностной характеристики повреждаемого блага на основе объективных факторов¹.

Словно соединяет в себе описанные подходы опыт Японии, где ст. 709 Гражданского кодекса «Вред в правонарушениях»² служит выражением компромисса между принципом «kenri shinpan shugi» (нарушения законного права – яп.), базирующимся на предполагаемой утрате ценности повреждаемого блага, и принципом «jisson shugi» (фактического ущерба – яп.), требующим подтверждения наличия конкретных потерь в качестве условия деликтной ответственности³. В отношении личных прав этот баланс достигается с помощью категории «isharyo» («ишарё», в буквальном переводе «деньги в качестве извинения» – яп.), функцией которой, помимо символической оценки неблагоприятных эмоций жертвы, является учет абстрактных потерь для тех компонентов повреждаемого интереса, которые не находят своего внешнего выражения в имущественной сфере (вред, состоящий в эстетических дефектах,

¹ См.: *Mátyus A.* A sérelemdíj funkció-analízise // *Debreceni Jogi Műhely.* – 2020. – Т. 17. – № 3 – 4. – P. 102 – 115.

² См.: Civil Code (明治二十九年四月二十七日法律第八十九号) (Act No. 89 of April 27, 1896). – URL: <https://www.moj.go.jp/content/000056024.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Samudio R.E.* Non-economic losses under Japanese law from a comparative perspective: thesis doctoral. – Hokkaido, 2017. – P. 38.

утрате перспектив карьерного роста, отложенном неблагоприятном влиянии травмы на здоровье в будущем и т.п.)¹.

Таким образом, можно заключить, что современная цивилистическая наука продолжает пребывать в состоянии следования «научным верованиям» о свойстве исключительной неимущественности гражданских правоотношений, возникающих по поводу здоровья как нематериального блага. Результатом такого подхода является толкование и применение норм гражданского законодательства, в рамках которых в должной мере не защищается базовый физический компонент здоровья, а преобладающее место при определении его содержания занимает компонент восприятия его ценности в жизни конкретного человека через комплекс личных и семейных отношений. Исследование вариантов классификации нематериальных благ приводит к идее о производности защищаемого блага от здоровья или тела человека, его физических свойств, а она, в свою очередь, возвращает к утверждению о том, что личные неимущественные права являются инструментом правовой охраны личных нематериальных благ, активируемым через установление правила об их неприкосновенности, запрета на физическое или психическое воздействие.

В действительности разноуровневость защищаемых гражданским правом нематериальных благ предопределяется не столько различиями в их происхождении, сколько условиями существования и признания в сфере гражданско-правовых отношений, а также правовыми формами такой объективизации. С этих позиций, здоровье следует относить в категорию «благ в себе», или самоценных благ, полагая, что его нематериальность обуславливается не возникновением и существованием в духовной сфере личности, но созданием под влиянием совокупности естественных факторов вне гражданского оборота, а также неподверженностью приращению или умалению в имущественных отношениях.

Сообразно такому пониманию, регламентация внутреннего наполнения исследуемого блага оказывается недоступной законодателю, однако акцент на

¹ См.: *Samudio R.E.* Op. cit. – P. 86 – 87.

регулировании способов гражданско-правовой защиты не свидетельствует об отсутствии потребности в том, чтобы установить, какие компоненты его содержания и связанные с ними притязания могут быть вовлечены в область гражданско-правового регулирования. Отсутствие у здоровья оборотных свойств не препятствует тому, чтобы такая защита была распространена непосредственно на его базовую, физическую составляющую, независимо от ее социально-психологических или личностно-информационных интерпретаций. Материальная оценка здоровья должна строиться на связи такого физического компонента с возникающими по поводу него правомерными притязаниями, направленными на сохранение безболевого и равновесного функционирования тканей, органов и их систем, развитие и применение способностей и возможностей организма человека для решения обыденных повседневных задач, создания материальной основы жизнедеятельности, построения и воплощения в жизнь личных и семейных планов.

§ 2. Понятие вреда здоровью в отечественной цивилистике

Представление о здоровье как о нематериальном благе, способном облекаться для целей гражданско-правового регулирования в некую, пусть и базирующуюся на несколько нетипичных оценочных параметрах, материальную компоненту, особое свойство личности, обязывает к определению опосредуемого таким подходом представления о содержании юридически значимого вреда, причиняемого его повреждением, формах и способах, пределах его возмещения. Разумеется, категория «вреда, причиненного здоровью» используется законодательством и не может по этой причине игнорироваться доктриной в угоду исследованию фигуры морального вреда и механизма его компенсации как более подходящего для нематериальных благ способа гражданско-правовой защиты.

Однако при упоминании этого термина современный цивилист нередко сам заводит себя в ситуацию научного «тупика», констатируя особую, чрезвычайную

ценность здоровья человека, и отказываясь при этом от каких бы то ни было попыток обосновать параметры для его полного и обоснованного возмещения. Исключение составляют отсылки к обеспечению полноты такого возмещения за счет включения в состав присуждаемой суммы двух составляющих – вреда морального и материального¹. Помимо неосознанного следования постулату «не оценить, нельзя возместить», отсутствие живого научного интереса влечет за собой распространение в учебной литературе и комментариях к законодательству трактовок, раскрывающих сущность и объем возмещения вреда здоровью через общие представления об убытках, их структуре и порядке возмещения².

Нельзя не согласиться с тем, что построение законодательства и доктрины на основе «каучуковых норм», культивирующих нравственные начала в частном праве, никак не способствует формированию устойчивых критериев для определения понятия и признаков вреда³. Следует полагать, что, попав в орбиту гражданско-правового регулирования, отношения по поводу причиненного вреда здоровью должны найти свою последовательную регламентацию и доктринальное объяснение согласно признанным пределам, целям и задачам такого регулирования. В виду всех вышеприведенных обстоятельств, особый интерес представляет рассмотрение базовых постулатов преобладающей «убыточной» концепции понимания вреда здоровью, поиск альтернатив для нее, в т.ч., и на основании имеющегося зарубежного опыта.

¹ См.: *Малеина М.Н.* Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 63; *Попович М.М.* К вопросу о жизни и смерти: гражданско-правовой аспект // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 85 и др.

² См.: *Козацкая В.Э., Мачкасов А.И.* Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие – Рязань: Академия ФСИН России, 2017. – С. 81; *Кубанцев С.П., Автономов А.С., Артемов В.Ю., Власов И.С.* Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование: практическое пособие. – М.: Контракт, 2016. – С. 172; *Белицкая А.В.* Комментарий к Федеральному закону от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном». – М.: Юстицинформ, 2013. – С. 116 и др.

³ См.: *Синицын С.А.* Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 55.

Нельзя не заметить, что в современном российском гражданском праве, учитывая исторически преобладающий интерес к договорной, а не деликтной ответственности, наиболее распространена позиция об универсальности категории убытков, понятие которых раскрывается обобщенно, через совокупность отрицательных имущественных последствий, которые пострадавший несет по причине неправомерного поведения другого лица¹. В обоснование «убыточной» концепции понимания любого вреда, нанесенного неправомерным поведением, часто отмечается, что возмещение убытков представляет собой такой способ защиты гражданских прав, который доступен практически в рамках любого гражданского правоотношения, имеет, таким образом, универсальное значение и может быть использован всегда, за исключением тех случаев, когда законом или договором прямо оговорено иное². Из такого обоснования прямо проистекает понимание вреда как вспомогательной категории, используемой для отражения специфики деликтных обязательств и не несущей при этом иной смысловой нагрузки.

Так, критерием разграничения вреда и убытков считается натуральный характер первого, отношение вреда к обстоятельствам объективной реальности³. Именно вред причиняется делинквентом или неисправным контрагентом, однако для последующего возникновения имущественной обязанности по возмещению правовое значение имеет не сам вред в натуральной форме, а его денежная оценка, каковую и представляют собой убытки⁴. Лишь в редких случаях, когда доступна натуральная форма возмещения (предоставление вещи того же вида, восстановительные процедуры), применима первоначальная конструкция вреда⁵.

¹ См.: *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. – Л., 1958. – С. 437.

² См.: *Добровинская А.В.* Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 4.

³ См.: *Колесниченко О.В.* Придание свойства «возместимости» вреду, причиненному здоровью человека, через конструкцию косвенных убытков: проблемы правопонимания и правоприменения // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2022. – № 3 (184). – С. 10 – 11.

⁴ См.: *Новицкий И.Б., Луиц Л.А.* Общее учение об обязательстве. – М.: Госюриздат, 1954. – С. 365.

⁵ См.: *Острикова Л.К.* Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // *Lex russica*. – 2017. – № 5 (126). – С. 108.

В русле этого же концептуального подхода вред раскрывается в широком смысле как комплекс социальных и правовых последствий правонарушения, включая нарушение норм объективного права, уничтожение или уменьшение ценности конкретного субъективного права, нарушение правопорядка, нормального хода развития общественных отношений и т.п.¹ Разграничение вреда и убытков производится здесь на основании того, что не всякий натуральный вред (физический, имущественный или моральный), обязательно имеет своим следствием «материальные убытки», но именно причинение вреда в таком абстрактном, всеобъемлющем значении создает необходимые условия для его оценки и возмещения². Кроме того, отмечается наличие моральной составляющей в причиненном вреде личности, без учета которой понятие вреда является неполным³. Такое отвлеченное представление, однако, мало помогает в процессе установления вреда как условия наступления деликтной ответственности, напротив, именно благодаря его распространенности понятие вреда, по сути, выводится из области гражданско-правового регулирования, уступая место юридически-значимым убыткам.

В качестве альтернативы для оправдания терминологических различий вред, причиненный вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств, предлагается чисто формально отграничивать от внедоговорного вреда, используя для него категорию «ущерба» и раскрывая его сущностное содержание вновь через конструкцию убытков. Оправдание такого подхода находится в том, что норма ст. 15 ГК РФ об убытках является общей по отношению к специальным положениям, сформулированным в гл. 25 и 59 ГК РФ,

¹ См.: *Малеин Н.С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 8 – 9; *Смирнов В.Т., Собчак А.А.* Общее учение о деликтных обязательствах. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – С. 58; *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – С. 137; *Белякова А.М.* Возмещение причиненного вреда (отдельные вопросы). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – С. 26.

² См.: *Добрачев Д.В.* Развитие института возмещения убытков в свете модернизации российского гражданского законодательства. – М.: Юстицинформ, 2012. – С. 16; *Либанова С.Э.* Гражданско-правовая ответственность: взыскание убытков: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2020. – С. 51.

³ См.: *Лукьяненко М.Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. – М.: Статут, 2010. – С. 94.

и правоприменителю надлежит в каждом конкретном случае вначале установить правовую природу отношений, а затем использовать для случаев наступления неблагоприятных последствий в связи с нарушением договорных обязательств гл. 25 ГК РФ, а для аналогичных последствий, обуславливающих возникновение внедоговорных обязательств, – гл. 59 ГК РФ¹.

Позиция о том, что вред представляет собой частную составляющую убытков, состоящую в уменьшении реальной ценности имущества² (т.е. исключительно реальный ущерб), или же ту часть реального ущерба, которая отражает исключительно стоимость поврежденной вещи без учета сопутствующих затрат на ее замену и упущенной выгоды (эквивалент основного денежного долга в договорных обязательствах)³, также обосновывается в доктрине, однако не встречает в настоящее время достаточного числа сторонников. Как часто обращается внимание, ст. 1082 ГК РФ о деликтном вреде прямо отсылает к общей норме о возмещении убытков (ст. 15 ГК РФ), что, в свою очередь, позволяет констатировать отсутствие достаточной легальной основы для категоричного разграничения «вреда», «ущерба» и «убытков»⁴.

Шаткость такой аргументации, как нам представляется, обусловлена игнорированием общеизвестных правил юридической техники, определяющих соотношение общих и специальных норм, а также алгоритм применения аналогии закона⁵. В действительности, наличие в специальной норме отсылок к нормам общего характера далеко не всегда связано с отождествлением применимой в них

¹ См.: *Дерюгина Т.В.* Теоретические и практические проблемы толкования и применения категорий «убытки», «вред», «ущерб» // *Правовая парадигма*. – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 11.

² См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М.: Спарк, 1995. – С. 396; *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – С. 349 – 350.

³ См.: *Ибрагимова А.И.* Гражданско-правовая сущность и определение понятий вреда и убытков // *Бизнес и право*. – 2013. – № 5. – С. 41.

⁴ См.: *Климович А.В.* К вопросу о понятии «вред» в деликтных обязательствах // *Сибирский юридический вестник*. – 2015. – № 3. – С. 46; *Садилов О.Н.* Убытки в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Статут, 2009. – С. 54, 61; *Васькин В.В.* Возмещение реального ущерба и упущенной выгоды // *Хозяйство и право*. – 1994. – № 3. – С. 116.

⁵ См.: *Колесниченко О.В.* Категории «вред здоровью» и «убытки» в гражданском праве России: проблемы терминологической определенности // *Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов: сб. статей*. – М.: Русайнс, 2021. – С. 258 – 259.

терминологии¹. Вместе с тем, недостаточное внимание к проблемам определения вреда во внедоговорных обязательствах и относительная стабильность гражданско-правового регулирования последних создают такую ситуацию, при которой в большинстве источников различия между указанными терминами четко не проводятся либо отмечается их исключительно редакционный характер.

Несмотря на то, что гл. 59 ГК РФ прямо апеллирует к категории «вреда, причиненного личности или имуществу гражданина», очевидно, что категориям вреда в целом и вреда здоровью в частности редко придается самостоятельное значение, поскольку вред либо в принципе лишается весомого содержательного наполнения, либо используется в качестве термина, синонимичного убыткам или их части – реальному ущербу. При первом подходе отношение к определению вреда как условия наступления гражданско-правовой ответственности напоминает принятый во многих зарубежных правовых порядках двухступенчатый тест для установления другого ее обязательного условия – причинной связи.

Применение данного теста предполагает на начальном этапе характеристику действий (бездействия) правонарушителя в качестве необходимого условия наступления вреда (т.е. фактической причины), а на последующем, также обязательном, этапе – поиск правовых оснований для справедливого вменения такому лицу вредных последствий его поведения (юридической причины)². По аналогии с приведенным подходом наличие вреда в натуральной форме можно рассматривать как первую ступень в процессе определения вреда как условия наступления деликтной ответственности (фактический вред), а обоснование убытков в конкретном размере (юридический вред) – как вторую обязательную ступень, завершающую данный процесс.

Однако описываемый тест доказывания причинной связи в отсутствие специальных правовых презумпций ее наличия, вводимых для защиты

¹ О попытках преодолеть эту ситуацию, конкретизировав сферу применения института возмещения убытков при нарушении относительных имущественных прав, - см.: *Шепель Т.В.* Переосмысление назначения института обязательств из причинения вреда в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 42. – С. 196.

² См.: *Михайлов В.С.* Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. – 2019. – № 4. – С. 82.

потерпевшего как слабой стороны правоотношений, не оказывает качественного влияния на материально-правовое наполнение соответствующего условия, а лишь дает правоприменителю необходимый инструментарий для того, чтобы оценивать его как установленное (или не установленное) в рамках рассмотрения конкретного дела. В свою очередь, отождествление вреда с убытками самым непосредственным образом влияет на толкование и использование данного термина в материально-правовых отношениях. Постановка возможности возмещения вреда в строгую зависимость от доступности комплексной оценки его последствий («юридического вреда», или убытков) непосредственно после причинения таит к себе угрозу необоснованного отказа в защите права, создает путаницу в разграничении частных разновидностей затрат и потерь, возникающих на стороне потерпевшего.

В отношениях, где должны быть определены гражданско-правовые последствия посягательства на здоровье, отождествление вреда и убытков связывается с попытками разложить такие последствия сообразно видам убытков, определенным в ст. 15 ГК РФ. Очевидное неудобство этой задачи для исследователей нередко приводит к внутренним противоречиям в обосновании и непоследовательному изложению собственной позиции. Так, в частности, свойство упущенной выгоды придается утраченному доходу пострадавшего, который он имел при отсутствии повреждения здоровья¹.

Приведение этих терминов в качестве синонимов чаще основывается на использовании в соответствующих статьях ГК РФ (ст. ст. 15, 1085 – 1086) общего термина «доход»², в то же время, не подлежат качественной оценке и сопоставлению с характеристиками утраченного заработка (дохода) такие неотъемлемые свойства упущенной выгоды, как возможность извлечения дохода «при обычных условиях гражданского оборота» в будущем, вероятностный характер (самого наличия, а не порядка расчета) данной составляющей убытков, наконец, направленность конструкции упущенной выгоды на восстановление

¹ См.: *Шевчук Е.П.* Проблемы определения размера возмещения вреда, причиненного здоровью при оказании медицинских услуг // *Глаголь правосудия.* – 2015. – № 2 (10). – С. 11.

² См.: *Острикова Л.К.* Указ. соч. – С. 109.

положения, которое могло бы существовать в случае надлежащего исполнения сторонами принятых на себя, преимущественно, договорных обязательств¹.

Из формулировки ст. 15 ГК РФ об обычных условиях гражданского оборота следует вовлеченность понесшего упущенную выгоду лица в отношения в сфере такого оборота, наличие потенциальной возможности извлечения им дохода непосредственно от осуществления соответствующих видов экономической деятельности – предпринимательской и иной возмездной, опосредуемой конструкцией гражданско-правового договора. Применительно к утраченному заработку (доходу) источник не представляется качественной характеристикой, и, к тому же, различие в правовом статусе потерпевшего в сфере занятости не может считаться основанием для принципиально разного определения правовой природы одной и той же составляющей вреда здоровью. В противном случае сложно было бы говорить о системности гражданско-правового регулирования.

Далее, доказывание наличия упущенной выгоды не предполагает обязательного обоснования потерпевшим дохода, извлекаемого им в прошлом от аналогичных операций и (или) в сходных условиях, тогда как средний заработок (доход) пострадавшего до травмы представляет собой главный ориентир при определении размера возмещения. Обращение к прошлому времени не приводится в легальном определении упущенной выгоды («...доходы, которые это лицо *получило бы...*» – ст. 15 ГК РФ), но со всей определенностью звучит для утраченного заработка (дохода) («...который он *имел либо определенно мог иметь...*» – ст. 1085 ГК РФ)².

Наконец, и это обстоятельство также принципиально игнорируется, несмотря на очевидность, элемент упущенной выгоды предполагает отнюдь не возврат в то положение, которое существовало до нарушения права, но присуждение конкретных сумм в расчете полностью нивелировать такое нарушение. Как справедливо отмечается при анализе и сравнении экономического

¹ См.: *Добровинская А.В.* Понятие и случаи ограниченной ответственности в гражданском праве // *Lex russica.* – 2017. – № 5. – С. 155.

² См.: *Колесниченко О.В.* Категории «вред здоровью» и «убытки» в гражданском праве России: проблемы терминологической определенности. – С. 260.

содержания договорных и деликтных правоотношений, исполнение договора направлено на достижение положительного результата для сторон, желающих приобрести «больше, чем они имеют сами»¹. Деликтные правоотношения, напротив, имеют обязательным условием своего возникновения снижение благосостояния субъектов. Более того, в отличие от сторон договора, которые закладывают возможные издержки в избранную договорную конструкцию, потенциальный потерпевший всегда пассивен и не имеет юридической возможности влиять на ход событий или действий, способных привести к причинению вреда.

Как результат, при возмещении упущенной выгоды, задуманной как средство обеспечения экономического баланса, характерного для обычных условий гражданского оборота, «восстанавливаются» не первоначальные возможности, которыми располагал участник такого оборота, но то его имущественное состояние, которое является наиболее предпочтительным и желательным и на которое он мог разумно рассчитывать при добросовестном поведении ответчика (на это указывает также п. 2 ст. 393 ГК РФ). Это различие подспудно свидетельствует о применении конструкции упущенной выгоды лишь в ситуации наличия предшествующих регулятивных отношений между сторонами либо между одной из сторон и третьим лицом, при условии, что для таких отношений проявлением неблагоприятного воздействия является лишение добросовестного субъекта возможности воспользоваться их обычными результатами и преимуществами².

В контексте попыток разграничения деликтного вреда и неблагоприятных последствий нарушения договора весьма любопытной является доктрина экономических потерь, реализуемая, в частности, в США и предполагающая, что наличие потерь, отличных от телесных повреждений и материального вреда

¹ См.: *Манджиев А.Д.* Свобода воли в договорных правоотношениях. – М.: Статут, 2017. – С. 59.

² О связи масштаба добросовестного поведения с выбором правовых средств защиты кредитора при дефектах в динамике исполнения обязательства см.: *Соломин С.К., Соломина Н.Г.* Добросовестность в гражданском праве: монография. – М.: Юстицинформ, 2018. – С. 120.

имуществу (экономических потерь), не создает предпосылок для применения норм о деликтных обязательствах. Собственно, само существование ограничительного правила здесь объясняется тем, что при определении условий договора стороны в состоянии не только определить в нем объем прав и обязанностей, но и предусмотреть механизмы распределения возникающих экономических рисков или их страхования.

По этой причине доктрина, разработанная изначально для целей регулирования ответственности за качество продукции, запрещает применение деликтного права для ситуаций, когда пострадавшая сторона испытывает «простое» разочарование от результата исполнения вследствие его несоответствия исходным ожиданиям, без причинения физического вреда или ущерба имуществу. В различных юрисдикциях существуют исключения из сферы действия этого запрета, позволяющие задействовать деликтный механизм возмещения, к примеру, в случае проявления нарушителем грубой небрежности, при нарушении некоей независимой обязанности, не обусловленной содержанием и природой договора, и др.¹

Удивительно созвучны доктрине экономических потерь воззрения Ю.Э. Монастырского, признающего правовые категории деликта и причинения вреда играющими автономную регулируемую роль в гражданском праве. Подвергая резкой критике универсализацию убытков, выраженную в придании этой правовой категории значения универсального средства определения стоимости любого нарушенного субъективного права, автор обосновывает весьма неординарный способ разрешения этого терминологического (и не только) конфликта. В попытке вернуть убыткам значение инструмента экономической оценки последствий виновного противоправного нарушения одной из сторон принятых на себя обязательств, предлагается различать вред в широком значении как ущерб, состоящий в утрате стоимости имущества, и деликтное повреждение, предполагающее исчезновение определенного объекта посягательства

¹ См.: *Goodman J.L., Peacock D.R., Rutan K.J. A guide to understanding the economic loss doctrine // Drake Law Review. – 2019. – Vol. 67. – P. 9 – 11, 27 – 32.*

(«физического» объекта, под которым могут пониматься вещи, жизнь, здоровье и др.). Сферой применения конструкции убытков при таком понимании не может считаться возложение обязанности по возмещению вреда независимо от вины, а равно возмещению вреда, причиненного правомерными действиями¹.

Представляется, что выбор правовой формы для восстановления пострадавшей стороны после совершенного нарушения в целом проблематично произвести по тому основанию, что один «ущерб» требует уничтожения объекта посягательства, а другой состоит в утрате его стоимости. Упомянутая «утрата стоимости» как раз и является одним из признаков снижения ценности охраняемого интереса или блага вне зависимости от того, вследствие нарушения какой из обязанностей (договорной или законной) возникли такого рода неблагоприятные последствия. Очевидно, что повреждение имущества может быть вызвано правонарушением, а может представлять собой проявление неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, важно лишь то, что любая защитная конструкция ориентирована на достижение конкретной цели, защищает только те права и интересы, существование которых ею предусматривается, а потому повреждение имущества при наличии договора может быть как связано с его основным содержанием, так и представлять собой явление совершенно внешнее по отношению к обязательству.

Ущерб фактический в том и другом примере может выражаться внешне в однопорядковых значениях, ущерб юридический зависит от характера правовых связей между субъектами, направленности посягательства. Именно по этой причине представляется столь важным определить, какое именно положение потерпевшего дестабилизировано допущенным нарушением, какие права и интересы попадают в сферу действия защитного механизма.

Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что в случае с вредом затронутыми являются интересы или ожидания субъектов, с помощью которых может быть выражена ценность объекта посягательства, а в случае с нарушением

¹ См.: *Монастырский Ю.Э.* Требования из причинения вреда - особый путь отечественной цивилистики // *Хозяйство и право.* – 2022. – № 5. – С. 33, 46.

договора – интересы или ожидания, которые стороны преследовали или выражали при его заключении. Однако это не исключает, что ориентиры для оценки вызванных нарушением договора убытков могут использоваться для определения ценности пострадавшего блага, ибо в обоих случаях критерии их оценки дает сам гражданский оборот. Ни один из этих вариантов априори не может считаться «объемнее» другого, больше по размеру исключительно из-за отнесения к сфере регулирования деликтных или договорных отношений¹.

В то же время, определение восстанавливаемого положения в случае с причинением вреда таким благам, как здоровье, свобода, достоинство личности, не только не ограничивается разумными ожиданиями субъектов гражданского оборота, проистекающими из правовой сущности и конкретного наполнения избранной ими договорной конструкции. Главной проблемой здесь является отсутствие устойчивых ориентиров для развернутой характеристики общих ожиданий, связанных с обеспечением сохранности соответствующих благ и их использованием в различных сферах жизнедеятельности. Это, в свою очередь, приводит к попытке ориентации на давно известные цивилистике, широко применяемые конструкции и подходы к их доктринальному толкованию, коими и являются убытки.

Развивая известный тезис о связи отечественной цивилистики с правом Германии², заметим, что генетический код гражданского права России в значительной степени определяет заимствованное из данного источника представление о подразделении имущественного притязания на требования о долге («Schuld» - нем.) и ответственности («Haftung» - нем.)³. Подход, при котором наступление ответственности связывается с наступлением дополнительных неблагоприятных последствий для нарушителя, проистекающих

¹ См.: *Либанова С.Э.* Проблемы возмещения убытков и пути их решения в XXI веке // Государство и право: теория и практика. – 2017. – № 3 (8). – С. 27.

² См.: *Суханов Е.А.* О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2006. – Т. 6. – № 2. – С. 5 – 6.

³ См.: *Арсланов К.М.* Понятие гражданско-правовой ответственности по германскому праву // Ученые записки Казанского университета. – Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – Кн. 4. – С. 103 – 107.

из долга, преподносится как основанный на таком делении¹. При этом, если для договорных обязательств считается возможным проследить момент перехода долга в ответственность², в деликтных обязательствах такого перехода не отмечается, поскольку обязанность тождественна ответственности. Собственно, основным содержательным наполнением таких обязательств признается именно эта «дополнительность»³, т.е. убытки.

На фоне таких категоричных суждений, однако, важно вспомнить о том, что первоначальное обоснование различий между долгом и ответственностью было впервые предложено и обосновано немецким ученым А. фон Бринцем в качестве фундаментальной основы теории ответственности на примере расчленения обязательства на пассивной стороне, связываемого с появлением фигур гарантов исполнения⁴. Появление категории *haftung* позволило обеспечить юридическую самостоятельность контрагента, сохранить за ним возможность исполнения обязательства (*schuld*).

В приведенной трактовке, как видно, речь идет не о разграничении в объеме взыскания компонентов, отвечающих за содержание основного долга и дополнительных имущественных последствий, позволяющем определять деликтный вред исключительно через конструкцию убытков. Более того, ответственность обоснованно признается средством, придающим поведению лиц, участвующих в обязательстве, «необходимое правовое измерение», именно за счет наличия правовой возможности для принудительного исполнения долга⁵.

¹ См.: *Захаров Д.Е.* Неисполнение обязанности как основание гражданско-правовой ответственности за нарушение договора по законодательству Германии // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 153 – 154.

² См.: *Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Г. Карапетова.* – М.: Статут, 2017. – С. 803.

³ См.: *Гринь О.С.* Особенности ответственности по обеспечительным обязательствам // *Lex russica (Русский закон).* – 2017. – № 5. – С. 51.

⁴ Цит. по: *Дождев Д.В.* Правовое общение: опыт римского права. – М.: Институт государства и права РАН. – 2012. – С. 31 – 32.

⁵ См.: *Халабуденко О.А.* К вопросу о понятии «обязательство» и систематизации правового материала, посвященного обязательственному праву, в европейской правовой культуре // *Проблемы гражданского права и процесса: сборник статей / под ред. И.Э. Мартыненко.* – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2017. – С. 269.

При заданном понимании ответственности таковая может восприниматься не только и не столько как дополнительная имущественная санкция, но и как комплексный правовой механизм, включающий в себя компоненты принуждения и наказания, даже как этап исполнения долга¹.

Простое арифметическое сложение компонентов обязанности и ответственности со всей очевидностью не соотнобразуется с логикой построения как традиционных гражданско-правовых институтов², так и новелл нормативного правового регулирования обязательственных отношений. Как минимум, нельзя игнорировать существования защитных механизмов, хотя бы и имеющих в себе компонент «дополнительности», но призванных стимулировать субъектов к добросовестному поведению, исполнению долга в обязательственных отношениях. Речь здесь идет и о «классической» неустойке, доступной к применению вместо или вместе с взысканием убытков (ст. 330 ГК РФ), и об относительно новых институтах астрента (п. 1 ст. 308.3 ГФ РФ) и возмещения потерь (ст. 406.1 ГК РФ).

Принцип действия первого из названных институтов состоит в присуждении «квазинеустойки», обеспечивающей фактическое удовлетворение интересов пострадавшей стороны, связанных с исполнением обязательства в натуре³, применительно же ко второму особое денежное представление в принципе не обуславливается неисполнением тех или иных обязанностей, но осуществляется в силу факта наступления оговоренных сторонами обстоятельств. Широкий спектр действия таких правовых инструментов подчеркивается, в т.ч., и тем, что Пленум Верховного суда РФ не отделяет их от мер ответственности за нарушение обязательств⁴.

¹ См.: *Арсланов К.М.* Указ. соч. – С. 106 – 107.

² См.: *Торкин Д.А.* Возмещение убытков и гражданско-правовая ответственность в условиях рыночной экономики // Современное право. – 2014. – № 2. – С. 87 – 88.

³ См.: *Витрянский В.В.* Общие положения об обязательствах // Кодификация российского частного права: сборник статей / под ред. Д.А. Медведева. – М.: Стаут, 2019. – С. 215 – 216.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Рос. газ. 2016. 04 апр.

С другой стороны, несправедливым было бы и упрощать категорию вреда, считать, что обязательства по его возмещению предопределяют возврат потерпевшей стороны в первоначальное состояние, лишенный «многоуровневости» вследствие отсутствия деления защищаемого интереса на позитивный и негативный¹. В самом деле, в гл. 59 ГК РФ категории ответственности и обязанности также применяются в сочетании, причем, если ст. ст. 1068-1070, 1073-1080 ГК РФ устанавливают правовой режим ответственности для ряда случаев, в § 2 этой главы, непосредственно посвященном обязательствам из причинения вреда жизни и здоровью, широко используется категория обязанности. Этот термин используется при регулировании вопросов определения объема и характера возмещения, порядка уплаты соответствующих платежей и их последующего изменения.

Упоминание в абз. 2 п. 1 ст. 1064 ГК РФ обязанности возмещения вреда в контексте возможности ее перекладывания на лицо, не являющееся делинквентом, и вовсе позволяет предполагать в структуре возместительной обязанности существование компонентов, близких по своему содержанию и значению к ответственности и долгу. Положения абз. 2 п. 2 и п. 3 ст. 1083 ГК РФ при этом могут рассматриваться в качестве правовых предпосылок, позволяющих использовать структурные элементы вреда, подлежащего возмещению, в качестве вспомогательного средства, создающего или усиливающего компонент ответственности в компенсационных отношениях. Однако, поскольку круг интересов, вытекающих из потребности в обеспечении сохранности нематериального блага, невозможно определить с опорой на известные договорные конструкции, следование этому пути требует обращения к особой, наделенной самостоятельным правовым содержанием, терминологии, отличной от «универсальных» убытков.

Стоит заметить, что в учебной литературе и комментариях к законодательству придерживающиеся точки зрения о единстве структуры вреда и

¹ О составляющих защищаемого интереса в обязательственных отношениях см.: Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 108.

убытков авторы все же вводят для определения вреда здоровью отдельные обозначения, указывая тем самым, хотя бы и вне рамок обособленных теоретико-правовых концепций, на специфику его гражданско-правовой оценки. Например, в одном из популярных комментариев к ГК РФ при рассмотрении норм об ограничении размера возмещения убытков при действиях в чужом интересе (п. 1 п. 1 ст. 984 ГК РФ), подчеркивается, что, поскольку в состав возмещения может быть включен только реальный ущерб, представляется возможным говорить о возмещении стоимости поврежденного имущества, принадлежащего действующему лицу, а равно «потерь от причинения вреда здоровью»¹.

Исследование юридической природы права на жизнь приводит В.П. Мозолина к констатации «материально-субстанционального» характера данного права и выделению в качестве базового его правомочия здоровья, тогда как аргумент о неразрывной связи личных неимущественных прав и других нематериальных благ позволяет признать сугубо компенсационный характер для требований, заявляемых пострадавшим в данном случае. Заметим, что никаких противоречий, связанных с невозможностью оценки причиненного вреда, автор здесь не видит. При общем выводе о двуединой структуре вреда здоровью и признании утраченного заработка (дохода), расходов на лечение и других дополнительных затрат разновидностями убытков, обращается внимание на невозможность разложения на прямой ущерб и упущенную выгоду моральной составляющей². Последнее утверждение могло бы поставить под сомнение целесообразность использования конструкции убытков для вреда здоровью в принципе. В целом же, отдельные «полунамеки» и «полутона» в российском деликтном праве не формулируют разумной альтернативы «убыточной» концепции.

Вне контекста исследования противоречивых взаимосвязей между категориями убытков, долга и ответственности, следует обратить внимание на

¹ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части II (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – С. 687.

² См.: Мозолин В.П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // Журнал российского права. – 2012. – № 11. – С. 38 – 39.

еще одну группу доводов, позволяющих, на взгляд сторонников «убыточной» концепции, считать термин «убытки» единственным доступным для использования в отношениях возместительной направленности, выступающих в качестве теоретического базиса исследуемой концепции. В их числе присутствуют традиционные аргументы о том, что вред здоровью, во-первых, не может быть подвергнут денежной оценке¹, во-вторых, своим возмещением не восстанавливает здоровья пострадавшего², и, в-третьих, именно в целях обеспечения его компенсированности фиктивно отождествляется с неким условным набором имущественных потерь (убытков), возникающих в имущественной сфере последнего в качестве опосредованных последствий совершенного правонарушителем деяния³.

Будучи наиболее часто транслируемыми в доктрине российского деликтного права под лозунгами об особой ценности такого нематериального блага, как здоровье, и неэтичности самой постановки проблемы возмещения причиненного ему вреда посредством назначения денежных выплат, перечисленные аргументы в своей совокупности порождают закономерный вопрос: отвечает ли представление о косвенном (опосредованном) характере возмещаемого вреда здоровью его истинной правовой природе и не является ли столь акцентированное выражение «заботы» о пострадавшем причиной действия в российском деликтном праве парадоксальной формулы «не возместить нельзя

¹ См.: *Андреев В.К.* Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 30; *Ханукаев Ю.Э.* Место и значение обычая в регулировании отношений, связанных с осуществлением нематериальных благ в РФ // Нотариус. – 2017. – № 5. – С. 20; *Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало.* – М.: Статут, 2018. – Т. 1. – С. 215 и др.

² См.: *Махиборода М.Н.* Общие положения гражданско-правовой ответственности на транспорте как источнике повышенной опасности по законодательству Российской Федерации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – С. 39.

³ См.: *Болдырев В.А.* Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина: учебное пособие / В. А. Болдырев. – Омск: Омская академия МВД России, 2006. – С. 8; *Дюбко Е.Г.* Защита нематериальных благ и неимущественных прав граждан и юридических лиц в гражданском праве России. – М.: «Дашков и К^о», 2014. – С. 70; *Кузнецова О.В.* Возмещение морального вреда: практическое пособие. – М.: Юстицинформ, 2009. – С. 16; *Фогельсон Ю.Б.* Страхование право: теоретические основы и практика применения. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – С. 46; *Шевчук Е.П.* Там же и др.

оценить», где запятая выставляется сообразно научным воззрениям большинства исследователей?

Для начала обратим внимание на то, насколько критически относится отечественная наука гражданского права к самой возможности возмещения имущественных потерь, которые по тем или иным причинам не рассматриваются в качестве прямого следствия правонарушения, и, собственно, в какой степени невосприимчивыми остаются не только научное сообщество, но и судебная практика к классификации убытков на прямые и косвенные. Так, еще Г.Ф. Шершеневичу принадлежит высказывание о том, что гражданское законодательство может обязать виновника к возмещению только прямых убытков¹. В обоснование такой позиции автором отмечалось, что косвенные убытки создаются не только правонарушительным действием, но и другими сопутствующими обстоятельствами, благодаря которым вред может «неожиданно увеличиваться»².

Различие между прямыми и косвенными убытками строится на предположении о том, что только прямые убытки являются непосредственным следствием нарушения обязательства, тогда как ключевой особенностью косвенных является их случайность, вследствие которой они и не подлежат возмещению³. Замена случайности на обусловленность «различными привходящими обстоятельствами» позволяет допустить отнесение к категории косвенных убытков возмещаемой пострадавшему упущенной выгоды⁴, однако в большинстве случаев рассматриваемая классификация признается не имеющей ни научной, ни практической значимости по причине отсутствия четких и

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права в 2-х т. – М.: бр. Башмаковы, 1914. – Т. 2. – С. 235.

² См.: Колесниченко О.В. Придание свойства «возместимости» вреду, причиненному здоровью человека, через конструкцию косвенных убытков: проблемы правопонимания и правоприменения. – С. 11.

³ См.: Поздняков В.С., Садиков О.Н. Правовое регулирование отношений по внешней торговле СССР. – М.: Междунар. отношения, 1985. – Ч. I. – С. 160.

⁴ См.: Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М.: Юрид. лит., 1970. – С. 137 – 138; Архипов Е.П., Макарова М.Э. Особенности подсчетов экономического ущерба от ЧС // Московский экономический журнал. – 2019. – № 9. – С. 246.

определенных критериев для обособления различных категорий убытков¹. Подчеркивается недопустимость введения в научный оборот полисемичного термина, в реальности обозначающего собой «вовсе и не убытки», а неясные по своему правовому значению потери, которые, по общему правилу, не подлежат возмещению кредитором².

На общем фоне категоричных рассуждений о путанице, которая может порождаться в правоприменительной практике в связи с обоснованием категории косвенных убытков, лишь изредка звучат аргументы о том, что данная категория все же заслуживает внимания со стороны ученых, легитимизируясь в некоторых источниках договорного права (например, в ст. 143 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ, ст. 34 Всемирной почтовой конвенции 1957 г.³).

Проблемы определения реального правового содержания и области применения категории «имущественных потерь», к которым должник не имеет непосредственного отношения, дискутируются в рамках анализа содержания упомянутой ст. 406.1 ГК РФ. Между тем, действие норм данной статьи, как известно, распространяется исключительно на отношения между участниками предпринимательской деятельности и требует достижения ими специального соглашения, фактически направленного на перераспределение присущих такой деятельности рисков⁴. Законодатель, таким образом, разделяет потери, компенсируемые по правилам указанной статьи, и убытки, связанные с нарушением обязательства. Заметим, однако, что термин «потери» имеет здесь скорее обобщающее, чем исключительное значение. Под потерями в широком смысле следует понимать любое ухудшение, обнаруживаемое в конкретном благе,

¹ См.: *Новицкий И.Б., Луниц Л.А.* Указ. соч. – С. 372.

² См.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. – М.: Статут, 2001. – С. 525; *Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина.* М.: Статут, 2019. – С. 494.

³ См.: *Добровинская А.В.* Понятие и случаи ограниченной ответственности ограниченной ответственности в гражданском праве // *Lex russica.* – 2017. – № 5 (126). – С. 151.

⁴ См.: *Василевская Л.Ю.* Возмещение потерь по российскому и прецедентному праву // *Lex russica.* 2017. – № 5. – С. 194 – 204; *Богданов Д.Е.* Возмещение потерь в российском и зарубежном праве // *Lex russica.* – 2017. – № 5. – С. 174 – 193; *Кархалев Д.Н.* Возмещение потерь по правилам статьи 406¹ Гражданского кодекса Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2017. – № 2. – С. 75 – 78.

состоянии (имущественном или физическом) пострадавшего лица, независимо от того, доступно ли понесшему их лицу возмещение посредством взыскания убытков или обращения к мерам гражданско-правовой ответственности в целом.

Наряду со всем сказанным, для обозначения отдаленности отдельных составляющих причиненного вреда от противоправного деяния, послужившего катализатором его возникновения, используется не только критерий наличия встраиваемых между деянием и неблагоприятными последствиями случайных обстоятельств, но и представление о предвидимости или непредвидимости отдельных последствий правонарушения¹. Концепция предвидимости убытков также считается обоснованной для целей договорного права, в частности, нормативной базой ее применения служит ст. 74 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров².

В то время как среди отечественных цивилистов предвидимость чаще относится к субъективной стороне правонарушения и оценивается исключительно в рамках установления вины делинквента³, данная категория особенно полезна тем, что подчеркивает разницу между отдаленностью неблагоприятных последствий и обусловленностью таковых исключительно случайными факторами. В самом деле, первоначальное действие (бездействие) делинквента является причиной возникновения вреда, который впоследствии может послужить самостоятельной причиной возникновения и развития дальнейших, причем нередко вполне закономерных, неблагоприятных последствий в различных сферах жизнедеятельности пострадавшего. Для этого совсем необязательно воздействие каких-либо внешних сил и, тем более, случайных факторов.

¹ См.: *Васькин В.В.* Виды убытков по закону // Советское государство и право. – 1976. – № 2. – С. 49.

² См.: Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11 апреля 1980 г.). – URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Указ. соч. – С. 531; *Дождев Д.В.* Объективные критерии освобождения от ответственности в гражданском праве // Гражданское право. – 2017. – № 2. – С. 14; *Богданов Е.В.* Случай и непреодолимая сила: проблемы правоприменения и дифференциации // Юрист. – 2018. – № 3. – С. 37 и др.

Так, повреждение здоровья, выражающееся в утрате профессиональной трудоспособности, преломляясь в сознании и восприятии конкретного человека, закономерно влечет за собой нравственные страдания в связи с утратой прежних деловых связей, невозможностью профессиональной самореализации, чувством беспомощности и пр. Очевидна опосредованность данной составляющей морального вреда, однако совершенно не явно, что такая опосредованность обусловлена воздействием каких-либо случайных встроенных факторов (таковые попросту отсутствуют). Тем более, не имеет правового значения, предвидел ли делинквент такую индивидуальную реакцию пострадавшего, особенно если учитывать, что во внедоговорных обязательствах не предполагается наличие предшествующих юридически значимых связей между субъектами, а преобладающей формой вины служит неосторожность.

Предвидимость как фактор, оцениваемый при взыскании договорных убытков, часто служит также критерием разграничения типичных (обычных и предполагаемых) и необычных последствий допущенного нарушения, с акцентом на том, что в договорных обязательствах возможность учета предполагаемых издержек создает предпосылки для ограничения размера компенсации лишь разумно предвидимым ущербом. Объем внедоговорной ответственности значительно шире и предполагает возмещение и весьма необычных составляющих вреда, если таковой причинен правонарушением¹.

Обоснованно отвергая предвидимость как излишне субъективный критерий, имеющий отношение, в первую очередь, к сфере психической деятельности человека, нельзя не обратить внимания на то, как отдельные зарубежные правовые порядки обосновывают пределы возмещения вреда и убытков в зависимости от особенностей развития причинно-следственных связей. К примеру, в английском праве возмещаемыми признаются не только такие убытки, которые обе стороны могли разумно предполагать в момент совершения договора как вероятный результат его нарушения, но и любые убытки, представляющие собой

¹ См.: *Gilmore G. The Death of Contract.* – Columbus: Ohio State University Press, 1974. – P. 93; *Торкин Д.А.* Теории возмещения договорных убытков в странах англо-американской правовой системы // *Российский юридический журнал.* – 2020. – № 3 (132). – С. 105.

«нормальное проявление обычного хода вещей» исходя из непреложного действия принципов разумности и справедливости. Именно эти два принципа используются в правоприменительной практике для обособления чрезмерно «отдаленных» убытков («remote damages» – англ.), на взыскание которых добросовестный контрагент претендовать не вправе¹.

Терминологически обслуживающая такой подход правовая доктрина определяет слишком отдаленный («too remote» – англ.) вред не как причиненный, а как наступивший, отмечая при этом и тот факт, что не только ответчик имеет к нему отношение². Иными словами, при соблюдении обычной последовательности событий, в которую не вмешиваются значимые посторонние факторы, отстояние отдельных потерь от происшествия по времени само по себе не является препятствием для их возмещения при условии, что предвидеть наступление неблагоприятных последствий соответствующего вида и рода мог «разумный человек». Степень предвидимости, однако, существенно различается в зависимости от того, идет ли речь о договорной или деликтной ответственности. В первом случае она должна охватывать не абстрактную, а реальную возможность наступления вреда в конкретном размере, во втором допускается возмещение и такого вреда, который непосредственно не следует за деянием делинквента³.

В немецкой доктрине и судебной практике в спорных случаях наступления отдаленных неблагоприятных последствий вредоносного воздействия для поиска юридически-значимой причинной связи используется телеологический прием, согласно которому вред подлежит возмещению лишь в том случае, если причиной его возникновения выступает реализация именно той угрозы, на уменьшение или предотвращение которой было направлено действие конкретной защитной нормы. Иными словами, в каждом таком спорном случае надлежит исследовать и определить, являются ли наступившие отрицательные последствия результатом

¹ См.: Ансон В. Договорное право. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 347 – 348.

² См.: Романов А.К. Деликтная ответственность в английском праве. – М.: Ин-т МИРБИС, 2011. – С. 202.

³ См.: Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие / отв. ред. М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 124.

нарушения законодательного запрета, предоставляющего в случае его нарушения право на возмещение причиненного вреда, соответствуют ли они тем угрозам, против которых смысл и цели данного запрета были направлены согласно воле законодателя.

При таком подходе применение защитной нормы, целью которой является предотвращение возникновения вреда личности или собственности, исключает возмещение так называемых «чисто экономических убытков» («pure economic loss» – англ.), конструкция которых направлена на защиту не конкретного права или блага, но общих экономических интересов граждан и организаций¹. Руководствуясь данной логикой, юридически значимым, а значит и возмещаемым вредом в случае повреждения здоровья гражданина являются, в частности, расходы на лечение, но не затраты на оплату услуг адвоката в рамках участия в уголовном деле, поскольку деликтный закон не защищает потерпевшего от таких рисков, так как участником производства по уголовному делу может стать каждый². Сказанное, впрочем, не исключает действия самостоятельных процессуальных норм о судебных издержках. Приведенный пример, как и все попытки исследования предвидимости или отдаленности ущерба, достаточно показательно возвращает нас к проблеме достоверного определения объекта нарушения, понимания различий между ожиданиями, ориентированными на приращение имущества в результате нормального развития обязательственных отношений, и ожиданиями, связанными с сохранностью нематериального блага.

Неудивительно при этом, что в странах общего права предпринята попытка решить проблему опосредованного вреда аналогичным способом, что и в Германии, для чего в исках из небрежности («negligence» – англ.) исследуется вопрос о том, является ли причиненный вред результатом нарушения делинквентом обязанности соблюдать разумные меры предосторожности («duty

¹ См.: Колесниченко О.В. Придание свойства «возместимости» вреду, причиненному здоровью человека, через конструкцию косвенных убытков: проблемы правопонимания и правоприменения. – С. 12 – 13.

² См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: в 2-х тт. – Том II. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт / Пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2010. – С. 604 – 606.

of care» – англ.) в отношении данного потерпевшего исходя из имеющегося правового регулирования. На деле, однако, подходы, принятые в каждом из правопорядков, так или иначе связаны с применением стандарта разумного человека, отвечающего только за те имущественные последствия своих действий (бездействия), которые могли бы быть предотвращены при условии проявления им требуемой таким стандартом степени предусмотрительности и осторожности. Согласно этому стандарту, каждый разумный человек обязан отвечать за причинение вреда здоровью потерпевшего, оплачивая необходимые расходы на лечение и реабилитацию в связи с утратой конечности, но не обязан при этом отвечать за смерть этого потерпевшего спустя много лет по причине того, что из-за ограниченной подвижности он не смог укрыться в убежище от артобстрела¹.

Оставляя за скобками дискуссию о достаточности принципов разумности и справедливости для обособления деликтного вреда на отдаленный и «не слишком», прямой или косвенный и т.п., заметим, что Гражданский кодекс РФ в некотором роде намекает, если можно так выразиться, на опосредованный характер отдельных разновидностей неблагоприятных последствий, вызванных правонарушением, в одном показательном случае – когда речь идет о моральном вреде. Так, исходя из ст. 151 ГК РФ механизм образования морального вреда предполагает совершение вредоносных действий, причинение вреда принадлежащему гражданину нематериальному благу и, далее, появление неблагоприятных последствий, выражающихся в физических и нравственных страданиях (в силу ст. 151 ГК РФ моральный вред причиняется «действиями (бездействием), «нарушающим личные нематериальные права или нематериальные блага», т.е. непосредственным объектом вредоносного воздействия не является психическая сфера пострадавшего).

Словесная формула, содержащаяся в ст. 151 ГК РФ, однако, представлена столь двусмысленным образом, как если бы законодатель допускал не наличие отдаленных факультативных последствий противоправных действий, но одномоментное причинения вреда нескольким, самостоятельным по своему

¹ См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. – С. 605.

правовому значению, равноуровневым охраняемым правам или благам. В действительности же физические страдания (боль от полученных травм или заболевания) чаще служат прямым следствием вредоносного действия, а вот нравственные страдания, напротив, опосредованы первоначальным фактом умаления охраняемого нематериального блага, т.е. в единое понятие «морального вреда» включены как прямые, так и опосредованные последствия правонарушения.

Следует полагать, что именно сочетание прямого и опосредованного в категории морального вреда обуславливает наличие такого самостоятельного способа защиты гражданских прав, как компенсация морального вреда, наряду с возмещением убытков и восстановлением положения, существовавшего до нарушения права, согласно ст. 12 ГК РФ. В ином случае в доктрине и правоприменительной практике пришлось бы искать оправдание для столь ярко отвергаемой категории косвенных убытков.

Применительно к вреду здоровью § 2 гл. 59 ГК РФ не содержит формулировок о причинении вреда в виде утраченного заработка (дохода), дополнительно понесенных расходов и т.п. действиями (бездействием), причиняющими вред здоровью. В равной мере, указанные потери и расходы не определяются в качестве результата или следствия такого причинения. Наряду с этим, законодатель избегает прямого определения объема и характера возмещения вреда здоровью, раскрывая в ст. 1085 ГК РФ эти категории для «вреда, причиненного *повреждением здоровья*», что позволяет отдельным авторам предполагать наличие многозвенной причинной связи в деликтных обязательствах данного рода, когда требуется вначале установить причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступившим увечьем, и лишь затем причинную связь между увечьем и утраченным

потерпевшим заработком и иным доходом (потерей трудоспособности), дополнительными расходами¹.

Воспринимать такой подход для использования в правоприменительной деятельности можно, либо отрицая само существование вреда здоровью без подтвержденных, фактически понесенных затрат и потерь, либо признав опосредованную причинно-следственную связь юридически значимой в возникающих деликтных обязательствах. Каждый из этих путей представляется спорным с позиции законодательства и предшествующего опыта развития цивилистической доктрины.

В частности, требование доказательства фактически понесенных затрат и потерь исключает возможность возмещения утраченного заработка (дохода) несовершеннолетнему или безработному, препятствует реализации натуральной формы возмещения вреда в виде прямой оплаты необходимых пострадавшему медицинских или социально-реабилитационных услуг, лишает пострадавшего гарантий в виде возможности любых выплат на будущее время, отрицает вред здоровью, если последствия правонарушения преодолены за счет развитой системы социальной помощи и медицинского обеспечения. Последнее, в свою очередь, исключает право регресса для субъектов, оказывающих потерпевшему социальные и медицинские услуги.

Наряду с этим, любая из выработанных отечественной правовой доктриной теорий причинной связи рассматривает вред как следствие правонарушения, а не иных его неблагоприятных последствий – с некоторыми акцентами на нормальность или типичность таких последствий для нарушений данного рода (теория адекватной причинно-следственной связи²), необходимость происхождения неблагоприятных последствий от данных нарушений,

¹ См.: *Шевченко А.С., Шевченко Г.Н.* Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. – М: Статут, 2013. – С. 37; *Гавзе Ф.И.* Возмещение вреда, причиненного механизированным транспортом. – Минск: Университетское, 1988. – С. 7.

² См.: *Гражданское право: учебник.* – Т. 1 / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. – С. 327; *Семенова А.Е.* Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. – С. 18 и др.

обусловленную наличием с ними тесных внутренних, а не случайных внешних связей (теория необходимой и случайной причинной связи¹), либо обязательностью такого происхождения в конкретных условиях (теория необходимой причинной связи²), и др.

Несмотря на интерес к косвенным факторам, которые могут учитываться, если ими создается отклонение от обычных результатов человеческой деятельности (например, в рамках теории создания ненормальной обстановки³), исследование непосредственного и опосредованного в системе причинных связей приводит либо к выводу о необходимости учитывать ближайшее по отношению к вреду явление в качестве его юридической причины, либо выискивать среди таких явлений те, которые обусловили действительность результата⁴. Дать ответ на вопрос о правомерности заявления к возмещению имущественных потерь, являющихся следствием причиненного физического вреда, могла быть теоретическая концепция, рассматривающая вред как «нормальное проявление обычного хода вещей», катализированного правонарушением. Вместе с тем, ею не очерчены пределы возместимости последующих неблагоприятных результатов исходя из действия принципов разумности и справедливости.

Предлагаемое разделение причинной связи влечет за собой и еще одну опасность – в требовании доказательства причинной связи не между действием и вредом, а между увечьем и умалением имущественной сферы пострадавшего обнаруживается необходимость исключения целого комплекса факторов и обстоятельств, с которым может быть связано такое умаление (участие

¹ См.: *Антимонов Б.С.* К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1 - 6 июля 1946 г. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – С. 68; *Шаргородский М.Д.* Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. – 1956. – № 7. – С. 38 – 51 и др.

² См.: *Смирнов В.Т., Собчак А.А.* Указ. соч. – С. 75; *Груздев В.В.* Причинная связь в гражданском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 4. – С. 79 и др.

³ См.: *Кофман В.И.* Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву / В.И. Кофман. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2011. – С. 405; *Гражданское право: учебник* / под ред. А.П. Сергеева. – М.: РГ-Пресс, 2012. – Т. 1. – С. 967; *Пиликина М.Г.* Причинная связь как одно из условий возмещения убытков в договорном праве // Бизнес, менеджмент и право. – 2018. – № 3. – С. 25.

⁴ См.: *Михайлов В.С.* Указ. соч. – С. 144.

потерпевшего в программе оказания бесплатной медицинской помощи, возможность извлечения дохода по другой профессии или специальности или реализации программ добровольного страхования в целях избежания имущественных потерь, получение помощи от третьих лиц и организаций и т.п.). Причем вклад каждого из них может быть весьма значительным, а, следовательно, наличие причинной связи в принципе может быть подвергнуто сомнению.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что в современной цивилистической доктрине понимание правовой природы вреда здоровью фактически построено на представлении об универсальности убытков как правового средства определения стоимости любого нарушенного субъективного права или блага. Базовыми постулатами «убыточной» концепции являются тезисы о том, что вред здоровью не может быть подвергнут денежной оценке, не восстанавливает своим возмещением здоровья потерпевшего и в целях обеспечения его компенсированности фиктивно отождествляется с неким условным набором имущественных потерь, возникающих в имущественной сфере последнего в качестве опосредованных последствий правонарушения¹.

Внутренняя противоречивость этого подхода выражается в его противостоянии самой возможности возмещения вреда здоровью, принимаемого исключительно в роли косвенных убытков, обосновании на его основе требований о доказывании потерпевшим обстоятельств, не предусмотренных в качестве юридически значимых действующим законодательством, фактическом отказе от разработки разумных и обоснованных критериев денежной оценки вреда здоровью со ссылкой на провозглашение исключительной ценности данного нематериального блага. Критика «убыточной» концепции строится на характеристике положения, восстанавливаемого благодаря применению конкретного способа гражданско-правовой защиты, которое в случае с убытками определяется на основе ожиданий, ориентированных на приращение имущества в результате нормального развития обязательственных отношений, а в случае с

¹ См.: Колесниченко О.В. «Убыточная» концепция вреда здоровью: непризнанные парадоксы российского деликтного права // Гражданское право. – 2023. – № 1. – С. 35.

рассматриваемым вредом – ожиданий, связанных с сохранностью нематериального блага. Спецификой сочетания в содержании обязанности по возмещению вреда здоровью компонентов долга и ответственности, обусловленной этим различием, предопределяется потребность в обосновании самостоятельной терминологии для целей правового регулирования возмещения данного рода неблагоприятных последствий.

§ 3. Основы формирования концепции возместимости физического вреда в гражданском праве

При разработке теоретической концепции, базирующей на свойстве возместимости вреда здоровью, нельзя обойти вниманием попытки введения в научный оборот понятий, призванных обособить такой вред в его имущественном значении от неимущественных (нематериальных) последствий посягательства, отделить его как от убытков, так и от неимущественного (психического, морального) вреда, не имеющего экономического содержания. При некотором разнообразии используемых в данной области понятий приходится констатировать, что большинство авторов следуют преобладающему доктринальному подходу. В частности, отдельному рассмотрению подлежат «имущественные потери, вызванные (связанные с) причинением неимущественного вреда (вреда здоровью)»¹, «имущественный характер (форма) отношений по возмещению вреда, причиненного благам, не участвующим в гражданском обороте (здоровью)»², «физический / органический вред и его

¹ См.: *Алексеев С.С.* Предмет советского социалистического гражданского права. // Ученые труды Свердловского юридического института. – Т. 1. – Свердловск, 1959. – С. 151 – 153; *Кузьмина М.В.* Некоторые аспекты реализации компенсационной функции в частном праве // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2020. – № 1. – С. 38; *Радайде Д.С.* Родовое понятие вреда, видовое по отношению к нему понятие института обязательств вследствие причинения вреда и смежные понятия гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Юридические науки). – 2020. – Т. 6 (72). – № 2. – С. 153.

² См.: *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. – Кн. 1. – М.: Статут, 2012. – С. 455.

имущественная составляющая (неблагоприятные последствия для имущественной сферы потерпевшего, имущественный вред здоровью)¹».

Особый интерес на этом фоне представляет точка зрения, в соответствии с которой любой имущественный (материальный) вред, хотя и представляет собой умаление имущественной сферы субъекта гражданского права², может быть подразделен на две разновидности – личный имущественный и собственно имущественный. В первую категорию включается вред, причиненный «лично» гражданину и связанный с повреждением здоровья или лишением жизни, а во вторую – причиненный имуществу и имущественным правам гражданина и юридического лица³.

Интересно, что в примере, иллюстрирующем сущность такого подхода, уже обнаруживается значимый повод для его критики – так, к личному имущественному вреду отнесены, в частности, проценты за пользование кредитными средствами, привлеченными потерпевшим в целях оплаты расходов на лечение. Следует полагать, что мы имеем дело с принципиально неверным разграничением, поскольку вред личности, выражающийся в повреждении или утрате здоровья, объединяется в одну и ту же классификационную группу со всеми возможными видами материальных потерь, происхождение которых позволяет обнаружить какую-либо связь с фактом повреждения здоровья. Категория «вред личности» подменяется категорией вреда «личному имуществу» гражданина, что создает предпосылки для отнесения к «имущественному вреду здоровью» неограниченных по объему и размеру составляющих при единственном условии – если первопричина их лежит в травмирующем воздействии. Очевидно, что предлагаемая классификация не имеет устойчивого

¹ См.: *Эрделевский А.М.* Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: Изд. дом «Форум»: ИНФРА-М, 1997. – С. 4 – 5; *Рыбкина М.В., Ковалева О.В.* Ответственность за вред, причиненный врачебной ошибкой жизни и здоровью гражданина // *Социология и право.* – 2015. – № 4. – С. 103; *Ковязина Н.М.* Убытки как самая распространенная мера гражданско-правовой ответственности // *Юрист.* – 2021. – № 3. – С. 57, 62.

² См.: *Флейшиц Е.А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. – М., 1951. – С. 5.

³ См.: *Острикова Л.К.* Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования // *Актуальные проблемы российского права.* – 2019. – № 12. – С. 46.

основания, хотя, несомненно, заслуживает поддержки идея о дополнении гл. 59 ГК РФ положениями о видовом делении вреда.

Более аргументированной представляется нам позиция по данному вопросу А.М. Эрделевского, изначально обратившего внимание на двуединую природу причиненного пострадавшим телесного вреда, составляющего по своей сущности вред материальный и вместе с тем неимущественный. Сквозь исследование смежных проблем компенсации морального вреда автор проводит центральную идею о том, что любой телесный вред следует рассматривать в понимании, необходимом для целей возмещения. При этом предполагается обязательным покрытие затрат, связанных «с коррекцией или функциональной компенсацией телесных недостатков». Однако ему же принадлежит и достаточно спорная позиция о целесообразности создания правовых предпосылок для компенсации морального вреда в неденежной форме, в том числе, в виде организации ухода за потерпевшим, передачи имущества, использование которого связано с заглаживанием причиненных нравственных страданий и т.п.¹ Очевидно, что при реализации такого подхода неизбежно смешение отдельных составляющих материального вреда, возмещение которых как раз преследует цели «коррекции или функциональной компенсации» утраченных способностей и возможностей человеческого организма, с категорией нравственных страданий, обоснование таковых в составе морального вреда, особенно, если для взыскания компенсации последнего пострадавшему нет необходимости приводить данные о фактических затратах.

Заметим, что при определении размера возмещения ущерба, состоящего в повреждении имущества, применима методика, в основе которой лежит расчет совокупной стоимости будущих или уже произведенных ремонтных работ, используемых при этом деталей, материалов и пр. Насколько бы ни казалось некорректным такое сравнение, сам по себе факт несения расходов на

¹ См.: Эрделевский А.М. Указ. соч. – С. 4 – 8, 37. Эта позиция нашла свое выражение в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2).

восстановительные работы либо приобретение имущества взамен поврежденного или уничтоженного не является аргументом в пользу констатации опосредованного (косвенного) характера вреда имуществу, поскольку знание о таких фактах лежит в основе одного из самых доступных и объективных способов его оценки. При этом аргументы об исключительной ценности ряда нематериальных благ вряд ли можно считать достаточными для отказа от применения аналогичного приема по отношению к вреду здоровью.

В попытке ввести последний в орбиту гражданско-правового регулирования, дав ему для этих целей непротиворечивую дефиницию, нельзя пройти также мимо того обстоятельства, что исследуемая категория носит междисциплинарный характер и вызывает куда более значительный научный интерес среди представителей уголовно-правовой науки, где данной проблематике посвящены многочисленные научные исследования¹. Вместе с тем, в соответствующих трудах ключевые акценты смещаются на особенности механизма травмирующего воздействия, что вполне закономерно, поскольку задачей законодателя и доктрины здесь является максимально четкое определение той степени общественно опасного нарушения охраняемых законом прав и интересов, которая требует применения мер уголовной ответственности в цивилизованном обществе.

Собственно, на учет этих особенностей нацелено единственное легальное определение «вреда, причиненного здоровью человека», под которым понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды². Приводимое определение, на первый взгляд, согласуется с представлением об опосредованном

¹ См.: *Пантюхина И.В.* Формы проявления вреда здоровью личности в половых преступлениях (по материалам судебной практики) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 3. – С. 21 – 24; *Тищенко Е.В.* К вопросу об объекте причинения вреда здоровью // Известия вузов: Северо-Кавказский регион. – 2005. – № 7. – С. 84 – 87.

² См.: Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: утв. Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 // СЗ РФ. 2007. № 35. Ст. 4308; 2011. № 47. Ст. 6664.

характере имущественных потерь и морального вреда, вызванных повреждением здоровья. Однако к такому выводу можно прийти лишь при механическом, не сопровождающемся пониманием различий предмета и метода отраслевого регулирования, междисциплинарном «обмене» понятиями и категориями.

В самом деле, для целей уголовного закона вполне достаточно определения «уголовно-значимого» уровня травмирующего воздействия, именуемого степенью тяжести вреда здоровью и раскрываемого, по существу, через вид травмы или заболевания, продолжительность болезни, наличие и характер стойкого ограничения функций организма (физиологический аспект). В свою очередь, предметное уяснение содержания и проявлений вреда здоровью в различных сферах жизнедеятельности потерпевшего не имеет отношения к установлению искомого уровня общественной опасности противоправного деяния, а значит и не обязано находить свое отражение в приводимом легальном определении.

О явной неполноте и неуниверсальности последнего свидетельствует и тот факт, что далеко не любое физическое воздействие, нарушающее право на здоровье, достигает такого уровня и в принципе может быть охарактеризовано судебно-медицинским экспертом как «вред здоровью». В рассматриваемом контексте особенно любопытно отметить позицию тех авторов, которые предлагают считать причиняющими вред здоровью любые деяния, в результате которых пострадавший испытывает физическую боль, невзирая на то, что конечные неблагоприятные последствия могут и не квалифицироваться как вред здоровью¹. Такая позиция весьма показательна, поскольку подчеркивает прямой, а не опосредованный характер физических страданий в составе вреда здоровью.

Раскрывая понятие вреда здоровью, современные цивилисты по необъяснимым причинам продолжают следовать строго «физиологическому» (учитывая вышесказанное, уголовно-правовому) подходу к оценке случаев

¹ См.: *Филатова О.Н.* Категория «Вред здоровью»: вопросы теории и практики // Вестник ТГУ (Гуманитарные науки. Право). – 2008. – № 2. – С. 473; *Домбровский И.С.* О психическом аспекте причинения вреда здоровью человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. - № 4. – С. 69 – 72.

повреждения здоровья, в то время как специальные источники права в области гарантий оказания медицинской помощи и услуг отмечают многокомпонентность самого понятия «здоровье», даже в той его части и пределах, которые могут быть подвергнуты правовому регулированию. Так, ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ позволяет рассматривать состояние здоровья не только как отсутствие каких-либо заболеваний, а равно расстройств функций органов и систем организма, но и как состояние физического, психического и социального благополучия человека. На наличие трех компонентов в содержании права на здоровье (физиологического, социального, психологического) указывает и преамбула устава Всемирной организации здравоохранения², в содержании которой отмечается, что состояние здоровья обеспечивается достижением полного физического, душевного и социального благополучия человека.

Разумеется, трактовка здоровья как идеального состояния человеческой личности актуальна для правоотношений в области реализации гарантий оказания медицинской помощи и социальных услуг, где достижение подобного состояния обоснованно считается приоритетом и ключевой целью поведения участников³. В деликтных обязательствах мы имеем дело с вредом, причиняемым не этому идеальному состоянию, а здоровью конкретного человека, возможно, страдающего хроническими заболеваниями, ослабленного в силу возрастных изменений или иных причин. В то же время, приведенные примеры заставляют задуматься о том, что оценка вреда, причиненного здоровью, не должна

¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6201.

² См.: Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения: утв. Международной конференцией здравоохранения 22 июля 1946 г. – URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9> (дата обращения: 14.01.2024).

³ Иное представление о здоровье предложено в сфере правового регулирования клинических испытаний. Здесь условно «здоровым» считается гражданин, не имеющий заболевания, в отношении которого проводятся испытания, – см.: *Малеина М.Н.* Договор об участии здорового гражданина в клиническом исследовании новых методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации // *Медицинское право.* – 2020. – № 5. – С. 19.

концентрироваться исключительно на характеристике тяжести самого повреждения, служащей для его количественного измерения¹.

Поскольку в деликтных обязательствах ключевая задача состоит в реализации принципа полного возмещения вреда, целесообразно рассматривать и оценивать здесь всю совокупность наступивших неблагоприятных последствий противоправного действия (бездействия). Отдельные правовые предпосылки необходимого для решения этой задачи правопонимания, как ни странно, можно увидеть уже в действующих медицинских критериях определения степени тяжести вреда здоровью, которые предполагают учет не только анатомических и клинических, но и социально-экономических критериев для каждого конкретного случая. К числу последних отнесены критерии «социального неблагополучия» потерпевшего в виде стойкой утраты общей трудоспособности и полной утраты трудоспособности профессиональной².

Наиболее развернутое представление о составляющих физического вреда дают нам критерии, используемые учреждениями медико-социальной экспертизы (МСЭ) при установлении состояния инвалидности. В данном источнике стойкие расстройства физиологических функций организма (психических, языковых, сенсорных и др.), обусловленные внешним травматическим воздействием или заболеваниями (дефектами), рассматриваются в контексте их проявлений для основных категорий жизнедеятельности человека, к которым закономерно отнесены не только способность к трудовой деятельности, но и способности к самообслуживанию, самостоятельному передвижению, ориентации, общению,

¹ См.: *Авдеев А.И., Прутовых В.В.* Современное законодательство как основа для определения «Вред здоровью» // Дальневосточный медицинский журнал. – 2021. – № 3. – С. 82. Примечательно, что в некоторых источниках приводится мнение о том, что вред здоровью, оцениваемый в соответствии с конкретной степенью его тяжести, представляет собой «физический вред» в его легальном понимании – см.: *Егоров К.В., Булнина А.С., Гараева Г.Х.* и др. *Медицинское право: учебное пособие.* – М.: Статут, 2019. – С. 123.

² См.: *Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: утв. приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194.* – URL: <https://base.garant.ru/12162210/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 14.01.2024).

контролю за своим поведением и обучению¹. Учитывая такое регулирование, может быть поставлен под сомнение как не отвечающий принципу полного возмещения вреда подход, при котором в качестве критерия для оценки и возмещения вреда здоровью принимается лишь одна из основных категорий жизнедеятельности человека, выражаемая через правовую конструкцию утраченного заработка (дохода).

Соглашаясь с ключевой идеей А.М. Эрделевского о том, что любой вред в орбите гражданско-правового регулирования следует рассматривать в понимании, необходимом для целей его возмещения, заметим, что, на наш взгляд, физический вред (вред, причиненный здоровью человека) действительно заключается в утрате или нарушении целостности органов и тканей, прекращении или ограничении их нормального функционирования, полной или частичной утрате способностей и возможностей человеческого организма, реализацией которых достигается его социального и личного благополучие, претерпевании боли и физических страданий (неудобств) в качестве прямого следствия правонарушения.

Различие между его материальной и нематериальной характеристикой, на первый взгляд, состоит в том, что законодатель в виду объективных трудностей по-разному подходит к их гражданско-правовой оценке, включая неотъемлемую составляющую физического вреда в виде боли и страданий в состав морального вреда (ст. 151 ГК РФ), а для возмещения иных составляющих обосновывая в § 2 гл. 59 ГК РФ категорию «вреда здоровью». Последняя раскрывается через объективные параметры, подлежащие количественному измерению, в ряду которых можно выделить восстановительные (сглаживающие) расходы и утраченный заработок (доход) как форму возмещения утраченной способности к трудовой или иной профессиональной деятельности (возместительную выплату)².

¹ См.: Приказ Министерства труда и социального развития РФ от 27 августа 2019 г. № 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Колесниченко О.В. Категории «вред здоровью» и «убытки» в гражданском праве России: проблемы терминологической определенности. – С. 259 – 261.

Восстановительные расходы и возместительная выплата, перечисленные в ст. 1086 ГК РФ, по существу, можно принять за расчетный критерий, используемый для оценки объективного физического вреда, подобно тому, как убытки считаются мерилom имущественного ущерба. Признак его объективности в данном случае вводится для обозначения направленности соответствующих выплат на восстановление или минимизацию последствий повреждения – в противном случае им не найти места в общем объеме возмещения вреда здоровью согласно § 2 гл. 59 ГК РФ. Так, например, не может быть включена в объем возмещения вреда здоровью стоимость «горящей» туристической путевки, которую пострадавший приобрел до травмы, однако по очевидным причинам не смог использовать. В то же время, этот же признак делает возможным отнесение в объем возмещения вреда здоровью прямо непоименованных в ст. 1086 ГК РФ восстановительных расходов и возместительных выплат, если они действительно способствуют хотя бы не полному восстановлению, но максимальному улучшению состояния здоровья пострадавшего, созданию условий, в которых ограничение или утрата отдельных функций организма в повседневной жизнедеятельности наименее заметны.

Физический вред в виде боли и иных физических страданий (неудобств) можно лишь констатировать, поскольку, независимо от проводимой лекарственной терапии, такие последствия не устраняются сразу после повреждения здоровья, т.е. в каждом случае присутствует некий период «претерпевания». Наряду с тем, что данный компонент в соответствии с действующим законодательством не может быть оценен объективно, исходя из затрат на его преодоление, он, несомненно, относится к категории прямых последствий правонарушения, в то время как нравственные страдания, обусловленные переживанием, преломлением в эмоциональной сфере свершившегося факта в различных его проявлениях (в утрате перспектив профессиональной самореализации, невозможности продолжить обучение, прекращении супружеских отношений, вынужденном отказе от занятий спортом

или любимым хобби и др.) всегда имеют и опосредованный характер, и индивидуальную «окраску».

Неслучайно, в исследованиях, посвященных моральному вреду, отмечается неудачное построение данной правовой конструкции, объясняемое тем, что претерпевание физической боли не имеет самостоятельного правового значения и оценивается лишь постольку, поскольку вызывает нравственные страдания¹. Предположение о том, что законодатель включает в содержание морального вреда только физические страдания, носящие опосредованный характер, противоречит устоявшимся подходам к толкованию ст. 151 ГК РФ в судебной практике. Однако нельзя не обращать внимания также на достаточно часто высказывающиеся суждения о потребности в правовой регламентации комплексной категории неимущественного вреда в противовес вреду имущественному².

Сказанное в целом позволяет отличать вред здоровью в широком и узком смысле (в зависимости от включения в него элемента физической боли и страданий), а также опосредованные нравственные страдания (рефлексию по поводу факта повреждения здоровью), опосредованные экономические потери, вызванные физическим вредом. Ценность представленной позиции, помимо обозначенных частных аспектов, заключается еще и в том, что поиск осязаемых неблагоприятных последствий в имущественной сфере пострадавшего далеко не всегда может увенчаться успехом. Так, пострадавший в силу малолетнего возраста или временного перерыва в работе может не осуществлять трудовой или иной оплачиваемой деятельности на момент травмы, расходы на лечение и реабилитацию могут отсутствовать по причине его участия в договорах обязательного или добровольного личного (в т.ч. социального и медицинского)

¹ См.: *Михно Е.А.* Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998. – С. 45; *Муковнин В.В.* Физические страдания как признак морального вреда // *Современное право.* – 2008. – № 11. – С. 43 и др.

² См.: *Малеина М.Н.* Нематериальные блага и перспективы их развития // *Закон.* – 1995. – № 10. – С. 103; *Редько Е.П.* Соотношение понятий «моральный» и «неимущественный» вред: теоретические и практические аспекты // *Мировой судья.* – 2008. – № 10. – С. 23; *Боер А.А.* Проблема определения объекта посягательства при причинении морального вреда // *Закон. Право. Государство.* – 2018. – № 1 (17). – С. 97.

страхования и т.п. Констатация отсутствия причиненного вреда в данном случае вряд ли отвечает принципам разумности и обоснованности¹.

Оппонируя основным аргументам сторонников идеи «неоценимого невозместимого вреда здоровью», отметим также парадоксальную, но от этого не менее очевидную истину (в силу известного парадокса утерянное часто находится прямо на виду) – любой деликтный иск, независимо от того, кому или чему причиняется вред, на самом деле не способен откатить ситуацию вспять, «уничтожить правонарушение» и «вернуть мир в состояние равновесия, предшествовавшего деликту»². Неслучайно в странах англосаксонской правовой системы общее понятие убытков («damages» - англ.) обосновывается отдельно от имущественного вреда («harm» - англ.), а часть суммы взыскиваемой компенсации может носить номинальный или штрафной, т.е. «невозместительный» характер³. Примечательно, что и в отдельных отечественных источниках предлагается «корректировать несправедливость», возникающую при возмещении вреда жизни и здоровью, за счет возможной разницы в уровне жизни пострадавших⁴ с помощью аналога института карательных (штрафных) убытков⁵.

Из приведенных примеров отчетливо следует, что суть проблемы определения объема и размера возмещения вреда здоровью состоит в желании или нежелании законодателя и доктрины искать и обосновывать различные виды потерь и соответствующих им выплат, сглаживающих последствия правонарушения, а не в правовой природе нарушенного нематериального блага,

¹ См.: Колесниченко О.В. Категории «вред здоровью» и «убытки» в гражданском праве России: проблемы терминологической определенности. – С. 258 – 263.

² См.: Goldberg J. Twentieth Century Tort Theory // Georgetown Law Journal. – 2002. – Vol. 90. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=347340 (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Томсинов А.В. Понятие договорных убытков в праве Англии, США и России. – М.: Статут, 2010. – С. 45 – 57.

⁴ См.: Markel D. Retributive Damages: A Theory of Punitive Damages as Intermediate Sanction // Cornell Law Review. – 2009. – Vol. 94. – P. 290.

⁵ См.: Богданов Д.Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. – 2013. – № 7. – С. 56.

якобы препятствующего любой его гражданско-правовой оценке в целях назначения максимально полной компенсации.

Представление о вреде здоровью как особой разновидностью опосредованных убытков рано или поздно становится предметом критических оценок и отвергается в процессе правоприменения, о чем свидетельствует мировой опыт. Так, в Индии судебной практикой признаны обоснованными требования о возмещении утраты способности к ведению домашнего хозяйства, критерием оценки которой считается третья часть заработной платы или иного дохода работающего супруга¹. Созвучным этому примеру выглядит опыт оценки физического вреда в странах исламского права, во многом из-за того, что, основываясь на религиозных источниках и священном предании, суды здесь вынуждены экстраполировать их требования на современные условия жизнедеятельности.

К примеру, в Саудовской Аравии предустановленная денежная выплата за телесные повреждения по шариату – «дийя» – определена Сунной как представление в сто верблюдов² за смерть в результате противоправных действий. В зависимости от характера телесных повреждений дийя может назначаться целиком или в частичном размере до одной пятой от расчетной суммы (полная дийя присуждается при абсолютной потере обоняния или вкуса, удалении непарных органов, дийя в половинном размере – при повреждении глаза, руки и т.п.). Лишь в случае отсутствия в законах шариата критериев расчета выплаты за конкретный вид травмы суды наделены правом определять их самостоятельно, привлекая медицинских экспертов.

Судебная практика в части возмещения отдельных видов затрат и потерь при повреждении здоровья (утраченного заработка, расходов на лечение и пр.) развивается неоднозначно, а в доктрине остро дискутируется вопрос о том,

¹ См.: *Chandra M., Bada Math S. Progress in Medicine: Compensation and medical negligence in India: Does the system need a quick fix or an overhaul? // Annals of Indian Academy of Neurology. – 2016. – Vol. 19 (1). – P. 23.*

² В судебной практике используется индексированный денежный эквивалент, составляющий примерно 80 000 долларов США.

включена ли компенсация морального вреда в состав дийи или она должна быть назначена отдельно¹. Однако этот пример также обращает наше внимание на то, что свойство возместимости физического вреда часто определяется правовой традицией, а стремление к преодолению последствий правонарушения формирует предпосылки для расширения объема возмещения при благоприятном развитии доктрины и судебной практики.

Примечательно, что в отечественной цивилистике советского периода, в связи с необходимостью разработки «небуржуазной» концепции компенсации морального вреда, потребность в его компенсации, причем не только в денежной форме, иногда обосновывалась со ссылкой на необходимость создания условий жизнедеятельности, заглаживающих последствия тех ограничений, которые являются результатом травмы для потерпевшего. Так, отмечалось, что при установлении ограничений в сфере передвижения и общения допустимо возмещение морального вреда, например, путем оплаты расходов на приобретение телевизора².

При существовании общего правила, согласно которому в случае полной утраты профессиональной трудоспособности рабочим или служащим из суммы возмещения утраченного заработка должен был вычитаться средний заработок, который пострадавший мог бы получать с учетом сохранившейся общей трудоспособности (в качестве неквалифицированного рабочего), высказывалось предложение о необходимости отдельно учитывать при возмещении вреда здоровью утрату способности к домашнему труду³. Наконец, в практике личного страхования применительно к тем его разновидностям, где страховая выплата учитывалась для целей возмещения вреда по нормам о деликтных обязательствах,

¹ См.: *Alshaibani M.* Compensatory Damages Granted in Personal Injuries: Supplementing Islamic Jurisprudence with Elements of Common Law. – Dokt, Diss. – Bloomington, 2017. – P. 178 – 180.

² См.: *Майданник Л.А.* О праве потерпевшего на возмещение расходов, связанных с приобретением автотранспортных средств // Советская юстиция. – 1972. – № 3. – С. 20; *Шиминова М.Я.* Имущественная ответственность за моральный вред // Советское государство и право. – 1970. – № 1. – С. 118.

³ См.: *Шиминова М.Я.* Компенсация вреда гражданам: гражданско-правовое регулирование. – М.: Наука, 1979. – С. 73.

предусматривалось включение в состав страховой суммы компенсации утраченной общей, а не профессиональной трудоспособности пострадавшего¹.

Посвятивший проблемам возмещения вреда, причиненного личности, отдельное монографическое исследование Н.С. Малеин отмечал, что понимание морального вреда как ущерба, не имеющего точного денежного выражения на момент возникновения, способно привести к тому, что проблемой компенсации морального вреда будет подменяться вопрос о вреде имущественного свойства, если таковой возникает спустя определенное время после противоправного действия или бездействия и не может рассматриваться как непосредственное последствие правонарушения, либо не поддается в современных условиях точной денежной оценке². Еще раньше эту проблему выявил И.Л. Брауде. Исследуя ситуацию матери, потерявшей единственного малолетнего сына, ученый полагал, что объективная невозможность обоснования объема материальной поддержки, которую женщина могла бы получать от сына в будущем, неизбежно повлечет за собой увеличение суммы взыскания для моральной составляющей³.

К сожалению, проблема отнесения на моральный вред потерь материального свойства недвусмысленно подтверждается современной судебной практикой, где в обоснование требований о заглаживании причиненных нравственных и физических страданий пострадавшими приводятся аргументы о необходимости продолжения лечения и реабилитации в будущем, неопределенном размере потенциальных затрат на таковые, наличии стойких ограничений жизнедеятельности при отсутствии подтвержденных потерь в заработке и т.п.⁴ Суды, как правило, игнорируют эти аргументы, вынося решения

¹ См.: Инструкция Минфина СССР от 12 мая 1974 г. № 110 «О порядке организации и проведения врачебно-страховой экспертизы». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8317.htm (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Малеин Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности. – М.: Юрид. лит., 1965. – С. 23.

³ См.: Брауде И.Л. Возмещение неимущественного вреда // Революционная законность. – 1926. – № 9 – 10. – С. 12 – 14.

⁴ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 30 июля 2020 г. по делу № 33-886/2020. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=96155#oUz7NjSMbFexNgsI> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение Ростовского областного суда от 02

с опорой на общие критерии оценки морального вреда и презумпцию его наличия в случае повреждения здоровья. Однако проблема смешения способов защиты гражданских прав, к тому же, разнородных по своей сути, не утрачивает своего значения. Более того, в доктрине обосновывается позиция, согласно которой в содержании морального вреда могут находить свою оценку потери, вызванные утратой «общественно значимых полезных качеств личности»¹, а значит и «утраченная выгода» в связи с ограничением способности к труду.

Как видно, несмотря на некоторые колебания в направлении признания особого содержания вреда здоровью, широко распространенная в цивилистике формула «восстановление прежнего состояния при повреждении нематериальных благ невозможно» продолжает играть ключевую роль в теории и практике гражданско-правового регулирования, обуславливая фактическое отрицание принципа полноты возмещения в соответствующих отношениях. Преодоление существующих противоречий, на наш взгляд, связано с отказом от узконаправленного подхода к оценке вреда здоровью, заимствованного из сферы уголовного права и учитывающего исключительно количественную характеристику физиологических изменений. Теоретическая концепция, противопоставляемая такому подходу, проистекает из идеи о том, что свойством возместимости обладает сам физический вред как утрата или нарушение целостности органов и тканей, прекращение или ограничение их нормального функционирования, полная или частичная утрата способностей и возможностей человеческого организма, реализацией которых достигается его личное и

июля 2020 г. № 33-7059/2020 по делу № 2-105/2020. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=185008#NGF8NjSIknkIAtpO> (дата обращения: 14.01.2024); Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2020 г. № 88-10372/2020. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=11348#bo9KNjS4oED4JaTW1> (дата обращения: 14.01.2024); Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2021 г. № 88-1671/2021. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=35382&dst=100001#pKIKNjS2EgaNLCjK> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

¹ См.: Горшенков Г.Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1996. – С. 89.

социальное благополучие, а также претерпевание боли и физических страданий (неудобств) в качестве результата правонарушения.

В системе действующего нормативного правового регулирования количественное измерение основного, объективного, содержания физического вреда может осуществляться в соответствии с параметрами, предусмотренными ст. 1085 ГК РФ, при условии их истолкования в значении восстановительных расходов – в таком качестве должны приниматься расходы на лечение, медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию потерпевшего, возместительной выплаты – возмещения утраченного заработка (дохода), представляющего собой количественный параметр оценки утраченной способности жертвы к трудовой или иной оплачиваемой деятельности.

Составляющая физической боли и страданий может быть рассмотрена исключительно в рамках собирательной конструкции морального вреда (ст. 151 ГК РФ), однако такое регулирование нельзя считать достаточным исходя из непосредственного характера данного рода неблагоприятных последствий, неразрывности связи между естественной физиологической реакцией организма на внешний раздражитель и индивидуальным элементом «претерпевания». Перспективным представляется ее включение в нормативное содержание физического вреда, разработка деперсонифицированных параметров оценки, с помощью которых может обеспечиваться учет соответствующего компонента при назначении страховых выплат по отдельным разновидностям страхования, отказ от исключительно судебного порядка взыскания.

Дальнейшее обоснование концепция физического вреда, таким образом, предполагает оперирование следующими категориями: физический вред в узком значении, для оценки которого в системе действующего нормативного правового регулирования могут быть использованы параметры, установленные ст. 1085 ГК РФ; физический вред в широком значении, включающий в себя в дополнение к объективным составляющим выражение непосредственно причиненных потерпевшему физической боли и страданий (компонент морального вреда по ст. 151 ГК РФ); не относящиеся к физическому вреду опосредованные нравственные

страдания (рефлексия по поводу факта повреждения здоровью, или эмоциональный моральный вред); не относящиеся к физическому вреду, но опосредованные им имущественные потери, не подлежащие оценке и возмещению по правилам § 2 гл. 59 ГК РФ (результат сопутствующего нарушения общих экономических интересов потерпевшего). Здесь, однако, закономерно возникает вопрос о том, достаточно ли предлагаемого толкования правовой конструкции вреда здоровью для кардинального решения проблем, выраженных в неполноте и недостаточной обоснованности существующего компенсационного механизма, могут ли эти изменения, наконец, «разбудить» спящий потенциал его гражданско-правового регулирования в целях признания многоаспектности ценностной характеристики исследуемого нематериального блага.

Полагаем, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, и не только потому, что современное гражданское законодательство закладывает в себе достаточно много ограничений на применение описанного подхода, не позволяя выходить за рамки формально определенных компонентов возмещения, сохраняя в себе внутренние противоречия «убыточной» концепции, под влиянием которых в течение многих лет развивалась правотворческая деятельность, формировалась судебная практика. Помимо этих факторов, следует помнить о том, что в доктринальных и правовых источниках вред здоровью раскрывается всегда с позиции правовых средств его возмещения, реализуемых ими функций, при этом суть обозначенной проблемы не может быть сведена к отрицанию обязательственной характеристики правовых связей, не опосредуемых совершением гражданско-правовых сделок¹.

Представление об обязательствах как правовой форме товарообмена не поддержано большинством цивилистов, однако гражданско-правовые обязательства, возникающие в отношении нарушенного здоровья, практически никогда не исследуются в значении «обязательств по возмещению вреда». В свою очередь, «обязательства из его причинения» прочно ассоциируются с действием

¹ См.: Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт, 2019. – С. 236.

института деликтной ответственности. Неудивительно при таком подходе, что большинство тематических работ предполагают рассмотрение вреда здоровью лишь в его «служебном» значении одного из условий наступления деликтной ответственности¹, размера ответственности, обязанного коррелировать факту совершенного нарушения², характеру и степени вины ответственного субъекта и потерпевшего при противоправном воздействии³. Редкие примеры обращения к альтернативным правовым средствам, реализуемым в сфере действия гражданского права, и применяемым в дополнение или вместо института деликтной ответственности, отличает простая констатация их наличия, а также демонстрация различий основания наступления такой ответственности и оснований возникновения обязанностей, вытекающих из договора страхования (прямого указания закона об участии сторонних субъектов (третьих лиц) в преодолении последствий нарушения).

Показательной в данном контексте представляется позиция Т. Бочарова, дискутирующего вопрос о наличии предпосылок формирования в России «компенсационной культуры» непосредственно в контексте развития судебной практики по делам о возмещении вреда, причиненного телесными повреждениями. Используемое им понятие «деликтной системы» характеризуется механическим соединением в нем правовых форм участия предпринимателей в возмещении вреда здоровью рабочих на добровольных началах, страхового возмещения вреда и универсального деликтного механизма компенсации морального вреда⁴.

В целом, в исследованиях данного рода оказывается сильна позиция о том, что специфические обязательства, в рамках которых осуществляется возмещение

¹ См.: *Кириллова Е.А.* Обязательства из причинения вреда жизни и здоровью пациента биомедицинскими технологиями // Юрист. – 2021. – № 4. – С. 71 – 74.

² См.: *Антонов А.А.* Некоторые аспекты ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности // Юрист. – 2019. – № 12. – С. 25 – 30.

³ См.: *Ибрагимова А.И.* Отдельные проблемы определения размера подлежащего возмещению причиненного вреда в российском гражданском праве // Российская юстиция. – 2018. – № 4. – С. 9 – 13.

⁴ См.: *Bocharov T.* Is there a «compensation culture» in contemporary Russia? The role of liability insurance, non-pecuniary damages, and legal profession in personal injury litigation // *Oñati Socio-Legal Series.* – 2021. – Vol. 11. – № 2. – P. 567 – 577, 579 – 581.

некоторых «имущественных потерь», не являющиеся обязательствами из причинения вреда, отличаются от последних тем, что не могут иметь своим основанием полный состав гражданского правонарушения. Их возникновение и существование объясняется распространением особых защитных механизмов на случаи правомерного причинения вреда, в т.ч., под действием непреодолимой силы¹, спецификой принципа действия «безвиновной» гражданской ответственности².

Обобщенным результатом таких высказываний является подход, согласно которому компенсаторный характер обязательств, не основанных на применении «классической» конструкции деликтной ответственности, не предполагает решения задач профилактики и наказания, более того, в таких обязательствах не достигается и не может быть достигнута полнота возмещения. Появление правовых предпосылок для развития альтернативных защитных механизмов связывается отнюдь не с перераспределением рисков наступления неблагоприятных последствий деятельности человека, но с признанием публичным субъектом исключительной ценности некоторых личных и имущественных прав или благ³, принятием им на себя или произвольным возложением на третьих лиц компенсационной обязанности. С помощью таких воззрений легко может быть оправдано существование «разного вреда здоровью»

¹ См.: *Орешкин С.И.* Компенсационные нормы российского гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – С. 9; *Рузанова Е.В.* Вопросы соотношения обязательств вследствие причинения вреда и гражданско-правовой ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 3 (98). – С. 102; *Бочаров А.Н.* Компенсация правомерно нанесенного ущерба в системе гражданско-правовых обязательств // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 254; *Степанов С.К.* Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в ходе контртеррористической операции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2022. – № 5. – С. 55 и др.

² См.: *Кузнецова О.А.* К вопросу о «виновной» и «безвиновной» гражданско-правовой ответственности // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: сборник статей / отв. ред. В.Г. Голубцов; О.А. Кузнецова. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. – С. 150 – 151; *Прокаев А.В., Строкова О.Г.* Методологическое исследование внедоговорной ответственности и внедоговорного обязательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – №. 6 (131). – С. 128 и др.

³ См.: *Дерюгина Т.В.* О компенсаторных обязательствах и их месте в системе гражданско-правовых обязательств // Гражданское право. – 2021. – № 6. – С. 25.

в зависимости от того, в какой области жизнедеятельности он возникает (в сфере дорожного движения, эксплуатации производственных объектов и т.п.), какие правовые возможности оказываются доступными потерпевшему для его возмещения.

В действительности, однако, использование того или иного правового средства, с помощью которого обеспечивается возмещение вреда лишь для частичного восстановления состояния потерпевшего, не может являться категоричным свидетельством происхождения такого вреда от правомерных или неправомерных действий, а равно и реализации через его взыскание различных функций правового воздействия. Причина на удивление проста и состоит в том, что привлечение любого компенсирующего, «обязанного без ответственности» субъекта вовсе не исключает ни наличия фигуры ответственного лица, ни возможности обращения к нему традиционного инструментария деликтной ответственности. Можно с уверенностью утверждать, что признание юридически значимого вреда возместимым не только в «классических» деликтных, но и в иных компенсационных отношениях никак не вредит реализации функций деликтной ответственности при условии, что законом и практикой четко определены границы между такими отношениями, установлена степень свободы усмотрения управомоченного лица при выборе варианта поведения.

Представляется очевидным заблуждением исследование института деликтной ответственности в отрыве от процессов модификации условий ее наступления в отдельных случаях и тенденций развития альтернативных частноправовых средств, которыми в комплексе достигается столь необходимое возмещение (деликтной ответственности автовладельцев в отрыве от ОСАГО и специальных правил наступления ответственности владельца источника повышенной опасности, системы обязательного страхования рисков причинения производственного вреда в отрыве от остаточного компонента деликтного возмещения и т.п.). Игнорирующий их подход попросту не формирует достоверного представления о реальном объеме прав и обязанностей участников компенсационных отношений, в равной мере, им не обеспечивается объективное

представление о категориях субъектов, объеме и размере обязанности по возмещению вреда. Следовательно, как минимум, преждевременными являются выводы о действии в конкретной области «компенсационных» обязательств, воспринимаемых как альтернативные деликтным, «безвиновные».

Общим методологическим «ключом» к пониманию специальных правовых режимов возмещения физического вреда, обеспечению сбалансированного функционирования их отдельных компонентов, как представляется, служат понимание единства категории юридически значимого (возместимого) физического вреда, представление о том, что каждая исследуемая «совокупность» сочетает в себе конкретные правовые формы и способы возмещения или отдельные правовые средства с частными правилами определения объема и размера компенсации. И функционировать она должна именно как система, как «целое во множестве»¹, отличающееся не только определенным набором элементов, но и качеством связей между ними, неразрывностью взаимодействия. С этих позиций, несомненно, заслуживает внимания аргумент о том, что, взятое в своем позитивном значении, компенсационное обязательство представляет собой суть не что иное, как правовое средство, употребляемое субъектами правоотношения в целях обеспечения нормального развития возникающих между ними связей как составляющей предмета гражданского права².

В теории гражданского права категория правовых средств остается достаточно неоднозначной, что выражается в ее использовании, в т.ч., в значении, синонимичном механизму гражданско-правового регулирования³. Такой подход является излишне широкими и терминологически размытым, поскольку позволяет включать в содержание исследуемой категории любые компоненты правовой системы, иллюстрирующие способность права воздействовать на общественные отношения, такие, как норма права, правоотношения, акты реализации права и др.

¹ См.: *Бельский К.С.* О системе административного права // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 5.

² См.: *Дерюгина Т.В.* Указ. соч. – С. 26.

³ См.: *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права: учебник / под ред. В.Г. Стрекозова. – М.: Омега-Л, 2015. – С. 244 – 245.

Суть категории «правовые средства», на наш взгляд, яснее выражает иная точка зрения, согласно которой правовым средством может считаться лишь конкретная правовая норма или институт, с помощью которых воплощается в жизнь регулятивная сила права, его энергия¹, достигается удовлетворение конкретных интересов субъектов права, реализация в правовом поле поставленных ими целей².

Категория правового средства, исследуемая для целей регулирования отношений по возмещению физического вреда, приводит нас к пониманию гражданско-правовой формы, в которую облакаются такие отношения. И здесь важно учитывать, что содержание этого понятия закономерно оказывается шире понятия правового средства³. Более того, каждое такое средство, регулируя порядок возникновения, изменения или прекращения правовых связей между субъектами, выступает в качестве обязательной, неременной основы существования их в определенной правовой конфигурации, т.е. форме⁴.

Дискуссионным, на наш взгляд, представляется выделение неких «уровней» гражданско-правовой формы, к числу которых относятся правовые нормы (формы права) и правосубъектные правовые формы наравне с индивидуальными правовыми формами, представляющими собой юридически оформленное поведение субъектов, опосредуемое изданием индивидуальных актов⁵. Думается, названные разновидности «форм» в действительности являются лишь предпосылками для утверждения о возможности или необходимости

¹ См.: *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 17, 83 – 84; *Калмыков Ю.Х., Баринов Н.А.* Правовые средства обеспечения имущественных потребностей граждан // *Гражданское право и сфера обслуживания: сборник научных трудов.* – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1984. – С. 49 – 51.

² См.: *Алексеев С.С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // *Советское государство и право.* – 1987. – № 6. – С. 14.

³ См.: *Государство. Право. Экономика* / отв. ред. В.М. Чхиквадзе; АН СССР, Институт государства и права. – М.: Юрид. лит., 1970. – С. 48 – 49.

⁴ См.: *Красавчиков О.А.* Категории науки гражданского права // *Избранные труды: в 2 т.* – Т. 2. – М.: Статут, 2005. – С. 25.

⁵ См.: *Левушкин А.Н., Косенко Е.В.* Теория правовой формы в семейном праве // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* – 2017. – № 1 (35). – С. 76.

определенного поведения участников правоотношений¹. При ином понимании гражданско-правовую форму образует и гражданско-правовой режим определенных отношений, и само гражданское правоотношение, и отдельные охраняемые законом интересы, связи с участием основных субъектов правоотношений или третьих лиц. Обобщая сущностные черты приведенных подходов, следует полагать, что гражданско-правовая форма представляет собой базирующееся на использовании конкретного правового средства поведение участников общественных отношений, внешне воплощенное в конкретном наборе прав и обязанностей, гарантий, реализация и исполнение которых становятся возможными благодаря существованию данного правового средства, наличию предпосылок для его использования в заданных условиях.

Базируясь на приведенных теоретических предпосылках, представляется возможным говорить о том, что в отношениях по возмещению физического вреда правовое средство представляет собой правовой институт или отдельную обособленную группу правовых норм, на которых основывается право потерпевшего требовать взыскания в определенном размере и объеме, а также обязанность произвести необходимое возмещение для ответственного лица или иного обязанного субъекта. Наличие некоторых специальных условий для правового оформления компенсационных отношений в том или ином виде (действие договора страхования, прямой перенос возместительной обязанности с делинквента на иное лицо) не дает поводов для того, чтобы перестать считать такие отношения отношениями по возмещению вреда, о чем явственно свидетельствует комплексная характеристика гражданско-правовой формы.

В свою очередь, применение конкретного правового средства делает возможным выбор и использование определенного способа компенсации. Его нельзя отождествлять со способом защиты гражданских прав, поскольку под таковым понимается вся совокупность мер, доступных в рамках реализации

¹ См.: Белов В.А. Гражданское право. Т. 1: Общая часть. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2016. – С. 397.

защитной функции гражданского права¹. Способ возмещения представляет собой механизм приведения потерпевшего в первоначальное состояние или минимизации неблагоприятных последствий повреждения, являющийся самостоятельной категорией, но определяемый, во многом, спецификой применимого правового средства, особенностями правового оформления компенсационных отношений.

Таким образом, в основе цивилистической концепции возместимости физического вреда лежит тезис о возможности оценки для целей гражданско-правового регулирования утраты или нарушения целостности органов и тканей, прекращения или ограничения их нормального функционирования; полной или частичной утраты способностей и возможностей человеческого организма, реализацией которых достигается его личное и социальное благополучие; претерпевания боли и физических страданий (неудобств) в качестве прямого следствия правонарушения. Содержательная характеристика такого вреда и выделение в нем компонентов восстановительных расходов и возместительной выплаты (для «физического вреда» в узком значении), неблагоприятных физических ощущений в дополнение к первым двум составляющим (при его широком понимании) на основе действующего законодательства соотнобразуются с представлением о здоровье как базовом физическом ресурсе, необходимом для участия субъекта во всех формах общественных отношений, налаживания личных и социальных связей, осуществления профессиональных планов. Реализация концепции позволяет отказаться от отождествления вреда здоровью с комплексом опосредованных убытков, сформировать компенсационный механизм, согласующийся с принципами разумности и обоснованности, полноты восстановления положения, существовавшего до нарушения права.

В содержании предлагаемой концепции категория физического вреда и свойство его возместимости получают свое развитие в объемной характеристике такого вреда, порядке и критериях определения размера возмещения отдельных

¹ См.: *Корепанова С.В.* Функции способов защиты гражданских прав // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 4. – С. 181 – 182.

компонентов. Сущностная характеристика правовых форм и способов возмещения физического вреда также предлагается здесь, но имеет качественную специфику. Признание наличия у данных форм собственных функций, а равно и необходимости создания условий для их эффективной реализации соотносится с представлением о содержательной характеристике юридически значимого физического вреда, которому обязан соответствовать избранный способ компенсации. Вспомогательная роль правовых форм и способов возмещения предполагает уточнение механизма их применения для упомянутой объемной характеристики.

Область практического применения концепции возместимости физического вреда очерчена, в т.ч., построением специальных систем его компенсации, отличающихся частными модификациями условий наступления деликтной ответственности, применением альтернативных компенсационных средств, способных действовать при частичном сохранении роли делинквента или при ее полной утрате в возместительных отношениях. Для каждой из этих систем характерным является обеспечение направленности образующих ее элементов по отдельности и всех элементов в совокупности на возмещение физического вреда в его наличном значении, уточнение для этих целей сущности и функций правовых форм, способа возмещения, порядка и условий назначения отдельных компонентов выплаты в пользу потерпевшего.

Глава 2. Физический вред через призму динамики форм и способов его возмещения

§ 1. Эволюция форм и способов возмещения вреда здоровью в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи

В ситуации, когда современная наука гражданского права тяготеет к постулированию качественной специфики способов защиты всех категорий нематериальных благ, проистекающей из их особой правовой природы, проблемы определения гражданско-правовых последствий повреждения здоровья обычно раскрываются в контексте применения института компенсации морального вреда, облеченного в правовую форму «возмездия» от действия имущественной санкции к делинквенту¹. На этом фоне особый интерес представляет исследование истории развития форм и способов возмещения такого вреда в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи в той части, которая касается модификации общих правил наступления деликтной ответственности за вред, причиненный здоровью, в результате их реализации в различных сферах жизнедеятельности, первых попыток привлечения средств страхового возмещения такого вреда, относящихся к концу XIX – началу XX века.

Как известно, в дореволюционной литературе в соответствии с принятой правовой терминологией понятие «вознаграждение за вред» использовалось для всех случаев повреждения материальных или нематериальных благ субъектов. Качественной особенностью законодательной техники того периода являлось определение правовых условий назначений компенсаций в двух обособленных разделах отд. 2 «О вознаграждении частном», отнесенного к гл. 6 Свода законов гражданских, которые были посвящены «вредам и убыткам», причиненным преступлением или проступком, а также происходящим от деяний, не

¹ См.: *Богданов Д.Е.* Справедливость как основное начало социализации и гуманизации деликтной ответственности // *Адвокат.* – 2013. – № 3. – С. 18.

признаваемых таковыми¹. Неотъемлемым условием применения раздела о «преступном» вреде служило виновное совершение лицом преступления или проступка, причем, несмотря на то что «интенсивность вины» признавалась не имеющей правового значения для определения размера компенсации², отдельное правило на этот счет все же существовало. В противовес современному подходу, совершивший умышленное недозволенное деяние мог быть присужден к обязанности отвечать в повышенном размере и за более отдаленные неблагоприятные последствия своих действий (бездействия), если удавалось подтвердить, что его намерением охватывалось причинение потерпевшему каких-либо «более или менее важных» убытков или потерь.

В целом в объем возмещения вреда здоровью входили расходы на лечение и на попечение о пострадавшем в период его болезни, а также утраченный доход – последний, однако, вознаграждался только в случае, если потерпевший имел семейство и содержал его своими трудами, и только в части того содержания, которое он обязан был употребить на эти цели (ст. 660). Все виды компенсаций данного рода могли быть, по желанию заявителя, заменены периодическими пособиями, вместе с тем, определение их размера отдавалось на усмотрение суда, обязанного принимать во внимание лишь прежнее имущественное положение пострадавшего и материальное состояние причинителя вреда. Такое регулирование, с одной стороны, позволяло индивидуализировать

¹ Свод законов Российской Империи (по изд. 1900 г.). – URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x/ (дата обращения: 14.01.2024). Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских. Кн. 2 «О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще». Гл. 6 «О праве вознаграждения за понесенные вред и убытки». Отд. 2 «О вознаграждении частном». II. «О вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступлением или проступком» (ст. 644 – 683); III. «О вознаграждении за вред и убытки, последовавшие от деяний, не признаваемых преступлениями и проступками» (ст. 684 – 869). В проекте Гражданского уложения, широко обсуждаемого в доктрине в начале XX века и так и не принятого в связи с революционными событиями 1917 г., указанные формы выражения «недоброй воли» предлагалось объединить в общую категорию «недозволенные деяния» – см.: *Гуляев А.М.* Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. Сената и проекта Гражданского уложения (издание 4-ое, пересмотренное и дополненное). – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1913. – С. 487.

² См.: *Яблочков Т.М.* Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Т. II. – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1911. – С. 417 – 428; *Кривцов А.С.* Общее учение об убытках. – Юрьев: типография К. Маттисена, 1902. – С. 75 – 76.

ответственность, усиливая при необходимости ее «карательную» составляющую, а, с другой, – не требовало соблюдения принципа полного возмещения ущерба.

Обратим внимание на то, что в теоретических источниках, относящихся к рассматриваемому периоду, поддерживалась идея отнесения утраченного дохода к категории убытков, опосредованных причиненным физическим вредом, однако приводимое при этом обоснование не было лишено противоречий. Так, в известном учебнике Г.Ф. Шершеневича приводился пример, согласно которому при столкновении экипажа извозчика с автомобилем Ротшильда в случае ранения первого возникало право требования в части не только расходов на лечение, но и обеспечения семьи потерпевшего. В противном случае, если пострадал сам Ротшильд, право на выплату содержания у него отсутствовало, поскольку причинение вреда здоровью не было сопряжено с вредом имущественного свойства¹. Заметим здесь, что Ф.Г. Шершеневичем в том же труде отмечалась возможность взыскания с причинителя вреда во всех случаях только прямых убытков².

Не согласовывались с этой общей концепцией также правила о дополнительном вознаграждении, назначаемом в случае неизгладимого обезображивания не состоящей в замужестве девицы или вдовы. Такое вознаграждение назначалось в виде ежегодного денежного содержания, в размере, сообразном имуществу виновного, при условии отсутствия у пострадавшей источника средств к существованию. Вступление в замужество прекращало данное право (ст. 662; согласно ст. 663 аналогичная компенсация причиталась пострадавшей от изнасилования). В основу этого подхода было положено представление о том, что одной из приоритетных форм употребления способностей и возможностей человеческого организма для женщин является их реализация в замужестве, при ведении домашнего хозяйства и уходе за детьми. Неспособность к замужеству компенсировалась наравне с неспособностью к трудовой или иной деятельности, связанной с извлечением дохода, для мужчин,

¹ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. – М.: издание Бр. Башмаковых, 1911. – С. 572 – 573.

² См.: *Шершеневич Г.Ф.* Там же. – С. 579.

невзирая на то, что в имущественной сфере потерпевшей нельзя было обнаружить потерянной прибыли.

Активную дискуссию в доктрине, между тем, порождало содержание разд. III гл. 6 т. X Свода законов гражданских, в которой речь шла о вознаграждении за вред и убытки, последовавшие от деяний и упущений, не составляющих преступления (проступка). Перечисление в ст. 684 обстоятельств, освобождающих от обязанности по вознаграждению такого вреда, не вносило необходимой ясности в понимание ее правовой природы и качественных отличий от обязанности, предусмотренной ст. 644. В сущности, речь шла лишь о конкретизации обстоятельств, свидетельствующих о невозможности установления волевого элемента вины применительно к содеянному (принуждение на основании норм закона, личная оборона и др.). Иные нормы данного раздела частично повторяли положения об основных началах ответственности родителей за вред, причиняемый малолетними, частично – регулировали отдельные случаи возмещения вреда за последствия недозволенных деяний «иного рода» (возмещение вреда господами и верителями за вред и убытки, причиненные их слугами и поверенными, владельцами опасных животных и др.).

А.М. Гуляев, проводя последовательный обзор действовавшего законодательства и кассационной практики Правительствующего Сената, отмечал, что основанием ответственности по ст. 684 Свода законов гражданских является уже не вина, но причинная связь между вредом (убытками) и деянием, поскольку таковая может обнимать не только злой умысел и неосторожность, но и то «направление воли, за пределами которого лежит простой случай»¹. Такому подходу, однако, прямо противоречили указания на необходимость установления вины применительно к отдельным видам упущений (владельцы диких и иных опасных животных, к примеру, должны были быть повинны в недосмотре за

¹ См.: Гуляев А.М. Указ. соч. – С. 489.

ними, господа и верители – в непринятии мер по предотвращению деяний их слуг или поверенных и пр.)¹.

Предпринимались также попытки обосновать альтернативные количественные параметры оценки вины для целей гражданско-правового регулирования взамен «отрицательных критериев виновности», устанавливаемых ст. 684², а также предположить более широкое толкование категории «упущение», включающее в себя также и несовершение действий, обязательных в силу закона, иных обязательных установлений или особых отношений между причинителем вреда и потерпевшим³. Однако существующие разновидности недозволенных деяний чаще всего подразделялись по сугубо формальным основаниям на гражданские правонарушения, совпадающие с преступлениями (проступками), и правонарушения, порождающие лишь обязанность по возмещению вреда⁴.

Юридикотехническое решение, предполагающее обособленное регулирование имущественных последствий различных по степени своей общественной опасности недозволенных деяний, между тем, находило различный отклик к доктрине и развивающейся судебной практике в отношении отдельных видов обязательств. В частности, И.М. Тютрюмов в обстоятельном обзоре законов гражданских, сопровождаемом представлением различных точек зрения на проблемы правоприменения, обосновывал, что перечисленные в ст. ст. 649-654 случаи привлечения третьих лиц к исполнению обязанности по возмещению вреда, причиненного чужим преступлением или проступком, составляют суть

¹ См.: *Змирлов К.П.* Вознаграждение за вред и убытки, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных железнодорожными и пароходными предприятиями, по решениям Правительствующего Сената. – СПб.: Сенатская типография, 1908. – С. 68 – 69.

² См.: *Дювернуа Н.Л.* Конспект лекций по русскому гражданскому праву. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – С. 74.

³ См.: *Гуссаковский П.Н.* Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными действиями // Журнал Министерства Юстиции. – 1912. – № 8. – С. 17.

⁴ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. – С. 575-577. Отметим, что приводимые автором здесь же рассуждения о невозможности установления более широкой имущественной ответственности за непроступные действия по сравнению с преступлениями противоречили его же собственной идее об индифферентности обязанности по возмещению вреда к степени вины правонарушителя.

исключения исчерпывающего характера¹. По этой логике господа и верители не могли быть привлечены к возмещению причиненного их слугами и поверенными вреда в случае совершения ими преступлений². В то же время, специальные нормы об ответственности владельцев железнодорожных и паровозных предприятий, впервые появившиеся в Своде законов гражданских в 1857 г., следовало считать отнесенными во второй раздел отд. «О вознаграждении частном» только для того, чтобы факт привлечения агента или служащего предприятия к ответственности за преступление или проступок не влиял на возможность возмещения вреда из средств такого предприятия³.

Из приводимого К.П. Змирловым объяснения относительно процессуальных аспектов участия владельцев железнодорожных и паровозных предприятий в рассмотрении дел о преступлениях, совершенных их служащими, следовало, что имущественная ответственность третьих лиц носит карательный характер, если они привлекаются к обязанности по возмещению вреда за собственную вину, выразившуюся в ненадлежащем надзоре или недосмотре за его причинителем, а сами делинквенты (подопечные) при этом от уголовной ответственности освобождаются. В иных случаях такая ответственность представляет собой явление обособленное, существующее в силу специальных правовых оснований⁴.

Можно было бы предположить, что законодательство разделяло таким образом карательные и иные формы возмещения вреда, основное различие между которыми состояло в том, что первые применялись при наличии вины тех или иных лиц в наступлении неблагоприятного результата (большая вина здесь как бы поглощала меньшую, поэтому при совершении преступлений или проступков вызванные ими вред и убытки не могли быть полностью или частично переложены на третьих лиц, лишь опосредованно причастных к случившемуся).

¹ См.: *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские. Том I. – Петроград, издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1915. – С. 763.

² См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1899 г. № 50 – Цит. по: *Тютрюмов И.М.* Указ. соч. – С. 763.

³ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1900 г. № 75 – Цит. по: *Тютрюмов И.М.* Указ. соч. – С. 680.

⁴ См.: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 37.

Вторые же предписывали отдельным субъектам нести вызванные их деятельностью материальные потери только потому, что было бы несправедливым сохранить их бремя за потерпевшим. Разграничению карательных и «справедливых» форм компенсации, однако, препятствовал ряд факторов, включая отсутствие в законе четко выраженного правила о возложении обязанности по вознаграждению вреда, причиненного преступлением или проступком, исключительно на его причинителя, в сочетании с желанием законодателя закрепить право требования потерпевшего к более состоятельному в имущественном плане третьему лицу. Кроме того, не существовало единой концепции определения отправных начал ответственности ряда специальных субъектов.

К примеру, в отношении родителей идея собственной вины возводилась в абсолют, обосновывалось, что упущение в надзоре за детьми представляет собой самостоятельное основание возникновения деликтных обязательств, тогда как при доказанном принятии ими всех необходимых мер по предотвращению вреда наступает, собственно, ответственность самого причинителя (т.е. родители выступают в качестве представителей такого лица, выплачивающих вознаграждение из его имени¹). Ответственность владельцев предприятий, прочих «хозяев и верителей», вопреки ожиданиям, не всегда строилась на аналогичных принципах².

В начале XX века, с развитием промышленности и технологий, идея справедливого возмещения вреда и солидаризации имущественной ответственности получила свое дальнейшее развитие в том ключе, что именно на началах справедливости, в противовес карательным началам, на субъекта, извлекающего прибыль от определенного рода деятельности, предполагалось возлагать вызванные такой деятельностью убытки. Будучи отправной идеей для

¹ См.: *Кривцов А.С.* Указ. соч. – С. 155; *Оршанский И.* О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. – 1874. – Кн. 5. – С. 43.

² См.: *Анненков К.* Система русского гражданского права. Т. IV. Отдельные обязательства. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1904. – С. 598-599; *Пирвиц Э.* Значение вины в гражданском праве // Журнал Министерства юстиции. – 1895. – Кн. 3. – С. 62.

преобразования законодательства в области вознаграждения за физический вред, эта идея, тем не менее, повлекла за собой принципиальное различное развитие форм и способов возмещения физического вреда для конкретных повреждающих факторов.

Специальная норма ст. 683 Свода законов гражданских об ответственности железнодорожных и пароходных предприятий в 1900 г. пришла на смену прежней редакции данной статьи, которая, в сущности, не привносила ничего нового к общим условиям и основанию возникновения деликтных обязательств, кроме попытки конкретизации разновидностей недозволенных деяний, вменяемых в вину таким предприятиям. Впервые вводилась опровержимая презумпция вины предпринимателей в причинении физического вреда в ходе эксплуатации железных дорог и пароходного сообщения, реализуемая, однако, в своем непосредственном значении, т.е. не тождественная современной конструкции ответственности независимо от вины («строгой» ответственности). Основаниями, освобождающими предприятие от обязанности вознаградить вред данного рода, служило не только доказательство воздействия непреодолимой силы, но и наступление несчастья «не по вине управления предприятием и его агентов».

Вместе с тем, разительно противоречивое, а временами и контрастное, понимание правовой природы специальной ответственности владельцев железнодорожных и пароходных предприятий отличало состояние цивилистической доктрины того времени, вследствие чего развитие судебной практики по применению вышеуказанных норм шло вразрез с их буквальным содержанием или даже существенным образом эти нормы дополняло. Вкупе с традиционным замечанием о том, что в основе обязанности вознаградить эксплуатационный вред лежит уже не вина, но солидарность предприятия и его работников в вопросе перераспределения экономических потерь, уже упоминавшийся нами К.П. Змирлов, в противоречие с собственной логикой, отмечал, что владелец предприятия предполагается виновным в повреждении здоровья или причинении смерти, пока не докажет, что никакой вины, никакого упущения или отступления от установленных правил им не было допущено, а

несчастье произошло от вины самого потерпевшего, действия посторонних предприятию лиц или от непреодолимой силы, но не случайно¹.

Причинение вреда волею случая, очевидно, могло быть доказываемо предпринимателем как факт, подтверждающий отсутствие вины в несчастье со стороны его управления или агентов, однако Правительствующий Сенат в своей кассационной практике достаточно быстро встал на сторону такого подхода, согласно которому случай не исключал применения ст. 683. Происхождение вреда «не по вине управления предприятиям или его агентов» следовало толковать в ограничительном смысле как доказательство его причинения только лишь в результате собственной вины потерпевшего или не принадлежащих к предприятию посторонних лиц².

Идея о виновном свойстве ответственности владельцев железнодорожных и паровозных предприятий вкупе с предположением об особом содержании этой вины находила свое косвенное подтверждение в предоставлении таким субъектам права обратного требования к совершившим недозволенное деяние агентам. Виновность железной дороги или паровозного предприятия, исходя из этого подхода, состояла в отсутствии постоянной, непрерывной и неослабевающей заботливости³, которые могли бы оградить и от простой случайности, если ее проявлению способствовала особая опасность данного рода деятельности. Однако, согласно отмеченному выше принципу действия «карательных» форм возмещения вреда, большая вина поглощала меньшую, поэтому при наличии возможности вменения конкретных упущений в вину отдельным физическим лицам ответственность могла быть доведена до непосредственного причинителя вреда без ущерба интересам пострадавшего.

Тем временем, пониманию ответственности владельцев железнодорожных и паровозных предприятий как усиленной, но построенной на особых параметрах

¹ См.: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 18 – 19.

² См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1901 г. № 115. – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 113.

³ См.: *Брук М.* Хроники гражданского суда // *Юридический Вестник.* – 1886. – № 12. – С. 707.

оценки вины или близких к ней по значению субъективных предпосылках, противоречил принятый в судебной практике подход к урегулированию несчастных случаев, наступлению которых способствовали деяния самого пострадавшего. В таких случаях вновь применялся общий стандарт вины в гражданском праве, понимаемой в контексте проявления / не проявления той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалось бы по обстоятельствам дела от каждого разумного человека¹. Как справедливо отмечал по этому поводу Т.М. Яблочков, лежащая в основе ответственности идея о происхождении несчастья от «опасности промысла» не доводилась до конца, а сама такая ответственность была подобна товару, измеряемому аршином в 16 вершков для обычных покупателей и 12 вершков – для «подвыпивших»².

Эти противоречия в конечном итоге способствовали появлению позиции, согласно которой ответственность отдельных видов предприятий следовало относить к области «права публичного»³. В действительности же речь шла скорее об установлении в ст. 684 Свода законов императивной нормы об обязанности некоторых лиц вознаграждать причиненный вред и убытки в порядке, отличном от общих положений о вознаграждении частном, что никак не было равнозначно исключению данных общественных отношений из сферы гражданско-правового регулирования. Не устранялась этим замечанием и проблема корректного определения правовой природы специальной ответственности владельцев транспортных предприятий.

Следует обратить внимание на то, что с появлением в законе норм об усиленной ответственности железнодорожных и паровозных предприятий изменился и подход к способам и порядку вознаграждения. В то время как общими нормами гражданского законодательства определение размера возмещения вреда отдавалось на усмотрение суда, для данного случая впервые обосновывался принцип полного возмещения всего фактического причиненного

¹ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1905 г. № 31. – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. С. 130 – 131.

² См.: *Яблочков Т.М.* Указ. соч. – С. 414 – 415.

³ См.: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 79.

ущерба. Из объема и размера последнего исключались составляющие и части выплат, погашенные в результате применения альтернативных форм компенсации, во внедрении которых владелец предприятия принимал непосредственное участие (речь шла, в частности, о выплате пособий пострадавшим из касс взаимопомощи предприятия, в той части, в которой источником их формирования не являлись собственные взносы заявителя или начисленные по ним проценты¹).

На практике впервые были предприняты попытки поиска обоснованного критерия для расчета фактически утраченного заработка, которые, однако, не привели к выработке унифицированного подхода. Так, с одной стороны, появилось понятие «обычной трудоспособности», под которой предлагалось понимать способность к такому труду, который «свойственен потерпевшему по его образованию, общественному положению и роду его занятий как в момент несчастного случая, так и раньше него». При сохранении способности к тем или иным разновидностям «обычного труда» предполагалось необходимым снижать размер вознаграждения². Назначая единовременную сумму, суд обязан был исследовать вопрос о том, утрачена ли способность к труду временно или навсегда, эти же факторы при наличии на то волеизъявления сторон могли служить поводом для пересмотра ранее установленных выдач³, в особенности, для лиц, не достигших совершеннолетия на момент увечья, независимо от получения ими какого-либо заработка в принципе⁴.

С другой стороны, отмечалось, что вред, причиненный утратой заработка, не находится в математическом соответствии со степенью поражения того или иного органа, но представляет собой сумму фактически понесенного

¹ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 28 июня 1912 г. № 1301. – Цит. по *Тютрюмов И.М.* Указ. соч. – С. 676.

² См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 03 декабря 1903 г. № 5834-1903; от 05 декабря 1906 г. № 4286-1906; от 04 июня 1908 г. № 10365-1908. – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 46.

³ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1886 г. № 6; от 1899 г. № 85; от 1883 г. № 7, от 05 декабря 1906 г. № 5185-1905 – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 49.

⁴ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1907 г. № 104. – Цит. по *Тютрюмов И.М.* Указ соч. – С. 705.

потерпевшим материального ущерба от увечья¹, с учетом, однако, той вероятной выгоды, которую можно было с уверенностью ожидать в будущем от прибавки жалованья, для которой предприняты необходимые приготовления². Никак не оценивалась утрата способности к домашнему труду³, а при продолжении трудовой деятельности пострадавший был лишен возможности искать вознаграждения⁴. В процессе развития судебной практики применительно к утраченному заработку все сильнее укреплялся принцип возмещения только фактически понесенных потерпевшим потерь. Это выражалось, в особенности, в том, что, помимо выплат из касс взаимопомощи, из суммы вознаграждения стали вычитаться любые иные пенсии и пособия «в отношении утраченной трудоспособности», независимо от их источника (т.е. формируемого не только самим предпринимателем, но и иными работниками, казной и пр.)⁵.

Кроме утраченного заработка в состав требований в вознаграждении вреда здоровью входило возмещение уже понесенных расходов на лечение, а также необходимые для лечения и попечения о пострадавшем суммы на будущее время, которые могли быть капитализированы в составе единовременного вознаграждения⁶. Любопытно, что на практике предпринимались попытки определения суммы единовременного вознаграждения как капитала, стабильный процент от вложения которого как раз и составлял необходимую ежегодную сумму на содержание пострадавшего (за основу принимался 5-процентный «обыденный» доход от помещения капитала в государственные кредитные

¹ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 08 января 1904 г. № 4705-1903 – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 47.

² См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1899 г. № 41 – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 46.

³ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 14 октября 1908 г. № 2605-1908. – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 44. В данном деле была признана не порождающей права на вознаграждение утрата способности к домашнему труду матери, оказывающей безвозмездную помощь по хозяйству своей замужней дочери.

⁴ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 26 марта 1908 г. – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 45.

⁵ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1907 г. № 40 – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 191.

⁶ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1899 г. № 32 – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 46.

учреждения). Подобная логика столетием позже была положена в основу применения Таблиц Огдена в Великобритании¹, а также иных, созданных по их примеру, табличных схем компенсации, принятых в зарубежных странах. Вместе с тем, отечественной судебной практикой такой подход был отвергнут со ссылкой на единство основания для определения размера вознаграждения².

В рассматриваемый период, в виду все тех же причин, связанных с расширением области применения машин в процессе человеческой жизнедеятельности, выявилась потребность в предложении более эффективных правовых средств возмещения вреда лицам, пострадавшим в результате несчастных случаев в промышленности и на производстве. Первым шагом на этом пути стало принятие специальных правил о вознаграждении за вред, причиненный при эксплуатации предприятий фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности в отношении фабричных и заводских рабочих³, согласно которым владельцы таких предприятий могли быть освобождены от обязанности произвести необходимое вознаграждение только в том случае, если могли доказать происхождение физического вреда от злого умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего. Для оценки последней вводился параметр соответствия его поведения условиям производства работ⁴.

Несмотря на то что приводимые положения не вошли в состав действовавшего гражданского законодательства⁵, на данном этапе речь шла, на наш взгляд, все же о модификации конструкции имущественной ответственности

¹ См.: Actuarial Tables With explanatory notes for use in Personal Injury and Fatal Accident Cases (Eighth edition) (updated May 2021 in light of Northern Ireland setting the discount rate at -1.75%). – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/989906/Ogden_Tables_8th_Edition_Updated_Final_25.5.21.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1894 г. № 63 – Цит. по: *Змирлов К.П.* Указ. соч. – С. 150 – 151.

³ См.: Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности (высочайше утверждены 2 июня 1903 г.). – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1903.htm> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: Свод законов Российской империи. Кн. 4. Т. XI. Ч. 2. Устав о промышленности. – СПб.: русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – С. 1263 – 1279.

⁵ Ст. 156.19 Устава о промышленности фабричной и заводской включала в себя отсылку к соответствующим правилам, приводимым в приложении к нему.

владельцев горнозаводских и фабричных производств¹. В отличие от специальной ответственности владельцев железнодорожных и паровозных предприятий, она приобретала не только полностью независимый от вины («строгий») характер, но и была распространена до пределов влияния обстоятельств непреодолимой силы с тем условием, что телесные повреждения были причинены пострадавшему работами по производству предприятия или «произошли от таких работ».

Обоснованием такого подхода служила преобладавшая еще до принятия закона 1903 г. доктринальная позиция, согласно которой в результате сознательного вовлечения к служению в производстве различных сил природы сами условия труда на таких предприятиях отличались высокой вероятностью случайных и неожиданных проявлений сил и движений предметов, чаще всего являющихся непосредственной причиной несчастий². Подчеркивалось, тем самым, что несчастные случаи в данной области имеют лишь косвенную и весьма слабую связь с действиями или бездействием конкретных людей, тогда как ближайшие их причины лежат в самой обстановке производства³. Непосредственное участие предпринимателей в обеспечении увечных рабочих, в свою очередь, предопределялось все тем же принципом экономически обоснованной справедливости, исходя из которого бремя необходимого вспомоществования следовало возложить на лиц, извлекающих в свою пользу большинство выгод от наемного труда, но не самих потерпевших, общество или государство⁴.

В связи с развитием постулата о неустранимом свойстве опасностей, присущих производственному процессу, стала постепенно приобретать осязаемые очертания также теория риска в деликтных обязательствах. Будучи выдвигаемой

¹ Неслучайно, при работе над первым проектом закона о вознаграждениях увечным рабочим комиссия, созданная Советом торговли и мануфактур Министерства финансов Российской империи, отмечала, что этот проект должен стать «дополнением и развитием общих начал X тома о гражданской ответственности» – см.: *Тютрюмов Р.* Фабричное законодательство в России. – М.: «Польза» В. Антик и Ко, 1908. – С. 94.

² См.: *Литвинов-Фалинский В.П.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. – СПб.: типография А.С. Суворина, 1900. – С. 230.

³ См.: *Тютрюмов Р.* Указ. соч. – С. 92.

⁴ См.: *Литвинов-Фалинский В.П.* Указ. соч. – С. 231.

часто теми же авторами, которые в качестве субъективного условия возникновения любой обязанности по вознаграждению вреда воспринимали только вину в различных ее формах, она, однако уже содержала в себе ключевую мысль о том, что опасность наступления внезапных вредоносных событий, грозящая рабочим, представляет собой ничто иное, как профессиональный риск, присущий данному роду деятельности. Принятие этого риска владельцами фабрично-заводских и горных предприятий в полном объеме предполагало также и вознаграждение потерь от его объективизации, независимо от наличия или отсутствия с их стороны конкретных упущений¹.

Впрочем, и этот подход не давал полноценного объяснения законодательным изменениям, в особенности, применительно к оговорке о грубой неосторожности пострадавшего, которая умаляла практическое значение вводимых правил. Идея профессионального риска нередко вновь раскрывалась через такое представление о социальной справедливости, при котором расширенная ответственность предпринимателей всегда была безвиновной². Возникающую уже на их стороне «несправедливость» предлагалось минимизировать, освобождая от выплат при воздействии непреодолимой силы или наличии собственной вины потерпевшего³.

При всей обоснованности утверждения о том, что специальные правила возмещения производственного вреда необходимы, поскольку чрезвычайно сложно установить его происхождение от обстановки производства, виновного деяния (упущения) со стороны работодателя или самого пострадавшего работника⁴, совершенно терялось из виду то, что все многообразие несчастных случаев данного рода фактически предлагалось урегулировать таким образом, как будто они были обязаны своим существованием единственному фактору. При

¹ См.: *Литвинов-Фалинский В.П.* Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующим в России законам. – СПб., 1903. – С. 4, 13.

² См.: *Нолькен А.М.* Законы о вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных, общественных и казенных: практическое руководство. – СПб.: Изд. Юридическое книжного склада «Право», 1911. – С. 5 – 6.

³ См.: *Тютрюмов И.М.* Гражданское право. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1922. – С. 99.

⁴ См.: *Тютрюмов Р.* Указ. соч. – С. 99, 110.

этом право выбора способа защиты нарушенного права конкретному потерпевшему не предоставлялось.

От идеи профессионального риска проистекали первые предложения о введении обязательного страхования жизни и здоровья рабочих, которые, однако, остро критиковались сторонниками законов о специальной ответственности предпринимателей. Они полагали, что привлечение страховых средств для решения проблемы неизбежно повлечет за собой ослабление внимания владельцев предприятий к заботе об условиях труда и соблюдении техники безопасности¹. Тем не менее, соображения практического свойства возобладали в 1912 г., когда в числе мер, направленных на улучшение уровня материальной защищенности и охраны здоровья рабочих и служащих², соответствующий закон все же был принят³.

Сущность описываемой в законе 1912 г. страховой формы возмещения вреда состояла в реализации такой разновидности личного страхования, где страховым событием признавался любой факт гибели или увечья рабочего, произошедший во время или вследствие исполнения им своих обязанностей, независимо от виновности нанимателя. Нормы о страховании воспринимались как принятые в развитие закона 1903 г., чему в немалой степени способствовал выбор в пользу взаимного страхования, при котором участниками создаваемых страховых товариществ становились владельцы предприятий по территориально-отраслевому признаку, несущие круговую ответственность по обязательствам этих товариществ. Определение несчастного случая было построено таким образом, чтобы подчеркнуть наступление *ответственности* предпринимателя за профессиональный риск как опасность, создаваемую самими условиями производства работ.

¹ См.: Литвинов-Фалинский В.П. Указ. соч. – С. 21.

² Под служащими понимались лица, не задействованные непосредственно в производстве, при условии, что размер их годового содержания не превышал 1500 руб.

³ См.: О страховании рабочих от несчастных случаев: Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думой закон 23 июня 1912 г. // 3 ПСЗ. Т. 26. № 37447. Собрание узаконений. 1912. 11 июля. Отд. I. Ст. 1230.

В то время как обязанность по оплате страховой премии предлагалось рассматривать в качестве видоизмененной формы такой ответственности, утрачивающей свою «индивидуальность», доктрина избегала окончательного определения основания и условий возникновения деликтных обязательств данного рода, вновь ограниваясь обращением к принципу справедливости¹. В ситуации, когда расширением пределов ответственности в количественном отношении (увеличением числа обязанных лиц) аргументировалось облегчение бремени ее несения посредством установления границ вознаграждения², игнорировались различия между правовым результатом, основаниями возникновения и прекращения деликтного и страхового обязательства, а равно и такими разновидностями страхования, как страхование рисков причинения вреда и страхование ответственности.

Интересно, что отход от принципа полного вознаграждения причиненного вреда был характерен уже для закона о специальной ответственности предпринимателей от 2 июня 1903 г., что могло объясняться желанием избежать диспропорционального увеличения объема имущественных обязательств владельцев предприятий, вызванного распространением таковых не только на «простые случайности», но и проявления непреодолимой силы. Согласно закону 1903 г. ключевым критерием для определения размера вознаграждения служила утрата трудоспособности, однако специальных процедур для ее установления в числовом выражении не вводилось, а размер выплаты зависел от того, являлось ли такая утрата временной или постоянной, полной или частичной.

Так, в период временной неспособности к труду пострадавший имел право на получение половины своего прежнего заработка в течение всего периода болезни. Далее, в случае лишения способности к труду навсегда и в полном объеме пожизненная пенсия равнялась $\frac{2}{3}$ прежнего дохода, а при частичном сохранении таковой определялась «в уменьшенном размере, соответственно

¹ См.: *Литвинов-Фалинский В.П.* Новые законы о страховании рабочих. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1912. – С. 162.

² См.: *Литвинов-Фалинский В.П.* Указ. соч. – С. 165.

степени ослабления трудоспособности»¹. Несмотря на веский аргумент о том, что правило о зачете пенсий и страховых сумм при исчислении вознаграждений за телесные повреждения направлено на защиту интересов виновников несчастных случаев, а не пострадавших², это правило применялось и здесь, с опорой на общую норму об обязанности каждого возмещать только тот вред, который является следствием его деяния или упущения (ст. 684 Свода законов гражданских)³.

Закон 1912 г. несколько увеличил объем вознаграждения пострадавшим, однако в основу правил его определения была положена обширная практика добровольного страхования предпринимателями жизни и здоровья рабочих, наработанная с 1903 г., в рамках которой задача полного вознаграждения даже не ставилась. Так, пособия временно нетрудоспособным были доведены до 2/3 прежнего заработка, а пенсии при постоянной нетрудоспособности рассчитывались на основании аналогичного показателя, теперь уже с учетом конкретной степени такой утраты. Лишь в редких случаях вознаграждение соответствовало реальному денежному содержанию – к ним относились случаи причинения отдельных видов телесных повреждений (полная потеря зрения, потеря обеих рук или ног, полная беспомощность, сумасшествие). Поскольку предприниматели по-прежнему обязывались организовывать за свой счет оказание медицинской помощи рабочим, расходы на лечение возмещались только тогда, когда данная помощь пострадавшему по тем или иным причинам не предлагалась, и были ограничены двумя параметрами – действительным

¹ Этот подход критиковался, в частности, И. Войтинским, который полагал, что из смысла и содержания закона не вытекает требования о применении при расчете вознаграждения одновременно критериев профессиональной и общей трудоспособности (см.: *Войтинский И.* Общая и профессиональная трудоспособность в сенатской практике по применению закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих // *Право.* – 1912. – № 3. – С. 135 – 138).

² См.: *Вормс А.Э.* Зачет пенсий и страховых сумм при исчислении вознаграждения за телесные повреждения. – СПб.: Известия Санкт-Петербургского политехнического института, 1909. – Т. XII. – С. 45 – 52.

³ См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1907 г. № 40; от 1908 г. № 88. – Цит. по: *Тютрюмов И.М.* Указ. соч. – С. 720.

характером затрат и квотой, утверждаемой присутствием по делам страхования рабочих¹.

Действие специальных правил о вознаграждении вреда увечным рабочим еще до введения обязательного страхования было ограничено достаточно узкой областью применения, из которой исключались не только ремесленные и сельскохозяйственные заведения, но и любые предприятия, принадлежащие казне и ее установлениям, а также мастерские и производства железнодорожных и паровозных предприятий². Специально для казенных предприятий в Устав о промышленности фабричной и заводской были включены ст. ст. 156.20, 21, 22, 23, 24 и приложения к ним, распространявшиеся отдельно на мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих (далее – рабочие) артиллерийских заведений военного ведомства, Государственной и Сенатской типографий и пр. Несмотря на то что казна отвечала по соответствующим обязательствам в целом по тем же правилам и в том же объеме, что и владельцы частных производств, некоторые различия все же существовали, не будучи при этом обусловленными спецификой условий труда и проистекающей от них опасности.

Так, например, выплаты занятым в соответствующих сферах рабочим не могли быть уменьшены на вознаграждения, назначаемые из других источников по аналогичному основанию, включая средства вспомогательных и сберегательных касс³. При определении годового содержания указанных категорий потерпевших (кроме рабочих Государственной и Сенатской типографий) полученная сумма могла быть скорректирована исходя из обычного для данного предприятия количества рабочих дней в году, если этот показатель превышал цифру 260. В отличие от рабочих частных предприятий, они могли претендовать на некоторое

¹ При отказе пострадавшего от предложенной ему бесплатной медицинской помощи за страховым товариществом признавалось право полностью или частично отказаться в выплате пособия или пенсии – ст. 25 Закона 1912 г.

² См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1903 г. № 103; от 1903 г. № 79 – Цит. по: *Тютрюмов И.М.* Указ. соч. – С. 682.

³ Статья 58 приложения к ст. 156.20 Устава о промышленности фабричной и заводской, предусматривающая это правило для рабочих предприятий артиллерийского ведомства, была распространена последующими нормами на все категории производств, принадлежащих казне и ее установлениям.

материальное вспомоществование не только при несчастных случаях, но и профессиональных болезнях, которые также относились к категории «повреждений в здоровье». Наконец, именно для рабочих казенных предприятий были разработаны критерии установления степени утраты трудоспособности¹, ставшие затем основой для определения данного параметра при назначении выплат по закону об обязательном страховании.

Примечательно, что в научной литературе содержание вышерассмотренных специальных норм уже не оценивалось с позиции модификации конструкции деликтной ответственности, но преподносилось в контексте выражения особой заботы государства об одной из наиболее уязвимых категорий населения². Такой подход, вкупе с обособлением правил о вознаграждении увечных рабочих в Устав о промышленности, формировал предпосылки для дальнейшего противопоставления норм законодательства в области социального обеспечения, регулирующих порядок и условия назначения выплат возмездительного значения, и норм гражданского права об имущественной ответственности.

Эти тенденции лишь усилило введение обязательного страхования от несчастных случаев на производстве в 1912 г. Упомянутым законом больничные кассы предприятий обязывались производить выплаты увечным рабочим в первые 13 недель утраты трудоспособности. Несмотря на то что данное решение подкреплялось повышением размеров взносов промышленников в такие кассы до 2/5 общей суммы (3/5 производили рабочие), становилось очевидным, что реальное значение страхования от несчастных случаев уже не связывалось с переложением рисков на страховщиков гражданской ответственности владельцев предприятий, напротив, речь шла об отказе от этой правовой формы

¹ См.: Правила к руководству для определения ослабления или утраты трудоспособности от телесных повреждений вследствие несчастных случаев, на основании Высочайше утвержденного 02 июня 1903 г. мнения Государственного Совета: выработаны Медицинским советом, утв. Министром внутренних дел 05 июня 1904 г. // Собрание узаконений. 1904. № 165. Ст. 1753.

² См.: *Дементьев Е.М.* Законы о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев. – СПб.: тип. В.О. Киршбаума, 1907. – С. 73.

вознаграждения¹. В совокупности это свидетельствовало о переходе от идеи использования возможностей страхования в целях обеспечения благоприятных условий исполнения деликтных обязательств определенного рода к созданию универсального средства компенсации физического вреда всем наемным работникам, в котором могли принимать участие как они сами, так и, при необходимости, государство. Завершению этого преобразования воспрепятствовала лишь Октябрьская революция 1917 г. и последовавшее за ней коренное перестроение национальной правовой системы.

Несмотря на развитие двух, столь различных, подходов к правовой регламентации вознаграждения вреда от новых техногенных угроз, в отношении постепенно актуализирующейся проблемы ответственности владельцев автомобильного транспорта высказывалось суждение о том, что определение ее правовой природы «не представляет особых затруднений». К этой категории новых несчастных случаев предлагалось применять те же начала «усиленной» ответственности, которые ранее были предусмотрены для владельцев железнодорожных и фабрично-заводских предприятий².

Что касается иных случаев возникновения обязанности по возмещению вреда (физического и не только), происхождение которого нельзя было связать с повышенными опасностями особого рода, то здесь законодатель оказывался весьма скуп на применение принципа конкретной справедливости³ и соответствующих ему форм возмещения. Обязанность по вознаграждению не могла быть возложена на более состоятельных субъектов только лишь в целях дополнительной защиты интересов потерпевшего, напротив, приоритетом оставалась реализация «карательных» свойств деликтной ответственности. Так,

¹ Подтверждением этому служило и то, что первоначальные предложения по предоставлению больничным кассам права обратного требования к страховым товариществам в пределах соответствующих сумм были отвергнуты со ссылкой на высокую вероятность судебных тяжб между ними – см.: *Литвинов-Фалинский В.П.* Новые законы о страховании рабочих. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1912. – С. 41 – 42.

² См.: *Гинс Г.* Автомобильное право, в особенности гражданская ответственность владельцев автомобилей // *Право*. – 1910. – № 10. – С. 583.

³ См.: *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 2020 (Классика российской цивилистики.). – С. 290.

например, должностные лица, по общему правилу ст. 677 Свода законов гражданских, лично возмещали вред, причиненный действиями (бездействием), совершенными ими в качестве представителей государственной власти, тогда как специальный процессуальный порядок рассмотрения требований граждан, пострадавших в результате их «неосмотрительности, нерадения и медленности», не отменял условия о вине¹. В особую категорию были отнесены судьи (ст. 678), однако область их имущественной ответственности была ограничена случаями причинения вреда в результате вынесения приговора невиновному при доказанном наличии «злого умысла» или «пристрастия» либо «явно неправильном толковании закона, ясно изложенного»². Иными словами, не оговаривалось ни презумпции наличия вины, ни каких-либо иных защитных правовых инструментов, облегчающих процесс истребования вознаграждения для потерпевшего.

Таким образом, появление в конце XIX – начале XX века в отечественном гражданском праве и цивилистической доктрине принципа приоритетного возмещения фактически понесенных потерь в объеме вреда здоровью следует связывать с развитием справедливых форм компенсации, построенных на идее экономически обоснованного перераспределения. Реализация данного принципа предполагала возмещение затрат на лечение и реабилитацию пострадавших только за пределами выплат и натуральных возмещений, назначаемых из любых альтернативных источников, частичное возмещение утраченного дохода, снижающееся при сохранении способности к обычному труду, приоритет натурального способа восстановления (через предоставление услуг по лечению и попечению, оказываемых в богадельнях). Полное возмещение вреда оставалось доступным при применении карательных форм возмещения, где определение размера выплат полностью отдавалось на усмотрение суда, а потому допускался

¹ См.: *Лазаревский Н.И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. – СПб.: тип. Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1905. – С. 422 – 426.

² См.: Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1891 г. № 8; от 1885 г. № 76 – Цит. по: *Тютрюмов И.М.* Указ. соч. – С. 672.

учет особых потребностей и утраченных способностей потерпевшего (потребности в содержании, способности к заключению брачного союза).

На разграничение сферы применения справедливых и карательных форм возмещения указывали: регламентация обособленных правил о вознаграждении за вред и убытки в зависимости от тяжести недозволенного деяния; запрет на возложение возместительной обязанности на лиц, не являющихся непосредственными причинителями вреда, для отдельных преступлений и проступков; возможность возмещения опосредованного вреда при совершении умышленных недозволенных деяний. В то же время, четкому разграничению данных форм препятствовало отсутствие в нормах права недвусмысленно выраженного правила о возложении обязанности по вознаграждению вреда, причиненного преступлением или проступком, исключительно на его причинителя, в сочетании с желанием законодателя использовать право требования потерпевшего к очевидно более состоятельному в имущественном плане третьему лицу в качестве эффективного средства гражданско-правовой защиты¹.

Все специальные средства компенсации исследуемого периода времени отличала одна особенность – будучи ответом на повышенные риски повреждения здоровья в отдельных сферах человеческой жизнедеятельности, они стремились урегулировать возникающие правоотношения так, как будто бы несчастные случаи в этой сфере происходили от единственного повреждающего фактора (на производстве – от самой обстановки труда, т.е. случайных факторов; при эксплуатации железных дорог – по вине предприятия и пр.), без права выбора способа защиты права у потерпевшего. На этом фоне обосновывались механизмы «предупреждения несправедливости» уже по отношению к обязанным лицам, а не пострадавшим, которые включали в себя: возможность окончательного доведения ответственности до виновного лица (право регресса), установление ограничений по объему и размеру компенсаций, введение обязательного страхования,

¹ См.: Колесниченко О.В. Карательные и справедливые формы вознаграждения вреда здоровью в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи конца XIX - начала XX века // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4 (70). – С. 96 – 100.

государственных компенсаций для потерпевших пропорционально количественному или качественному расширению пределов ответственности (исключению из числа обстоятельств, освобождающих от нее, грубой неосторожности, непреодолимой силы).

Важнейшим заблуждением, на долгие годы определившим содержание дискуссий о назначении института гражданско-правовой ответственности, стало размывание границ между ней и справедливой обязанностью по возмещению вреда. Неслучайно, И.А. Покровский предпринимал попытку выделить «конкретно-справедливые» формы вознаграждения, являющиеся даже не возмещением вреда, но его разложением по аналогии со страхованием¹. К настоящему моменту для целей последовательного развития такого подхода в цивилистической доктрине требуется сформировать единую позицию по ряду весьма «неудобных» вопросов, в том числе: существует ли в гражданских правоотношениях вина за пределами традиционных понятий умысла и неосторожности, должна ли большая или меньшая вина влиять на возможность доведения ответственности до нарушителя, может ли размер материальной ответственности отличаться в зависимости от тяжести и общественной опасности деяния, в каких пределах допустим регресс в деликтных и страховых правоотношениях и др. Таким образом, учитывая все вышесказанное, различие между карательными и справедливыми формами возмещения вреда является своего рода методологическим «ключом» к решению многих противоречий и проблем правовой регламентации деликтных обязательств.

§ 2. Развитие теоретических представлений и нормативного правового регулирования в области определения форм и способов возмещения вреда здоровью в советском гражданском праве

Несмотря на пропагандируемое отсутствие преемственности с дореволюционным гражданским правом, в советской цивилистике обозначенные

¹ См.: Покровский И.А. Указ. соч. – С. 291.

теоретические проблемы сохранились, а потребность в особых правилах возмещения вреда здоровью для отдельных категорий несчастных случаев не утратила своего значения, хотя и обеспечивалась уже в комплексе с иными мерами по защите интересов пострадавших. Обосновываемые, преимущественно, идеологическими мотивами предложения об отказе от параметра вины и признании основанием гражданско-правовой ответственности «социально-вредного деяния»¹, не нашли в науке сколь-нибудь значительной поддержки, напротив, принцип вины был впоследствии окончательно признан социально-эффективным регулятором общественных отношений². Это означало и возврат к традиционным спорам о возможности отступления от него в целях регламентации специальных форм компенсации.

В годы Советской власти ключевая роль вполне закономерно и в соответствии с целями коммунистического строительства отводилась государственным обязательствам по материальной поддержке трудящихся и членов их семей. Обязательствам из причинения вреда в деле восстановления здоровья и благосостояния потерпевшего придавалось лишь второстепенное значение. Так, в частности, в ст. 413 ГК РСФСР 1922 г.³ содержалось упоминание о дополнительном характере возмещения вреда по отношению к государственному пенсионному обеспечению, которое было устранено лишь после принятия Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 08 декабря 1961 г.⁴ При описанных предпосылках Правила возмещения

¹ См.: *Амфитеатров Г.Н.* Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию // Советское государство и революция права. – 1930. – № 4. – С. 74; *Стучка П.И.* Курс советского гражданского права. Т. 1: Введение в теорию гражданского права. – М.: Соцэкгиз, 1931. – С. 82.

² См.: *Шварц Х.И.* Значение вины в обязательствах из причинения вреда. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – С. 25, 29, 42; *Гражданское право / под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина.* – Т. 2. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – С. 323, 324, 375, 376.

³ См.: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Известия ВЦИК. 1922. № 256. 12 нояб.

⁴ См.: Закон СССР от 08 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

вреда рабочим¹, вкуче с положениями ст. 91 Основ 1961 г. и ст. 460 ГК РСФСР 1964 г.², сформировали первый полноценный и весьма специфический правовой режим таких компенсаций, относящийся непосредственно к области гражданско-правового регулирования.

Для начала следует отметить, что в нормативных актах и литературе того времени проводились четкие различия между понятиями «несчастного случая, связанного с работой» и «несчастного случая, связанного с производством». Разграничивались и правовые последствия для каждого из указанных юридических фактов. Так, указывалось, что несчастные случаи, связанные с работой, представляют собой более широкое понятие, поскольку повреждение здоровья рабочего (служащего) может произойти не только при участии его в производственном процессе, но и при выполнении им государственных или общественных обязанностей, специальных заданий партийных или профессиональных организаций, при охране социалистического порядка и т.п. Возмещение вреда в гражданско-правовом значении становилось возможным при несчастных случаях, связанных с производством, и только при наличии вины в случившемся со стороны предприятия – работодателя, являющегося одновременно страхователем пострадавшего по государственному социальному страхованию³.

Установление вины предприятия в причинении вреда здоровью рабочего осуществлялось по формальным признакам, исходя из обнаруженных нарушений по части создания условий для безопасного и здорового труда, и имело также еще одно важное последствие – постановлением фабричного, заводского или местного комитета (ФЗМК) профсоюза предприятие обязывалось к возмещению бюджету государственного социального страхования расходов на выплату пособия по

¹ См.: Постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 22 декабря 1961 г. № 483/25 «Об утверждении Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой» // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1961. № 1.

² См.: Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

³ См.: *Шиминова М.Я.* Возмещение вреда, причиненного здоровью. – М.: Московский рабочий («Беседы о советском законе»), 1972. – С. 40 – 41.

временной нетрудоспособности. Дополнительно к этому ст. 94 Основ предусматривалась обязанность ответственного субъекта возместить ту часть материальных потерь, которая была фактически компенсирована пострадавшему посредством назначения и выплаты пенсии по инвалидности. Таким образом, добросовестное исполнение страхователем своих обязанностей в системе обязательного государственного страхования не обеспечивало ему абсолютной защиты от издержек, вызванных наступлением страхового случая, поскольку в конечном счете полный объем возмещения вреда здоровью возлагался именно на предприятие¹.

Традиционно под любым вредом понималось умаление или полное уничтожение субъективного права или блага. В то же время, правовая доктрина избегала прямых указаний на возможность денежной оценки вреда здоровью, отвлекаясь от базовой теоретической конструкции и обсуждая экономические последствия правонарушения, имеющие стоимостную форму (имущественный вред), и неимущественные последствия, не имеющие экономического содержания (неимущественный вред). При этом делался акцент на некорректности выделения в качестве видов вреда «вреда личности» и «вреда имуществу», поскольку характер наступивших неблагоприятных последствий не определяется в качестве единственного фактора природой нарушенного права². Для денежной оценки любого имущественного вреда использовалась конструкция убытков, хотя в научной литературе вред здоровью с убытками напрямую никогда не отождествлялся.

¹ На особом положении находились колхозы, которые, несмотря на возможность назначения пострадавшему пособия из собственных средств, не имели права регресса в отношении причинителя вреда. Одновременно с этим п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1960 г. № 3 о судебной практике по гражданским и колхозным делам (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1960. № 3) запрещалось учитывать при исчислении размера ущерба от увечья члену колхоза какие-либо иные доходы, помимо полученных от работы в общественном хозяйстве такого колхоза. Данное правило было продублировано в ст. 464 ГК РСФСР и п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. № 6 о судебной практике по искам о возмещении вреда. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6011.htm (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Малеин Н.С.* Возмещение вреда, причиненного личности. – М.: Юрид. лит., 1965. – С. 9, 11.

Вместо этого в целях придания свойства возместимости физическому вреду предпринимались попытки обосновать различие между таким вредом в его фактическом значении как обусловленными повреждением здоровья имущественными потерями, образовавшимися до их компенсации в установленном порядке¹, и вредом «юридически значимым, некомпенсированным»² тем или иным способом в рамках применения норм о деликтных обязательствах. Впрочем, дискуссия о целесообразности выделения данных категорий неминуемо сталкивалась с сугубо распределительной сущностью обязанности по возмещению вреда, возлагаемой на компетентные органы в рамках государственного социального страхования и пенсионного обеспечения.

Как отмечалось выше, за данными органами сохранялось право требования к причинителю вреда в пределах выплаченных сумм пенсий и пособий, в связи с чем выделение в отдельную категорию юридически значимого вреда, оставшегося невозмещенным после перечисления потерпевшему такого рода выплат, не имело бы практического значения. И здесь сложно было бы согласиться с представлением о том, что возмещенный вред не является вредом в юридическом значении³. Поскольку право регресса возникает в связи с возмещением субъектом вреда, причиненного другим лицом⁴, общее понятие вреда как материальных последствий правонарушения, без каких-либо изъятий и исключений, отражает действительный объем ответственности его причинителя – подобно тому, как содержание и объем вреда, причиненного несовершеннолетним, не меняются в случае привлечения к его возмещению родителей такого лица.

¹ См.: *Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю.* Материальная ответственность за повреждение здоровья. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 15 – 16.

² См.: *Варшавский К.М.* Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда другому. – М., 1929. – С. 24; *Смирнов В.Т.* Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья и смерти работникам. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 115 – 117.

³ См.: *Малеин Н.С.* Указ. соч. – С. 36, 37.

⁴ В широком смысле, если необходимое исполнение «в конечном счете» лежит на другом лице – см.: *Новицкий И.Б.* Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями: Опыт обобщения арбитражной и судебной практики. – М.: Госюриздат, 1952. – С. 46.

Касаясь вопросов определения объема и размера возмещения вреда в отношении случаев повреждения здоровья, нельзя не отметить, что судебная практика, складывавшаяся в период действия ГК РСФСР 1922 г., в том числе, в соответствии с руководящими разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г.¹, полагала достаточной компенсацию потерь, вызванных утратой трудоспособности, согласно их оценке на момент происшествия, без учета вероятности изменения уровня достатка потерпевшего в будущем. Это позволяло отдельным авторам полагать, что вред здоровью в принципе ограничивается утратой заработка, вызванного потерей трудоспособности, и отдельными экстраординарными расходами², или, более того, в случае увечья рабочего или служащего ему возмещается только «утраченный действительный трудовой заработок»³.

Ограничительное толкование норм гражданского законодательства судами требовало от доктрины дополнительных усилий, направленных на то, чтобы обосновать возможность применения принципа полного возмещения вреда к рассматриваемым отношениям. К примеру, Н.С. Малеину в уже упоминавшемся нами фундаментальном научном труде по проблемам возмещения вреда личности приходилось обращать внимание на то, что соответствующие нормы посвящены обязанности возмещения вреда, а не утраченного заработка⁴. Между тем, правоприменительная практика окончательно перестала отвергать все иные материальные притязания потерпевших лишь по мере наработки опыта применения ст. ст. 91, 92 Основ 1961 г. и Правил возмещения ущерба рабочим. В позже принятом Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 23 октября

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 11/М/6/у от 10 июня 1943 г. о судебной практике по искам о причинении вреда // Картоотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. 1943. Вып. 10-12. Разд. XII-1. – М.: гос. Изд-во мест. пром-сти РСФСР, 1944.

² См.: *Иоффе О.С.* К вопросу об объеме возмещения в делах о причинении увечья // Вестник Ленинградского университета. – 1952. – № 4. – С. 82; *Иоффе О.С., Толстой Ю.К.* Основы советского гражданского законодательства. – Л.: изд-во ЛГУ, 1962. – С. 167.

³ См.: *Смирнов В.Т.* Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья и смерти работникам. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 117.

⁴ См.: *Малеин Н.С.* Указ. соч. – С. 53.

1963 г. № 6¹ появились специальные положения, направленные на защиту рассматриваемого принципа, в частности, в п. 9 отмечалось, что при определении размера расходов на лечение и реабилитацию пострадавшего не может учитываться степень его сопутствующей вины.

О специфике порядка определения размера отдельных составляющих возмещаемого вреда нельзя не упомянуть отдельно. Так, в частности, Правила возмещения вреда рабочим 1961 г. вводили в научный оборот критерий трудоспособности как один из ключевых для оценки вреда здоровью и закрепляли порядок расчета утраченного заработка, основанный на определении среднего заработка пострадавшего до травмы и процента утраты профессиональной трудоспособности, выработанный к тому времени судебной практикой. Из такого порядка, ставшего впоследствии традиционным, устанавливались два исключения, как то: временный перевод пострадавшего на нижеоплачиваемую работу по состоянию здоровья и направление его на обучение новой профессии администрацией предприятия. Их нетрудно было объяснить – в обоих случаях за работником сохранялся средний заработок по прежней работе, следовательно, в соответствующие периоды виновному предприятию не было необходимости дополнительно возмещать данную компоненту вреда здоровью.

В судебно-правовых позициях, сформулированных в 50-х годах Верховным судом СССР, содержалась и такая, исходя из которой ответчику по искам о возмещении вреда здоровью предоставлялось право ставить вопрос о зачете посттравматического заработка в счет полагающегося пострадавшему возмещения независимо от того, где и какую работу он выполняет². В другом своем решении высший суд страны предлагал механизм такого «зачета», в рамках которого должен был зачитываться не весь заработок пострадавшего, а лишь его часть, превышающая сумму предполагаемого дохода, на которую он мог бы

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. № 16 «О судебной практике по искам о возмещении вреда». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6011.htm (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 26 апреля 1952 г. по делу № 03/347 // Судебная практика Верховного Суда СССР. – 1952. – № 8. – Стр. 36.

претендовать с учетом сохранившейся профессиональной трудоспособности. Условием применения зачета являлось продолжение получения потерпевшим постоянного заработка, сумма которого вместе с получаемой пенсией и присужденным возмещением за вред превышает заработок до увечья¹. Встретив определенную поддержку в науке², требование о зачете получило нормативную правовую регламентацию в Правилах возмещения вреда рабочим 1961 г. (п. 29) и было также продублировано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. (п. 22).

Отныне устанавливалось, что сумма компенсации вместе с назначенной пострадавшему пенсией по инвалидности или суммой увеличения пенсии по возрасту и новым заработком не должна была превышать заработка до повреждения здоровья. В случаях превышения размер возмещения соответствующим образом уменьшался либо в возмещении вреда могло быть отказано со ссылкой на то, что причинитель вреда обязывается к возмещению не предполагаемого, а реального ущерба в заработке. В целях обеспечения выполнения данного условия от пострадавшего требовалось предоставлять в администрацию предприятия сведения обо всех изменениях в своем заработке и трудовой деятельности.

Подобный подход иногда подвергался критической оценке, поскольку не учитывались дополнительные усилия, которые прилагал потерпевший для возврата к трудовой деятельности в новых для себя условиях, интенсификация его труда, инициативность в преодолении физических ограничений, обусловленных травмой, не формировалось стимулов для приобретения им новой специальности

¹ См.: Определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 12 июня 1954 г. по делу № 03/565-54 // Судебная практика Верховного суда СССР. – 1954. – № 5. – Стр. 38.

² См.: *Смоленцев Е.* Возмещение вреда, причиненного повреждением здоровья // Социалистическая законность. – 1953. – № 7. – С. 53; *Панюгин В.* Зачет заработка потерпевшего при частичной утрате трудоспособности от увечья // Социалистическая законность. – 1955. – № 4. – С. 21; *Ческис Г.И.* Вопросы установления объема возмещения вреда в делах о причинении увечья // Труды Иркутского государственного университета. – Вып. 3 (т. 22). – Иркутск, 1957. – С. 150.

или повышения квалификации, общественно полезной деятельности в целом¹. Предлагалось как полностью отказаться от правила о зачете², так и определить четкие пределы для его применения: установить процентное ограничение допустимого уменьшения суммы возмещения³; не применять зачет в случаях, когда повреждение здоровья препятствует повышению квалификации потерпевшего⁴, а также в отношении инвалидов I и II группы и престарелых инвалидов III группы⁵; учитывать отношение потерпевшего к общественно полезному труду, уменьшая размер компенсации лишь в том случае, когда он уклоняется от выполнения рекомендаций врачебно-трудоустройственной комиссии (ВТЭК)⁶. Таким образом, формировалось, хотя и недостаточно четкое, представление о том, что вред, причиненный утратой трудоспособности, не укладывается в полной мере в правовую конструкцию убытков и не равнозначен потерям от фактического снижения заработка.

О колебаниях доктрины в пользу такого подхода говорило и то, что, пусть и редких случаях, но все же встречалось обоснование потребности в возмещении утраченного заработка (дохода), производимое с отсылкой к разнице в трудоспособности потерпевшего до и после несчастного случая. В частности, обозначалась проблема отсутствия в законе механизмов, позволяющих учитывать различия в начальном уровне трудоспособности пострадавших (взрослый или ребенок, здоровый или больной⁷), а также возможность утраты трудоспособности по причинам, не связанным с данным несчастным случаем, в будущем (из-за

¹ См.: Шиминова М.Я. Компенсация вреда гражданам: гражданско-правовое регулирование. – М.: Наука, 1979. – С. 139.

² См.: Белякова А.М. Возмещение причиненного вреда. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – С. 58.

³ См.: Сергиенко А.А. Некоторые вопросы теории и практики возмещения вреда в связи с причинением увечья рабочим и служащим // Ученые записки Харьковского юридического института. – Вып. 8. – Харьков, 1957. – С. 141.

⁴ См.: Сергун А.К. Обязательства, возникающие вследствие повреждения здоровья или причинения смерти: дисс. канд. юрид. наук. – М., 1952. – С. 188 – 189.

⁵ См.: Флейшиц Е.А. Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья // Ученые записки ВЮОН. – Вып. 1. – М., Госюриздат, 1955. – С. 81.

⁶ См.: Шиминова М.Я. Там же.

⁷ См.: Флейшиц Е.А. Указ. соч. – С. 69.

старости, общего заболевания и др.)¹. Специальную трудоспособность рекомендовалось использовать как критерий оценки повреждения здоровья непосредственно после несчастного случая, а в дальнейшем исходить из возможности пострадавшего работать в организованных условиях производства или службы с учетом его базовых профессиональных умений и навыков².

Отдельная дискуссия была развернута вокруг понятия общей трудоспособности и критериев оценки ее утраты, что было в значительной степени связано с применением ст. 415 ГК РСФСР 1922 г., ст. 464 ГК РСФСР 1964 г. об определении утраченного заработка (дохода) пострадавшим, не участвующим в общественном производстве на момент несчастного случая. Пунктом 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. № 6 было предусмотрено особое правило для таких лиц, в отношении которых учитывался минимум заработной платы сообразно с «родом занятий» – например, возмещение вреда домашним хозяйкам должно было производиться на основании среднего заработка домашней работницы. Неработающим пенсионерам возмещение вреда производилось с учетом способности к самообслуживанию и ведению домашнего хозяйства.

В целях обеспечения доктринального сопровождения этих положений общую трудоспособность предлагалось раскрывать как способность человека выполнять ряд простейших трудовых процессов, не регулируемых никакими извне установленными нормами (передвигаться без посторонней помощи, обслуживать себя в быту, включая приготовление пищи, уборку и т.п.)³. Противопоставление общей трудоспособности и способности участвовать в «организованном производственном процессе» позволяло учитывать при

¹ См.: Румянцев Н. Взыскание ущерба из причинения вреда // Социалистическая законность. – 1952. – № 10. – С. 58 – 62.

² См.: Горелик А.Т. Основные принципы определения процента потери трудоспособности по опыту Ленинградской городской судебно-медицинской экспертизы // Вопросы судебно-медицинской экспертизы: сб. статей. – М.: Госюриздат, 1958. – Вып. 3. – С. 147.

³ См.: Трегубов С.Л. Методика и практика судебно-медицинской экспертизы трудоспособности. – М.: Медгиз, 1960. – С. 29.

характеристике первой и такие составляющие, как способность осуществлять уход за членами семьи, работать на приусадебном участке и т.п.¹

Отметим, что в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. указывалось, что в случае полной неспособности пострадавшего к продолжению трудовой деятельности по имеющейся у него профессии размер возмещения вреда надлежало уменьшать на сумму, которую мог бы заработать неквалифицированный рабочий при аналогичном повреждении здоровья. Правила 1961 г. фактически подтвердили данное требование, предусмотрев «зачет» в размере минимального заработка, соответствующего сохранившейся у потерпевшего общей трудоспособности. В связи с отмеченными обстоятельствами дискуссии вокруг содержания последней имели вполне конкретное практическое значение. Более того, поскольку гражданское законодательство позволяло возмещать утраченный доход лицам, занятым в домашнем хозяйстве, закономерно вставал вопрос о том, почему данная форма использования своих способностей к труду не может быть учтена дополнительно и для работающих граждан.

К сожалению, конец всем рассуждениям на эту тему положил законодатель, отменивший соответствующее требование в следующей версии Правил. Категория общей трудоспособности утратила свое значение и перестала оцениваться судебной практикой.

Особый подход, разительно отличающийся от современного, был выработан в судебной практике и закреплен Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. в отношении затрат на оказание услуг по постороннему уходу за потерпевшим. Таковые возмещались на основании заключения врачебной комиссии без подтверждения фактически понесенных расходов. Сумма компенсации определялась исходя из среднего заработка домашней работницы или санитарки, что особенно примечательно, без вычета целевых надбавок к пенсиям, полагавшихся потерпевшим, нуждающимся в данном виде помощи. Назначению выплат не препятствовало привлечение к

¹ См.: Горелик А.Т. – Там же.

бытовому или медицинскому обслуживанию члена семьи, поскольку оказание таких услуг не признавалось формой участия совместно проживающих лиц в ведении домашнего хозяйства.

Правило об учете степени вины потерпевшего в причинении вреда его здоровью вплоть до издания Правил 1961 г. применялось ко всем взыскиваемым суммам. Такая практика встречала как возражения¹, так и поддержку со стороны научного сообщества². Лишь в связи с изданием вышеуказанного Постановления судам было предписано не использовать его при возмещении дополнительных расходов (на лечение, протезирование, посторонний уход и др.) для всех случаев повреждения здоровья.

Новые Правила возмещения вреда рабочим³, принятые Советом Министров СССР 03 июля 1984 г., не привнесли существенных изменений в описанный правовой механизм, продолжив вводить в правовое поле унифицированные подходы к исчислению отдельных видов выплат. В частности, императивно устанавливалось, что утраченный заработок пострадавшего на производстве всегда должен был определяться в зависимости от утраты профессиональной трудоспособности (п. 7). Нормативно закреплялось также «правило о зачете», согласно которому размер возмещения мог быть уменьшен только на сумму пенсии по инвалидности, назначенную пострадавшему в связи с данным трудовым увечьем, либо на сумму, на которую по тем же причинам увеличилась ранее установленная пенсия по старости или инвалидности. Специально был урегулирован вопрос о возмещении вреда, причиненного в процессе производственного обучения, и здесь можно было видеть попытку принять во внимание динамику изменения трудоспособности пострадавшего на протяжении

¹ См.: *Флейшиц Е.А.* Указ. соч. – С. 97 – 99.

² См.: *Черкис Г.И.* Вопросы установления объема возмещения вреда в делах о причинении увечья // Труды Иркутского государственного университета. – 1957. – Вып. 3 (т. 22). – С. 150 – 156.

³ См.: Постановление Совмина СССР от 03 июля 1984 г. № 690 «Об утверждении правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей» // *Собрание постановлений Правительства СССР*. 1984. № 24. Стр. 447 – 453.

его жизни. В отличие от ранее действовавших положений, согласно которым такие лица получали возмещение исходя из тарифной ставки рабочего-сдельщика низшего разряда, отныне учитывалась ставка (оклад) по искомой профессии (специальности) не ниже 2-го разряда.

В то же время, Практика применения Правил 1984 г. подчеркивала возрастающее влияние на отношения по возмещению вреда положений законодательства о социальном обеспечении, вследствие которого сама возможность реализации принципа полного возмещения вреда также неоднократно ставилась под сомнение. К примеру, Инструкция о порядке применения Правил¹ вводила ограничение, согласно которому при расчете среднего заработка потерпевшего за 12 месяцев могли быть учтены не более 4 квартальных, 2 полугодовых и 1 годовой премии, а также 1 вознаграждение за общие результаты работы организации по итогам года. Своим происхождением эти правила были обязаны нормам о порядке исчисления пособия по временной нетрудоспособности по государственному социальному страхованию, однако, несмотря на различие целей правового регулирования, они прочно обосновались в области деликтных обязательств.

В русле развития учения об источнике повышенной опасности из сферы действия правила о наступлении ответственности страхователя (предприятия, организации) на началах вины были исключены случаи причинения трудового увечья или иного повреждения здоровья во время следования к месту работы и с работы на транспорте, предоставленном организацией (здесь применялся п. 24 ст. 90 Основ). Специальное правило распространялось также на воздушно-транспортные предприятия – ответственность за вред, причиненный повреждением здоровья или смертью члена экипажа при взлете, полете или

¹ См.: Постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 13 февраля 1985 г. № 50/П-2 «Об утверждении Инструкции о порядке применения Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9020917> (дата обращения: 14.01.2024).

посадке судна, возлагалась на них во всех ситуациях, когда не могло быть доказано возникновение вреда вследствие умысла потерпевшего.

Наряду с этим, сохранялось деление несчастных случаев на «связанные с работой» и «связанные с производством», а предприятие – виновник по-прежнему обязывалось к возмещению не только утраченного заработка потерпевшего и дополнительно понесенных расходов, но и сумм пособия по временной нетрудоспособности¹. На практике продолжал реализовываться подход, согласно которому право на выплату давало только такое увечье или иное повреждение здоровья потерпевшего, которое вызывало реальное уменьшение способности к труду по определенной профессии или специальности, а также соответствующие «фактические расходы»².

Пересечение области правовой регламентации социальных и деликтных обязательств имело судьбоносные последствия для последующего регулирования вопросов определения объема и характера возмещения вреда здоровью. В ст. 459 ГК РСФСР 1964 г. и п. 22 Инструкции 1984 г. впервые были конкретизированы категории дополнительных расходов, на компенсацию которых мог претендовать потерпевший, включенные практически в неизменном виде в ст. 1085 ГК РФ. К их числу были отнесены затраты на дополнительное питание, протезирование, уход за потерпевшим, санаторно-курортное лечение, расходы на приобретение специальных транспортных средств и т.п.

Однако, кроме перечня, гражданское законодательство воспринимало и новые ограничения по суммам выплат. В частности, п. 24 Инструкции ориентировал на возмещение расходов на посторонний уход в размере не более месячного оклада санитарки для лиц, нуждающихся в специальном медицинском

¹ См.: Постановление Президиума ВЦСПС от 13 августа 1982 г. № 11-6 «Об утверждении положения о расследовании и учете несчастных случаев на производстве». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11243.htm; Постановление Президиума ВЦСПС от 12 ноября 1984 г. № 13-6 «Об утверждении Положения о порядке обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8227/ (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. № 36 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении норм ГК РСФСР, регулирующих возмещение вреда» // Бюллетень Верховного суда РСФСР. – 1967. – № 4. – С. 7.

обслуживании, и 60 % от этого показателя – для иных пострадавших. Утрачивало силу правило, выработанное судебной практикой, согласно которому надлежало производить перерасчет платежей на посторонний уход в связи с изменением оплаты труда домашних работниц¹.

Все категории дополнительных расходов возмещались на основании заключения ВТЭК или бюро СМЭ о нуждаемости в них потерпевшего при условии, что он не получил соответствующих видов помощи или ухода бесплатно от какой-либо организации². В научной литературе, тем не менее, отмечалось, что, исходя из общего правила ст. 4 ГК РСФСР, пострадавший не может быть ограничен в праве на возмещение иных, непоименованных в соответствующих нормах, расходов, если таковые были «неразрывно связаны с увечьем»³. Единственным условным подтверждением этого тезиса можно было считать выработанную в судебной практике позицию по вопросу о возможности частично возмещать пострадавшему расходы на приобретение специально оборудованной автомашины, если по тем или иным причинам он не мог воспользоваться мотоколяской, предоставляемой каждому, кто на постоянной основе утратил способность к самостоятельному передвижению⁴.

Невзирая на общие весьма существенные ограничения по условиям и суммам выплат, из сферы действия Правил было прямо исключено профессиональное заболевание под названием пневмокониоз, поскольку лицам, пострадавшим от него, прямо запрещалось требовать от организации, в которой

¹ См.: Постановления Президиума и Определения Судебных коллегий Верховного суда РСФСР (извлечения). П. 3. Потерпевший вправе обратиться в суд с иском об увеличении размера взыскания, если в связи с повышением заработной платы неквалифицированных работников расходы по постороннему уходу не компенсируются присужденной суммой // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1971. – № 8. – С. 13.

² См.: Постановления Президиума и Определения Судебных коллегий Верховного суда РСФСР (извлечения). П. 4. Суд вправе обязать причинителя вреда возместить потерпевшему расходы на приобретение специального средства передвижения при наличии заключения ВТЭК о его нуждаемости в таковом // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1975. – № 9. – С. 11.

³ См.: *Донцов С.Е., Маринина М.Я.* Ответственность за вред, причиненный личности. – М.: Юрид. лит., 1986. – С. 132.

⁴ См.: Постановления Президиума и Определения Судебных коллегий Верховного суда РСФСР (извлечения). П. 5. Требования потерпевшего о возмещении расходов в связи с износом имевшейся у него автомашины с ручным управлением могут быть удовлетворены в пределах стоимости мотоколяски // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1974. – № 7. – С. 13.

они работали, каких-либо выплат. Предполагалось, что вред, причиненный здоровью пневмокониозом, возмещается повышенным пенсионным обеспечением¹. Правило, согласно которому отдельно взятая болезнь рассматривалась как страховой случай, при котором предприятия-страхователи полностью освобождаются от гражданской ответственности, вступало в явное противоречие с принципом ответственности каждого за свою вину. Кроме того, в связи с тем, что заболевание пневмокониозом не всегда влекло за собой установление группы инвалидности, причиненный вред в принципе мог оставаться невозмещенным.

В похожем ключе решался вопрос об общих принципах возмещения вреда военнослужащим и приравненным к ним лицам, и доктрина не выдвигала против этого убедительных возражений. Хотя предметом исследования в ряде работ и могла становиться практика применения гл. 12 Основ и гл. 40 ГК РСФСР к таким отношениям, в целом считалось, что для указанных субъектов компенсация ограничивается повышенной пенсией². Иными словами, обоснованным считалось назначение возмещений по общим правилам лишь для случаев повреждения здоровья не при исполнении обязанностей службы³, невзирая на то, что сама постановка вопроса о том, следует ли применять нормы о деликтных обязательствах, выглядела несколько странной для ситуаций, в которых делинквентом являлось стороннее лицо (не работодатель).

Отмеченные противоречия, как и в дореволюционный период, были обусловлены попытками найти оптимальный вариант правовой регламентации возмещения вреда для отдельных случаев повреждения здоровья, применительно к которым существенный вклад в возможность наступления неблагоприятного

¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1959 г. «Об улучшении пенсионного обеспечения рабочих и служащих, ставших инвалидами вследствие профессионального заболевания пневмокониозом» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 26. – С. 146.

² См.: *Малеин Н.С.* Возмещение вреда, причиненного повреждением здоровья военнослужащих // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 94; *Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю.* Материальная ответственность за повреждение здоровья. – М.: Юридическая литература, 1968. – С. 37.

³ См.: *Майданик Л.А.* Возмещение вреда, причиненного здоровью при исполнении потерпевшим трудовых обязанностей // Советское государство и право. – 1976. – № 4. – С. 37.

результата вносили не до конца подвластные человеку факторы. Важной отличительной особенностью, вместе с тем, являлось усиление тенденций к их обособлению в родовую категорию, для которой компенсация может достигаться исключительно правовыми средствами страхования и социального обеспечения.

На фоне достаточно подробного регулирования вопросов преодоления последствий несчастных случаев на производстве существенного внимания бытовым травмам не уделялось. Отмечалось лишь, что для них порядок расчета суммы возмещения является аналогичным, а степень утраты трудоспособности определяется органами СМЭ по правилам, установленным для ВТЭК¹. Иногда, впрочем, специальное нормативное правовое регулирование вводилось для того, чтобы подчеркнуть элементы порицания в механизме имущественной ответственности и усилить превентивную составляющую для конкретных форм противоправного поведения. Речь шла, к примеру, о взыскании средств, затраченных на стационарное лечение граждан, пострадавших в результате умышленных преступлений, с лиц, осужденных за их совершение².

Подчеркивалась потребность в индивидуализации имущественной ответственности, поскольку, помимо ограничений по форме вины, вводились запреты, связанные с невозможностью переложения бремени взыскания на третьих лиц, обычно привлекаемых к выплатам в соответствии с гражданским законодательством. Расходы на лечение мог компенсировать совершивший преступление гражданин, но не предприятия и учреждения (включая владельцев источников повышенной опасности, учебные заведения), родители несовершеннолетних и т.п.

Примечательно, что в доктрине возможность взыскания расходов на стационарное лечение потерпевших объяснялась не с позиции участия лечебного учреждения в возмещении (в данном случае – натуральном) вреда, причиненного иным лицом, что соответствовало бы классическому пониманию основания

¹ См.: Шиминова М.Я. Указ. соч. – С. 62.

² См.: Указ Президиума ВС СССР от 25 июня 1973 г. № 4409-VIII «О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий». – URL: <https://ppt.ru/docs/ukaz/85657> (дата обращения: 14.01.2024).

возникновения права регресса. Само учреждение представлялось пострадавшим от действий делинквента, а причиненный ему вред обнаруживался в несении «необоснованных расходов по лечению потерпевших от преступлений»¹. Согласно ст. 463 ГК РСФСР с осужденных за умышленные и неосторожные преступления взыскивались также суммы пособий по временной нетрудоспособности, т.е. фактический объем ответственности таких лиц был значительно шире общего объема деликтной ответственности по нормам гражданского права.

Вместе с тем, стройная система распределения обязанностей по возмещению вреда между различными субъектами (государством, причинителем вреда и иными ответчиками, самим потерпевшим) не приводилась. Из действовавших правовых источников и официальных разъяснений не следовало, что степень участия государства в этих правоотношениях может быть ограничена, например, случаями повреждения здоровья по обстоятельствам, не зависящим от воли третьих лиц.

Для отдельных категорий умышленных деяний, включая не только преступления, но и административные правонарушения, применение дополнительных имущественных санкций предусматривалось исходя из характера такого противоправного деяния и отдельных элементов его субъективной стороны. Например, при повреждении здоровья лица в ходе пресечения совершаемых им хулиганских действий такой потерпевший не только не мог требовать возмещения причиненного ему вреда в соответствии с нормами Основ и ГК РСФСР, но и обязан был возместить бюджету стоимость своего лечения². Государство прибегало в данном случае к весьма специфичному механизму «отрицательного» натурального возмещения. Размер возмещения вреда здоровью, равно как и иного ущерба охраняемым благам и законным интересам, не мог быть снижен с учетом вины потерпевшего или имущественного

¹ См.: *Донцов С.Е., Маринина М.Я.* Указ. соч. – С. 138.

² См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» (в ред. от 05 июня 1981 г.). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007313> (дата обращения: 14.01.2024). – Ст. 15.

положения делинквента, если вред был причинен преступлением, совершенным с корыстной целью¹.

Уже на излете советской эпохи был урегулирован частный вопрос возмещения вреда, причиненного должностными лицами в процессе выполнения ими своих служебных обязанностей. К несению возникающих на стороне потерпевшего материальных потерь, включая и возможный вред здоровью, на основании ст. ст. 445-447 ГК РСФСР и в соответствии с рядом конкретизирующих документов² привлекались государственные и общественные организации либо непосредственно само государство. Однако лишь в отдельных случаях (незаконное осуждение, незаконное наложение ряда административных взысканий и т.п.) компенсация назначалась независимо от вины конкретных должностных лиц, что не позволяло говорить о распространении на данные общественные отношения в чистом виде «справедливой» правовой формы возмещения. Кроме того, законодатель не вводил здесь специальных карательных элементов для непосредственных виновников происшествия. Это служило свидетельством смешения различных подходов к роли превенции, компенсации и наказания в механизме деликтной ответственности, отсутствия согласованного понимания потребности в привлечении к возмещению вреда специальных субъектов, включая государство.

В сущности незавершенной, несмотря на ее признанное фундаментальное значение для отечественной цивилистики, осталась и дискуссия о правовой природе обязанности возмещения вреда, причиненного деятельностью,

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 марта 1979 г. «О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1979. № 3. С. 13. П. 11.

² См.: Указ Президиума ВС СССР от 18 мая 1981 г. № 4892-Х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»: утв. Законом СССР от 24 июня 1981 г. № 5156-Х. – URL: <https://base.garant.ru/10105655/> (дата обращения: 14.01.2024); Инструкция по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: утв. Минюстом СССР, Прокуратурой СССР, Минфином СССР 02 марта 1982 г. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5866> (дата обращения: 14.01.2024).

создающей повышенную опасность для окружающих. Потребность в ней обуславливалась, на первых порах, весьма избирательным заимствованием положений имперского законодательства, регулирующих деликтные обязательства с участием транспортных и фабрично-заводских предприятий, владельцев диких животных и др., - в существенно сокращенном варианте они вошли в состав ст. 404 ГК РСФСР 1922 г.

Наибольшей остроты означенная дискуссия достигла в 50-60-х гг. XX века, когда из числа оснований, освобождающих от ответственности владельца источника повышенной опасности (далее также – ИПО), возлагаемой на тот момент по правилам ст. 458 ГК РСФСР 1964 г. и ст. 132 Основ 1961 г., были исключены случаи проявления грубой небрежности со стороны потерпевшего. Выражаясь современным языком, такая ответственность, наконец, приобретала в чистом виде «строгий» характер.

Разумеется, в советской доктрине не могло не возникнуть споров о значении вины в качестве условия деликтной ответственности, следствием чего стало появление теорий «двух начал», «вины с исключением» и «объективных моментов» (теории риска). Полагая, что содержание этих споров и основных постулатов перечисленных теорий достаточно подробно освещено в научной литературе¹, подчеркнем лишь, что каждая из попыток предложить альтернативные субъективные предпосылки ответственности владельцев ИПО акцентировалась на каком-то конкретном направлении предупредительного воздействия, что делало невозможным универсальное применение предлагаемых теоретических конструкций.

Например, при обосновании теории профессионального риска чаще всего приводился пример с предприятием, осуществляющим опасную для окружающих деятельность², в отношении которого возложение ответственности независимо от вины должно было служить стимулом к дополнительным вложениям в развитие

¹ См., напр.: *Алексеев С.С.* Предмет советского социалистического гражданского права // Ученые труды Свердловского юридического института, серия «Гражданское право», т. 1. – Свердловск, 1959. – С. 273.

² См.: *Шварц Х.И.* Указ. соч. – С. 47.

систем безопасности. Несмотря на попытки показать аморальность идеи ответственности, базирующейся на отнесении потерь от возмещения вреда потерпевшим к издержкам производства, советская теория стимулирования, фактически, обращалась именно к такому обоснованию. Владельцы ИПО должны были побуждаться к такой «организации деятельности»¹, которая позволила бы минимизировать вредоносное действие ИПО, используя имеющиеся достижения науки и техники², а, при необходимости, - также иницируя новые изобретения³.

Неудивительно, что концентрация на этих частных примерах не могла объяснить применения правил об ответственности независимо от вины в отношении, например, граждан, владеющих личным транспортом, иначе как принятием властного решения о перераспределении образовавшихся материальных потерь по принципу причинения⁴. Собственно, именно в советский период, на наш взгляд, и была произведена одна из судьбоносных терминологических подмен в данной дискуссии, состоящая в отождествлении повышенной ответственности ряда специальных субъектов с законной обязанностью по возмещению вреда, вызванного действием внешних и при этом всегда случайных факторов⁵. Этому в немалой степени способствовало зарождение доктринального подхода, согласно которому меры ответственности предлагалось отличать от мер защиты, имеющих, преимущественно, восстановительный характер⁶.

¹ См.: *Антимонов Б.С.* Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. – М.: Госюриздат, 1952. – С. 43

² См.: *Флейшиц Е.А.* Указ. соч. – С. 25; *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 1955. – С. 13; *Матвеев Г.К.* Вина в советском гражданском праве // Социалистическая законность. – 1956. – № 5. – С. 87.

³ См.: *Белякова А.М.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности: Ответственность владельца источника повышенной опасности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – С. 14.

⁴ См.: *Брагинский М.И.* К вопросу об ответственности за чужие действия по советскому гражданскому праву // Труды ВЮЗИ. – 1961. – Т. 1. – С. 51.

⁵ Кроме обстоятельств непреодолимой силы, т.к. они исключают ответственность в принципе.

⁶ См.: *Илларионова Т.И.* Система гражданско-правовых охранительных мер. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. – С. 56.

В целом же большинство советских цивилистов прогнозировали скорейшее приведение норм гражданского права в строгое соответствие с общим принципом ответственности каждого за свою вину¹, а при решении вопроса о способах восстановления материального положения пострадавших от происшествий разного рода исходили из понимания особой роли в этом процессе социалистического общества и государства. Так, например, рассуждая о том, что ответственность на началах причинения, за «безупречное поведение» подрывает устои социалистического общества, М.М. Агарков отмечал, что вред, наступивший без чьей-либо вины, все же должен быть компенсирован, но уже в порядке социального обеспечения². В.Л. Слесарев обращал внимание на то, что гражданское правонарушение всегда характеризуется отрицательной направленностью на общественные отношения, урегулированные нормами права³.

Как видно, помимо рассмотренного нами исторического пути развития законодательства о формах и способах возмещения физического вреда в России в период существования СССР, формирование полноценного представления о таковых требует заострить внимание на доктринальном решении проблем сочетания различных правовых средств, направленных на достижение искомого возмещения. Такое исследование позволяет, во-первых, уточнить представление о правовой природе используемых средств, а, во-вторых, подготовить почву для критической оценки действующего гражданского законодательства, в состав которого вошли многие схожие или полностью идентичные по своему содержанию нормы без учета конкретно-исторических особенностей их первоначальной разработки и применения.

¹ См.: *Бернштейн Д.И.* Проблема так называемой ответственности без вины в советском праве // Сборник статей аспирантов Ташкентского гос. ун-та. – Ташкент, 1963. – Вып. 253. – С. 121; *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 149; *Александров Н.Г.* Законность и правоотношение в социалистическом обществе. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 168.

² См.: *Агарков М.М.* Обязательства из причинения вреда // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 1. – С. 56.

³ См.: *Слесарев В.Л.* Объект и результаты гражданского правонарушения. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980. – С. 5.

Едва ли не главное, чего здесь необходимо коснуться, – это специфика толкования принципа полного возмещения вреда, закрепляемого гражданским законодательством, который на всем протяжении развития советской государственности применительно к вреду, причиненному здоровью, рассматривался в доктрине как реализуемый комплексно, через систему государственного социального страхования трудящихся, а также с помощью выплат, взыскиваемых за счет виновных лиц. Практика совместного рассмотрения деликтных и страховых, а также иных социально-обеспечительных обязательств, несмотря на безусловное понимание различий в их правовой природе и основаниях возникновения, изменения и прекращения, была достаточно распространена и не встречала существенных возражений. Наличие нескольких самостоятельных правовых режимов компенсаций объяснялось различными причинами, по которым здоровье могло быть утрачено, а также проистекающими от них особенностями определения источников, фондов и условий обеспечения пострадавших¹.

В обосновании такого подхода немалую роль сыграла М.Я. Шминова, непосредственно объединившая в единую группу компенсационных обязательств обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, и институт государственного социального страхования по признаку наличия у них общей компенсационной цели и с акцентом на том, что стадия страхового отношения, в рамках которой реализуется право на возмещение вреда, может наступать лишь при наличии внедоговорного права на стороне страхователя². Суждение о совпадении социального назначения деликтной ответственности и страхования позволяло отвергнуть аргументы о «непримиримых противоречиях», вызванных различием объекта страховой (правовой) охраны и объекта страхового правоотношения³.

¹ См.: *Яичков К.К.* Права, возникающие в связи с потерей здоровья. – М.: Наука, 1964. – С. 45-48, 139 – 148; *Гражданско-правовое положение личности в СССР / под. ред. Н.С. Малеина.* – М.: «Наука», 1975. – С. 170 – 216.

² См.: *Шминова М.Я.* Указ. соч. – С. 8-9, 11.

³ См.: *Граве К.А., Луц Л.А.* Страхование. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 19 – 20.

Предположение о многофакторности развития и практического применения института личного страхования, не связанного в действительности с решением восстановительных задач, в свою очередь, утрачивало свое значение при анализе ситуации, в которой полученное гражданином возмещение и страховая сумма, назначенная по договору личного страхования, в совокупности превышали размер фактически причиненного вреда здоровью. Ее разрешение строилось на базовой идее о том, что данная разновидность страхования так или иначе служит для обеспечения лицу некоторых денежных выплат в связи с определенными несчастными случаями¹. Подспудно предполагалось также, что страховая сумма по договору личного страхования может стать единственным средством устранения неблагоприятных последствий повреждения здоровья, например, если вред причинен при спасении человеческой жизни или в иных случаях, когда применение института деликтной ответственности в принципе невозможно (случайные причины, неизвестность причинителя вреда), размер возмещения уменьшен в виду сопутствующей вины потерпевшего и т.п.

В равной мере, не обнаруживалось противоречий и в том, что с выплатой страховой суммы могут полностью или частично прекращаться деликтные обязательства, поскольку один и тот же вред рассматривался в качестве условия возникновения каждого из видов правоотношений². На общности компенсационной цели базировались все изъятия из объема ответственности советских предприятий за вред, причиненный здоровью работника как лица, застрахованного по государственному социальному страхованию. Часть такого вреда погашалась также посредством профессиональной переподготовки лиц с ограниченной трудоспособностью, предоставления технических средств реабилитации и др. – все это можно было считать натуральной компенсацией.

Однако на фоне обязательного участия граждан в общественно-полезном труде первоначальная предпосылка о необходимости уплаты страховых взносов за пострадавшего постепенно переставала учитываться законодательством и

¹ См.: *Гурвичюте Х.О.* Договор имущественного страхования в советском гражданском праве: автореф. канд. дис., 1954. – С. 6.

² См.: *Иоффе О.С.* Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 869.

практикой. Правило о «зачете» посттравматического заработка, рассчитанное на продолжение лицом трудовой деятельности в организации, по вине которой произошел несчастный случай, было распространено на все случаи возвращения к работе¹. Как закономерный итог, в содержание ст. 130 Основ 1991 г.² положения о порядке расчета сумм возмещения вреда здоровью вошли уже без указания на специальный правовой статус ответственного лица в отношениях по социальному страхованию. Несмотря на то что в период существования СССР доктрина не успела дать четкого ответа на вопрос о том, был ли такой подход продиктован солидаризацией ответственности за вред здоровью с выходом ее за пределы гражданско-правового регулирования или же сугубо прагматическими причинами, выдвигались и обосновывались весьма оригинальные предложения по дальнейшему сообщающемуся развитию норм о деликтных и страховых обязательствах.

В частности, в случаях, когда сумма компенсации подлежала уменьшению вследствие применения упомянутого «правила зачета», для сохранения стимулирующего значения ответственности предлагалось взыскивать с обязанного субъекта (стороннего предприятия или частного лица) соответствующую часть фактически произведенного возмещения или эквивалент натуральной компенсации с последующим зачислением в специализированный государственный фонд. В задачу последнего должно было входить материальное обеспечение потерпевших, не имеющих возможности получить выплату непосредственно из средств делинквента³.

Аналогичный механизм предлагалось задействовать в случае введения обязательного страхования гражданской ответственности владельцев автомобильного транспорта, при этом всячески отвергалась идея о

¹ См.: п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 23 октября 1963 г. № 6.

² См.: Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. Верховным советом СССР 31 мая 1991 г. № 2211-I. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Анохин К., Финикова О.* Неразрешенные вопросы судебной практики по искам из причинения вреда // Социалистическая законность. – 1954. – № 12. – С. 18.

предоставлении права регресса страховщику¹. Считалось, что при соблюдении базовых принципов организации страховых фондов каждое начисление страховой суммы уже оплачено взносами страхователей². Одним из наиболее очевидных вариантов являлось наделение дополнительными полномочиями органов и учреждений, функционирующих в сфере социального страхования населения. На это указывали, к примеру, размышления В.А. Рассудовского, который разделял ответственность владельца ИПО в отношении застрахованных и незастрахованных в системе соцстраха граждан, полагая, что, поскольку обязанность по возмещению вреда в последнем случае основывается на несении риска, допустимо ее возложение на органы социального страхования³.

Наряду со всем сказанным, сохранявшаяся путаница в вопросах определения правовой природы повышенной ответственности переносилась и на исследование проблем сопровождения деликтных обязательств различными формами и видами страхования. Результатом становилось появление утверждений о том, что «безвиновные» обязательства по возмещению вреда, по сути, аналогичны обязательствам страховых организаций по выплате страхового возмещения, поскольку основанием их возникновения не может считаться состав гражданского правонарушения⁴. В более ранних источниках обязанность страховых органов по выплате страховых сумм и вовсе признавалась формой ответственности⁵.

Такие воззрения мешали доктрине обнаружить баланс между функциями деликтной ответственности и страхования, создавали почву для отождествления

¹ См.: *Гуревич М.Г.* Принцип полного возмещения ущерба в обязательствах из причинения вреда жизни и здоровью работника на производстве // Ученые записки Пермского университета. – 1961. – Вып. 6 (т. 19). – С. 64.

² См.: *Рыбников С.А.* О договоре личного страхования // Советское государство и право. – 1948. – № 1. – С. 66 – 71.

³ См.: *Рассудовский В.А.* Вопросы об имущественном риске в гражданском праве // Советская юстиция. – 1963. – № 18. – С. 13.

⁴ См.: *Рахмилович В.А.* О противоправности как основании гражданской ответственности // Советское государство и право. – 1964. – № 3. – С. 59.

⁵ См.: *Серебровский В.И.* Очерки советского страхового права. – М.: Госиздат, 1926. – С. 5; *Райхер В.К.* Общественно-исторические типы страхования. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 241 – 245.

повышенных рисков причинения вреда в отдельных сферах жизнедеятельности с рисками возникновения имущественных потерь вследствие выплаты необходимых сумм в пользу потерпевших. Стирались различия между ответственностью как комплексным правовым механизмом, предназначенным для выражения реакции государства на нарушение системно значимых благ, и сопутствующим ей страхованием (рисков наступления ответственности или причинения вреда) как правовой формой защиты производного права на компенсацию, существующего уже в рамках возникшего деликтного обязательства. Весьма показательно в данном контексте звучала позиция В. Варкалло. Полагая главной из функций деликтной ответственности в условиях построения социализма именно воспитательную, автор, вместе с тем, отмечал, что для такой ответственности характерна «изменчивость пределов действия», вследствие которой в ряде случаев могут быть реализованы не все направления влияния на нарушителя сразу, но лишь компенсационное и превентивное либо только компенсационное воздействие¹.

Резюмируя сказанное, заметим, что в период развития советской государственности систему правовых средств, используемых для достижения цели полного возмещения вреда здоровью, отличало несколько качественных особенностей. Во-первых, в связи с всеобщностью трудовой обязанности приоритетной формой возмещения вреда здоровью вплоть до принятия Основ гражданского законодательства 1991 г. признавалось государственное социальное страхование трудящихся, причем цивилистическая доктрина не видела противоречий в объединении деликтных и страховых обязательств в единую группу, отличающуюся наличием общей компенсационной цели. Для отдельных категорий пострадавших (страдающих пневмокониозом, военнослужащих и пр.) повышенные пенсии и пособия в системе социального страхования признавались единственным инструментом восстановления положения, существовавшего до нарушения права.

¹ См.: Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву. Возмещение вреда: функции, виды, границы / под ред. С.Н. Братуся. – М.: Прогресс, 1978. – С. 115.

Во-вторых, и этот момент особенно важно не упускать из виду на фоне первого обстоятельства, в законодательстве содержались механизмы индивидуализации деликтной ответственности, доведения ее карательного и профилактирующего воздействия до установленного виновника происшествия. При четком разграничении несчастных случаев, связанных с работой и с производством, виновные в повреждении здоровья работников предприятия не только обязывались к участию в судьбе пострадавшего посредством предоставления средств реабилитации, изменения условий труда и т.п., но и должны были компенсировать бюджету выплату всех причитающихся такому лицу пенсий и пособий. Для отдельных категорий противоправных деяний применение дополнительных имущественных санкций предусматривалось исходя из характеристики их общественной опасности и особенностей субъективной стороны (отрицательное натуральное возмещение для лиц, совершивших хулиганские действия, взыскание в порядке регресса стоимости лечения пострадавших с граждан, виновных в совершении умышленных преступлений, и др.).

Наконец, в-третьих, в теории так и не был найден четкий ответ на вопрос о том, может ли деликтная ответственность строиться на каких-либо особых субъективных предпосылках, отличных от вины, или же правило о независимости от вины равнозначно законной обязанности по принятию на себя материальных потерь по принципу причинения. Результатом путаницы в данных вопросах становились утверждения о схожести правовых механизмов «безвиновной» ответственности и страхования. Однако, несмотря на их существование, доктрина никогда не отказывалась от попыток использовать потенциал гражданско-правового регулирования для охраны нематериальных благ и комплексной борьбы с отдельными видами правонарушений, подтверждением чему являлось также развитие теоретических представлений о способах возмещения вреда здоровью¹.

¹ См.: Колесниченко О.В. Эволюция правовых средств возмещения вреда здоровью в советском гражданском праве: область терминологических подмен и ключ к определению

Относительно последних в законе и на практике наблюдались колебания между возмещением только фактически понесенных потерь и денежной компенсацией всех утраченных способностей и возможностей человеческого организма, о чем особенно ярко говорили судебные прецеденты, содержащие в себе оценку возможности назначения выплат домашним хозяйкам, пенсионерам и др. лицам, не обладавшим профессиональной трудоспособностью. Тем временем, при принятии законодателем решения о распространении правил возмещения утраченного заработка и дополнительных расходов на всех случаи повреждения здоровья никак не учитывалось, что исключения из сумм выплат для производственного вреда изначально были обусловлены участием предприятий в системе государственного страхования рабочих и применением ими натурального способа компенсации.

Вследствие механического заимствования соответствующих положений в упомянутых Основах, а затем и гл. 59 ГК РФ не были услышаны обоснованные доктринальные предложения по устранению возникших диспропорций в объеме и размере гражданско-правовой ответственности различных специальных субъектов. Эти предложения должны были реализовываться в неразрывном единстве с появлением новых обязательных разновидностей страхования и предусматривали предоставление права обратного требования к стороннему юридическому или физическому лицу специализированным фондам или органам социального обеспечения в пределах «зачетных» сумм социальных выплат и пособий, стоимости средств реабилитации и др.

В целом существовавшие в рассматриваемый период деликтные правовые формы возмещения вреда здоровью имели несомненное сходство с дореволюционными карательными и справедливыми, с той лишь разницей, что первые из-за акцентов на профилактику отдельных видов социально-вредных деяний (хулиганство, умышленное причинение вреда здоровью и др.) приобретали в большей степени воспитательный характер, а вторые –

становились законными (формальными), поскольку существование специальных правил о возмещении вреда независимо от вины чаще сего объяснялось потребностью в закреплении наиболее целесообразного с практической точки зрения варианта урегулирования убытков. Средством достижения справедливости считалось распространение социального страхования на все категории трудящихся. При переходе к новой форме государства в 90-е гг. XX в. заимствование нормативного материала производилось без учета отмеченных особенностей, на фоне вполне объяснимого желания освободить от идеологически-окрашенных черт институт юридической ответственности в целом.

Следствием такого подхода в сфере деликтных обязательств стало построение системы правовых средств возмещения вреда здоровью с опорой на ранее известные методы оценки и компенсации материальных потерь пострадавшим на производстве, а также обезличенное, лишенное направленного воздействия на причинителя вреда применение института регресса в отношениях с участием государственных фондов. На настоящий момент значение исторических предпосылок развития предопределяет потребность в оценке существующих форм и способов возмещения вреда здоровью на предмет наличия непротиворечивой правовой регламентации и такого, актуального, доктринального обоснования, которое способно было бы учесть не только многообразие повреждающих факторов, но и современное значение гарантий в области социального обеспечения, выведенных за пределы сферы гражданско-правовых отношений.

§ 3. Современные формы и способы возмещения физического вреда.

Проблема сверх- и недокомпенсации физического вреда и пути ее решения

Пройдя длительный путь развития, правовые нормы о формах и способах возмещения вреда здоровью оказались рассредоточенными во множестве

источников, анализ и сопоставление которых представляют некоторую сложность, когда их целью служит формирование целостной картины о содержании правоотношений, направленных на восстановление положения, предшествовавшего неблагоприятному воздействию на данное нематериальное благо. Несмотря на использование общей терминологии («страховое возмещение вреда», «в счет возмещения / компенсации вреда» и пр.), правовая природа устанавливаемых в них выплат не всегда оказывается достаточно ясна. В равной степени, не оцененным остается характер влияния альтернативных компенсационных механизмов на возможность и пределы применения норм гражданского законодательства о деликтных обязательствах вне зависимости от того, локализуется ли их регламентация в особых правилах возмещения вреда «без вины» либо положениях об обязательном страховании гражданской ответственности, социальном страховании, отдельных мерах социальной защиты (поддержки) и др.

Анализ доктринальных источников и учебной литературы позволяет выявить устойчивую тенденцию к игнорированию многоаспектности проблематики возмещения вреда здоровью, о наличии которой свидетельствует как полный отказ от рассмотрения конкурентных начал соотношения различных правовых форм и способов такого возмещения¹, так и выборочное изучение некоторых из них в качестве частных примеров реализации ст. 1084 или п. 3 ст. 1085 ГК РФ², концентрация на дополнительных правах отдельных категорий потерпевших в области обязательного страхования и социальных гарантий³.

¹ См.: Чурилов А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография. – М.: Юстицинформ, 2019. – С. 69.

² См.: Гришаев С.П., Свит Ю.П., Богачева Т.В. Постатейный комментарий к Разделу IV «Отдельные виды обязательств» части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: Новая правовая культура, 2021. – URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 14.01.2024); Внедоговорные охранительные обязательства: учебное пособие / под ред. А.В. Головизнина. – М.: Юстицинформ, 2015. – С. 122.

³ См.: Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. – М.: Статут, 2019. – С. 148; Лушников А.М. Проблемы социального страхования: опыт междисциплинарного подхода // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 4. – С. 50; Жданова А.Н., Маркелов Д.Ю. Отдельные аспекты правоприменительной деятельности по производству выплат в целях возмещения вреда здоровью сотрудника органов внутренних дел, причиненного

При этом незамеченными остаются стыковые противоречия норм законодательства о различных видах выплат возместительного значения. Речь идет, в частности, о противоречии между преимущественным изъятием из сферы действия гл. 59 ГК отношений по возмещению вреда, причиненного здоровью на производстве, и запретом на вычет из суммы утраченного заработка (дохода) пособия по временной нетрудоспособности (ст. 1086 ГК РФ)¹. В то же время, в современных источниках права сохраняются рудиментарные нормы, предоставляющие социальным внебюджетным фондам, медицинским организациям и даже частным страховщикам широкие полномочия по участию в окончательном перераспределении материальных потерь от происшествия, само наличие которых ставит ребром вопрос об истинных пределах гражданской ответственности за причинение вреда².

Следует полагать, что способы защиты гражданских прав, перечисленные в ст. 12 ГК РФ, не имеют всеохватывающего характера, а их выбор в каждом конкретном случае зависит от правовой природы и содержания охраняемого субъективного права, - как, например, взыскание неустойки невозможно при предъявлении деликтного иска³. Основная сложность при этом состоит в том, что к праву на здоровье неприменим классический подход отечественной цивилистики, при котором пределы и способы защиты гражданских прав, средства их принудительного осуществления поставлены в зависимость от

при выполнении служебных обязанностей // Российский судья. – 2020. – № 8. – С. 5; *Фогельсон Ю.Б.* Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции (стандарты доказывания, возмещение вреда жизни или здоровью) // Закон. – 2020. – № 1. – С. 168.

¹ Его существование, как правило, объясняется тем, что соответствующие выплаты являются мерами социальной защиты и поэтому не могут влиять на размер возмещения – см.: *Шевченко А.С., Шевченко Г.Н.* Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. – М: Статут, 2013. – С. 66.

² См.: ст. 17 ФЗ от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», ст. 31 ФЗ от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее также – Закон об ОМС).

³ См.: *Згонников П.П.* О совершенствовании законодательства о способах защиты гражданских прав // Российская юстиция. – 2019. – № 11. – С. 13.

содержания гражданской дееспособности, временных границ и иных параметров осуществления права в соответствии с его назначением¹.

Экстраординарный характер обязательств по возмещению вреда здоровью по отношению к обязательствам, вытекающим из основного содержания прав и обязанностей сторон в гражданско-правовом или трудовом договоре, становится очевидным уже на уровне сравнения применимой терминологии. Неслучайно законодатель обращает внимание именно на вред, причиненный «при исполнении» договорных и иных обязательств, а не в процессе такового (т.е. факт причинения вреда здоровью как бы признается событием внешнего порядка). Согласно п. 3 ст. 1064 ГК РФ дополнительная часть возмещения представляет собой компенсацию «сверх возмещения вреда», тогда как объем и характер вреда здоровью последнего по-прежнему определяются в соответствии с гл. 59 ГК РФ.

Иными словами, «расширения» деликтной ответственности в таких случаях не происходит. Скорее речь идет о применении результатов договоренностей, достигнутых сторонами при вступлении в гражданско-правовые или трудовые (служебные) отношения, а также о реализации штрафных санкций, обусловленных спецификой содержания конкретного договорного обязательства, параллельно с возмещением вреда здоровью.

В правоприменительной практике, в отличие от доктрины², конкуренция между договорной и деликтной ответственностью для случаев повреждения здоровья не представляется проблемой столь актуального рода, – так, договорные требования о взыскании покупной цены товара ненадлежащего качества сосуществуют с деликтными требованиями о возмещении вреда, причиненного

¹ См.: *Грибанов В.П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 55.

² См., напр.: *Анохин А.А.* Основные континентальные воззрения на соотношение деликтной и договорной ответственности // *Юридическая наука.* – 2020. – № 8. – С. 3; *Шепель Т.В.* Соотношение договорной и деликтной ответственности медицинской организации перед пациентом // *Вестник Томского государственного университета. Право.* – 2020. – № 38. – С. 158 – 159; *Мнацаканян А.С.* Общие положения о соотношении договорной и деликтной ответственности исполнителя медицинских услуг // *Гражданское право и гражданский процесс.* – 2007. – № 4 (18). – С. 102 – 103 и др.

здоровью потребителя вследствие недостатков такого товара¹, требования о расторжении договора об оказании платных медицинских услуг – параллельно с требованиями о возмещении вреда, причиненного в результате медицинской ошибки², и т.п.

Современное гражданское законодательство не рассматривает случаи привлечения к ответственности за причинение вреда жизни и здоровью в качестве отдельного специального деликта, – таковые выделяются по критерию источника происхождения, но не характера наступивших неблагоприятных последствий³. В настоящее время специальные правила распространяются на случаи возмещения вреда, причиненного актами власти, вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ, услуг, а также вреда, причиненного полностью или частично недееспособными (включая несовершеннолетних) и иными лицами, не способными понимать значение своих действий, в содержании которых, разумеется, могут быть применены правила об определении объема и размера возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью⁴.

Специфика правовой конструкции гражданской ответственности в первых трех примерах состоит, преимущественно, в требовании независимости возмещения вреда от вины его причинителя (для органов власти это требование распространяется только на специальные последствия, указанные в п. 1 ст. 1070

¹ См., напр.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 мая 2021 г. по делу № А60-39484/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6419:2> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 08 октября 2019 г. по делу № 33-42312/2019. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1036:17> (дата обращения: 14.01.2024).

² См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 16 декабря 2021 г. по делу № 33-47444/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/954:11> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение Московского областного суда от 27 сентября 2021 г. по делу № 33-477/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=Апелляционное+определение+Московского+областного+суда+от+27+сентября+2021+г.+по+делу+№+33-477%2F2021> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Соломин С.К., Соломина Н.Г.* Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография. – М.: Юстицинформ, 2022. – С. 137.

⁴ О подходах к классификации обязательств по возмещению внедоговорного вреда см.: *Невзгодина Е.Л.* Понятие, специфические особенности и система внедоговорных обязательств из причинения вреда по законодательству Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2010. – № 2 (23). – С. 64.

ГК РФ, т.е. для данного вида деликтов ключевой особенностью является положение о промежуточном возмещении вреда из казны), а в четвертом – в особенностях определения субъектного состава деликтных правоотношений на стороне ответчика (к исполнению таких обязательств подключается законный представитель или иное лицо, ненадлежащим образом исполнявшее свои воспитательные или контрольные обязанности по отношению к делинквенту, при этом освобождение последнего от участия в данных правоотношениях не носит абсолютного и необратимого характера – п. 1 и 2 ст. 1078 ГК РФ, п. 3 ст. 1076 ГК РФ и др.).

Наряду с тем, что независимость от вины не является универсальной характеристикой ответственности за физический вред, могут быть выделены некоторые общие черты, определяющие механизм ее реализации. К ним следует отнести, во-первых, императивное установление объема и характера возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья, в ст. 1085 ГК РФ; во-вторых, запрет на полный отказ в возмещении физического вреда при наличии грубой неосторожности потерпевшего (умысел последнего исключает любую ответственность, и случаи повреждения здоровья также подчинены этому правилу); в-третьих, запрет на пропорциональное уменьшение размера возмещения дополнительных расходов на лечение и реабилитацию исходя из степени сопутствующей вины потерпевшего (абз. 2 и 3 п. 2 ст. 1083 ГК РФ); в-четвертых, наличие специальных норм-гарантий, допускающих выбор ответчика по принципу обладания им источником средств для реального возмещения (в частности, п. 4 ст. 1073 ГК РФ предусматривает возможность привлечения к возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью, лица, допустившего такое причинение в малолетнем возрасте, если по достижении совершеннолетия оно обладает для этого достаточными средствами; в п. 3 ст. 1076 ГК РФ по тому же принципу сформулировано положение о допустимости полного или частичного возмещения физического вреда лицом, признанным недееспособным).

Названные особенности сложно свести в единую систему, в то же время, содержание гражданско-правового механизма возмещения вреда здоровью уже

давно не исчерпывается применением перечисленных специальных правил. Как уже отмечалось ранее, для данной категории отношений характерно существование широкого спектра совмещаемых разновидностей возмездительного страхования, реализуемого в обязательной форме для типичных случаев причинения физического вреда либо случаев причинения физического вреда вкупе с иными неблагоприятными последствиями конкретного вида деятельности. Их влияние на содержание и значение деликтных обязательств невозможно охарактеризовать исключительно на основании ст. 1072 ГК РФ, как минимум, потому что речь идет не только о страховании ответственности. Исследование норм законодательства о праве на страховое возмещение представляется необходимым также потому, что, будучи построенными на идее солидаризации обязанности по возмещению потерь, они способны создавать почву для введения изъятий из общих условий возложения деликтной ответственности, а равно и порядка определения размера компенсации.

Одним из наиболее востребованных правовых инструментов защиты прав потерпевших на возмещение физического вреда в связи с неуклонным ростом автопарка в настоящее время остается обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), введенное на территории нашей страны в 2003 г.¹ В силу п. 2 ст. 12 соответствующего федерального закона страховая выплата, назначаемая пострадавшему за причинение вреда его здоровью в результате ДТП, имеет своей целью возмещение расходов, связанных с восстановлением здоровья потерпевшего, и утраченного им заработка (дохода), образующих объем возмещения физического вреда согласно ст. 1085 ГК РФ.

Вместе с тем, порядок определения размера страхового возмещения в данной части отличается от правил, устанавливаемых § 2 гл. 59 ГК РФ, поскольку расчетным критерием для необходимых расходов на восстановление здоровья потерпевшего здесь служат не фактически понесенные или будущие затраты, но

¹ См.: Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720; 2022. № 29 (часть III). Ст. 5294 (далее также – Закон об ОСАГО).

характер и степень полученного им повреждения, классифицируемые согласно нормативам, устанавливаемым Постановлением Правительства РФ¹. За пострадавшим при обращении за страховой выплатой сохраняется право на применение общего порядка определения характера и размера вреда, причиненного повреждением здоровья. В то же время, при отказе от реализации от данного права и последующем обращении к делинквенту в порядке применения ст. 1072 ГК РФ, правомерными могут считаться только дополнительные притязания о возмещении утраченного заработка (дохода).

Заметим, что рассмотренные нормативы распространяются также на отношения по обязательному страхованию гражданской ответственности перевозчиков и владельцев опасных производственных объектов, однако в основе их применения здесь лежат несколько отличные алгоритмы. Для первой из названных разновидностей страхования определена целевая категория выгодоприобретателей – пассажиры, приобретающие такой статус при осуществлении перевозок любыми видами транспорта. В отличие от «обычных» владельцев транспортных средств на перевозчиков возлагается обязанность заключить договор страхования ответственности на сумму, значительно превышающую аналогичный показатель для договоров ОСАГО (не менее 2 млн. рублей на одного пассажира).

Различие в страховых суммах определяет и иной подход к расчету размера страховой выплаты, причем в ст. 16 соответствующего федерального закона² прямо указывается, что, производя такую, страховщик «возмещает вред» потерпевшему. Процент от страховой суммы, соответствующий характеру и степени повреждения здоровья потерпевшего, признается полностью покрывающим все виды затрат и потерь потерпевшего (включая утраченный

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 15 ноября 2012 г. № 1164 «Об утверждении Правил расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего» // СЗ РФ. 2012. № 47. Ст. 6512; 2015. № 9. Ст. 1335.

² См.: Федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3257; 2022. № 29 (часть III). Ст. 5294 (далее также – Закон об ОСОП).

заработок), кроме случая, когда им могут быть представлены доказательства, подтверждающие, что вред в объеме и размере, определенном согласно § 2 гл. 59 ГК РФ, превышает рассчитанную таким образом страховую выплату. Аналогичные правила и размеры выплат установлены для случаев возмещения вреда в рамках обязательного страхования гражданской ответственности владельца опасного производственного объекта и распространяются на все случаи возникновения у него обязанности по возмещению вреда лицам, пострадавшим в результате аварий на таком объекте (в эту категорию входят и работники страхователя)¹.

Следует заметить, что приведенный способ определения размера возмещения вреда здоровью способен обеспечивать полное, а в ряде случаев – дополнительное по отношению к объему, установленному ст. 1085 ГК РФ, урегулирование материальных претензий только для тех пострадавших, повреждение здоровья которых не связано со стойкой утратой трудоспособности (инвалидностью). При наличии потребности в долгосрочной реабилитации, напротив, существует необходимость в применении как общего, так и специального порядка расчета компенсируемого физического вреда в целях вычленения части погашенных страховщиком притязаний о возмещении утраченного заработка (дохода) и дополнительных расходов. Различия в подходах к определению размера страхового возмещения вреда здоровью обуславливают также неодинаковую степень влияния средств страховой защиты на содержание сохраняющихся деликтных обязательств².

Спорный характер законодательного решения о распространении различных схем оценки вреда здоровью на смежные правоотношения отчетливо

¹ Дополнительной особенностью данной разновидности страхования является существование предельных размеров страховых сумм по совокупности рисков в зависимости от типа объекта – см. ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4194; 2022. № 29 (часть III). Ст. 5294) (далее также – Закон об ОСГО в сфере ОО).

² См.: Колесниченко О.В. Снижение общего качества жизни как самостоятельная разновидность неэкономических потерь при повреждении здоровья // Lex Russica. – 2023. – № 6 (199). – С. 22.

иллюстрирует пример, когда такой вред причиняется пассажиру в ходе оказания услуг по перевозке в результате столкновения с транспортным средством, принадлежащим физическому лицу, при наличии смешанной вины водителей. При меньшей вине водителя перевозчика реальный размер возмещения, выплачиваемого его страховщиком, может значительно превысить выплату по договору ОСАГО из-за разницы страховых сумм, что в дальнейшем повлияет и на отношения по окончательному перераспределению возникающих на стороне потерпевшего материальных потерь в порядке привлечения виновных лиц к гражданской ответственности. Здесь открытыми остаются вопросы о том, должны ли применяться в таком случае оба специальных способа расчета выплат, подлежат ли удовлетворению обратные требования страховщика перевозчика к владельцу иного транспортного средства и его страховщику¹ и пр.

Следует заметить, что альтернативные подходы к определению размера компенсаций не прижились во «вмененных» разновидностях страхования профессиональной ответственности (адвокатов, нотариусов, арбитражных управляющих и пр.), распространяемых одновременно на риски причинения вреда и нарушения договорных обязательств². Традиционно размер страховой выплаты в счет возмещения вреда здоровью здесь определяется по правилам § 2 гл. 59 ГК РФ, будучи ограниченным лишь страховой суммой, а специфика взаимосвязей между потерпевшим и причинителем вреда после перечисления страховой выплаты исчерпывающе определена ст. 1072 ГК РФ.

Существует и еще один страховой защитный инструмент, проблемы применения которого оказывают влияние на исследуемую область общественных отношений. Речь об обязательном личном страховании, в котором страховой интерес связывается уже не с рисками наступления имущественной ответственности за вред третьему лицу, но с рисками наступления вреда

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 46-КГ19-15. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05112019-po-delu-n-46-kg19-25-2-45552018/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Василенко Н.В.* Страхование профессиональной ответственности: новые горизонты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. – С. 41.

охраняемому благу безотносительно к тому, существуют ли необходимые условия для применения норм о деликтной ответственности.

При определении концептуальных начал развития гражданского законодательства о договоре страхования сегодня справедливо обращается внимание на то, что традиционный подход к разграничению видов страхования (личное, имущественное и страхование ответственности), в основании которого лежит противопоставление «страхования сумм» и «страхования убытков», постепенно утрачивает свое значение. Причина такого положения вещей связывается, в числе прочего, с тем, что большинство договоров личного страхования могут быть построены по модели страхования убытков или, как минимум, воплощать в себе ее отдельные элементы¹. Условно все подобные разновидности личного страхования вкупе со страхованием ответственности, реализуемым с предоставлением потерпевшему права требования к страховщику по модели договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ), можно объединить термином «возмездительное страхование»², поскольку страховое возмещение здесь служит одной из форм возмещения деликтного вреда и не может не учитываться при последующем применении норм гл. 59 ГК РФ.

Одной из наиболее значимых разновидностей личного страхования возмездительного значения остается в настоящий момент обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (далее также – производственное страхование), с помощью которого вводится и реализуется особый порядок возмещения вреда,

¹ См.: Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования: утв. решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25 сентября 2020 г. № 202/оп-1/2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366842/ (дата обращения: 14.01.2024).

² При попытке дать «новую жизнь» традиционным классификациям в теории страхования используется также термин «компенсационное страхование» - см., напр.: *Кратенко М. В., Луйк О.Ю.* Современная модель компенсационного страхования (Indemnity Insurance) и перспективы ее воплощения в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – Вып. 50. – С. 767. Представляется, что избранный нами вариант более рельефно отражает специфику влияния отдельных средств страховой защиты на обязательства из причинения вреда и смежные страховые обязательства, состоящего в погашении с их помощью части или всего объема причиненного вреда (в широком смысле).

причиненного жизни и здоровью работника, для всех ситуаций, когда может быть обнаружена прямая связь между таким вредом и исполнением обязанностей по трудовому договору¹. В страховании от несчастных случаев принят еще один, отличный от «табличного», вариант определения размера физического вреда, при котором объем страхового возмещения практически идентичен устанавливаемому ст. 1085 ГК РФ², однако существуют ограничения по условиям и предельным размерам отдельных видов «обеспечения по страхованию»³. Спецификой социального страхования является возможность возмещения вреда в натуре, в виде прямой оплаты расходов на лечение и реабилитацию, а также существование автономной системы оценки последствий физического вреда⁴.

Несмотря на то что страхование от несчастных случаев не относится к страхованию ответственности, а значит, не подпадает под действие ст. 1072 ГК РФ, объем и размер деликтной ответственности страхователя в случае установления факта виновного противоправного причинения вреда работнику уменьшаются сообразно предоставленному страховому обеспечению. Закон также обязывает застрахованное лицо, при наличии права на возмещение вреда в натуре в соответствии с иными нормативными правовыми актами, выбирать между имеющимися правовыми основаниями.

На первый взгляд, реализация гарантий, предоставляемых системой страхования от несчастных случаев и на производстве, сохраняет за потерпевшим деликтное право требования лишь для целей взыскания разницы между вредом,

¹ См.: Колесниченко О.В. Концепт возмездительного страхования и его практическое значение в сфере личного страхования // Современная модель развития страхового рынка: приоритеты и возможности: сб. статей. – СПб.: СПбГУ, 2022. – С. 308.

² См.: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803; 2023. № 14. Ст. 2375 (далее также – Закон о соцстраховании).

³ См.: Постановление Правительства РФ от 15 мая 2006 г. № 286 «Об утверждении Положения об оплате дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. 2006. № 21. Ст. 2263; 2023. № 31 (Часть III). Ст. 6054.

⁴ См.: Приказ Минтруда России от 30 декабря 2020 г. № 979н «Об утверждении Порядка организации и деятельности федеральных учреждений медико-социальной экспертизы». – URL: <https://base.garant.ru/400851882/> (дата обращения: 14.01.2024).

определенным по правилам ст. 1085 ГК РФ, и возмещенными в форме страховых выплат или натурального страхового обеспечения затратами и потерями. Более внимательное сравнение норм, применимых к данному рода обязательствам, однако, позволяет прийти к представлению о несколько ином соотношении различных прав требования.

В частности, п. 2 ст. 1085 ГК РФ позволяет не учитывать при определении размера утраченного заработка (дохода) выплаты, назначаемые в системе социального обеспечения населения («пенсии, пособия и иные подобные выплаты»), в то время как одним из видов обеспечения по социальному страхованию служит как раз пособие по временной нетрудоспособности. Поскольку специальным законом, регулирующим отношения в области возмещения вреда от несчастных случаев на производстве, такое пособие отнесено к части страхового обеспечения, складывается ситуация, когда пострадавшие данной категории лишены возможности предъявления соответствующих сумм в составе деликтных требований, обращенных к работодателю. В свою очередь, выплата аналогичного пособия по общим основаниям, предусмотренным ст. 5 Федерального закона 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»¹, не препятствует возмещению утраченного заработка в порядке применения ст. 1086 ГК РФ в полном объеме, если вред здоровью причинен при иных обстоятельствах.

Не менее любопытные замечания могут быть сделаны с учетом сопоставления рассматриваемого средства страховой защиты с иными компенсационными механизмами, базирующимися на нормах законов об обязательном страховании. Так, подп. «е» п. 2 ст. 6 Закона об ОСАГО исключает из страхового риска случаи возникновения обязанности по возмещению вреда жизни или здоровью работников при исполнении ими трудовых обязанностей при условии, что такие отношения регулируется специальным законом о конкретной

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 18; 2023. № 14. Ст. 2375.

разновидности обязательного, в т.ч. социального, страхования. В сущности, это означает, что к лицам, пострадавшим в результате ДТП при одних и тех же обстоятельствах будут применены различные способы определения размера физического вреда и его возмещения в зависимости от статуса потерпевшего в сфере занятости.

Более того, п. 9 ст. 14 Закона об ОСОП для смежных отношений закрепляет принципиально иное правило, согласно которому на назначение выплат по договорам соответствующего характера не влияет осуществление прав требований, предоставляемых в рамках любых других разновидностей страхования. Это значит, что, в отличие от водителя, исполняющего трудовые обязанности в момент причинения вреда, пассажиру, пользующемуся услугами перевозчика для транспортировки к месту командирования, будет предоставлена возможность получить страховое возмещение (обеспечение) как от социального фонда (работодателя), так и от страховщика перевозчика. Попутно необходимо заметить, что «табличная» система выплат по договорам ОСОП технически позволяет решить эту задачу, поскольку пострадавшему не требуется подтверждать фактическую утрату заработка (дохода) и несение расходов на восстановление здоровья. Спорной выглядит сама возможность двойного возмещения.

Несмотря на очевидное противоречие, аналогичную схему для физического вреда устанавливает п. 4 ст. 8 Закона об ОСГО в сфере ОО – здесь также сочетаются страховое обеспечение в виде денежных выплат и натурального возмещения и компенсации по «табличным» нормативам. Нельзя не указать, что назначение страховых выплат (обеспечения) одновременно по двум основаниям представляется хотя бы отчасти обоснованным в отношении работников страхователя, поскольку, в конечном итоге, это влияет на объем и размер его деликтной ответственности, тогда как обе разновидности страхования реализуются за счет отчисляемых им страховых взносов. Однако соответствующий закон не разделяет потерпевших на работников страхователя и иных лиц (подп. 1 ст. 2).

В специальных законах в принципе не встречается прямых указаний на то, следует ли рассматривать страховую выплату в качестве сверхвозмещения в значении абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ или учитывать в общем объеме компенсации, определенном ст. 1086 ГК РФ. Неясно также, как коррелирует их принятие с установлением «более высокого размера ответственности», предусматриваемого ст. 1084 ГК РФ для случаев повреждения здоровья при исполнении обязанностей по трудовому или гражданско-правовому договору. Представляется сомнительным, что в качестве оснований для увеличения объема и размера компенсируемого вреда могут приниматься повышенные риски его причинения для отдельных видов деятельности или особый трудовой (служебный) статус потерпевшего, поскольку сущность повреждаемого блага остается неизменной, а внедряемые страховые механизмы должны создавать благоприятные условия для быстрого и полного урегулирования всех материальных претензий.

Складывающаяся ситуация, на наш взгляд, является следствием размытости доктринальных представлений о различиях между традиционным личным страхованием («страхованием сумм») и возместительным страхованием, ориентированным на риски причинения вреда нематериальным благам («страхованием убытков»), неудачным переносом в область правотворческой деятельности устаревшего деления страхования на виды. Неслучайно в доктрине обращается внимание на то, что императивная реализация страховой защиты в отношении отдельных категорий государственных служащих преследует гуманистические цели, в связи с чем использование термина «выгодоприобретатель» к родственникам погибшего, приобретающим право на страховую выплату, некорректно¹.

По классической «чистой» модели личного страхования построено обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих, а также целого ряда категорий государственных служащих в правоохранительной сфере. Производимые здесь страховые выплаты назначаются в пользу

¹ См.: Михайлова И.А. К вопросу о гражданско-правовом статусе выгодоприобретателя по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья государственных служащих // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. – № 3 (137). – С. 77 – 78.

застрахованного лица в виде фиксированных сумм¹ без подтверждения фактически понесенных потерь и расходов, не влияя при этом на содержание требований, предъявляемых в порядке привлечения виновных лиц к деликтной ответственности². Эти особенности позволяют относить их в разряд «компенсаций сверх возмещения вреда», тем не менее, и здесь мы вновь сталкиваемся с отсутствием отсылок к гл. 59 ГК РФ и отказом от использования соответствующей этому значению терминологии.

Традиционно, отмеченная проблема касается и случаев, когда участники определенных видов экономической деятельности либо само государство обязываются к обособлению части принадлежащих им денежных средств в составе нестраховых компенсационных фондов с целью создания гарантий выплат потерпевшим. В качестве исключения здесь можно упомянуть, пожалуй, лишь положения Градостроительного кодекса РФ о возмещении вреда, возникшего в результате нарушения требований безопасности при строительстве, поскольку компенсации, выплачиваемые застройщиком и другими субъектами, указанными в ст. 60 данного кодекса, прямо определены как выплаты «сверх

¹ См.: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1474; 2023. № 16. Ст. 2755. Для судей и прокуроров аналогичное по своему значению страхование вводится непосредственно ст. 20 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (Российская газета. 1992. № 170. 29 июл.; СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5304) и п. 4 ст. 45 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; 2023. № 31 (Часть III). Ст. 5772) и некоторых иных категорий должностных лиц – ст. 20 Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5116).

² См.: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3586; 2023. № 29. Ст. 5304; Федеральный закон от 01 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 40. Ст. 5488; 2023. № 29. Ст. 5304; Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 19 октября 2023 г. и др.

возмещения вреда»¹. В противоположность этому примеру, ст. 43 Федерального закона «О полиции»² оперирует термином «выплаты в целях возмещения вреда» при установлении системы единовременных и ежемесячных компенсаций, назначаемых сотруднику полиции при повреждении здоровья в связи с исполнением служебных обязанностей. Аналогично страховым суммам, данные выплаты имеют фиксированный характер, однако наличие иных правовых оснований для возмещения вреда обязывает заявителя сделать выбор в пользу одного из них (п. 9 указанной статьи).

Предваряя оценку столь противоречивых норм, подчеркнем, что, несмотря на тесную связь между исполнением служебных обязанностей и возникновением вреда, государство в лице его компетентных органов и должностных лиц, за редкими исключениями (ст. 1069 или 1070 ГК РФ), не рассматривается в данных правоотношениях в качестве непосредственного виновника происшествия. Кроме того, указанные в ст. 43 ФЗ «О полиции» выплаты лишены возместительной направленности и не охватывают всех случаев повреждения здоровья сотрудника полиции (исключая, например, заболевания, которые не повлекли за собой инвалидности).

Расширение имущественной ответственности за вред, причиненный сотруднику правоохранительных органов может оправдываться, пожалуй, лишь повышенной общественной опасностью такого посягательства по сравнению со случаями причинения физического вреда обычным гражданам, однако, как известно, признак общественной опасности не влияет на размер гражданской ответственности. Сказанное позволяет утверждать, что мы имеем дело с разновидностью сверхкомпенсаций. Тем не менее, отсутствие прямых указаний на это в законе приводит к тому, что вышеперечисленные вопросы нуждаются в разрешении средствами судебного толкования.

¹ См.: Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16; 2022. № 18. Ст. 3010.

² См.: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6172.

Аналогичную проблему можем видеть на примере с дополнительными ежемесячными выплатами, назначаемыми за счет средств бюджета при увечье или ином, связанном с осуществлением профессиональной деятельности, повреждении здоровья судьи. В ст. 20 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» такие выплаты именуется «возмещением», а при их расчете не принимаются во внимание только страховые выплаты в системе обязательного социального страхования, посттравматический заработок (доход) пострадавшего и получаемые им пенсии¹.

Еще одной областью правового регулирования, дающей почву для дискуссий относительно многообразия форм и способов возмещения физического вреда, являются общественные отношения, возникающие по поводу правомерного причинения вреда. Возмещение последнего, как известно, допускается лишь в специально оговоренных случаях. Наиболее ярким примером подобной регламентации служит ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму»². Содержащиеся в ней нормы, исходя из наименования статьи, посвящены возмещению вреда, причиненного в результате террористического акта, однако в действительности проблема восстановления материального положения потерпевшего раскрывается здесь комплексно, через описание специфики применения института деликтной ответственности за данный вред, а также определение правовых условий его возмещения из средств федерального бюджета (в части, которая является следствием правомерных действий, совершенных при пресечении террористического акта).

¹ В случае с другой категорией государственных служащих в правоохранительной сфере, а именно, сотрудниками органов внешней разведки, предлагаемая трактовка явно прослеживается из законодательства: ст. 22 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» (СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 143; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6172) аналогичные денежные выплаты отнесены к категории «мер социальной поддержки», назначаемым независимо от «возмещения вреда в полном объеме».

² См.: Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; 2023. № 29. Ст. 5305 (далее также – Закон о противодействии терроризму).

Обратим внимание, что в конкретизирующем Постановлении Правительства РФ¹ соответствующие бюджетные выплаты именуется уже не «возмещением вреда», но «компенсационными выплатами», назначаемыми лицам, пострадавшим в результате террористического акта, тогда как сам термин «возмещение вреда» используется в документе только применительно к условиям возмещения стоимости полностью или частично утраченного имущества. Компенсационные выплаты при причинении вреда здоровью в результате террористического акта не учитываются при определении размера страхового возмещения по любым заключенным в его пользу договорам страхования. В совокупности с отсутствием привязки к конкретным затратам на восстановление здоровья или суммам утраченного заработка (дохода) отмеченные особенности позволяют говорить о том, что мы имеем дело с одной из дополнительных мер социальной защиты. Вместе с тем, при такой трактовке в законодательстве не представляется возможным обнаружить каких-либо специальных правовых норм, относящихся к механизму возмещения вреда, причиненного при пресечении террористической деятельности правомерными действиями, в принципе.

К той же области правовой регуляции, согласно упомянутому нормативному источнику, отнесены вопросы преодоления неблагоприятных материальных последствий чрезвычайных ситуаций и техногенных катастроф различного рода. При этом, например, «денежные компенсации в возмещение вреда здоровью» для граждан, пострадавших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС², длительное время воспринимаются в системе

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2019 г. № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями» // СЗ РФ. 2020. № 1. Ст. 106; 2023. № 10. Ст. 1708.

² См.: Закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», ст. 39 –

действующего законодательства как мера социальной защиты населения, полностью утратившая связи с цивилистическим институтом деликтных обязательств. Эта же особенность явно отличает новейшие формы материального вспомоществования военнослужащих, установленные на случай гибели или повреждения здоровья в ходе участия в специальной военной операции на территории ДНР, ЛНР и Украины. Несмотря на отсылку к общей системе гарантий и компенсаций, предусмотренных для указанных субъектов, в регламентирующем их Указе Президента РФ подчеркивается независимость назначаемых выплат от любых других форм возмещений и мер социальной поддержки¹.

Следует полагать, что обозначенный подход обусловлен признанием в качестве «социально-значимого» вреда, вызванного ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций, предотвращением преступлений, выполнением специальных военных задач и пр., а равно и невозможностью применения традиционной конструкции деликтной ответственности для таких ситуаций (например, по причине смерти или отсутствия виновного лица). Неслучайно в научной литературе при определении правовой природы социальных компенсационных выплат предпринимаются попытки обосновать существование, наряду с «гражданско-правовым (деликтным)», еще и «публично-правовых» способов возмещения вреда здоровью².

Вопросы правового регулирования возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, заслуживают внимания и еще по одной причине – постольку, поскольку ст. 18 Закона о противодействии терроризму предусматривает специальный способ возмещения такого вреда в части,

40 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 21. Ст. 699; СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5311.

¹ См.: Указ Президента РФ от 05 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 4031.

² См.: *Ефремов А.В.* Актуальные правовые особенности, возникающие на практике при реализации (осуществлении) публично-правовых способов возмещения вреда, причиненного здоровью военнослужащих, 2016. – URL: [https:// garant.ru](https://garant.ru) (дата обращения: 14.01.2024); *Снежко О.А.* Защита социальных прав граждан: теория и практика: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020. – С. 125.

касающейся вреда, непосредственно вызванного терактом. Речь идет о возложении имущественной ответственности на родственников лица, совершившего теракт (в данную категорию отнесены близкие родственники, родственники и близкие лица), по механизму применения напомиающем ответственность родителей (опекунов, попечителей) за вред, причиненный лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста. Так, обязанность по выплате компенсации возлагается на указанных субъектов при условии наличия их собственной (самостоятельной) вины, которая при этом не является виной в повреждении здоровья потерпевшего, но связана с получением денег, ценностей или иного имущества в результате террористической деятельности делинквента. В настоящий момент потребность в таком механизме обусловлена отсутствием в России государственных внебюджетных или иных (страховых) фондов, участвующих в восстановлении материального положения потерпевших от актов терроризма (как и от преступлений в целом)¹.

В представленном разнообразии форм и способов возмещения вреда здоровью любой их подробный обзор в сочетании с предметным изучением порядка и условий привлечения к участию в возникающих правоотношениях специальных субъектов, их прав и обязанностей по отношению к потерпевшим будет неполным, если не касаться последующих взаимосвязей между вовлекаемыми лицами и причинителями вреда. Такие отношения подчиняются правилам об обратных (регрессных) требованиях, и, анализируя их, можно прийти к выводу о возместительном значении отдельных разновидностей страхования, обычно не воспринимающихся в этом качестве. Тем временем, особый интерес способны вызвать также признаки существования «теневых» механизмов, неочевидным образом переориентирующих содержание и задачи гражданско-

¹ Зарубежный опыт в данной части обширен и достаточно подробно исследован в ряде отечественных публикаций: см., напр.: *Кобец П.Н.* Функционирование механизма по возмещению вреда, причиненного преступлением, в государствах с различными правовыми системами // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (43). – С. 53 – 58; *Нгуен В.Т.* К вопросу о способах возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 134 – 138; *Ларина Л.Ю., Пантюхина И.В.* Некоторые проблемы компенсации вреда, причиненного потерпевшему в результате преступления // Юридическая наука. – 2015. – № 1. – С. 59 – 62 и др.

правового регулирования исследуемых общественных отношений в направлении усиления (не всегда обоснованного) его карательной составляющей¹.

В первую очередь, следует сказать о правах обратного требования организаций и органов, оказывающих медицинские и социальные услуги, которые, действуя в рамках принятых на себя государством социальных обязательств, обеспечивают частичное натуральное возмещение причиненного вреда, исключаемое согласно ст. 1086 ГК РФ из объема гражданской ответственности за причинение вреда здоровью. Формально, наличие у пострадавшего права на бесплатное лечение, уход и т.п. препятствует взысканию их стоимости с причинителя вреда или иного обязанного лица, поскольку соответствующая часть затрат на восстановление здоровья потерпевшего не относится к вреду, имеющему юридическое значение в таких обязательствах. Предположительно, приводимое изъятие уравнивается вышеупомянутым правилом абз. 3 п. 2 ст. 1083 ГК РФ. Впрочем, такое обоснование опровергается судебной практикой.

Несмотря на отсутствие специальных норм в ГК РФ, общепризнанным служит правило, согласно которому органы социального страхования наделены правом регрессного требования в части выплаченных ими страховых сумм либо стоимости предоставленных услуг к «лицам, по чьей вине причинен вред» здоровью застрахованного. Считается, что таким образом реализуется их право на защиту собственных имущественных интересов, нарушенных действиями (бездействием) делинквента. Поскольку речь идет не о переходе к страховщику притязания потерпевшего, но о самостоятельном требовании, обусловленном «возмещением вреда, причиненного другим лицом»², для таких случаев

¹ См.: Колесниченко О.В. Опыт системного исследования современных форм и способов возмещения вреда здоровью на основе комплексного анализа законодательства // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 3 (38). – С. 82 – 92.

² См., напр.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2020 г. по делу № 88-4715/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6244:19> (дата обращения: 14.01.2024).

обосновывается применение п. 1 ст. 1081 ГК РФ¹. Дополнительным аргументом в пользу приведенной позиции служат ст. 17 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»², называющая в числе источников пополнения внебюджетных социальных фондов суммы, полученные в результате удовлетворения регрессных исков³.

Примечательно, что в судебных актах, принятых в интересах страховщика, подчеркивается, что требования данного рода следует рассматривать как «правовой механизм возложения бремени ответственности за причиненный вред в итоге непосредственно на его причинителя»⁴. Особая позиция зафиксирована для ситуаций, в которых регрессный иск обращается к организации, выполняющей функции страхователя по отношению к пострадавшему по ее вине работнику. Здесь ответчик, хотя бы и опосредованно, но участвует в возмещении причиненного вреда посредством уплаты страховых взносов⁵. Отсутствие правовых оснований для заявления обратных требований объясняется также тем, что социальный фонд не несет убытков из-за выплаты страховых сумм, поскольку такая деятельность является для него основной и не вызвана неправомерным вмешательством в сферу его имущественных интересов⁶. Представляется, что в корне этого утверждения лежит принцип недопустимости лишения страховой

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2011 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 сентября 2011 г. (судебная практика по гражданским делам, п. 5) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 11.

² См.: СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3686; 2022. № 29 (часть I). Ст. 5204.

³ См., напр.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 января 2022 г. по делу № 88-362/2022. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6334:23> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение Московского городского суда от 24 августа 2021 г. по делу № 33-17874/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=Апелляционное+определение+Московского+городского+суд+а+№+33-17874%2F2021> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См., напр.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16 мая 2022 г. № 08АП-3017/2022 по делу № А75-11071/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6385:0> (дата обращения: 14.01.2024); Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 08 декабря 2021 г. по делу № 88-18498/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6185:13> (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16 июля 2021 г. по делу № А82-14692/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6455:4> (дата обращения: 14.01.2024).

⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 октября 2014 г. № Ф01-4293/14 по делу № А29-8593/2013. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/825:4> (дата обращения: 14.01.2024).

защиты добросовестного страхователя¹. В целом же приводимая регламентация наглядно иллюстрирует уязвимость общей линии судебной практики в отношении регрессных требований социальных фондов.

В отношениях по обязательному медицинскому страхованию, страховое обеспечение, как известно, представляет собой фактически оказываемую медицинскую услугу (медицинскую помощь), а страховым случаем признается любое ухудшение состояния здоровья застрахованного лица, независимо от причин и факторов, вызвавших таковое. С представлением такого рода, на первый взгляд, не связывается возмещение вреда, причиненного здоровью потерпевшего. Тем не менее, о прямо противоположном подходе и необходимости признания факта существования еще одной разновидности возмездительного страхования свидетельствует ст. 31 Закона об ОМС, предусматривающая возможность взыскания с «лица, причинившего вред здоровью застрахованного», стоимости лечения пострадавшего в медицинской организации.

В судебной практике применение положений ст. 31 Закона об ОМС также сопровождается отсылками к ст. ст. 15, 1064, 1081 ГК РФ, что позволяет отождествлять затраты на медицинское обслуживание с частью причиненного гражданину физического вреда, возмещенной «иным лицом», приобретающим при этом право обратного требования (регресса). Чаще всего описанный механизм используется для защиты имущественных интересов Российской Федерации и в связи с несением затрат, обусловленных совершением умышленных преступлений, что можно считать данью советской правовой традиции².

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 сентября 2016 г. № Ф07-7344/2016. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/853:6> (дата обращения: 14.01.2024).

² См., напр.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 26 марта 2021 г. по делу № 33-8258/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=Апелляционное+определение+Московского+городского+суда+от+26+марта+2021+г.+по+делу+№+33-8258%2F2021> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 28 апреля 2020 г. по делу № 33-3469/2020. – URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=Апелляционное+определение+Кемеровского+областного+суда+от+28+апреля+2020+г.+по+делу+№+33-3469%2F2020> (дата обращения: 14.01.2024); Распространено также взыскание стоимости лечения с лиц, виновных в совершении неосторожных преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 264 УК РФ - см., напр.:

Однако, в отличие от источников гражданского права, относящихся к советскому периоду, упомянутая ст. 31 Закона об ОМС не ставит возможность заявления соответствующего требования в зависимость от формы вины делинквента, характера совершенного им деяния или каких-либо иных обстоятельств.

Критически подходя к анализу приведенных положений, важно отметить, что возможность взыскания некоторых сумм, назначаемых в счет возмещения вреда здоровью, в порядке регресса, блокируется определением правовой природы данных выплат как лежащих вне области гражданско-правового регулирования, исключающим их отнесение к объему компенсации по ст. 1086 ГК РФ. Например, при исследовании страховых пенсий по инвалидности отмечается их «социально-страховой характер», проявляющийся в реализации в данной форме принятых на себя государством социальных обязательств (ст. 39 Конституции РФ), но не ответственности, вытекающей из совершенного им правонарушения¹.

Сравнительное исследование содержащихся к ГК РФ ситуаций, в которых субъекту, возместившему вред, причиненный иным лицом, предоставляется право регресса к последнему, позволяет говорить о том, что такой субъект, во-первых, является стороной деликтного обязательства, а, во-вторых, отличается некоей «связанностью воли» с непосредственным причинителем вреда (в доктринальных источниках такая связанность раскрывается через существование «цепной ответственности»², наличие общего правового интереса, обусловленного первичным обязательством³, и т.п.). В предшествующих правоотношениях

Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 октября 2021 г. по делу № 88-21446/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6213:16> (дата обращения: 14.01.2024);
Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04 марта 2020 г. № 88-3168/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6365:25> (дата обращения: 14.01.2024).

¹ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Самарского областного суда от 17 марта 2014 г. по делу № 33-2491/2014. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VGGGrwlQIMxN/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Шевченко Г.Н.* Регресс и суброгация в российском гражданском праве // Вестник Омского университета. Право. – 2021. – № 3. – С. 46.

³ См.: *Хохлов В.А.* Общие положения об обязательствах: учебное пособие. – М.: Статут, 2015. – С. 152; *Щербачева Л.В.* Соотношение суброгации и регресса в гражданском праве России // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 4. – С. 164.

потенциальный регрессант как бы «условно назначается» законодателем субъектом, виновным в совершении правонарушения или обязанным к возмещению случайно причиненного вреда независимо от вины. И хотя отправным мотивом здесь является потребность в перераспределении возникающих материальных потерь на лицо, обладающее для этого необходимыми финансовыми ресурсами, действие института регресса все же строится на презюмируемой виновности или причастности такого специального субъекта.

Неслучайно, соединяясь с нормами о возложении обязанности по возмещению вреда в исключительных случаях на «иное лицо» (как правило, на принципе независимости от вины), рассматриваемый институт обеспечивает усиление профилактической и воспитательной составляющих деликтной ответственности, поскольку практически всегда используется в отношении физических лиц и требует установления вины как неотъемлемого условия его применения. Например, при наличии обязанности государства в лице казны возмещать вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) органов дознания, предварительного следствия и суда по особым правилам ст. 1070 ГК РФ, регрессные требования могут предъявляться к виновным только на общих основаниях. Напротив, права регресса лишены субъекты, имеющие «собственную вину» в причинении вреда – родители, опекуны, образовательные и др. организации, виновные в ненадлежащем надзоре, ненадлежащем выполнении родительских обязанностей в отношении лица, не достигшего совершеннолетия (ст. 1073-1075 ГК РФ), опекуны или специализированные организации, виновные в недолжном осуществлении надзора за недееспособным (ст. 1076 ГК РФ).

Нельзя не заметить, что при регламентации современных разновидностей обязательного страхования гражданской ответственности, активно внедряемых в стране вслед за ОСАГО, также часто используется термин «регресс», однако реальное его значение сильно отличается от заложенного гражданским законодательством. Так, на первый взгляд, конструкция регрессной ответственности используется здесь для того, чтобы не лишать третьих лиц права

на выплату страхового возмещения и, одновременно с этим, оказывать профилактическое воздействие на застрахованных в целях обеспечения соблюдения ими некоторых специальных юридических обязанностей (не управлять транспортным средством в состоянии опьянения, не допускать к организованным перевозкам лиц, не прошедших медицинское освидетельствование, и т.п.).

Однако следует полагать, «регресс» в отношениях данного рода в действительности является не обратным, а прямым требованием страховщика, направленным на взыскание убытков, причиненных ему ненадлежащим исполнением договора. На этом фоне перечисление в законе случаев страхового «регресса» служит не вполне корректным инструментом освобождения от доказывания этих убытков – таковому могло бы препятствовать то, что упомянутые специальные юридические обязанности установлены нормами специального законодательства, и за их нарушение предусмотрена иная (в т.ч. административная и уголовная) ответственность.

Сказанное не исключает потребности в правовом закреплении сущностной квалификации рассматриваемых отношений, тем более что тенденция к весьма широкому определению ситуаций, в которых добросовестно уплативший страховую премию субъект лишается страховой защиты, не может не вызывать опасений¹. Ключевой вопрос, однако, состоит в другом: если современное законодательство и практика допускают выборочное использование регрессных и квазирегрессных прав требований для целей доведения ответственности до причинителя вреда и (или) расширения объема такой ответственности, могут ли быть обоснованы концептуальные начала такого подхода, позволяющие свести все случаи данного рода в единую систему?

Одной из исходных предпосылок для выведения современной системы правовых форм возмещения вреда здоровью обоснованно служит определение правовой природы возместительной гражданско-правовой обязанности,

¹ Ярким подтверждением этой тенденции служит, к примеру, ст. 19 Закона об ОСОП, перечисляющая в числе оснований для «регресса» практически все возможные обстоятельства, способствующие причинению вреда при перевозках пассажиров.

возникающей в особых случаях – при независимости такой обязанности от вины и (или) возложении ее на лицо, не являющееся непосредственным причинителем вреда, в силу прямого указания закона. И здесь нельзя не заметить некоторой двойственности современной цивилистики, для которой, с одной стороны, характерно наличие констатирующих суждений о необязательном¹ или даже дополнительном² характере условия вины для целей привлечения к деликтной ответственности. Такие воззрения традиционно аргументируются потребностями в защите интересов слабой стороны от трудностей процесса доказывания³ либо несущественной ролью дифференциации форм вины в гражданском праве и применением для ее оценки объективного критерия достаточности мер заботливости и осмотрительности⁴. С другой стороны, остается достаточное количество сторонников идеи терминологической определенности, отмечающих существование «безвиновного» праввосстановительного механизма в виде мер защиты и требующих законодательного признания «ответственностью» лишь отношений по применению санкций за имущественные последствия виновного противоправного поведения⁵.

¹ См.: *Шевченко Г.Н.* Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве // Современное право. – 2017. – № 3. – С. 74; *Ли Ч.* Соотношение виновной и безвиновной ответственности в деликтных обязательствах // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 4. – С. 53.

² См.: *Дерюгина С.Р.* Правовые особенности деликтных обязательств, возникающих при причинении вреда источником повышенной опасности // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 146.

³ См.: *Баринов М.А., Кравицкий Ю.Ф., Губанов А.В., Трофимова А.А.* Источник повышенной опасности в гражданском праве // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2017. – № 4 (37). – С. 34; *Сарбаи С.В.* Элементарная догматика обязательств: учебное пособие. – М.: Статут, 2016. – С. 288.

⁴ См.: *Матанцев Д.А.* Основания деликтной ответственности в римском и современном европейском гражданском праве // Юридическая наука. – 2021. – № 11. – С. 113; *Крупейников К.В.* Историко-правовой анализ вины в Римском частном праве и современном Российском гражданском праве // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 4 (160). – С. 89 – 90.

⁵ См.: *Мильков А.В.* Заметки к вопросу о принципах гражданско-правовой ответственности // Закон. – 2018. – № 11. – С. 169; *Кузнецова О.А.* Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // Lex russica. – 2017. – № 5 (126). – С. 20; *Родионова О.М.* Механизм гражданско-правового регулирования: деятельностно-догматический подход: монография. – М.: Статут, 2013. – С. 377.

В попытке примирить эти подходы, следуя дореволюционной и советской традиции, отдельные исследователи обращаются к категории риска¹, отмечая, что при создании субъектами сопоставимых взаимных рисков их последующие отношения должны быть подчинены классическим представлениям о виновной ответственности, в противном же случае необходимо устранение возникшей несправедливости с помощью правил о выплатах, не зависящих от вины². Любопытно, что эта идея транслируется на многие частные случаи применения конструкции строгой ответственности, что, в свою очередь, оправдывает смысловое объединение рисков и повышенной опасной деятельности³, выводит на первый план такую особенность ИПО, как вероятность выхода из-под контроля вследствие факторов, не связанных с поведением его владельца.

Распространение категории справедливости на рассматриваемые правоотношения, впрочем, имеет и другие последствия – указывается, в частности, что причиной развития возмездительных разновидностей страхования служит ситуация, при которой «никакой риск и никакие меры предосторожности больше не гарантируют освобождения от обязанности возмещения вреда»⁴. Данный подход фактически подразумевает, что деликтная ответственность преобразуется в «чистое» средство компенсации, вследствие чего становится допустимым ее замещение страхованием⁵. Однако сложно согласиться с

¹ См.: *Кархалев Д.Н.* Вина в гражданском праве // *Право и образование.* – 2018. – № 3. – С. 9; *Невзгодина Е.Л.* Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности // *Омские научные чтения – 2020: сб. статей.* – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. – С. 41.

² См.: *Богданов Д.Е.* Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // *Журнал российского права.* – 2013. – № 7. – С. 52 – 53.

³ См.: *Беликова К.М., Румянцев М.Б.* Некоторые размышления о причинении вреда источником повышенной опасности в праве РФ и США // *Право и политика.* – 2018. – № 5. – С. 29, 41; *Идрисов Х.В.* О соотношении вины, риска и случая в гражданском праве // *Власть.* – 2007. – № 11. – С. 108.

⁴ См.: *Румянцев М.Б.* Безвиновная ответственность – один из векторов развития деликтного права в России и США // *Современное право.* – 2011. – № 11. – С. 47.

⁵ См., напр.: *Маркина М.В.* Основная и субсидиарная ответственность за причинение вреда лицом, застраховавшим свою гражданско-правовую ответственность за причинение вреда // *Юрист.* – 2021. – № 6. – С. 33; *Рузанова Е.В.* Вопросы соотношения страхового и деликтного обязательств // *Вестник Омского университета.* – 2016. – № 4 (49). – С. 124; *Фогельсон Ю.Б.* Деликтные обязательства и страхование деликтной ответственности. Проблемы теории и практики // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2009. – № 7. – С. 20 и др.

представлением о том, что при введении правил о независимости возмещения вреда от вины любая ошибка или упущение со стороны делинквента исключаются как таковые. Скорее речь идет о том, что его субъективное отношение к наступающим неблагоприятным последствиям не принимается законом во внимание для целей восполнения имущественной сферы потерпевшего¹.

На наш взгляд, реальная задача таких правил состоит в предоставлении возможности назначения компенсации для случаев, когда вредоносное воздействие причиняется в результате выхода источника (средства) такого воздействия из-под контроля человека, а равно проявления его неожиданных свойств, в дополнение, а не в противопоставление к более привычным ситуациям причинения вреда вследствие непринятия достаточной степени заботливости и осмотрительности. Вместо обычной степени заботливости и осмотрительности, ожидаемой от каждого «разумного человека», юридическое значение приобретает проявление их в повышенной степени, требующейся от лица в силу осознанного вступления в рискованные отношения, а также предположения о наличии у него необходимых для осуществления соответствующей деятельности специальных познаний. Именно в этом заключается специфика «повышенной» деликтной ответственности.

В то же время, пограничный характер и сложность разграничения описываемых ситуаций, но не частные проблемы доказывания, которые носят, скорее, производный от них характер, определяют то, что юридико-техническим средством ее выражения служит неопровержимая презумпция вины, распространяемая на все случаи причинения вреда в процессе осуществления деятельности данного рода (в сфере обращения потребительских товаров, использования транспорта и др.). Принятие рисков случайного причинения вреда при таком подходе не охватывает собой ситуаций, когда вред является

¹ См.: *Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К.* Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 13.

результатом волевых действий третьих лиц или самого потерпевшего¹, поскольку таковые не подпадают под категорию «казуса» (случая) и не могут быть объяснены свойствами потенциальной вредоносности того или иного вида человеческой деятельности. Иное понимание, к сожалению, находящее своих сторонников не только в теории, но и в судебной практике², в значительной степени способствует острой критике конструкции ответственности независимо от вины как примера диспропорций в сфере частноправового регулирования.

Убедившись, что представление об апоптозирующем развитии института деликтной ответственности основано на неверных методологических предпосылках, нельзя не признать, однако, что возместительные разновидности страхования существенным образом влияют на такое развитие. Наиболее важные модификации наблюдаются при переходе от обязательного страхования гражданской ответственности к обязательному страхованию рисков причинения вреда, когда возникают две самостоятельные подсистемы компенсаций, различающиеся не только порядком определения размера выплат, но условиями их назначения.

Следует отметить, что в соответствии с воззрениями как отечественных, так и зарубежных авторов направленность деликтного обязательства определяет идея восстановления положения, существовавшего до нарушения права, защита ранее сложившегося статуса-кво³. Однако деликтная ответственность не может быть

¹ Не следует путать с ситуациями, когда виновные действия потерпевшего лишь способствуют причинению вреда, - здесь компенсация подлежит пропорциональному уменьшению.

² См., напр.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31 марта 2022 г. № 88-5561/2022. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6309:21> (дата обращения: 14.01.2024); Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01 октября 2020 г. по делу № 88-23049/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6166:11> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См., напр.: *Шепель Т.В.* Внедоговорное охранительное обязательство: учебное пособие. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. – С. 126; *Волос А.А.* Принципы обязательственного права: монография. – М.: Статут, 2016. – С. 106; *Каранетов А.Г.* Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 11. – С. 26; *Underwood J.* Tort Law: Principles in Practice. – New York: Wolters Kluwer, 2022. – P. 560; *Pierre P., Leduc F.* La réparation intégrale en Europe: Etudes comparatives des droits nationaux. – Bruxelles: Éditions Larcier, 2012. – P. 181 и др.

отождествлена с обязанностью по возмещению вреда, поскольку механизм ее реализации предполагает такое восстановление, которое, во-первых, обеспечивается государственным принуждением, во-вторых, влечет за собой умаление имущественной сферы делинквента (иного ответственного лица) и, в-третьих, служит формой порицающего реагирования правовой системы государства на такие деяния, которые обладают свойствами неправомерности.

В настоящее время ст. ст. 1064, 1085 ГК РФ не предусматривают возможности изменения объема и характера возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья, в зависимости от формы и степени вины причинителя, обстоятельств причинения вреда и т.п. факторов. Считается, что принцип его полного возмещения достигается за счет учета всех обязательных параметров суммы взыскания, а также сохранения за потерпевшим права на независимую компенсацию нравственных и физических страданий¹. Наряду с этим, доктрина гражданского права все чаще пополняется попытками переосмысления характерного для англо-саксонской правовой традиции института карательных (штрафных) убытков, взыскиваемых в особых случаях намеренного, «вопиющего» поведения делинквента². Сферой использования этой конструкции предлагается сделать правоотношения, вытекающие из причинения неимущественного вреда и некоторых труднодоказуемых экономических потерь³.

Особый интерес в контексте сказанного представляет идея о «частном наказании за деликт», каковое предлагается считать необходимой функцией

¹ См.: Чулюкова С.А. К проблеме правового регулирования возмещения вреда, причинённого жизни гражданина // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 9 (165). – С. 98.

² См.: Koziol H. Punitive Damages - A European Perspective // Louisiana Law Review. – 2008. – Vol. 68. – P. 741 – 764.

³ См.: Радайде Д.С. Родовое понятие вреда, видовое по отношению к нему понятия института обязательств вследствие причинения вреда и смежные понятия гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6. – № 2. – С. 151; Богданов Д.Е., Богданова Е.Е. К вопросу о некомпенсационных убытках в гражданском праве России // Гражданское право. – 2017. – № 2. – С. 7 – 10; Будылин С.Л. Сверхкомпенсационные убытки. Возможности их взыскания в России и за рубежом // Арбитражная практика. – 2014. – № 4. – С. 123; Быкина М.В. Проблемы взыскания убытков в гражданском праве Российской Федерации // Terra Economicus. – 2011. – Т. 9. – № 1. – С. 162.

гражданской ответственности и, даже более того, одной из центральных целей, достигаемых пострадавшим при обращении охранительных норм против делинквента¹. Истоки этой идеи можем проследить в советской доктрине, где отмечалось, что без наложения дополнительных имущественных санкций невозможна реализация каких-либо иных функций деликтной ответственности, помимо восстановительной². В современной версии этой концепции подчеркивается возможность восстановить предупредительную составляющую ответственности для ситуаций, когда материальный вред в силу обязательного или добровольного вступления причинителя вреда в отношения по страхованию возмещается полностью или в преимущественной части страховой компанией³. Внедрение наказательных начал не отрицается и применительно к имущественной составляющей⁴, хотя приводимые здесь примеры и не относятся к области деликтного права⁵.

Как можно заметить, отношения по возмещению вреда здоровью предоставляют обширную почву для обсуждения индивидуализирующих наказательных начал деликтной ответственности, не связанных с использованием такого средства защиты нарушенного права, как компенсация морального вреда. Во-первых, развитие альтернативных способов оценки физического вреда в рамках института страхования создает ситуацию, когда отдельные категории затрат и потерь, считающиеся полностью погашенными в результате назначения страховой выплаты, в действительности продолжают существовать на стороне потерпевшего. Во-вторых, не создана единая система оценки физического вреда

¹ См.: *Арсланов К.М.* Гражданско-правовое (частное) наказание за деликт: предупреждение, «личное удовлетворение» в гражданском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 2. – С. 242.

² См.: *Шиминова М.Я.* Компенсация вреда гражданам: гражданско-правовое регулирование. – М.: Наука, 1979. – С. 15.

³ См.: *Арсланов К.М.* Указ. соч. – С. 245.

⁴ О неблагоприятном (штрафном) имущественном воздействии на правонарушителя как квалифицирующем признаке ответственности см. подробнее: *Кархалев Д.Н.* Гражданско-правовые формы охранительных отношений // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20. – № 1. – С. 56 – 57.

⁵ См.: *Краснова С.А.* Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 1. – С. 108.

для всех случаев его причинения. В-третьих, при ухудшении состояния здоровья, сопряженном со стойкими нарушениями жизнедеятельности, пострадавший нуждается в пожизненных выплатах, которые невозможно включить в состав первоначально назначаемой страховой выплаты. В-четвертых, правовые условия назначения «деликтной» компенсации предполагают возможность снижения присуждаемых сумм с учетом вины пострадавшего. Неопределенной является судьба отстоящих по времени потерь, проистекающих из начального факта повреждения здоровья.

Сказанное в совокупности позволяет заключить, что возмещение физического вреда, вопреки традиционным доктринальным оговоркам, может осуществляться двумя способами – через возмещение потерь и непосредственное предоставление помощи и ухода, осуществление мероприятий, направленных на восстановление здоровья потерпевшего и приспособление к ограничениям жизнедеятельности¹.

Правовые формы возмещения вреда здоровью, в свою очередь, могут быть классифицированы в зависимости от лежащего в их основе правового средства и включают в себя: 1) деликтную юридическую обязанность, реализуемую в рамках обязательств из причинения вреда со всем присущим им превентивно-воспитательным воздействием на правонарушителя (*деликтная индивидуализированная форма возмещения*); 2) юридическую обязанность по возмещению вреда, существующую в рамках справедливых перераспределительных гражданско-правовых механизмов (с возможностью возврата к индивидуализации посредством заявления регрессного требования к непосредственному причинителю вреда или без таковой – если привлекаемые к возмещению вреда субъекты имеют собственную косвенную вину в наступлении неблагоприятных последствий) (*деликтная перераспределяющая форма возмещения*); 3) юридическую обязанность по страховому возмещению вреда, реализуемую в рамках обязательного (негосударственного, государственного или

¹ См.: Колесниченко О.В. Рассуждения о реальном объеме обязанности по возмещению вреда здоровью: путь к индивидуализации деликтной ответственности? // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 23 – 32.

социального) страхования рисков наступления гражданской ответственности или причинения вреда (здесь возможность «доведения ответственности» до виновного лица блокируется потребностями в защите интересов добросовестного страхователя, а основания для предъявления регрессных требований и лишения страхователя страховой защиты фактически представляют собой случаи нарушения последним договора страхования) (*страховая форма возмещения*); 4) юридическую обязанность по возмещению вреда, реализуемую государством в рамках исполнения принятых на себя социальных обязательств (речь идет о той части физического вреда (потерь), которая не входит в объем возмещения вреда здоровью согласно ст. 1086 ГК РФ или по иным причинам не может быть возмещена в порядке реализации деликтной ответственности) (*социальная форма возмещения*).

Представляется, что сбалансированное сочетание форм возмещения физического вреда должно основываться на принципе поглощения большей вины меньшей, согласно которому специальный субъект, исполняющий возместительную обязанность в силу презумпции или специального указания закона, производит ограниченное возмещение физического вреда, а обнаружение вины конкретного лица позволяет сочетать прямые и обратные требования для доведения ответственности в его абсолютном объеме. При применении данного принципа должны соблюдаться следующие правила: 1) переход от деликтной перераспределяющей к деликтной индивидуализированной форме возмещения недоступен, если специальный субъект имеет собственную вину в наступлении неблагоприятных последствий; 2) при применении страховой формы возмещения возможность доведения ответственности до виновного лица блокируется потребностью в защите интересов добросовестного страхователя; 3) обратные требования не могут заявляться в части базовых гарантий оказания бесплатной медицинской помощи и социального обеспечения.

Говоря о конкретных законодательных решениях, следует отметить потребность в регламентации в ст. 1085 ГК РФ последствий влияния на объем и характер возмещения вреда здоровью различных форм обеспечения по

обязательному социальному страхованию и прямым компенсационных выплат. При необходимости установления государственных гарантий на случай причинения вреда здоровью, находящихся за пределами общего объема и размера такого вреда (п. 1 ст. 1085 ГК РФ), вводящие их законы должны включать отсылку к п. 3 ст. 1085 ГК РФ – если с их помощью решаются задачи увеличения объема и (или) размера возмещения и к абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ – если такие выплаты носят характер разрешенных сверхкомпенсаций. Кроме того, необходимо ставить вопрос о дополнении ст. 1072 ГК РФ положениями о погашении части деликтного обязательства после получения потерпевшим страхового возмещения по заключенному в его пользу договору страхования риска причинения вреда.

В предлагаемом подходе важным является посыл о возможности усиления индивидуализирующих, воспитательных и профилактических начал деликтной ответственности, который может быть раскрыт через разграничение базовых и факультативных затрат и потерь в составе компенсации¹. Такое прочтение требует качественной модификации теоретических представлений о параметрах объема, характера и размера возмещаемого вреда здоровью в физическом значении, исследованию которых и будет посвящена следующая глава настоящей работы.

¹ См.: *Колесниченко О.В.* Опыт системного исследования современных форм и способов возмещения вреда здоровью на основе комплексного анализа законодательства. – С. 93.

**Глава 3. Объемная характеристика физического вреда:
оптимальный режим нормативного правового регулирования
и его доктринальное обоснование**

**§ 1. Объем юридически значимого физического вреда:
вред влияния и вред состояния**

Согласно традиционному представлению, сложившемуся в отечественной цивилистике, вред здоровью лишен имущественного наполнения и может быть признан материальным только в своем фактическом, неправовом, значении, что обусловлено отсутствием объективных параметров для его денежной оценки, исключительной ценностью и необоротоспособностью пострадавшего нематериального блага¹. Такая характеристика не может не влиять на определение объема выплат, поскольку предполагается, что средства гражданско-правовой защиты в данном случае ориентированы не на устранение прямых неблагоприятных последствий, но на сглаживание сопутствующих физических и нравственных страданий (морального вреда), возмещение опосредованных потерь в имущественной сфере пострадавшего лица (дополнительных расходов на лечение и реабилитацию, утраченного дохода и пр.)². Последние, как считается, искусственно объединяются в категорию «вреда здоровью» для удобства применения различных по своей правовой природе механизмов восстановительного и компенсирующего характера³. Представляется очевидным, что подобный подход не только не позволяет дать четкие критерии определения

¹ См.: *Баринов Е.Х., Балашова И.Л., Косухина О.И.* и др. Здоровье как объект гражданского права // *Проблемы экспертизы в медицине.* – 2012. – Т. 12. – № 1-2 (45-46). – С. 6; *Сятчихин А.В.* Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве. – М.: Проспект, 2020. – С. 117.

² См.: *Старчиков М.Ю.* Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика. – М.: Инфотропик Медиа, 2016. – С. 124.

³ См.: *Шевчук Е.П.* Порядок исполнения обязательства по возмещению вреда здоровью гражданина, причиненного при оказании медицинских услуг // *Сибирский юридический вестник.* – 2019. – № 1 (84). – С. 53, 55.

объема физического вреда в понятии и значении, сформулированных нами ранее, но и не отвечает на вопросы о том, по какому принципу конкретные разновидности расходов и потерь включаются в п. 1 ст. 1085 ГК РФ, является ли этот перечень исчерпывающим и, если нет, при каких условиях допустимо возмещение иных убытков.

Отмечая редкие попытки использования конструкции физического вреда с отсылкой к его непосредственным, анатомо-функциональным, проявлениям, следует подчеркнуть, что таковые также не вносят необходимой ясности в представление о критериях объединения различных составляющих в объеме возмещения вреда здоровью в соответствии с действующим законодательством. Так, особое внимание обращает на себя подход, в основе которого лежит идея о том, что требование потерпевшего подлежит оценке в части определения объема причиненного вреда вне зависимости от принятия им мер, направленных на восстановление положения, существовавшего до нарушения права¹, а значит, и неблагоприятных имущественных последствий. Следование этой идее предполагает, что состав юридически значимого вреда здоровью раскрывается через потери как вред фактического свойства, имеющие самостоятельную стоимостную характеристику, и дополнительные (реально понесенные) расходы. Вместе с тем, при исходной посылке об опосредованном характере самих оцениваемых потерь такое деление указывает лишь на различие между настоящими и будущими убытками, без привнесения в доктрину каких-либо существенных характеристик отдельных элементов объема возмещения.

Направленность конкретных видов расходов на коррекцию функциональных недостатков может интуитивно восприниматься в качестве критерия включения конкретных видов неблагоприятных имущественных последствий в состав условного вреда здоровью. Впрочем, развитию такого

¹ См.: Чулюкова С.А. К проблеме правового регулирования возмещения вреда, причиненного жизни гражданина // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 9 (165). – С. 98.

понимания препятствует то, что иные его элементы не исследуются на предмет их взаимосвязи с анатомо-функциональными изменениями¹.

Вследствие наиболее прочных ассоциаций института нематериальных благ с механизмом компенсации морального вреда в российской науке гражданского права анализ изменений в положении потерпевшего после повреждения здоровья, столь необходимый для обеспечения полноты взыскания, часто ограничивается оценкой последствий, наблюдаемых в его психоэмоциональной сфере. При этом может обращаться внимание на некоторый «субсидиарный» характер возмещения вреда по правилам ст. 1085 ГК РФ по отношению к данному способу защиты гражданских прав².

Предлагая рассматривать физический вред в качестве самостоятельной разновидности неимущественного вреда, М.Н. Малеина приводит в качестве признаков его возникновения особые потребности потерпевшего, вынужденное изменение образа жизни и т.п.³ Однако поскольку исследование преследует цель обоснования объективных критериев для индивидуализации деликтной ответственности (характер противоправного деяния, тяжесть повреждений и др.), приведенные признаки не рассматриваются автором в качестве параметров оценки вреда, причиненного повреждением здоровья, в его материальном значении⁴. Понимаемые буквально, такие рассуждения могут способствовать формированию представлений о том, что любые новые потребности и изменения в образе жизни жертвы всегда должны оцениваться исходя из ее индивидуального восприятия и так или иначе связаны с проявлением различных форм субъективных страданий, конкретных негативных эмоций (страха за свое

¹ См.: *Эрделевский А.М.* Моральный вред: соотношение с другими видами вреда // Российская юстиция. – 1998. – № 6. – С. 19.

² См.: *Петров А.Я.* Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью работника: правовые основы // Хозяйство и право. – 2019. – № 12 (515). – С. 36.

³ См.: *Беляцкий С.А.* Возмещение морального (неимущественного) вреда. – М.: Городец, 1997. – С. 17, 67, 69; *Утевский Б.* Возмещение неимущественного вреда как мера социальной защиты // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – № 35. – С. 1084 и др.

⁴ См.: *Малеина М.Н.* Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 62 – 63.

будущее, переживаний из-за утраты возможности профессиональной самореализации, болезненности процесса реабилитации и т.п.).

На фоне всего вышесказанного особенно примечательным видится то, что в отдельных зарубежных правовых системах категория органического или телесного вреда может не только спокойно восприниматься в юридическом контексте, но и оказывать непосредственное влияние на условия назначения отдельных видов выплат или концепцию гражданско-правовой защиты потерпевших в целом¹. Отмеченная особенность обнаруживается независимо от принадлежности к той или иной правовой семье, следования принципу генерального деликта или сингулярных деликтов. Нельзя не согласиться с позицией Э.А. Евстигнеева о том, что в условиях взаимовлияния правовых систем ни одна классическая модель компенсации не применяется в чистом виде, а доктрина находится в поиске подходов, позволяющих выработать наиболее сбалансированный механизм возмещения вреда².

Например, определение размера «general damages» (общий ущерб – англ.) при телесных повреждениях в Великобритании не ограничивается абстрактной оценкой последствий нематериального характера (физическая боль и душевные страдания, утрата супружеских отношений, потеря удовольствия от обычных занятий и др.)³, но предполагает также прогнозирование будущих материальных потерь с опорой на возросшие потребности потерпевшего. В частности, для оценки затрат на помощь в быту используется показатель количества часов такой помощи, необходимых ежедневно в течение всей жизни жертвы, при этом не имеет правового значения, будут ли соответствующие услуги фактически оказываться безвозмездно или за плату, родственниками или третьими лицами⁴. Для установления ориентировочной стоимости переоборудования жилого

¹ См.: Renato L.N. Dano biológico e quantificação standard // Revista Juridica da Unifil. – 2015. – № 15. – P. 198.

² См.: Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17 (№ 4). – С. 73, 80.

³ См.: Askeland B., Cardi W., Green M.D. et al. Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective. – Venn: Jan Sramek Verlag, 2015. – P. 389 – 390.

⁴ См.: Housecroft v. Burnett [1986] 1 All ER 332. – URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff87960d03e7f57ec10d7> (дата обращения: 14.01.2024).

помещения принимаются во внимание улучшения и модификации, признаваемые необходимыми исходя из конкретных факторов ограничения жизнедеятельности (например, расширение дверных проемов для проезда инвалидной коляски) без учета базовой потребности в жилье как таковом¹. На удивление схожий подход реализован в гражданском праве Германии, где оцениваемые проявления вреда здоровью подразделяются на ущерб, восстанавливаемый единовременной денежной выплатой (§ 251 BGB²), и длящийся ущерб от увеличения стоимости жизни (§§ 842, 843 BGB)³, обусловленный постоянными потребностями потерпевшего и утратой перспектив личностного роста⁴.

Представленные примеры, однако, отражают лишь робкие попытки придать частным аспектам ограничения жизнедеятельности правовое значение для целей назначения максимально полной компенсации. Тем временем, в цивилистической доктрине отдельных стран анатомо-функциональному компоненту телесных повреждений и его проявлениям уделяется гораздо более пристальное внимание, настолько пристальное, что выработанные в данной области теоретические подходы оказывают критическое влияние на развитие общих принципов деликтного права, страховую и судебную практику. Собственно, к настоящему моменту три государства отчетливо иллюстрируют существующие подходы к обоснованию исключительного правового значения объективного физического вреда в сфере гражданско-правового регулирования: Италия, где анатомо-функциональный компонент телесных повреждений обособляется в отдельную разновидность возмещаемого вреда и оценивается по его базовым проявлениям в повседневной жизнедеятельности потерпевшего; Франция, где объективная утрата функций организма представляет собой разновидность неэкономического

¹ См.: *Roberts v. Johnstone* [1989] QB 878. – URL: <https://vlex.co.uk/vid/roberts-v-johnstone-793568077> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 251 Schadensersatz in Geld ohne Fristsetzung. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_251.html (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 842 Umfang der Ersatzpflicht bei Verletzung einer Person. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_842.html (дата обращения: 14.01.2024); Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 843 Geldrente oder Kapitalabfindung. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_843.html (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: *Markesinis B., Coester M., Alpa G., Ullstein A. Compensation for Personal Injury in English, German and Italian Law.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 160 – 161.

вреда, частично пересекающуюся по своему содержанию с субъективными неблагоприятными последствиями травматического повреждения; Испания, где правовое значение имеет сам объективный физический вред, возмещаемый в условной сумме отдельно от косвенных материальных потерь и субъективных страданий.

Опыт Италии особенно примечателен обоснованием понятийной автономии биологического вреда (*danno biologico* – итал.), определяемого как нарушение психофизиологической неприкосновенности человека, имеющее юридическое значение вне зависимости от факта утраты способности к труду, предпринимательской или иным формам оплачиваемой деятельности.

Предпосылкой развития концепции *danno biologico* в 80-е гг. XX вв. послужила позиция Конституционного суда, указавшего, что содержание базового права на здоровье (ст. 32 Конституции Италии), независимо от сферы его реализации (т.е. как в отношениях с участием государства, так и в отношениях между частными лицами) необходимо трактовать в положительном значении как комплекс правовых возможностей личности, обеспечивающих достижение состояния ее полного физического, психологического и социального благополучия¹. Верховный суд Италии впоследствии уточнил эту идею, подчеркнув, что нарушение психофизиологической целостности влияет на ценность человека во всех ее конкретных измерениях, определяющихся не только лишь способностью производить материальные блага, но также всей совокупностью естественных афферентных функций субъекта в среде, где разворачивается его жизнедеятельность².

¹ См.: Corte Costituzionale – sentenza 26 luglio 1979, n. 88. – URL: <https://www.giurcost.org/decisioni/1979/0088s-79.html#:~:text=Dopo%20il%20passaggio%20in%20giudicato,convenuto%20alla%20loro%20integrit%C3%A0%20fisica> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Corte di Cassazione – sentenza 6 giugno 1981, n. 3675. – URL: <https://www.rivistadeldirittocommerciale.com/fascicoli/1981-numero-3-6/37153-corte-di-cassazione-6-giugno-1981-n-3675> (дата обращения: 14.01.2024).

К настоящему моменту нормативную основу концепции биологического вреда составляют ст. 138-139 Кодекса частного страхования Италии¹, регламентирующие общие правила его оценки и возмещения, и так называемые Миланские таблицы² – собственно, расчетный стандарт, используемый в соответствии с позицией Верховного суда страны³ в отношении всех категорий потерпевших. Актуальная редакция Таблиц предусматривает комплексную компенсацию за постоянные повреждения здоровья, суммирующую выплаты за стандартный биологический ущерб и вызванные им субъективные страдания.

Расчет выплаты осуществляется путем произведения условного денежного эквивалента одного балла стойкого ограничения жизнедеятельности на суммарное число баллов. Вместе с тем, при определении первого параметра дополнительно учитывается процентная надбавка за *danno morale* (моральный вред – итал.)⁴, а полученная итоговая сумма подлежит увеличению исходя из специфических динамически-реляционных характеристик повреждения и (или) доказанной высокой интенсивности претерпеваемых пострадавших субъективных страданий. Аналогичный принцип реализуется и в отношении временных травм с той лишь разницей, что базовым расчетным критерием компенсации для них является фиксированная сумма, соответствующая одному дню 100%-ной временной утраты функций организма.

Следует заметить, что при оценке индивидуализирующих факторов ключевую роль играет так называемый первичный вред здоровью, состоящий в

¹ См.: Codice delle assicurazioni private (D.lgs. 7 settembre 2005, n. 209), articolo 138 «Danno non patrimoniale per lesioni di non lieve entità». – URL: <https://www.brocardi.it/codice-delle-assicurazioni-private/titolo-x/capo-iii/art138.html> (дата обращения: 14.01.2024); articolo 139 «Danno non patrimoniale per lesioni di lieve entità». – URL: <https://www.brocardi.it/codice-delle-assicurazioni-private/titolo-x/capo-iii/art139.html> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Tabelle Milanesi per la liquidazione del danno non patrimoniale. – URL: <http://www.milanosservatorio.it/wp-content/uploads/2021/03/OSS-MI-TABELLE-2021-LIQUIDAZIONE-DANNO-NON-PATRIMONIALE-ALLA-PERSONA.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Corte di Cassazione – sentenza 20 maggio 2015, n. 10263. – URL: https://www.professionegiustizia.it/documenti/notizia/2015/macropermanenti_le_tabelle_di_milano_h_anno_valenza_nazionale_secondo_la_cassazione (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ Стандартное урегулирование компонента субъективных страданий зависит от диапазона стойкого ограничения жизнедеятельности: от 1 до 9 % такого ограничения соответствуют 25 % надбавки; от 10 до 34 % – от 26 % до 50 %; от 35 до 100% – 50 %.

ограничении способностей потерпевшего к совершению активных действий в конкретных сферах повседневной жизнедеятельности, переживании физической боли и (или) претерпевании неудобств в связи с отмеченными ограничениями. Развернутая характеристика такого вреда может быть дана исключительно медицинским экспертом, в заключении которого отражаются: 1) конкретные виды действий в повседневной жизни пострадавшего, возможность совершения которых исключена или ограничена; 2) способность субъекта осознавать последствия травмы; 3) степень перенесенного физического (ноцицептивного) страдания, определенная с учетом любой доступной обезболивающей терапии; 4) содержание лечения, включающее в себя тип и объем всех медицинских процедур и вмешательств; 5) возможность проведения и объем необходимых реабилитационных мероприятий; 6) продолжительность госпитализации; 7) наличие потребности в постоянном лечении, помощи третьих лиц и (или) протезировании.

Общее ознакомление с правовой регламентацией расчета и возмещения *danno biologico* позволяет предположить, что такой вред является особой разновидностью или частью морального вреда, чем и оправдывается его отнесение в разряд *danno non patrimoniale* (вред непатримониальный, неимущественный – итал.). Между тем, типизация вреда на *danno patrimoniale* (вред патримониальный, имущественный – итал.) и *danno non patrimoniale* имеет более глубокий смысл, чем простое деление неблагоприятных последствий на затрагивающие имущество или нематериальные блага.

Использование такой терминологии подчеркивает разницу между потерями в имущественной сфере субъекта, отделяемыми от него самого, т.е., собственно, патримониальным вредом (от лат. «*patrimoniālis*» – патримоний, имущество, передаваемое по наследству), и *danno alla persona* (вред человеку – итал.) – личным ущербом, неразрывно связанным с психофизической неприкосновенностью конкретного человека. Право на здоровье признается не подлежащим оценке в составе «достояния наследия» (совокупности имущества, имущественных прав и обязанностей физического лица), однако это не

препятствует распространению гражданской ответственности на материальные проявления его нарушения, исчисляемые исходя из характеристики утраченных полезных свойств личности (физиологических функций организма, свойств сознания и др.). Наконец, следует учесть и то, что субъективные страдания в итальянском праве компенсируются согласно ст. 2059 Гражданского кодекса при совершении уголовно-наказуемых посягательств на охраняемые законом права и интересы, а также в иных случаях, прямо предусмотренных законом. По отношению к такому вреду биологическое повреждение представляет собой отдельный, «базовый ущерб»¹.

Убедивших в принципиальных различиях между *danno biologico* и *danno morale*, отметим, что комплексная компенсация не исключает возмещения пострадавшему конкретных материальных потерь, однако определение характера соотношения биологического повреждения с *danno patrimoniale* представляет собой весьма непростую задачу, решаемую в доктрине по-разному. В частности, *danno biologico* предлагается рассматривать как «вред-событие», материальный вред здоровью или психической неприкосновенности, влекущий за собой «вред-последствие» в виде сокращения имущественной сферы пострадавшего лица из-за утраты дохода, несения расходов по лечению и обследованию². Согласно иному представлению, вред человеческой личности может наделяться как имущественными, так и неимущественными характеристиками в зависимости от доступных способов минимизации неблагоприятного воздействия на конкретные психофизические факторы ее нормального существования³. Наконец, происхождение биологического вреда объясняется наличием особого «актива» в праве на здоровье, самооценностью его психической и телесной компоненты,

¹ См.: Corte Costituzionale – sentenza 14 luglio 1986, n. 184. – URL: <https://www.jstor.org/stable/23180621> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Zoppoli L. Il danno biologico tra principi costituzionali, rigidità civilistiche e tutela previdenziale // Rivista della Associazione lavoro e ricerche – ALAR. – 2001. – Vol. 11 (3). – P. 390.

³ См.: Sirena P. Il concetto di 'danno' nel diritto italiano e francese della responsabilità civile // Rassegna di diritto civile. – 2019. – № 2. – P. 550 – 551; Cirfera V., Prete C., Polo M., Muci G. Danno biologico persistente: il presupposto dottrinale // Pratica Medica & Aspetti Legali. – 2013. – Vol. 7 (3). – P. 67.

рассматриваемых в качестве обособленных охраняемых законом интересов или даже отдельных прав¹.

Условно обозначив приведенные подходы как причинно-следственный, дифференциальный и ценностный, важно заметить, что все они представляют собой попытку исправить непоследовательность законодателя, допущенную в связи с излишне акцентированным противопоставлением задач по восстановлению имущественной сферы пострадавшего и полному возмещению вреда здоровью. В настоящее время ни нормативная база, ни разъяснения высших судов не позволяют дать однозначного ответа на вопрос о том, по какой причине вред, оцениваемый по единому критерию (через динамико-реляционные характеристики повреждения здоровью), относится к различным типам неблагоприятных последствий². Основные акценты в правовых источниках и конкретизирующих документах смещены на обеспечение полноты компенсации «по объему», что способствует актуализации дискуссий и развитию судебной практики в направлении обоснования ранее непоименованных разновидностей потерь, отвечающих за отдельные правомочия в содержании права на здоровье. Речь идет, к примеру, об экзистенциальном ущербе, определяемом как невозможность сохранения прежнего образа жизни в части, касающейся индивидуальных пристрастий пострадавшего³. С доктринальных позиций, его самостоятельность объясняется происхождением не от объективных неудобств и ограничений физического состояния личности, но от особой ценности утрачиваемых ею форм активности и (или) личных отношений⁴.

Не менее любопытной является попытка обоснования конструкции гедонистического вреда, основанная на представлении об утрачиваемой

¹ См.: *Alpa G.* Il «danno biologico»: parabola o evoluzione di un progetto di politica del diritto? // *Argomenti di Diritto del Lavoro.* – 2000. – Vol. 5 (2). – P. 170.

² См.: *Колесниченко О.В.* Концепция биологического вреда в Италии -переосмысление категории «вред здоровью»? // *Российский юридический журнал.* – 2023. – № 1(148). – С. 96 – 103.

³ См.: *Bonifacio P.* Il risarcimento del «nuovo» danno non patrimoniale e la sua funzione. – Roma: Luiss Academy, 2016. – P. 25 – 26.

⁴ См.: *Cendon P.* Il caso Barillà: perché sì al danno esistenziale secondo la Cassazione penale. – Milano: Key, 2022. – P. 25.

способности получения удовольствия от жизни (гедонистической способности), реализуемой в бытовой сфере через испытываемую субъектом удовлетворенность от повседневных занятий (прием пищи, одевание, покупки и пр.), в эмоциональной – через чувства собственного достоинства, принадлежности к семье, в социальной – через положительные эмоции от реализации социальных связей, в профессиональной – через удовольствие от приверженности профессии¹. Из приведенных примеров явно видна опасность чрезмерно широкой трактовки содержания «полезных свойств» человеческой личности. Неслучайно, в ряде источников отстаивается унитарный характер *danno biologico*, запрет подразделения *danno non patrimoniale* на частично дублирующие его составляющие, отвечающие за утрату общей трудоспособности, родственных связей, возможности совершения любимых занятий и пр.²

Сходные проблемы иллюстрирует опыт применения французской Номенклатуры Динтильхак для оценки телесных повреждений («*Nomenclature Dintilhac*»)³ – справочного документа, названного так по фамилии председателя Второй Гражданской палаты Кассационного суда Франции, возглавившего комиссию по его разработке. Применение Номенклатуры в системе действующего правового регулирования деликтных обязательств во Франции следует теоретическим представлениям о комплексном характере категории «*dommage corporel*» (телесный вред – фр.), охватывающей собой физический, психологический, профессиональный и семейный ущерб, причиняемый пострадавшему травмой или болезнью.

Наиболее существенное отличие Номенклатуры от Миланских таблиц состоит в попытке представить содержание *dommage corporel* максимально

¹ См.: *Zettin M., Rabino S.* Il danno biologico da morte quale perdita del piacere della vita // *Psicologia & Giustizia*. – 2001. – Vol. 2. – P. 2.

² См.: *Sepúlveda P.D.* El «danno alla Salute» y el llamado «danno biológico» a la luz de los daños corporales // *Ars Boni et Aequi*. – 2013. – Vol. 9 (1). – P. 176 – 180; *Pardolesi R.* Danno non patrimoniale, uno e bino, nell'ottica della Cassazione, una e Terza // *La nuova giurisprudenza civile commentata*. – 2019. – Vol. 1. – P. 1345.

³ См.: *Rapport du groupe de travail chargé d'élaborer une nomenclature des préjudices corporels*. – URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/064000217.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

детально, с перечислением большинства его составляющих и их распределением по подкатегориям, имеющим экономическое содержание и лишенных такового. В подкатегию экономического вреда при этом отнесены: 1) временный экономический ущерб, распадающийся на текущие расходы на лечение (учитываются до стабилизации состояния здоровья), фактическую потерю профессионального дохода, вред, обусловленный временным прекращением обучения и (или) участия в тренировочном процессе, прочие доказанные расходы, направленные на восстановление здоровья; 2) постоянный экономический вред (учитывается с момента установления инвалидности), который образуют будущие медицинские и реабилитационные расходы, будущая потеря заработка или иного дохода, неблагоприятное влияние на перспективы карьерного роста, профессиональную трудоспособность в целом, расходы на переоборудование места проживания и транспортного средства в связи с ограниченными возможностями здоровья.

Столь подробное раскрытие объема экономической составляющей *dommage corporel*, на первый взгляд, представляется излишним, поскольку французское законодательство, в отличие от ГК РФ, не создает препятствий для взыскания в пользу потерпевшего любых материальных потерь, вызванных травмой или профессиональным заболеванием. Более предметное исследование Номенклатуры, однако, позволяет заметить, что механизмы оценки материального ущерба сочетают в себе как конкретные, так и абстрактные методы, а значит, указание на определенную разновидность неблагоприятных последствий может быть фактически равнозначно ее признанию. Так, например, при общем представлении о том, что неявка лица на конкретное оценочное мероприятие (экзамен, конкурс и пр.) или вынужденный отказ от освоения образовательной программы могут повлечь за собой неблагоприятные экономические последствия (например, отложенное начало трудовой деятельности, затраты на продолжение обучения по другой специальности), вред, вызванный перерывом в обучении или тренировочном процессе, всегда оценивается и возмещается абстрактно, путем умножения количества

«потерянных лет» на фиксированную ставку, обоснованную по результатам мониторинга судебной практики.

В части непатримониального вреда Номенклатура уже не придерживается зеркального отображения соответствующих перечней для временных и стойких повреждений. В частности, в раздел временного неэкономического вреда включаются временное нарушение функций организма, сопутствующие ему боль и страдания, временное повреждение эстетического характера. В свою очередь, постоянный неэкономический вред, помимо двух интуитивно ожидаемых составляющих (постоянного нарушения функций организма и постоянного повреждения эстетического характера), содержит в себе обширный перечень последствий, определяемых исключительно на стадии необратимого нарушения анатомо-физиологической целостности организма и замещающих при этом компонент боли и страданий. Оценке подлежат утрата возможности заниматься активным досугом, вред, причиняемый личным или семейным планам (могут быть связаны с заключением брака, рождением детей и т.п.), экстраординарные постоянные нарушения (чаще всего состоят в невозможности отправления религиозных обрядов).

Категории *deficit fonctionnel temporaire* (DFT) и *deficit fonctionnel permanent* (DFP) (временного и постоянного нарушения функций организма, функционального дефицита – фр.) имеют несомненное сходство с *danno biologico*. Об этом говорит, во-первых, обязательность их объективного подтверждения исходя из параметров снижения физического, психологического и интеллектуального потенциала личности; во-вторых, первичность DFT и DFP по отношению к иным разновидностям неэкономического вреда, определяющаяся присущим им качеством триггера развития субъективных страданий определенной степени интенсивности. С формальных позиций, единственное принципиальное отличие состоит в том, что Номенклатура не предлагает системы

условных денежных эквивалентов (баллов) для расчета стандартных сумм выплат.¹ Реальные различия, вместе с тем, носят более глубокий характер.

В содержании исследуемых категорий анатомо-функциональный компонент максимально тесно, до степени смешения, соединяется с экзистенциальной составляющей неблагоприятного воздействия, исследование которой не представляется возможным без учета субъективных аспектов восприятия и осознания потерпевшим изменений в его физическом состоянии. С практической точки зрения для определения показателя DFT медицинским экспертом проводится следующая работа: исходя из типа анатомо-функциональных нарушений устанавливается процент объективного временного дискомфорта²; исследуется и описывается характер влияния повреждения здоровья на сексуальную жизнь пострадавшего (оценивается по шкале выраженности влияния от 0 до 7); определяется субъективный параметр потери качества жизни, для чего могут использоваться опросники, интегрирующие в себе все аспекты повседневных ограничений³, либо специализированное программное

¹ В качестве примера можно привести методические рекомендации по оценке телесных повреждений, разработанные Парижским апелляционным судом – см.: *Indemnisation des dommages corporels Recueil méthodologique (Cour d'appel de Paris)*. – URL: https://www.avocatparis.org/system/files/worksandcommissions/BAREME_INDEMNISATIONPREJUDICE_CORPOREL_CA_PARIS.pdf (дата обращения: 14.01.2024). В страховой практике широко применяются оценочные таблицы *Le barème Assurances BCRIV*, в адвокатской – шкала оценок *Le barème de la Gazette du Palais*, разработанная при участии авторитетного правового издания. Последние источники недоступны широкой публике – открытому опубликованию подлежат лишь отдельные примеры, иллюстрирующие их использование (см., напр.: *Barème de capitalisation le plus favorable aux victims*. – URL: <https://www.hello-victimes.fr/les-barèmes-d-indemnisation/barème-de-capitalisation-bcriv/> (дата обращения: 14.01.2024); *Tableau d'indemnisation et Barèmes de capitalisation*. – URL: <https://jmp-avocat-indemnisation.fr/tableau-indemnisation-accident-cotations.html> (дата обращения: 14.01.2024)).

² См.: *Les gênes temporaires constitutives d'un Déficit Fonctionnel Temporaire (DFT)*. – URL: <https://www.aredoc.com/wp-content/uploads/2017/08/Point-12-PDF.pdf> (дата обращения: 14.01.2024). Общие рекомендации по оценке телесных повреждений сформулированы Ассоциацией по изучению вопросов компенсации за телесные повреждения (AREDOC, Association pour l'étude de la réparation du Commage Corporel) в следующем материале: *La nomenclature des postes de préjudice de la victime directe: Bilan 2022*. – URL: <https://www.aredoc.com/wp-content/uploads/2022/10/BROCHURE-SUR-LES-POSTES-DE-PREJUDICE-2022.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Gras P.M., Guillon B. Proposition pour une indemnisation concrète du DFT // Gazette du Palaisn*. – 2011. – Vol. 197. – P. 16.

обеспечение¹. Экспертное исследование в части DFP также не ограничивается объективной оценкой телесного повреждения, но включает в себя дополнительно определение степени интенсивности претерпеваемых субъективных страданий (по шкале от 1 до 7), выявление и развернутое описание долговременных ухудшений качества жизни жертвы.

Как видно, ключевую особенность подхода, реализуемого при применении Номенклатуры Динтильхак, составляет исследование опорной категории утраты качества жизни на основании смешанных критериев, сочетающих в себе объективную характеристику анатомо-функциональных нарушений с субъективной оценкой такой утраты, производимой исходя из индивидуальной ситуации пострадавшего (пола, возраста, семейного положения, характера профессиональной деятельности, любимых занятий). Очевидным его недостатком является риск смешения отдельных компонентов DFT и DFP с самостоятельными разновидностями потерь, учитываемых в составе экономического и неэкономического вреда.

Отмеченные противоречия позволяют исследователям Номенклатуры отмечать, что сочетание ее компонентов представляет собой некое подобие «сложения яблок и груш»², при этом в качестве одного из возможных вариантов преодоления сложившейся ситуации обозначается введение категории минимального функционального дефицита³. В противоположность предложениям по объективизации DFP и DFT обращается внимание на то, что реальная оценка этих показателей медицинским экспертом в принципе не отражает заявленных параметров ситуативного переживания ущерба⁴. В данной части высказываются

¹ См.: *Hamonet C.* Pour une nouvelle méthodologie et une humanisation de l'expertise médicale // *Gazette du Palaisn.* – 2008. – Vol. 110. – P. 62.

² См.: *Arcadio D.* Les bons ouvriers ont toujours de bons outils (ou comment améliorer les outils de la réparation du dommage corporel), colloque La réparation du dommage corporel à l'épreuve de l'unification des pratiques // *Gazette du Palaisn.* – 2011. – Vol. 358. – P. 24.

³ См.: *Guegan-Lecuyer A.* La distinction de préjudices temporaires et permanents: l'exemple du déficit fonctionnel // *Gazette du Palaisn.* – 2014. – Vol. 361. – P. 28.

⁴ См.: *Teslaar V.S.* L'indemnisation imparfaite du déficit fonctionnel permanent // *Recueil Dalloz.* – 2017. – Vol. 23. – P. 1309; *Bouvet R., Cardinal M., Schütze T.* Le préjudice d'anxiété né de l'usage d'un produit de santé défectueux // *Revue générale de droit medical.* – 2017. – Vol. 62. – P. 65 – 86.

предложения по комиссионному определению неэкономической составляющей *dommage corporel* с привлечением опыта общественных организаций, специализирующихся на проведении реабилитационных мероприятий¹.

Невозможность отказа от связанных правовых конструкций для учета объективного телесного вреда и субъективных страданий во Франции, вместе с тем, определяется не столько устоявшимися доктринальными представлениями о комплексности категории качества жизни, сколько потребностью в обеспечении неприкосновенности сумм, назначаемых в счет возмещения вреда здоровью. Статья L376 Кодекса социального обеспечения Франции запрещает учитывать в объеме социальных или иных компенсационных пособий только составляющие, связанные с перенесенными страданиями, вредом эстетического характера и потерей возможности получать удовольствие от жизни². С практической точки зрения этой означает, что создание государством соответствующих гарантий в области социальной защиты населения не лишает потерпевшего права на возмещение вреда в деликтных обязательствах только в части, касающейся анатомо-функциональных нарушений, прочно соединенных с элементом претерпевания их последствий³.

В то время как доктрина и судебная практика во Франции противостоит «баремизации» телесного вреда (от фр. «barème» – расчетная таблица, шкала), предусматривая в качестве формально обязательных только перечни возмещаемых потерь, Испания уверенно идет по пути приведения таких перечней к условным денежным эквивалентам. Правовую основу используемой здесь схемы составляет шкала оценки *daño corporal* (телесных повреждений – исп.), изначально предусмотренная Законом о реформировании системы возмещения

¹ См.: *Rached H., Jousset N.* La force contraignante de la nomenclature Dintilhac à l'épreuve du principe de réparation intégrale du préjudice // *La Revue de Médecine Légale.* – 2019. – Vol. 10 (1). – P. 10.

² См.: Code de la sécurité sociale, Titre VII: Dispositions diverses, Chapitre 6: Recours des caisses contre les tiers, Article L376-1. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000036393231/ (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: La genèse de la Nomenclature Dintilhac. – URL: <https://jmp-avocat-indemnisation.fr/nomenclature-dintilhac-prejudices-patrimoniaux-extrapatrimoniaux-permanents-temporaires.html> (дата обращения: 14.01.2024).

личного вреда, причиненного в результате ДТП (далее – Закон № 35)¹ и признанная впоследствии эталонным критерием для оценки всех категорий телесных повреждений. Одной из отличительных особенностей этой шкалы является введение в качестве ключевого понятия «личного вреда», учитываемого по параметрам «основного» и «конкретного» вкупе с косвенными имущественными последствиями его причинения для случаев временных нарушений, стойких ограничений жизнедеятельности и смерти.

Трехступенчатая схема оценки «последствий» стойкого вреда здоровью имеет своим началом определение «основного телесного повреждения» строго объективно, независимо от возраста и пола пострадавшего, рода его занятий и пр. При ближайшем рассмотрении параметры, приводимые в табл. 2.А.1 для этих целей, имеют несомненное сходство с отечественными медицинскими критериями оценки степени тяжести вреда здоровью², поскольку виды повреждений сгруппированы здесь по системам человеческого организма. Однако совпадения заканчиваются при переходе к их денежной оценке по подразделу 2.А.2, в котором условная стоимость одного балла определяется уже исходя из возраста жертвы и суммы числовых значений для всех травм (общего количества баллов). Моральный вред учитывается обособленно в объеме «конкретного личного вреда» (вторая ступень оценки последствий), компонентами которого также служат прерывание беременности и иные исключительные повреждения. Нравственные страдания оцениваются отдельно в части реакций, вызванных высокоинтенсивным психофизическим вредом (не менее 60 баллов для одного повреждения и не менее 80 для нескольких), эстетическими нарушениями, потерей качества жизни.

¹ См.: Ley 35/2015, de 22 de septiembre, de reforma del sistema para la valoración de los daños y perjuicios causados a las personas en accidentes de circulación. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2015-10197> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». – URL: https://base.garant.ru/12162210/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000 (дата обращения: 14.01.2024).

Нельзя не заметить, что категория качества жизни используется в таблицах исключительно в целях компенсации морального вреда, тогда как анатомо-функциональная составляющая телесных повреждений предполагает их характеристику и взыскание необходимого денежного возмещения вне всякой связи с влиянием на повседневную жизнедеятельность. Интересно при этом, что реальное исследование содержания претерпеваемых субъективных страданий не производится, вместо этого моральный вред определенной степени интенсивности как бы презюмируется при соответствующем уровне объективных физических ограничений. Например, «очень серьезный» личный вред, предполагающий назначение компенсации морального вреда в максимальном размере, считается причиненным в том случае, если пострадавший лишается личной автономии при совершении базовых повседневных действий.

При оценке имущественного вреда на третьей, завершающей, стадии исследования последствий применяется другой принцип – анализируются возросшие потребности пострадавшего, что несколько не согласуется с официальной позицией о косвенном характере причиненного имущественного вреда. В частности, в силу ст. 113 упомянутого закона право возмещение расходов на лечение на будущее время возникает автоматически в отношении ряда физических нарушений (состояние вегетативной комы, ампутации и др.), а равно предполагается, пока не доказано иное, для любых травм, балльная оценка которых превышает показатель в 50 баллов.

Как видно, одной из ключевых особенностей применяемой в Испании схемы является противопоставление личного вреда и его имущественных последствий в форме реального ущерба и упущенной выгоды, при котором даже опосредованной психоэмоциональной реакции на травму искусственно придается свойство объективных телесных повреждений¹. Несколько упростив

¹ См.: *Mate S.L.* La delimitación del concepto de daño moral: un estudio de la cuestión en el ordenamiento jurídico español // *Revista Boliviana de Derecho*. – 2021. – Vol. 32. – P. 307; *Guerra R.* Notas sobre el perjuicio sexual como un tipo de daño moral o daño no patrimonial civilmente indemnizable. Comentario a la sentencia de la Corte Suprema de fecha 30 de abril de 2020, dictada en autos rol 33.598-2018 // *Ius et Praxis*. – 2021. – Vol. 27 (3). – P. 312.

рассмотренную концепцию, можно сказать, что основным личным вредом в ней признаются объективные психофизические нарушения, а конкретным – субъективные страдания, вызванные потерей самодостаточности и способности получать удовольствие от жизни. В этой цепочке, как представляется, пропущенным звеном служит определение правового значения параметров ограничения жизнедеятельности, поскольку в действительности именно с ними связывается неблагоприятная психоэмоциональная реакция. Ввиду отмеченной непоследовательности правовая природа компенсации основного личного вреда представляется достаточно спорной, поскольку сочетает в себе свойства условного штрафа за посягательство на неприкосновенность личности и абстрактного возмещения иных неблагоприятных последствий, не учитываемых существующей схемой компенсации.

Рассмотренный опыт позволяет говорить о том, что решения об отнесении тех или иных потерь в подкатегорию имущественного или неимущественного вреда в действительности могут быть продиктованы не их правовой природой, а потребностями в повышенной защите наиболее уязвимых участников гражданских правоотношений, сокращении неравенства, обусловленного различием правового статуса пострадавших в сфере занятости. Отделив субъективный компонент в виде психоэмоциональных реакций на ограничения, вызванные посттравматическим состоянием (эмоционального компонента морального вреда), можно попытаться построить объем возмещения физического вреда исходя из характера влияния повреждений здоровья на основные категории жизнедеятельности личности. Единственным нормативным документом, положения которого могут быть использованы в качестве ориентира для этих целей, в настоящее время являются классификации и критерии, принятые учреждениями медико-социальной экспертизы для установления инвалидности¹, -

¹ См.: Приказ Министерства труда и социального развития РФ от 27 августа 2019 г. № 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/> (дата обращения: 14.01.2024).

как уже отмечалось, только в этой области экспертной деятельности аспекты подобного влияния рассматриваются комплексно.

В рамках реализуемого подхода характеристика возмещаемого вреда как «физического» будет приниматься в широком значении как связанного с организмом человека, совокупностью всех выполняемых им функций (нейромышечных, языковых, функций отдельных органов и систем и др.)¹, включая, в т.ч., психическую функцию, если ее нарушение является одним из последствий травматического воздействия². Вместе с тем, оценка соответствующих утрат и потребностей в перспективе не должна быть равнозначна процедуре установления инвалидности, и не только потому, что повреждение здоровья не всегда носит стойкий характер. Важно помнить, что действующие критерии разработаны для целей определения нуждаемости конкретного лица в мерах социальной защиты, а это, в свою очередь, не предполагает обязательного исследования всех категорий ограничения жизнедеятельности³.

Исходя из вышеперечисленных условий, объективный физический вред в целях его наиболее полной оценки и возмещения будет складываться из: 1) утраты способности к обслуживанию себя в быту и иной повседневной деятельности (утраты личной автономии); 2) утраты способности к действию, направленному на получение полезного результата в сфере занятости (трудовой или иной профессиональной, образовательной деятельности, деятельности по уходу за нетрудоспособными членами семьи); 3) роста потребностей в области

¹ Полный перечень таких функций содержит п. 3 разд. II данного документа.

² Заметим, что такое толкование согласуется с п. 6.8 медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 28 апреля 2008 г. № 194н). Не противоречит этот подход и основному содержанию слова «физический» в его лексическом значении. Согласно одному из таких значений «физический» – есть относящийся к организму человека, его строению; связанный с телесными ощущениями (Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2008. – URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%84%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&mode=slovari&l=1&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%84%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&mode=slovari&l=1&dicts[]=42) (дата обращения: 14.01.2024).

³ При установлении инвалидности взрослому лицу достаточно доказательства ограничения одной или двух категорий в зависимости степени выраженности – п. 9 разд. IV классификаций и критериев.

медицинского обслуживания; 4) возникновения дополнительных потребностей в связи с компенсацией ограничений, сопутствующих процессам передвижения и ориентации в пространстве, общения, контроля за своим поведением, занятия профессиональной деятельностью и обучения¹.

Тем временем, требуется разрешить ряд взаимосвязанных вопросов, а именно: следует ли дополнительно учитывать здесь анатомо-функциональный компонент или же в целях сохранения условий для реализации принципа полного возмещения вреда достаточно признать перечень утраченных способностей, новых и возрастающих потребностей неисчерпывающим? Ограничивается ли правовое значение компонента боли и неудобств, обусловленных посттравматическим физическим состоянием, его использованием в качестве критерия оценки субъективных страданий жертвы или такой вред, хотя бы отчасти, носит материальный, объективно оцениваемый, характер?

Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, заметим, что в доктринальных источниках предприняты весьма любопытные попытки персонифицировать параметры возмещения вреда здоровью для конкретного потерпевшего. В качестве особенно показательного примера, отмечается, что утрата репродуктивной функции может способствовать возникновению у пострадавшего лица дополнительной потребности в обращении к услуге суррогатного материнства. Выработаны и критерии для оценки такой потребности, включающие в себя степень обоснованности выбора данного метода вспомогательной репродукции, вероятность заключения соглашения о суррогатном материнстве и его надлежащего исполнения сторонами, возможность избежания экономических потерь, которыми могла бы сопровождаться «обычная» беременность в семье потерпевшего².

¹ См.: Колесниченко О.В. Определение объема возмещения вреда здоровью в значении физического «вреда влияния»: правовые и доктринальные предпосылки // Законодательство. – 2023. – № 9. – С. 7 – 12.

² См.: Harder S. Compensation for the Cost of a Surrogacy Arrangement in Personal Injury Cases // Bond Law Review. – 2021. – Vol. 33 (1). – P. 114 – 118.

На взгляд К.П. Фолмера, П.М. Десмета и В.Х. Бума, выбор средств гражданско-правовой защиты нарушенного права непосредственно определяется нематериальными потребностями пострадавших. Такие потребности могут заключаться в получении морального удовлетворения вследствие принятия на себя ответственности виновным лицом, принесения последним извинений и оказания содействия в заглаживании неблагоприятных последствий, применения к делинквенту штрафных санкций. Между тем, значимым результатом исследования является вывод о том, что в случае причинения телесных повреждений большинство потерпевших более притязательны к реализации своих материальных потребностей, что выражается в требованиях о своевременном и эффективном возмещении расходов на лечение и реабилитацию¹.

Обращение к двум этим примерам позволяет говорить о том, что, с одной стороны, при обосновании концепции возмещаемого физического вреда нецелесообразно ограничивать проявления анатомо-функциональных нарушений конкретными разновидностями утрачиваемых способностей, возрастающих или дополнительных потребностей потерпевшего. Это заставляет отвергнуть любые варианты правового закрепления исчерпывающих перечней возмещаемых расходов и потерь, а ведь именно такой перечень предусмотрен сегодня ст. 1085 ГК РФ. С другой стороны, для оцениваемых в составе объективного физического вреда составляющих значимым является свойство их связи с характером полученного повреждения здоровья в его фактическом значении, без учета особенностей субъективного восприятия конкретным потерпевшим исходя из его индивидуальных установок и системы ценностей, исключительной важности конкретных форм межличностного взаимодействия и собственной активности и пр.

Тем временем, вред, раскрываемый через параметры ограничения жизнедеятельности, может быть обозначен как «вред влияния» по причине его основанности на динамико-реляционных характеристиках повреждения здоровья,

¹ См.: *Folmer C.P., Desmet P.M., Boom W.H.* Beyond Compensation? Examining the Role of Apologies in the Restoration of Victims' Needs in Simulated Tort Cases // *Law and Human Behavior.* – 2018. – Vol. 43 (4). – P. 341.

подлежащих абстрактной или конкретной экономической оценке. Например, оценка потребности в специальных условиях для обеспечения мобильности может производиться через затраты на переоборудование личного автотранспорта или прогнозируемые повышенные расходы на пользование общественным транспортом. Несколько облегчая работу законодателя, такой подход, однако, не снимает с нас задачи по определению правового значения физического вреда, условно определяемого как «вред состояния» – взятых обособленно болевых ощущений и неудобств, общего дискомфортного физического состояния, переживаемого пострадавшим в качестве первичного последствия противоправного деяния.

Основное содержание такого вреда составляет статичный элемент претерпевания, не обладающий свойством быть обнаруживаемым в каких-либо конкретных факторах повседневной жизнедеятельности либо проявляющийся здесь минимально, без возможности вычленения конкретных утраченных способностей или возросших потребностей. Так, к примеру, перелом одной руки без осложнений может не создавать никаких осязаемых препятствий для участия потерпевшего в обычных бытовых занятиях и трудовой деятельности, не вызывать потребности в особом контроле за состоянием здоровья и долгосрочном лечении и пр.

Как это ни парадоксально, наиболее ярко отражают специфику исследуемого компонента попытки охарактеризовать содержание права на возмещение вреда здоровью для вегетативных состояний, при которых катастрофическое нарушение функций организма лишает пострадавшего способности не только воспринимать окружающую действительность, но и осознавать самого себя, а, следовательно, испытывать любые нравственные и физические страдания. В вегетативном состоянии потребности жертвы ограничены посторонним специализированным уходом, медицинской помощью и лечением, при этом как такового приспособления к новым условиям жизнедеятельности не происходит, поскольку полезные свойства личности не находят своего проявления даже в самом минимальном объеме.

Подспудное желание дать большую выплату за более тяжелые по своему характеру и степени телесные повреждения, находит своей выражение в подходе, согласно которому такое состояние является основанием для повышенной компенсации «боли и страданий»¹. Традиционный аргумент о невозможности потерпевшего испытывать любые субъективные страдания опровергается таким толкованием их содержания, согласно которому в него включается любая потеря удовольствия, в т.ч. из-за неспособности продолжать прежнюю повседневную жизнедеятельность². В противовес этому в известной степени условному подходу отмечается, что факт потери сознания не устраняет актуальности предоставления средств гражданско-правовой защиты на случай утраты возможности получать обычные впечатления от жизни и пользоваться ее благами, которая, по своей сути, является самостоятельной объективной потерей³.

Следует заметить, что использование категории «качество жизни» при определении объема неблагоприятных последствий повреждения здоровья вовсе не чуждо отечественной юриспруденции, однако формулируемые при этом теоретические положения страдают от излишне концентрированного внимания к проблемам компенсации морального вреда. Неслучайно, к примеру, А.Г. Малинова, справедливо указывая на связь данного параметра с состоянием «сбалансированности организации трудовой и бытовой деятельности человека», обосновывает ряд критериев достижения искомого качества жизни, которые по своей сути являются требованиями к эмоциональному фону личности⁴. Соблюдение последних позволяет активно участвовать в профессиональной

¹ Разновидность нематериального вреда в странах общего права, аналогичная моральному вреду по ГК РФ.

² См.: *McGregor H.* Compensation Versus Punishment in Damages Awards // *The Modern Law Review.* – 1965. – Т. 28. – №. 6. – P. 641 – 653; *Karapanou V., Visscher L.* Towards a Better Assessment of Pain and Suffering Damages // *Journal of European tort law.* – 2010. – Vol. 1 (1). – P. 48.

³ См.: *Wasilewska E.* Objective assessment of harm in order to establish compensation to the aggrieved patient // *Ius novum.* – 2017. – Vol. 3. – P. 109 – 110; *Wanda B.P.* Problems arising in compensating unconscious plaintiffs for loss of amenities of life: a comparative survey // *Comparative and International Law Journal of Southern Africa.* – 2005. – Vol. 38 (1). – P. 138.

⁴ См.: *Малинова А.Г.* Юридизация понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда // *Российский юридический журнал.* – 2020. – № 4. – С. 73 – 75.

деятельности, получать удовольствие от любимых занятий и увлечений, общения с родственниками и друзьями.

Не менее показательными в данном контексте являются попытки калькированного воспроизведения зарубежных правовых конструкций для обоснования справедливых критериев оценки морального вреда, - как, например, предложение дифференцировать методы расчета последнего для случаев установления постоянного и временного «дефицита здоровья», определяющегося уровнем и стойкостью нарушений привычного образа жизни жертвы и снижения ее качества¹. Очевидно, что в данном случае речь идет об аналогах французских категорий DFT и DFP. Вместе с тем, в действующем гражданском праве попросту отсутствует компонент или разновидность неэкономических последствий, которые могли быть оценены и компенсированы на основании предлагаемых параметров.

Относительно классической конструкции морального вреда наиболее часто обосновываемым в теории является суждение о том, что дестабилизация эмоционального состояния потерпевшего представляет собой первое и главное условие применения ст. 151 ГК РФ². При этом выработка справедливых подходов к оценке и компенсации морального вреда не представляется возможной без глубокого проникновения во внутренний (психический) мир личности со всеми его особенностями и противоречиями³. В случае невозможности осознания потерпевшим характера причиненного вреда нельзя говорить о презумпции наличия нравственных и физических страданий даже при посягательствах на

¹ См.: Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека: Комиссия по вопросам определения размеров компенсаций морального вреда при Ассоциации юристов России, 03 марта 2020 г. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Трофимова Г.А.* Моральный вред: сущность, основания возникновения и объем // Законодательство и экономика. – 2016. – № 7. – С. 24; *Табунициков А.Т., Бочаров В.А.* Правовые проблемы компенсации морального вреда в России и за рубежом // Образование и право. – 2017. – № 11. – С. 268.

³ См.: *Михайлова И.А., Романова И.Н.* Новый этап совершенствования судебных позиций Верховного Суда РФ по вопросам о компенсации морального вреда // Современное право. – 2023. – № 4. – С. 36.

жизнь и здоровье – этот подход последовательно аргументирован непосредственно на примере бессознательных состояний¹.

Не менее весомым фактором, подталкивающим к обоснованию общего дискомфортного физического состояния потерпевшего в качестве самостоятельного вида потерь, является определение параметров расчета компенсации морального вреда, к которым п. 2 ст. 1101 ГК РФ, как известно, относит фактические обстоятельства причинения вреда, степень вины делинквента, индивидуальные особенности потерпевшего, требования разумности и справедливости. Согласно разъяснению Верховного Суда РФ, к физическим страданиям как компоненту такого вреда относятся боль от увечья, ограничение возможности передвижения, болезненные симптомы или неблагоприятные ощущения, устанавливаемые по их внешним проявлениям (вид травмы, длительность лечения, наличие или отсутствие возможности ведения прежнего образа жизни и др.)². Между тем, упомянутая норма не освобождает суд от исследования всех перечисленных обстоятельств для отдельных форм субъективных страданий, а применение их в совокупности свидетельствуют о том, что необходимая компенсация базируется на аксиологической интерпретации последствий противоправного деяния, осознании личной и социальной ценности пострадавшего нематериального блага³. Требования разумности и обоснованности связываются в данной части с поиском баланса между ущемленным чувством справедливости, оцениваемым на уровне общественного мнения, и индивидуальной способностью пострадавшего к переживаниям⁴.

¹ См.: *Эрделевский А.М.* О презумпции причинения морального вреда // *Хозяйство и право.* – 2017. – № 11. – С. 104 – 108.

² См.: п. 14, 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».

³ См.: *Бакаева И.В.* Личные неимущественные отношения и нематериальные блага в контексте модернизации гражданского законодательства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2012. – № 12. – С. 85.

⁴ См.: *Дмитриева О.В.* Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // *Закон.* – 2016. – № 12. – С. 95. О различиях юридически значимых характеристик разумности и справедливости см. также:

О различной интенсивности претерпеваемых физических страданий, обусловленной индивидуальными особенностями жертвы и характеристиками противоправного поведения, можно говорить, к примеру, в случае, когда эмоциональная реакция на распространение порочащих сведений вызывает у одного лица разовое повышение кровяного давления, а у другого – развитие инфаркта с последующим длительным лечением. Применительно к повреждениям здоровья не только уровень психоэмоционального развития, определяемый возрастом, полом, условиями жизни жертвы, но даже индивидуальный болевой порог, вопреки отсылкам в доктрине¹, не являются ориентирами для судебной практики. Продолжительность госпитализации, тактика лечения и реабилитации основываются на медицинском стандарте, разработанном для отдельных видов заболеваний или последствий травматических воздействий², а не исходя из запросов конкретного потерпевшего.

В свою очередь, особые характеристики предшествующего состояния здоровья последнего, такие, как повышенный риск развития осложнений на фоне ранее перенесенных заболеваний и травм, наличие хронических заболеваний и т.п., не исследуются из-за отсутствия правового значения – разумеется, если их наличие не препятствует установлению причинной связи обнаруживаемых ухудшений с поведением делинквента³. Примечательно здесь и то, что, с точки

Комиссарова Е.Г., Кузнецова О.А. Требования добросовестности, разумности и справедливости как гражданско-правовые аксиомы // *Ex Jure*. – 2023. – № 3. – С. 89.

¹ См.: *Мограбян А.С.* Актуальные проблемы в сфере оказания косметологических услуг: частноправовой аспект // *Lex russica* (Русский закон). – 2018. – № 10. – С. 62.

² См., напр.: Приказ Минздрава России от 07 ноября 2012 г. № 639н «Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи при травме позвоночника, спинного мозга и нервов спинного мозга». – URL: <http://niito.ru/pdf/standarts/639.pdf> (дата обращения: 14.01.2024); Приказ Минздрава России от 07 ноября 2012 г. № 652н «Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи детям при врожденных аномалиях нервной системы». – URL: <https://base.garant.ru/70321088/> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

³ В странах общего права для подобных ситуаций специально разработано правило «хрупкого черепа» («eggshell skull rule» – англ.), согласно которому лицо несет ответственность за вред здоровью в полном объеме даже в том случае, если последствия оказались гораздо более существенными, нежели можно было бы ожидать, в виду индивидуальных особенностей организма пострадавшего – см., напр.: *McBride N.J., Bagshow R.* *Tort Law*. – Pearson Education Limited, 2008. – P. 572. Исходя из п. 9 действующих в России Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в ситуациях данного рода рассмотрению

зрения представителей судебно-медицинской науки, нормативные критерии оценки степени тяжести вреда здоровью в действительности являются объективными параметрами оценки органического, а не морального или имущественного, вреда, не приспособленными, однако, для применения в области гражданско-правовых отношений¹.

Учитывая сказанное, представляется необходимым обоснование особой правовой категории для компоненты физического вреда, выражающейся в общем снижении качества жизни потерпевшего из-за физической боли и неудобств посттравматического состояния, являющихся первичным проявлением анатомо-функционального нарушения. Специфику такому вреду придает сочетание объективных проявлений и субъективных оценочных параметров, назначение условной денежной компенсации за само дискомфортное физическое состояние при невозможности исключить или минимизировать элемент его претерпевания (пассивного перенесения, проживания – для вегетативных состояний) через оценку и преодоление объективных факторов ограничения жизнедеятельности². Представляется, что только для таких потерь может быть воспринята практика определения размера возмещения вреда, причиненного телесным повреждением, опирающаяся на условную (неэкономическую, неэквивалентную) шкалу денежной оценки интенсивности травм, не учитывающую никакие индивидуальные факторы (возраст, пол жертвы, характер занятий, исключительную нематериальную ценность для нее отдельных форм межличностного взаимодействия и активности и т.п.).

Назначаемая отдельно от компенсации морального вреда, выплата за вред состояния, вместе с тем, может вводиться исключительно для обеспечения реализации принципа полного возмещения вреда, а не применения штрафных

подлежат лишь те неблагоприятные последствия, которые вызваны конкретной травмой и причинно с ней связаны.

¹ См.: *Ерофеев С.В. Ерофеева А.С.* Медицинские и юридические аспекты проблемы возмещения морального вреда в связи с повреждением здоровья и причинением смерти // Научные труды II Всероссийского съезда (Национального конгресса) по медицинскому праву. – М.: НАМП, 2003. – С. 419 – 423.

² См.: *Колесниченко О.В.* Снижение общего качества жизни как самостоятельная разновидность неэкономических потерь при повреждении здоровья. – С. 23 – 30.

санкций. Вред состояния восполняет недостающий компонент объема возмещения – проявления нарушения функций организма, которые, наступая в объективной действительности, в силу своего статичного характера не могут быть обнаруживаемы также объективно, в виде конкретных утраченных способностей, новых и (или) возросших потребностей пострадавшего. Неслучайно, обоснование самостоятельных оценочных параметров для конкретных разновидностей анатомо-функциональных нарушений (таких, как повреждение эстетического свойства) сопровождается утверждением о том, что телесный вред в данной части представляет собой «объективный вред, подлежащий субъективной оценке»¹. Представленный подход не исключает различного распределения отдельных элементов объема физического вреда и его опосредованных проявлений (морального вреда) между различными правовыми средствами компенсации с учетом их правовой природы и выполняемых функций.

Таким образом, традиционное представление об имущественных и неимущественных последствиях правонарушения, ограниченное жесткими рамками правовых конструкций убытков и морального вреда, неприменимо для целей определения объема юридически значимого физического вреда, базовый материальный характер которого не может быть отрицаем из-за отсутствия свойства оборотоспособности у самого защищаемого нематериального блага. Представляется, что в объеме физического вреда необходимо учитывать составляющие, обладающие строго объективными и смешанными объективно-субъективными свойствами, определяемые как вред влияния и вред состояния. К первой разновидности следует относить компоненты, обоснованные динамико-реляционными характеристиками повреждения здоровья и подлежащие абстрактной или конкретной экономической оценке для целей гражданско-правового регулирования. В дополнение к ним следует компенсировать физический вред состояния – отличную от морального вреда разновидность неэкономических потерь, выражающихся в общем снижении качества жизни

¹ См.: Nieto A.S. Perjuicio estético en la Ley 35/2015. Un daño objetivo sujeto a una valoración subjetiva: tesis doctoral. – Lejona, 2022. – P. 27 – 29.

потерпевшего из-за физической боли и неудобств, являющихся первичным проявлением травматического повреждения (заболевания).

§ 2. Компонент утраченных способностей потерпевшего: порядок и критерии определения размера возмещения

Согласно действующему законодательству единственной разновидностью выплат, связываемых с утраченными способностями потерпевшего, является возмещение утраченного заработка (дохода), при этом правила, относящиеся к определению его размера, достаточно прочно ассоциируются с учетом реальных потерь¹. В соответствии с таким пониманием в судебной практике в качестве дополнительного обстоятельства, подлежащего доказыванию при возмещении данного компонента вреда здоровью, нередко определяется наличие или отсутствие фактической утраты дохода на фоне повреждения здоровья, в т.ч. с учетом оплаты листков нетрудоспособности соответствующим фондом² и реализации иных социальных гарантий³. Ближайшее рассмотрение ст. ст. 1085-1087 ГК РФ, однако, позволяет высказать некоторые сомнения по поводу преобладающего «убыточного» подхода.

В первую очередь, использование критерия утраты профессиональной или общей трудоспособности предполагает исследование влияния повреждения здоровья на профессионально-значимые качества и способности потерпевшего

¹ См.: *Матанцев Д.А.* Динамика деликтного обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью // Юридическая наука. – 2022. – № 11. – С. 65; *Болдырев В.А.* Правовые проблемы возмещения заработка (дохода), утраченного в результате повреждения здоровья // Общество и право. – 2003. – № 2. – С. 198 – 212 и др.

² См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 августа 2016 г. № 81-КГ16-12. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/228:46> (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 сентября 2021 г. по делу № 8Г-17328/2021 [88-17529/2021]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/233:49> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

³ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 марта 2021 г. № 5-КГ21-4-К2. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/237:51> (дата обращения: 14.01.2024); Решение Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 21 сентября 2021 г. по делу № 2-39/2021. – URL: https://ustinovskiy--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=177280311&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

либо его способность к неквалифицированному труду. Процент утраты трудоспособности в этой схеме отражает необходимость сокращения объема или тяжести работ и иного снижения производительной активности. В то же время, само его наличие исключает возможность дополнительного учета таких параметров, как фактическая возможность трудоустройства после травмы, отсутствие нуждаемости в компенсации для поддержания прежнего уровня благосостояния и т.п. В то время как в цивилистике рекомендуется уточнить понятие «утрата трудоспособности» исходя из этих обстоятельств¹, реализации этих предложений противостоит норма п. 2 ст. 1085 ГК РФ, устанавливающая запрет на вычет из среднего дохода потерпевшего посттравматического заработка, а равно и социальных выплат возместительного значения. Наконец, акцент на возмещении утраченной трудоспособности, а не утраченного заработка обеспечивает правило об установлении предела взыскания соответствующей части возмещения, ограниченного моментами повреждения здоровья и наступления пенсионного возраста (с последним, по общему правилу, связывается нетрудоспособность «по возрасту»)².

Следует полагать, что основным отличием варианта оценки утраченной трудоспособности от варианта оценки фактических потерь служит базовое представление о способности к оплачиваемому труду³ как о самостоятельном свойстве личности потерпевшего. Широкий подход к определению компонента утраченной трудоспособности заставляет учитывать профессиональные навыки и умения потерпевшего, а также его психофизиологические возможности в

¹ См.: *Хаскельберг Б.Л.* Некоторые вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью граждан при исполнении трудовых обязанностей // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе: сборник статей. – Томск, 1982. – С. 100; *Хлыстак Е.* Объем возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья при исполнении договорных обязательств // Правосудие в Хакасии. – 2007. – № 7. – С. 16.

² См.: Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2021 г. по делу № 8Г-5886/2021 [88-8670/2021]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/177:33> (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06 октября 2022 г. по делу № 8Г-22004/2022 [88-27018/2022]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/180:35> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

³ Здесь и далее под оплачиваемым трудом или работой понимается трудовая или любая иная, не запрещенная законом, оплачиваемая деятельность.

совокупности, независимо от того, в какой степени таковые фактически использовались на момент несчастного случая. С этих позиций, например, для потерпевшего, обладающего знаниями и навыками, достаточными для успешного выполнения работы по двум и более профессиям, компенсируемой является утрата способности к труду, требующему более высокой квалификации. С другой стороны, не может не приниматься во внимание и наличие способности к иным оплачиваемым формам занятости, констатируемое на фоне сохранившихся и доступных потерпевшему профессиональных знаний и навыков.

В целом три фактора играют определяющую для оценки искомого параметра, включая, во-первых, неблагоприятное влияние повреждения здоровья на способность к производительной деятельности в целом, во-вторых, ухудшение перспектив трудоустройства или продолжения прежней деятельности с учетом имеющихся знаний и навыков, в-третьих, потеря возможности улучшения положения на рынке труда на фоне развития имеющихся профессиональных навыков, изменения рейтинга востребованности тех или иных профессий на рынке труда и т.п. Вполне предсказуемо, что при такой комплексной характеристике приведение утраченной способности к денежному эквиваленту не может всегда опираться на средний доход потерпевшего от оплачиваемой работы за предшествующие периоды. Разумно допускать, в частности, привлечение объективных данных о развитии рынка труда и среднем доходе работников соответствующей квалификации¹.

Стоит заметить, что в п. 4 ст. 1086 ГК РФ в качестве возможного ориентира для расчета возмещения утраченного заработка (дохода) упоминается «обычный размер вознаграждения работника его квалификации». Однако речь идет только о ситуациях, когда фактический размер вознаграждения не может быть установлен ввиду неосуществления потерпевшим трудовой или иной оплачиваемой деятельности на момент причинения вреда. Тем примечательнее подход, разработанный для оценки факторов, влияющих на способность потерпевшего к

¹ См.: *Dorey D.L., Rentiers B.L. The calculation of damages for bodily injury claims.* – Vancouver: Dolden Wallace Folick LLP, 2014. – P. 9 – 10.

получению дохода, который демонстрируют Огденские таблицы в Великобритании¹ (применяются по умолчанию ко всем случаям повреждения здоровья).

В качестве универсального правила, годовой доход потерпевшего здесь умножается на мультипликатор, определяемый общим пенсионным возрастом и рисками потери заработка по причинам, не связанным с травмой (общие риски смертности, риск увольнения, перерывов в работе из-за ухода за нетрудоспособными членами семьи и т.п.). Это не освобождает суд от исследования индивидуальных характеристик жертвы, позволяющих корректировать данный мультипликатор в сторону увеличения или снижения, которые можно объединить в следующие группы: физические (пол, возраст, наличие инвалидности до травмы и / или инвалидности, установленной впоследствии); квалификационные (уровень образования, учитываемый по трем категориям, факт осуществления конкретной оплачиваемой деятельности до и после травмы, уровень дохода); прогнозные характеристики (изменение возраста выхода на пенсию с учетом травмы, сохранение способности к труду)². Следует полагать, что значение используемого актуарного метода не ограничивается упрощением расчетов, но состоит также в практической демонстрации возможности учета утраты способности к оплачиваемой деятельности в динамике.

Принимая тот факт, что профессиональную трудоспособность нужно исследовать с позиции сочетания профессионально-значимых качеств, психофизиологических возможностей и профессиональных способностей субъекта, которые могут быть использованы для конкретной трудовой или иной оплачиваемой деятельности³, среднегодовой (фактический или ожидаемый) доход

¹ См.: Actuarial Tables With explanatory notes for use in Personal Injury and Fatal Accident Cases (eighth edition, 2022). – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ogden-tables-actuarial-compensation-tables-for-injury-and-death> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Barry v Ministry of Defence [2023] EWHC 459 (KB). – URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/KB/2023/459.html> (дата обращения: 14.01.2024).

³ На сочетание таких характеристик в содержании понятия «профессиональная трудоспособность» указывает п. 3 актуальных критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ

можно представить как результат оценки этих качеств, возможностей и способностей для конкретного потерпевшего. В российских реалиях, однако, такому подходу препятствует то, что гл. 59 ГК РФ регулирует учет динамического компонента лишь в части придания правового значения обстоятельствам, свидетельствующим об улучшении имущественного положения потерпевшего. Исследование таких факторов нельзя считать исследованием самой трудоспособности, поскольку упомянутое улучшение не всегда может связываться с новыми навыками и умениями – здесь показателен пример, в котором пострадавший работник и до повреждения здоровья соответствовал вышестоящей должности. Кроме того, сохраненный набор качеств, способностей и возможностей организма потерпевшего (квалификационные и прогнозные индивидуальные характеристики) принимается во внимание исключительно в контексте выполнения определенного объема и качества работ по конкретной профессии. В отношении последнего обстоятельства следует особо отметить, что навыки и умения, необходимые для осуществления предпринимательской и иных видов оплачиваемой деятельности, на которые не распространяется обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве, не учитываются при установлении степени утраты профессиональной трудоспособности. Результатом такого подхода является учет для целого ряда категорий потерпевших только совокупности врожденных и приобретенных способностей человека к неквалифицированному труду (общей трудоспособности) и распространение в судебной практике подхода, когда утраченный доход таких субъектов оценивается с отсылками на механизм расчета упущенной выгоды¹.

Использование оценочных параметров, позволяющих принимать во внимание только ту составляющую трудоспособности, которая фактически

от 30 сентября 2020 г. № 687н // официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 17.12.2020).

¹ См.: Определение СК по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 г. по делу № 8Г-21287/2021[88-1552/2022-(88-20999/2021)]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/23:43> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 18 апреля 2019 г. по делу № 33-13542/2019. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/21:41> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

использовалась потерпевшим на момент повреждения здоровья (узкий подход), на наш взгляд, представляется обоснованным в области права социального обеспечения, где реализуемые гарантии не обязаны соответствовать принципу *restitutio in integrum* (восстановление до исходного состояния – лат.). И дело здесь не только в инфляционных ожиданиях, но и в невозможности учесть общие тенденции развития рынка труда (изменение востребованности некоторых категорий профессий на таком рынке, в частности) и тенденции развития трудоспособности конкретного потерпевшего. Широкий подход к возмещению утраченной трудоспособности, являясь более предпочтительным, вместе с тем, наталкивается на проблему обеспечения достаточной степени определенности размера возмещения, вызванную характером поставленной задачи, – произвести оценку имеющихся, но не фактически используемых способностей, возможностей и профессионально-значимых качеств. Представляется, однако, что ключ к решению этой проблемы может быть найден благодаря направленному толкованию и применению универсальных для цивилистики критериев разумности и обоснованности.

Следует оговориться, что несмотря на традиционные отсылки к этим принципам при оценке правомерности требований о возмещении любых затрат или вреда, их содержание становится доступным только благодаря системному толкованию позиций судов. Так, применительно к затратам на содержание и сохранение имущества разумность и обоснованность равнозначны несению таких затрат в связи с принятием разумных мер для поддержания имущества в первоначальном состоянии, а равно и экономически обоснованных мер по его улучшению, повышению доходности¹. Иной подход, чаще реализуемый в отношениях по привлечению к ответственности за нарушение обязательств, также сохраняет отмеченную неопределенность, поскольку разумность здесь относится

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 декабря 2018 г. № Ф07-15321/18 по делу № А56-90829/2016. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3855:1> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 29 марта 2019 г. по делу № 33-1109/2019. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3898:3> (дата обращения: 14.01.2024).

к степени достоверности определения размера причиненных убытков и их происхождения от действий ответчика (причинной связи), а обоснованность – к самому обязательству истца доказать в ходе судебного разбирательства данные обстоятельства¹.

Некоторую ясность в понимание обозначенных категорий вносит их сопоставление с критериями определения размера компенсации морального вреда. Принцип обоснованности в этих отношениях, как известно, заменяется на принцип справедливости², что одновременно подчеркивает отсутствие самой возможности экономически обоснованной оценки физических и нравственных страданий и наличие потребности в достижении баланса между субъективным представлением о ценности нарушенного блага или права и формальными критериями, используемыми при ее характеристике³. В то же время, сохранение требования о применении принципа разумности вкупе с критериями, перечисленными в п. 2 ст. 1101 ГК РФ, позволяет говорить о том, что данный принцип имеет самостоятельное содержательное наполнение. Последнее, с учетом вышеприведенных позиций судов, может быть связываемо с наличием устойчивых и универсальных параметров, обеспечивающих достоверность оценки размера причиненного вреда, собственно, самим существованием оценочного механизма, позволяющего обособить круг потерь, происходящих от действия (бездействия) нарушителя, и произвести их соразмерную и (или) справедливую оценку.

Возвращаясь к отношениям по поводу возмещения утраты способности к трудовой или иной оплачиваемой занятости, заметим, что применение к ним принципа разумности также предполагает выбор и использование таких

¹ См.: Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04 августа 2020 г. по делу № 8Г-9251/2020[88-9098/2020]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3924:5> (дата обращения: 14.01.2024).

² Об отсылке к принципу справедливости как важном признаке использования оценочных категорий см.: *Дегтярев С.Л.* Достаточно ли закрепления в действующем законодательстве институтов возмещения убытков и компенсации морального вреда через оценочные понятия (категории) для их успешной реализации в формируемой цифровой среде? // Научный портал МВД России. – 2023. – № 4 (64). – С. 38.

³ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 2-КГ20-9-К3. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3964:9> (дата обращения: 14.01.2024).

оценочных параметров, которые могли бы позволить с достаточной степенью достоверности установить последствия рассматриваемой утраты и привести ее к экономическому эквиваленту. По этой причине возмещению может подлежать только такая способность, которая, как можно разумно ожидать, будет использоваться потерпевшим в соответствующие периоды его жизни до утраты трудоспособности в силу возраста или по иным, не зависящим от него причинам. Так, например, не могут быть признаны разумными ожидания по поводу выбора в качестве формы занятости оказания платных юридических услуг, если потерпевший, имея диплом об образовании юриста, никогда раньше не работал по специальности.

Критерий обоснованности, в свою очередь, состоит в том, что сведения о степени утраты профессиональной трудоспособности и предполагаемом заработке или ином доходе должны формироваться и использоваться с учетом представления обо всей совокупности профессионально-значимых качеств и способностей субъекта, доступных для применения не только в сфере трудовой, но также и предпринимательской или иной оплачиваемой деятельности. При определении степени утраты способности к труду и иным формам занятости экспертным путем должна приниматься во внимание остаточная составляющая таких характеристик и фактическая возможность их использования на рынке труда (работ, услуг) с назначением определенного вознаграждения с учетом необходимых ограничений. Возможность обращения к услугам медицинских экспертов соответствующего профиля должна быть доступна всем потерпевшим¹.

Приведенные замечания нуждаются в уточнениях применительно к двум категориям пострадавших – лицам, получившим повреждение здоровья до достижения совершеннолетия, и индивидуальным предпринимателям (самозанятым и иным субъектам, извлекающим доход от оказания услуг (выполнения работ) по гражданско-правовым договорам). В отношении первой категории современная цивилистика исходит из констатации невозможности

¹ См.: Колесниченко О.В. Возмещение утраты способности к трудовой и иной оплачиваемой деятельности как альтернатива возмещению утраченного заработка (дохода) потерпевшего в деликтных обязательствах // Lex Russica. – 2023. – № 11 (204). – С. 9 – 16.

построения оценочного механизма, позволяющего учитывать динамику изменения трудоспособности с разумной степенью достоверности¹.

На наш взгляд, следование принципу разумности при возмещении вреда несовершеннолетним потерпевшим также возможно в вышеприведенном значении, однако критерий достаточной степени достоверности здесь может быть обеспечен благодаря его переносу с оценки индивидуальной ситуации на моделирование поведения среднестатистического потерпевшего. В универсальных критериях компенсации, разрабатываемых для «среднего» потерпевшего, базовые расчетные параметры должны основываться на официальных статистических данных. Обращение к последним позволит выбрать момент начала и форму оплачиваемой занятости, возможный доход (исходя из средних показателей по отрасли / сектору экономики), спрогнозировать изменение объема и сферы приложения значимых умений и навыков в разные периоды жизни. Применение таких параметров должно осуществляться при максимально возможном учете индивидуальных обстоятельств дела, включая, например, данные о профессии, по которой субъект обучался или планировал обучение, наличии препятствий для замещения отдельных должностей и т.п.

В отношении ИП и иных лиц, извлекающих доход от незапрещенных видов экономической деятельности без заключения трудового договора, популярной является следующая в русле «убыточного» подхода позиция, согласно которой возникающая на стороне потерпевшего потеря реальной экономической выгоды является средством оценки утраченных материальных возможностей такого лица по осуществлению принадлежащих ему прав и исполнению возложенных на него обязанностей, включая обязанности по содержанию самого себя и членов семьи².

¹ См.: *Жаглина М.Е., Жаглин А.В.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда здоровью несовершеннолетних (по материалам судебной практики) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2022. – № 4. – С. 33 – 34; *Бакунин С.Н.* Возмещение вреда, причиненное жизни и здоровью несовершеннолетнего: социальные и правовые аспекты // *Цивилист.* – 2007. – № 2. – С. 67 и др.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июня 2012 г. № 13-П. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130742 (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 03

Приведенное толкование подчеркивает необходимость понимания различий между условным эквивалентом утраченной способности к труду как совокупности индивидуальных профессионально-значимых характеристик потерпевшего и суммой иных имущественных потерь, возникающих в результате сопутствующего нарушения общих экономических интересов лица на фоне вынужденного отказа от участия в гражданском обороте. Разумная схема оценки первого компонента должна основываться на показателях средней доходности по каждому виду экономической деятельности (ориентиром здесь могут служить сведения, аккумулируемые ФНС России), принимаемых с корректировкой на компонент обязательного личного участия физического лица в выполнении присущих им задач и функций.

Несмотря на некоторую дискуссионность правовой природы и критериев определения размера утраченного заработка (дохода), возможность экономической оценки данной составляющей вреда здоровью не оспаривается в доктрине и на практике. Этого нельзя сказать о других формах занятости, не связанных с получением денежного вознаграждения, к которым ст. 3 Федерального закона 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» позволяет относить ведение личного подсобного хозяйства, осуществление традиционных народных промыслов, уход за ребенком и др.¹

Представляется, что, принимаемые для целей возмещения вреда, такие формы могут быть рассмотрены и в более широком значении (как выполнение домашней работы в целом, оказание тех или иных бытовых услуг членам семьи и т.п.). При этом их качественными характеристиками являются всеохватывающий характер, исключающий возможность совмещения с оплачиваемой работой, социальная значимость и индивидуальная полезность достигаемого результата для самого потерпевшего. В результате формального подхода к определению

ноября 2022 г. по делу № 8Г-8931/2022 [88-9167/2022]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3050:16> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

¹ См.: Федеральный закон 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

объема возмещения вреда здоровью соответствующие потери либо учитываются судами при определении размера компенсации морального вреда¹, либо признаются не подлежащими возмещению из-за отсутствия причинной связи с поведением ответчика².

Следует заметить, что критическое отношение к самой возможности возмещения способности к участию в домашнем труде или иным неоплачиваемым формам активности традиционно распространяется на ситуации, когда пострадавший имеет стабильный источник дохода. В то же время, за лицами, полностью посвятившими себя ведению домашнего хозяйства, сохраняется право на возмещение утраченного дохода, для чего вводится фикция возникновения на их стороне имущественной потери, измеряемой через показатели среднего заработка по последнему месту работы, прожиточного минимума или среднего вознаграждения работника данной квалификации (п. 4 ст. 1086 ГК РФ). Отдельные зарубежные правовые порядки демонстрируют попытки отхода от этой фикции.

К примеру, для гражданского права Австрии, Германии и Швейцарии потеря способности к домашнему труду как наиболее распространенной форме приложения производительной способности вне сферы оплачиваемой деятельности признается безусловной материальной потерей. При этом пострадавший обязывается подтвердить, что соответствующие функции выполнялись им лично, реализовывались в рамках конкретных обязанностей по обустройству домашнего быта или ведению домашнего хозяйства³. Вместе с тем,

¹ См.: Решение Евпаторийского городского суда Республики Крым от 15 апреля 2021 г. по делу № 2-124/2021. – URL: https://evpatoriya-krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=88524586&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Решение Ванинского районного суда Хабаровского края от 13 января 2021 г. по делу № 2-64/2021. – URL: https://vaninsky-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=132923956&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Nitsch S.* Austria. Cases. OGH 28 March 2019, 2 Ob 179/18i: Loss of Housekeeping Capacity // *European Tort Law Yearbook* / ed. by E. Karner, B.C. Steininger. – Berlin: Walter de Gruyter, 2019. – P. 5 – 8; *Gleixner E., Spickhoff A.* Liability for Loss of Housekeeping Capacity in Germany // *Loss of Housekeeping Capacity* / ed. by E. Karner, K. Oliphant. – Berlin, Boston: De

запрет на учет фактического выполнения обычных домашних задач потерпевшего его родственниками или близкими лицами (бесплатно и без потерь в своем заработке) связывается не с особой правовой природой возмещаемого вреда, а с недопустимостью улучшения за счет указанных субъектов имущественного положения ответчика¹.

Для итальянской юриспруденции отказ от использования конструкции общей трудоспособности при разрешении соответствующих требований связывается с уже неоднократно упомянутой концепцией *danno biologico*, однако вред от ограничения или лишения способности к обычной деятельности по ведению домашнего хозяйства не интегрируется в состав биологических повреждений. Согласно преобладающей доктринальной позиции и судебной практике, потеря такого рода признается самостоятельной разновидностью материального вреда² в виду наличия конкретного экономического эффекта от принятия на себя домашних обязанностей одним из членов семьи³. Считается, что благодаря этому у другого появляется возможность получения дохода от оплачиваемой деятельности вне семейной сферы⁴. В буквальном прочтении этот подход позволяет считать денежным эквивалентом утраченной способности к ведению домашнего хозяйства часть заработной платы работающего супруга, что

Gruyter, 2012. – P. 97 – 124; *Landolt H.* Hausarbeitsschaden: Lösungen aus dem Blickwinkel des schweizerischen Rechts // Im Buch: Hausarbeitsschaden–bei Verletzung und Tötung: Die Sicht des Sozialversicherungsträgers. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2020. – P. 71 – 88.

¹ См.: *García P.* El Trabajo Doméstico En El Derecho Europeo De Daños (Housekeeping Capacity and Tort Law in Europe) // *InDret*. – 2014. – Vol. 4. – P. 18 – 19.

² См.: *Колесниченко О.В.* Утрата способности к действию, направленному на получение полезного результата в сфере занятости, в объеме возмещения вреда здоровью // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): сборник материалов международной научно-практической конференции. – Волгоград: ВИ РАНХИГС, 2023. – С. 41.

³ См.: *Bargelli E.* Liability for Loss of Housekeeping Capacity in Italy // *Loss of Housekeeping Capacity / ed. by E. Karner, K. Oliphant.* – Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. – P. 125 – 146; *Sentenza Cassazione Civile n. 238 del 10/01/2017.* – URL: <https://sentenze.laleggepertutti.it/sentenza/cassazione-civile-n-238-del-10-01-2017> (дата обращения: 14.01.2024); *Sentenza Cassazione Civile n. 16896 del 20/07/2010.* – URL: <https://sentenze.laleggepertutti.it/sentenza/cassazione-civile-n-16896-del-20-07-2010> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: *Positano Gabriele, Positano Giuseppe.* La tutela del danno alla persona. Aspetti giuridici, medico legali e assicurativ. – Milano: CEDAM, 2001. – P. 183.

указывает на схожесть попыток обнаружения осязаемого экономического эффекта от такой активности с принятием в качестве условия возмещения вреда подтвержденных затрат на замещающие услуги.

Классический «убыточный» подход к определению «ценности» домашнего труда и подход исследования потери самостоятельной способности парадоксальным образом соединяется в общем праве Англии и Уэльса, виной чему оказывается процессуальная классификация возмещаемых убытков (вреда) на общие и особенные. В отношении вреда, учитываемого на будущее время после даты судебного разбирательства (общий ущерб), предполагаемые затраты на замещающие услуги служат лишь средством измерения соответствующих потерь¹. С другой стороны, неспособность к выполнению домашней работы до даты завершения судебного разбирательства может быть принята во внимание в составе особого ущерба лишь при условии, что пострадавшим были понесены вышеупомянутые затраты либо один из родственников, принявший на себя его обычные домашние обязанности, полностью или частично утратил собственный заработок².

Наконец, еще одним заслуживающим внимание примером является подход, реализуемый во Франции на основании Номенклатуры Динтильхак. Нормированная выплата на оказание помощи со стороны третьих лиц здесь предназначена для возмещения способности к обеспечению личной автономии, что подтверждается общими правилами ее расчета для всех пострадавших (работающих и занятых исключительно домашним трудом, пенсионеров и др.)³. Однако дополнительная статья «прочие расходы» позволяет возмещать любые фактически понесенные затраты, возникающие как на стороне самого

¹ См.: Колесниченко О.В. Утрата способности к действию, направленному на получение полезного результата в сфере занятости, в объеме возмещения вреда здоровью. – С. 42.

² См.: *Morris A. Liability for Loss of Housekeeping Capacity in England and Wales // Loss of Housekeeping Capacity / ed. by E. Karner, K. Oliphant. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. – P. 29 – 68.*

³ Производится исходя из количества часов необходимой посторонней помощи и средней рыночной стоимости соответствующих услуг.

потерпевшего, так и его родственников при условии их связи с повреждением здоровья.

Отечественная судебная практика не приемлет возмещения расходов на оказание услуг, замещающих домашний труд потерпевшего, в ситуации отсутствия факторов стойкого ограничения жизнедеятельности. Причиной тому является строгая привязка оцениваемых неблагоприятных последствий к конкретной разновидности расходов (расходам на посторонний уход)¹. Между тем, исследование подходов, реализуемых в зарубежных правовых порядках, даже в случае определения затрат данного рода как опосредованных имущественных последствий травмы позволяет прийти к весьма примечательным выводам о критериях их возместимости.

В частности, разработанный в Голландии «двойной тест на разумность» предполагает, что расходы на оказание замещающих услуг исследуются, во-первых, на предмет разумности обращения к таким услугам в конкретном случае и, во-вторых, на предмет разумности оплаты оказанных услуг в заявленной сумме². Примечательно, что при таком подходе разумность расходов на будущее время не может быть отвергнута из-за возложения прежних домашних обязанностей потерпевшего на его родственников или близких. Принцип полного возмещения вреда требует сохранения за пострадавшим возможности прибегнуть к рынку таких услуг, если указанные лица перестанут оказывать ему помощь из-за разрыва отношений, собственной нетрудоспособности или по иным причинам. Таким образом, в отношении будущих расходов тест разумности несения расходов, в сущности, совпадает с тестом утраченной способности.

¹ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 18 февраля 2020 г. по делу № 33-7826/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4364:1> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение СК по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 05 февраля 2013 г. по делу № 33-6005/12. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4378:3> (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2021 г. по делу № 8Г-8238/2021 [88-9284/2021]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4392:5> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

² См.: *García P. Decree. Op.* – P. 16.

Подход утраченной способности, как представляется, позволяет несколько под другим углом посмотреть на природу и правомерность материальных притязаний родственников (третьих лиц), несущих имущественные потери в связи с неспособностью выполнения домашней работы потерпевшим. Важно учитывать, что указанные субъекты вступают в отношения по оказанию необходимых услуг последнему добровольно, не будучи связанными с причинителем вреда формальной обязанностью возмещать вред, вызванный его действиями (бездействием). Такая обязанность базируется на связанности воли, характерной, как ранее отмечалось, для отношений регрессанта и регредиента (ст. 1081 ГК РФ). Роль родственников в этих отношениях не может отождествляться и с ролью государства в лице социальных фондов или бюджетов соответствующих уровней, поскольку последние связаны объемом принятых на себя конституционных обязательств.

Обосновываемый концепцией исправительного правосудия запрет отказа в возмещении вреда по основанию, связываемому с недопустимостью улучшения положения причинителя вреда за счет родственников и иных лиц, добровольно помогающих потерпевшему, выглядит неубедительным, поскольку сложно оправдать введение дополнительных разновидностей возмещаемого ущерба для целей обеспечения неотвратимости наказания. При этом исследование вреда как последствия, выражающегося в утрате способностей или росте потребностей, позволяет утверждать, что действиями родственников удовлетворяется особая потребность потерпевшего, вызванная повреждением здоровья, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости уменьшения суммы взыскания в его пользу.

Обращаясь к распространенной частной ситуации, в которой родственники потерпевшего в связи с отвлечением на обычные повседневные задачи последнего утрачивают собственный заработок (доход), важно подчеркнуть, что возмещаемая способность потерпевшего к выполнению таких задач в принципе не может иметь своим экономическим эквивалентом способность задействованного третьего лица к оплачиваемой деятельности. В этом отношении сопутствующие имущественные

потери последнего могут оцениваться лишь как его чисто экономические убытки. В то же время, признание утраченной способности возмещаемым вредом (при условии включения необходимых изменений в п. 1 ст. 1085 ГК РФ) не препятствует взысканию в пользу третьего лица экономического эквивалента такой способности (ее компонента), частично или полностью возмещенного в пользу потерпевшего в натуральной форме данным лицом.

Примечательно, что на обоснованность такого подхода указывает уже имеющаяся судебная практика, в которой отмечается, что § 2 гл. 59 ГК РФ не содержит в себе запрета на возмещение дополнительно понесенных расходов не самому потерпевшему, а лицу, за счет которого такие расходы произведены фактически¹. В системе действующего нормативного правового регулирования правомерность притязаний данного рода, с некоторой долей условности, может обеспечиваться применением толкуемого расширительно п. 1 ст. 1081 ГК РФ (в том значении, в котором данная норма не устанавливает исчерпывающего перечня субъектов, имеющих право обратного требования к делинквенту) либо п. 1 ст. 984 ГК РФ (в нем не установлен исчерпывающий перечень правомерных действий в чужом интересе без поручения, при возникновении убытков от которых возникает право требования к заинтересованному субъекту).

Промежуточный вывод, который может быть сформулирован на основании вышеизложенного, заключается в том, что утрата способности к получению полезного результата в сфере занятости может и должна учитываться в качестве самостоятельной материальной потери, выражающейся в ограничении или прекращении возможности использования врожденных и приобретенных полезных свойств и возможностей организма потерпевшего для участия в повседневных занятиях, направленных на организацию комфортного проживания и минимально необходимого бытового обслуживания совместно проживающих

¹ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 30 апреля 2014 г. по делу № 33-5226/2014. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4506:1> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 мая 2013 г. по делу № 33-6249/2013. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4516:3> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

членов семьи, ухода и присмотра за нетрудоспособными лицами, наконец, прямого удовлетворения некоторых базовых потребностей без обращения к рынку соответствующих товаров, работ или услуг по факту обладания ими на момент происшествия. Применяемый к такой категории критерий разумности возмещения, по аналогии с утраченной способностью к труду, будет означать, что учету должны подлежать те компоненты соответствующий способности, использование которых в форме конкретных видов работ и ухода за членами семьи разумно ожидать от потерпевшего в отсутствие события правонарушения. Критерий обоснованности, вместе с тем, требует отдельного рассмотрения в части выбора методики определения экономического эквивалента для расчета суммы взыскания.

Одним их компромиссных решений является установление фиксированной суммы компенсации, подлежащей корректировке в зависимости от количества и возраста детей, предполагаемого объема работ, выполняемых потерпевшим для иных членов семьи, а также сведений о совокупности реализуемых им форм занятости (метод получателя услуг). Пример практической реализации данного метода предоставляет Норвегия, где компенсация стоимости домашней работы была впервые установлена в деле Баструпа¹ для случая гибели пострадавшего (50 тыс. и 25 тыс. норвежских крон на каждого члена семьи ежегодно с учетом достижения единственным ребенком возраста 10 и 19 лет соответственно, связываемых со снижением объема обслуживающих функций)².

Точка зрения получателя услуг в чистом виде предполагает, что особые потребности членов семьи надлежит принимать во внимание в контексте ожидаемого периода перехода к самообеспечению (актуально для детей) либо нормализации жизнедеятельности семьи после происшествия (актуально для

¹ См.: Bastrup (Rt-1998-639, s. 647). – URL: <https://www.erstatningsjus.no/ehjelp/Omsorg.html> (дата обращения: 14.01.2024).

² О последующей корректировке этого подхода см.: *Jerstad C.A.* Oppjustering av erstatningsnivå ved hjelp av G-regulering–betydningen av HR-2022-980-A // *Tidsskrift for erstatningsrett, forsikringsrett og trygderett.* – 2023. – Vol. 3. – P. 163-165; Engevold (Rt-2002-673, s. 680). – URL: <https://www.jus.uio.no/ior/personer/vit/perkje/videoundervisning/Eksternt/voldsoffererstatningskontoret/arbeidshefte-iii-utmaling.-til-morten-kjellands-forelesning-kfv.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

супругов и иных совместно проживающих родственников)¹. Такой подход обеспечивает индивидуализацию взыскания. Однако представляется очевидным, что механическое умножение стандартной суммы выплаты на количество членов семьи, в интересах которых потерпевшим осуществлялась домашняя работа, и соответствующий такой предполагаемой поддержке временной отрезок далеко не всегда соответствует реальному объему выполняемых потерпевшим задач. Очевидно, что жертвы, особенно занятые в течение полного рабочего дня до травмы, имеют в своем распоряжении ограниченный ресурс времени и сил для бытовых задач, кроме того, многие задачи решаются ими одновременно².

Уточнить показатель количества часов, отводимых потерпевшим на неоплачиваемую домашнюю работу, и ее основные разновидности позволяет метод статистических закономерностей, успешно используемый в отдельных правовых порядках. В Германии, в частности, применяются таблицы Шульц Борк / Пардей³, сочетающие в себе обобщенные данные об ограничении способности к выполнению домашней работы при некоторых типичных травмах с показателями количества часов на выполнение такой работы в неделю в зависимости от типа домохозяйства, количества и возраста детей. В Швейцарии показатель количества часов, затрачиваемых на выполнение домашней работы, устанавливается на основании статистических данных в зависимости от типа оплачиваемой деятельности пострадавшего и уровня его дохода, общего количества членов и состава семьи⁴.

Последний пример особенно примечателен тем, что позволяет урегулировать ситуацию, в которой потерпевший не имеет семьи и, с одной

¹ См.: *Kjelland M.* Hjemmearbeidserstatning: forholdet til velferdsrettslige, skatterettslige og bevisrettslige sider ved utmålingen // *Tidsskrift for erstatningsrett, forsikringsrett og velferdsrett.* – 2011. – Vol. 8. – №. 1-2. – P. 15 – 17.

² См.: *Alshaibani M.* Decree. Op. – P. 25.

³ См.: *Schulz-Borck H., Pardey F.* Der Haushaltsführungsschaden: Entgelttabellen TVöD/Bund zur Bewertung von Personenschäden in der Haushaltsführung. – Karlsruhe: VVW GmbH, 2022. – P. 1 – 64.

⁴ См.: *Arbeitsplatz Haushalt: Zeitaufwand für Hausund Familienarbeit und deren monetäre Bewertung Statistische Grundlagen und Tabellen für die Bemessung des Haushaltschadens auf der Basis SAKE 2004 und LSE 2004.* – URL: <https://www.studerzahner.ch/assets/uploads/sake-2004-statistik-haushaltstaetigkeit.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

стороны, не выполняет домашних обязанностей по отношению к совместно проживающим лицам, а, с другой, сам не пользуется их услугами в быту. При рассмотрении таких ситуаций суды используют для достоверного прогнозирования будущих потерь закономерность, согласно которой «средний» швейцарец живет в одиночестве в возрасте от 25 до 35 лет, а в дальнейшем создает домохозяйство в составе четырех членов семьи.

Знание параметра продолжительности и характера выполняемой домашней работы не освобождает от необходимости приведения полученного показателя к конкретному экономическому эквиваленту утраченной способности. Предпочтительным при этом выглядит подход, согласно которому учету подлежит среднерыночная стоимость замещающих услуг (работ), как это принято в отдельных зарубежных правовых порядках (Австрия, Великобритания, Германия, Голландия, Швейцария и др.)¹. Нельзя не отметить, однако, что механическое суммирование абстрактных затрат на наем широкого круга специалистов по принципу соответствия выполняемых ими функций каждой функции потерпевшего таит в себе опасность сверхкомпенсации. Во избежание последней целесообразно ориентироваться на среднерыночную стоимость услуг (работ) многопрофильных специалистов, обычно привлекаемых для оказания помощи по хозяйству, либо опираться на учет средних затрат на наем того типа работников, в услугах которых в большей степени нуждается потерпевший².

Использование показателя среднерыночной стоимости замещающих услуг представляется обоснованным и в тех случаях, когда утраченными формами занятости потерпевшего являются участие в деятельности производственных или потребительских кооперативов, выращивание садово-огородных культур для собственного потребления, уход за детьми и т.п. Исключение касается, пожалуй, лишь способности к обучению. Таковая не может быть признана самостоятельной

¹ См.: *Karner E., Oliphant K. Liability for Loss of Housekeeping Capacity in Comparative Perspective // Loss of Housekeeping Capacity / ed. by E. Karner, K. Oliphant. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. – P. 275 – 320; García P. Decree. Op. – P. 38 – 44.*

² См.: *Колесниченко О.В. Утрата способности к ведению домашнего хозяйства: критерии учета в объеме возмещения вреда здоровью // Хозяйство и право. – 2023. – № 10. – С. 22.*

разновидностью производительной активности потерпевшего из-за того, что весь процесс обучения, независимо от уровня образования и формы, так или иначе связан с развитием умений и формированием навыков, необходимых для трудовой и иной оплачиваемой деятельности. При таких предпосылках обоснованным представляется учет утраченной способности к обучению в содержании утраченной способности к труду в части, касающейся ожидаемого улучшения профессионально-значимых способностей, качеств и возможностей личности. Применение критерия разумности здесь будет обеспечиваться оценкой только тех умений и навыков, для получения которых потерпевшим были предприняты необходимые меры, обоснованности – установлением объективной возможности трудоустройства по избранной профессии.

Помимо условно «внешнего» аспекта производительной способности потерпевшего, нельзя обойти вниманием, наконец, и компонент утраты личной автономии как способности к обслуживанию самого себя в быту и иной повседневной деятельности. Такая потеря качественно отличается от иных утрат способностей, в первую очередь, потому что средством ее оценки в большинстве правовых порядков служат расходы на посторонний уход, обеспечивающий социально-бытовую адаптацию потерпевшего к изменившимся условиям жизнедеятельности. Не создает исключения из этого правила и отечественное законодательство, однако проблематика возмещения таких затрат разработана здесь только для несчастных случаев на производстве, при этом устанавливаемые стандартные страховые выплаты весьма незначительны (900 руб. в месяц для специального медицинского ухода и 225 руб. в месяц – для бытового)¹.

Судебная практика нередко прибегает к соответствующим положениям для разрешения требований о возмещении вреда², вместе с тем, совершенно

¹ См.: п. 24 Постановления Правительства РФ от 15 мая 2006 г. № 286 «Об утверждении Положения об оплате дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. – 2006. – № 21. – Ст. 2263.

² См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2023 г. по делу № 88-9295/2023. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/9859:1> (дата обращения:

справедливым является утверждение о том, что возможность использования аналогии закона не создает предпосылок для их безусловного распространения на деликтные отношения¹. Критической оценке подлежит также используемая в данной области легальная терминология.

Нормативная характеристика категории утраты общей трудоспособности, принятая в области экспертной деятельности, указывает на то, что в содержании самой такой трудоспособности учитываются категории ограничения жизнедеятельности, связанные с утратой способности к самообслуживанию, а равно способности совершать действия, направленные на получение социально значимого результата в виде определенного продукта, изделия или услуги². Результатом решения о включении компонента утраты личной автономии в понятие общей трудоспособности является парадоксальная ситуация – в случае возмещения утраченного заработка (дохода) по параметру общей трудоспособности происходит в совокупности недокомпенсация утраты способности к труду и условная компенсация утраты личной автономии. Тем не менее, при назначении возмещения утраченного заработка (дохода) «обычному» потерпевшему, имеющему стабильный заработок или иной доход, последний компонент не принимается во внимание в принципе.

Характеристика отдельных видов ухода также не решает проблемы уточнения содержания исследуемой категории. За компенсацию утраты способности к самообслуживанию «отвечает» посторонний бытовой уход, в свою очередь, специальный медицинский уход предусматривает проведение медицинских манипуляций медицинским работником с квалификацией медицинской сестры, направленных на удовлетворение базовых (как правило, физиологических) потребностей пациента при определенных заболеваниях

14.01.2024); Апелляционное определение Свердловского областного суда от 28 июня 2019 г. по делу № 33-10192/2019. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RASVR;n=181004#hkPTchTZSjTV52dB> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

¹ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 77-КГ19-13. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/858:2> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: п. 20 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н).

(опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта и т.п.)¹. Различие между оказанием помощи и содействием в выполнении домашних обязанностей, таким образом, проводится по тому основанию, что поводом к оказанию помощи является возникновение особой потребности пострадавшего, удовлетворить которую способен лишь специалист.

На наш взгляд, не существует противоречия в том, что утрата способности влечет за собой потребность в постороннем уходе. Напротив, наличие такой потребности служит наиболее наглядной демонстрацией такой утраты и средством ее цивилистической оценки. В то же время, предпосылкой оказания услуг в области специального медицинского ухода является не утрата производительной способности человека, но появление дополнительной потребности в медицинской помощи, так как в рамках данной разновидности ухода достигается условное восстановление базовых функций организма, а не утраченных способностей. Это позволяет говорить о необходимости учитывать показания к специальному медицинскому уходу в содержании компонента роста потребностей, а к постороннему бытовому – в содержании компонента утраты способностей.

В судебной практике особенностью возмещения расходов на посторонний уход является применение условия о нуждаемости в нем, которое можно считать допустимым прочтением критерия разумности. Вместе с тем, таковое может быть установлено лишь применительно к стойким ограничениям жизнедеятельности на основании ограниченного круга доказательств, формируемых в отношении единственной категории потерпевших (речь идет об индивидуальной программе реабилитации для пострадавших от несчастных случаев на производстве²). Иные обнаруживаемые здесь проблемы ожидаемо связываются с отсутствием

¹ См.: Письмо Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 25 апреля 2005 г. № 10227/МЗ-14 «О вопросе толкования термина специальный медицинский уход» // Здравоохранение. – 2005. – № 10.

² См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 77-КГ19-13. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/10035:12> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение СК по гражданским делам Кемеровского областного суда от 27 октября 2015 г. по делу № 33-11143/2015. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/10038:14> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

обоснованного экономического эквивалента утраченной способности и оценкой правомерности притязаний третьих лиц¹.

Представляется, что решение обозначенных проблем также имеет общую основу, исходящую из предпосылки о допущении возмещения самого ограничения или прекращения возможности использования врожденных и приобретенных полезных свойств и качеств организма человека для участия в повседневных занятиях, направленных на создание достойных условий собственной жизнедеятельности потерпевшего. Однако здесь важно обеспечить разграничение способности к обеспечению личной автономии и способности к производительной деятельности в неоплачиваемом секторе занятости. Помочь в этом может подход, реализуемый в Голландии, где, помимо диапазонов стоимости домашнего труда для различных типов домохозяйств, введены перечни работ, в которые включены организация питания семьи, работа, направленная на обеспечение комфортного проживания и минимально необходимого бытового обслуживания, уход и присмотр за нетрудоспособными членами семьи и др.²

Пользуясь методом исключения, для оценки утраты личной автономии следует принимать во внимание утрату способности к участию в таких повседневных занятиях, которые направлены на удовлетворение базовых бытовых нужд потерпевшего, обеспечивают автономное ведение жизнедеятельности, независимо от того, проживает ли потерпевший совместно с другими членами семьи или отдельно от них (самостоятельный прием пищи, одевание, личная гигиена и т.п.). Применяемый к такой категории критерий разумности возмещения будет раскрываться через разумные ожидания о фактической возможности использования потерпевшим необходимых свойств и качеств организма в различные периоды жизни с учетом возраста, начального состояния здоровья и иных значимых факторов. Обоснованность возмещения

¹ См.: Решение Свердловского районного суда г. Перми Пермского края от 22 декабря 2021 г. по делу № 2-7697/2021. – URL: https://sverdlov--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=162226554&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: De Letselschade Richtlijn Huishoudelijke Hulp. – URL: <https://deletselschaderaad.nl/richtlijnen/huishoudelijke-hulp/> (дата обращения: 14.01.2024).

должна обеспечиваться экспертными свидетельствами о неспособности к обслуживанию собственных базовых бытовых нужд, сведениями об объеме услуг, необходимых для оказания посторонней помощи в данной части, их среднерыночной или фактической стоимости.

Таким образом, представляется возможным говорить, как минимум, о трех разновидностях утрат способностей в объеме физического вреда, порядок возмещения которых может быть разработан или уточнен на основе принципов разумности и обоснованности. При возмещении утраты способности к трудовой, предпринимательской и иной оплачиваемой деятельности, в частности, критически важным является использование традиционных оценочных параметров в понимании, позволяющем производить экономическую оценку всей совокупности утраченных профессионально-значимых качеств потерпевшего, которыми он мог быть воспользоваться при ведении оплачиваемой занятости с поправкой на динамику трудоспособности.

Утрата способности к получению иного (неоплачиваемого) полезного результата в сфере занятости должна признаваться возместимой в силу самого факта прекращения или ограничения возможности участия в повседневных занятиях, направленных на организацию комфортного проживания и удовлетворения бытовых нужд отдельного домохозяйства, уход и присмотр за входящими в его состав нетрудоспособными членами, прямого удовлетворения некоторых базовых потребностей без обращения к рынку. Оценка такой потери доступна при ориентации на среднерыночную стоимость найма многопрофильных специалистов, обычно привлекаемых для оказания замещающих услуг (работ), а также сведения о характере, объеме и продолжительности последних.

Наконец, оценка утраты личной автономии, обнаруживаемой в ситуации, когда потерпевший оказывается не способным к удовлетворению собственных бытовых нужд, должна производиться исходя из вида и продолжительности посторонней помощи, определяемых экспертным путем, не только фактической, но и среднерыночной стоимости ее оказания. Во всех перечисленных случаях

критерий достаточной степени достоверности оценочных параметров может быть обеспечен благодаря его переносу с оценки индивидуальной ситуации на моделирование поведения среднестатистического потерпевшего. Такой подход требует обращения к статистически обоснованным обобщенным показателям.

§ 3. Компонент новых и возросших потребностей потерпевшего: порядок и критерии определения размера возмещения

Редкое упоминание дополнительных расходов, перечисляемых в п. 1 ст. 1085 ГК РФ помимо утраченного заработка (дохода), в доктринальных источниках и учебной литературе, как правило, не сопровождается предметным исследованием их правовой природы, особенностей возмещения и места каждой разновидности в объеме возмещения вреда здоровью. Традиционной характеристикой таких расходов является их определение в качестве имущественных показателей повреждения здоровья¹ или составляющих имущественного вреда личности², противопоставляемых моральному вреду или его компоненту – физическим страданиям³. При таком понимании характеристика правовых условий возмещения расходов на лечение и реабилитацию потерпевшего оказывается достаточно скупой на подробности и часто ограничивается буквальным воспроизведением положений упомянутой статьи с отсылками к актуальной судебной практике и конкретизирующим документам⁴.

¹ См.: *Рыженков А.Я.* Структурная модель юридического факта в гражданском праве // Современное право. – 2021. – № 6. – С. 67.

² См.: *Мозолин В.П.* Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // Журнал российского права. – 2012. – № 1. – С. 39; *Тебряев А.А.* Общее основание и условия возникновения мер ответственности и мер защиты вследствие причинения вреда источником повышенной опасности // Юрист. – 2002. – № 6. – С. 3.

³ См.: *Матейкович М.С.* Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 105 – 106; *Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало.* – М.: Статут, 2017. – Т. 2. – С. 522.

⁴ См.: *Садиков О.Н.* Убытки в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Статут, 2009. – С. 177; *Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов.* 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – Т. 2: Обязательственное право. – С. 1128 – 1132.

В исключительных случаях в фокусе теоретических исследований обнаруживается критерий отсутствия права на бесплатное получение медицинской помощи и реабилитационных услуг, стоимость которых подлежит возмещению в деликтных обязательствах. В данной части интерес способен вызвать утверждение об использовании конструкции дополнительных расходов для целей внедрения модели добросовестного поведения потерпевшего в таких обязательствах¹.

Вместе с тем, совершенно справедливым противовесом ему служит аргумент о том, что освобождение делинквента от обязанности возместить причиненный вред является негодным средством для достижения такой цели, служит, скорее, выражением тенденций десоциализации и дегуманизации законодательства и правоприменительной практики². Рассуждения данного рода не только не обеспечивают формирования необходимых теоретических основ для развития представлений о критериях возмещения расходов на лечение и реабилитацию, но уводят возникшую дискуссию от попытки определения правовой природы отдельных потерь в плоскость исследования степени эффективности конкретных правовых форм и способов взыскания.

Базовая норма п. 1 ст. 1085 ГК РФ, определяющая объем взыскания для случаев повреждения здоровья, следуя методологии социалистического права социального обеспечения, устанавливает перечень конкретных затрат, направленных на восстановление здоровья потерпевшего, без указания на компонент роста или возникновения новых потребностей на стороне потерпевшего. Традиционно, такие затраты подразделяются на понесенные в связи с проведением мероприятий медицинской (расходы на лечение, приобретение лекарств, протезирование), социальной (расходы посторонний уход, приобретение специального транспорта), профессиональной (расходы на

¹ См.: *Сударев Г.А.* Теоретические модели вины потерпевшего в трудах пандектистов // Вестник гражданского права. – 2022. – № 5. – С. 205. О соответствии стандарту добросовестности поведения потерпевшей стороны см. также: *Соломин С.К., Соломина Н.Г.* Добросовестность в гражданском праве. – С. 134.

² См.: *Богданов Д.Е.* Справедливость как основное начало социализации и гуманизации деликтной ответственности // Адвокат. – 2013. – № 3. – С. 12.

подготовку к другой профессии) реабилитации, что позволяет соотносить их с данным компонентом по принципу нуждаемости в каком-либо из перечисленных мероприятий. Однако специальная оговорка, связывающая возникновение права на компенсацию с отсутствием права на бесплатное получение конкретных видов помощи и ухода, служит свидетельством приверженности законодателя «убыточной» концепции вреда здоровью, поскольку относит в область исследования суда вопросы обоснованности распоряжения пострадавшим принадлежащими ему денежными средствами, принимаемые во внимание с учетом его статуса в сфере занятости, доступных мер социальной защиты.

Бесспорно, что упомянутое правило имеет своей целью предупредить возникновение на стороне потерпевшего сверхвозмещения, в то же время, существующее ограничение связывается не с погашением части причиненного вреда путем предоставления необходимой помощи и услуг в государственной системе здравоохранения и социального обеспечения, но лишь с наличием самого права на их получение на безвозмездной основе.

Как уже отмечалось, критерии возместимости затрат на восстановление поврежденного имущества в судебной практике устанавливаются через проекцию на конкретную ситуацию гипотетической ситуации выбора наиболее разумного и экономически обоснованного варианта такого восстановления. В случае же с исследуемой категорией потерь законодатель как бы отказывает потерпевшему в возможности выбора и сравнения, постулируя беспрепятственность реализации гарантии в сфере медицинского обслуживания и социального обслуживания, а также преобладающую эффективность обеспечиваемых ими услуг и видов помощи для целей восстановления здоровья. Свидетельством некорректности такого подхода является разъяснение Верховного Суда РФ, согласно которому оправданным является возмещение дополнительных расходов для случаев, когда жертва, имея соответствующее право, фактически была лишена возможности получить требуемые препараты или услуги качественно и своевременно¹.

¹ См.: подп. «б» п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по

С сугубо формальных позиций, критерии разумности и обоснованности возмещения дополнительных расходов раскрываются в действующем гражданском законодательстве через их «двойную безальтернативность», определяемую, во-первых, отсутствием правовых возможностей для получения необходимых видов помощи и ухода в пределах реализуемых государственных гарантий, а, во-вторых, обязательностью выбора конкретных видов помощи и ухода исходя из содержания действующего медицинского стандарта либо имеющихся экспертных свидетельств (индивидуальной программы реабилитации, абилитации – ИПРА¹). Подчеркнуть последнюю особенность призван упомянутый в п. 1 ст. 1085 ГК РФ параметр нуждаемости. Вместе с тем, такая трактовка подлежит корректировке средствами судебного толкования, в т.ч., с учетом приведенной позиции Верховного Суда РФ.

Простейший вариант учета интересов потерпевшего предполагает установление его нуждаемости в конкретных видах помощи и ухода на основании медицинской документации, подтверждающей их назначение или рекомендацию. Критерий разумности здесь фактически не применяется, поскольку не подлежат исследованию вопросы доступности возмещения вреда в натуральной форме, через бесплатную помощь и лечение². Предположительно, такая позиция проистекает из идеи о том, что сам факт несения затрат является подтверждением

обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Рос. газ. 2010. 05 фев.

¹ Действующее законодательство формулирует требование о разработке ИПРА применительно к двум категориям потерпевших – пострадавших в результате несчастных случаев на производстве (абз. 1 п. 2 ст. 8 Федерального закона от 24 апреля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний») и инвалидов (ст. 11 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», подп. «л», «м» п. 22 Правил признания лица инвалидом, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 05 апреля 2022 г. № 588).

² См.: Решение Зеленоградского районного суда г. Москвы от 24 июня 2021 г. по делу № 02-0211/2021. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases/civil/details/6ebc61b1-557b-11eb-81a6-49a109728835?caseNumber=02-0211/2021> (дата обращения: 14.01.2024); Решение Ленинского районного суда г. Пензы Пензенской области от 19 января 2022 г. по делу № 2-55/2022. – URL: https://leninsky-pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=102960622&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024) и др.

отсутствия права на бесплатное получение медицинских и реабилитационных услуг, по крайней мере, пока не будет установлено иное. Отсутствие нуждаемости, вместе с тем, может трактоваться и как отсутствие необходимости обращаться за оказанием платных медицинских услуг при сохранении возможности их бесплатного получения по программам ОМС¹, что свидетельствует о внутренних противоречиях в изложенном варианте толкования п. 1 ст. 1085 ГФ РФ.

Широкий подход, в соответствии с которым вопросы наличия у пострадавшего права на бесплатную медицинскую помощь и реабилитацию в принципе не требуют отдельного рассмотрения, поскольку выбор лечения и медицинского учреждения принадлежит исключительно самому такому лицу, также встречается на практике². Однако, помимо прямого нарушения формальных требований (судами фактически не устанавливается факт отсутствия права на бесплатное получение услуг в сфере лечения или реабилитации), его распространению препятствует необходимость дачи правовой оценки категориям рекомендованных, но не образующих содержания медицинского стандарта видов помощи и ухода (например, пребывание в палатах повышенной комфортности).

В русле развития положений Постановления Пленума ВС РФ от 26 января 2010 г. № 1 весьма важное значение приобретает акцент на сравнении качества и эффективности возмездных медицинских услуг относительно их аналогов, предоставляемых потерпевшему бесплатно. В данной части исследованию подлежит не просто возможность получения медицинской помощи на бесплатной основе, но возможность пострадавшего пользоваться аналогичными и соответствующими по своим качественным характеристикам медицинскими

¹ См.: Решение Октябрьского районного суда г. Владимира Владимирской области от 26 января 2022 г. по делу № 2-32/2022. – URL: https://oktiabrsky--wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=119283367&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Решение Керченского городского суда Республики Крым от 28 сентября 2021 г. по делу № 2-1508/2021. – URL: https://kerch--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=97789749&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

средствами, средствами реабилитации, ухода, поддержания и сохранения надлежащего качества жизни¹.

Этому же подходу следует и попытка распространения на отношения по возмещению физического вреда правового механизма возмещения убытков от повреждения имущества (ст. 15 ГК РФ) в толковании, сформулированном Пленумом Верховного Суда РФ, предполагающем возможность оспаривания заявленного размера взыскания реального ущерба только в случае, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной, более разумный и распространенный в обороте, способ исправления полученных повреждений для аналогичного имущества². В последнем случае на первый план выходит критерий разумности фактически понесенных расходов, при установлении которого ключевым юридически значимым обстоятельством становится возможность получения медицинской помощи или ухода иным, во-первых, доступным в сложившихся условиях, а, во-вторых, не требующим несения расходов или требующим их несения в меньшем размере способом³.

Описанный подход содержит в себе некоторый «намек» на учет новых или возросших потребностей потерпевшего в области медицинского обслуживания и компенсации ограничений, присущих посттравматическому физическому состоянию. Однако в центре внимания по-прежнему находятся обстоятельства несения потерь, а не обстоятельства, позволяющие обнаружить и оценить проявления таких потребностей. Следствием этого является ограничительное

¹ См.: Решение Ногинского городского суда Московской области от 15 марта 2022 г. по делу № 2-946/2022. – URL: https://noginsk--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=526230052&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

³ См.: Решение Копейского городского суда Челябинской области от 16 сентября 2021 г. по делу № 2-2664/2021. – URL: https://kopeysk--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=341229912&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

толкование п. 2 ст. 1092 ГК РФ, предполагающее, что возмещение дополнительных расходов на будущее время может производиться лишь при предоставлении доказательств их несения, в т.ч., в связи с отсутствием источников средств для предварительной оплаты лечения, услуг по постороннему уходу и др.¹ Для сравнения, п. 2 ст. 15 ГК РФ, формулируя понятие убытков, относит к ним не только фактически понесенные расходы, необходимые для восстановления нарушенного права, но и затраты, которые лицо «должно будет произвести в будущем», не связывая при этом данную составляющую с характеристикой имущественного положения потерпевшего.

Сложность составляет и сопоставление «платных» и «бесплатных» видов услуг или средств лечения (реабилитации), поскольку п. 1 ст. 1085 ГК РФ не определяет параметров нуждаемости потерпевшего в определенных видах помощи или ухода в контексте их направленности на наиболее эффективное восстановление после травмы, сохранение качества жизни, скорейшее возвращение к трудовой деятельности и активной социальной жизни. Под получением этих видов «помощи и ухода» в п. 1 ст. 1085 ГК РФ понимается получение лечения или иной помощи, определяемых родовыми признаками, «тех, в которых потерпевший нуждался» из-за травмы, что в принципе не дает оснований для производимого судами сравнения.

Кроме того, трактовка обоснованности через параметр нуждаемости требует подтверждения возникающих затрат не любым доступным, но часто вполне конкретным и единственно верным способом. Так, например, нуждаемость в получении услуг конкретного узкого специалиста не считается установленной на основании заключения лечащего врача и при отсутствии таких услуг в программе государственных гарантий, если пострадавшему не оформлялась ИПРА².

¹ См.: Решение Вахитовского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 26 января 2022 г. по делу № 2-143/2022. – URL: https://vahitovsky--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=174265826&case_uid=29ba76ec-1d5e-4425-91b4-9942a92ad750&delo_id=1540005 (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Справка Иркутского областного суда о результатах обобщения судебной практики по делам о возмещении вреда, причиненного здоровью потерпевшего или смертью потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия, преступления (моральный

Функции федеральных учреждений МСЭ, в свою очередь, связываются не с исследованием реабилитационного потенциала потерпевшего в целом, но с определением в рамках такого исследования потребности лица в мерах социальной защиты¹. В целом, можно говорить о том, что следствием отрицания свойства возместимости физического вреда является акцент на возмещении фактически понесенных расходов, а также сужение критериев разумности и обоснованности до требования выбора самого дешевого из юридически доступных планов лечения и реабилитации².

В свете сказанного представляется примечательным опыт оценки возместимости медицинских расходов в Германии, где, как известно, приоритетом правовой системы также является возмещение фактических потерь, а прогнозируемые затраты подлежат учету только в случае, если субъект может с высокой степенью достоверности подтвердить намерение понести их в будущем (§§ 249, 251 ГГУ). Вместе с тем, разумность несения затрат на лечение с методологической точки зрения оценивается с помощью ответа на вопрос, выбрали бы «среднестатистический» человек коммерческое лечение с высокой степенью вероятности, руководствуясь необходимостью такового для выздоровления, частичного улучшения состояния здоровья или хотя бы облегчения вызванных травмой физических страданий³. Для сравнения, в Великобритании сама возможность избежания затрат благодаря обращению к государственной системе здравоохранения и социальной помощи не исключает их разумности⁴, которая, в свою очередь, не всегда тождественна безальтернативности обращения к платному лечению или помощи, но может

вред, расходы на лечение, погребение). – URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=575 (дата обращения: 14.01.2024).

¹ См.: п. 5-7 Порядка организации и деятельности федеральных учреждений медико-социальной экспертизы (утв. Приказом Минтруда России от 30 декабря 2020 г. № 979н).

² См.: Колесниченко О.В. Возмещение вреда здоровью: определение размера дополнительно понесенных расходов или оценка потребности? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 4. – С. 79 – 80.

³ См.: Fuchs M., Pauker W., Baumgärtner A. Delikts-und Schadensersatzrecht: textbook. – Springer-Verlag: Berlin, 2017. – P. 371 – 462.

⁴ См.: Harris v Brights Asphalt Contractors Ltd, 20 Jan 1953 [1953] 1 QB 617, QBd. – URL: https://www.iclr.co.uk/document/1950001596/casereport_34907/html (дата обращения: 14.01.2024).

связываться с наличием показаний для применения того или иного факультативного типа терапии (массаж, плавание и т.п.).

Наконец, подход, принятый в Италии, основывается на балансирующем понимании разумности на границе обязательного и рекомендованного (полезного) свойства возмездных услуг и видов помощи, что также предполагает обнаружение причинной связи между выбранным коммерческим лечением и эффективным восстановлением потерпевшего от травмы. Предупредить возникновение безразмерных по своему объему притязаний здесь призвано требование о принятии таким лицом разумных мер по уменьшению возникающих убытков (ст. 1227 ГК Италии), однако гражданское законодательство не устанавливает форм контроля за целевым расходованием сумм возмещения медицинских и реабилитационных затрат, назначенных на будущее время¹.

Следует полагать, что право на бесплатное получение медицинской помощи и ухода не является единственным доступным средством ограничения разумных пределов возмещения дополнительных расходов, в то время как учет именно потребности, а не фактических расходов позволяет избежать постановки потерпевшего в худшее положение по сравнению с субъектами, восстанавливающими поврежденное имущество. Любопытно, что нормы специального законодательства в России все же включают в себя ряд положений, указывающих на внедрение подходов, аналогичных приведенным выше, применительно к росту потребностей в области медицинского обслуживания. Речь идет о регулировании страховых отношений по обязательному социальному страхованию при возникновении тяжелых несчастных случаев на производстве (при ранениях, угрожающих жизни потерпевшего или иных повреждениях, тяжких по своим последствиям²), для которых оплата медицинских расходов производится не за счет средств ОМС, но напрямую Социальным фондом РФ.

¹ См.: *Rossetti M. Il danno alla salute.* – Padova: CEDAM, 2021. – P. 16 – 20, 1289.

² См.: п. 3 Схемы определения степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве: утв. Приказом Минздравсоцразвития РФ от 24 февраля 2005 г. № 160 «Об определении степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на

Следует полагать, что объяснение такому подходу обнаруживается в самой характеристике ситуации роста потребностей потерпевшего в области медицинского обслуживания, поскольку удовлетворение такой потребности предполагает не только наличие возможности получения качественных и отвечающих требованиям безопасности медицинских услуг, но и фактическую доступность их на момент обращения, своевременность оказания. Неслучайно, приведенное требование распространяется на все разновидности необходимой медицинской помощи (включая специализированную и высокотехнологичную) и все доступные формы оказания таковой потерпевшему (амбулаторно, в т.ч. с вызовом врача, в дневном и круглосуточном стационаре)¹. Это является гарантией принятия всех необходимых мер по стабилизации состояния его здоровья, купированию болевого синдрома, предупреждению стойких нарушений.

Еще одно любопытное разъяснение в области обязательного социального страхования касается категорий лекарственных препаратов и медицинских изделий, затраты на которые подлежат учету при определении объема обеспечения по данному виду страхования. Возмещение расходов, понесенных потерпевшим в связи с их самостоятельным приобретением, признается обоснованными вне зависимости от их отнесения к перечню препаратов и изделий, предоставляемых на льготных основаниях (в т.ч. бесплатно в период стационарного лечения), при условии использования таковых для медицинского применения и предоставления документов, подтверждающих фактическую оплату и назначение (рецептов или их копий, кассовых и товарных чеков)². Отмеченная особенность является показательной в связи с тем, что отвергаемые в общей

производстве» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 16. – 18 апр.

¹ См.: п. 2 Разъяснения о порядке оплаты дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (утв. Приказом труда и социальной защиты РФ от 20 августа 2018 г. № 529н). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311979/ (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: абз. 2 п. 4 Разъяснения.

судебной практике расходы на лечение чаще всего возникают в период стационарного лечения¹.

Как можно заметить, применение требования разумности к потребности, а не затратам изначально задает параметры взыскания, препятствующие возникновению на стороне потерпевшего сверхвозмещения в связи с сохранением правовой возможности для получения бесплатных медицинских услуг или иного необходимого ухода в системе национального здравоохранения. При потребностном подходе разумность взыскания компонента возмещения предопределяется, в первую очередь, разумностью выбора плана лечения или отдельных препаратов, изделий, видов услуг и т.п., оплата которых в заявленном размере оправдывает эффективное удовлетворение компонента роста потребности в области медицинского обслуживания. Параметрами оценки такой эффективности являются качество и безопасность производимых манипуляций и лекарственной терапии, своевременность их предоставления потерпевшему. Сбалансировать применение этого критерия призван критерий обоснованности, требующий подтверждения выбора плана лечения или его отдельных компонентов исходя из наличия медицинских показаний и экспертных свидетельств высокой вероятности достижения с их помощью положительного результата в форме выздоровления, частичного улучшения или стабилизации состояния здоровья потерпевшего, а равно сокращения времени, необходимого для достижения такого результата, купирования болевого синдрома.

Обозначенные критерии позволяют дать ответ на вопрос о возместимости некоторых спорных категорий расходов на лечение, включая, например, расходы на пребывание в стационарных палатах повышенной комфортности. В ситуации, когда получение и оплата такой услуги не обусловлены особенностями

¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 08 октября 2019 г. по делу № 33-43802/2019. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1210128#NYpXilTGMkoU7nc91> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 14 июня 2017 г. по делу № 33-2139/2017. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=218165#ktIXilTLvZNC0AhE> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

физического состояния потерпевшего, не связаны с обеспечением эффективности лечения и восстановления и производятся исключительно для создания преференциальных условий нахождения в медицинском учреждении, налицо несоблюдение критериев разумности и обоснованности.

Применение первого критерия к определению размера расходов на лечение, на наш взгляд, представляется особенно важным еще и потому, что позволяет распространить на возникающие правоотношения п. 1 ст. 404 ГК РФ в части обязательности принятия кредитором в обязательствах «разумных мер» для снижения размера образующихся потерь. Помимо данной нормы, в случае замены правилом о возмещении потребности, в которой проявляется вред здоровью, правила о возмещении фактических расходов доступным защитным инструментом для ответственного субъекта остается норма о злоупотреблении правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ). В качестве акта недобросовестного поведения участника правоотношений может рассматриваться обращение потерпевшего за оказанием медицинской помощи и лечения на возмездных началах, продиктованное исключительно стремлением увеличить размер взыскания.

Все вышесказанное не исключает потребности в корректной правовой регламентации учета возможностей и последствий применения социальной формы возмещения. Главная задача законодателя при этом должна заключаться в том, чтобы вывести спор о наличии и доступности реализации права на бесплатную медицинскую помощь за пределы обязательств из причинения вреда. Способом ее решения может являться, в частности, определение строгого перечня категорий услуг и видов помощи, лекарственных препаратов и изделий, стоимость которых не подлежит возмещению в деликтных обязательствах в связи с их предоставлением в системе национального здравоохранения и социального обеспечения, сопровождаемое регламентацией порядка привлечения к оплате таковых ответственного лица. Именно такой подход реализован в Великобритании, где специальным законом установлена обязанность соответствующего субъекта перечислить в Группу по взысканию пособий платеж, эквивалентный размеру совокупности социальных пособий и льгот, до

удовлетворения деликтного требования потерпевшего. Категории возмещаемых гарантий определяются в форме не подлежащего расширительному толкованию перечня (сюда входят, в т.ч., расходы на посторонний уход и вред, вызванный потерей мобильности)¹.

В качестве доступной и простой альтернативы может быть использован опыт Германии, где содержание правила «Vorteilsausgleichung» (распределение выгод – нем.) о предупреждении двойного возмещения ограничено правовой возможностью предъявления поставщиками различных форм медицинского обслуживания и социального обеспечения регрессных требований к делинквенту в случае фактического оказания ими необходимой помощи и лечения потерпевшему (п. 1 § 116 кн. X Социального кодекса)².

Техническим средством обеспечения соблюдения критерия обоснованности может стать переориентация деятельности врачебных комиссий медицинских организаций (ВК) с разрешения частных вопросов признания нуждаемости или отсутствия противопоказаний для отдельных видов лечения или реабилитации, предоставляемых бесплатно³, на подготовку комплексного плана лечения потерпевшего. В содержании такого плана должна быть отражена вся совокупность препаратов, изделий, видов лечения и медицинской реабилитации, необходимых или показанных для выздоровления, частичного улучшения или стабилизации состояния здоровья пациента, независимо от возможности их предоставления бесплатно или с привлечением дополнительных источников.

Предложенное понимание оценочных критериев для роста потребностей потерпевшего в области медицинского обслуживания в целом является актуальным и для потребности в реабилитации. Примечательно, что

¹ См.: Social Security (Recovery of benefits) act 1997. – URL: [https://www.tynwald.org.im/spfile?file=/links/tls/socsec/ss/SocialSecurity\(RecoveryofBenefits\)Act1997.pdf](https://www.tynwald.org.im/spfile?file=/links/tls/socsec/ss/SocialSecurity(RecoveryofBenefits)Act1997.pdf) (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Zehntes Buch Sozialgesetzbuch – Sozialverwaltungsverfahren und Sozialdatenschutz - (SGB X), § 116. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_10/_116.html (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: разд. II Приказа Минздравсоцразвития России от 05 мая 2012 г. № 502н «Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации» // Рос. газ. 2012. 22 июн.; 2013. 27 дек.

внимательное изучение категорий «реабилитационных» затрат, перечисленных в п. 1 ст. 1085 ГК РФ, и практики их возмещения свидетельствует, во-первых, о попытках использования теста потребности, а, во-вторых, о том, что трактовка требований разумности и обоснованности их несения объективно не всегда может быть произведена исходя из нормативных параметров нуждаемости и безальтернативной возмездности.

Так, например, расходы на дополнительное питание наделяются свойством возмещимости лишь при наличии особой потребности потерпевшего в соблюдении диеты, приобретении специализированных продуктов лечебного питания, позволяющих обеспечить восстановление нарушенных или утраченных функций организма, повысить его восприимчивость к проводимым реабилитационным мероприятиям. В иных случаях, когда процесс приема пищи, несмотря на травму, продолжает оставаться «обычным физиологическим процессом», направленным на поддержание нормальной жизнедеятельности, правовые основания для возмещения соответствующих расходов не возникают¹.

Однако, если в отношении данной категории затрат нуждаемость может быть признана на основе экспертных свидетельств в виду необходимости дополнительного питания для достижения благоприятного клинического исхода, аналогичный подход не может быть применен к расходам на санаторно-курортное лечение. Поскольку такое «лечение» в строгом смысле может быть лишь рекомендовано потерпевшему при отсутствии противопоказаний, документальное подтверждение такой рекомендации лечащим врачом или узким специалистом не является достаточным условием для его оценки с позиции нуждаемости².

¹ См.: Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09 августа 2022 г. по делу № 8Г-15297/2022[88-15391/2022]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=39tsHg&page=splus&ts=eQJlnlTL528ZjQw4> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 01 марта 2017 г. по делу № 33-723/2017. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1343:2> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 25 февраля 2016 г. по делу № 33-1129/2016. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1359:4> (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июля 2020 г. по делу № 8Г-5703/2020[88-10381/2020]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1363:7> (дата обращения: 14.01.2024).

Ситуация осложняется тем, что договор о санаторно-курортном лечении может иметь своим предметом не только совершение медицинских манипуляций, но и проведение профилактических мероприятий, организацию досуга и др.¹

Специалистами в области экспертной деятельности особо отмечается, что «показанность», во-первых, не идентична нуждаемости, поскольку предполагает не только обязательность, но и допустимость конкретных процедур и медицинских манипуляций исходя из предполагаемого положительного влияния на состояние здоровья пострадавшего, а, во-вторых, не может устанавливаться экспертными учреждениями из-за того, что последние не наделены правом проводить медицинское обследование потерпевшего перед направлением на санаторно-курортное лечение, не обладают всей полнотой информации о результатах предшествующего лечения, данных лабораторных и других необходимых исследований².

Не только обоснованность, но и разумность несения расходов на санаторно-курортное лечение в конкретном размере часто подвергается сомнению в судебной практике, поскольку действующее законодательство регулирует вопросы направления на санаторно-курортное лечение лишь в части реализации государственных гарантий. По этой причине не существует ориентиров для определения разумных затрат на такое лечение из средств самого потерпевшего³. В компетенцию лечащего врача или ВК входит исключительно определение показаний к данному виду реабилитации, установление периодичности и продолжительности санаторно-курортного лечения, профиля медицинского учреждения (например, неврологический, кардиологический и т.п.)⁴.

¹ См. подробнее: *Малеина М.Н.* Содержание договора о санаторно-курортном лечении // *Медицинское право.* – 2021. – № 2. – С. 14 – 20.

² См.: *Мисник Н.Н., Березовский Д.П., Бударина А.А., Кузнецова Е.В.* О разграничении компетенции установления нуждаемости в санаторно-курортном лечении как форме возмещения вреда здоровью // *Законодательство и экономика.* – 2008. – № 5. – С. 68.

³ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Нижегородского областного суда от 28 марта 2017 г. по делу № 33-3708/2017. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1375:10> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: разд. I Порядка медицинского отбора и направления больных на санаторно-курортное лечение (утв. Приказом Минздравсоцразвития России от 22 ноября 2004 г. № 256) // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти.* – 2004. – № 51.

«Нуждаемость» в санаторно-курортном лечении может быть признана при условии принятия потерпевшим разумных мер, необходимых для безвозмездного оказания данной услуги при содействии органов социальной защиты населения, и получения документально подтвержденного отказа в таковом¹. Однако этот подход не меняет его характеристики в качестве факультативного мероприятия.

Обозначенная проблема, думается, выходит далеко за пределы исследования отдельной разновидности затрат. Вопрос о возможности включения в объем возмещения вреда здоровью категорий расходов на проведение оздоровительных мероприятий, не связанных непосредственным образом с лечением, но направленных на улучшение функционального состояния поврежденных органов и систем, снижение степени выраженности воспалительных реакций, улучшение регенерации тканей и тому подобные фоновые «улучшения», в целом остается одним из наиболее дискуссионных в судебной практике. Так, к примеру, наличие показаний к ношению специальных амортизационных стелек при получении травмы голени может признаваться достаточным основанием для возмещения расходов на их приобретение в виду обусловленности характером повреждения².

С другой стороны, при тяжелых поражениях опорно-двигательного аппарата и нервной системы, приводящих к инвалидности, обоснованность несения затрат на некоторые категории расходных материалов, средств гигиены и профилактики пролежневых явлений устанавливается исключительно в связи с невозможностью получения тех из них, которые предусмотрены формируемым Правительством РФ перечнем технических средств реабилитации и услуг, представляемых потерпевшему бесплатно³. Между тем, помимо специального абсорбирующего белья, включенного в данный перечень, дополнительные

¹ См.: Кассационное определение Московского городского суда от 24 февраля 2012 г. № 33-5852/12. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1390:12> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Костромского областного суда от 12 августа 2015 г. по делу № 33-1383/2015. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1393:14> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2005 г. № 2347-р «О федеральном перечне реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду» // СЗ РФ. 2006. № 4. Ст. 453; 2023. № 4. Ст. 685.

потребности такого лица обеспечиваются повышенным потреблением обычных моющих средств и расходных материалов (бинты, стерильные салфетки, лейкопластыри, мази и т.п.)¹.

Следует заметить, что ориентация правового регулирования на приоритетную реализацию социально-обеспечительных механизмов для целей восстановления поврежденного здоровья препятствует обеспечению полноты возмещения в отношении всех реабилитационных расходов. В условиях существования строгого перечня протезов, ортезов и других средств реабилитации в форме электронного каталога бесплатное обеспечение ими некоторых категорий потерпевших (признанных инвалидами, а также пострадавших на производстве независимо от такого статуса) предполагает выбор изделия из данного каталога и последующую реализацию процедуры его изготовления организацией, определенной территориальным отделением социального фонда.

Самостоятельная покупка потерпевшим средства реабилитации, более эффективного в части своих конструктивных характеристик или обеспечиваемой им возможности коррекции нарушений жизнедеятельности, не считается поводом для признания дополнительных затрат понесенными в условиях нуждаемости в такой разновидности реабилитации и отсутствия права на ее бесплатное получение. С предложением позиции из перечня и последующим отказом пострадавшего от ее получения, как видно, связывается прекращение не только социальных обязательств, но и обязательств по возмещению вреда в части дополнительных расходов.

Возвращаясь к «показанным» пострадавшему мероприятиям, заметим, что одним из факторов, позволяющих отвергать таковые в судебной практике, является обусловленность проводимых вспомогательных мероприятий

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 25 апреля 2014 г. № 70-КГ14-1. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=39tsHg&base=ARB&n=392230#uqwqnlToFh9jaUeP1> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение СК по гражданским делам Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 марта 2016 г. по делу № 33-722/2016. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1446:16> (дата обращения: 14.01.2024).

комплексом факторов. К числу последних относятся не только характер и степень тяжести конкретного повреждения здоровья, но и общее состояние здоровья потерпевшего, особенности механизма течения болезни, вызванной травмой, наличие и степень выраженности сопутствующих заболеваний и патологий¹. Такой подход, вместе с тем, представляется недостаточно аргументированным, поскольку причинитель вреда несет ответственность в пределах объема возмещения вреда здоровью, причиненного конкретному субъекту, без исследования вопросов о том, мог ли «среднестатистический потерпевший» эффективнее реагировать на проводимое лечение, пройти его с меньшим количеством инвазивных процедур, быстрее вернуться к работе и т.п. Иными словами, риск индивидуальной реакции на травму или иное повреждение здоровья, в качестве общего правила, лежит на делинквенте. Нельзя не учитывать также, что, повышая качество и скорость восстановления функций организма после происшествия, потерпевший сокращает период нетрудоспособности. Это приводит к снижению соответствующего компонента возмещения, а, следовательно, и экономии на стороне ответственного лица.

Признаками реабилитационной направленности вещей, услуг, приспособлений, с учетом вышеприведенных аргументов, могут считаться, во-первых, наличие у них компонентов или свойств, облегчающих условия жизнедеятельности потерпевшего и (или) способствующих его выздоровлению, а, во-вторых, показанность их применения при выявленном типе повреждения или заболевания². В целом можно говорить о том, что в отношении потребности в реабилитационных мероприятиях на первый план при определении критериев разумности и обоснованности возмещения выходит адекватность предпринимаемых мер обеспечению сохранения достойного уровня жизни пострадавшего субъекта. «Достоинство» здесь не означает создания лучших из

¹ См.: Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01 декабря 2020 г. по делу № 8Г-17312/2020[88-16239/2020]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1455:20> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Воронежского областного суда от 15 декабря 2015 г. по делу № 33-6771/2015. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1461:23> (дата обращения: 14.01.2024).

возможных условий существования, равно как и выбора самого дешевого варианта, - речь идет лишь о наиболее разумном и экономически обоснованном способе приспособления к изменившимся условиям жизнедеятельности. Этот подход согласуется с представлением о том, что гарантированность некоего универсального содержания достойного уровня жизни для всех членов общества является отправным условием реализации гражданских прав и развития личностного потенциала¹. Между тем простое перечисление в гражданском законодательстве стандартных мероприятий в области помощи и ухода, как представляется, является негодным средством для его внедрения в практику.

Формирование строгого перечня расходов, учитываемых при определении объема возмещения вреда здоровью, имеет очевидный недостаток по сравнению с закреплением общих критериев возместимости компонента новых или возрастающих потребностей не только потому, что любой такой перечень не может претендовать на исчерпывающий характер. Перечни данного рода чаще всего вводятся для упорядочения предоставления мер государственной поддержки, подвержены быстрому моральному устареванию и являются в связи с этим ложным ориентиром для судебной практики, уводя ее от реализации принципа полноты компенсации. Содержание п. 1 ст. 1085 ГК РФ как нельзя показательнее в этом отношении.

Так, неоднократно упомянутая категория расходов на дополнительное питание первоначально была предусмотрена в 1961 г. Правилами возмещения вреда рабочим. В условиях продовольственного дефицита эта мера была продиктована потребностью в создании дополнительных гарантий доступности для пострадавших от несчастных случаев на производстве продуктов питания, необходимых для поддержания и укрепления организма после полученных ими травм и заболеваний. В настоящее время соответствующий вид обеспечения по обязательному социальному страхованию отменен, однако сохранение рудиментарной правовой категории в ст. 1085 ГК РФ заставляет суды

¹ См.: Михайлова И.А. Право на достойное существование в системе субъективных прав российских граждан // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 126.

придерживаться ее ограничительного толкования. В буквальном значении термин «дополнительное питание» не эквивалентен термину «лечебное питание», используемому законодательством об охране здоровья граждан¹, а потому учет разницы между стоимостью «лечебного» и «обычного» рациона остается недоступным потерпевшему.

Расходы на приспособление потерпевшего к ограничениям жизнедеятельности, выражающимся в снижении мобильности, в ст. 1085 ГК РФ ограничиваются стоимостью обеспечения специальным транспортным средством. При этом некоторая конкретизация таких затрат предложена по-прежнему исключительно для целей обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и не может быть распространена на иные категории потерпевших, а равно и дополнительное возмещение вреда пострадавшим на производстве ввиду несоблюдения необходимых для этого условий. К числу последних относятся указание на нуждаемость в конкретном транспортном средстве из перечня, устанавливаемого Правительством РФ, в ИПРА потерпевшего, наличие договора между страховщиком и поставщиком автомобиля или мотоколяски². В действующей классификации технических средств реабилитации инвалидов транспортные средства не упоминаются в принципе³. В судебной практике редкие примеры возникающих споров по поводу таких расходов связаны с частично исполненными требованиями прошлых лет⁴.

¹ См.: п. 3 Порядка обеспечения пациентов лечебным питанием (утв. Приказом Минздрава России от 23 сентября 2020 г. № 1008н) // официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.10.2020.

² См.: п. 36-40 Положения об оплате дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (утв. Постановлением Правительства РФ от 15 мая 2006 г. № 286) // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.07.2023.

³ См.: Приказ Минтруда России от 13 февраля 2018 г. № 86н «Об утверждении классификации (изделий) в рамках федерального перечня реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2005 г. № 2347-р» // официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.03.2018.

⁴ См.: Кассационное определение СК Пензенского областного суда от 20 декабря 2011 г. № 33-3251. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1642:0> (дата обращения: 14.01.2024).

Наконец, совершенно не востребованной в обязательствах из причинения вреда здоровью является категория расходов на профессиональное обучение (дополнительное профессиональное образование) потерпевшего. Представляется, что обусловлено это не только необходимостью отражения данного реабилитационного мероприятия в ИПРА, но и обязательностью исследования для этих целей показателя утраты способности к труду по той профессии (специальности), по которой фактически осуществлялась трудовая деятельность на момент несчастного случая на производстве. Для лиц, повреждение здоровья которых не было связано с исполнением трудовых обязанностей, определение нуждаемости в данной разновидности реабилитации, таким образом, остается недоступным из-за отсутствия организационно-правового механизма, обеспечивающего формирование обоснованного трудового прогноза и корректное определение категорий образовательных программ, с освоением которых может связываться ее проведение.

Сказанное служит еще одним подтверждением тому, что критерии нуждаемости и безальтернативной возмездности не являются адекватным средством определения возместимости реабилитационных расходов. Объективизация компонента новых потребностей, напротив, позволяет учитывать в объеме возмещения вреда большинство разновидностей затрат данного рода, обозначаемых современной судебной практикой, при условии их причинной обусловленности посягательством на здоровье потерпевшего, а также производить попытки их систематизации. Представляется, что дополнительные расходы по своей направленности и роли в преодолении физического вреда могут быть подразделены на вспомогательно-восстановительные и приспособительные (корректирующие).

Расходы первой категории возникают при проведении манипуляций, которые не имеют своей целью излечение потерпевшего, но направлены на профилактику ухудшений и (или) облегчение симптомов течения основного заболевания, стимулирование сопротивляемости органов и систем развивающимся в них патологическим процессам. Новая потребность здесь

состоит в стабилизации состояния здоровья после травмы и купировании сопровождающих ее симптомов, повышении восстановительного потенциала организма потерпевшего, при этом ее признание в качестве объекта возмещения и оценки предполагает значительное расширение круга затрат на проведение реабилитационных мероприятий (включая, например, массаж, физические упражнения, гомеопатические средства).

Приспособительные (корректирующие) расходы связаны с приобретением и использованием изделий и вспомогательных технических средств для корректировки объективных ограничений жизнедеятельности или приспособления к ним пострадавшего лица в случае стойких нарушений функций организма (связанных, в частности, с передвижением, ориентацией в пространстве, общением). Потребностный подход в данной части позволяет не ограничивать объем возмещения затратами на покупку и техническое обслуживание конкретных средств реабилитации (протезов, ортезов, инвалидных колясок и т.п.), но учитывать различные разумные варианты приспособления самого потерпевшего, а равно среды его проживания (дома, квартиры) и средств передвижения к таким изменившимся условиям. Так, например, в возмещение потребности может включаться разница в стоимости адаптированного и неадаптированного жилья, затраты на переоборудование уже имеющегося у потерпевшего средства передвижения без привязки к категориям транспортных средств и оборудования, предназначенных для предоставления инвалидам в рамках схем социального обеспечения.

Особенностью предлагаемого подхода является не только систематизация затрат, но и качественное изменение методологии оценки причиненного вреда. Поскольку фактически понесенные затраты являются наиболее удобным средством определения экономического эквивалента новой потребности, изменение объекта оценки становится заметным лишь при определении сумм взыскания на будущее время.

Как уже отмечалось ранее, при наличии в ГК РФ специальной нормы, позволяющей взыскивать дополнительные расходы на будущее (п. 2 ст. 1092 ГК

РФ), заложенный в ней механизм отличается от механизма прогнозирования возмещения длящейся потребности. Действующее гражданское законодательство требует от потерпевшего подтвердить с высокой степенью вероятности предстоящие расходы на проведение конкретных реабилитационных мероприятий в заявленной сумме, что обычно связывается с предоставлением договоров на оказание платных медицинских услуг, доказательств их частичной оплаты, иных приготовлений. Признание правового значения потребности в преодолении ограничений жизнедеятельности, напротив, предполагает, что невозможность подтвердить конкретную сумму будущих расходов не является препятствием для взыскания при условии, что судом может быть очерчен объем и предполагаемый размер возникающей потребности.

Содержание этих различий особенно рельефно иллюстрирует опыт Великобритании. Здесь предполагаемые расходы на лечение и реабилитацию принимаются в качестве компонента общего ущерба и исследуются с помощью статистических закономерностей, что с инструментальной точки зрения обеспечивается применением ранее упомянутых Таблиц Огдена. В случае приобретения конкретного оборудования стоимость его технического обслуживания и замены преобразуется в годовой показатель, к которому применяется мультипликатор предполагаемой продолжительности жизни потерпевшего. Представленный подход не исключает конкретизации отдельных аспектов будущих потребностей потерпевшего на основе медицинских заключений, а также используемых в страховой практике методик оценки ущерба¹. Принципиально иным остается базовый принцип, содержание которого сводится к тому, что вероятностный характер будущих затрат не является препятствием для их возмещения, и именно потерпевшему предоставлен выбор метода и степени их конкретизации².

¹ См.: *Damages and Compensation Culture: Comparative Perspectives* / ed. by E. Quill, R.J. Friel. – Oxford: Hart Publishing, 2016. – P. 37 – 59.

² См.: *Husaini M. F., Salleh K. An Analysis of Inconsistent Methodology to Compute Permanent Future Nursing Care Costs in Personal Injury Claim // Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities. – 2021. – Vol. 29. – P. 4 – 6.*

Как видно, конкретизация критерия разумности в отношении исследуемой потребности предполагает его оценку с позиции разумности выбора такого способа организации и проведения реабилитационных мероприятий, которым обеспечивалось бы наиболее эффективное приспособление потерпевшего к изменившимся условиям жизнедеятельности, коррекция функциональных нарушений, поддержание и стимулирование развития восстановительных возможностей организма. Помимо параметров оценки такой эффективности, обозначенных применительно к потребности в медицинском обслуживании, следует обращать особое внимание на адекватность таковых обеспечению достойного уровня жизни потерпевшего. Последняя, будучи сложной оценочной категорией, подлежит установлению через сравнение доступных средств и мероприятий по таким критериям, как максимально возможная степень коррекции ограничений жизнедеятельности или приспособления к ним потерпевшего, продолжительность, наличие дополнительных возможностей для сокращения периода и (или) повышения вероятности восстановления функций органов и систем, возвращения к активной социальной жизни. Критерий обоснованности предполагает в данном случае определение исчерпывающего круга потребностей лица в мероприятиях восстановительной и приспособительной направленности.

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что действующее гражданское законодательство, ожидаемо следуя в русле «убыточного» подхода, устанавливает в качестве обязательного условия возмещения дополнительно понесенных расходов на мероприятия медицинской, социальной и профессиональной реабилитации потерпевшего их двойную безальтернативность, определяемую отсутствием правовых возможностей для получения необходимых видов помощи и ухода в пределах реализуемых государственных гарантий, а также обязательностью их назначения исходя из содержания медицинского стандарта или согласно экспертному заключению. Обосновываемый потребностный подход предполагает изменение объекта оценки с конкретных затрат (настоящих или будущих) на компонент роста или возникновения

потребности в медицинской обслуживании, проведении мероприятий восстановительной и приспособительной направленности. В отношении каждого из этих компонентов доступным является толкование и применение требований разумности и обоснованности взыскания.

§ 4. Оценка и возмещение физического вреда состояния

Обращаясь после исследования динамико-реляционных составляющих к статистической компоненте юридически значимого физического вреда, следует попытаться выстроить параметры ее оценки таким образом, чтобы сохранить без значительных модификаций институт компенсации морального вреда. С учетом использования в ст. 151 ГК РФ отдельного термина «физические страдания» допустимо предположить, что в науке уже выработаны соизмеримые с характером таких страданий критерии расчета компенсации, и требуется произвести лишь их условное изъятие, доктринальное и нормативное приспособление для использования применительно к комплексной конструкции физического вреда. На поверку, однако, исследование предлагаемых в теории подходов к оценке неимущественного (морального) вреда иллюстрирует значительный объем противоречий, простирающихся от простого игнорирования его двухчастной структуры до предметного обоснования различий в функциональном назначении образующих эту структуру компонентов.

Широту воззрений по данному вопросу иллюстрирует позиция, согласно которой под моральным вредом следует понимать некое общее дискомфортное состояние потерпевшего, исследуемое через внешние признаки неблагоприятного воздействия на психическую сферу последнего, которые могут выражаться в неспособности вести прежнюю социальную и личную жизнь, формировании недоброжелательного отношения к себе или обществу на фоне состояния

инвалидности и т.п.¹ В отношении физической боли и объективных неудобств, вызванных повреждением здоровья, предпринимаются попытки обосновать самостоятельное значение этого параметра для случаев повреждения здоровья тем, что дестабилизация эмоционального фона базируется здесь на начальном нарушении физического благополучия как проявления комфортного, безболевого физического существования. Физические страдания, таким образом, представляются результатом нарушения сразу двух видов благополучия - физического и психологического².

Впрочем, такие рассуждения, скорее, уводят от понимания механизма возникновения морального вреда, признания того обстоятельства, что в центре данной правовой конструкции пребывает категория опосредованных эмоциональных переживаний (индивидуальных нравственных страданий³) и вызванных ими неблагоприятных последствий. Акцент на комплексности проявлений повреждения нематериальных благ⁴ является единственным логичным оправданием для включения физической составляющей в область оцениваемых эмоциональных реакций. В то же время, нельзя признать корректным использование для этих целей категории «физические переживания»⁵. Не существует прочных оснований и для того, чтобы придавать различное значение физическому вреду, выступающему в качестве объективной первопричины эмоциональной рефлексии от нарушения личных прав, – будь то вред материальный, оцениваемый в порядке применения § 2 гл. 59 ГК РФ, или же выраженный в неблагоприятных ощущениях.

¹ См.: Полянская В.А. Психологический компонент морального вреда как предмет судебно-психологической экспертизы // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 1. – С. 61 – 62.

² См.: Трофимова Г.А. Моральный вред: сущность, основания возникновения и объем // Законодательство и экономика. – 2016. – № 7. – С. 23.

³ См.: Дегтярев С.Л. Гражданско-правовая ответственность и способ защиты личных неимущественных прав в виде компенсации морального вреда // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 4(40). – С. 42.

⁴ См.: Малеева М.Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. – 1995. – № 10. – С. 103.

⁵ См.: Маслов Н.А. Анализ понятия «моральный вред» и проблем, возникающих из неопределенности данной категории // Гражданин и право. – 2019. – № 5. – С. 91.

Отход от двухчастной структуры морального вреда подтверждает распространенность представления о тождественности последнего психическому вреду, исследуемому исключительно в части негативных психических реакций потерпевшего на основе гипотезы о том, что при определении значения термина «страдания» ключевую смысловую нагрузку несет именно наличие таких реакций¹. Одна из вариаций этого подхода предполагает, что только глубинные изменения на психическом уровне, проявляющиеся в виде диагностированных психических расстройств (посттравматическое стрессовое расстройство, расстройство приспособительных реакций и др.), могут быть оценены как нравственные страдания на фоне ощущения социальной и физической неполноценности².

Главным возражением на такую аргументацию является указание на то, что предоставление такого средства защиты нарушенного права, как компенсация морального вреда, допускается исключительно в специально оговоренных законом случаях, подтверждая тем самым, что даже «нормальные» психические реакции принимаются во внимание законодателем и заслуживают назначения компенсации с учетом особой значимости повреждаемого блага или права. С другой стороны, признание патологических психических реакций физическим вредом по признаку нарушений определенных функций организма вновь указывает на опосредованность физического компонента.

Любопытно, что, несмотря на наличие теоретических подходов, обосновывающих опосредованную роль физических страданий в составе морального вреда³, при предложении методик стандартизации расчета компенсации последнего приводятся более традиционные, вытекающие из буквального толкования положений ст. 151 ГК РФ, доктринальные оговорки, что

¹ См.: *Ефремов А.В.* Компенсация морального вреда за гибель (смерть) военнослужащих по правилам гражданского законодательства // *Гражданин и право*. – 2020. – № 5. – С. 77.

² См., напр.: *Гарипова И.И.* Компенсация морального вреда при осуществлении медицинской деятельности // *Право и экономика*. – 2017. – № 9. – С. 42; *Табунициков А.Т.* Компенсация морального вреда в России и за рубежом: многоаспектность проблемы // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. – 2009. – № 7 (57). – С. 147.

³ См.: *Власов А.А.* Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – С. 115.

еще больше усиливает отмеченные противоречия. Так, например, Г.А. Трофимова, указывая, что глубину физических страданий допустимо измерять с помощью разработанных в медицинской науке шкал оценки боли, предлагает, вместе с тем, рассчитывать компенсацию морального вреда для случаев повреждения здоровья как произведение базового норматива, соответствующего величине минимального размера оплаты труда, на коэффициент глубины душевных страданий¹.

Большинство предложенных к настоящему моменту методик оценки морального вреда используют категорию базисного уровня субъективных страданий и представляют собой, в сущности, различные вариации подхода, предложенного на момент закрепления соответствующей категории в российском гражданском праве А.М. Эрделевским². Основу данного подхода, напомним, составляет презюмирование определенной интенсивности претерпеваемых пострадавшим эмоциональных переживаний в зависимости от степени общественной опасности правонарушения. Основные различия заключаются в особенностях применимой расчетной формулы, в содержании которой в качестве базисной компенсации морального вреда может приниматься прожиточный минимум или иной показатель, характеризующий уровень достатка потерпевшего³, абстрактная величина, устанавливаемая консенсусным путем, в т.ч. на примере тяжкого вреда здоровью, тетраплегии и т.п.⁴

¹ См.: Трофимова Г.А. Указ. соч. – С. 29.

² См.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: Изд. дом «Форум»: ИНФРА-М, 1997. – С. 133 – 140.

³ См.: Гусева И.И., Зубков В.Н. Новые подходы к методике определения размера компенсации морального вреда в связи с причинением вреда здоровью и жизни граждан // Российская юстиция. – 2019. – № 1. – С. 64; Фаст И.А. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги 25 лет существования института в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 5 (36). – С. 75.

⁴ См.: Самсонов Р.А. Апробация метода капитализации доходного подхода к оценке стоимости компенсации вменяемого морального вреда // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 59; Пустовалова И.Н., Валеева И.А. Современные подходы к методике определения размера компенсации морального вреда // Электронный научный журнал «Век качества». – 2021. – № 3. – С. 199.

Размер выплаты чаще всего рассчитывается как произведение базовой величины на сумму корректирующих коэффициентов, обозначающих каждое юридически значимое обстоятельство с той или иной степенью его детализации (форма и степень вины делинквента, сопутствующая вина потерпевшего, индивидуальные обстоятельства на стороне каждого из этих субъектов, иные заслуживающие внимания факторы)¹. Популярной альтернативой является установление на основе базового показателя диапазонов выплат для конкретных нарушений прав с сохранением всей полноты судебского усмотрения в части выбора и обоснования конкретной суммы². Впрочем, этот вариант отличается лишь отсутствием расчетной формулы – вместо упомянутых коэффициентов здесь предусматривается описательная характеристика каждого из вышеперечисленных параметров.

Разумеется, компенсация морального вреда не может быть разделена на две отдельные суммы, одна из которых обеспечивает справедливую, хоть и условную, оценку претерпеваемых потерпевшим субъективных страданий (элемент справедливой компенсации), а другая – пропорциональную оценку формы и степени вины делинквента, частных особенностей противоправного поведения (элемент удовлетворения), что также влияет на содержание обосновываемых методик. Нельзя не согласиться с позицией Д.Е. Богданова о том, что меры гражданско-правовой ответственности надлежит устанавливать исходя из проявлений не только корректирующей, но также дистрибутивной и ретрибутивной справедливости³.

В то же время, учет этих параметров, на наш взгляд, изначально должен базироваться на достоверном и исчерпывающем определении характера и степени

¹ См.: *Козырева Е.В., Новикова Н.В.* К вопросу о системе критериев для определения размера компенсации морального вреда // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4 (68). – С. 31; *Трифонова Е.В., Шумских Ю.Л.* Компенсация морального вреда в современном гражданском праве // Право в современном мире: сборник статей. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 303.

² См.: *Кумаллагов З.У.* Проблемы правового регулирования компенсации морального вреда // Гражданин и право. – 2019. – № 5. – С. 95.

³ См.: *Богданов Д.Е.* Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. – № 7. – С. 56.

тяжести наступающих неблагоприятных последствий, и лишь затем допускать корректировку полученной суммы в целях предупреждения неприемлемой диспропорции по отношению к степени общественной опасности деяния, моральным характеристикам правонарушителя и т.п. Очевидным препятствием для развития такого подхода является характерное для отечественной цивилистики методологическое заблуждение, состоящее в соотнесении всех без исключения неимущественных проявлений повреждения здоровья с выражением физических страданий и нравственных переживаний, попытке экстраполировать используемые в ряде зарубежных государств успешные методики применительно к такому достаточно узкому доктринальному и нормативному определению¹.

Между тем, в странах общего права, из доктрины и практики которых нередко черпается материал для сравнительных исследований, компонент «боли и страданий» («pain and suffering» - англ.) не является не только единственным, но даже универсальным параметром оценки неэкономических потерь, компенсируемых в составе общего ущерба. Базируясь на опыте таких задающих тон в данной области государств, как Австралия, Великобритания, Канада, США, можно говорить о существовании 10 основных проявлений такого вреда, из которых только 4 анализируются применительно к телесным повреждениям: помимо боли и страданий, речь идет о потере способности радоваться жизни, сокращении ее продолжительности, а также чисто психическом вреде, находящем свое выражение в опосредованных нарушениях психической функции. Иные неблагоприятные последствия в форме физического дискомфорта и неудобств, эмоциональных переживаний, чувства разочарования от неоправдавшихся ожиданий и прочих сугубо нравственных страданий исследуются применительно

¹ См., напр.: Бudyлин С.Л. Боль и страдания в странах общего права. Прейскурант или судебная дискреция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 3. – С. 78; Тарасевич К.А. О некоторых вопросах определения размера компенсации морального вреда // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 4 (46). – С. 162 и др. Этому же подходу следует и ранее упомянутая методика определения размера компенсации морального вреда, предложенная в 2020 г. Ассоциацией юристов России.

к умышленным правонарушениям различного рода (посягательства на свободу и собственность, некоторые разновидности договорных нарушений и др.)¹.

Введению расчетных нормативов обычно предпочитается мягкое регулирование, реализуемое посредством следования судебной практики требованиям об обязательности отсылок к суммам взыскания по аналогичным делам², ограничения предельных сумм общего ущерба или отдельных его составляющих³. В данной части важно заметить, что некоторые из вышеупомянутых разновидностей неэкономического вреда могут иметь подчиненное или второстепенное значение в отдельных правопорядках. Так, например, в США параметр сокращения продолжительности жизни учитывается в составе боли и страданий⁴, а в Великобритании не используются в принципе – в связи с тем, что утрата дохода рассчитывается исходя из прогнозируемой продолжительности оплачиваемой деятельности пострадавшего без учета травмы⁵.

В то же время, общим правилом является самостоятельное исследование психических последствий системного характера и физических страданий, не обусловленных телесными повреждениями, а также не менее существенная, фактически, равноправная по сравнению с составляющей боли и страданий роль компонента потери удобств, или потери способности получать удовольствие от жизни («loss of amenities», «loss of enjoyment of life» – англ.). Такая потеря

¹ См.: *Berryman J.* Non-Pecuniary Damages – In Search of a Purpose (2021) // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4023466 (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Judicial College Guidelines for the Assessment of General Damages in Personal Injury Cases* (2022) (United Kingdom). – URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Browse/Home/Books/Judicial?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Browse/Home/Books/Judicial?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)) (дата обращения: 14.01.2024); *A guide to different procedural rules, limitation periods, assessment of damages and recent cases for personal injury claims in each Australian state* (2022), pp. 16, 25 – 26, 29. – URL: <https://www.wottonkearney.com.au/state-of-the-nation/> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Kratz R.* The Question of the Constitutionality of Non-Economic Damage Caps in Personal Injury Cases in Canada // *The University of Miami Inter-American Law Review.* – 2019. – Vol. 50 (1). – P. 210; *Rabin R.L.* Non-Pecuniary Damages in American Tort and Contract Law // *The Chinese Journal of Comparative Law.* – 2015. – Vol. 3 (2). – P. 226 – 232.

⁴ См.: *Comparative Tort Law* / ed. by M. Bossani, A.J. Sebok. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. – P. 305 – 335.

⁵ См.: *Douglas S., Laing G., Watt G.* Work Life Expectancy and Loss of Future Earnings: A Review // *The Journal of New Business Ideas & Trends.* – 2019. – Vol. 17 (2). – P. 1 – 10.

традиционно связывается либо с определенными разновидностями анатомо-функциональных нарушений, формирующих критические ограничения физического состояния и (или) болевые ощущения для любого «среднестатистического» человека (как, к примеру, утрата сексуальной функции, полная неспособность контролировать физиологические выделения), либо с эмоциональной реакцией на утрату личных связей и возможностей, представляющих для конкретного потерпевшего исключительную ценность (утрата или снижение шанса на вступление в брак, утрата возможности проведения активного досуга с детьми и т.п.)¹. Объективные факторы, впрочем, всегда оказывают прямое влияние на правомерность заявляемых притязаний – например, утрата брачных отношений бесспорно заслуживает учета лишь в случае диагностированных повреждений репродуктивных органов, параличе².

Примечательно, что, при принципиальном различии правовых систем в совокупности с исчерпывающим нормативным определением оснований возникновения права на компенсацию морального вреда (§ 253 BGB)³, похожую ситуацию можно наблюдать в Германии. В сравнительно-правовых исследованиях неслучайно обращается внимание на опасность перевода термина «Schmerzensgeld» («денежное возмещение за моральный ущерб» – нем.), как равнозначного «боли и страданиям», поскольку на определение размера компенсации оказывают влияние также параметры утраты удобств, сокращения продолжительности жизни, наличия увечий как особых разновидностей стойких повреждений⁴. Общий алгоритм оценки, однако, все же существует и предусматривает в качестве отправной точки установление характера и степени вреда, причиненного здоровью. В дальнейшем производится учет «конкретных

¹ См.: Personal Injury and Damage Ascertainment under Civil Law / ed. by S.D. Ferrara, R. Doscolo-Berto, G. Viel. – Cham: Springer, 2016. – P. 165-173, 271-301; *Goudkamp T. Damages for pain and suffering in the UK and Europe // Precedent. – 2021. – Vol. 163. – P. 34.*

² См.: *Barrett J. Damages: For loss of consortium and servitium // Precedent. – 2019. – Vol. 151. – P. 36.*

³ См.: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 253 Immaterieller Schaden. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_253.html (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: *Askeland B., Cardi W., Green M.D. Decree. Op. – P. 4; Bisneto D.C. A reparação adequada de danos extrapatrimoniais individuais: alcance e limites das formas não pecuniárias de reparação. – Salvador: Universidade Federal da Bahia, 2018. – P. 29.*

обстоятельств дела» – наличия и продолжительности периодов нетрудоспособности, факторов влияния на способность принимать участие в общественной жизни¹.

Как и в случае со странами общего права, страдания, вызванные конкретными разновидностями утрат, исследуются применительно к потере брачного союза, вынужденной смене рода деятельности, запрету на занятие хобби или обычно практикуемым досугом. Категоризация «увечий», вместе с тем, даже более развита – повышенные суммы «шмерценгельда» предусматриваются не только при утрате половой функции, повреждениях эстетического свойства, тетраплегии и иных критических нарушениях, но и при повышенных рисках развития сопутствующих неблагоприятных последствий для здоровья, признаках глубоких личностных изменений, наблюдаемых на фоне неврологических нарушений².

Как можно заметить, объективному учету, свободному от характеристик противоправного поведения, личности делинквента и даже индивидуальных особенностей (свойств личности) потерпевшего, в той или иной форме подлежат потери анатомо-функционального свойства, т.е., собственно, первичные неблагоприятные последствия противоправного деяния в физической сфере потерпевшего. Поправка на возраст последнего здесь необязательна, а если и осуществляется, то не в связи с акцентом на его индивидуальную эмоциональную восприимчивость, а в целях полноты определения характера и степени тяжести наступивших последствий. Обращение к тарифным и иным строгим методикам оценки морального вреда при повреждении здоровья лишь подчеркивает наблюдаемые тенденции, и это неслучайно, поскольку форвардом в данной области являются государства, рассматривающие анатомо-функциональный компонент в качестве самостоятельной составляющей личного (биологического, телесного) повреждения.

¹ См.: *Magnus U. Damages for Non-Pecuniary Loss in German Contract and Tort Law // The Chinese Journal of Comparative Law. – 2015. – Vol. 3. – №. 2. – P. 289 – 295.*

² См.: *Fuchs M., Pauker W., Baumgärtner A. Decree. Op. – P. 253 – 260.*

Так, в частности, в уже упоминавшихся нами испанских расчетных таблицах показатель «основного личного вреда» рассчитывается вне всякой связи с субъективными страданиями, исходя из балльного эквивалента, устанавливаемого для всех категорий травм и дифференцируемого в зависимости от возраста жертвы. Более того, компенсация морального вреда в составе «конкретных личных потерь», несмотря на развернутый перечень случаев ее назначения (при значительном психофизическом ущербе, обезображивании, потере качества жизни), не препятствует объективному учету отдельных категорий анатомо-функциональных нарушений (прерывание беременности, иные исключительные последствия). В равной степени, использование в Миланских таблицах (Италия) комплексного подхода к оценке биологических повреждений и вызванного ими морального вреда сохраняет возможность для увеличения итоговой суммы выплаты по признаку наличия психофизического страдания особой интенсивности, обособленного учета фигур экзистенциального и гедонистического ущерба¹.

Увеличение суммы взыскания представляется обоснованным для некоторых исключительно дискомфортных физических состояний, характерной особенностью которых является такое нарушение одной или нескольких функций организма, которое не предполагает корректного приспособления к нему из-за критического либо, напротив, отсутствующего влияния на факторы повседневной жизнедеятельности (как, например, утрата репродуктивной функции не влияет на способность к труду). Параметры их оценки также сугубо объективны – такие повреждения учитываются отдельно от неэкономического вреда в виде временных и постоянных функциональных нарушений, с опорой исключительно на степень выраженности их внешних проявлений (оценивается по отдельной шкале от 1 до 7). Не принимаются во внимание никакие индивидуализирующие факторы (возраст, пол, род деятельности потерпевшего), которые могли бы считаться значимыми для субъективных страданий.

¹ См.: Tudurut L. Non-Pecuniary Compensatory Damages. Comparative Law Aspects – Specific References to France and Italy // Bulletin of the Transilvania University of Braşov Series VII: Social Sciences. Law. – 2021. – Vol. 14 (63). – P. 142 – 143.

Определенная сложность видится в отграничении объективного физического вреда, находящего свое выражение в утрате способностей и росте потребностей, проявлениях дискомфортного состояния, от компонента эмоциональных переживаний, проистекающих от отсутствия чувства удовлетворенности от участия в повседневной жизнедеятельности, реализации привычных для потерпевшего форм активности и социальных связей. Решению этой проблемы способствует исследование опыта государств, синтезирующих тарифные и описательные подходы к определению размера возмещения вреда здоровью, среди которых особенно любопытным примером является Албания.

Динамический и межличностный аспекты биологического повреждения оцениваются здесь исходя из табличных критериев, содержащих в себе степень утраты трудоспособности, возраст пострадавшего, базовую единицу оценки ущерба и коэффициент поправки продолжительности жизни, что позволяет назначать сопоставимые выплаты за один и тот же тип повреждений. Величины морального и экзистенциального вреда опираются на этот показатель, однако корректируются индивидуально (в пределах до 2 и 2 ½ полученного значения) и с учетом четких различий в их понимании. Так, моральным вредом признается дестабилизация эмоционального состояния самой жертвы или членов ее семьи на фоне претерпеваемых боли и душевных страданий, экзистенциальным – неблагоприятные последствия, наносимые повреждением здоровья возможностям самовыражения соответствующего субъекта как личности, состоящие в прерывании личных, семейных и социальных связей¹. Минусом рассматриваемого регулирования является внутреннее противоречие, заложенное в самом понятии и методике расчета компенсации биологического повреждения – в то время как особый акцент в легальном определении делается на его независимости от способности к трудовой или иной оплачиваемой деятельности, определение размера выплат опирается на показатель утраченной трудоспособности. Кроме

¹ См.: Rregullore për trajtimin e dëmeve që mbuloohen nga kontrata e sigurimit të detyrueshëm në sektorin e transportit nr. 53, datë 25.06.2009, neni 29-30. – URL: <https://www.insurers-al.org/wp-content/uploads/2020/10/Rregullore-nr-53-AMF.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

того, показатель биологического повреждения предполагает рассмотрение межличностного аспекта потери, что конкурирует с категорией экзистенциального ущерба¹.

Приведенный пример подчеркивает практическую доступность и обоснованность многоуровневых систем оценки проявлений повреждения здоровья и их последствий. Тем временем, в современных гуманитарных исследованиях широко применяется специальная категория, позволяющий охарактеризовать уровень психофизического развития личности на конкретном этапе ее существования и способная решить проблему терминологической определенности при использовании таких систем – речь идет о качестве жизни. Воспринимаемая в значении интегрального показателя, она имеет в своей основе объективный показатель здоровья, в то же время, в области здравоохранения ее употребление тесно связывается с субъективным восприятием состояния благополучия на разных уровнях психофизического функционирования субъекта.

Основные акценты в сфере, критически приближенной к аспектам восстановления правового положения в материально-правовом значении, смещаются на определение степени удовлетворенности пациента качеством оказываемых медицинских услуг в контексте контроля за симптомами заболевания, эффективности адаптации к изменившимся условиям существования (качество жизни, связанное со здоровьем)². Впрочем, несмотря на то что предлагаемые определения указывают на необходимость применения оценочных параметров, позволяющих определить степень гармонии человека с самим собой

¹ См.: *Sherifi V.* Compensation of existential and biological damage in the Albanian legal system. – URL: https://www.academia.edu/12882534/COMPENSATION_OF_EXISTENTIAL_AND_BIOLOGICAL_DAMAGE_IN_THE_ALBANIAN_LEGAL_SYSTEM (дата обращения: 14.01.2024); *Bylykbashi J., Dervishi E.* Biological Damage, as a Special Figure of Non-pecuniary Damage and Problems Encountered in Albanian Jurisprudence // *Journal of International Cooperation and Development.* – 2019. – Vol. 2 (2). – P. 96.

² См.: *Еремян З.А., Щелкова О.Ю.* История становления и развития концепции качества жизни в медицине // *Психология. Психофизиология.* – 2022. – Т. 15. – №. 1. – С. 44 – 45; *Евсина О.В.* Качество жизни в медицине – важный показатель состояния здоровья пациента (обзор литературы) // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.* – 2013. – № 1 (1). – С. 119.

и окружающим миром (так называемый «субъективный показатель объективности»)¹, применяемые здесь методики представляют несомненный интерес в рамках настоящего исследования.

В частности, универсальная методика оценки качества жизни, подготовленная Всемирной организацией здравоохранения², четко различает в содержании этого понятия аспекты сохранения функциональных способностей индивида, связанных с его участием в обычной бытовой и социальной жизнедеятельности, необходимости преодоления симптомов заболевания, а также выражения взглядов и суждений, характеризующих субъективное восприятие индивидом своего состояния. При этом функциональные способности не ограничиваются возможностью осуществлять повседневную бытовую деятельность и выполнять традиционные социальные функции (такие, как участие в трудовой деятельности и уход за нетрудоспособными членами семьи). В данной части обособленному учету подлежат и некоторые общие параметры физического благополучия: степень влияния заболевания на проявления силы, энергии, усталости; болевые и иные дискомфортные ощущения, в т.ч. не связанные со снижением повседневной активности и работоспособности; наличие отклонений от нормального режима сна и иного отдыха.

Эмоциональная реакция исследуется в части состояния самооценки, выражения конкретных негативных эмоций, влияния на уровень когнитивных функций, а также в аспекте изменений в зоне личных взаимоотношений, снижения «общественной ценности» личности больного в результате вынужденного отказа от определенных форм активности. При определении указанных параметров в числовом выражении ключевое значение, однако, имеют физическое состояние, оцениваемое с медицинской точки зрения (степень выраженности симптомов), необходимость соблюдения постельного режима и

¹ См.: Гурьева М.Э., Журавлева М.В., Алеева Г.Н. Критерии качества жизни в медицине и кардиологии // Русский медицинский журнал. – 2006. – Т.14. – № 10. – С. 762.

² См.: WHO Quality of Life Assessment Group (1996). – URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/54358> (дата обращения: 14.01.2024).

иных ограничений, предписанных лечащим врачом, допустимая степень активности¹.

Частные методики конкретизируют и развивают предложенные ВОЗ параметры. Так, к примеру, популярный опросник MOS-SF-36 (Short Form, SF-36)², рассматривает отдельно функциональные ограничения в области физической, социальной и обычной ролевой активности. Эмоциональные проблемы здесь также исследуются в части, касающейся невозможности ведения прежней повседневной жизнедеятельности на фоне психических реакций, вызванных первичным заболеванием. Общей особенностью, вместе с тем, служит указание во всех применяемых методиках на недопустимость ограничиваться оценочными критериями, позволяющими определить степень удовлетворенности пациента своим состоянием и проводимым лечением, его субъективные представления о личном благополучии³. В совокупности с ними рассмотрению должны подлежать также параметры социального благополучия, оцениваемые через социально-значимые способности и межличностные связи, а также базовые жизненные условия («стандарт жизни»)⁴. Обособленное рассмотрение неблагоприятных изменений общих параметров физического состояния по отношению к компонентам утрат социально-значимых способностей и роста потребностей, таким образом, предопределяется их ролью в качестве

¹ Например, показатель 3 соответствует тяжелому состоянию, при котором пациент более 50 % времени проводит в постели, нетрудоспособен; 4 – очень тяжелому состоянию и 100 % времени в постели и т.п.

² См.: *Ware J., Gandek B.* Overview of the SF-36 Health Survey and the International Quality of Life Assessment (IQOLA) Project // *Journal of clinical epidemiology.* – 1998. – Vol. 51. – P. 903 – 912.

³ См.: *Александрова Е.А., Хабибуллина А.Р.* Методология оценки качества жизни, связанного со здоровьем с использованием опросника EQ-5D-3L // *Российский медицинский журнал.* – 2019. – Т. 25. – №. 4. – С. 202.

⁴ См.: *Потёмкина Т.Е., Кузнецова С.В., Перешейн А.В., Самойлова О.Ю., Янушанец О.И.* Качество жизни в здравоохранении: критерии, цели, перспективы // *Российский остеопатический журнал.* – 2018. – № 3-4. – С. 101.

материальной основы жизнедеятельности, позиционируемой в рамках объективного, ресурсно-ориентированного подхода к категории качества жизни¹.

Как справедливо отмечается и отечественными, и зарубежными авторами, базовый (при тарифном подходе) или максимальный (при описательном подходе) уровень компенсации неэкономического вреда в любом случае определяется такими факторами, как степень развитости экономики, общий уровень благосостояния общества, уровень правовой культуры, устоявшиеся представления о справедливом размере удовлетворения². В настоящее время ориентиром в данной области может служить максимальная компенсация морального вреда при повреждении здоровья, равная 4,5 млн. руб., обоснованная рабочей группой АЮР на примере тетраплегии как наиболее тяжелого комплексного нарушения функций организма. Для оценки физического вреда состояния условно может приниматься половина данной величины (2,25 млн. руб.), что соответствует представлению о равнозначности физического и эмоционального компонента субъективных страданий.

Объединение рассмотренных доктринальных предпосылок представляется возможным на методологической платформе, реализующей наиболее привычный для российской правовой системы подход, при котором размер взыскания для конкретного случая определяется как процент от максимальной суммы, соответствующий характеру и степени влияния повреждения на общее качество жизни потерпевшего, связанное со здоровьем. Пример его практического применения в современных условиях дают правила определения размера страхового возмещения вреда здоровью, действующие в сфере обязательного

¹ См.: *Лебедева Л.С.* «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 4. – С. 71.

² См.: *Altwicker-Hámori S., Altwicker T., Peters A.* Measuring violations of human rights: An empirical analysis of awards in respect of non-pecuniary damage under the European Convention on Human Rights // *Heidelberg Journal of International Law (HJIL)*. 2016. – Vol. 76. – P. 28; *Radivojević Z., Raicevic N.* State Liability for Non-Pecuniary Damages in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights // *Teme-časopis za društvene nauke*. – 2020. – Vol. 1. – P. 17; *Фаст И.А.* Указ. соч. – С. 72; *Гусева И.И., Зубков В.Н.* Общие методологические вопросы оценки размера компенсации морального вреда // *Modern Science*. – 2021. – № 2-2. – С. 155.

страхования гражданской ответственности участников транспортных отношений¹. Возможность использования приводимых в них нормативов в качестве первоосновы для оценки рассматриваемого компонента физического вреда предопределяется тем, что, помимо типа повреждения здоровья, на определение искомого процента здесь влияют факторы, характеризующие уровень претерпеваемых пострадавшим базовых ограничений и неудобств физического состояния: продолжительность стационарного и (или) амбулаторного лечения; проведение наиболее дискомфортных медицинских манипуляций (торакотомия, трахеотомия и иные виды хирургических операций, специальные методы фиксации костей и др.); последствия в виде визуально оцениваемых дефектов и нарушений отдельных функций (снижение остроты зрения, сосудистая недостаточность, последующие ампутации и др.). Кроме того, правовое значение имеют повреждения мягких тканей (ушибы, ссадины и др.), причиняющие неблагоприятные ощущения, но не квалифицируемые при этом в качестве вреда здоровью определенной степени тяжести в соответствии с существующими медицинскими критериями.

С другой стороны, корректировка процентного показателя исходя из отмеченных факторов не предусматривается для всех или даже большинства оцениваемых анатомо-функциональных нарушений. Отдельные состояния, сопряженные с критическим нарушением жизненно важных функций организма и характеризующиеся по этой причине максимальным уровнем дискомфорта, не упоминаются в правилах или рассматриваются в качестве осложнений, незначительно увеличивающих компенсацию (кома, травматический шок и др.). Нарушения эстетического характера учитываются только в части неизгладимого и

¹ См.: Приложение к Правилам расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего «Нормативы для определения суммы страхового возмещения (страховой выплаты) при причинении вреда здоровью потерпевшего, а также для определения суммы компенсации в счет возмещения вреда, причиненного здоровью потерпевшего, исходя из характера и степени повреждения здоровья» (утв. Постановлением Правительства РФ от 15 ноября 2012 г. № 1164). Заметим попутно, что базовый расчетный показатель (страховая сумма), устанавливаемый для отношений с участием перевозчиков, сопоставим с предложенным нами значением (не менее 2 млн. руб. на одного пассажира согласно подп. 2 п. 2 ст. 8 Закона об ОСОП).

иною, требующего оперативного вмешательства, обезображивания лица, что, как представляется, является следствием заимствования уголовно-правового подхода к оценке телесных повреждений. Стойкие нарушения функций организма исследуются вне зоны действия табличных нормативов в зависимости от группы инвалидности, однако, как уже отмечалось, процедура ее установления ориентирована на определение нуждаемости в мерах социальной защиты и потому предполагает характеристику анатомо-функциональных нарушений исключительно в их динамическом аспекте. Наконец, параметр выраженности болевых ощущений, играющий одну из ключевых ролей в определении уровня снижения общего качества жизни потерпевшего, в принципе не упоминается правилами.

Сказанное особенно отчетливо свидетельствует о том, что заимствование уже существующих правовых конструкций и механизмов не является полноценной альтернативой созданию научно-обоснованных критериев определения размера компенсации физического вреда состояния, которые, в свою очередь, должны являться результатом консенсусного решения юридического, медицинского и судебно-экспертного сообществ. В то же время, обязательным является установление отправных принципов применения таких методик для целей гражданско-правового регулирования, одним из которых служит принцип обособленной оценки физических состояний для временных и стойких повреждений.

Восполняя пробел в части механизмов оценки последних, целесообразно опираться на классификацию функций организма и показатели оценки степени их нарушения, разработанные для целей установления инвалидности (незначительные – в диапазоне от 10 до 30 %, умеренные – от 40 до 60 % и т.д.)¹, избегая, однако, корректировки полученных значений исходя из параметра нуждаемости пострадавшего в мерах социальной защиты. Поскольку оценка

¹ См.: Раздел II Классификаций и критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы (утв. Приказом Министерства труда и социального развития РФ от 27 августа 2019 г. № 585н).

причиненного вреда в контексте последствий является альтернативным механизмом, за потерпевшим при получении выплаты по первому разделу расчетной таблицы должно быть сохранено право на дополнительное взыскание разницы между соответствующими суммами. Что же касается корректировки с учетом возраста, то в рамках предлагаемого подхода в ней нет необходимости, поскольку выплата является единоразовой и рассчитывается без учета периода претерпевания неблагоприятных последствий.

Принцип комплексного учета факторов влияния повреждения на общее качество жизни потерпевшего, связанное со здоровьем, предполагает применение повышенных процентных показателей (в диапазоне 90-100 %) для ряда исключительно дискомфортных физических состояний, а также корректировку процента в сторону увеличения при продолжительном лечении (для временных нарушений) и реабилитации (для стойких нарушений), проведении наиболее болезненных и травматичных медицинских манипуляций. В качестве исключительно дискомфортных следует учитывать состояния, вызванные критическим нарушением жизненно важных функций организма либо функций целых органов, частей тела и систем, характерной особенностью которых является недоступность компенсации без медицинского вмешательства либо невозможность корректного приспособления к ним в повседневной жизнедеятельности. Их примерный перечень позволяет определить обращение к медицинским критериям определения степени тяжести вреда здоровью – речь идет об угрожающих жизни состояниях (шок тяжелой степени, кома II-III степени различной этиологии и др.), а также отдельных анатомо-функциональных нарушениях, перечисленных в п. 6.2 и п. п. 6.6 – 6.10 разд. II данного документа, соответственно¹.

Обоснованность применения избранного подхода подтверждается включением в число таких нарушений некоторых последствий воздействия внешних причин, аналогичных тем, что подлежат объективному учету в

¹ См.: Раздел II Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194).

рассмотренных зарубежных правопорядках (например, нарушение способности к зачатию и деторождению, неизгладимое обезображивание лица, прерывание беременности, полная потеря слуха). В отношении угрожающих жизни состояний решением об их отнесении в данную категорию обеспечивается также учет компонента высокой вероятности непредвиденных последствий для здоровья, свойственных критическим (в т.ч. и кратковременным) нарушениям жизненных показателей, не доступным для объективной клинико-инструментальной оценки.

Наконец, принцип обособленного учета эстетических нарушений и болевых ощущений на основании объективных критериев предполагает разработку описательных шкал для оценки этих особых проявлений физического вреда состояния, переводимых в процентные значения и учитываемых применительно к временным и стойким нарушениям. Принимая, что неизгладимое обезображивание лица соответствует максимально дискомфортному физическому состоянию, вызванному эстетическим нарушением, такой перевод для всех категорий нарушений данного рода необходимо производить с учетом соответствующего ему предельного процента взыскания (критически выраженные эстетические нарушения независимо от зоны локализации – 40 %, значительно выраженные – 30 % и т.д.). Оценка болевых ощущений может быть аналогичной в части описательной характеристики степени их выраженности, вместе с тем, специфичность этого параметра, исследуемого с учетом индивидуальных физиологических реакций, требует отдельных пояснений относительно допустимых методик его оценивания.

Важно иметь в виду, в частности, что существующие на сегодняшний день медицинские шкалы оценки боли разнообразны и не все из них пригодны для заявленных целей. Так, например, вербальные рейтинговые и описательные шкалы действительно предназначены для оценки степени выраженности интенсивности неблагоприятных ощущений в числовом (от 0 до 4 или от 0 до 5)

либо словесном выражении (от слабой до нестерпимой боли)¹, однако область их применения ограничена определением тактики лечения. Выбор показателя из числа предложенных осуществляется самим пациентом и имеет ориентирующее значение для специалиста, наряду с результатами обследований и анализов, клинической картиной болезни. Визуальные шкалы оценки боли отличаются лишь тем, что позволяют оптимизировать оценочный процесс за счет использования ассоциаций с изменениями выражения лица, изображенными на специальных карточках, длиной привычного измерительного инструмента (линейки) и пр.²

В контексте объективизации параметров оценки болевых ощущений наибольший интерес, пожалуй, представляет шкала, разработанная для пациентов с острым панкреатитом, характерной особенностью которой является отображение в числовом эквиваленте от 0 до 100 четырех критериев: частоты наблюдаемых приступов боли, субъективной оценки интенсивности болевых ощущений, потребности в применении конкретных лекарственных препаратов для их купирования, а также влияния на трудоспособность³. Полученные показатели суммируются и делятся на 4, что исключает возможность признания болевых ощущений выходящими за пределы показателя «средней интенсивности» (сильная боль, очень сильная боль) исключительно на основании субъективного мнения потерпевшего, в отрыве от реальной клинической картины. Используя этот опыт, представляется возможным аккумулировать объективные параметры оценки болевых ощущений в общую таблицу оценки физических состояний, характерных как для временных, так и для стойких нарушений (например, процентный показатель может дифференцироваться для болевых ощущений,

¹ См.: Морозов А.М., Жуков С.В., Беляк М.А. и др. О возможности оценивания болевого синдрома при помощи наиболее валидизированных шкал боли (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. – 2020. – № 27 (2). – С. 62 – 63.

² См.: Данилов А.Б., Давыдов О.С. Диагностические шкалы для оценки невропатической боли // Боль. – 2007. – № 3. – С. 11 – 14; Тенаев Р.Ф., Обедин А.Н. Синдром боли у детей: диагностика и лечение // Педиатрическая фармакология. – 2014. – Т. 11 (6). – С. 90.

³ См.: Bloechle C., Izbicki J.R., Knoefel W.T. et al. Quality of life in chronic pancreatitis – results after duodenum-preserving resection of the head of the pancreas // Pancreas. – 1995. – Vol. 11 (1). – P. 77 – 79.

зафиксированных в медицинской документации и не требующих госпитализации; требующих однократной госпитализации в течение года и (или) назначения определенного класса анальгетиков, и т.п.).

С законодательной точки зрения реализация предлагаемого подхода должна обеспечиваться внесением изменений в п. 1 ст. 1085 ГК РФ, предусматривающих предоставление гражданину права на возмещение дополнительно к экономическому вреду неэкономических потерь, обусловленных снижением общего качества жизни, в порядке и размерах, а также в соответствии с методикой, утверждаемой Правительством РФ. На соответствующую часть требований будут распространяться общие основания снижения суммы компенсации, предусмотренные ст. 1083 ГК РФ. Заметим, что такое регулирование не является препятствием для применения ст. 151 ГК РФ для случаев нарушения психофизической неприкосновенности личности и не влечет за собой отхода от критериев, установленных ст. 1101 ГК РФ. Напротив, представляется необходимым уточнение области применения этих норм в русле преобладающих доктринальных подходов и на основе сопоставления с конструкцией физического вреда состояния.

В системе действующего правового регулирования компенсация морального вреда представляет собой такой способ защиты гражданских прав, который фокусируется не на последствиях правонарушения, но на самом акте противоправного поведения, в то же время, качественной характеристикой последнего, или «свойством противоправности»¹, служит нарушение или попытка нарушения критически значимых прав или благ личности. По этой причине такая компенсация обоснованно соединяет в себе функции условного восстановления индивидуально воспринимаемых утрат и частной санкции, обеспечивающей необходимое профилактически-воспитательное воздействие на правонарушителя.

Критерии, относящиеся к противоправному поведению, индивидуальным особенностям потерпевшего и делинквента, служат здесь своеобразным

¹ См.: *Mátyus A. A sérelemdíj funkció-analízise // Debreceni Jogi Műhely. – 2020. – Vol. 17 (3-4). – P. 97 – 117.*

фильтром, препятствующим превращению защитного механизма в средство наказания, а требования разумности и справедливости – вспомогательным инструментом, позволяющим согласовывать индивидуальную аксиологическую интерпретацию тех или иных благ и интересов с существующими в обществе представлениями, поддерживаемыми правом. Поскольку совместный учет этих критериев представляется обязательным исходя из самой природы морального вреда, в случае повреждения здоровья при назначении его компенсации должны исследоваться субъективные физические и нравственные страдания, развивающиеся из сопутствующих нематериальных потерь «особой ценности», включая, например: потерю способности получать удовольствие от профессиональной деятельности и обычных повседневных занятий, потерю перспектив личностного роста в спорте и хобби, потерю возможности испытывать чувство удовлетворения при реализации личных и семейных планов, потерю или ослабление супружеского доверия и ощущения близости в семейных отношениях и др.

Предлагаемая регламентация разновидностей физического вреда и механизмов их возмещения создает предпосылки для презумпционного регулирования компенсации подобного рода субъективных страданий. Например, право на выплату в минимальном размере может признаваться без доказывания при наличии определенных объективных нарушений (эстетических повреждений, утраты репродуктивной функции – в отношении переживаний из-за потери личных отношений), конкретных утраченных способностей (утраты способности к трудовой деятельности – в отношении переживаний из-за невозможности профессиональной реализации). Тем не менее, следует учитывать, что назначаемая компенсация связывается с утратой «радостей жизни», ценность которых формируется исключительно на уровне их восприятия личностью, а значит, только потерпевшему доступно определение условной денежной суммы, способной служить для него источником приобретения благ и ресурсов для достижения адекватного психоэмоционального состояния. По этой причине не

рекомендуется прибегать к установлению верхних пределов выплат по типам нарушений.

Не влияет на такой подход, подчеркнем особо, и фактор развития психических расстройств на фоне причиненных противоправным посягательством эмоциональных переживаний – представляется, что таковые не могут оцениваться и компенсироваться в составе физического вреда состояния в отличие от нарушений психической функции, имеющих органические предпосылки¹. Объясняется это не только опосредованным характером таких последствий, но и невозможностью обнаружить не зависящие от субъективной оценки пострадавшего доказательства их наличия и происхождения от травматического воздействия из-за свойства мультифакторности «психизма» конкретного человека, методик исследования психических состояний, опирающихся на наблюдаемые признаки и симптомы, о которых специалисту сообщил сам пациент.

В данной части нельзя пройти мимо того обстоятельства, что в научной литературе в качестве клинических тестов, наиболее приспособленных для диагностирования состояний, являющихся так называемыми «реакциями на события» (посттравматическое стрессовое расстройство, хроническое расстройство адаптации, тяжелая утрата и соматоформные расстройства), позиционируются тесты Вайса-Р, Роршаха и Миннесотский многоаспектный личностный опросник – ММРІ-2. Однако их эффективность при этом связывается с встраиваемыми механизмами противодействия симуляции, в то время как инструмент клинического интервью рассматривается в качестве отправной точки при проведении любых оценок². Учитывая сказанное, стойкие психоэмоциональные нарушения целесообразно принимать во внимание при

¹ См.: F06, F07, F09 in International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision. – URL: <https://icd.who.int/browse10/2010/en#/F00-F09> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Neuropsychological Evaluation of Somatoform and Other Functional Somatic Conditions* / ed. by K.B. Boone. – New York: Routledge, 2017. – P. 232 – 353; *Fox K.A. Defining the Construct of Malingered PTSD in Civil Litigation: A Confirmatory Factor Analysis*. – Houston: University of Houston, 2020. – P. 9 – 14.

определении степени интенсивности претерпеваемых нравственных страданий в составе морального вреда. Использование методик, характеризующих изменения социальных и личностных связей пострадавшего, при этом обеспечивает наиболее прочные ассоциации с вышеупомянутыми разновидностями экзистенциальных утрат¹.

Таким образом, обоснование параметров оценки и возмещения статической компоненты юридически значимого физического вреда не только не несет в себе потребности в значительных модификациях института компенсации морального вреда, но и позволяет избежать конкуренции между различными по своей природе и содержанию способами защиты нарушенного права. Обособленное рассмотрение неблагоприятных изменений общих параметров физического состояния по отношению к компонентам утрат социально-значимых способностей и роста потребностей предопределяется их ролью в качестве материальной основы жизнедеятельности человека, позиционируемой в рамках объективного, ресурсно-ориентированного подхода к категории качества жизни.

Объединение рассмотренных доктринальных предпосылок представляется возможным на методологической платформе, реализующей наиболее привычный для российской правовой системы подход, при котором размер взыскания для конкретного случая определяется как процент от консенсусной суммы, соответствующий характеру и степени влияния повреждения на общее качество жизни потерпевшего, связанное со здоровьем. Принципами предлагаемой методики оценки при этом будут являться обособленность оценки физических состояний для временных и стойких повреждений, комплексный учет факторов влияния повреждения на общее качество жизни потерпевшего, самостоятельный учет эстетических нарушений и болевых ощущений на основании объективных критериев. Уточненная область применения конструкции морального вреда предполагает акцент на исследовании субъективных физических и нравственных

¹ См.: Колесниченко О.В. Снижение общего качества жизни как самостоятельная разновидность неэкономических потерь при повреждении здоровья. – С. 22 – 31.

страданий, развивающихся из сопутствующих нематериальных потерь «особой ценности».

§ 5. Связанные с физическим вредом экономические и неэкономические потери: проблема отграничения, критерии возместимости

Направленность компенсационных механизмов на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, вкупе с корректным представлением о динамико-реляционных и статических характеристиках физического вреда позволяет преодолевать опасения по поводу безграничных выплат и непрекращающегося деликтного обязательства, обособляя объем его возмещения от иных взысканий, подчиненных специальному правовому режиму утрат «особой ценности». Вместе с тем, судебная практика, развивая принцип полного возмещения вреда, не перестает ставить перед доктриной вопросы о возможности признания все новых категорий потерь экономического и неэкономического свойства, характеристика которых в правовом поле представляется затруднительной на базе традиционных представлений о вреде и убытках. Анализ этих категорий закономерно предваряет собой итоговые замечания об объеме возмещения физического вреда, позволяя придать последним свойство завершенности, протестировать их на предмет соответствия базовым принципам и назначению института деликтных обязательств.

Нельзя не заметить, что в научных источниках по деликтному и договорному праву России в последние годы прослеживается повышенный интерес к зарубежной доктрине «утраты шанса» («loss of chance» - англ., «perte de chance» - фр.), обосновывающей возможность возмещения лицу потери возможности достичь благоприятного результата в тех или иных правоотношениях вследствие противоправных действий (бездействия)¹. Сфера

¹ См.: *Соболев С.И.* Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* – 2021. – № 6. – С. 32; *Дондоков А.И.* Доктрина Loss of Chance в английском праве // *Закон.* – 2013. – № 7. – С. 150 – 155; *Богданов Д.Е.* Ответственность за утрату шанса на лучший

практического применения этой конструкции включает в себя весьма широкий спектр общественных отношений (связанные с организацией соревнований, конкурсов и т.п., отношения по поводу представительства и др.), однако чаще всего дискуссии о правовом значении утраты благоприятной возможности возникают применительно к области медицинской деятельности, в случаях, когда несвоевременная диагностика или неверно избранная тактика лечения снизили вероятность выживания или улучшения состояния здоровья пациента¹.

В среде и отечественных, и зарубежных ученых сильна позиция, согласно которой доктрина утраты шанса представляет собой инструмент упрощения доказывания причинной связи², однако такой подход, как представляется, не оправдывает существование в общем объеме возмещения деликтного вреда дополнительной составляющей. Полагая, что предпосылкой развития доктрины утраты шанса действительно могут служить сложности доказывания происхождения отдельных разновидностей неблагоприятных последствий от действий (бездействия) конкретного лица, заметим, однако, что для их преодоления в мировой практике выработаны более эффективные с практической точки зрения средства защиты слабой стороны правоотношений: неопровержимые правовые презумпции для отдельных категорий нарушений, приемы ослабления стандарта доказывания причинной связи судом, обязательное возместительное страхование.

В российской судебной практике в последние годы постепенно получает признание идея о том, что пострадавшему не может быть отказано в возмещении

результат с позиции справедливости: постановка проблемы // Современное право. – 2013. – № 6. – С. 86 – 91 и др.

¹ См.: *Faunce T., McEwan A.* The High Court's Lost Chance in Medical Negligence // *Journal of Law & Medicine.* – 2010. – Vol. 18. – № 2. – P. 281.

² См.: *King J.H.* Causation, Valuation, and Chance in Personal Injury Torts Involving Preexisting Conditions and Future Consequences // *Yale Law Journal.* – 1981. – Vol. 90. – P. 1376; *Saporito L., Tassone B.* The Loss of Chance in a Comparative Perspective // *Annali del CERSIG: raccolta di articoli scientifici / M. Matera, M. Proto, G. Stanzione (eds.).* – Rome: Centro di ricerca sulle Scienze Giuridiche, Eurilink, 2020. – P. 152; *Козлов И.А.* Доктрина утраты шанса: плюсы и минусы признания теории // *Юридическая наука.* – 2021. – № 10. – С. 13 – 17; *Михайлов В.С.* Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения // *Вестник гражданского права.* – 2018. – № 3. – С. 134 – 135 и др.

вреда, если допущенные дефекты оказания медицинской помощи сами по себе не способны вызвать неблагоприятный исход, однако препятствуют выбору верной тактики лечения (дефекты диагностики, ведения документации и т.п.)¹. Результатом таких нарушений является ситуация неопределенности неразрешимого свойства, лишаящая заинтересованное лицо возможности когда-либо с уверенностью доказать, что его состояние могло бы улучшиться при своевременно установленном диагнозе, проведении необходимого вмешательства и т.п. Между тем, законченному оформлению этой идеи препятствует ее выдвижение исключительно при исследовании случаев компенсации морального вреда, поскольку истребование такой компенсации имеет своим необходимым условием сам факт посягательства на охраняемое благо².

Представляет интерес характеристика правовых гарантий в области охраны здоровья населения как направленных на достижение состояния социально-психологического и физического благополучия личности, позволяющая утверждать, что любые дефекты медицинских услуг так или иначе повреждают это состояние³. Вместе с тем, было бы ошибочно полагать, что восстановление никогда не существовавшего статуса может рассматриваться в качестве цели привлечения к ответственности. Такой подход, равно как и ссылка на возможность применения института компенсации морального вреда к любым нарушениям в области прав потребителей⁴ лишь подчеркивает потребность в выработке единообразного подхода к оценке утраченных шансов.

¹ См., напр.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 августа 2021 г. № 57-КГ21-11-К1. – URL: <https://base.garant.ru/402693357/> (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01 октября 2020 г. по делу № 8Г-21792/2020[88-20749/2020]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/776:1> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

² См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 марта 2021 г. № 18-КГ20-122-К4. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22032021-n-18-kg20-122-k4/> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Эрделевский А.М.* О праве близких потерпевшего на компенсацию морального вреда // *Хозяйство и право.* – 2019. – № 11. – С. 64.

⁴ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 июня 2016 г. № 77-КГ16-3. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/10399:1> (дата обращения: 14.01.2024).

Пристальное внимание к специфике защищаемого правового интереса обнаруживается в судебной практике и правовой доктрине Франции, считающейся «родиной» доктрины утраченной возможности. В силу сохраняющей свое значение позиции Кассационного суда, неблагоприятные последствия данного рода признаются имеющими прямой характер и обладающими свойством определенности. При этом их отличие от «классического» деликтного вреда обосновывается тем, что реализация утраченного шанса никогда не бывает бесспорной и подчинена влиянию случайных факторов¹. Сумма взыскания представляет собой процент от возможного ущерба или преимущества (от 0,1 % и 99,9 %)², устанавливаемый с учетом комплекса факторов, включая поведение потерпевшего³.

При рассмотрении конкретных дел правовое значение приобретает связь противоправного поведения с последствиями совершенно иного рода, нежели вред здоровью. Так, в деле медицинского центра Гере в центре внимания находилось поведение акушера, вызвавшего дежурного врача для проведения кесарева сечения лишь спустя час после выявления признаков дистресса плода. Впоследствии новорожденному была диагностирована одна из тяжелых форм церебрального паралича. Учитывая невозможность установить с уверенностью ни то, что повреждение здоровья не произошло бы без виновной задержки, ни то, что таковое уже было приобретено до начала операции, суд пришел к выводу об утрате шанса избежать неблагоприятных последствий на 30 %⁴.

¹ См.: Cour de Cassation, Chambre criminelle, du 18 mars 1975, 74-92.118, Publié au bulletin. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007056911/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 30 avril 2014, 12-22.567, Publié au bulletin. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000028894830> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: CA Montpellier, 1re ch., sect. C, 10 déc. 2019, no 17/00707. – URL: <https://www.labase-lextenso.fr/gazette-du-palais/GPL379b0> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: Conseil d'État, 5ème et 4ème sous-sections réunies, 26/05/2010, 306354. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000022330296> (дата обращения: 14.01.2024).

Помимо указания на допустимость оценки шанса в качестве самостоятельного актива в «доделиктном» состоянии потерпевшего¹, сторонниками рассматриваемой концепции предпринимаются попытки подчеркнуть различие между областью применения исследуемой доктрины и зоной действия ослабленных доказательственных стандартов, обозначая качественные признаки утраты шанса как особой деликтной потери: отсутствие возможности с уверенностью предсказать результат реализации шанса, наличие такового на момент правонарушения, необратимость утраты².

Примечательно, что при отсутствии единообразных подходов к оценке упущенной возможности в судебной практике США, именно в относящихся к данному правопорядку источниках чаще всего встречаются попытки развития этих признаков. Особый интерес представляет позиция о том, что утрату шанса следует отличать от иных видов первичного ущерба, которые в области медицинской деятельности могут выражаться в усилении неблагоприятных симптомов, проведении более инвазивного или длительного лечения, сокращении продолжительности жизни³. В противоположность перечисленным проявлениям физического вреда, возмещение утраты шанса строится на начальном предположении о том, что потерпевший имел лишь частичный, но при этом вполне реальный шанс избежать неблагоприятного исхода. Считается, что отсутствие достоверных доказательств того, что такой результат был бы достигнут при надлежащем лечении, не может служить поводом для освобождения делинквента от ответственности, поскольку ситуация неопределенности данного рода спровоцирована последним⁴.

¹ См.: Müller C. Perte d'une chance – Revisited // Tagungsband des Personen-Schaden-Forums / ed. S. Weber. – Zurich/Basel/Geneva: Have, 2018. – P. 33.

² См.: Rogac A. Repararea prejudiciului pentru pierderea șansei în Codul civil modernizat (2020). – URL: <https://juridicemoldova.md/7813/repararea-prejudiciului-pentru-pierderea-sansei-in-codul-civil-modernizat.html> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См., напр: Matsuyama v. Birnbaum, 452 Mass. 1, 890 N.E.2d 819 (2008). – URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-matsuyama-v-birnbaum> (дата обращения: 14.01.2024); Alexander v. Scheid (726 N.E.2d 272, 281 (Ind. 2000)). – URL: <https://casebriefsco.com/casebrief/alexander-v-scheid> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

⁴ См.: Broussard v. United States, 989 F.2d 171 (5-й Cir. 1993). – URL: <https://casetext.com/case/broussard-v-us-2> (дата обращения: 14.01.2024).

Основную сложность при признании возможности в качестве самостоятельного охраняемого интереса представляет определение его условной ценности, и здесь существуют весьма значительные различия в подходах, признаваемых судами Франции и США. В первом случае учету подлежат любые обоснованные ожидания потерпевшего в той части, на которую повлияло противоправное поведение ответчика. Например, при ненадлежащем информировании о рисках медицинской манипуляции утрата шанса избежать ее неблагоприятного исхода оценивается с поправкой на вероятность дачи потерпевшим согласия на процедуру при надлежащем освящении ее возможных последствий¹. Полученный процентный показатель применяется ко всем разновидностям окончательных экономических и неэкономических потерь.

В американской судебной практике предпочтение отдается определению денежного эквивалента для всех имеющихся шансов на выздоровление, если таковые изначально являются существенными (порог варьируется в пределах от 1 до 51 %)². Альтернативный подход предполагает оставление вопроса о процентном показателе на усмотрение сторон и суда, однако его широкому распространению препятствует опасность сближения утраченной возможности с нематериальным вредом³. Поскольку субъективные страдания, вызванные осознанием потери шансов на выздоровление, потери семейных и иных личных связей, обычно оцениваются обособленно, в данном случае представляется возможным говорить о сугубо материальном характере исследуемой утраты.

Приведенные различия подтверждают, что среди особенностей национальной правовой системы на восприятие судебной практикой концепции утраты шанса влияет, в первую очередь, наличие истрепывающего перечня

¹ См.: Conseil d'État, 5ème - 6ème chambres réunies, 08/07/2020, 425229. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000042100801/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Mims M.C., Crisler R.* Properly Limiting the Lost Chance Doctrine in Medical Malpractice Cases: A Practitioners' Rejoinder // *Louisiana Law Review*. – 2021. – Vol. 81 (3). – P. 864, 883 – 885; *Slama R.* So You're Telling Me There's a Chance: An Examination of the Loss of Chance Doctrine Under Nebraska Law // *Nebraska Law Review*. – 2021. – Vol. 99 (4). – P. 1038; *Saporito L., Tassone B.* Op. cit. – P. 132 – 141.

³ См.: *LeBlanc v. Barry*, 790 So. 2d 75 (La. Ct. App. 2001). – URL: <https://casetext.com/case/leblanc-v-barry-1> (дата обращения: 14.01.2024).

способов защиты гражданских прав и (или) категорий возмещаемых потерь. В то же время, совершенно иной аспект применения доктрины утраты шанса в отношениях, связанных с защитой права на здоровье, иллюстрирует случай из судебной практики, ставший предметом рассмотрения в Кассационном суде Франции. Согласно фабуле дела, истица, серьезно пострадавшая в результате ДТП, не смогла вернуться к работе и вышла на пенсию по инвалидности, а затем, по достижении общего пенсионного возраста (60 лет), была переведена на пенсию по старости. Впоследствии она заявила требование о возмещении профессионального заработка за период от 60 до 65 лет, обосновав это тем, что она планировала продолжать трудовую деятельность до предельного возраста. Решением суда первой инстанции заявленные требования были удовлетворены исходя из коэффициента вероятности выхода на пенсию по достижении 65 лет, определенного в значении 15 %. Кассационный суд не согласился с таким подходом, ссылаясь на то, что потерпевшая была безусловно лишена возможности получения дохода в соответствующий период¹.

Представляется, что основная сложность разрешения подобных ситуаций с позиции доктрины утраты шанса состоит в подтверждении наличия условия неразрешимой неопределенности, которая, как можно было убедиться выше, должна быть обнаруживаема не в рамках оценки размера причиненного вреда, но при установлении вероятности достижения желаемого результата за счет реализации охраняемого правового интереса. Традиционный для отечественной цивилистики «убыточный» подход к повреждению здоровья оставляет значительный простор для применения данной доктрины, поскольку правонарушение здесь может быть представлено в роли фактора, снижающего шансы пострадавшего на получение материальной выгоды от различных источников, далеко не всегда ограничиваемых профессиональным заработком. Тем временем, опасность этого подхода состоит в том, что категорией утраченного шанса могут подменяться опосредованные потери в сфере общих

¹ См.: Cour de cassation, civile, Chambre civile 2, 18 janvier 2018, 17-10.381, Inédit. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000036584600/> (дата обращения: 14.01.2024).

экономических интересов потерпевшего, связь которых с правонарушением носит косвенный характер. Соответствующие «примеры» применения доктрины утраты шанса встречаются в сравнительно-правовых исследованиях (утрата шанса на выигрыш в аукционе-тендере, заключение выгодного договора с третьим лицом и т.п.)¹. Тем показательнее обосновываемое здесь требование об обязательности доказывания истцом причинной связи между противоправным поведением и утратой им конкретной выгоды².

Противоположный подход, проистекающий из свойства возместимости физического вреда, предполагает уверенность в наступлении неблагоприятного исхода, выражающегося, в т.ч., в утрате способности к получению дохода или иного овеществленного результата. Здесь компонент неопределенности касается динамики развития трудоспособности на протяжении жизни, влияния на нее ряда объективно существующих социально-экономических, техногенных и демографических рисков (безработицы, профессионального и общего травматизма, перерывов в карьере из-за рождения детей и пр.). На необходимость исследования этого компонента указывает точка зрения, согласно которой именно по модели утраченного шанса компенсируются потери родственников, лишенных содержания или иных услуг, обычно оказываемых пострадавшим³.

Как уже отмечалось ранее, наиболее эффективным средством учета динамического аспекта трудоспособности является использование статистических закономерностей, исследуемых применительно к конкретным половозрастным группам населения в отдельно взятом государстве, переводимых в коэффициенты, корректирующие итоговую сумму возмещения⁴. Тот же инструментарий может применяться и в отношении утраты шанса, повышая степень точности

¹ См.: Фрунзэ Ю., Татар О. Возмещение ущерба в случае потери благоприятной возможности, как новый институт гражданского права Республики Молдова // *Studii și cercetării juridice*. – 2020. – Vol. 1. – С. 92; Демкина А.В. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров по законодательству России и Франции: сравнительно правовой анализ // *Вестник Томского государственного университета*. – 2021. – № 467. – С. 246.

² См.: Фрунзэ Ю., Татар О. Указ. соч. – С. 94.

³ См.: Müller C. *Op. cit.* – P. 24.

⁴ См., напр.: Husaini M.F., Salleh K. Decree. *Op.* – P. 1 – 16; McCarthy C. Economic aspects of personal injury compensation in Ireland // *UCD Centre for Economic Research Working Paper Series*. – 2010. – Vol. 10 (23). – P. 1 – 20 и др.

процентного значения на основе доступных научных данных (например, при несвоевременной диагностике рака могут учитываться сведения о проценте выздоравливающих на конкретной стадии). Однако важно обращать внимание, что в первом случае статистика служат вспомогательным ресурсом для прогнозирования наиболее вероятного развития событий, т.е. шанс как бы признается реализовавшимся в определенной степени, и потому актуальным является вопрос, остается ли, несмотря на данное обстоятельство, конструкция утраченной возможности доступной для потерпевшего.

Представляется, что принцип полного возмещения вреда оправдывает применение доктрины утраты шанса для ситуаций, в которых противоправное поведение ответчика в той или иной степени лишает потерпевшего самой возможности сохранения или улучшения критически значимого права или блага. И здесь такая ситуация действительно существует, но касается не самой утраты способности, устанавливаемой с необходимой степенью уверенности экспертным путем, а утраты возможностей для ее развития, которые связываются с планируемым получением образования и (или) сменой рода деятельности, переходом от статуса домашней хозяйки к статусу наемного работника и т.п. Действительно, динамический компонент способностей проблематично учесть даже в рамках самой детально разработанной схемы компенсации. Российское законодательство, в частности, требует от потерпевшего подтвердить наличие устойчивых тенденций к изменению уровня благосостояния, вызванных повышением в должности, окончанием обучения и т.п. (п. 5 ст. 1086 ГК РФ). Для лиц, получивших повреждение здоровья до достижения ими совершеннолетия, отмеченный фактор в принципе не подлежит проверке согласно принятому доказательственному стандарту¹.

Предупреждая ошибочную трактовку рассматриваемой концепции в русле изменения доказательственного стандарта определения причинно-следственной связи, следует обращать внимание на вариант правового закрепления возмещения

¹ Пункт 4 ст. 1087 ГК РФ предписывает корректировать сумму взыскания в случае начала трудовой деятельности, однако речь идет о выборе профессии уже после повреждения здоровья.

утраченной возможности как особого способа защиты гражданских прав, доступного к применению в случае противоправного воздействия на основополагающие неимущественные (в случаях, прямо предусмотренных законом, - имущественные) права и нематериальные блага. Такая регламентация может осуществляться по аналогии с регулированием компенсации морального вреда в ст. 151 ГК РФ, но обязательно с обособлением данного защитного механизма в гл. 2 ГК РФ.

Применительно к отношениям в области осуществления права на здоровье допустимо использовать исследуемую категорию в значении не относящейся к физическому вреду разновидности экономических потерь, определяемых в денежном эквиваленте как процент от возможных неблагоприятных последствий, исчисляемый на основе научно-обоснованных данных. Взыскание таковой может производиться альтернативно возмещению физического вреда либо совместно с ним при условии отнесения к динамическому аспекту личных способностей и отсутствия механизмов оценивания данного компонента в рамках действующей системы компенсации¹.

Другой принципиально важный вопрос состоит в том, следует ли принимать неэкономические последствия, наступающие на стороне родственников и близких лиц в связи со смертью или тяжелой травмой пострадавшего, в качестве самостоятельной категории первичного физического вреда, либо же правильнее говорить об особой разновидности сопутствующих потерь, подлежащих обособлению от личности основной жертвы. Решение этого вопроса представляется значимым не только для целей построения непротиворечивой концепции возместимости физического вреда, но и в контексте развития современной судебной практики, для которой оказывается характерной весьма неоднозначная аргументация возможности применения к таким ситуациям конструкции морального вреда (как единственного на сегодняшний день доступного правового механизма оценки неэкономических последствий).

¹ См.: Колесниченко О.В. Утрата шанса в сфере защиты права на здоровье: новый доказательственный стандарт или деликтная потеря? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 9. – С. 40.

В частности, в п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 приводятся примеры форм выражения морального вреда, причиняемого членам семьи пациента, пострадавшего от ненадлежащего оказания ему медицинской помощи, по преимуществу, связываемые с эмоциональной рефлексией по поводу конкретных обстоятельств случившегося. Вместе с тем, в конкретных судебных актах нарушаемые неимущественные права или нематериальные блага указанных субъектов либо не приводятся в принципе¹, либо обозначаются общим, чрезвычайно широким перечнем (право на физическое и психическое благополучие, право на родственные и семейные связи, семейную жизнь – последние компоненты упоминаются также в качестве самостоятельного нематериального блага)².

Представляется любопытным, что близость исследуемых потерь к физическому вреду подчеркивают особые правила, выработанные в ряде отличных друг на друга правопорядков. В особенности, в Германии для предъявления требования о возмещении морального вреда в случае смерти или тяжелой травмы основного пострадавшего до 18 июля 2017 г. члены семьи обязаны были подтвердить факт претерпевания психических страданий и душевной боли в той мере, в которой это причиняет вред их собственному здоровью³. Впоследствии измененная версия § 844 ГГУ (п. 3) предусмотрела возможность указанных субъектов истребовать такую компенсацию в силу

¹ См., напр.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Оренбургского областного суда от 06 декабря 2016 г. по делу № 33-9199/2016. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2717:1> (дата обращения: 14.01.2024); Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 января 2023 г. № 77-11/2023. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2366:1>: (дата обращения: 14.01.2024) и др.

² См., напр.: Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 21 февраля 2022 г. № 75-КГ21-4-КЗ. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/634:2> (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 декабря 2022 г. по делу № 8Г-25056/2022[88-24346/2022]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/968:1> (дата обращения: 14.01.2024); Постановление Президиума Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 28 июня 2019 г. по делу № 4Г-344/2019. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1021:2> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

³ См.: *Çevik I. Schockschaden und Hinterbliebenengeld nach deutschem Recht und Angehörigenschmerzensgeld nach türkischem Recht // European Review of Private Law. – 2018. – Vol. 26 (3). – P. 341.*

особенно близких отношений с умершим (пострадавшим)¹, освободив их от обязанности доказывать наличие адекватной причинной связи наступившего опосредованного вреда с первоначальным деликтным действием (бездействием)².

Развитие, в сущности, аналогичного подхода, отличающегося высокой степенью детализации и качеством судебного толкования, сегодня наблюдается в Италии, где так называемый «родительский ущерб» определяется как особая разновидность неэкономического вреда, выходящая за пределы острой боли из-за гибели или тяжелой травмы родственника, выражающаяся в эмоциональных переживаниях по поводу невозможности поддерживать существовавшие годами родственные и семейные связи, сопровождаемых осознанием обнадеживающего характера свершившихся изменений³. При наличии базовой предпосылки в виде качественного изменения реляционных аспектов собственной жизнедеятельности интенсивность испытываемых страданий устанавливается с учетом степени родства или близости⁴, возраста основного пострадавшего и близкого лица, характера личных отношений, индивидуальных обстоятельств дела⁵.

Столь подробное рассмотрение эмоциональной связи пострадавшего с третьими лицами, в отличие от характеристик обнаруживаемого психического расстройства, свидетельствует, что именно повреждение или разрушение такой связи следует считать неблагоприятным последствием правонарушения для указанных субъектов. Однако необходимо учитывать, что в Италии реализация человеческой личности посредством развития семейных и иных личных связей

¹ См.: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 844 Ersatzansprüche Dritter bei Tötung. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_844.html (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Wu Y. Der Ersatz immaterieller Schäden beim Unfalltod: Eine vergleichende Studie zwischen deutschem und chinesischem Recht. – Berlin: Duncker & Humblot, 2022. – P. 22 – 23.

³ См.: Corte di Cassazione – sentenza 14 febbraio 2018, n. 9196. – URL: <https://www.studiolegalecalvello.it/danno-non-patrimoniale-principi-cui-giudice-deve-attenersi-nel-determinare-la-qualificazione-quantificazione-del-danno-cass-civ-91962018/> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: Tabelle integrate a punti per la liquidazione del danno non patrimoniale da perdita del rapporto parentale - Edizione 2022. – URL: https://www.ordineavvocatimilano.it/media/news/GIUGNO2022/P-_11185_22.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ Данные параметры обоснованы в решении Corte di cassazione – sentenza 21 aprile 2021, n. 10579. – URL: <https://www.bizzarrilex.it/wp-content/uploads/2021/07/Cass-10579-2021.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

признается Конституцией в качестве одного из фундаментальных прав личности¹, поэтому с формальных позиций нет препятствий для истребования родственниками жертвы компенсации морального вреда в соответствии со ст. 2059 ГК Италии.

Несколько иначе обстоит ситуация во Франции, где «ущерб привязанности» («*préjudice d'affection*» - фр.) включает в себя исключительные непатримониальные потери родственников, связанные с последствиями повреждения здоровья основного пострадавшего или его гибелью в части нарушения условий повседневной жизнедеятельности, патологических эмоциональных реакций на восприятие этих событий членами семьи². Впрочем, общий подход является аналогичным и даже более акцентирован на повреждаемой психоэмоциональной связи – заявителю недостаточно состоять с жертвой в родственных или личных отношениях, но необходимо подтвердить наличие зоны подлинной эмоциональной близости на фоне совместного проживания или очень тесного общения, непосредственно затронутой происшествием. Традиционно в данную категорию включаются потери от невозможности ведения обычной половой жизни супругами или партнерами³.

В целом нельзя не отметить характерную для развитых стран тенденцию постепенного расширения области компенсации неэкономического вреда, о наличии которой свидетельствует признание все новых и новых категорий защищаемых интересов, сопутствующих существованию базовых нематериальных благ личности (здоровья, достоинства, свободы и др.)⁴. Их

¹ См.: Costituzione della Repubblica italiana (aggiornato alla legge costituzionale 11 febbraio 2022, n. 1), art. 2, 29. – URL: <https://www.senato.it/sites/default/files/media-documents/Costituzione.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Rivollier V.* Le montant de l'indemnisation du préjudice d'affection devant les cours d'appel // *Jurimétrie, Revue de la mesure des phénomènes juridiques.* – 2022. – Vol. 1 – P. 1 – 2.

³ См.: Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 30 juin 2021, 19-22.787. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000043759620?init=true&page=1&query=19-22787&searchField=ALL&tab_selection=all (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ Особенно показательным здесь является указание на нарушение «интереса» как самостоятельное основание для компенсации морального вреда – см.: Principles of European Tort Law (PETL), art. 10:301. – URL: <http://www.egtl.org/PETLEnglish.html> (дата обращения: 14.01.2024).

реализация, однако, требует соблюдения ряда ограничений. В части компенсации неэкономических потерь, возникающих на стороне родственников основной жертвы, таковые не исчерпываются введением строгого перечня управомоченных субъектов, но могут заключаться также в установлении предельной суммы выплаты для одного случая или категории заявителей (Великобритания, Швейцария), допущении удовлетворения соответствующих требований только для умышленных правонарушений (Австрия, Норвегия, Финляндия)¹.

Представляется, что указание на форму вины вновь отсылает нас к аспекту предвидимости неблагоприятных последствий, причем умысел делинквента служит здесь своеобразным презумпциональным фактором, позволяющим отвергать возражения последнего о непрогнозируемом и (или) чрезмерно отдаленном характере компенсированного вреда. Что же касается иных дополнительных условий (о развитии психического расстройства, запрете на взыскание в пользу субъектов, не указанных в законе, ограничении суммы выплаты), то они дают возможность законодателю и суду лавировать между принципами справедливости и неотвратимости ответственности и классическими представлениями о значении условия причинной связи в деликтных обязательствах.

Для отечественной цивилистики характерно, преимущественно, расширительное толкование категорий охраняемых нематериальных прав и связанных правовых интересов, в т.ч. и для рассматриваемых случаев². Например, на взгляд А.М. Эрделевского, родственные и семейные связи подлежат защите именно в качестве самостоятельного нематериального блага, с той лишь особенностью, что доказывание причинения морального вреда в результате их повреждения не требуется лишь для членов семьи, для которых п. 1 ст. 1 СК РФ

¹ См.: *Martín-Casals M.* Conceptos perjudiciales (heads of damage) en la indemnización por muerte y por lesiones personales en Europa // *Revista para el Análisis del Derecho.* – 2013. – Vol. 2. – P. 16 – 17.

² См., напр.: *Ибрагимова А.И.* Понятие и защита личных или собственных духовно-нравственных и интеллектуальных прав и гражданско-правовая ответственность за их нарушение // *Российская юстиция.* – 2020. – № 8. – С. 13 – 16; *Бочаров А.Н.* Личность как объект гражданско-правовой защиты по смыслу ст. 16.1 Гражданского кодекса РФ // *Legal Concept.* – 2019. – № 2. – С. 107 – 111 и др.

устанавливает презумпцию построения взаимоотношений на основе взаимной любви и уважения¹. Правило интереса² позволяет говорить о возможности обособления отдельных составляющих нематериальных благ от личности с последующей их реализацией иными субъектами³. Показательной в данном контексте представляется позиция Е.В. Гаврилова, полагающего, что в случае смерти человека в эмоциональной сфере и памяти переживших его лиц сохраняется совокупность «качеств и оценок», составляющих сущность утраченных нематериальных благ. С этим связывается возникновение самостоятельных правоотношений по охране доброй памяти об умершем⁴.

Следует заметить, что предположение о «переживании» некоторыми компонентами нематериальных благ своего обладателя способно далеко завести теорию и практику в части провоцирования ситуации правовой неопределенности, в особенности, если речь идет о защите тех или иных интересов обществом в целом. На опасность такого подхода обращает внимание М. Касперская, анализируя причины роста в Польше числа гражданских дел, в которых для взыскания компенсации морального вреда используется широкое толкование концепции прав личности⁵. На взгляд автора, желательность признания конкретных интересов с аксиологической точки зрения не является достаточным поводом для создания в процессе правоприменительной деятельности новых прав личности, которые в действительности представляют собой редкий гибрид фундаментальных прав, определяемых в данном качестве

¹ См.: Эрделевский А.М. Указ. соч. – С. 67-68.

² См.: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт, 2023. – С. 178.

³ См.: Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. – М.: Элит, 2006. – С. 47.

⁴ См.: Гаврилов Е.В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. – 2014. – № 9. – С. 46.

⁵ Вмешательство в сферу таких прав признается достаточным основанием для получения такой компенсации согласно ст. 24 Гражданского кодекса Польши (Kodeks cywilny (z dnia 23 kwietnia 1964 r.), art. 24. – URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19640160093> (дата обращения: 14.01.2024).

публичным правом, и правомочий, реализуемых в зоне частноправового регулирования¹.

Представляется, что наиболее подходящей правовой конструкцией для учета сопутствующих нематериальных потерь членов семьи (близких лиц) служит все же конструкция морального, а не физического вреда. Объяснение этому может быть найдено в то, что, во-первых, присущий данной конструкции компонент частной санкции препятствует возможности освобождения правонарушителя от ответственности за посягательство на критически значимые права и блага по причине смерти или неспособности основного потерпевшего воспринимать окружающую действительность.

Во-вторых, предназначение этой конструкции, как уже отмечалось выше, изначально связано с оценкой и учетом опосредованных утрат, исследуемых исходя из индивидуально воспринимаемой ценности конкретных форм активности и личных (семейных) отношений (возможности проводить досуг с семьей, заниматься домашним обучением детей, реализовывать планы на брак, совместный отпуск и т.п.). Предложенная трактовка автоматически ограничивает круг заявителей членами семьи и близкими, поддерживающими тесную эмоциональную связь с потерпевшим на фоне совместного проживания или регулярного совместного времяпрепровождения. Кроме того, их притязания в случае повреждения здоровья основной жертвы могут быть признаны обоснованными лишь в той мере, в которой таковое оказывает качественное влияние на параметры совместной жизнедеятельности.

Нельзя не упомянуть здесь и ранее высказанного замечания о том, что процесс диагностирования психических расстройств, не обусловленных органическими предпосылками, не свободен от субъективизма, поэтому результаты специальных исследований могут иметь исключительно ориентирующее значение для определения разновидностей экзистенциальных утрат на стороне родственника или близкого лица. С другой стороны, следует

¹ См.: *Kasperska M. Personality Rights – A Universal Tool for the Recovery of Non-Pecuniary // Athens Journal of Law. – 2021. – Vol. 7 (4). – P. 576, 583.*

очень осторожно подходить к возможности расширительного толкования категорий нематериальных благ и интересов, полагая, что законодатель неслучайно связывает предоставляемую по ст. 151 ГК РФ правовую защиту, в т.ч. и с проявлением «простых» эмоций в ответ на совершаемое в отношении них посягательство. Хорошей иллюстрацией нецелесообразности признания в таком качестве родственных и иных тесных личных связей служит обеспечиваемая таким решением возможность заявления требований о компенсации морального вреда в случае любых нарушений таких связей, включая супружескую неверность, простой отказ от общения, разрыв помолвки и т.п.

Наконец, отдельного исследования заслуживает проблема определения правовой природы и правил возмещения расходов, понесенных потерпевшим или в его интересах третьими лицами, не входящих в категорию затрат, вызванных повреждением здоровья согласно ограничительному толкованию п. 1 ст. 1085 ГК РФ. В данной части речь идет об оплате стоимости товаров, работ и услуг, не предназначенных непосредственно для проведения мероприятий медицинской, социальной или профессиональной реабилитации, но имеющих своей предпосылкой начальный факт повреждения здоровья жертвы. В научной литературе такой вред именуется «собственно имущественным» вредом здоровью с возможностью отнесения к нему широкого перечня потерь, необходимых и разумных в сложившихся обстоятельствах, не ограничиваемых только лишь расходами¹.

В судебной практике, однако, наблюдается в целом скептическое отношение к соответствующим требованиям истцов, при этом обнаруживаемая здесь неопределенность касается юридически значимых характеристик возмещаемого ущерба, связываемых либо с преодолением последствий повреждения здоровья в их непосредственном, физическом значении, либо с самим фактом нарушения права. Так, в частности, в одном из случаев суд отказал во взыскании расходов по оплате проезда на такси, понесенных потерпевшей в связи с необходимостью посещения медицинских учреждений, указав на то, что

¹ См.: *Острикова Л.К.* Указ. соч. – С. 46.

установленный ей диагноз не создавал физических ограничений в передвижении¹. В другой ситуации расходы на приобретение топлива для автомобиля были взысканы в части, касающейся посещения диагностического центра для проведения МРТ головного мозга. Иные аналогичные затраты не были приняты во внимание, поскольку пострадавшая не смогла подтвердить наличие препятствий для пользования регулярными автобусными маршрутами².

Опыт комплексного анализа норм деликтного права ряда стран Европы, отличающихся наиболее полярным отношением к детализации возмещаемых затрат и потерь позволяет говорить о том, что категория сопутствующих расходов на самом деле не имеет определяющего значения для признания их подлежащими взысканию, если они могут быть протестированы на предмет определения одной из новых или возросших потребностей потерпевшего. Например, в Германии при разрешении ситуаций данного рода применению подлежат одновременно § 251 и § 843 ГГУ, что позволяет взыскивать транспортные расходы близких родственников на посещение потерпевшего в медицинском учреждении как вызванные появлением у него особой потребности в утешении и личном общении, невзирая на то, что повреждение здоровья не влечет за собой стойких нарушений³. В целях отграничения потребностей жертвы от желаний третьих лиц обосновывается критерий неизбежности понесенных трат, не всегда, однако, связываемый с «медицинской необходимостью» таких визитов⁴. В каждом случае количество «неизбежных» посещений определяется с учетом возраста пациента, характера его травмы, среды, в которой он находится, степени родства, наконец, конкретных обстоятельств случая.

¹ См.: Решение Раменского городского суда Московской области от 24 мая 2021 г. по делу № 2-1124/2021. – URL: <https://судебныерешения.рф/57131883> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Решение Кумертауского городского суда Республики Башкортостан от 02 февраля 2021 г. по делу № 2-80/2021. – URL: https://kumertauskiy--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6686654&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Markesinis B., Bell J., Janssen A. Markesinis's German Law of Torts.* – London: Bloomsbury Publishing, 2019. – P. 348 – 349.

⁴ См.: *Martin-Casals M. Op. cit.* – P. 38.

В Великобритании сохраняют свое значение прецеденты, позволяющие учитывать в составе «личных расходов» любые категории сопутствующих затрат потерпевшего, обусловленных ухудшением состояния его здоровья и соответствующих критериям разумности и обоснованности¹. На широту такого подхода указывают, в частности, примеры возмещения дополнительных расходов на отопление в связи с повышенной чувствительностью к холоду, затрат на приобретение дополнительных комплектов домашней одежды и постельного белья для лежачих больных и т.п.² В то же время, для «вычленения» компонента роста потребности используются строгие доказательственные стандарты – в частности, при расчете дополнительных затрат на одежду из суммы иска вычитаются предполагаемые обычные расходы на приобретение личных вещей, определяемые исходя из образа жизни жертвы.

Системность в исследуемом вопросе отличает опыт Франции, где рекомендациями Комиссии по исследованию вопросов оценки и возмещения телесных повреждений (COREIDOC, Commission de Réflexion sur l'Évaluation et l'Indemnisation du Dommage Corporel) предусмотрена оценка любых затрат на временные меры по преодолению неудобств, вызванных травмой, если таковые являются полезными и необходимыми с учетом характера повреждения. В ряду возможных вариантов упоминаются затраты, вызванные временным прекращением осуществления потерпевшим конкретных видов непрофессиональной деятельности (наем вспомогательного персонала для осуществления ухода за ребенком, работы по дому, временное переоборудование жилья и пр.), транспортные расходы (в части превышения обычных затрат или разовых расходов на посещение медицинских, экспертных учреждений)³.

¹ См.: *Hodgson v Trapp* [1989] AC 807. – URL: <https://www.lawteacher.net/cases/hodgson-v-trapp.php>; *Donnelly v Joyce* [1974] QB 454; [1973] 3 WLR 514; [1973] 3 All ER 475; [1973] 2 Lloyd's Rep 130; (1973) 117 SJ 488. – URL: <https://www.lawteacher.net/cases/donnelly-v-joyce.php> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Deakin S.F., Adams Z., Markesinis B.* Markesinis and Deakin's Tort Law. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 829.

³ См.: Lettre de la Commission de Réflexion sur l'Évaluation et l'Indemnisation du Dommage Corporel (septembre 2016, n°10) «Les frais divers (FD)». – URL:

Значение описанного подхода выходит далеко за пределы «зеркализации» проявлений временных и стойких нарушений функций организма. Например, транспортные расходы, понесенные в связи с проведением реабилитационных мероприятий, расходы на услуги экспертов, подготовку документации и т.п. надлежит возмещать в полном объеме, если исходить из возникновения у потерпевшего ранее не существовавшей потребности в совершении соответствующих действий из-за причинения физического вреда и направленность таковых на восстановление здоровья.

С другой стороны, некоторые категории потерь, традиционно отвергаемые в российской судебной практике¹, могут быть приняты во внимание пропорционально компоненту роста уже существовавшей потребности. Речь идет, например, о расходах на посещение пострадавшего в медицинском учреждении членами его семьи, которые следует принимать лишь в части, касающейся роста потребности в поддержке близких вне дома; расходах на пользование более комфортным транспортом для личных и рабочих целей – в части, превышающей затраты на перемещение обычным для потерпевшего способом; расходах на приобретение средств личной гигиены и вспомогательного оборудования для обеспечения достойного существования в период госпитализации – в части, превышающей стоимость имущества, пригодного к использованию в дальнейшем. Разумеется, в отношении третьих лиц следует полагать возможным также применение теста способности, если ими предпринимались меры по замещению потерпевшего в сфере домашнего труда, привлечению специалистов для оказания услуг по обеспечению личной автономии и т.п.

<https://www.aredoc.com/index.php/publication/lettre-de-la-coreidoc-n-10-les-frais-divers-fd/> (дата обращения: 14.01.2024).

¹ Основанием для отказа в иске чаще всего является отсутствие связи с повреждением здоровья, а также исчерпывающий характер перечня, предусмотренного ст. 1086 ГК РФ, – см., напр.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 октября 2022 г. по делу № 88-16267/2022. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=AvirQ&page=splus&ts=9HNYdXTGG7210fK22> (дата обращения: 14.01.2024); Определение Московского городского суда от 04 августа 2016 г. № 4г-7655/2016. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=AvirQ&page=splus&ts=9HNYdXTGG7210fK22> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

Любопытно, что обозначенные стандарты возместимости сопутствующих потерь отчасти сохраняют свое значение и в случае смерти потерпевшего от повреждения здоровья. Здесь, однако, специфика определения объема взыскания определяется не столько отсутствием субъекта права, сколько прекращением существования нематериальных благ (жизни и здоровья). По этой причине на первый план выходит критерий справедливости¹, что обязывает к иному правовому регулированию определения объема взыскания, собственно, назначаемое возмещение не охватывает собой «вреда жизни», но предусматривает лишь учет отдельных разновидностей чисто экономического вреда в силу прямого указания закона (к ним, по общему правилу, относятся расходы на погребение), возмещение конкретных утраченных способностей потерпевшего (на основе фикции сохранения таковых в части, в которой можно было бы разумно ожидать их реализации в пользу третьих лиц).

Включение целого ряда новых разновидностей «убытков» в объем физического вреда согласно приведенным требованиям не исключает существования иных, проистекающих из факта причинения вреда здоровью, потерь в зоне имущественного положения потерпевшего, каковые обычно связываются с сопутствующим нарушением общих экономических интересов последнего, невозможностью сохранения или преумножения принадлежащих ему материальных благ и имущественных прав. В данной части вновь актуальными оказываются примеры, затронутые нами применительно к проблематике утраченного шанса (потеря возможности заключения выгодного договора, открытия бизнеса и пр.). Кроме того, практика обращает внимание на ситуации, в которых состояние здоровья потерпевшего препятствует своевременному

¹ На такое понимание указывает, в т.ч. и то, что принцип справедливости в большей степени востребован именно в деликтных правоотношениях – см.: *Михайлова И.А.* Принцип справедливости как идейная основа деликтной ответственности (продолжение дискуссии) // Современное право. – 2023. – № 7. – С. 17.

исполнению им кредитных и иных обязательств перед третьими лицами, что влечет за собой потери, в т.ч. в виде имущественных санкций¹.

Ключевой особенностью таких потерь является их происхождение не от неблагоприятного события, а от другого, физического вреда, и в этом состоит их сходство с уже упоминавшейся категорией чисто экономических убытков. Последняя, как нельзя не заметить, активно дискутируется в российских научных кругах² и в наиболее общем виде используется в источниках для обозначения потерь, возникающих у субъекта, личность или имущество которого не претерпели на себе вредоносного воздействия. Любопытно, что различие между опосредованным нарушением общих экономических интересов потерпевшего и чисто экономическими потерями, в сущности, состоит лишь в характеристике носителя соответствующих притязаний, в качестве которого не может выступать первичный потерпевший. Неслучайно, одним из распространенных примеров чисто экономических убытков, возникающих вне сферы предпринимательской деятельности, считается вред, причиненный потерей кормильца³, в то время как с позиции правовой природы в данном случае речь идет об утрате трудоспособности. Тем более значимым в данном контексте видится исследование выработанных в науке подходов к возможности признания свойства возместимости за «убытками» данного рода.

¹ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 18 октября 2016 г. по делу № 33-39475/2016. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=801453#3aChdXTmnuVuLE Mx> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 июня 2016 г. № 33-10830/2016 по делу № 2-5443/2015. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=tWChdXTUdAsyx9jS1&cacheid=8E7741DADC9DE68D0AAD8B5B247A6441&mode=splus&rnd=AvirQ&base=SOSZ&n=169528#VmMhdX ТабУВGeae62> (дата обращения: 14.01.2024).

² См., напр.: *Копяков А.А.* Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2020. – № 1. – С. 146 – 196; *Туктаров Ю.Е.* Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006. – С. 138 – 168; *Драгунова Т.В.* Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 12. – С. 91 – 161 и др.

³ См.: *Палиенко И.В.* Пределы деликтной ответственности в российском праве (проблема чистых экономических убытков) // Юридическая наука. – 2019. – № 12. – С. 51.

Следует заметить, что идея о необходимости признания чисто экономических потерь не имеет стержневой опоры в единственной концепции или теории. Конкретное воплощение этой идеи может обосновываться с отсылкой к существованию «необычно тесной связи интересов»¹ между делинквентом и третьим лицом, обязанности причинителя вреда проявлять исключительную заботу о некоторых субъектах (к примеру, лиц, которые могут довериться распространяемой им информации)², наконец, потребностью в юридически-фиктивном переносе тех или иных потерь на третьих лиц в целях предупреждения нарушения принципа справедливости³.

С практических позиций, столкновение с исследуемой категорией порождает для конкретного правопорядка потребность в выборе одного из следующих путей решения проблемы – введении искусственной легальной конструкции для права или интереса, которое признается напрямую пострадавшим от нарушения, использовании телеологического метода для определения пределов ответственности⁴, прямого допущения возмещения некоторых косвенных убытков, исходя из принципов социальной справедливости, приоритетов правовой политики и пр. Вместе с тем, признание правомерности взыскания не прямых финансовых «убытков» требует вхождения в обсуждение вопросов пропорциональности предоставляемой правовой защиты с учетом баланса интересов сторон, а также обязанности потерпевшего самостоятельно принимать доступные меры для избежания подобных последствий (базируется на положениях ранее упоминавшегося п. 1 ст. 404 ГК РФ).

Следует полагать, что единственным основанием для присуждения в пользу потерпевшего потерь от сопутствующего нарушения общих экономических интересов может служить наличие умысла в действиях делинквента. Причем, говоря о таком умысле, которым не охватываются конкретные оцениваемые

¹ См.: *Лугманов Р.Р.* Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 2. – С. 118.

² См.: *Палиенко И.В.* Указ. соч. – С. 51.

³ См.: *Богданов Д.Е.* Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. – 2012. – № 3. – С. 91.

⁴ См.: *Askeland B., Cardi W., Green M.D.* et al. Decree. Op. – P. 75.

последствия, следует подчеркнуть потребность в модификации норм ст. 1085 ГК РФ. Реализация предлагаемого подхода предполагает дополнение указанной статьи положением о возможности взыскания сверх физического вреда потерь от нарушения общих экономических интересов потерпевшего, сопутствующих повреждению здоровья, в случае совершения умышленных правонарушений, исходя из принципов разумности и справедливости и с учетом возможности принятия потерпевшим разумных мер, направленных на предотвращение неблагоприятных последствий в соответствующей части.

Этот подход подчеркивает единые начала ответственности в гражданском праве, никак не опровергаемые различиями правовой природы встречного представления в договорных и деликтных обязательствах. Здесь представляется актуальным привести правило п. 4 ст. 401 ГК РФ, предписывающее не освобождать должника от возмещения убытков, причиненных умышленным нарушением обязательства, на основании договорного условия об исключительной неустойке. Что же касается потерь на стороне третьих лиц, традиционно относимых к косвенным убыткам, то таковые в случае соответствия тесту потребности могут быть взыскиваемы непосредственно понесшими их субъектами по правилам п. 1 ст. 1081 ГК РФ либо п. 1 ст. 984 ГК РФ. Возможность применения этих норм субъектами, добровольно возместившими вред в натуре, уже обсуждалась нами ранее.

Таким образом, анализ категорий связанных с физическим вредом экономических и неэкономических потерь дает возможность не только убедиться в достоверности ранее сформулированных выводов об объеме возмещения физического вреда, но и сформулировать некоторые завершающие замечания относительно параметров оптимального для него режима правового регулирования. В частности, следование принципу полного возмещения вреда позволяет считать обоснованным использование категории утраты шанса для обозначения особой разновидности сопутствующих экономических потерь, взыскиваемых дополнительно к физическому вреду при условии отнесения утраченной благоприятной возможности к динамическому аспекту личных

способностей и отсутствии оценочных механизмов для ее учета в рамках принятой системы компенсации. Исследование доктринальных подходов к возмещению экономических потерь, не обусловленных непосредственно проведением мероприятий медико-социальной реабилитации, свидетельствует о возможности их включения в объем физического вреда согласно тесту потребности. Не удовлетворяющие этому тесту потери, выражающиеся в нарушении общих экономических интересов потерпевшего могут быть признаны возместимыми в русле единых тенденций развития деликтной и договорной ответственности для случаев умышленных правонарушений, что, однако, требует внесения предлагаемых дополнений в ст. 1085 ГК РФ.

Подводя итоги исследованию объемной характеристики физического вреда в целом, следует отметить, что подразделение его на компоненты, наделяемые строго объективными и смешанными объективно-субъективными свойствами, представляется оправданным как с точки зрения обеспечения максимально полного восстановления положения, существовавшего до нарушения права, так и в контексте следования универсальным требованиям разумности и обоснованности возмещения. Компоненты, обоснованные динамико-реляционными характеристиками повреждения здоровья, в рамках оптимального режима правового регулирования подвержены абстрактной или конкретной экономической оценке с учетом их отнесения к возникающим или возрастающим потребностям и утраченным способностям потерпевшего. Особую роль в объеме возмещения физического вреда призван играть вред состояния, вводимый для обособленного учета общего снижения качества жизни потерпевшего из-за физической боли и неудобств, являющихся первичными проявлениями травматического повреждения. Использование этой категории позволяет уточнить область применения конструкции морального вреда, которая как для самого потерпевшего, так и для третьих лиц ограничивается возникновением и развитием субъективных физических и нравственных страданий из сопутствующих нематериальных потерь «особой ценности».

Глава 4. Особенности возместимости физического вреда в частных системах компенсации

§ 1. Система возмещения физического вреда, причиненного в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний

В рамках настоящего исследования уже обращалось внимание на то, что развитие правовых средств возмещения производственного вреда прошло длительный путь от модификации норм о деликтной ответственности и ее сопровождения обязательным страхованием до внедрения качественно новой социально-значимой разновидности личного страхования. Развитие этих тенденций способствовало тому, чтобы соответствующие отношения в течение длительного времени оставались вне сферы цивилистических исследований¹. Однако рассмотрение проблем выбора и соотношения форм и способов возмещения физического вреда показало, что характер и природа возникающих здесь правовых связей совершенно не свидетельствуют об их локализации в области действия права социального обеспечения.

Специфика современной системы возмещения вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, как известно, выражена в сочетании обязательного социального страхования лиц, работающих по трудовому договору, и некоторых других категорий занятых граждан (включая индивидуальных предпринимателей, добровольно вступивших в отношения по социальному страхованию, иных лиц, оказывающих работы и услуги по договорам гражданско-правового характера) и деликтной ответственности работодателя, наступающей при применении общих норм об ответственности за причинение вреда. В данной системе на льготных началах, не требующих установления вины работодателя в получении работником

¹ См.: *Благодир А.Л.* Отношения по обязательному социальному страхованию в предмете трудового права: история и современное состояние // Журнал российского права. – 2018. – № 7. – С. 74.

травмы или профессионального заболевания, установлены: «обеспечение» в виде страхового пособия (по временной нетрудоспособности); компенсации в счет возмещения вреда, причиненного стойкой утратой трудоспособности, - ежемесячная, рассчитываемая как процент от среднего заработка потерпевшего, соответствующий проценту стойкой утраты трудоспособности (аналогично возмещению утраченного заработка (дохода) по правилам ст. 1086 ГК РФ), и единовременная, рассчитываемая как тот же самый процент от фиксированной суммы (не зависит от предшествующего заработка пострадавшего); натуральные компенсации (оплата расходов)¹. Структура последних, за исключением утраченного заработка (дохода) и расходов на дополнительное питание, соответствует объему возмещения вреда здоровью в соответствии с § 2 гл. 59 ГК РФ.

Действие норм об обязательном социальном страховании не исключает возможности компенсации морального вреда, а также возмещения материального вреда в пределах, превышающих обеспечение по такому страхованию, по правилам § 2 гл. 59 ГК РФ. В то же время, основополагающие принципы и цели возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья работника, не установлены в нормах гражданского и трудового права с достаточной степенью определенности². Реализация существующей специальной системы возмещения производственного вреда сопряжена с рядом спорных моментов, среди которых можно выделить не до конца внятный подход законодателя к конкретизации правовой природы производственного страхования и его места в системе распределения потерь от производственных рисков, обусловленные таким подходом коллизии соотношения социальной и страховой форм возмещения, неопределенность относительно характера действия и сочетания деликтных индивидуализированных и перераспределяющих механизмов, наконец,

¹ См.: Колесниченко О.В. Зарубежный опыт применения специальных систем возмещения вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (на примере Германии и Великобритании), и перспективы его заимствования в российских условиях // Право и политика. – 2020. – № 8. – С. 18.

² См.: Сеницын С.А. Возмещение вреда, причиненного здоровью работника: взгляд с позиций гражданского и трудового права // Хозяйство и право. – 2020. – № 2 (517). – С. 109.

некоторую «закостенелость» и недостаточную эффективность способов восстановления пострадавшего нематериального блага.

Как следует из п. 1 ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» производственному страхованию в России присуща двойственная задача – предоставление мер социальной защиты пострадавшим и непосредственное возмещение вреда, причиненного последним при выполнении обязанностей по трудовому договору. Такая двойственность негативно сказывается на определении механизма назначения выплат при повреждении здоровья работника.

В особенности, обеспечение в виде страхового пособия по временной нетрудоспособности по механизму расчета и правовой природе представляет собой возмещение утраченной способности потерпевшего к трудовой или иной оплачиваемой деятельности, при определении размера которого базовым расчетным параметром является среднее вознаграждение потерпевшего по всем видам работ и иной оплачиваемой деятельности. Согласно существующему нормативному правовому регулированию данное пособие выплачивается за весь период временной нетрудоспособности застрахованного до его выздоровления или установления стойкой утраты профессиональной трудоспособности в размере от 60 до 100 % его среднего заработка, исчисленного в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»¹.

Вместе с тем, в силу требований п. 2 ст. 1085 ГК РФ данный вид обеспечения по страхованию не может уменьшать размер компенсации утраченного заработка (дохода) за соответствующий период, поскольку определяется законодателем не как «компенсация» или «форма возмещения вреда», а как «вид обеспечения». Иными словами, за период временной

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 18; 2023. № 14. Ст. 2375.

нетрудоспособности при наличии оснований для привлечения работодателя к гражданской ответственности потерпевший вправе претендовать на получение двух аналогичных по своей правовой природе и механизму расчета компенсирующих выплат. Напротив, компенсации в счет возмещения вреда, причиненного стойкой утратой трудоспособности (ежемесячная и единовременная), предусмотренные ст. 10 Закона № 125-ФЗ, уменьшают сумму, взыскиваемую с работодателя по правилам § 2 гл. 59 ГК РФ, поскольку являются «страховыми выплатами».

Нельзя не заметить, что единовременная страховая выплата по своему предназначению ближе к возмещению физического вреда состояния, поскольку рассчитывается от фиксированной суммы, не связанной с заработком потерпевшего, и не имеет аналогов в объеме возмещения вреда, определяемого в ст. 1086 ГК РФ. В самом деле, главным отличием порядка определения размера этой выплаты от ранее обоснованной методики определения размера физического вреда состояния является опора на критерий стойкой утраты профессиональной трудоспособности, а не показатели влияния повреждения здоровья на общее качество жизни потерпевшего, связанное со здоровьем.

Другим проблемным моментом служит то, что порядок возмещения расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованного лица содержит в себе ограничения предельных сумм выплат по отдельным разновидностям таких затрат, вводимые в целях экономии и оптимального распределения средств обязательного социального страхования. На фоне их действия правило о возможности привлечения работодателя к возмещению физического вреда сверх страхового обеспечения может приниматься в том значении, в котором возместительная обязанность по отношению к конкретным потребностям потерпевшего считается исполненной, если данное направление реабилитации уже было учтено при признании случившегося страховым событием¹. В то же время, налагаемые ограничения

¹ В судебной практике привлечение работодателя к деликтной ответственности традиционно связывается с возмещением утраченного заработка (дохода) при стойкой утрате

оказывают весьма существенное влияние на фактическую достижимость полноты возмещения. К примеру, оплата санаторно-курортного лечения предполагается не чаще 1 раза в год, независимо от наличия показаний к таковому у потерпевшего, стоимость проезда к месту лечения и реабилитации учитывается в размере, не превышающем затрат на пользование транспортными услугами для определенных видов транспорта, и т.п.¹

При наличии предпосылок для внедрения потребностного подхода к оценке последствий и возмещению физического вреда (обнаруживаются в регулировании порядка возмещения расходов на лечение пострадавших в результате тяжелых несчастных случаев на производстве), в целом для рассматриваемой частной системы компенсации характерным остается способ возмещения фактических затрат, но не натуральное возмещение. Поскольку механизм страховой защиты, по общему правилу, работает не напрямую от страховщика к поставщикам реабилитационных услуг, эта система остается наиболее приближенной к возмещению вреда по правилам гл. 59 ГК РФ и, таким образом, не позволяет воспользоваться преимуществами страхования.

Нельзя не сказать и о том, что отечественный законодатель весьма узко подходит к пониманию такой формы вреда здоровью, как «профессиональное заболевание», связывая наступление соответствующего страхового случая исключительно с действием вредных (опасных) производственных факторов. Утвержденный приказом Минздравсоцразвития России 27 апреля 2012 г. № 417 и

профессиональной трудоспособности, компенсацией морального вреда – см., напр.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Камчатского краевого суда от 01 июня 2023 г. по делу № 33-856/2023. – URL: https://oblsud-kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=6139191&case_uid=1d0618c3-c000-42b2-9e47-b3ed5b65d86a&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2021 г. по делу № 8Г-33936/2020[88-3450/2021-(88-32334/2020)]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/428:1> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 15 мая 2006 г. № 286 «Об утверждении Положения об оплате дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. 2006. № 21. Ст. 2263; 2023. № 31 (часть III). Ст. 6054.

периодически обновляемый перечень профессиональных заболеваний¹ распределяет таковые по категориям вредных (опасных) производственных факторов (физических, химических и др.), тогда как неблагоприятное воздействие на организм работника условий «ординарной» трудовой деятельности для целей выплаты страхового возмещения не оценивается. Экспертный способ определения расстройства здоровья в данном качестве в отечественной практике не применяется².

Об отсутствии легальных механизмов установления причинной связи условий труда с развитием конкретных заболеваний у работника косвенно свидетельствует и тот факт, что в сфере обязательного государственного страхования жизни и здоровью военнослужащих, государственных служащих в правоохранительной сфере и т.п. категорий, схожему по своей правовой природе с производственным страхованием, заболевание как таковое признается страховым случаем исключительно на основании временного критерия – если оно возникло или обострилось в период прохождения службы или в течение года после увольнения по состоянию здоровья³. Полагая, что только последствия действия вредных (опасных) производственных факторов или несчастных случаев на производстве могут иметь правовое значение для системы социального страхования, нельзя, однако, не заметить, что назначение выплат за расстройства иного порядка по правилам о деликтной ответственности также представляется затруднительным в отсутствие институциональных гарантий для определения их связи с условиями профессиональной деятельности.

Наконец, несмотря на определение страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний как страхования риска

¹ См.: Приказ Минздравсоцразвития России от 27 апреля 2012 г. № 417н «Об утверждении перечня профессиональных заболеваний» // Рос. газ. 2012. 23 мая.

² Диагноз «острое профессиональное заболевание (отравление)» предварительно выставляется пострадавшему медицинской организацией, в которую он обратился за лечением, а в окончательной форме утверждается специализированной медицинской организацией в области профессиональной патологии после составления органом государственного санитарно-эпидемиологического надзора санитарно-гигиенической характеристики условий труда работника.

³ Категории страховых случаев определены в ст. 4 ранее упоминавшегося Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ.

причинения вреда, а не риска наступления гражданской ответственности работодателя, законодатель формулирует механизмы, позволяющие учесть степень вины работника и снизить пропорционально таковой размер страхового обеспечения. Пункт 1 ст. 14 Закона № 125-ФЗ калькирует положения ст. 1086 ГК РФ об учете грубой неосторожности потерпевшего при расчете утраченного заработка (дохода) для случаев назначения ежемесячных страховых выплат¹. Более того, как и в рамках традиционного рассмотрения требований о возмещении вреда здоровью при предъявлении иска к делинквенту (в части утраченного заработка), вину пострадавшего для целей расчета страховой выплаты по обязательному страхованию требуется устанавливать в процентах. Единственное отличие состоит в том, что соответствующее значение не может превышать 25 %.

По существу, актуальная система возмещения вреда, ориентированная на профессиональные травмы и заболевания, сочетает в себе возместительные и обеспечительные начала, которые не всегда удачно вписываются в существующее гражданско-правовое регулирование отношений по возмещению вреда, причиненного здоровью под влиянием производственных рисков. Следует полагать, знание форм и способов возмещения физического вреда, а также его отдельных составляющих, хотя и облегчает задачу по упорядочению взаимосвязей между правовыми средствами, образующими рассматриваемую частную систему компенсации, не освобождает от необходимости выявления их истинной правовой природы и особенностей механизма действия. Решать эту вспомогательную задачу эффективнее всего на примерах их зарубежного опыта, поскольку это позволяет избегать распространенных клише о месте и роли тех или иных институтов в области гражданско-правовой регламентации исследуемых общественных отношений, использовать уже опробованные средства преодоления аналогичных проблем.

¹ См.: Колесниченко О.В. Зарубежный опыт применения специальных систем возмещения вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (на примере Германии и Великобритании), и перспективы его заимствования в российских условиях. – С. 19.

Мировая практика знает две основные модели специальных систем возмещения вреда, причиненного в результате несчастного случая на производстве, основное различие между которыми состоит в источнике средств, за счет которых покрываются потери потерпевшего¹. В странах бисмаркской модели (по имени канцлера Германии Отто фон Бисмарка) таким источником являются страховые взносы, уплачиваемые работодателями на производственное страхование, что делает такое страхование наиболее приближенным к страхованию ответственности. В государствах, реализующих бевериджскую модель (по имени У. Бевериджа, английского социального реформатора), перераспределение потерь от производственных рисков осуществляется с акцентом на средства социального обеспечения, источником для которых выступает общее налогообложение².

Большинство стран Европы на сегодняшний день придерживаются модели Бисмарка, предполагающей осуществление обязательного страхования риска причинения вреда, в котором вина со стороны жертвы обычно не имеет значения, однако возможность возмещения вреда по правилам о деликтной ответственности отсутствует или существенно ограничена законом (такие правила могут сохранять свое действие только для определенных типов несчастных случаев, исключительно для умышленного причинения вреда и т.п.)³. В свою очередь, Австралия, Великобритания, Канада, Италия, Португалия, США и ряд других стран ближе к модели Бевериджа, основанной на распределении социальной ответственности по трем уровням – от государства, обеспечивающего гарантированные минимальные выплаты, к работодателю, предоставляющему

¹ См.: *Chen H., Hou C., Zhang L., Li Sh.* Comparative study on the strands of research on the governance model of international occupational safety and health issues // *Safety Science*. – 2020. – Vol. 122. – P. 25.

² См.: *Hanvold T.N., Kines P., Nykänen M., Thomée S., Holte K.A., Vuori J.* et al. Occupational Safety and Health Among Young Workers in the Nordic Countries: A Systematic Literature Review // *Safety and Health at Work*. – 2019. – Vol. 10 (1). – P. 15.

³ См.: *Колесниченко О.В.* Зарубежный опыт применения специальных систем возмещения вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (на примере Германии и Великобритании), и перспективы его заимствования в российских условиях. – С. 20 – 23.

страховую защиту за свой счет, и до работника, участвующего в программах добровольного личного страхования¹.

Социальная ответственность в такой трактовке очень близка к пониманию справедливых перераспределительных механизмов, поскольку участие тех или иных субъектов в ее реализации представляется результатом принятия всем обществом и его отдельными институтами рисков несения материальных потерь, проистекающих от конкретных форм человеческой деятельности. Существо используемого правового средства не предопределяется характеристикой субъекта, исполняющего возместительную обязанность или участвующего в формировании специального фонда, в особенности, привлечение государства не делает применимую форму компенсации априори социально-обеспечительной.

Практика реализации этих моделей в течение столетий определяла специфику правовой природы производственного страхования как средства, обеспечивающего возмещение причиненного вреда, соотношение такого страхования с деликтной ответственностью работодателя и социальным обеспечением, порядок определения размера причиненного вреда и пределы компенсации. Принимая во внимание эти обстоятельства, исследование зарубежных подходов необходимо производить на примере стран, исторически реализующих наиболее полярные варианты базовых моделей либо предлагающих их наиболее неспецифичные сочетания на основе наработанного мирового опыта, непосредственно по заданным параметрам.

Система возмещения вреда, причиненного в результате несчастного случая на производстве, существующая в Германии («Berufsgenossenschaften», в буквальном переводе «профессиональная ассоциация, профессиональный союз»), заслуживает более предметного рассмотрения, поскольку, во-первых, является старейшей в мире – моментом ее появления считается вступление в силу закона о

¹ См.: *Kondo A.* Impact of increased long-term care insurance payments on employment and wages in formal long-term care // *Journal of the Japanese and International Economies.* – 2019. – Vol. 53. – P. 1 – 16.

социальном страховании в 1884 году¹, а, во-вторых, с самого своего появления и до настоящего времени служит эталоном для многих стран Европы и Америки, а также и России, продолжая совершенствоваться в русле экономических реалий.

Страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний здесь осуществляется за счет взносов работодателей, аккумулируемых некоммерческими государственными и частными (в зависимости от сектора экономики) страховыми фондами, специально созданными для этой цели. Его трактовка в качестве «страхования социальной ответственности» в доктрине связывается с признанием повреждения здоровья работника страховым случаем независимо от вины работодателя, назначением быстрой и комплексной компенсации застрахованным лицам, размер которой определяется без учета вины самого потерпевшего². Впрочем, участие государства в администрировании рассматриваемой схемы не меняет качественным образом существа лежащих в ее основе страховой и деликтной форм возмещения, на что указывает характер соотношения доступных потерпевшему правовых возможностей.

Следует отметить, что правило о замене возмещения вреда в порядке применения норм о деликтной ответственности страховым возмещением является строгим. Работник, прибегнувший к компенсации по обязательному страхованию, по праву Германии не имеет права на получение дополнительных компенсаций в порядке привлечения к деликтной ответственности работодателя даже в случае доказанной вины последнего в причинении вреда здоровью³. Таким образом, применение деликтной индивидуализированной формы возмещения блокируется

¹ См.: *Paridon H.M., Paridon Ch.M., Bindzius F.A.* The German Berufsgenossenschaften (institutions for statutory accident insurance and prevention): Organisation, mandate and activities in the area of mental health // *International Journal of Law and Psychiatry* – 2007. – Vol. 30 (4–5). – P. 405.

² См.: *Wich M., Auhuber Th., Scholtysik D., Ekkernkamp A.* Die Gesetzliche Unfallversicherung in Deutschland als erfolgreiches Beispiel einer Value-based-Healthcare-Struktur // *Zeitschrift für Evidenz, Fortbildung und Qualität im Gesundheitswesen*. – 2018. – Vol. 130. – P. 18.

³ См.: *Sozialgesetzbuch (SGB VII) «Siebtes Buch Gesetzliche Unfallversicherung»* (zuletzt geändert durch art. 5 G v. 10.12.2019 I 2135). – URL: <https://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbvii/1.html> (дата обращения: 14.01.2024).

требованием о надлежащей защите имущественных интересов добросовестного страхователя. Вместе с тем, два компонента обеспечивают сохранение практического значения и индивидуализацию механизма действия деликтной ответственности – при наличии признаков умысла в причинении физического вреда, а также если такой вред возник в результате дорожно-транспортного происшествия, потерпевшая сторона имеет право на обращение в суд с иском к работодателю за пределами суммы страхового возмещения.

Усиление начал индивидуализации достигается за счет дополнительного исключения, в соответствии с которым причинение вреда в форме профессионального заболевания не охватывается обязательным страхованием, если вызвано нарушениями правил охраны труда со стороны работодателя. В отношении таких случаев в полной мере действуют нормы о деликтной ответственности. Обнаруживаются в исследуемой схеме также признаки применения справедливого перераспределяющего механизма. Поскольку не существует препятствий для назначения страхового возмещения в ситуации, когда повреждение здоровья работника в процессе осуществления им трудовой деятельности произошло под влиянием случайных факторов, представляется возможным говорить о косвенном (через уплату страховых взносов) участии работодателя в справедливом распределении потерь, проистекающих от рисков производственной деятельности в целом.

В особо пристальном внимании нуждаются способы возмещения производственного вреда здоровью и характеристика разновидностей страхового возмещения, поскольку приоритетной задачей всей системы *Berufsgenossenschaften* считается не погашение обязательств перед потерпевшим посредством назначения денежной выплаты, но восстановление здоровья и трудоспособности застрахованного лица, предпочтительно, по уже имеющейся у него профессии¹. В рамках такого подхода возмещение большинства составляющих объема физического вреда производится в натуральной форме, для

¹ См.: *Oliphant K., Wagner G. Employers' Liability and Workers' Compensation.* – Vienna: Walter de Gruyter, 2012. – P. 265.

чего компетентные органы заключают контракты с Leistungserbringer (поставщиками услуг по лечению и уходу – нем.) без непосредственного участия пострадавшего лица. Размер возмещения не ограничивается ни предельными суммами, ни конкретными реабилитационными мероприятиями. В то же время, сбалансированный учет возникающих потребностей потерпевшего обеспечивается правилом о том, что периодическая выплата в счет возмещения вреда, обусловленного стойким снижением трудоспособности (Verletzenrente – нем.), может быть назначена лишь после того, как будут исчерпаны все возможные варианты восстановления здоровья до доступного уровня. Для целей назначения этой выплаты трудоспособность должна снизиться минимум на 20 % на 26 неделю после страхового случая¹.

Весьма примечательным является отличие Verletzenrente от соответствующего компонента возмещения вреда здоровью, назначаемого в общем порядке согласно § 249 BGB. Периодическая страховая выплата не требует обязательного наличия фактических потерь, но, напротив, определяется «методом абстрактного подсчета убытков»² в зависимости от процента утраты трудоспособности и среднегодового заработка потерпевшего. Такое регулирование со всей очевидностью свидетельствует о том, что в исследуемых правоотношениях возмещению подлежит именно утраченная способность к труду, рассматриваемая применительно к последней известной форме занятости потерпевшего.

Распределение отдельных видов потерь между правовыми средствами компенсации представлено рядом разрозненных правил, из которых наиболее привычным для нас является правило о том, что выплаты в счет возмещения утраченной трудоспособности не ориентированы на полное восстановление. Вторым расчетным показателем при их назначении (кроме утраты

¹ См.: Siebtes Buch Sozialgesetzbuch – Gesetzliche Unfallversicherung, § 56 Voraussetzungen und Höhe des Rentenanspruchs. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_7/_56.html (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Knies S., Boonen A., Candel M.J., Evers S.M., Severens J.L. Compensation Mechanisms for Lost Productivity: A Comparison between Four European Countries // Value in Health. – 2013. – Vol. 16 (5). – P. 743.

трудоспособности) служит величина, равная двум третям от среднегодового дохода потерпевшего. Восполнение компенсации доступно лишь в упомянутых отдельных ситуациях, когда деликтный механизм сохраняется как средство превентивно-воспитательного воздействия на нарушителя, однако требует доказательства фактической потери дохода.

Еще более любопытным выглядит рассматриваемое распределение применительно к потребности в реабилитации – если потерпевшему доступна только страховая форма возмещения, учету подлежит лишь потребность, удовлетворяемая с помощью услуг *Leistungserbringer*. В случае с деликтной формой возможным становится учет и возмещение аналогичной потребности, удовлетворяемой благодаря привлечению родственников или друзей на безвозмездных началах (§ 843 BGB), с той особенностью, что все деликтные выплаты могут быть снижены при наличии вины потерпевшего в случившемся. В целом, пример Германии обращает внимание на такое построение частной системы компенсации, при котором первичные потребности потерпевшего и часть способностей, находящихся в зоне влияния производственных факторов, возмещаются в страховой форме, а на деликтную систему относится учет всего разнообразия материальных потерь, причинно связанных с несчастным случаем.

Тем примечательнее выглядит на этом фоне характеристика возмездительного механизма, следующего бевериджской модели во варианте, наиболее полярном по отношению к модели Бисмарка, представленном в настоящее время в Великобритании. Воспользовавшись той же идеей о необходимости социализации деликтной ответственности, данный правопорядок предпочел отказаться от практики пропорционального взимания страховых взносов на специальную разновидность обязательного личного страхования (изначально 57 % взносов уплачивали работодатели, 26 % – государство и 17 % – сами работники)¹. Однако вариант привлечения к исполнению возмездительной обязанности страхового фонда, формируемого государством за счет общих

¹ См.: *Bale A. Medicine in the industrial battle: Early workers' compensation // Social Science & Medicine. – 1989. – Vol. 28 (11). – P. 1119.*

налогов¹, не привел к отнесению притязаний потерпевших к сфере действия права социального обеспечения. Напротив, сформировавшаяся частная система компенсации удивительным образом соединяет в себе свойства рассматриваемой в самом широком понимании деликтной перераспределительной, а также страховой и социальной форм возмещения.

Лежащее в основе этой системы страхование по модели *no-fault* («без вины» – англ.)² последовательно исключает вину в любых ее проявлениях (со стороны работодателя, работника, третьих лиц) из числа юридически значимых обстоятельств, устанавливаемых для назначения страховой выплаты. О том, что такое страхование представляет собой ничто иное, как правовое средство справедливого перераспределения между членами общества потерь, проистекающих от вполне конкретных (производственных) рисков, свидетельствует наличие критериев для признания повреждения здоровья профессиональной травмой или заболеванием. По общему правилу, воздействие условий труда может являться не только тем фактором, который непременно вызывает вред, но также вносить «существенный вклад» в его причинение³.

Обращение к официально утвержденному перечню профессиональных заболеваний, сгруппированных по видам профессий и специальностей⁴, позволяет избежать определения причинной связи с производственным риском в случае, если может быть доказано наличие определенного потенциального вредоносного фактора, минимальный период работы под его воздействием, минимальный уровень тяжести заболевания⁵. Применение института деликтной ответственности в заданных условиях допускается без ограничений, за пределами суммы

¹ См.: *Torres L.D., Jain A.* Employer's civil liability for work-related accidents: A comparison of non-economic loss in Chile and England // *Safety Science*. – 2017. – Vol. 94. – P. 202.

² См.: *Employment Accidents Insurance Act (20.8.1948/608)*. – URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1948/en19480608.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Beever A.* *A Theory of Tort Liability*. – London: Bloomsbury Publishing, 2016. – P. 16.

⁴ См.: *Guidance «Industrial Injuries Disablement Benefits: technical guidance» (Updated 11 July 2023)* - 14. Appendix 1: List of diseases covered by Industrial Injuries Disablement Benefit. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/industrial-injuries-disablement-benefits-technical-guidance/industrial-injuries-disablement-benefits-technical-guidance> (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ См.: *Hardy S.* *Social Security Law in the United Kingdom*. – The Netherlands: Kluwer Law International B.V., 2019. – P. 112.

страхового возмещения¹. И здесь нельзя не отметить, что специфика происхождения производственных рисков из сферы, подконтрольной в большей степени работодателю, нежели работнику, также вносит компонент справедливости в понимание сущности и назначения данного института.

Будучи формально подчиненной общим положениям деликтного права, ответственность работодателя фактически является строгой (на взгляд отдельных исследователей – «безвиновной»²), что связано с действием опровержимой презумпции наличия вины в случае установления факта нарушения тех или иных обязанностей в области охраны труда и техники безопасности. Индивидуализация деликтной формы возмещения, впрочем, остается доступной, поскольку работодатель может освободиться от участия в возмещении физического вреда, если докажет отсутствие причинной связи между допущенным нарушением и наступившими последствиями либо обусловленность последних непроизводственными факторами.

Еще рельефнее особенности рассматриваемой системы проявляются при исследовании вопросов об отдельных компонентах возмещения и возможности их зачета при возмещении из разных источников. В пределах страховой суммы возмещается не любой физический вред, но только тот, который соответствует стойкому ограничению жизнедеятельности в размере не менее 14 % (эквивалентно потере пальца). Любые иные изменения физиологического или психологического состояния, в т.ч. представляющие собой временные проявления неудобств физического состояния (болевые ощущения, неудобства при передвижении и т.п.), не принимаются во внимание. Более того, экспертная оценка стойких ограничений жизнедеятельности опирается исключительно на физиологические проявления повреждения, а значит, не могут быть учтены индивидуальные потребности пострадавшего, утраты способностей, имеющих значение в его личных обстоятельствах.

¹ См.: *Lambregts T.R., Schut F.T.* Displaced, disliked and misunderstood: A systematic review of the reasons for low uptake of long-term care insurance and life annuities // *The Journal of the Economics of Ageing*. – 2020. – Vol. 17. – P. 14.

² См.: *McBride N.J., Bagshaw R.* Tort law. – Oxford: Pearson UK, 2018. – P. 127.

Поскольку медицинская помощь и реабилитация всегда предоставляются в рамках социальной формы компенсации, страховые выплаты представляют собой нечто среднее между возмещением утраченной способности к получению иного социально-полезного результата в сфере занятости и компенсацией физического вреда состояния, и лишь в исключительных случаях для особо тяжелых травм устанавливаются две надбавки к ежемесячной выплате, компенсирующие потребность в постороннем специализированном уходе и помощи в быту. Данная особенность подчеркивается запретом на заявление требований, касающихся фактической потери дохода (относятся здесь к *pure economic loss*), а также применением в качестве расчетного параметра не среднего заработка потерпевшего, а фиксированной суммы. Единственным нюансом, подчеркивающим происхождение повреждения здоровья из сферы трудовой деятельности, является обязательное для привлечения страховщика условие о невозможности продолжения потерпевшим прежней трудовой деятельности.

Механизм исполнения возместительной обязанности, между тем, качественным образом отличается от традиционного для России подхода, предполагающего субсидиарное привлечение работодателя к возмещению вреда за пределами страхового обеспечения. При наличии комплекса условий для наступления деликтной ответственности и органам страхования, и органам управления системой общественного здравоохранения предоставлено право на взыскание с работодателя стоимости оказанных услуг или эквивалента назначенного страхового возмещения. Собственно, именно для урегулирования таких требований в государстве развита практика добровольного страхования ответственности в сфере трудовых отношений¹. При этом особенно любопытно, что на специальные надбавки к страховой выплате требования о возмещении

¹ См.: *Kaffash S., Azizi R., Huang Y., Zhu J. A survey of data envelopment analysis applications in the insurance industry 1993–2018 // European Journal of Operational Research. – 2020. – Vol. 284 (3). – P. 809.*

затрат на лечение, понесенных системой общественного здравоохранения¹, не распространяются.

Таким образом, можно утверждать, что социальная и страховая формы возмещения ориентированы на случаи повреждения здоровья в результате действия факторов профессиональной деятельности, неподконтрольных в полной мере сторонам трудовых правоотношений, тогда как при наличии признаков виновного нарушения со стороны работодателя обе эти формы полностью поглощаются деликтной индивидуализированной. В отличие от примера Германии, ни обязательное страхование, ни социальное обеспечение не предполагают даже попыток комплексного учета особых потребностей и утраченных способностей потерпевшего. Таковой становится возможным лишь при назначении деликтных выплат, причем в составе общего ущерба эти компоненты не подлежат последовательному отграничению от проявлений субъективных страданий, различного рода утрат «особой ценности»².

В целом приведенный пример наглядно иллюстрирует вариант обособленного применения традиционных форм возмещения физического вреда, в котором альтернативные возместительные механизмы остаются доступными потерпевшему ровно до того момента, пока не обнаруживается комплекс условий для наступления деликтной ответственности. Благодаря его изучению обнаруживается также, что действие справедливых гражданско-правовых механизмов может осуществляться не только через форму деликтной ответственности, но также с помощью института страхования, при условии участия общества и государства в целом в создании и обеспечении функционирования специализированного страхового фонда. Однако именно из-за этой особенности производственное страхование теряет здесь свою защитную направленность как в отношении работодателя, так и в отношении работника: первый уже не может быть защищен от обязанности по возмещению вреда, второй – от неплатежеспособности ответственного субъекта. Неудивительно, что

¹ См.: *Dyer K. Concentrate Questions and Answers Tort Law: Law Q&A Revision and Study Guide.* – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 39.

² См.: *Horsey K., Rackley E. Tort Law.* Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 635.

такая частная система компенсации требует в качестве обязательного условия ее эффективного функционирования развития практик добровольного страхования ответственности работодателей.

В общем, представляется возможным говорить о том, что практика реализации бевериджской и бисмаркской моделей, исследованная на наиболее полярных примерах, показывает, что применение одних и тех же правовых средств компенсации не означает наличия единственно возможно варианта их сочетания, выраженного в механической субсидиарности возместительной обязанности работодателя за пределами страхового возмещения¹. Сходством этих моделей является то, что в каждой из них страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний постулируется в качестве базового правового средства, с помощью которого осуществляется эффективное возмещение физического вреда, обязанного своим происхождением рискам профессиональной деятельности.

В связи со сказанным вполне закономерным является вопрос о том, применимы ли иные подходы к распределению функционала между таким страхованием и деликтной ответственностью, а, возможно, и иными альтернативными компенсационными схемами. Ответ на него может быть получен различными способами, но, на наш взгляд, значимые нетипичные подходы могут быть успешно рассмотрены на примере США, так как особенности федеративного устройства и относительно поздний переход к упрощенным правилам возмещения вреда, причиненного на производстве, создали в данном правовом порядке условия для формирования различных практических вариантов реализации концепции государства всеобщего благоденствия (*welfare state*²).

¹ См.: Колесниченко О.В. Зарубежный опыт применения специальных систем возмещения вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (на примере Германии и Великобритании), и перспективы его заимствования в российских условиях. – С. 19 – 30.

² Подробнее о современном понимании этой концепции см.: Nakabayashi M. From family security to the welfare state: Path dependency of social security on the difference in legal origins // *Economic Modelling*. – 2019. – Vol. 82. – P. 280 – 293.

Обращаясь к этому опыту, заметим вначале, что производственное страхование в США, разумеется, существует, однако, за редкими исключениями (страхование жизни и здоровья федеральных служащих, железнодорожников, моряков и работников береговых и судостроительных заводов¹) находится в компетенции штатов, что в значительной степени предопределяет развитие в пределах одного государства сразу нескольких схем. Отличия от ранее рассмотренных примеров обнаруживаются уже на стадии характеристики общих принципов их построения – следуя модели *no-fault*, все эти схемы предполагают, что страховое покрытие не может быть распространено на случаи повреждения здоровья, причины которых хотя бы гипотетически лежат вне области трудовой деятельности работника.

О том, что идея о социализации ответственности здесь не так сильна, свидетельствует то, что, по общему правилу, страховые взносы уплачиваются работодателями в пользу частных страховых организаций, и лишь в исключительных случаях (например, в Западной Вирджинии²) единственным страховщиком является страховой фонд штата. Целый ряд категорий лиц, считающихся занятыми, традиционно не имеют доступа к альтернативному компенсационному механизму, в частности, страховые взносы не уплачиваются фермерами, лицами, оказывающими услуги по ведению домашнего хозяйства, сезонными работниками с доходом ниже пороговой суммы и др.

Компоненты исследуемой частной системы компенсации также автономны, как и в аналогичной системе Великобритании, однако эта автономность носит иной характер. Участие работодателя в осуществлении страхования *no-fault*, как правило, делает невозможным применение норм о деликтной ответственности. Сохранение деликтного права требования возможно, если законодатель непосредственно закрепляет право работника отказаться от страховой выплаты,

¹ См.: *Yates W.D. Safety Professional's Reference and Study Guide.* – Boca Raton: CRC Press, 2017. – P. 471.

² См.: *West Virginia code – chapter 23 «Workers' Compensation».* – URL: <http://www.wvlegislature.gov/wvcode/chapterentire.cfm?chap=23&art=4§ion=6> (дата обращения: 14.01.2024).

избрав вариант обоснования своих притязаний по общим правилам tort law (деликтное право – англ.) (Невада¹), либо если производственное страхование не является обязательным в данном штате (Техас²).

Приоритет страховой формы возмещения обнаруживается и в ее взаимосвязях с формой социальной. Поскольку в США отсутствует всеохватывающая система медицинского страхования и социального обеспечения, при повреждении здоровья в результате несчастного случая на производстве специализированный страховой фонд становится основным источником покрытия соответствующих потерь, и коллизий с системой социального обеспечения, как правило, не возникает (за редкими исключениями – например, в Канзасе из страховой выплаты вычитаются суммы пособия по безработице³).

Правила определения размера страхового возмещения сформулированы с целью максимально полного учета причиненного физического вреда с тем ограничением, что необходимое восстановление направлено на возврат потерпевшего в состояние, позволяющее осуществлять прежнюю трудовую деятельность или минимизировать последствия невозможности ее осуществления. Иными словами, возмещается лишь своеобразный профессиональный компонент физического вреда, причем в части новых потребностей в лечении и реабилитации приоритет отдается натуральному способу возмещения – прямой оплате помощи и ухода в пользу предоставивших их субъектов. Радикальное решение находит проблема доказывания наличия и размера каждого из названных компонентов, поскольку выбор врача и медицинской организации производится

¹ См.: Nevada Revised Statutes (NRS) – Chapter 616 A-D «Nevada Industrial Insurance Act», Chapter 617 «Nevada Occupational Diseases Act». – URL: <https://law.justia.com/codes/nevada/2019/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Texas Labor Code – title 5. «Workers' Compensation». – URL: <http://www.texas-statutes.com/labor-code> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Kansas Revised Statutes – section 44-501. – URL: http://kslegislature.org/li_2012/b2011_12/statute/044_000_0000_chapter/044_005_0000_article/044_005_0001_section/044_005_0001_k (дата обращения: 14.01.2024).

либо самим работодателем (Алабама¹), либо государственным агентством (Калифорния²), либо самим работником, но из официально утвержденного перечня (Флорида³, Нью-Йорк⁴). В части утраченных способностей закономерно принимается во внимание лишь способность работника к трудовой или иной оплачиваемой деятельности, однако и здесь обнаруживаются некоторые дополнительные акценты на особенностях предмета возместительных отношений.

К примеру, временная нетрудоспособность подразделяется на полную и частичную⁵, последняя из которых предполагает сохранение способности к продолжению трудовой деятельности в период восстановительного лечения с некоторыми ограничениями или в специально созданных условиях, а, значит, и ограниченную компенсацию. Такое регулирование отражает компенсирующую, а не социально-обеспечительную природу исследуемого компонента возмещения, что особенно показательно в сравнении с отечественным регулированием. Как известно, в России оформление листка нетрудоспособности как на стационарном, так и на амбулаторном лечении предполагает стопроцентную (полную) утрату трудоспособности⁶, таким образом, при назначении соответствующего пособия ключевое значение имеет факт нахождения на лечении, а не реальная потеря способности к извлечению дохода.

¹ См.: Alabama Code - title 25 «Industrial relations and labor». – URL: <https://law.justia.com/codes/alabama/2009/Title25/Chapter5/Chapter5.html> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: California labor code – LAB § 5400. – URL: https://www.dir.ca.gov/dlse/Garment-Rules_and_Regulations.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: The 2019 Florida Statutes – chapter 440 «Workers' Compensation». – URL: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0400-0499/0440/0440ContentsIndex.html (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: Workers' Comp Statute Section (the Laws of New York). – URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/WKC/1> (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ См.: *Lucas D.L., Lee J.R., Moller K.M., O'Connor M.B., Syron L.N., Watson J.R.* Using Workers' Compensation Claims Data to Describe Nonfatal Injuries among Workers in Alaska // *Safety and Health at Work*. – 2020. – Vol. 2. – P. 93.

⁶ См.: Условия и порядок формирования листков нетрудоспособности в форме электронного документа и выдачи листков нетрудоспособности в форме документа на бумажном носителе в случаях, установленных законодательством Российской Федерации: утв. Приказом Министерства здравоохранения РФ от 23 ноября 2021 г. № 1089н, разд. I. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403037059> (дата обращения: 14.01.2024).

Так называемая «постоянная общая инвалидность» заявлена в значении, близком к утрате способности к неквалифицированному труду. Однако ее оценка на основе критериев, связываемых с характером повреждения¹, не препятствует введению в качестве дополнительного условия возмещения отсутствия способности потерпевшего к оплачиваемой работе. Страховщики обладают правом осуществлять ежегодные проверки с целью установить, работает ли на данный момент получатель пособия и способен ли он трудоустроиться². Наконец, при определении «постоянной частичной инвалидности» как аналога отечественной стойкой утраты трудоспособности сочетаются метод обесценивания, при котором нарушения функций органов и систем приводятся к некоторому стандартному значению³, и метод прогнозирования, позволяющий оценить потерю дохода на будущее время с учетом комплекса факторов (возраст работника, образование, профессиональная подготовка, навыки, характер травмы и существующие условия на рынке труда)⁴.

Эти примеры показывают, что производственное страхование не только ориентировано на определенный тип рисков, но и выдерживает эту ориентацию применительно к различным составляющим страхового возмещения (кроме случаев, когда параметры общего ограничения жизнедеятельности используются вынужденно, дабы упростить оценку утраченной трудоспособности и возместить ее в комплексе с другими потерями в пределах страховой суммы). В свою

¹ См.: Mississippi Code – title 71 «Labor and industry» (chapter 3 - Workers' Compensation). – URL: <https://law.justia.com/codes/mississippi/2010/title-71/3/> (дата обращения: 14.01.2024); Indiana Code – title 22 «Labor and Safety» (§ 22-3-2-2). – URL: <https://law.justia.com/codes/indiana/2019/> (дата обращения: 14.01.2024); Minnesota Statutes – chapters 175 - 186 «Labor, industry». – URL: <https://law.justia.com/codes/minnesota/2018/chapters-175-186/chapter-176/> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

² См.: Колесниченко О.В. Правовое обеспечение и условия возмещения вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, в России и США: сравнительное исследование // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – № 11 (168). – С. 139 – 145.

³ См.: *Rondinelli R.D.* AMA Guides to the Evaluation of Permanent Impairment, Sixth Edition: Hardcover. – Washington: American Medical Association, 2011. – P. 456.

⁴ Для этих целей чаще всего используется Руководство Американской медицинской ассоциации по оценке постоянных ограничений жизнедеятельности – см.: *Workers' Compensation: Overview and Issues: congressional analysis (updated February 18, 2020)*. – URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44580.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

очередь, общим принципом исследуемой частной системы возмещения является поглощение деликтной и социальной форм возмещения страховой формой при приоритете эффективной натуральной компенсации.

Предваряя выводы о возможном варианте построения компенсационного механизма соответствующего типа в российских условиях, нельзя не заметить, что изначально основными аргументами в пользу создания специальных систем возмещения вреда, причиненного работнику в ходе выполнения трудовой функции, являлись опасность и высокий производственный травматизм, характерный для некоторых видов производств, особые обстоятельства причинения вреда, в которых работник действует во исполнение указаний и в интересах работодателя, а также специфика производственных рисков, наличие которых значительно усложняет доказывание вины работодателя. Сегодня эти аргументы в значительной степени утрачивают свою актуальность¹. Так, случаи причинения вреда в ходе выполнения трудовой функции по степени распространенности уступают место повреждению здоровья на транспорте, в результате акта терроризма и др., существенно меняются, переносясь в офисы, условия труда, а обязательное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний распространяется и на лиц, которые не участвуют в трудовых правоотношениях.

Соответствующее страхование в русле развития идеи социализации гражданской ответственности воспринимается как средство защиты не только от специальных, но и общих социальных рисков (временной неспособности к труду в связи с выполнением семейных обязанностей, соблюдением карантинных ограничений и др.). Нарушение баланса внутри частной системы компенсации в сфере несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний предопределяется непониманием сущности лежащего в ее основе страхового средства, противоречивым регулированием последствий обращения потерпевшего к данной форме возмещения.

¹ См.: Колесниченко О.В. Правовое обеспечение и условия возмещения вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, в России и США: сравнительное исследование. – С. 140.

Представляется, что, приобретая свойство механизма справедливого перераспределения потерь, страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний продолжает оставаться, прежде всего, средством защиты участников гражданских правоотношений от рисков причинения вреда в сфере трудовой и иной профессиональной деятельности. Поскольку администрирование данной схемы государством не отменяет главного принципа формирования страхового фонда, в соответствии с которым уплата страховых взносов осуществляется субъектом, вовлекающим других в потенциально опасную деятельность, неприемлемо использовать ее ресурсы для выплат и обеспечения на случай повреждения здоровья под воздействием иных факторов (при ДТП, авариях на опасном объекте и т.п.).

С другой стороны, важно помнить, что защитный механизм страхования обращен не только к страхователю (выгодоприобретателю), но и к третьему лицу, в пользу которого оно осуществляется, будучи выраженным в данной части в защите от рисков неплатежеспособности ответственного субъекта, сложностей доказывания условий возложения на него возместительной обязанности. Эта компонента защитного механизма теряет свою эффективность, если закон допускает поглощение страховой формы деликтной для частных случаев наступления деликтной ответственности, а равно если элементы деликтной индивидуализированной формы компенсации внедряются непосредственно в механизм страхования (например, размер страховой выплаты по страхованию рисков причинения вреда определяется с учетом сопутствующей вины потерпевшего).

Исходя из этих предпосылок, можно утверждать, что возместимость физического вреда, причиненного в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, обеспечивается сбалансированным сочетанием возместительного страхования рисков причинения вреда и деликтной ответственности работодателей вкупе с корректным изъятием из объема юридически значимого физического вреда компонентов, компенсируемых в рамках принятых на себя государством социальных

обязательств. Страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в этой частной системе компенсации служит базовым правовым средством, подлежащим применению для всех ситуаций, в которых установлены факт причинения вреда, его размер и происхождение из сферы производства или профессиональных рисков. Институт деликтной ответственности используется субсидиарно, при наличии всей совокупности условий, необходимых для привлечения работодателя к такой ответственности. Впрочем, знание не только форм, но и объемной характеристики возмещаемого физического вреда позволяет определить такую субсидиарность в ином по сравнению с действующим законодательством значении, а именно, через распределение его компонентов по доступным правовым формам возмещения.

Оптимальное распределение, на наш взгляд, должно быть построено на различиях страховой и деликтной форм компенсации, выраженных в: предпочтительности определенного способа компенсации (в первом случае – натурального, во втором – денежного), характере связи отдельных компонентов возмещения с рисками трудовой или иной профессиональной деятельности (имеет значение либо безразлична), цели компенсации (скорейшее возвращение к трудовой деятельности или же восстановление положения, которое могло бы существовать в отсутствие нарушения права в целом), преобладающем порядке расчета выплат (на основе статистически обоснованных показателей или оценки индивидуальной ситуации).

При этом в системе страхования должны осуществляться: денежное возмещение утраты способности к трудовой или иной оплачиваемой деятельности как разновидности утрат, непосредственно находящихся в зоне влияния профессиональных факторов (за этот компонент будет отвечать возместительное по своей природе пособие по временной нетрудоспособности); преимущественно, натуральное возмещение новых или возросших потребностей потерпевшего в сфере лечения и реабилитации, денежное возмещение утраты личной автономии, объединяемые по признаку их содействия скорейшему возвращению потерпевшего к оплачиваемой занятости; денежное и натуральное возмещение

иных утрат и потребностей по остаточному принципу, исходя из лимита страховой выплаты; компенсация физического вреда состояния при отсутствии стойких нарушений. Привлечение работодателя к деликтной ответственности, в свою очередь, делает доступным возмещение утраты способности к получению иного (неоплачиваемого) полезного результата в сфере занятости; денежное возмещение остаточного компонента иных утрат и потребностей, сохраняющегося после обращения потерпевшего к страховой форме возмещения, прогнозируемых на будущее время; компенсацию физического вреда состояния для стойких ограничений жизнедеятельности; возмещение сопутствующих (экономических и неэкономических) потерь, возникающих на стороне потерпевшего и третьих лиц.

В случае со страховыми выплатами снижение размера отдельных составляющих может быть обусловлено исключительно лимитом страхового возмещения, с деликтными – также обстоятельствами, определенными в ст. 1083 ГК РФ, и степенью вины делинквента (для сопутствующих потерь). Для корректного изъятия из объема возмещения составляющих физического вреда, учитываемых системой социального обеспечения, думается, достаточно определения объема социальных обязательств в конкретной денежной сумме. В то же время, за потерпевшим должна быть сохранена возможность обращения к страховой форме возмещения базовых потребностей и утрат, если социальная форма по тем или иным причинам не может быть задействована эффективно и своевременно.

Такой подход требует сопровождения внедряемой схемы правилами об обратных требованиях, заявляемых страховщиком к субъектам, оказывающим потерпевшему услуги в сфере общественного здравоохранения и социального обслуживания, аналогичных по своей природе суброгационным требованиям в имущественном страховании, при условии, что их объем не меняет приведенного выше распределения, не приводит к переносу социального компонента возмещения на того или иного участника исследуемой частной системы возмещения.

§ 2. Система возмещения физического вреда, причиненного в результате дорожно-транспортных происшествий

Период возникновения и развития специальных правил возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), не столь продолжителен в сравнении с аналогичными правилами для несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (для постсоветских стран, в частности, речь идет об их внедрении в 2000-х гг.). Вместе с тем, повышенный теоретический и практический интерес к данной сфере обусловлен распространенностью фактов причинения физического вреда участникам дорожного движения в сравнении с фактами повреждения здоровья при выполнении трудовых обязанностей, в результате недостатков товаров и услуг, медицинской ошибки. Следствием проявления такого интереса становится активизация законодательной работы в направлении создания правовых гарантий для своевременного и эффективного возмещения вреда пострадавшим как в России, так и в зарубежных странах¹. Многие специальные, или льготные, системы возмещения вреда здоровью и оценки такого вреда разрабатываются и обосновываются именно для пострадавших в результате ДТП и страховщиков гражданской ответственности автовладельцев.

О наличии признаков формирования частной системы компенсации применительно к исследуемым правоотношениям в России свидетельствует специфическое сочетание страховых средств компенсации, предусмотренных ранее упомянутыми законами об ОСАГО и ОСОП, с правовой конструкцией деликтной ответственности владельцев транспортных средств. Последняя, подчиняясь родовым правилам об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, нередко именуется в доктрине

¹ См.: Колесниченко О.В. Сравнение специальных систем возмещения вреда, причиненного здоровью участников дорожного движения (на примере Израиля и Франции): поиск оптимальной модели правового регулирования // Транспортное право. – 2021. – № 1. – С. 10.

«безвиновной»¹, однако вернее было бы говорить о ее «независимости от вины»², «строгости», выраженной в ограничении материально-правовых средств защиты от деликтного иска (в таком качестве принимаются действие обстоятельств непреодолимой силы и умысел со стороны потерпевшего).

Специфику комплексного применения деликтной и страховой форм возмещения применительно к физическому вреду в данной системе обеспечивают: во-первых, сохранение правовой возможности получения страхового возмещения по договору ОСАГО, рассчитанного полностью по правилам § 2 гл. 59 ГК РФ, при одновременной утрате такой возможности в случае назначения страхового возмещения по договору ОСОП; во-вторых, наличие у потерпевшего права на взыскание недостающей части возмещения физического вреда с владельца транспортного средства (перевозчика): по правилам о строгой ответственности – для немоторизованных участников дорожного движения (пешеходов, пассажиров и т.п.), по общим правилам – для потерпевших-автовладельцев; в-третьих, распространение института предварительной страховой выплаты (назначается до принятия окончательного решения по страховому делу по договору ОСОП) на случаи наличия признаков причинения тяжкого вреда здоровью пострадавшего.

Сложившаяся частная система, помимо противоречий между различными страховыми средствами компенсации, отличается очевидно необоснованной дифференциацией правил оценки материального вреда, причиненного здоровью потерпевшего, в зависимости от статуса делинквента и пострадавшего в сфере

¹ См.: *Кузнецов М.В.* Ответственность без вины в предпринимательских отношениях // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». – 2017. – № 1. – С. 77; *Шлеинов А.А.* Безвиновная гражданско-правовая юридическая ответственность в гражданском праве РФ на примере ответственности за причиненный моральный вред // Юридические исследования. – 2020. – № 3. – С. 56; *Ли Ч., Менг С.* Внедоговорная ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами // Закон. – 2020. – № 3. – С. 53; *Павлухин А.Н., Михайлова И.А., Эриашвили Н.Д.* К вопросу об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, в гражданском праве // Закон и право. – 2021. – № 11. – С. 24.

² См.: *Соломин С.К., Соломина Н.Г.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М.: Юстицинформ, 2019. – С. 101 – 105; *Антонов А.А.* Указ. соч. – С. 28; *Шевченко Г.Н.* Указ. соч. – С. 74.

дорожного движения. Следует отметить также неэффективность компенсирующей функции страхования ответственности для случаев повреждения здоровья другого владельца транспортного средства, обусловленную исключением таких случаев из сферы действия конструкции строгой ответственности. Последнее означает необходимость установления степени вины каждого из участников ДТП в его совершении для назначения страховой выплаты, что нередко сопряжено с длительным судебным разбирательством¹.

Труднодостижимость цели полной компенсации для пострадавших с травмами, приводящими к инвалидности и иным стойким ограничениям жизнедеятельности, объясняется необходимостью получения ими периодических выплат в счет возмещения утраты способности к трудовой или иной оплачиваемой деятельности из разных источников – изначально от страховщика ответственности и далее, после инициации и завершения судебного разбирательства, от владельца транспортного средства (перевозчика)². При этом сформулированное в ГК РФ правило об учете грубой неосторожности пострадавшего при определении размера компенсации данной компоненты вреда нивелирует преимущества страхового возмещения, поскольку страховщик не вправе самостоятельно принимать решение о степени и характере собственной вины пострадавшего до решения этого вопроса судом.

Наконец, внедрение института предварительной выплаты по договору ОСОП не обеспечивает, как можно было бы ожидать, применения натурального способа компенсации роста и возникновения новых потребностей потерпевшего.

¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 24 апреля 2019 г. по делу № 33-18617/2019. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=41FD1A176C21F82402E334F43FA1C8AE&SORTTYPE=0&BASENODE=RAMSMARB&ts=15159780610990152893442324&base=MARB&n=1715642&rnd=CCE9E4511992875C4698844A5B9DE8A7#d2fbvagxv0g> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21 февраля 2019 г. № 33-3057/2019 по делу № 2-1866/2018. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=41FD1A176C21F82402E334F43FA1C8AE&SORTTYPE=0&BASENODE=52&ts=15159780610990152893442324&base=SARB&n=141400&rnd=CCE9E4511992875C4698844A5B9DE8A7#25rtaqro90b> (дата обращения: 14.01.2024).

Обусловлено это, с одной стороны, отсутствием правил об обратных требованиях к субъектам, оказывающим последнему социальные и реабилитационные услуги, без которых не представляется возможным наладить конструктивное взаимодействие в данном направлении. С другой стороны, препятствием к своевременному удовлетворению потребностей в лечении и реабилитации за счет средств страхования является требование об обязательном предоставлении потерпевшим доказательств наличия квалифицирующих признаков тяжкого вреда здоровью. В системе действующего правового регулирования такие признаки не могут быть установлены заинтересованным лицом самостоятельно, без обращения к субъектам, обладающим специальными познаниями (экспертов).

Как видно, повышенный доктринальный и правоприменительный интерес не гарантирует слаженной работы правовых средств, образующих в конкретном государстве специальную систему компенсации, что вызывает потребность в предметном сравнительно-правовом исследовании базовых принципов построения таких систем в различных государствах, выделении их преимуществ и недостатков. Обращаясь к мировой практике, следует отметить, что государств, не предусматривающих обязательного страхования и выплат страхового возмещения в счет погашения деликтных обязательств перед пострадавшим в ДТП, на сегодняшний день практически не осталось. Примерами могут быть лишь отдельные страны, в которых деликтная ответственность по-прежнему наделяется законодателем сильной карательной функцией, а факт ее страхования не оказывает существенного влияния на отношения между потерпевшим и делинквентом (Сингапур, Кипр, Мальта, Ямайка и др.).

Наиболее распространенными являются две модели построения специальных систем возмещения вреда, причиненного здоровью в результате ДТП, которые условно можно обозначить как деликтную модель компенсации и модель возмещения без вины (или модель отказа от деликта). Деликтная модель компенсации (большинство стран Европы, отдельные штаты Австралии, Канады и США, Япония) в наиболее обобщенном ее понимании сохраняет ответственность страхователя как промежуточный, но необходимый элемент для возникновения

обязательств страховой организации по договору страхования ответственности. Более радикальной является модель возмещения без вины (модель отказа от деликта), сущность которой сводится к введению института обязательного страхования риска причинения вреда, а не наступления ответственности с одновременным отказом от использования конструкции деликтных обязательств и ограничением размера возмещаемых потерь (полностью реализована лишь в Израиле, Новой Зеландии, штатах Квебек и Манитоба в Канаде, Северных территориях в Австралии и 21 штате США¹).

Концептуальными особенностями каждой такой специальной системы служат правовая природа и особенности применения режима гражданской ответственности владельца транспортного средства, соотношение такой ответственности с ее страхованием, порядок определения размера причиненного вреда и пределы компенсации. Наиболее эффективным, на наш взгляд, является исследование перечисленных особенностей на примере государств, позиционирующих полный отказ от конструкции деликтной ответственности за физический вред, причиненный в ДТП, и, наряду с таковыми, стран, принципиально сохраняющих данную правовую конструкцию на фоне внедрения специальных доказательственных стандартов, обеспечивающих повышенную защиту материальных интересов пострадавшего. Именно такой подход позволяет наиболее рельефно представить «плюсы» и «минусы» каждой из обозначенных моделей.

Характерным примером государства, заявляющего и, что особенно значимо, предметно обосновывающего в теории и судебной практике модель возмещения без вины в качестве лучшего способа решения проблемы возмещения физического вреда пострадавшим в результате ДТП, остается Израиль. Здесь с 1975 года действует Закон о компенсации жертвам дорожно-транспортных

¹ См.: *Schellekens M.* No-fault compensation schemes for self-driving vehicles // *Law, Innovation and Technology.* – 2018. – Vol. 10. – P. 314.

происшествий¹, модифицировавший институт гражданской ответственности автовладельцев и предусмотревший разновидность комплексного страхования, обеспечивающего возмещение вреда всем категориями потерпевших.

Наиболее значимой отличительной чертой режима деликтной ответственности автовладельцев является доктринально обоснованное и легально закрепленное преобразование таковой из строгой в абсолютную. Для последней характерно, что лицо, использующее транспортное средство, признается обязанным возместить причиненный им вред жизни и здоровью не только независимо от собственной вины в произошедшем, но и независимо от вины самого пострадавшего или третьих лиц, а равно воздействия независимых внешних факторов². В основе идеи абсолютной ответственности лежит представление об экономически справедливом перераспределении потерь, поскольку таковые возлагаются на автовладельца из-за большей «экономической эффективности» их возмещения, а также по признаку происхождения вреда от факторов, в сферу действия которых такие субъекты вовлекают третьих лиц³.

Признание деликтной ответственности сугубо перераспределяющим правовым механизмом в значительной степени предопределяет построение неразрывно связанных с ней страховых средств компенсации. Потенциал обязательного страхования в Израиле реализуется посредством сочетания привычного страхования и личного страхования самого владельца транспортного средства. При этом наиболее важным результатом взаимного влияния ответственности и страхования, как представляется, служит запрет на предъявление традиционных деликтных требований о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, основанных на вине, для всех лиц, наделенных правом на компенсацию согласно Закону 1975 года. В то же время, перевод

¹ См.: Road Accident Victims Compensation Law – 1975. – URL: <https://www.israelinsurancelaw.com/road-accident-victims-compensation-law-1975/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Kretzmer D.* No-Fault Comes to Israel: The Compensation for Victims of Road Accidents Law, 1975 // *Israel Law Review.* – 1976. – Vol. 11 (2). – P. 289.

³ См.: *Priel D.* The place of responsibility in tort liability // *Jurisprudence.* – 2019. – Vol. 10 (3). – P. 409.

деликтной перераспределяющей формы возмещения в деликтную индивидуализированную остается возможным для отдельных категорий грубых нарушений (при причинении вреда угнанным транспортным средством, автомобилем, используемым для совершения преступления, и др.). Это указывает на признание, пусть и в ограниченном объеме, воспитательной и превентивной функций ответственности.

Исследуемая частная система компенсации весьма показательна для анализа в части демонстрации возможностей комплексных правовых механизмов, основанных на идее справедливого перераспределения потерь, для целей обеспечения полноты и эффективности возмещения вреда. В частности, возмещение утрат способностей учитывает только утрату способности к оплачиваемому труду, и, хотя соответствующие выплаты являются периодическими сродни утраченному заработку (доходу) на будущее время в России, расчетным критерием при определении их размера является доход потерпевшего до травмы, не превышающий тройной средний заработок в стране. Предварительная выплата, учитывающая потребности в лечении и реабилитации, распространяется только на неотложные расходы определенных категорий (на медицинскую помощь, посторонний уход и нахождение в медицинской организации). С другой стороны, признание приоритета страховой формы возмещения над деликтной позволяет учитывать в общем объеме страховых выплат компоненту, родственную физическому вреду состояния. «Неэкономический» вред возмещается страховщиком в фиксированной сумме, определяемой с учетом возраста, процента общего ограничения жизнедеятельности пострадавшего, а также количества дней, в течение которых он находился на излечении.

Разумеется, невозможно обойти вниманием практические проблемы применения частной системы возмещения вреда, действующей в Израиле, не нашедшие до настоящего момента своего корректного разрешения. В первую очередь, приходится говорить о том, что исключение компонента вины из конструкции ответственности, при общем запрете деликтных исков, не

предполагает сопутствующего ослабления требований к доказательству причинной связи между происшествием и конкретным физическим вредом¹. Напротив, при установлении такой связи применяется достаточно строгий доказательственный стандарт, предполагающий наличие не только фактической, но также законной причины. Последняя существует лишь тогда, когда вред находится в пределах объема риска, возлагаемого законодателем на владельца транспортного средства, а значит, отдельные группы претензий пострадавших в системе компенсации независимо от вины также не принимаются для урегулирования, как если бы в государстве сохранялась традиционная конструкция ответственности².

Следует учитывать и то, что в Израиле так же, как и в России, отсутствует единый организационно-правовой механизм оценки вреда здоровью, а потому споры об объеме такого вреда переносятся из сферы деликтных отношений в отношения между потерпевшим и страховщиком, разрешаемые нередко в судебном порядке³. Этим еще раз подтверждается тезис о том, что выбор в пользу страховой формы компенсации не обеспечивает возместимости физического вреда при отсутствии системного представления о его юридически значимых характеристиках.

На контрасте с примером Израиля к рассмотрению может быть предложена система возмещения вреда, причиненного личности в результате ДТП в Голландии, - в первую очередь, потому, что, реализуя аналогичную задачу по созданию дополнительных гарантий для наиболее уязвимой стороны правоотношений, таковая предусматривает стандартный набор правовых средств, более приближенных по своей правовой природе и условиям применения к действующим в Российской Федерации. Предметного рассмотрения она заслуживает еще и потому, что, следуя в русле деликтной модели компенсации,

¹ См.: *Deffains B., Espinosa R., Fluet C.* Laws and norms: Experimental evidence with liability rules // *International Review of Law and Economics*. – 2019. – Vol. 60. – P. 44.

² См.: *Balakrishnan S.* Compensation for road crashes – is it sufficient? // *MedCrave Online Journal of Civil Engineering*. – 2018. – Vol. 4 (4). – P. 249.

³ См.: *Jagadish G.* Estimating the Human Cost of Transportation Accidents: Methodologies and Policy Implications. – Amsterdam: Elsevier, 2020. – P. 36.

предлагает специальные правила об ответственности за вред, причиненный здоровью в результате ДТП, приближающие ее по содержанию к модели отказа от деликта.

Указанные особые правила изложены в ст. 185 голландского закона о дорожном движении (*Wegenverkeerswet, WVV*¹ – нид.) и распространяются на «немоторизованных» участников дорожного движения, более уязвимых по сравнению с автовладельцами. В доктрине такая ответственность именуется квазистрогой² и отличается, во-первых, перераспределением бремени доказывания, а, во-вторых, независимостью от вины и ограничением средств правовой защиты ответственного лица ссылкой на наличие форс-мажорных обстоятельств³. В случае ДТП с участием автомобиля и немоторизованного участника дорожного движения (пешехода, велосипедиста) могут быть факультативно применены общие правила о гражданской ответственности, непременным условием наступления которой является вина (ст. 6:162 Гражданского кодекса Голландии, *Burgerlijk Wetboek, BW*⁴ – нид.), однако при совершении ДТП между двумя равнозначными участниками дорожного движения (два автомобиля, два велосипедиста и пр.) будут действовать исключительно требования *BW*.

Обязательное страхование ответственности за вред, причиненный третьим лицам (*WA-verzekering* – нид.), хотя и применяется в отношении транспортного средства, а не конкретного автовладельца, играет подчиненную роль в исследуемой частной системе компенсации, что выражается в привязке понятия страхового случая к общим и специальным условиям наступления деликтной ответственности. На характер и объем возмещаемого физического вреда не влияют ни выбор между деликтной и страховой формами возмещения, ни

¹ См.: *Wegenverkeerswet* 1994. – URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0006622/2020-12-01> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Slimmen M., Van Boom W.H.* Road Traffic Liability in the Netherlands // <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2975796> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Keirse A.L., Biezenaar J.* Eigen schuld en BGK in (deel) geschil; wie kent de tweede billijkheidscorrectie? // *Tijdschrift voor Vergoeding Personenschade*. – 2018. – Vol. 21. – P. 15.

⁴ См.: *Burgerlijk Wetboek Boek 6*. – URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0005289/2020-07-01> (дата обращения: 14.01.2024).

применение различных по содержанию требований WVW и BV при привлечении к деликтной ответственности. Обусловлено это, как следует полагать, универсальностью устанавливаемого гражданским законодательством принципа полного возмещения ущерба, содействовать реализации которого призвано обязательное страхование.

В сравнительно-правовом аспекте особый интерес представляет то, что даже в случае применения деликтной ответственности «за вину» определение отдельных элементов состава гражданского правонарушения имеет существенные особенности, в содержании которых скрыты дополнительные гарантии пострадавшим в результате ДТП. Противоправность поведения презюмируется, если участником дорожного движения был нарушен Кодекс дорожного движения (Reglement verkeersregels en verkeerstekens, RVV¹ – нид.), большинство норм которого направлены на предотвращение аварий. Нарушение Кодекса признается равнозначным злонамеренному действию в отношении других участников дорожного движения либо неисполнению неписаных норм надлежащего поведения в обществе.

В отношении причинно-следственной связи формально действует тест баланса вероятностей («conditio sine qua non» – лат.²). Однако при ДТП с физическим вредом суды склонны использовать правило «разворота» (omkeringsregel – нид.). Суть последнего, с учетом существующих доктринальных подходов, сводится к устойчивому предположению наличия причинной связи между ущербом и нарушением в ситуации, когда соблюдены два условия – нарушен кодифицированный акт или иной стандарт поведения, цель которого состоит в предотвращении конкретной опасности, и эта «конкретная опасность» фактически материализовалась в данной ситуации³. «Разворот» предполагает, что

¹ См.: Reglement verkeersregels en verkeerstekens 1990 (RVV 1990). – URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0004825/2020-01-01> (дата обращения: 14.01.2024).

² Здесь в значении «условие, без которого причинение вреда невозможно».

³ См.: Hoed J. Scheidslijnen tussen kansschade, proportionele aansprakelijkheid en de omkeringsregel: Enkele praktische opmerkingen over verschillen tussen deze drie leerstukken naar aanleiding van HR 27 oktober 2017, ECLI:NL:HR:2017:2786 // Maandblad voor Vermogensrecht. – 2018. – Vol. 16. – P. 195.

общий строгий доказательственный стандарт используется не истцом, а ответчиком, и не для подтверждения наличия, а для обоснования отсутствия причинной связи.

В приведенных условиях критически важное различие между охарактеризованным общим режимом деликтной ответственности и режимом строгой ответственности за причинение физического вреда немоторизованным участникам дорожного движения состоит в том, что для первого определение условий возникновения возместительной обязанности делинквента по-прежнему лежит на потерпевшем. Для второго, напротив, наличие противоправного деяния, причинившего вред, считается установленным, а владелец транспортного средства может быть освобожден от соответствующей обязанности лишь при подтверждении им наступления форс-мажорных обстоятельств (ст. 185 WvW). К последним, заметим, не могут быть отнесены механические дефекты автомобиля, поскольку обязанность водителя проявлять разумную осторожность в отношении технического состояния транспортного средства предполагается¹.

Специфичным образом представлено сочетание правовых форм компенсации применительно к различным компонентам физического вреда. В особенности, в отношении утраты способности к оплачиваемому труду задействован внешне социально-обеспечительный, а в действительности – перераспределяющий механизм, поскольку соответствующая выплата назначается Агентством по социальному страхованию работников (Uitvoeringsinstituut Werknemers Verzekeringen, UWV – нид.) с предоставлением данному государственному учреждению права требования к делинквенту и страховщику его гражданской ответственности. Тот же принцип применяется при возмещении стоимости лечения.

В свою очередь, для долгосрочных реабилитационных мероприятий избран несколько иной подход, примечательный из-за своей комплексности и выраженной направленности на учет потребностей, а не фактических расходов.

¹ См.: *Beex I*. Herstelrecht op het terrein van verkeersongevallen // *Recht der Werkelijkheid*. – 2020. – Vol. 41. – P. 84.

Специально созданным для этих целей государственным учреждением (Centrum indicatiestelling zorg, CIZ – нид.) организуется независимая оценка потребности пострадавшего в постороннем уходе и других долгосрочных мероприятиях реабилитации, после чего ему предоставляется право выбора между приобретением данных услуг в специализированном учреждении постоянного пребывания (например, доме престарелых) в пределах выделенного персонального бюджета или получением таковых в натуральной форме у частных лиц. В первом случае услуги долгосрочного ухода частично оплачиваются самим пострадавшим, соответственно, понесенные им затраты могут быть предъявлены к возмещению в рамках страховой суммы. Напротив, стоимость части гарантированных государством услуг по такому уходу не может включаться в общий объем возмещения вреда или являться предметом обратных требований со стороны специализированной медицинской организации¹. Иными словами, при приоритете социальной формы возмещения потребности в долгосрочной реабилитации область применения страхового механизма четко ограничена теми ситуациями, когда наиболее эффективное удовлетворение такой потребности возможно лишь за пределами предоставляемых населению государственных гарантий.

Характеристика порядка и условий возмещения компонентов физического вреда влияния в Голландии, вместе с тем, была бы неполной без исследования частных правил оценки сопутствующей вины потерпевшего при определении размера взыскания. Здесь любопытно, что при наличии аналогичного отечественному правила об уменьшении выплат пропорционально степени такой вины в процентах, практика его применения идет по пути стандартизации оценочных параметров. Верховым судом Голландии выработан принцип «корректировки справедливости» («billijkheidscorrectie» – нид.), который позволяет сохранять за уязвимыми участниками дорожного движения право на фиксированный процент от общей суммы ущерба, независимо от степени их

¹ См.: Bodily injury landscape Europe – The Netherlands (by Swiss Re), 2018. – URL: https://www.swissre.com/dam/jcr:f4860ccb-fb26-44a7-aa1e-6c1ac9ba2b98/2018_bodily_injury_landscape_netherlands.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

вины. Так, дети до четырнадцати лет (пешеходы или велосипедисты) получают стопроцентную компенсацию причиненного им физического вреда во всех случаях, кроме умышленных действий. Пешеходы и велосипедисты в возрасте от четырнадцати лет имеют право на гарантированную выплату в размере не менее пятидесяти процентов возмещения ущерба, даже если их собственная неосторожная вина в происшествии и составляла бы более пятидесяти процентов¹.

Голландский пример в целом показывает, каким может быть вариант сочетания деликтной, страховой и социальной форм возмещения при условии, что их комплексное применение объясняется не механическим переносом потерь на более способного к их возмещению субъекта, но различными требованиями к необходимой степени разумности и предусмотрительности поведения ответственного лица в зависимости от сферы его деятельности. Индивидуализация деликтной формы возмещения здесь достигается за счет уточнения условий наступления деликтной ответственности (вины, причинной связи, противоправности) вкупе с презумпциями их наличия для общего и специального правовых режимов, ограничением доступных средств правовой защиты от иска. Выработанные судебной практикой стандартизованные критерии оценки сопутствующей вины «уязвимых» участников дорожного движения при этом служат основой для эффективного функционирования системы страховых возмещений в рамках обязательного страхования ответственности, поскольку минимальные части компенсаций могут назначаться и выплачиваться до решения суда об определении степени вины и соответствующей ей части возмещения. Социальная форма компенсации, несмотря на наличие правил об обратных требованиях, корректно изъята из области гражданско-правового регулирования благодаря определению конкретных компонентов физического вреда, возмещаемых в натуре государством.

В то же время, к числу недостатков рассмотренной частной системы компенсации относятся «плавающая» граница между нормами закона и

¹ См.: *Beck* I. De rol van veroorzaker en verzekeraar bij excuses aan verkeersslachtoffers // *Tijdschrift voor Herstelrecht*. – 2019. – Vol. 19. – P. 69.

судебными позициями, попытка внедрения специальных правил, более лояльных по отношению к отдельным категориям потерпевших, в обход изменения гражданского законодательства. По этой причине нельзя не упомянуть еще одного государства, уделяющего пристальное внимание разграничению общих и специальных правил возмещения вреда для отношений, вызванных повреждением здоровья в результате ДТП.

Речь идет о Франции, где правовой режим соответствующих компенсаций введен Законом Бадингера (5 июля 1985 г.)¹ и представляет собой специфическое сочетание специальных норм о страховании риска причинения телесных повреждений и общих положений о деликтных обязательствах. Ключевым принципом закона является компенсация для всех пострадавших, а право выплаты страхового возмещения может быть реализовано в рамках договора страхования, действующего в отношении любого транспортного средства, причастного к происшествию, т.е. физически взаимодействовавшего с потерпевшим в момент происшествия.

Критерий причастности вводится для модификации традиционного понятия строгой ответственности, о чем свидетельствует тот факт, что только при его невыполнении пострадавший обязывается к определению причинно-следственной связи между воздействием транспортного средства и нанесенным вредом. При наличии нескольких участвующих в ДТП автомобилей у страховщика, выплатившего пострадавшему полную компенсацию, возникает право обратного требования к страховщику риска причинения вреда здоровью транспортным средством, непосредственно вызвавшим аварию.

Рассматриваемое регулирование, несмотря на приоритет страховой формы возмещения, следует принципу поглощения большей вины меньшей, поскольку при разрешении таких требований применяются общие положения гражданского

¹ См.: Loi n° 85-677 du 5 juillet 1985 tendant à l'amélioration de la situation des victimes d'accidents de la circulation et à l'accélération des procédures d'indemnisation. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006068902/2021-01-05/#:~:text=Les%20victimes%2C%20hormis%20les%20conducteurs,cause%20exclusive%20de%20l'accident> (дата обращения: 14.01.2024).

законодательства об установлении состава гражданского правонарушения без каких-либо изъятий в части вины и причинной связи. С другой стороны, страховая форма возмещения освобождена от применения таких средств защиты от деликтного иска, как ссылки на происхождение вреда от действий третьих лиц и форс-мажорных обстоятельств. Таковые ни при каких условиях не влекут за собой отказа в компенсации или уменьшения ее размера, независимо от того, кому конкретно причинен физический вред, – водителю, пассажиру, велосипедисту и др.

Последовательность разграничения деликтной и страховой форм возмещения находит свое отражение также в правилах учета сопутствующей вины потерпевшего, содержание которых в большей степени созвучно правилам освобождения страховщика от выплаты вследствие отсутствия у страхователя (застрахованного лица) интереса в сохранении объекта страхования. Так, несмотря на отсутствие во Франции принципа «корректировки справедливости» не допускается уменьшение компенсации для лиц в возрасте до шестнадцати лет и старше семидесяти лет и лиц, страдающих постоянной утратой трудоспособности более чем на 80 %, не являющихся водителями. Для других немоторизованных участников дорожного движения выплата всегда либо является полной, либо в принципе не назначается при проявлении ими «непростительной небрежности», приводящей, с доктринальных позиций, к нейтрализации причинной связи¹. Отличие от общего режима гражданской ответственности особенно заметно при корректировке суммы взыскания, назначаемого в пользу водителей, – формально такая корректировка требует учета сопутствующей небрежности, однако оценивается именно вина пострадавшего в причинении вреда ему самому, а не другому водителю.

Что касается порядка определения размера возмещения отдельных компонентов физического вреда, таковой не имеет существенных особенностей, поскольку независимо от причины повреждения здоровья судами и страховыми

¹ См.: *Blanquet B., Vaz-Cerniglia C. Le délit: un langage adressé // Adolescence. – 2018. – Vol. 361. – P. 97.*

организациями используется уже упоминавшаяся нами *Nomenclature Dintilhac* (страховое возмещение ограничено лишь лимитом ответственности страховщика). Только в отношении неэкономических потерь действует запрет на предъявление регрессных требований системы общественного здравоохранения и социального обеспечения¹, что указывает на сохраняющуюся проблему разграничения социально-обеспечительных и возмездительных обязательств. С другой стороны, некоторые специальные правила Закона Бадингера позволяют достичь оптимального учета компонента возникновения (роста) потребностей потерпевшего в медицинской помощи и лечении благодаря применению страховой формы компенсации. В частности, страховщик ответственен за проведение медицинского освидетельствования для оценки характера и степени причиненного вреда здоровью и внесение предложения о предварительной страховой выплате (в течение восьми месяцев после аварии)².

Резюмируя рассмотрение данного примера, следует заключить, что Закон Бадингера во Франции дал жизнь специфической разновидности деликтного перераспределяющего механизма, в котором применение критерия причастности сняло задачу определения не только вины, но также противоправности и причинной связи в качестве условий возникновения обязанности по возмещению физического вреда. В то же время, нормы об ответственности за вину не прекратили своего действия в полном объеме, но лишь поменяли сферу действия, перешли из области отношений с участием пострадавших и причинителей вреда в область правоотношений между страховыми организациями. Приоритет страховой формы компенсации способствовал более эффективному возмещению отдельных его компонентов. В то же время, из-за сохранения широких правомочий поставщиков гарантированных медицинских и социальных услуг по заявлению регрессных требований реальный объем возмездительной обязанности до настоящего момента остается неопределенным, а значит, затруднен переход от

¹ См.: *Rached H., Jousset N.* Décret. Op. – P. 1 – 10.

² См.: *Mel E.* La réparation des dommages associés aux soins // *La Revue de l'Infirmière.* – 2019. – Vol. 68. – P. 48.

деликтной перераспределяющей к деликтной индивидуализированной форме возмещения.

На фоне приведенного замечания вполне закономерен вопрос о том, обосновано ли сохранение общего и специального правовых режимов возмещения вреда пострадавшим в ДТП при строгой локализации в каждом из них собственных, жестко привязанных к ним, правовых средств компенсации – страховых и более традиционных деликтных. Любопытно, что представление о таком подходе дает гибридный механизм, сформированный при непосредственном влиянии Закона Бадингера и именуемый «автоматическими компенсациями» в Бельгии. Статья 29bis Закона об обязательном автомобильном страховании от 21 ноября 1989 г.¹. после длительных дискуссий о законности и конституционности возложения обязанности по возмещению вреда без вины была принята законодателем с отсылкой на полномочия государства по регулированию гражданских отношений в целях защиты основ нравственности и публичного порядка².

В настоящее время автоматическая компенсация может быть истребована только у страховщика либо, в прямо установленных законом случаях, иных ответственных лиц, исключая самого делинквента, а факт ее получения «незащищенным» пострадавшим не влечет за собой наступления ответственности автовладельца. Статья 29bis не распространяется на водителя и его иждивенцев, поскольку считается, что закон направлен на улучшение участи жертв, а не тех субъектов, которые создают своей деятельностью повышенные риски для окружающих³.

¹ См.: Loi du 21 novembre 1989 relative à l'assurance obligatoire de la responsabilité en matière de véhicules automoteurs. – URL: <https://www.code-de-la-route.be/textes-legaux/sections/lois/w211189/984-hs5bis> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Angel P., Berg O., Coninck B., Martin-Casals M., Gout O., Forti V. et al.* L'indemnisation des victimes d'accidents de la circulation en Europe: recueil des travaux du Groupe de recherche européen sur la responsabilité civile et l'assurance (GRERCA) / Groupe de recherche européen sur la responsabilité civile et l'assurance. – Bruxelles: Bruylant, 2015. – P. 2.

³ См.: *Marit I.* Op weg naar herstel: herstelrecht voor slachtoffers van verkeersmisdrijven // Tijdschrift voor Herstelrecht. – 2019. – Vol. 3. – P. 48.

Ближайшее ознакомление с содержанием ст. 29bis позволяет говорить о некоторых существенных особенностях механизма автоматических компенсаций, уже исходя из применимой терминологии. Так, в содержании данной нормы речь идет не о «причиненном», но о «понесенном» вреде, что указывает на отсутствие необходимости приписывать вред поведению конкретного субъекта права. Такой подход видится вполне естественным при применении критерия причастности, однако, в отличие от французского опыта, опосредуемого Законом Бадингера, его соблюдение в координатах действующего в Бельгии нормативного регулирования не всегда требует прямого контакта между транспортным средством и жертвой. Речь может идти о наиболее существенном вкладе в развитие аварии (его вносит, к примеру, транспортное средство, ограничившее видимость водителю другого автомобиля, если вследствие неверно рассчитанного маневра последнего произошло столкновение с жертвой)¹.

Гораздо больший интерес, впрочем, вызывает характер соотношения норм о деликтной ответственности и правил об автоматической компенсации, на который непосредственно указывает п. 5 ст. 29bis. В соответствии с этим нормативным положением общее регулирование обязательств из причинения вреда распространяется исключительно на отношения, прямо не урегулированные упомянутой статьей. Считается, что общие и специальные нормы действуют автономно, в то же время, в пределах покрытого по специальным правилам ущерба институт деликтной ответственности не применяется, поскольку повторная компенсация назначена быть не может. Поскольку страховщики и любые иные третьи лица лишены права обратного требования к субъектам, на которых возлагается гражданская ответственность за причиненный вред, в части автоматической компенсации, можно считать, что деликтные требования автоматически погашаются в части сумм, назначенных по правилам ст. 29bis Закона об обязательном автомобильном страховании.

¹ См.: *Angel P., Berg O., Coninck B., Martin-Casals M., Gout O., Forti V. et al. Décret. Op. – P. 7.*

В виду последовательного обособления автоматической формы возмещения для незащищенных участников дорожного движения от иных форм возмещения пострадавшим в ДТП, еще менее строгими, по сравнению с примером Франции, являются правила учета сопутствующей вины потерпевшего. Собственно, отказ в выплате предусмотрен только для одного случая, когда причинение вреда здоровью имело место в результате умышленного поведения самого пострадавшего, достигшего возраста четырнадцати лет, если таковой желал совершения аварии и наступления ее последствий. И здесь нельзя не заметить, что данное положение в представленной формулировке было введено лишь в 2001 г., тогда как в ранее действовавшей редакции ст. 29bis, по аналогии с французским Законом Бадингера, требовалось доказать умышленную вину исключительной тяжести, обнаруживая которую, пострадавший без уважительной причины подвергал себя опасности, которую должен был осознавать¹. Такое сложносоставное понимание субъективной стороны поведения потерпевшего, предполагающее установление умысла, его исключительной тяжести, осознания опасности и отсутствия у жертвы уважительных причин для того, чтобы подвергать себя таковой, было упрощено во многом во избежание произвольного судебного толкования.

По тем же причинам объем автоматической компенсации учитывает достаточно широкий, по сравнению с обычно принимаемым при определении размера страхового возмещения, перечень видов потерь. К ним относятся, в частности, стоимость лечения и транспортировки пострадавшего в медицинское учреждение, экономический и неэкономический вред, причиненный временным или стойким ограничением жизнедеятельности. В автономном организационно-правовом механизме оценки физического вреда учету подлежат такие параметры стойкого ограничения жизнедеятельности, как: 1) личные стойкие ограничения жизнедеятельности (по своей правовой природе данная компонента вреда

¹ См.: Loi modifiant diverses dispositions relatives au régime de l'indemnisation automatique des usagers de la route les plus vulnérables et des passagers de véhicules (Loi 19-01-2001). – URL: <https://www.code-de-la-route.be/pdf/wijzigingen/Verzekering/210201.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

сочетает в себе субъективные страдания и объективный физический вред (состояния), 2) экономические стойкие ограничения жизнедеятельности (в данной части производится оценка утраты способности к оплачиваемой деятельности, определяемая с учетом заработка (дохода) пострадавшего до травмы); 3) семейные стойкие ограничения жизнедеятельности (при оценке этого параметра определяется денежный эквивалент утраты способности к ведению домашнего хозяйства, для чего используются критерии личного вклада, наличия и количества детей, а также установленные стандартные нормативы).

В отношении текущих потребностей потерпевшего в лечении и реабилитации действует метод оценки фактических затрат, однако отсутствие подтверждающих документов не блокирует право на выплату, поскольку допустимы стандартные выплаты по нормативам (такие нормативы установлены, например, за час активной неспециализированной помощи в быту и при личной гигиене, час неактивной помощи, такой, как наблюдение за пациентом в ночное время и т.п.). В п. 2 ст. 29bis (1) содержится особое исключение для ущерба имуществу, позволяющее предусматривать в составе возмещаемого вреда здоровью расходы на ремонт протезно-ортопедических изделий и специальных транспортных средств, используемых по своему основному назначению, в целях минимизации проявлений стойкого ограничения жизнедеятельности.

Необходимо учитывать, что бельгийское законодательство не знает строгого разграничения категорий потерь и затрат, возмещаемых в рамках применения норм об автоматической компенсации и общих положений о деликтных обязательствах, а значит, правовое значение в каждом случае имеет размер причиненного вреда, заявленный и обоснованный пострадавшим. Недопустимо снижать размер компенсации с учетом степени вины пострадавшего при назначении автоматической компенсации, например, если тот же страховщик обязан произвести выплату другому участнику происшествия, на которого распространяются общие положения о деликтных обязательствах, и каждый участник ДТП в определенной степени виновен в случившемся.

В то же время, страховая форма возмещения, будучи обособлена от деликтной, никак не защищена от пересечений с социально-обеспечительными механизмами. Так, к примеру, Фламандское агентство для людей с ограниченными возможностями (Vlaams Agentschap voor Personen met een Handicap, VAPH – нид.) при составлении «Личного бюджета» («Persoonsvolgend Budget» – нид.), отражающего состав необходимых затрат на протезно-ортопедические изделия, средства реабилитации и специальные приспособления для лиц с ограниченными возможностями здоровья, учитывает при финансировании этих затрат возможность привлечения страховщиков по обязательному автомобильному страхованию. Аналогичные правовые возможности предоставлены Агентству по обеспечению качества жизни (Agence pour une Vie de Qualité, AViQ – фр.) – аналогу VAPH во франкоязычной части Бельгии¹.

В общем бельгийский пример отличается отказом от попыток подвести конструкцию деликтной ответственности под условия назначения и выплаты компенсаций исходя из самого факта причинения вреда здоровью в результате действия оговоренных рисков, в том виде, в котором такие условия обычно включаются в договоры личного страхования. Критерий причастности вводится в оборот исключительно для обозначения предпосылок возникновения права на автоматическую компенсацию, но не для обоснования идеи абсолютной ответственности, поскольку законодатель концентрирует правовой режим выплат для «незащищенных» участников дорожного движения в отдельной норме специального закона, не изменяя при этом общих положений деликтного права.

При определении размера возмещаемого вреда реализуется гибкий подход, позволяющий учитывать последствия стойкой утраты функций организма в различных сферах жизнедеятельности, а также назначать стандартные компенсации по обозначенным базовым параметрам при невозможности или нежелании пострадавшего обосновать понесенные расходы и потери «in

¹ См.: Bodily injury landscape Europe Belgium (by Swiss Re), 2018. – URL: https://www.swissre.com/dam/jcr:4ca8e673-1d61-47f9-afde-a7d62923855b/2018_bodily_injury_landscape_belgium.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

concreto»¹. Вместе с тем, строгое обособление деликтной и страховой (автоматической) форм возмещения делает преимущества страхования, такие, как упрощенность порядка оценки вреда и определения размера его отдельных компонентов, возможность быстрого и эффективного удовлетворения потребности в лечении и реабилитации, недоступными для целого класса потерпевших. В свою очередь, предоставление страховщикам по социальным разновидностям страхования права обратного требования к страховщикам по обязательному автомобильному страхованию (в пределах суммы автоматической компенсации) сближает рассматриваемый механизм с механизмом социального обеспечения, что закономерно порождает вопросы об обоснованности существования в одном государстве двух самостоятельных подсистем, выполняющих аналогичные функции.

В целом проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет прийти к ряду значимых выводов. В первую очередь, факторы повышенного риска в сфере дорожного движения, высокая частота случаев повреждения здоровья в результате ДТП и потребности в назначении пострадавшим своевременной и эффективной компенсации в развитых зарубежных правовых порядках влекут за собой модификацию конструкции деликтной ответственности с превращением таковой в абсолютную, возлагаемую на владельца транспортного средства независимо от чьей бы то ни было вины, а равно обстоятельств непреодолимой силы, либо в более традиционную строгую, сопровождаемую внедрением особых доказательственных стандартов для вины, отдельных составляющих ущерба и причинной связи. В корне абсолютной и строгой ответственности лежит общая идея о справедливости возложения материальных потерь, вызванных физическими повреждениями в результате ДТП, на автовладельцев как лиц, вовлекающих иных, «уязвимых», участников дорожного движения в сферу действия потенциально вредоносных факторов, или так называемую зону повышенного риска.

¹ В конкретном выражении – лат.

Наряду с этим, абсолютная ответственность отличается еще более выхолощенным содержанием, отсутствием опоры на функцию сдерживания, которая может быть реализована лишь при наличии законной обязанности проявлять необходимую степень разумности и предусмотрительности по отношению к третьим лицам, и только в случае виновного нарушения последней. Заменяя традиционное основание наступления ответственности критерием причастности или физического взаимодействия, абсолютная ответственность опирается в большей степени на предположение об экономической целесообразности упрощенного подхода к определению ответственного лица, а также потребность в сокращении потерь, возлагаемых в социальном государстве на системы обязательного медицинского страхования и социального обеспечения.

Сохранение конструкции строгой деликтной ответственности нередко сопровождается внедрением судебно-правовых презумпций в отношении определения иных, помимо вины, условий наступления такой ответственности. Так, например, противоправность и причинная связь между допущенным нарушением и причиненным вредом предполагаются, если имело место нарушение кодифицированного акта или иного специального стандарта поведения, цель которого состоит в предотвращении конкретной опасности, которая обычно увеличивается в результате нарушения этого правила (чаще всего речь идет о правилах дорожного движения, утвержденных в различных правовых формах), при условии, что причинителем вреда не доказано иное. Независимость от вины причинителя вреда в такой конструкции, в свою очередь, проистекает из специфических, повышенных требований к разумности и добросовестности владельцев транспортных средств, обязанных предвидеть и осознавать возможность причинения вреда, в том числе, и в ситуации нарушения правил дорожного движения другими его участниками, и предпринимать все усилия, направленные на его предотвращение.

Главное отличие от режима абсолютной ответственности состоит в том, что применимые судебно-правовые презумпции носит опровержимый характер, а форс-мажорные обстоятельства и случаи добровольного принятия на себя риска

пострадавшим, как правило, предоставляют автовладельцу и его страховщику правовые возможности для снижения размера компенсации. Наряду с этим, для «уязвимых» участников дорожного движения могут предусматриваться стандартизованные критерии оценки сопутствующей вины, вступающие в противоречие с традиционным учением о деликтной ответственности, однако предоставляющие гарантии для сохранения права на минимальную компенсацию (ярким примером здесь выступает принцип «корректировки справедливости» в Голландии).

Действие специальных правил, определяющих сущность и содержание строгой или абсолютной ответственности, уравнивается существованием института страхования риска причинения вреда (страхования по модели *no-fault*), реализуемым обособленно либо в комплексе с традиционным страхованием ответственности, что свидетельствуют о смешении деликтных и страховых правовых средств защиты интересов пострадавшего и приоритете компенсации над сдерживанием. В то же время, при участии в ДТП нескольких равноправных субъектов – водителей транспортных средств, каждый из которых продуцирует «повышенные риски», только институт личного страхования позволяет решить задачу эффективного и быстрого возмещения вреда, поскольку возникающие между указанными субъектами отношения не являются сферой применения вышеприведенных специальных правил и судебно-правовых презумпций, но остаются полем действия общих положений гражданского законодательства о деликтных обязательствах. Более того, вводимые в рамках конструкции абсолютной, а иногда и строгой ответственности показатели «причастности» транспортного средства к ДТП не исключают исследования отдельных аспектов причинности как связи между участием в аварии конкретного транспортного средства и понесенным вредом здоровью (особенно актуально для сложносоставных ДТП с участием нескольких автомобилей и множественностью физических взаимодействий).

В исследуемом контексте особый интерес представляет вариант последовательного разделения правового режима компенсации для

«незащищенных» участников дорожного движения и общего правового режима гражданской ответственности владельцев транспортных средств, при котором нормы о такой ответственности не прекращают своего действия в полном объеме, но как бы выводятся из области отношений с участием пострадавших в область отношений между страховыми организациями, что существенно упрощает задачу возмещения вреда. Наиболее эффективный пример реализации такого подхода в настоящее время показывает Бельгия, где в соответствии со ст. 29bis Закона об обязательном автомобильном страховании автоматическая компенсация за понесенный вред по критерию причастности может быть истребована только у страховщика, а факт ее получения пострадавшим из числа «незащищенных» участников дорожного движения (пешеходов, пассажиров) не влечет за собой наступления ответственности автовладельца.

Таким образом, можно резюмировать, что полный отказ от конструкции деликтных обязательств с участием владельца источника повышенной опасности в российских условиях является преждевременным, поскольку «безвиновные» схемы не устраняют проблем определения причинной связи и иных элементов состава деликта, помимо вины, а конструкция абсолютной ответственности не является панацеей против проблем урегулирования материальных претензий при авариях с участием нескольких водителей¹. С учетом вышеприведенных аргументов, следует заключить, что возместимость физического вреда, причиненного в результате ДТП, обеспечивается существованием смешанной частной системы компенсации, в которой обязательное страхование риска причинения вреда дополняет собой обязательное страхование гражданской ответственности, будучи используемым для защиты пострадавшего водителя и назначения ограниченной автоматической компенсации немоторизованным участникам дорожного движения.

Модификация института деликтной ответственности в такой системе связывается с внедрением опровержимой презумпции наличия причинной связи,

¹ См.: Колесниченко О.В. Сравнение специальных систем возмещения вреда, причиненного здоровью участников дорожного движения (на примере Израиля и Франции): поиск оптимальной модели правового регулирования. – С. 10 – 14.

устанавливаемой при нарушении Правил дорожного движения, а также минимального процента компенсации, которого пострадавший не может быть лишен при наличии сопутствующей вины в происшествии. Индивидуализация ответственности достигается посредством сохранения общих условий ее наступления (включая вину) в сфере заявления обратных требований между страховыми организациями.

Конкретное распределение компонентов возмещаемого физического вреда между используемыми правовыми средствами может быть построено на принципах, аналогичных частной системе компенсации для производственного вреда, с той разницей, что такие компоненты уже не будут иметь прослеживаемой связи с характером риска. Так, в системе страхования рисков причинения вреда целесообразно производить возмещение в фиксированных суммах утраченных способностей к оплачиваемому труду, обеспечению личной автономии и ведению домашнего хозяйства, натуральное и денежное возмещение новых или возросших потребностей потерпевшего в сфере лечения и реабилитации, компенсацию физического вреда состояния при отсутствии стойких нарушений. Через применение норм о деликтной ответственности и ее обязательном страховании может осуществляться денежное возмещение остаточного компонента утрат и потребностей, сохраняющегося после обращения потерпевшего к первичной страховой форме возмещения, компенсация физического вреда состояния для стойких ограничений жизнедеятельности, возмещение сопутствующих потерь потерпевшего и третьих лиц.

§ 3. Система возмещения физического вреда, причиненного в результате недостатков товаров, работ и услуг

Отечественное гражданское законодательство рассматривает случаи возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг в ряду специальных деликтов, о чем свидетельствует включение отдельного параграфа в гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда» (§ 3).

Несмотря на то что в доктрине присутствуют некоторые разночтения при определении правовой природы гражданской ответственности, возлагаемой на продавцов (изготовителей) товаров, а также лиц, выполняющих работы или оказывающих услуги (исполнителей), большинство авторов сходятся во взглядах относительно ее внедоговорного характера. Аргументируется это тем, что требование по ст. 1095 ГК РФ может быть заявлено не только покупателем товара или получателем услуги (потребителем)¹, но и любым иным пострадавшим субъектом. Упоминается также «связанность» потерпевшего основанием и условиями возникновения деликтных требований, обнаруживаемая несмотря на наличие договорных отношений с продавцом или исполнителем².

В отличие от производственных травм и повреждений здоровья, полученных в ДТП, на физический вред от недостатков товаров, работ и услуг не распространяется специальная разновидность обязательного страхования. В равной мере, не существует каких-либо особых правил для расчета и назначения отдельных компонентов деликтной выплаты, а потому не представляется возможным говорить о существовании в России еще одной полноценной частной системы компенсации. В то же время, содержание отдельных норм, упрощающих возмещение вреда здоровью потребителя, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения в контексте их достаточности для учета специфики случаев причинения такого вреда в потребительской сфере, сбалансированности общих положений о деликтных обязательствах с дополнительными защитными механизмами, вводимыми специальным законодательством.

Речь идет, во-первых, о норме ст. 1095 ГК РФ, устанавливающей строгую ответственность (ответственность независимо от вины) для случаев обнаружения

¹ См.: Колесниченко О.В. Возмещение вреда, причинного здоровью потребителя, по нормам о product liability: принципиальные направления совершенствования российского законодательства по результатам исследования зарубежного опыта // Lex Russica. – 2021. – № 11 (180). – С. 144.

² См.: Мамин А.С., Халин Р.В. Сравнительно-правовой анализ разграничения договорной и деликтной ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ и услуг по действующему законодательству РФ // Бизнес в законе. – 2013. – № 6. – С. 45; Кузнецова Н.В. К вопросу о страховании ответственности за качество как эффективном инструменте защиты интересов изготовителей и потребителей // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 178.

конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, предоставления недостоверной или недостаточной информации о таковых (ст. 1095 ГК РФ), основаниями освобождения от которой являются только обстоятельства непреодолимой силы и нарушение потребителем установленных правил пользования товаром, результатами работы, услуги или их хранения (ст. 1098 ГК РФ). Специальные условия применения данной нормы¹, как известно, вводятся п. 4 ст. 14 Закона РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП)², устанавливающим запрет на применение для освобождения от ответственности оговорки о невозможности выявить потенциально вредоносные свойства материалов, оборудования и т.п. с учетом современного уровня научных и технических знаний. Характеристику используемой деликтной формы компенсации в качестве перераспределяющей подтверждает правило ст. 1096 ГК РФ о возможности выбора ответственного лица (продавца или изготовителя товара), однако данная норма не применяется при оказании услуг (выполнении работ) и в случаях предоставления неполной или недостоверной информации о товаре.

Оценивая правовой режим компенсации потребительского вреда, разумеется, нельзя избежать упоминания «потребительского штрафа», назначаемого в случае неудовлетворения продавцом или исполнителем в добровольном порядке требований потребителя (ст. 13 Закона о ЗПП)³. Фактически такая выплата влечет за собой сверхкомпенсацию, в т.ч. и при заявлении физического вреда, однако это обстоятельство, на наш взгляд, не свидетельствует о внедрении института штрафных убытков, переносимого на отечественный правопорядок вследствие действия глобальных тенденций

¹ См. подробнее: *Соломин С.К., Соломина Н.Г.* Причинение вреда гражданину вследствие недостатков товаров, работ, услуг: вопросы квалификации // *Право и экономика.* – 2022. – № 11. – С. 14.

² См.: СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6206.

³ Иное мнение см. в работе: *Соломин С.К., Соломина Н.Г.* Причинение вреда гражданину вследствие недостатков товаров, работ, услуг: вопросы квалификации. – С. 14.

гармонизации и социализации права¹. В самом деле, взыскание потребительского штрафа никак не связано с особенностями поведения сторон в момент причинения вреда, формой вины, характером противоправного деяния. С учетом механизма действия упомянутый штраф может быть определен как вариант «законной неустойки»², призванной обеспечить добросовестное исполнение договорных обязательств между продавцом и потребителем, при этом определенный по правилам гл. 59 ГК РФ размер вреда здоровью может приниматься в качестве средства измерения дополнительной суммы взыскания.

Согласно существующей судебной практике, основные проблемы возмещения физического вреда, причиненного потребителю, по-прежнему составляет определение основания деликтной ответственности за такой вред, его характера и размера согласно ст. 1085 ГК РФ. В частности, прослеживается тенденция применения строгих стандартов доказывания причинной связи, поскольку от потерпевшего требуется обосновать, что именно обнаруженный дефект, а не какие-либо сопутствующие обстоятельства, являлся единственной, а не определяющей причиной вреда³. Установление наличия самого дефекта, согласно п. 6 ст. 18 Закона о ЗПП, предполагает подтверждение того, что таковой возник до передачи товара потребителю и именно в силу обстоятельств, лежащих в сфере, подконтрольной производителю (продавцу)⁴.

¹ См.: *Богданов Д.Е., Богданова С.Г.* Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // *Гражданское право.* – 2018. – № 6. – С. 35.

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 29 октября 2013 г. № 8-КГ 13-12. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=18117631903535028211454454&cacheid=8DFED00733A670E4DA24098D76422FDE&mode=splus&base=ARB&n=364172&rnd=0.4355655900035007#6cw0fjakrlk> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 26 апреля 2017 г. по делу № 33-16205. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2021232759012090061017150333&cacheid=F3B4193EA18EAF64DBC7BFD262FC0FB2&mode=splus&base=SOCN&n=846228&rnd=EEF6F931E27A5A7FD7966256E6A9A16D#8aoljwq0m9> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение Воронежского областного суда от 02 июля 2019 г. по делу № 33-4042. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2021232759012090061017150333&cacheid=3091219536CC5D020887F324CE486242&mode=splus&base=SOKI&n=348587&rnd=EEF6F931E27A5A7FD7966256E6A9A16D#2j072ku3pgo> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

⁴ См.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 января 2018 г. по делу № 33-716/2018. – URL:

Проблема эффективности и быстроты возмещения физического вреда, причиненного в потребительской сфере, актуальна в значительной степени в связи с тем, что из-за отсутствия страховых средств компенсации заинтересованному лицу остаются недоступными возможности назначения предварительной выплаты, прямой оплаты медицинских и реабилитационных услуг оказавшей их организации. В совокупности со всем сказанным нельзя не обратить внимания на то, что научные исследования в данной сфере не имеют своим предметом развитие альтернативных компенсационных механизмов и сконцентрированы, преимущественно, на определении правовой природы пассивной множественности лиц в возникающих обязательствах¹, поиске критериев разграничения деликтной и договорной ответственности² и т.п.

Следует заметить, что простое обращение к моделям правового регулирования отношений по возмещению вреда, причиненного личности потребителя или третьего лица в результате недостатков товаров, работ или услуг, используемых в зарубежных странах, не обеспечивает выработки непротиворечивых подходов к разрешению существующих проблем. В первую очередь, приходится констатировать, что рассматриваемое регулирование остается неоднородным и дифференцировано на сферу применения норм о *product liability*³ и сферу действия всех иных положений законодательства, имеющих отношение к ненадлежащим образом оказанным (выполненным)

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2021232759012090061017150333&cacheid=2E53FB66BD7096E134C0C6D371154391&mode=splus&base=SOSZ&n=215016&rnd=EEF6F931E27A5A7FD7966256E6A9A16D#1gw8ju1zx22> (дата обращения: 14.01.2024).

¹ См.: *Коренева В.Г.* Ответственность за недостатки товаров, работ и услуг как особый вид деликтной ответственности в гражданском праве Российской Федерации // *Бизнес в законе.* – 2011. – № 2. – С. 94; *Давтян-Давыдова Д.Н.* Субъекты обязательства по возмещению вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ и услуг // *Правовая парадигма.* – 2018. – № 1. – С. 48; *Летута Т.В.* Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, в договорных формах гражданского оборота // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2019. – № 7. – С. 39.

² См.: *Чугункин Е.В., Панкин Р.Д.* Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги, как специальный деликт в российском гражданском праве // *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика.* – 2016. – № 5. – С. 139.

³ Буквально «ответственность за продукцию», или ответственность за дефектный продукт (англ).

работам (услугам)¹. Льготный характер деликтной формы возмещения вреда для потерпевшего, выраженный в упрощенных требованиях к установлению наличия отдельных условий наступления возместительной обязанности, при этом характерен, в основном, для первой категории отношений. Впрочем, и здесь обнаруживается значительный объем уточняющих правил.

В американской модели возмещения вреда, причиненного дефектным продуктом, наибольший интерес вызывает регламентация условий наступления деликтной ответственности производителя и продавца в зависимости от типа недостатка (дефекта), к которым, как известно, относятся: производственные дефекты («*manufacturing defects*» – англ.), представляющие собой любые отклонения от заявленных характеристик товара; дефекты конструкции («*design defects*» – англ.), наличие которых предполагает, что предсказуемые риски причинения вреда могли бы быть уменьшены или предотвращены с помощью использования альтернативной конструкции товара; дефекты, вызванные ненадлежащими инструкциями или предупреждениями относительно данного товара («*marketing defects*» – англ.), когда предсказуемые риски причинения вреда могли бы быть уменьшены или предотвращены с помощью разумных инструкций.

Поскольку строгая ответственность наступает только для производственных дефектов², а дача надлежащих инструкций и предупреждений всегда оценивается с позиции проявления достаточной степени заботливости и осмотрительности³, областью применения льготных режимов остаются отношения по возмещению вреда, причиненного в результате дефекта конструкции. И здесь примечательно то, что специальные критерии распространяются не только на признание вины ответственного лица, но и на определение продукта дефектным в отношении

¹ Из числа последних нами сознательно исключены отношения по возмещению вреда здоровью, причиненного в сфере медицинской деятельности, поскольку для таковых в мировой практике разработаны комплексные частные системы компенсации. Соответствующие вопросы рассматриваются в § 4 настоящей главы.

² См.: *Daller D.* Product Liability Desk Reference: A Fifty-State Compendium. – New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2020. – P. 177, 377, 599, 665.

³ См.: *Friehe T., Pham C.L.* Products liability when consumers are salient thinkers // *Economics Letters*. – 2020. – № 186. – P. 47.

конструкции¹. В частности, тест потребительских ожиданий («consumer expectation test» – англ.) предполагает возложение на производителя (продавца) обязанности по возмещению причиненного вреда, если товар считается неоправданно опасным для любого «обычного» потребителя, с обычными познаниями относительно характеристик товара данного вида и рода. Полностью исключает исследование субъективного условия ответственности критерий соотношения полезности и риска («risk-utility test» – англ.), с помощью которого дефект и вина в нем производителя признаются установленными, если у ответственного субъекта имелась объективная возможность выпустить на рынок более безопасный товар с аналогичными характеристиками².

Представляется очевидным, что, претендуя на признание в качестве универсального средства установления сразу двух условий наступления компенсационной обязанности, каждый из тестов в той или иной степени ориентирован на приспособление общего стандарта доказывания вины под особенности отношений с участием потребителей, будучи обращенным к поиску критериев для проверки соблюдения должной степени заботливости и осмотрительности. Кроме того, критерий потребительских ожиданий весьма субъективен и непросто в применении, поскольку среднестатистический потребитель нередко вообще не имеет конкретных ожиданий относительно того или иного товара. Критерий соотношения полезности и риска может быть подвергнут обоснованной критике постольку, поскольку допускает выпуск на рынок любого, даже явно небезопасного продукта, если это экономически выгодно или полезно по тем или иным причинам.

Одновременно со всеми этими недостатками, нельзя не указать и на сохраняющуюся проблему определения причинной связи. В данной области американская модель не предлагает комплексных подходов, и лишь в отдельных случаях требование о доказательстве неизбежности причинения вреда дефектным

¹ См.: *Castellano A., Tohmé F., Chisari O.O.* Product liability under ambiguity // *European Journal of Law and Economics*. – 2020. – № 49. – P. 482.

² См.: *Baumann F., Rasch A.* Product Liability and Reasonable Product Use. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3739876 (дата обращения: 14.01.2024).

товаром заменяется на требование доказательства воздействия дефектного товара, обладающего «повышенной вероятностью» причинения вреда потерпевшему. Речь идет, например, о повреждении здоровья вследствие воздействия опасных веществ или их смесей¹.

Реализуясь в странах общего права, американская модель не предполагает введения ограничений на объем возмещения. Вместе с тем, к категориям общих и специальных убытков в потребительской сфере присоединяется дополнительный штрафной (карательный) вред, кратный их сумме, который уже не может определяться в значении способа обеспечения исполнения договорных обязательств. Поводом к назначению штрафных убытков могут служить умышленные действия, направленные на выпуск в обращение дефектного товара с целью увеличения прибыли, существенный вред здоровью и т.п., что со всей очевидностью указывает на совершенно иной подход к определению объема физического вреда, в который могут включаться сверхкомпенсации.

Критика такого подхода, на наш взгляд, находит свое основание не в разнонаправленности механизма деликтной ответственности (как уже отмечалось ранее, эта особенность в действительности продиктована едиными началами деликтной и договорной ответственности в гражданском праве), но в противоречивой оценке физического вреда. Компоненты последнего, как следует полагать, должны оставаться неизменными, независимо от их возместимости в конкретных правоотношениях, тем более что дополнительная выплата, будучи беспредметной по своему содержанию, может рассчитываться исключительно с опорой на критерий справедливости.

Исследование взаимосвязей с социальной формой компенсации, в свою очередь, позволяет обнаружить иной аспект влияния специального режима деликтной ответственности на полноту возмещения. В частности, в США как государстве-разработчике рассматриваемой модели в рамках требований к отчетности по федеральной программе Medicare установлена обязанность

¹ См.: *Arbatskaya M., Aslam M.V. Liability or labeling? Regulating product risks with costly consumer attention // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2018. – № 154. – P. 248.*

страховых компаний, производителей и иных лиц, отвечающих по product liability, в целях учета однородных требований сообщать информацию о любых расчетах с потребителями независимо от того, произведены ли они на основании судебного решения или добровольно¹.

Правовую основу европейской модели ответственности за дефектный товар составляет Директива Совета ЕС об ответственности за продукцию 1985 г.², в которой различия между типами дефектов не проводятся, а строгая ответственность производителя провозглашается в качестве «единственного адекватного средства решения проблем, свойственных веку развития технологий, способа справедливого распределения рисков». В национальных законах строгая ответственность за дефектный товар нередко не исключает действия норм об общей деликтной и договорной ответственности, а, напротив, применяется в комплексе с ними. Вследствие этого в доктрине распространена точка зрения, обосновывающая product liability как особый, «третий вид» имущественной ответственности или даже псевдострогую ответственность³.

Впрочем, ряд аргументов свидетельствует о том, что и без конкретизации в отдельно взятом правопорядке таковая в действительности далека от объективной независимости от вины. В особенности, определение товара как дефектного в значительной степени созвучно тесту потребительских ожиданий⁴ и предполагает, что такой товар не является безопасным в той мере, в какой потребитель вправе был предполагать, принимая во внимание его презентацию (маркировку, любые инструкции и информацию, представленную производителем), область предполагаемого использования, период выпуска в обращение. Проявление производителем необходимой степени разумности, заботливости и

¹ См.: *Baumann F., Friehe T.* Products liability, consumer misperceptions, and the allocation of consumers to firms // *Economics Letters*. – 2020. – № 185. – P. 65.

² См.: Council Directive 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A31985L0374> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Verheyen T.* Modern Theories of Product Warnings and European Product Liability Law // *Utrecht Law Review*. – 2019. – № 15 (3). – P. 44.

⁴ См.: *Castillo J.G.* Products liability in Europe and the United States // *Revista Chilena de Derecho*. – 2012. – № 39 (2). – P. 288.

осмотрительности сохраняет свое правовое значение в той мере, в которой специальный субъект освобождается от product liability, если дефект был вызван необходимостью обеспечить соответствие товара обязательным нормам либо являлся неизбежным с учетом технических или научных знаний на момент выпуска товара в обращение (ст. 7 Директивы)¹.

В сложившейся ситуации лишь выработка судебно-правовых позиций в некоторой степени приближает описанную «директивную» модель к достижению цели наиболее полного учета правового положения участников возместительных отношений в потребительской сфере. В данной части отдельного упоминания заслуживает выработанное в судебной практике Европейского союза расширительное толкование ст. 6 (1) Директивы, в соответствии с которым при причинении вреда в процессе эксплуатации товара, относящегося к одной партии или серии изделий, имеющих определенный, неприемлемо часто выявляемый недостаток, потребитель может быть освобожден от необходимости подтверждения наличия дефекта и причинной связи между дефектом и наступившим вредом². Презумпция причинной связи действует в случаях, связанных с разрешением технически сложных вопросов, и защитой основополагающей ценностей, включая право на здоровье. Суд признает данное обстоятельство доказанным, если рассматриваемый товар является «потенциально дефектным»³.

¹ См.: *Risso G. Product liability and protection of EU consumers: is it time for a serious reassessment?* // *Journal of Private International Law*. – 2019. – № 15 (1). – P. 229.

² См.: Judgment in Case C-503/13 and C-504/13 «Boston Scientific Medizintechnik GmbH v AOK Sachsen-Anhalt – Die Gesundheitskasse and Others». – URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-03/cp150031en.pdf> (дата обращения: 14.01.2024). Применению такого расширительного толкования, однако, пропорционально правило о том, что государства-члены сообщества вправе ограничить ответственность производителя за ущерб, причиненный идентичными товарами с аналогичным дефектом, фиксированной суммой.

³ См.: Judgment in Case C-621/15 «W And Others v Sanofi Pasteur». – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62015CJ0621> (дата обращения: 14.01.2024). Заявитель в данном деле должен был доказать, что введение вакцины против гепатита вызывало рассеянный склероз. В отсутствие научных и медицинских доказательств относительно возможности такой причинной связи, суд подтвердил дефектность вакцины, опираясь на отсутствие данного заболевания в семейном анамнезе пострадавшего и его развитие вскоре после введения вакцины.

Принципиальным отличием европейской модели от американской является исключительно компенсационный характер применяемых санкций, сопровождающийся запретом на взыскание штрафных (карательных) убытков. При этом не представляется возможным говорить о каких-либо общих закономерностях определения отдельных компонентов возмещаемого физического вреда в европейских правовых системах, поскольку Директива оставляет этот вопрос на откуп национальному законодателю. Важное исключение, вместе с тем, касается универсального правила о том, что введение специальных правил не исключает и не отменяет права на компенсацию базовых разновидностей неэкономических потерь (в нашем понимании они образуют физический вред состояния). Связи с социальной формой возмещения также определяются индивидуально, в зависимости от степени развитости системы социального обеспечения и ее способности безвозвратно принимать на себя часть потерь при повреждении здоровья.

В настоящее время европейская и американская модели *product liability* не только используются в качестве первоосновы для развития специальных правил возмещения потребительского вреда в большинстве стран мира, но и подвергаются существенным модификациям на фоне выработки новых подходов к определению причинной связи, пониманию дефекта товара и его правовых последствий, обеспечению эффективности компенсации.

В связи с невозможностью распространения на исследуемые отношения универсальных страховых механизмов (в первую очередь, из-за разнообразия реализуемых товаров и связанных с ними рисков) наиболее важными для исследования представляются некоторые частные примеры таких модификаций, направленные на решение проблем, сохраняющихся в классических моделях. В особенности, вызывает интерес опыт Швейцарии, где строгая ответственность в духе Европейской директивы 85/374/ЕЕС предусмотрена за вред здоровью, причиненный товаром, не обеспечивающим безопасность, на которую можно

было бы разумно полагаться¹. Наряду с таким достаточно типичным пониманием стандарта заботливости и осмотрительности судебной практикой выработано правило упрощенного определения причинной связи между дефектом и вредом. Поскольку считается, что убыток не возник бы, если бы продукт не был дефектным (естественная причинная связь), и что в свете обывательского опыта рассматриваемая неисправность / дефект обычно влекут за собой причинение вреда (адекватная причинная связь), допускается замена теста «полной убежденности» более низким стандартом «преобладающей вероятности»².

Правовая регламентация социальной формы возмещения не только подразумевает обязательное изъятие части объема юридически значимого вреда из суммы взыскания, но и установление дополнительных требований, препятствующих сверхкомпенсации. Так, согласно ст. 72 федерального закона «Об общих аспектах права социального обеспечения»³ при покрытии части причиненного вреда частными или государственными страховщиками по социальному или медицинскому страхованию только указанные страховщики сохраняют право на обращение к ответственному субъекту.

Факторная оценка обстоятельств, свидетельствующих о наличии причинной связи между дефектом товара и наступившим вредом, практикуется также в Малайзии, с единственным отличием в виде отсутствия в законе и судебной практике конкретного перечня принимаемых во внимание факторов⁴. Согласно сложившимся судебным-правовым позициям, причинная связь между дефектом и причиненным вредом признается установленной не только в случаях, когда в

¹ См.: *Produktehaftpflichtgesetz (PrHG) vom 18. Juni 1993 (stand am 1. Juli 2010)*. – URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19930205/index.html/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Extrait de l'arrêt de la Ire Cour civile dans la cause X. contre Y. AG (recours en réforme) 4C.298/2006 du 19 décembre 2006 (BGE 133 III 81)*. – URL: http://relevancy.bger.ch/php/clir/http/index.php?highlight_docid=atf%3A%2F%2F133-III-81%3Ade&lang=de&type=show_document (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: *Bundesgesetz über den Allgemeinen Teil des Sozialversicherungsrechts (ATSG) vom 6. oktober 2000 (stand am 1. oktober 2019)*. – URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20002163/index.html> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: *Consumer Protection Act, 1999 (Act № 599)*. – URL: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_isn=54121&p_lang=en (дата обращения: 14.01.2024).

отсутствие дефекта вред не был бы причинен, но и в тех случаях, когда существует два или более фактора, способствовавшие его причинению. Для оценки причинной связи в рамках такого подхода учитывается, действительно ли какое-либо из соответствующих событий или факторов внесло существенный вклад в наступившие неблагоприятные последствия¹.

Любопытно, что в отличие от классических моделей, в Малайзии принято распределение компонентов возмещения физического вреда между общими и специальными компенсационными механизмами. В частности, возмещение чисто экономического ущерба, компенсация боли и страданий могут осуществляться исключительно по нормам об ответственности за вину. В потребительской сфере при определении размера выплат чаще всего используется рекомендательный документ, разработанный Советом адвокатов Малайзии, – Сборник выплат за травмы², содержание которого недвусмысленно свидетельствует об учете, преимущественно, той компоненты физического вреда, которая отвечает за общее снижение качества жизни потерпевшего. К примеру, при травмах позвоночника необходимая сумма в пределах фиксированного диапазона значений определяется в зависимости от возраста и пола пострадавшего, состояния в браке и влияния на перспективы его заключения / продолжения, способности травмы воздействовать на общую симметрию тела, будущий выбор занятости для пострадавшего³.

Альтернативным по сравнению со всеми приведенными примерами может считаться вариант определения условий наступления *product liability*, принятый в Республике Корея, поскольку европейское понимание дефектного товара как не

¹ См.: Wu Siew Ying t/a Fuh Lin Bud-Grafting Centre v Gunung Tunggul Quarry & Construction Sdn Bhd & Anor [2011] 2 MLJ 1. – URL: <https://www.coursehero.com/file/28727041/Wu-Siew-Ying-ta-Fuh-Lin-Bud-Grafting-Centre-Federal-Court1PDF/> (дата обращения: 14.01.2024); Nurul Atikah binti Mustafa Kamal (seorang kanak-kanak mendakwa melaluibapa atau wakil litigasi, Mustafa Kamalbin Omar) v Nurazlina Suriani binti Zulkifly & Ors [2019] MLJU 178. – URL: <https://www.elaw.my/archive/MLRH20192378.html> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Revised Compendium of Personal Injury Awards (circular № 255/2018). – URL: https://www.malaysianbar.org.my/document/com_docman/gid/itemid&rid=27104 (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Civil Law Act 1956. – URL: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Act%2067.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

отвечающего необходимому уровню безопасности¹ здесь соседствует с правомочием судов самостоятельно вводить критерии определения дефекта и причинной связи. Такая схема не выдерживает критики потому, что условием применения специальных презумпций является способность потребителя подтвердить, что именно находясь в зоне исключительного контроля производителя, товар перестал быть безопасным².

В то же время, корейский подход остается весьма важным для сравнительного исследования в части, касающейся применения штрафных убытков, поскольку цели такого применения четко дифференцированы на обеспечение добросовестного поведения участников экономической деятельности (как и в российском праве) и усиление карательных начал гражданской ответственности. Согласно п. 2 ст. 3 специального закона, если производитель причиняет значительный вред жизни или здоровью человека, зная о дефекте в товаре, но не предпринимая при этом необходимых предупредительных мер, на него может быть возложена ответственность вплоть до трехкратного размера ущерба, понесенного пострадавшим. При определении кратности увеличения суммы компенсации учитываются обстоятельства, имеющие отношение к рынку в целом и конкретному потребителю: вид умысла, серьезность причиненного ущерба, финансовая выгода, полученная производителем от поставки товара, и др.

На понимание различий между имущественной ответственностью за нарушение обязательств перед потребителями (в широком смысле) и обязательствами по возмещению вреда, причиненного дефектным товаром, строится Кодекс защиты потребителей Бразилии³. Недостаток и дефект товара не

¹ См.: Product Liability Act (Partial Amendments to Act No. 14764 as of April 18, 2017). – URL:

https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=29469&lang=ENG#:~:text=The%20purpose%20of%20this%20Act,the%20defects%20of%20their%20products (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Supreme Court Judgment 98Da15934 (February 25, 2000). – URL: <https://eng.scourt.go.kr/eng/supreme/decisions/NewDecisionsView.work?seq=1367&mode=6&searchWord=> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Código de Defesa do Consumidor. – URL: <https://procon.to.gov.br/codigo-de-defesa-do-consumidor/> (дата обращения: 14.01.2024).

признаются Кодексом синонимичными категориями, напротив, применение ординарной ответственности производителя в гражданском обороте связывается исключительно с обнаружением недостатков, делающих товар непригодным для применения, снижающих его стоимость или уменьшающих количество (вес, объем и пр.). Только несчастные случаи, произошедшие при использовании или потреблении дефектного товара, являются сферой действия строгой ответственности, основание которой составляет «внезапное, неожиданное вредоносное воздействие», не предвидимое в обычных условиях эксплуатации. Исключительно в зоне такой ответственности используются выработанные судебной практикой презумпции причинной связи¹. В части определения объема возмещения бразильский пример важен еще и потому, что режим ответственности формально не влияет на объем возмещения физического вреда, в котором учитываются все причинно связанные с дефектом потери. В то же время, причинная связь с более отдаленными последствиями «усиливается» при совершении умышленных деяний, что позволяет варьировать компоненты выплаты².

При наличии столь разных подходов к определению условий наступления специальной ответственности в отношениях с участием потребителей (кроме вины) однозначно критически надлежит оценивать формальный подход к определению дефекта и причинной связи. Яркий пример его реализации дает сегодня китайский правопорядок, который в целом следует американской модели ответственности за дефектную продукцию, поскольку об обнаружении дефекта свидетельствует необоснованная опасность человеческой жизни или собственности³.

¹ См.: *Dyer K.* Указ. соч. Р. 178 – 180.

² О подобной зависимости причинно-следственной связи и вины в отечественной доктрине см.: *Евстигнеев Э.А.* Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // *Вестник гражданского права.* – 2020. – Т. 20 (№ 1). – С. 33 – 59.

³ См.: *Product Quality Law of the People's Republic of China.* – URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/Businessregulations/201303/20130300046024.shtml> (дата обращения: 14.01.2024).

Вместе с тем, китайский закон содержит важное уточнение о том, что при наличии национальных или торговых стандартов, установленных с целью защиты здоровья людей и безопасности имущества, дефект означает любое несоответствие таким стандартам. Установление причинной связи при таком регулировании фактически не осуществляется, если имеет место факт противоправного поведения производителя. Несмотря на кажущуюся ориентацию на защиту прав и законных интересов потребителя, представленное регулирование может создавать необоснованные препятствия для такой защиты, поскольку возмещение вреда становится невозможным, если товар оказался неисправным при соблюдении стандартов либо если таковые не были приняты на момент его выпуска в обращение.

В сложившейся ситуации актуальным является вопрос, можно ли решить проблему возместимости вреда, причиненного недостатками товаров, в принципе не прибегая к конструкции деликтной (общей или специальной) ответственности и производного по отношению к ней страхования, с помощью схем no-fault. Как уже отмечалось, для исследуемых отношений недоступна разработка универсального страхового средства защиты от рисков, связанных с обращением дефектных товаров. В то же время, мировая практика знает отдельные примеры применения института страхования для наиболее эффективного возмещения вреда, причиненного конкретными видами реализуемой продукции. Предпосылками для их внедрения традиционно служат обоснованные судебной практикой модификации конструкции деликтной ответственности.

В частности, во Франции, где строгая ответственность за ущерб, причиненный недостатками товара, в основном повторяет режим такой ответственности, установленный Европейской директивой 85/374 / ЕЕС¹, выработаны облегченные тесты определения причинной связи для случаев

¹ См.: Code civil, Livre III: Des différentes manières dont on acquiert la propriété, Titre III : Des sources d'obligations, Sous-titre II: La responsabilité extracontractuelle, Chapitre II: La responsabilité du fait des produits défectueux, art. 1245-1245-17. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA000032021490/#LEGISCTA000032021490 (дата обращения: 14.01.2024).

причинения вреда здоровью в результате вакцинации и действия лекарственных препаратов. Применение теории адекватной причинности для таких случаев позволяет устанавливать причинную связь, полагаясь на совокупность факторов, включая период от появления первых симптомов заболевания до приема препарата (вакцинации) и отсутствие других причин, которые могли бы повлечь за собой вред здоровью¹. Специальные презумпции применяются в комплексе с государственными схемами компенсации, реализующими модель страхования *no-fault*, распространяющимися, в частности, на лиц, заразившихся СПИДом, гепатитом В, гепатитом С или Т-клеточной лимфомой после переливания продуктов крови или лекарственных препаратов, полученных из крови человека во Франции, пострадавших в результате обязательной вакцинации, от побочного действия лекарства, указанного в инструкции препарата², и др.

В качестве общего правила, назначаемые в рамках таких схем выплаты направлены на возмещение компонентов физического вреда и связанных с ними потерь, имеющих наиболее тесную связь с происшествием (в частности, учитывается стоимость оказания первичной медицинской помощи, анализов и обследований, подтверждающих диагноз и его происхождение). Специальный компенсационный механизм полностью вытесняет социально-обеспечительную форму возмещения, но не исключает возможности индивидуализации ответственности. Подтверждение этому обнаруживается в том, что национальная система медицинского страхования наделена правом обратного требования как к страховым организациям (в пределах базовой стоимости оказанного лечения), так и к ответственным субъектам (в части, превышающей страховую сумму).

В то время как в европейских правовых порядках предложение новых инициатив о внедрении схем *no-fault* в последние годы было актуализировано в связи с экстренной разработкой не прошедших всех необходимых этапов

¹ См.: *Hoffman W., Hill-Arning S. Guide to product liability in Europe.* – Vienna: Springer, 2020. – P. 67.

² См.: Code de la santé publique, art. 1142-22. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006072665/ (дата обращения: 14.01.2024).

клинических испытаний вакцин от новой коронавирусной инфекции (COVID-19)¹, Япония показывает пример сочетания в пределах одного государства разных подходов к их толкованию и практическому применению, не ограничиваясь при этом развитием норм Закона об ответственности за продукцию 1994 г.² При всем том особый интерес здесь представляет не типовая схема возмещения вреда, причиненного в результате вакцинации³, или аналогичная ей схема для побочного действия лекарственных препаратов (медицинских изделий)⁴, но специальный компенсационный механизм, предусмотренный Законом о безопасности потребительских товаров 1973 г.⁵ В основе рассматриваемого механизма лежит классическая идея о справедливом перераспределении материальных потерь на субъектов, продуцирующих риски их причинения в своей экономической деятельности, однако ее звучание выглядит весьма современным. Участниками схемы являются производители, выпускающие на рынок продукцию, подлежащую обязательной маркировке знаком сертификации «SG-Mark». Осуществляющая такую маркировку Ассоциация по безопасности потребительских товаров признается обязанной к возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью потребителя, в силу самого факта наступления неблагоприятных последствий⁶.

В целом можно говорить о том, что применение страховой формы возмещения и альтернативных компенсационных механизмов в исследуемых

¹ См.: *D'Errico S., Zanon M., Concato M. et al. No-fault compensation program for COVID-19 vaccines as feasibility and wisdom of a policy instrument to mitigate vaccine hesitancy // Vaccines. – 2021. – Vol. 9. – № 10. – P. 11.*

² См.: Product liability act № 85 (1994). – URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=04&id=86&re=02> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Immunization Act № 68 (1948). – URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=04&re=02&id=2964&lvm=02> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: Pharmaceuticals and Medical Devices Act № 192 (2002). – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/> (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ См.: Consumer Product Safety Act № 31 (1973). – URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/jap158112.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

⁶ См.: Civil Code, Part I, Part III Claims, Chapter V Torts. – URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&id=2057&re=02&vm=02> (дата обращения: 14.01.2024).

отношениях всегда ограничено не только конкретными видами продукции, но и обстоятельствами повреждения здоровья. Такой вред обуславливается непредвиденными реакциями организма, недостатком знаний в областях, где отказаться от производства той или иной продукции невозможно на фоне потребностей в обеспечении национальной безопасности, охраны здоровья населения в целом. Например, в Германии, наряду со специальным перечнем случаев применения строгой ответственности в Законе об ответственности за качество продукции¹, частное указание на применение такого механизма содержит Закон о фармацевтических препаратах².

Подытоживая, обратим внимание на то, что представленный в нормах отечественного законодательства подход, несмотря на попытку разграничения видов дефектов товаров, следует в русле европейской модели, предполагающей ответственность без установления вины единственным адекватным средством решения проблемы защиты имущественных интересов потерпевших. Как и в европейской модели, специальные правила являются именно правилами о product liability, поскольку распространяются, по преимуществу, на сферу производства и реализации товаров, а не услуг. Несмотря на общее значение нормы ст. 1095 ГК РФ об основаниях возмещения вреда в отношениях с участием потребителей, некорректным представляется само указание на возможность наличия конструктивных недостатков у услуги ввиду отсутствия «конструкции» у таковой³.

Отечественный законодатель не формулирует дополнительных средств защиты производителя (продавца), позволяющих учитывать его субъективное отношение к допущенному дефекту и причиненному вреду и даже прямо запрещает защиту «рисков развития», не разграничивает оснований

¹ См.: Produkthaftungsgesetz vom 15. dezember 1989 (BGBl. I S. 2198). – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/prodhaftg/ProdHaftG.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Arzneimittelgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 12. dezember 2005 (BGBl. I S. 3394). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/amg_1976/AMG.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

³ См. также: *Соломин С.К., Соломина Н.Г.* Причинение вреда гражданину вследствие недостатков товаров, работ, услуг: вопросы квалификации. – С. 14.

ответственности в зависимости от того, кем возмещается вред, вызван ли такой вред производственным браком, дефектом конструкции или непредставлением информации. Специальным основанием освобождения от ответственности служит лишь нарушение потребителем установленных правил пользования товаром, результатами работы, услуги или их хранения, прерывающее причинную связь между дефектом и вредом. В данном ключе режим ответственности производителя (продавца) за вред, причиненный недостатками товаров, работ и услуг, в России является более благоприятствующим к потребителю по сравнению с другими странами, следующими европейскому подходу.

Наряду с этим, в российском праве и судебной практике не выработаны какие-либо особые подходы к определению юридически значимых обстоятельств, составляющих условия возмещения потребительского вреда, включая дефект товара и причинную связь между дефектом и причиненным вредом, сам вред в части установления его объема и размера, что в комплексе является более значимым препятствием в реализации прав потерпевших, по сравнению с пресловутым доказыванием наличия вины. Для случаев повреждения здоровья в результате воздействия дефектного товара или некачественной услуги проблема усугубляется отсутствием страховых средств защиты, включая схемы страхования *no-fault*, которые могли бы обеспечивать частичную компенсацию вреда в бесспорном порядке, по факту возникновения вреда в процессе использования определенных товаров.

В мировой практике, несмотря на отсутствие полноценных специальных систем возмещения вреда, вызванного дефектным товаром, идея справедливого распределения потерь все же оказывает влияние на существующие правовые механизмы компенсации такого вреда, в немалой степени благодаря распространенности фактов повреждения здоровья потребителей в результате использования дефектных товаров и вовлеченности большинства населения Земного шара в отношения в сфере реализации товаров и оказания услуг. Основной идеей *product liability* при этом считается смещение акцентов с оценки поведения производителя или продавца на сам товар, который оценивается как

дефектный либо в виду несоответствия заявленным характеристикам, либо по причине недостаточной безопасности для обычного, разумно предсказуемого, использования. В режиме строгой product liability даже предельная заботливость и осмотрительность не освобождают производителя или продавца от обязанности возместить причиненный вред, что считается оправданным в интересах наиболее уязвимой стороны – потребителя.

Однако истинное значение доктрины о product liability, на наш взгляд, значительно шире. Правила о product liability используются для освобождения потерпевшего от определения традиционных элементов состава гражданского правонарушения, причем существующие тесты доказывания «дефектности» могут воздействовать как на оценку противоправности поведения производителя или продавца (особенно в случае, когда дефектным признается любой товар, произведенный с нарушением национальных стандартов и правил), так и на установление причинной связи между допущенным при производстве товара нарушением и потребительским вредом (для потенциально опасных товаров критерии определения причинной связи могут размываться судебной практикой) и вины производителя (последняя может не устанавливаться для отдельных видов дефектов – конструктивных, рецептурных, производственных, возникающих в исключительной зоне ответственности производителя).

В данном ключе product liability представляет собой некую разновидность гибридной, а не строгой ответственности, поскольку речь идет об отказе от традиционного понимания иных элементов состава гражданского правонарушения, помимо вины, и замене традиционной процедуры установления целого ряда юридически значимых обстоятельств оценкой дефектности товара. Условиями ее применения в общем виде являются опасность, исходящая от товара, происхождение такой опасности из сферы, полностью подконтрольной его производителю (изготовителю), нахождение пострадавшего в положении уязвимой стороны, наименее осведомленной о рисках причинения вреда здоровью от использования товара и ожидающей, что данный товар является безопасным для обычного использования продукции данного вида и рода.

Для случаев повреждения здоровья критерии определения причинной связи между дефектом товара и наступившим вредом могут быть смягчены целым рядом способов. Во-первых, строгий тест неизбежности причинения вреда в судебной практике может заменяться учетом комплекса факторов, подтверждающих наличие причинной связи, включая: возможность товара с данными характеристиками и конструкцией причинить вред подобного рода, высокую вероятность причинения вреда в заданных условиях, приближенность неблагоприятных последствий по времени к использованию товара (США, Франция). Во-вторых, установление наличия вреда и дефекта товара может считаться косвенным подтверждением причинной связи, достаточным для удовлетворения иска согласно позициям высших судебных инстанций (Швейцария, Германия). В-третьих, закон и судебная практика могут исходить из презумпции наличия причинной связи между дефектом товара и вредом, опирающейся на идею происхождения дефекта из зоны исключительного контроля производителя (теория сфер) (Корея, Бразилия).

Сам дефект товара, независимо от разновидностей, может быть определен как необеспечение необходимого уровня безопасности с опорой на его восприятие «обычным» потребителем (такой подход, невзирая на различное обоснование, составляет общую черту европейской и американской моделей), презюмироваться по факту «неожиданного вредоносного воздействия» (как в случае Бразилии) либо признаваться формально, на основании нарушения национальных стандартов, применимых к конкретным видам продукции (по примеру Китая).

В качестве особой альтернативы презумпция наличия дефекта товара и происхождения вреда от действия такого дефекта может устанавливаться для случаев повреждения здоровья в процессе эксплуатации отдельных категорий товаров и сопровождаться внедрением страховых способов компенсации (Франция, Япония). Такой подход применяется в отношении продукции, обычное потребление которой связано с повышенными рисками для жизни и здоровья, если предвидение и предупреждение таких рисков затруднительно с учетом

современного состояния науки и техники, а определение дефекта и причинной связи требует специальных познаний (лекарственные препараты, вакцины, препараты крови и т.п.).

При предоставлении производителю (продавцу) широкого спектра средств правовой защиты, позволяющих снижать размер компенсации или исключать ее полностью исходя из проявленных им степени разумности, заботливости и осмотрительности при производстве и реализации товара, а также с учетом поведения потребителя, не продемонстрировавшего необходимой разумности, заботливости и осмотрительности при его использовании, закон и практика редко устанавливают пределы компенсаций. Допускаются карательные убытки в случае существенного вреда здоровью, включая инвалидность (Малайзия), при совершении производителем умышленных действий, направленных на выпуск в обращение дефектного товара с целью увеличения прибыли (США), и т.п. Одновременно с этим, из итоговой суммы компенсации исключаются оплата лечения, пособия и иные выплаты, предоставляемые по медицинскому или социальному страхованию (обеспечению).

Напротив, последовательное внедрение концепции строгой ответственности, возлагаемой на изготовителя (продавца) по принципу распределения сфер влияния (контроля) и возникающих в них потерь, чаще всего предполагает установление пороговых значений выплат. Практикуется разделение видов потерь, возмещаемых по нормам о строгой ответственности, и видов потерь, которые дополнительно могут быть компенсированы пострадавшему исключительно при применении конструкции ответственности «за вину» (Швейцария), аналогичное разделение по принципу наиболее тесной причинной связи (Бразилия, Франция). Присуждаемые компенсации обычно не включают в себя штрафную составляющую (в качестве исключения следует отметить Корею), а возможность вычета из них сумм пособий и выплат компенсационного характера сильно зависит от того, насколько соотносимы друг с другом способы определения размера вреда, используемые общим и специальным законодательством, и насколько снижен размер льготной

компенсации по сравнению с обычным размером компенсации согласно деликтному праву (так, к примеру, в Японии стандартная сумма компенсации за «физические травмы» не зависит от конкретных расходов, что исключает возможность вычета из нее затрат систем здравоохранения и социального обеспечения).

В целом можно заключить, что возместимость физического вреда, причиненного в результате недостатков товаров, работ, услуг, обеспечивается существованием презумпциональной частной системы компенсации, в которой ведущую роль играет повышенная деликтная ответственность производителя (продавца, исполнителя), а страхование рисков причинения вреда принимается в качестве факультативного элемента для возмещения вреда от неблагоприятных явлений, непредвидимых при современном уровне развития науки и техники. Качественную специфику конструкции ответственности в такой системе составляет определение условий ее наступления (помимо вины, которая не подлежит установлению) через комплексную характеристику дефектности товара (работы, услуги).

Завершение внедрения такой модели в России требует законодательного закрепления в гражданском законодательстве специальных презумпций наличия противоправности и причинной связи для случаев причинения физического вреда в процессе эксплуатации отдельных категорий товаров (оказания услуг, выполнения работ), при условии, что: 1) обычное использование таких товаров (оказание услуг, выполнение работ) связано с повышенными рисками для жизни и здоровья (лекарства, медицинские изделия, сложные механизмы, подпадающие под понятие источника повышенной опасности, услуги по вакцинации и пр.); 2) предвидение и предупреждение таких рисков затруднительно с учетом современного состояния науки и техники; 3) определение противоправности и (или) причинной связи невозможно в отсутствие специальных познаний. Дополнительным обоснованием такого подхода сегодня является сложившаяся ситуация, связанная с распространением новых вакцин, разработкой препаратов и

медицинских изделий, предназначенных для терапии ранее неизвестных и малоизученных заболеваний¹.

При отсутствии универсального страхования полнота и эффективность возмещения могут достигаться через подразделение компонентов возмещения юридически значимого физического вреда на потери, учитываемые при применении специального и общего (индивидуализированного) правового режима деликтной ответственности. В частности, первичные потребности, утрата способности к трудовой или иной оплачиваемой деятельности в период лечения, физический вред состояния в фиксированном размере могут компенсироваться в упрощенном порядке, с применением специальных презумпций (в частных случаях также – страхования no-fault). В свою очередь, при назначении периодических выплат за утрату способностей (к оплачиваемой деятельности, достижению иного социально-значимого результата в сфере занятости), прогнозируемых на длительное время потребностей в медико-социальной реабилитации и иных подобных объемных составляющих физического вреда будут подлежать применению общие положения о деликтных обязательствах.

Предлагаемый подход снимает вопрос о необходимости внедрения института карательных (штрафных) убытков для отдельно взятой частной системы компенсации, поскольку учет умышленной формы вины допускается, исходя из единых начал договорной и деликтной ответственности, при взыскании потерь, вызванных опосредованным нарушением общих экономических интересов потерпевшего, утрат «особой ценности» и др. С другой стороны, не представляется целесообразным связывать со специальными условиями возникновения возместительной обязанности производителя (продавца, исполнителя) возможность ограниченного или, наоборот, расширенного применения норм о регрессе со стороны систем социального обеспечения и обязательного медицинского страхования, поскольку это неизбежно влечет за собой диспропорции в определении юридически значимого вреда здоровью.

¹ См.: Колесниченко О.В. Возмещение вреда, причинного здоровью потребителя, по нормам о product liability: принципиальные направления совершенствования российского законодательства по результатам исследования зарубежного опыта. – С. 144 – 153.

Изъятие из объема последнего, производимое для целей гражданско-правового регулирования, должно быть пропорционально принятым на себя государством минимальным социальным обязательствам, одинаковым по размеру независимо от реализуемого режима ответственности, сопровождения его той или иной разновидностью возмездительного страхования.

§ 4. Система возмещения физического вреда, причиненного в сфере медицинской деятельности

Проблемы преодоления неблагоприятных явлений, возникающих в сфере медицинской деятельности, несомненно, занимают значимое место в ряду актуальных проблем отечественной правовой науки ввиду специфики такой деятельности, направленной на охрану одного из наиболее важных нематериальных благ человека, а также широкого общественного резонанса по поводу наиболее вопиющих случаев причинения вреда жизни и здоровью. В то же время, значительная часть исследований в данной области концентрируется вокруг категории медицинской ошибки, под которой в наиболее общем виде понимается заблуждение лечащего врача относительно осуществляемых медицинских манипуляций, отличающееся отсутствием в его действиях (бездействии) признаков уголовно-наказуемого деяния¹. Существующие доктринальные выкладки, за редким исключением², не используются для предложения новых подходов к правовому режиму возмещения «медицинского вреда» и обеспечивают лишь теоретическое обоснование потребности в защите

¹ См.: *Давыдовский И.В.* Врачебные ошибки // Советская медицина. – 1941. – № 3. – С. 3; *Багмет А.М., Черкасова Л.И.* Профессиональные ошибки и дефекты при оказании медицинской помощи детям: уголовно-правовая оценка // Российский следователь. – 2015. – № 1. – С. 15; *Мохов А.А.* Страхование гражданской (профессиональной) ответственности в период становления биомедицины // Медицинское право. – 2020. – № 1. – С. 12 и др.

² См.: *Михайлова И.А.* Компенсация морального вреда, причиненного жизни и здоровью граждан в условиях пандемии: новая реальность и новые проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 5. – С. 59.

интересов медицинских работников¹. Законодательство же по-прежнему отличается скудностью специального регулирования.

В частности, ст. 98 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» фактически повторяет нормы гл. 59 ГК РФ, называя медицинские организации и медицинских работников в качестве ответственных лиц в возникающих деликтных правоотношениях и отсылая к общему порядку определения объема и характера вреда здоровью. Несмотря на декларирование в п. 7 ч. 1 ст. 72 названного закона права медицинских работников на страхование риска своей профессиональной ответственности, такое страхование не является обязательным, а значит, именно деликтная ответственность остается основным правовым средством², к которому прибегает потерпевший для назначения полного, эффективного и своевременного возмещения.

Используемая правовая форма компенсации могла бы оставаться деликтной индивидуализированной, если бы не одно, весьма существенное правило, придающее ей перераспределяющий характер. Сформировавшаяся судебная практика позволяет распространять на исследуемые отношения положения ст. 1095 ГК РФ о независимости возместительной обязанности от вины, поскольку при любой форме оказания медицинских услуг потерпевший является лицом, наделенным специальным правовым статусом, – статусом потребителя³.

¹ См.: *Озова Н.А.* Особенности страхования ответственности медицинских работников // *Медицинское право.* – 2016. – № 5. – С. 24; *Шипова Е.А.* Анализ правового регулирования и функционирования саморегулирования в здравоохранении в России и за рубежом // *Гражданское право.* – 2020. – № 2. – С. 41; *Ковалевский С.М.* Некоторые дискуссионные правовые проблемы ответственности за медицинский вред и его возмещения // *Социальное и пенсионное право.* – 2014. – № 1. – С. 22. О значении медицинской ошибки в контексте проблем возмещения вреда см.: *Невзгодина Е.Л.* Юридическая квалификация медицинской ошибки и ее правовые последствия // *Вестник Омского университета. Серия: Право.* – 2015. – № 2 (43). – С. 138 – 144.

² См.: *Kolesnichenko O.V.* Planes de compensación del daño a la salud provocado por error médico: investigación y elección jurídica comparada de ruta para la Federación de Rusia // *Boletín Mexicano De Derecho Comparado* – 2022. – Vol. 163. – P. 76 – 80.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», п. 9 // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* – 2012. – № 9. Иное мнение см. в работе: *Соломин С.К.*,

Вследствие отсутствия реализуемого в обязательном порядке возмездительного страхования не представляется возможным говорить и о специальных правилах определения размера возмещения для отдельных компонентов физического вреда. При этом частичная вина потерпевшего может способствовать пропорциональному уменьшению суммы компенсации.

Следует обращать внимание на то, что применение ст. 1095 ГК РФ в настоящее время возводит на принципиально новый уровень проблему коллизионности взаимосвязей между договорной и деликтной ответственностью, поскольку наличие любого дефекта медицинской услуги, в т.ч., не влекущего за собой повреждения здоровья, позволяет потерпевшему претендовать на компенсацию морального вреда в виду его особого правового статуса¹. Разумеется, речь идет об упрощенном урегулировании требований, касающихся не физического вреда, но части субъективных страданий, опосредуемых нарушениями договорных обязательств.

Формально, наличие дефекта при оказании медицинской помощи не приводит к автоматическому применению ст. 1095 ГК РФ в отношениях, возникающих по поводу возмещения физического вреда, поскольку указанная норма исключает из числа обстоятельств, подлежащих установлению, именно вину, а не причинную связь между дефектом (нарушением) и вредом определенного рода, а равно и сам вред здоровью. В то же время, из-за недостаточно четкого разграничения этих категорий в процессе правоприменения допускается распространение на возникающие правоотношения не только ст. 1095 ГК РФ, но ст. 1098 ГК РФ в ее расширенном толковании. Последнее исходит из того, что не только факты, опровергающие наличие вины (наступление обстоятельств непреодолимой силы или происхождение повреждения от

Соломина Н.Г. Причинение вреда гражданину вследствие недостатков товаров, работ, услуг: вопросы квалификации. – С. 15 – 16.

¹ См.: Определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 17 марта 2022 г. по делу № 33-0575/2022. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1940:1> (дата обращения: 14.01.2024); Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 22 марта 2022 г. по делу № 33-5254/2022. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1999:8> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

нарушения потребителем правил получения соответствующей услуги), но и факты, опровергающие наличие причинной связи, находятся в зоне контроля медицинской организации (работника), а потому считаются установленными, пока они не опровергнуты субъектом контроля¹. Как результат, весьма высок риск искусственного обозначения наличия причинной связи при обнаружении незначительных дефектов медицинской деятельности².

О том, что именно связь нарушения (дефекта) и вреда здоровью, а не вина образуют фокус проблемности в делах данного рода, свидетельствует и попытка придания Верховным Судом РФ правового значения категории опосредованной причинной связи, которая может находить свое выражение, в соответствии с позицией высшей судебной инстанции, в создании условий, способствовавших ухудшению состояния здоровья пациента или ограничению его права на получение своевременного и отвечающего установленным стандартам лечения³. В сложившейся судебной практике этот аргумент вступает в явное противоречие с приводимым здесь же тезисом о том, что неприкосновенность личности, личные и семейные связи являются самостоятельными объектами посягательства в сфере медицинской деятельности, а значит, возникновение повреждения здоровья в результате дефекта медицинской услуги не нуждается в доказательстве⁴.

¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2015 г. № 33-1400/15. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2029:10> (дата обращения: 14.01.2024).

² Эту проблему достаточно показательно иллюстрирует пример из судебной практики, в котором на медицинскую организацию была возложена обязанность возместить вред, вызванный падением потерпевшего из окна, поскольку такое имело место в период нахождения истца на лечении в данной организации и ответчик не смог доказать происхождение неблагоприятных последствий от других причин, помимо дефекта оказанной услуги. – см.: Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2023 г. по делу № 8Г-4202/2023[88-6802/2023]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2040:12> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2022 г. № 75-КГ21-4-К3. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2052:14> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 августа 2021 г. № 57-КГ21-11-К1. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2058:16> (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03 августа 2023 г. по делу № 8Г-12046/2023[88-13238/2023]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2065:18> (дата обращения: 14.01.2024); Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июля 2023 г. по

Проблеме в немалой степени способствует и то, что понятие дефекта, используемое в сфере медицинской деятельности, не имеет четких нормативных очертаний, представлено в достаточно широком значении как ненадлежащее осуществление диагностики, лечения больного, организации медицинской помощи, которое привело или могло привести к неблагоприятному исходу¹. Такое определение отражает квалификационные признаки деятельности не только лечащего врача, но и деятельности всего лечебно-профилактического учреждения и его работников².

Тенденция, при которой условия деликтной ответственности без модификации законодательства столь «гибко» приспособляются судебной практикой к объективным и субъективным сложностям доказывания в конкретных категориях дел, очевидно, не способствует определенности правового регулирования. Учитывая обозначенную проблему, нельзя обойти вниманием мировой опыт построения специальных систем компенсации, основанный на различиях между виновным, но труднодоказуемым причинением вреда в сфере медицинской деятельности и неблагоприятными последствиями лечения³, причина которых кроется в «ошибках системы», а не «ошибках человека»⁴. Исследование этих схем позволяет отметить в каждой из них компонент страхового возмещения, доступного благодаря распространению на исследуемые отношения страхования no-fault в обязательной форме. В то же время, природа

делу № 8Г-12143/2023[88-13473/2023]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2077:21> (дата обращения: 14.01.2024).

¹ См.: *Стеценко С.Г.* Медицинское право: учебник. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 134. О характеристиках юридически значимых дефектов медицинской помощи см.: *Лантух Д.В., Невзгодина Е.Л.* Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью граждан вследствие оказания медицинских услуг // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 108.

² См.: *Баринов Е.Х., Добровольская Е.Н., Муздыбаев Б.М., Ромодановский П.О.* Юридическая квалификация дефектов оказания медицинской помощи и врачебных ошибок – помощь практическому здравоохранению // Медицинское право. – 2010. – № 5. – С. 7.

³ См.: *Brennan T., Leape L., Laird N., Hebert L., Localio A., Lawthers A. et al.* Incidence of Adverse Events and Negligence in Hospitalized Patients - Results of the Harvard Medical Practice Study I // The New England journal of medicine. – 1991. – Vol. 324. – P. 370.

⁴ См.: *Liu J., Human D.* The Impact of Medical Malpractice Reforms // Annual Review of Law and Social Science. – 2020. – Vol. 16. – P. 416.

данного страхования и характер связей с деликтной формой возмещения обладают способностью «менять окраску» от государства к государству.

Показательный пример составляют скандинавские страны, где популярны безвиновные схемы, полностью исключаящие или ограничивающие действие норм о деликтных обязательствах. Обязанность оформить комплексное страхование, объединяющее в себе страхование жизни и здоровья пациентов и страхование профессиональной ответственности, возлагается здесь на все медицинские организации и частнопрактикующих специалистов. В то же время, определение страхуемого риска разнится весьма существенно.

В Швеции, к примеру, страхованием no-fault покрываются только предотвратимые травмы, приведшие к серьезному вреду здоровью¹. Предотвратимость рассматривается в качестве специфического субъективного условия возложения возместительной обязанности, представляющего собой нечто среднее между виной и независимостью от таковой, принятой в конструкции строгой ответственности². В качестве общего правила, речь идет о травмах, которые можно было бы предотвратить усилиями «опытного специалиста» при наилучшем специальном уходе, причем сравнение рисков и преимуществ доступных стратегий лечения осуществляется всегда ретроспективно, исходя из наступивших последствий. Очевидно, что в данном случае речь идет об изменении стандарта определения вины для медицинских работников, каковое становится возможным благодаря специальному страхованию. Совершенно иную категорию страховых случаев составляют ситуации, когда ухудшение состояния здоровья пациента происходит вне всякой связи с течением первоначального заболевания или обострением хронических состояний³.

¹ См.: Patientskadelag (1996:799). – URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/patientskadelag-1996799_sfs-1996-799 (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Roy A., Ross N. *Personal Injury Limitation Law*. – London: Bloomsbury Professional, 2020. – P. 221.

³ См.: Potilasvakuutuslaki 22.8.2019/948. – URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2019/20190948> (дата обращения: 14.01.2024).

В Финляндии такие случаи именуются необоснованными повреждениями здоровья, а в Дании специально для них разработано «правило переносимости», согласно которому возмещение назначается при наступлении вреда, который нельзя было предвидеть и рационально предполагать с учетом тяжести основного заболевания, необходимого курса лечения, степени тяжести и вероятности развития побочных эффектов¹. Норвежское законодательство называет обе разновидности страховых случаев, делая, однако, акцент на том, что непредвиденные повреждения не могут считаться таковыми, если пациент осознанно согласился на конкретное лечение². Таким образом, страховые механизмы претерпевают на себе обратное влияние института деликтной ответственности.

В области определения размера возмещения физического вреда для скандинавских стран характерно применение по аналогии общих положений гражданского законодательства с той важной особенностью, что для оценки претензий по медицинским травмам привлекаются независимые консультанты или посреднические структуры, представленные специалистами с юридическим и медицинским образованием. Оценка физического вреда при таком подходе ориентирована на базовые утраты способностей и потребности, не обеспечиваемые системой социального обеспечения и медицинского страхования, в то же время, раздел неэкономических потерь всегда существует, а сумма компенсации в соответствующей части зависит от типа, тяжести повреждения и продолжительности лечения³, что, со всей очевидностью, указывает на составляющую физического вреда состояния.

В приведенных примерах безвиновные схемы, хотя и носят смешанный характер по причине попыток учета субъективных предпосылок возникновения

¹ См.: Lov om patientforsikring nr 367 af 06/06/1991. – URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/1991/367> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Lov om erstatning ved pasientskader mv. (pasientskadeloven) nr 53 af 15/06/2011. – URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2001-06-15-53> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См., напр.: Hållbarhetsrapport 2018 (Trafikförsäkringsföreningen). – URL: <https://www.trafikförsäkringsföreningen.se/globalassets/om-oss/hallbarhetsrapporter/hallbarhetsrapport-2018.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

лечебных травм (критерий предотвратимости травмы, правило переносимости и стандарт опытного специалиста), рассчитаны на широкий круг ситуаций, в которых причиняется вред здоровью пациента. Они считаются приоритетным правовым средством компенсации, поскольку подача деликтного иска допускается только на началах субсидиарности и исключительности. В редких случаях законодатель идет по другому пути, сохраняя деликтный и безвиновный режим компенсаций в качестве самостоятельных подсистем, каждая из которых рассчитана на конкретную разновидность неблагоприятных явлений в сфере медицины.

К примеру, во Франции Кодексом общественного здравоохранения предусмотрены как общая конструкция гражданской ответственности, сопровождающаяся ее обязательным страхованием, так и компенсация без вины¹. Для предъявления требования в рамках последней также необходимо достичь определенного порога серьезности повреждения здоровья (не менее 24 % общего ограничения жизнедеятельности) и согласиться на рассмотрение претензии специально созданным органом – Региональной комиссией по урегулированию и компенсации (Commission Régionale de Conciliation et d'Indemnisation, CRCI – фр.). Схемой возмещения без вины охватываются исключительно «медицинские несчастные случаи», когда вред здоровью является ненормальным последствием лечения, при условии, что такие последствия могли быть оценены и определены².

Представляет интерес то обстоятельство, что именно CRCI принимает решение о доступном потерпевшему правовом режиме возмещения по результатам комплексной медико-правовой оценки случая, производимой на основе индивидуально разрабатываемых параметров «предвидимости» и

¹ См.: Code de la santé publique. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006072665/LEGISCTA000006171014/#LEGISCTA000006171014 (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Frezza E.E.* The Moral Distress Syndrome Affecting Physicians. – New York: Productivity Press, 2020. – P. 89.

«ненормальности» наступивших последствий¹. При любом исходе за пациентами сохраняется право на обращение в суд с традиционными деликтными исками, а страховщикам предоставлено право оспаривания основания выплат и размера компенсации, вследствие чего вся схема критикуется как перегруженная административными процедурами, не свойственными природе возникающих частноправовых отношений².

Чисто инструментальное значение отведено в аналогичном компенсационном механизме специальному фонду в Бельгии. В то время как пострадавший при обращении в такой фонд пользуется критериями чрезвычайности и предотвратимости травмы, при заявлении обратных требований содержание условий наступления гражданской ответственности (включая вину) определяется в соответствии с гражданским законодательством, а потому бельгийская схема может рассматриваться, скорее, как схема переходного типа, но не возмещения без вины³.

Традиционные по своим основным параметрам схемы возмещения без вины могут применяться в отношении отдельных категорий лечебных травм, в сферах, где доказательство виновного причинения вреда и расчет компенсации представляются наиболее затруднительными, а страхование профессиональной ответственности – высокорисковым, а, следовательно, невыгодным для страховых организаций.

Например, в американских штатах Вирджинии и Флориде действие таких схем ограничено случаями неврологических патологий у новорожденных. В Вирджинии соответствующая схема администрируется Компенсационным

¹ См.: *Parizot I., Cailbault I., Winance M., Barbot J.* Inégalités dans les parcours d'indemnisation des victimes d'accidents médicaux. Une enquête au sein du dispositif français de règlement amiable // *Revue d'épidémiologie et de santé publique*. – 2017. – Vol. 65. – P. 105.

² См.: *Collet L.* Conséquences anormales des accidents médicaux non fautifs: Jurisprudence du Conseil d'État // *Bulletin de l'Académie Nationale de Médecine*. – 2020. – Vol. 204 (6). – P. 600.

³ См.: *Watson K., Kottenhagen R.* Patients' Rights, Medical Error and Harmonisation of Compensation Mechanisms in Europe // *European Journal of Health Law*. – 2018. – Vol. 25 (1). – P. 15.

фондом Неврологической службы штата¹, однако это не меняет формы и содержания реализуемого страхования, которое остается добровольным и предполагает участие в нем осуществляющих однородные функции медицинских организаций и специалистов. Страховым случаем считается родовая неврологическая травма как полученная участником программы травма головного или спинного мозга новорожденного, вызванная недостатком кислорода или механическим повреждением, произошедшим в процессе родовой деятельности, непосредственно при родоразрешении или проведении сопутствующих реанимационных мероприятий, в результате которых наступают неблагоприятные последствия в виде инвалидности либо, при положительной динамике когнитивного развития новорожденного, в виде сохранения потребности в постороннем бытовом уходе на протяжении жизни.

Исследуемая схема представляет значительный интерес в части определения объема возмещения физического вреда, поскольку, помимо типичных для модели no-fault ограничений (не возмещаются утраты способностей и потребности, покрываемые программой Medicaid², компенсация утраты способности к труду доступна с 18 лет и ограничена 50 % от средней недельной заработной платы работников несельскохозяйственного сектора и др.), ей присущ специфический подход к определению разумного и необходимого в конкретном случае лечения. Предварительная оплата реабилитационных мероприятий, медицинских услуг и т.п. возможна по согласованию со страховщиком, в то же время, практика показывает, что заинтересованному лицу доступен широкий спектр доказательств эффективного влияния таковых на здоровье потерпевшего.

¹ См.: Neurological Compensation Act (chapter 50 of Title 38.2 of the Code of Virginia). – URL: <https://law.lis.virginia.gov/vacode/title38.2/chapter50/> (дата обращения: 14.01.2024); Virginia Birth-Related Neurological Injury Compensation Program. – URL: <https://law.lis.virginia.gov/vacode/title38.2/chapter50/section38.2-5002/> (дата обращения: 14.01.2024).

² Medicaid в США представляет собой совместную программу федерации и штатов, которая обеспечивает оказание социальной помощи в виде оплаты части медицинских и реабилитационных расходов для лиц с ограниченными возможностями и малоимущих. В рамках Medicaid предлагаются также отдельные услуги в натуральной форме (уход на дому, размещение и уход в домах престарелых и т.п.).

В частности, в разумных пределах оплачиваются экспериментальное лечение или терапия¹.

В числе недостатков системы возмещения медицинского вреда, действующей в Вирджинии, следует отметить достаточно узкое понимание неврологической травмы, требующее безусловных доказательств наступления неблагоприятных последствий от конкретных причин, а также исчерпывающее определение возможных вариантов неблагоприятного исхода². Отчасти учитывает эти замечания однородный механизм, внедренный во Флориде, где для неврологических травм, связанных с родами, действует опровержимая презумпция выполнения критериев приемлемости, основанная на вероятности гипоксии плода в процессе родоразрешения или реанимации и развития вследствие этого неблагоприятного неврологического исхода³. К числу страховых случаев в данном механизме также отнесены травмы головного или спинного мозга у новорожденных с тем важным отличием, что для реализации права на выплату правовое значение приобретают любые необратимые психические и физические нарушения, отвечающие критерию «существенности».

Любопытно, что несмотря на обязательность страхования рисков причинения неврологических травм и абсолютный запрет на деликтные иски, порядок назначения возмещения нельзя назвать упрощенным, так как окончательное решение принимается судом, а страховщик осуществляет исключительно посреднические функции при проведении медицинских экспертиз и сборе иной необходимой документации. Кроме того, актуальной проблемой во Флориде остается дискуссионность отдельных характеристик страхового случая, включая «необратимость» существенных психических и физических нарушений,

¹ См.: *Masayuki O.* Medical Malpractice in Neurological Diseases // *Brain and nerve.* – 2020. – Vol. 72. – P. 290.

² См.: *Cek N.* The Standards of Proof in Medical Malpractice Cases // *Medicine, Law & Society.* – 2020. – Vol. 13(2). – P. 188.

³ См.: Florida Birth-Related Neurological Injury Compensation Act. – URL: https://www.lawserver.com/law/state/florida/statutes/florida_statutes_766-302 (дата обращения: 14.01.2024); Florida Birth-Related Neurological Injury Compensation Plan (Florida Statutes 766.303). – URL: https://www.lawserver.com/law/state/florida/statutes/florida_statutes_766-303 (дата обращения: 14.01.2024).

возникновение травмы в «процессе родов, непосредственного родоразрешения и реанимации»¹.

Очевидно, что в смешанных специальных системах возмещения полного отказа от идеи деликтной ответственности не происходит – речь идет о замене традиционного понимания вины и виновности на критерий «предотвратимости» травмы в различных его вариациях. Стандарт определения предотвратимости, взятый даже в наиболее универсальном и обобщенном понимании, отличается от стандарта установления виновного причинения медицинским работником вреда жизни или здоровью пациента, когда требуется установить, что проведенное лечение не соответствовало общепризнанным профессиональным требованиям (стандартам, соблюдение которых предполагается специалистом), а «разумный» специалист в сложившихся условиях действовал бы иначе. Предотвратимость же практически всегда означает, что травма не была бы причинена при наилучшей медицинской помощи или лечении.

Иной подход встречаем в Новой Зеландии, где предотвратимость не имеет правового значения и не оценивается, а универсальная система возмещения вреда здоровью распространяется на все виды требований о возмещении вреда, выраженного в ограничениях жизнедеятельности или смерти, возникшего в результате несчастных случаев различных категорий (в сфере занятости, медицинского обслуживания, дорожного движения и др.). Схема возмещения без вины в течение многих десятилетий применяется здесь в чистом виде, с сохранением права на предъявление деликтных исков лишь для штрафных убытков, будучи основанной на идее всеобъемлющей социализации имущественной ответственности, приобретающей форму справедливого распределения потерь между всеми членами общества. Механизм такого перераспределения на практике предполагает создание единого фонда для удовлетворения претензий потерпевших, источниками формирования которого являются не только страховые взносы, но и поступления от советов

¹ См.: *Shoenfeld Y.* Who is afraid of medical malpractice? // *Harefuah*. – 2020. – Vol. 159. – P. 54; *Sawicki N.N.* Choosing medical malpractice // *Washington Law Review*. – 2018. – Vol. 93. – P. 962.

общественного здравоохранения, системы общего налогообложения. Администрирование универсальной системой компенсаций осуществляет государственная Корпорация по возмещению вреда от несчастных случаев (Accident Compensation Corporation, ACC).

В сфере медицинской деятельности ключевым является понятие «лечебной травмы, полученной человеком», раскрывающееся как любое повреждение здоровья в ходе лечения у зарегистрированного специалиста в сфере здравоохранения, которое вызвано лечением и не является его необходимым или обычным следствием, принимая во внимание все значимые обстоятельства (в т.ч. общее состояние здоровья пациента, имеющиеся клинические знания и опыт)¹. В содержание данного понятия включаются все нежелательные медицинские явления, носящие как предотвратимый, так и очевидно непредвидимый характер, а сам процесс лечения трактуется достаточно широко и охватывает собой диагностические процедуры, момент получения информированного согласия пациента². Собственная вина пострадавшего не оказывает влияния на саму возможность или размер компенсации, в равной мере, не имеет правового значения наличие или отсутствие причинной связи между вредом и действиями (бездействием) конкретного медицинского работника³.

Универсальность схемы и ее перераспределяющая сущность не могут не оказывать влияния на правила возмещения отдельных компонентов физического вреда. В частности, прямая оплата лечения недоступна в отношении неотложных оперативных вмешательств, осуществляемых в государственных учреждениях здравоохранения во избежание конкуренции с социальной формой возмещения. В то же время, при проведении плановых операций, не обеспечиваемых средствами системы обязательного страхования, объем и условия выплат зависят от того, проводится ли конкретная операция на контрактной основе (по договору с ACC)

¹ См.: Injury Prevention, Rehabilitation, and Compensation Act 2001. – URL: http://www.nzlii.org/nz/legis/hist_act/ipraca20012001n49544/ (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Wallis K. No-fault, no difference: no-fault compensation for medical injury and healthcare ethics and practice // British Journal of General Practice. – 2017. – Vol. 67. – P. 38.

³ См.: Van Boom W., Faure M. Shifts in Compensation Between Private and Public Systems. Springer: Vienna, 2007. – P. 156.

либо на основании обращения к конкретному специалисту или организации. В первом случае АСС полностью оплачивает операцию, однако потерпевшему не может быть гарантирована возможность выбора лечащего врача или больницы, во втором же возмещению подлежит некоторый процент от стоимости манипуляции, проводимой в медицинской организации, избранной самим пострадавшим, на согласованных им условиях. Некоторые виды затрат не учитываются АСС ни при каких обстоятельствах – сюда включаются стоимость предоставления индивидуальных палат повышенной комфортности, расходы на оплату связи, залог, взимаемый при передаче в пользование медицинского оборудования, и т.п.¹

Выплаты, назначаемые в случае утраты способности к трудовой или иной оплачиваемой деятельности, в любом случае обеспечивают лишь частичную компенсацию, поскольку не превышают 80 % от прежнего заработка. В то же время, критерий фактической утраты дохода используется при признании права на возмещение и определении его размера лишь постольку, поскольку это позволяет подтвердить неспособность потерпевшего осуществлять привычную для него профессиональную деятельность. Проводимые экспертные исследования призваны подтвердить, что потерпевший не является «профессионально независимым», т.е. с учетом всех имеющихся у него навыков, образования и профессиональной подготовки не обладает способностью к стабильному (в течение 35 часов или более в неделю) осуществлению той или иной (не обязательно прежней) профессиональной деятельности.

Как видно, исследованию подлежит именно динамика трудоспособности, а не прогнозируемые убытки, при этом особенно примечательно то, что указанные виды экспертиз могут проводиться лишь после реализации разработанного АСС плана реабилитационных мероприятий². Этот подход исключает из числа заявителей лиц, которые не предпринимают мер по восстановлению собственного здоровья. Несмотря на строгие ограничения по объему и правилам возмещения,

¹ См.: *Volpe R. Casebook of Traumatic Injury Prevention.* – Luxembourg: Springer, 2020. – P. 178.

² См.: *Léime Á.N., Ogg J., Rašticová M., Street D., Krekula C., Bédiová M. et al. Extended Working Life Policies.* – Dordrecht: Springer International Publishing, 2020. – P. 225.

общее ухудшение качества жизни пострадавшего лица подлежит учету при назначении специальной единовременной компенсации в случаях, когда продолжительность госпитализации превышает 28 дней и (или) травма влечет за собой постоянную утрату функций организма на 10 % и более. В соответствующей части в качестве оценочных параметров используются традиционные для физического вреда состояния параметры стойких ограничений жизнедеятельности¹.

Исходя из сказанного, преимуществами новозеландской модели могут считаться обеспечение всеохватывающего характера компенсаций, создание стройной системы оценки причиненного вреда и медико-профессиональной реабилитации пострадавших независимо от обстоятельств повреждения здоровья. В то же время, объективные недостатки реализуемого организационно-правового механизма выражаются в неполноте возмещения, дополнительных ограничениях, касающихся получения отдельных медицинских и реабилитационных услуг в избранной пострадавшим организации или у конкретного специалиста, невозможности влиять на частоту случаев ненадлежащего оказания услуг в сфере здравоохранения с помощью материальных стимулов².

Поскольку системы возмещения без вины не могут считаться панацеей против всех проблем возмещения физического вреда в сфере медицинской деятельности, следует отдельно остановиться на альтернативных подходах к защите материальных интересов пациентов. В частности, Германия является показательным примером государства, где по модели *no-fault* урегулированы только компенсации за причинение вреда действием лекарственных средств³, а правило о строгой ответственности ограничено обычной сферой применения

¹ См.: AMA Guides to the Evaluation of Permanent Impairment. – URL: <https://www.ama-assn.org/delivering-care/ama-guides/ama-guides-meeting-archives-resources> (дата обращения: 14.01.2024); Impairment Assessment Services Operational Guidelines (december 2020). – URL: <https://www.acc.co.nz/assets/contracts/imp-og.pdf/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Luetjens J., Mintrom M., Hart P. Successful Public Policy: Lessons From Australia and New Zealand.* – Canberra: ANU Press, 2019. – P. 352.

³ См.: Arzneimittelgesetz. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/amg_1976/ (дата обращения: 14.01.2024).

норм о product liability в европейских странах¹. Правовой основой назначения компенсаций за вред, причиненный здоровью пациента при оказании медицинских услуг, по-прежнему остается разд. 823 (1) BGB о деликтной ответственности. В свою очередь, небрежность рассматривается в числе условий наступления такой ответственности как отказ проявлять разумную осторожность, независимо от рискованного характера и иных особенностей возникновения и развития соответствующих правоотношений.

Особое внимание в немецкой правовой системе обращено к стандарту установления вины в форме небрежности, который в наиболее общем виде предполагает, что разумная осторожность считается не проявленной, если «добросовестный медицинский работник со средним опытом в соответствующей области и положительной репутацией» осознанно и с пониманием возможных неблагоприятных последствий принимает на себя задачи, связанные с лечением, не обладая при этом достаточной компетенцией², решает такие задачи вразрез с имеющимися знаниями, стандартами и профессиональной квалификацией. Причинная связь постулируется в качестве необходимого условия удовлетворения деликтного иска, в то же время, при ее определении учитываются объективные сложности, возникающие при исключении сопутствующих факторов риска³. Для преодоления этих сложностей в судебной практике выработан ряд специальных презумпций, главным отличием которых от подходов, принятых в отечественной правовой системе, являются строгость условий применения, привязка к конкретным вариантам противоправного поведения.

Среди наиболее значимых из таких презумпций следует отметить предположение о наличии «грубой ошибки в лечении» («grobe Behandlungsfehler» – нем.), в силу которого причинная связь считается установленной, если лечение было особенно небрежным и создавало более чем незначительный риск травмы в

¹ См.: ProdukHaftungsgesetz. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/prodhaftg/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Marc S.S. Medical Malpractice and Compensation in Germany // Chicago-Kent Law Review.* – 2011. – Vol. 86 (3). – P. 1149 – 1150.

³ См.: *Fischer K. Verjährung von Schadenersatzansprüchen wegen Behandlungsfehler // GesundheitsRecht.* – 2020. – Vol. 19. – P. 517.

конкретной ситуации. В соответствии с позицией Федерального суда Германии, для выполнения этого критерия недостаточно установить факт любого нарушения врачом своих служебных обязанностей, поскольку такое может быть совершено достаточно предусмотрительным и добросовестным специалистом. В качестве грубой ошибки должны рассматриваться не «субъективно непростительные» нарушения, но такие объективные случаи неисполнения или ненадлежащего исполнения служебных обязанностей, которые являются необоснованными с учетом требований к уровню профессиональной подготовки и квалификации, которыми должны обладать медицинские работники¹.

Совершенно особым случаем причинения вреда пациенту в Германии считается травма, полученная при несоблюдении медицинским работником обязанности по получению информированного согласия пациента. Независимо от степени значительности риска, имеющего отношение к процессу лечения, неадекватное раскрытие информации о таком трактуется как «незаконное телесное повреждение» согласно разд. 823 (1) BGB, что исключает необходимость дополнительного обоснования вины и причинной связи для целей компенсации. Собственно, само лечение при отсутствии надлежащим образом оформленного информированного согласия оценивается как противоправное действие, а единственным защитным аргументом для врача является ссылка на «гипотетическое согласие» («hypothetische Einwilligung» – нем.) как ситуацию, когда при предоставлении требуемой информации пациент все равно принял бы на себя соответствующие риски².

Поскольку с формальных позиций базовым правовым средством возмещения физического вреда, причиненного в сфере медицинской

¹ См.: BGH, 12.02.2008 - VI ZR 221/06. – URL: <https://openjur.de/u/75714.html> (дата обращения: 14.01.2024); BGH, 21.12.2010 - VI ZR 286/09. – URL: <https://openjur.de/u/83681.html> (дата обращения: 14.01.2024); BGH, 29.01.2019 - VI ZR 113/17. – URL: <https://openjur.de/u/2172420.html> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: BGH, 29.01.2019 - VI ZR 318/17. – URL: <https://openjur.de/u/2135686.html> (дата обращения: 14.01.2024); LG Köln, 06.02.2008 - 25 O 179/07. – URL: <https://www.juris.de/jportal/prev/JURE080003347> (дата обращения: 14.01.2024); OLG Hamm, 02.09.2013 - 3 U 54/12. – URL: <https://openjur.de/u/653256.html> (дата обращения: 14.01.2024); LG München II, 22.09.2020 - 1 O 4890/17 Hei. – URL: <https://openjur.de/u/2301349.html> (дата обращения: 14.01.2024).

деятельности, остается деликтная ответственность, не существует специальных правил определения размера отдельных компонентов компенсации. Данное замечание касается и тех случаев, когда потерпевший обращается за страховой выплатой в рамках добровольного страхования профессиональной ответственности медицинских работников («Haftpflichtversicherung» – нем.).

В то же время, в сфере медицинских споров пациенту доступна услуга по подготовке отчета о характере и степени тяжести повреждения здоровья и медико-правового заключения о наличии оснований для возложения ответственности на врача или медицинскую организацию. Такая услуга оказывается бесплатно экспертными комиссиями и арбитражными советами (Gutachterkommissionen und Schlichtungsstellen – нем.), подведомственным государственным медицинским ассоциациям земель¹, и при недоступности натурального способа возмещения способствует повышению эффективности выплат, обеспечению их направленности на удовлетворение базовых потребностей потерпевшего и компенсацию утраченной способности к оплачиваемому труду, домашней работе и др.

Как можно заметить, немецкий подход к возмещению вреда, причиненного в процессе медицинской деятельности, характеризуется значительной свободой усмотрения судов, позволяющей последним вырабатывать судебно-правовые презумпции, модифицирующие традиционную конструкцию деликтной ответственности в интересах пострадавшего. Результатом его реализации может быть чрезмерная компенсация, однако в доктрине подобное развитие событий чаще рассматривается как допустимое выражение корректирующего правосудия, осуществляемого, в т.ч., путем перераспределения убытков в демократическом социальном государстве².

¹ См. подробнее: *Riedel J.* Rahmenverfahrensordnung für die Gutachterkommissionen und Schlichtungsstellen der Ärztekammern // *Medizinrecht.* – 2019. – Vol. 37. – P. 294 – 295; *Glanzmann P.* Schlichtungsstellen und Gutachterkommissionen für Fragen ärztlicher Haftpflicht // *Der Orthopäde.* – 2021. – Vol. 50. – P. 159 – 161.

² См.: *Marc S.S.* Decree. Op. – P. 1154.

Обращение к примеру других государств, сохранивших конструкцию деликтной ответственности в качестве основного правового средства для компенсации вреда пострадавшим пациентам, позволяет говорить о том, что установление специальных правовых презумпций допустимо в отношении любого из условий наступления такой ответственности. Иными словами, движение по направлению к доктринальному обоснованию и законодательному закреплению строгой ответственности и, далее, к схемам возмещения без вины видится здесь далеко не единственной альтернативой.

Так, к примеру, одним их вариантов является нормативное закрепление понятия медицинской ошибки и ее видов, при котором обнаружение одного или нескольких перечисленных нарушений позволяет считать факт виновного нарушения юридической обязанности оказывать медицинскую помощь или осуществлять лечение конкретного пациента, а также причинную связь между допущенным нарушением и повреждением здоровья установленными. Этот подход принят в ОАЭ, где медицинской ошибкой считается такое нарушение, допущенное практикующим врачом, которое состоит в: 1) незнании отдельных технических аспектов лечения, которые должны быть известны любому практикующему специалисту той же специализации и уровня подготовки; 2) несоблюдении признанных профессиональных стандартов; 3) отсутствии должной осмотрительности; 4) халатности и невнимательности¹. В США в большинстве штатов (исключая специализированные системы компенсации во Флориде и Вирджинии) в противовес доказательству прямой причинной связи пациенту достаточно продемонстрировать вероятную связь между нарушением профессиональных стандартов и причинением вреда здоровью².

Помимо этого, для ограничения судебного усмотрения и ускорения судебного разбирательства практикуется применение строгих руководств для

¹ См.: Federal Decree Law № 4 of 2016 on Medical Liability. – URL: [https://www.dha.gov.ae/Asset%20Library/MarketingAssets/20180611/\(E\)%20Federal%20Decree%20no.%204%20of%202016.pdf](https://www.dha.gov.ae/Asset%20Library/MarketingAssets/20180611/(E)%20Federal%20Decree%20no.%204%20of%202016.pdf) (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Bal B.S. An Introduction to Medical Malpractice in the United States // Clinical Orthopaedics and Related Research.* – 2009. – Vol. 467 (2). – P. 344.

расчета суммы компенсации с ограничением ее предельного размера: для суммы всех видов потерь и расходов, включая материальный и моральный вред (штаты Луизиана, Колорадо, Индиана, Вирджиния), только для морального вреда (штаты Флорида, Гавайи, Айдахо, Джорджия), в зависимости от формы вины медицинского работника (штаты Аляска, Мэн, Мэриленд, Орегон, Висконсин), в зависимости от того, предоставлялись ли медицинские услуги государственной медицинской организацией, частной клиникой или частнопрактикующим врачом (штат Колорадо)¹.

Стандартизация размеров выплат характерна также для Индии, Германии и Канады, а опыт применения альтернативных организационно-правовых механизмов разрешения споров с участием пациентов, помимо Германии, имеется в Великобритании, где Национальная служба здравоохранения (NHS) реализует общегосударственную программу защиты от рисков клинической халатности, основанную на добровольном участии медицинских организаций и специалистов в страховании профессиональной ответственности (в т.ч. обеспечивает выплату пострадавшим пожизненных компенсаций в случае наступления инвалидности)².

Критический анализ приведенных систем позволяет предполагать неэффективность «чистых» систем компенсации без вины в тех странах, где существует развитая система социального обеспечения и медицинского страхования, а претензии по поводу привлечения медицинского работника или организации к деликтной ответственности в основном разрешаются со страховщиками такой ответственности. В то же время, подспудно, основными побудительными мотивами для отказа от конструкции деликтной ответственности являются не проблемы доказывания вины как таковые, а неадекватность такой конструкции специфике медицинской деятельности и отсутствие практики экспертной оценки случаев медицинской ошибки.

Системы возмещения без вины, помимо исключения таковой из числа юридически значимых обстоятельств, устанавливаемых для взыскания

¹ См.: *Chandra M., Bada Math S. Decree. Op. – P. 25.*

² См.: *Nguyen T. Comparative analysis of medical malpractice law // Asian Journal of Law and Economics. – 2019. – Vol. 10. – P. 15.*

компенсации, характеризуются разделением целей компенсации и наказания (последняя реализуется лишь в рамках привлечения виновного медицинского работника к уголовной и дисциплинарной ответственности), введением критериев компенсируемости травмы и (или) пределов возмещения отдельных видов потерь, существованием специальных страховых фондов, на которых переносится требование о компенсации. Реализация института деликтной ответственности, напротив, сопряжена с преимущественно судебным порядком урегулирования спора, длительностью рассмотрения конкретной претензии, что особенно актуально для тяжелых травм в виду продолжительности стабилизации состояния здоровья пострадавшего, однако, вместе с тем, содержит более гибкие механизмы воздействия на правонарушителя и предполагает действие принципа полной компенсации в целях восстановления положения, существовавшего до нарушения права.

Критерий предотвратимости травмы, вводимый в смешанных системах возмещения без вины (в особенности, в скандинавских странах), заслуживает критической оценки как замаскированный стандарт определения вины в форме небрежности. Действует он с той лишь разницей, что при привлечении к деликтной ответственности речь идет об оценке поведения врача как среднестатистического «разумного человека», выбирающего наиболее обоснованную в сложившихся условиях стратегию лечения, но совсем не обязательно – наилучший из всех возможных вариантов подход к оказанию медицинской помощи или отдельных услуг.

Возможность избежать причинения вреда означает, что медицинским работником или организацией не была оказана надлежащая медицинская помощь, т.е. не была проявлена должная заботливость и осмотрительность по отношению к пациенту, разница лишь в том, как оценивать необходимую степень «должной заботливости и осмотрительности» – с позиции конкретного специалиста или «лучшего в профессии». Подтверждает такое смешение пример Германии, где при сохранении традиционной конструкции деликтной ответственности судебной практикой обоснован критерий определения вины в исках о врачебной

халатности, проистекающий из оценки поведения медицинского работника с позиции «добросовестного врача со средним опытом и положительной репутацией».

Думается, для истинной схемы возмещения без вины основным критерием возместимости вреда должно являться происхождение травмы из сферы действия рисков, присущих медицинской деятельности, как это ярко иллюстрирует определение «лечебной травмы», принятое в Новой Зеландии¹. Смешанные схемы, использующие критерий предотвратимости, можно с уверенностью рассматривать как переходные, применимые при отказе от института деликтной ответственности, но до надлежащего доктринального обоснования и правового обеспечения системы безвиновных компенсаций.

Как видно в целом, проблема возмещения вреда здоровью, причиненного в результате медицинской ошибки, не фокусируется вокруг обязательного страхования риска профессиональной ответственности в здравоохранении. Исследование зарубежного опыта позволяет утверждать, что специфика рисков, присущих процессам оказания медицинской помощи, диагностики и лечения, обуславливает необходимость существования специальных правовых презумпций, устанавливаемых в отношении отдельных условий наступления такой ответственности и облегчающих тем самым положение потерпевшего.

В частности, представляется обоснованным установление презумпции грубой ошибки при оказании медицинской помощи, суть которой состоит в предположении наличия причинной связи при обнаружении одного или нескольких наиболее существенных нарушений служебных обязанностей со стороны медицинского работника. В данную категорию могут быть включены случаи грубого нарушения или незнания медицинских стандартов, свидетельствующие о несоответствии специалиста заявленной специализации или

¹ Примечательно, что в отечественной доктрине в целом отвечают такому подходу предложения о закреплении в законодательстве корреляции между классом риска медицинского изделия и размером ответственности – см.: *Малеина М.Н.* Правовое регулирование применения медицинских роботов-хирургов в комплексе цифровых технологий // *Медицинское право.* – 2023. – № 1. – С. 5.

уровню подготовки, необоснованного ограничения объема лечения или перечня диагностических мероприятий, несоблюдения обязанности по получению информированного согласия пациента на лечение. Исчерпывающий перечень наиболее существенных обязанностей медицинских работников, нарушение которых будет приниматься в качестве доказательства грубой ошибки при оказании медицинской помощи, целесообразно закрепить после консультации с медицинским сообществом в ст. 73 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Этот шаг позволит предупредить расширительное толкование ст. 1098 ГК РФ в контексте искусственного обозначения наличия причинной связи при обнаружении незначительных дефектов медицинской услуги.

Наряду со всем сказанным, заслуживает внимания перспектива внедрения в российских условиях отдельных элементов схем компенсации без вины, в особенности, для несчастных случаев в отдельных сферах медицинской деятельности, где определение происхождения вреда от действий (бездействия) конкретного медицинского работника особенно затруднительно, а на исход той или иной манипуляции влияет значительное число случайных и (или) малоизученных факторов (заражение ВИЧ при переливании крови, осложнения при вакцинации, неврологические отклонения на фоне гипоксии плода при родах и пр.). Независимо от принятия принципиальных решений в области создания дополнительных страховых гарантий возмещения вреда, причиненного в процессе лечения, представляется необходимым создание системы независимой экспертной оценки случаев медицинской ошибки, действующей за пределами государственной системы здравоохранения. Применение такой системы, однако, должно быть направлено лишь на определение причин и условий причинения вреда здоровью, но не объема и характера такого вреда.

Распределение различных видов потерь между участниками компенсационной схемы необходимо производить по тому же принципу, что был предложен нами ранее для случаев повреждения здоровья в результате дефектов товаров, т.е. первичные утраты способностей и базовые потребности в лечении и

реабилитации, физический вред состояния, определяемый с учетом характера повреждения здоровья, могут компенсироваться в упрощенном порядке, предпочтительно страховщиками профессиональной ответственности или риска причинения вреда. В то же время, периодические выплаты и спрогнозированные на будущее время потребности в медико-социальной реабилитации – лицом, ответственным за такой вред, с применением модифицированных положений гражданского законодательства о деликтных обязательствах.

Таким образом, возместимость физического вреда, причиненного в сфере медицинской деятельности, обеспечивается существованием презумпциональной частной системы компенсации, в которой привлечение медицинских организаций и работников к деликтной ответственности за дефект медицинской услуги осуществляется под действием специальной презумпции наличия грубой ошибки при оказании медицинской помощи, а риск наступления такой ответственности подлежит добровольному страхованию. Исчерпывающий перечень наиболее существенных обязанностей медицинских работников, нарушение которых будет приниматься в качестве доказательства наличия грубой ошибки при оказании медицинской помощи, необходимо закрепить в ст. 73 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В сфере добровольного страхования ответственности целесообразным является создание органов, уполномоченных на проведение независимой экспертной оценки нежелательных явлений, возникающих в процессе оказания медицинских услуг, определение причин и условий повреждения здоровья пациентов. Факультативным элементом системы является страхование рисков причинения вреда, распространяемое на несчастные случаи в отдельных сферах медицинской деятельности.

§ 5. Система возмещения физического вреда, причиненного в экологической сфере

Завершение исследования частных систем возмещения физического вреда рассмотрением цивилистических правовых механизмов, действующих в

экологической сфере, представляется обоснованным по двум причинам. Во-первых, обязательства по возмещению вреда, причиненного здоровью человека под влиянием экологических факторов, представляют собой единственную разновидность деликтных обязательств, реализация которых обеспечивается конституционными гарантиями. При этом не может быть сомнений в том, что в ст. 42 Конституции РФ речь идет именно о гражданско-правовых обязательствах, поскольку «право на возмещение ущерба, причиненного здоровью и имуществу экологическим правонарушением», не коррелирует с обязанностью государства создать условия для его осуществления исключительно через гарантии в сфере оказания медицинской помощи и социального обеспечения населения.

Во-вторых, деликтный режим возмещения физического вреда, причиненного в экологической сфере, определен специальным законодательством и развит судебной практикой лишь для ситуаций, в которых наступление такого вреда обуславливается экстраординарным событием, произошедшим в процессе хозяйственной деятельности конкретного экономического субъекта (техногенной аварией или самостоятельным нарушением норм экологического законодательства).

Иные случаи, в которых применение конструкции деликтной ответственности по тем или иным причинам затруднительно (происхождение физического вреда от накопленного неблагоприятного экологического воздействия, множественность хозяйствующих субъектов, осуществляющих потенциально вредную деятельность и др.), подвержены, как отмечается в источниках¹, уже упоминавшемуся административному (публично-правовому) регулированию без возможности возврата к частно-правовым конструкциям для целей компенсации. Под «возмещением вреда» здесь понимается предоставление

¹ См.: *Кравцова Е.А.* Проблемы возмещения экологического вреда в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 322; *Заринов Ш.Р.* Массовый деликт: публичный (административный) порядок возмещения вреда // Трансформация права в информационном обществе: сборник статей. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного юридического университета, 2020. – С. 314; *Анисимов А.П., Каюшишникова Ю.Е.* Возмещение вреда, причиненного здоровью человека экологическим правонарушением // Legal Concept. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 38 и др.

ситуационных форм материальной поддержки пострадавшим от неблагоприятных явлений, значимых в масштабах государства, распространение специальных гарантий и компенсаций на лиц, проживающих в экологически неблагополучной местности.

Представленный вариант правового регулирования, очевидно, не соотнобразуется с упомянутой нормой Основного закона, а равно и ст. 79 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹, поскольку таковая не ограничивает объем притязаний по поводу неблагоприятного воздействия на окружающую среду защитой публичного интереса, осуществляемой через принятие государством комплекса принудительных мер в отношении нарушителей экологического законодательства. Напротив, постулируется распространение на отношения по возмещению вреда здоровью, причиненного в экологической сфере, норм Гражданского кодекса РФ о деликтных обязательствах независимо от специфики материализовавшегося экологического риска. В виду сказанного, представляется актуальной попытка обнаружения доктринальных и правовых предпосылок для распространения на исследуемые отношения альтернативных компенсационных механизмов, успешно вписываемых при этом в область гражданско-правового регулирования, модификации конструкции деликтной ответственности с учетом особенностей противоправного поведения в экологической сфере, наконец, определения оптимального сочетания деликтной и иных форм компенсации в контексте реализации принципа полноты возмещения.

Как можно заметить исходя из опыта рассмотрения нами частных систем компенсации, качество системности приобретает ими благодаря одновременному выполнению комплекса условий, включая корректировку в законе или судебной практике подходов к определению условий возникновения деликтной возместительной обязанности (может осуществляться обособленно или в тесной взаимосвязи с развитием специальной разновидности возместительного страхования), разработку специальных правил определения размера возмещения

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6181.

физического вреда, определение порядка применения таких правил в совокупности с общими положениями гражданского законодательства о возмещении вреда здоровью.

В отечественных условиях не представляется возможным говорить о сколь-нибудь существенной роли в данной части схем страхования, поскольку ст. 18 Закона об охране окружающей среды лишь в общих чертах определяет его защитный потенциал в отношении экологических рисков, не формулируя требования об обязательности осуществления в тех или иных случаях. С практической точки зрения речь идет о вменении отдельным категориям хозяйствующих субъектов обязанности по заключению договора страхования рисков причинения вреда окружающей среде (страхования ответственности) в качестве условия ведения ими экономической деятельности (примером здесь могут быть эксплуатирующие организации в сфере добычи и реализации углеводородного сырья¹). В то же время, нельзя не обратить внимания на некоторые колебания судебной практики при определении условий наступления ответственности за вред в экологической сфере и попытки разработки альтернативных компенсационных механизмов на уровне регионального правотворчества.

Общепризнано, что особой характеристикой повреждения здоровья в экологических отношениях служит его так называемая экогенность, выражающаяся в происхождении от неблагоприятного воздействия факторов окружающей среды, но не самой преобразующей и (или) хозяйственной деятельности физических лиц и организаций². Отмеченная характеристика предопределяет то обстоятельство, что особые подходы к установлению предпосылок возникновения деликтных обязательств в связи с его причинением

¹ См.: п. 12 ст. 46 Закона об охране окружающей среды.

² См.: *Васильева М.И.* Правовые проблемы возмещения вреда здоровью граждан, причиненного экологическими правонарушениями // Судья. – 2017. – № 9. – С. 18; *Князькин А.Д.* Определение объема и размера экогенного вреда причиненного здоровью гражданина в Российской Федерации // Казанская наука. – 2011. – № 1. – С. 261 – 262; *Случевская Ю.А.* Экологический вред: проблема определения и оценки // Общество и право. – 2020. – № 4 (74). – С. 20 – 21 и др.

надлежит искать в области регулирования имущественной ответственности за вред окружающей среде. Последняя умышленно, на наш взгляд, именуется имущественной, а не гражданско-правовой, дабы подчеркнуть реализацию с ее помощью публичного интереса. Более правильно, однако, говорить о существовании смешанного режима ответственности в экологической сфере, в котором обособляются специальная экологическая ответственность и деликтная ответственность за неблагоприятные последствия экологических нарушений, которым подвержены частные лица (граждане и организации).

Специальная экологическая ответственность базируется на принципах охраны окружающей среды (ст. 3 упомянутого закона), среди которых наибольший интерес для целей настоящего исследования представляет презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»¹ применением данного принципа объясняется признание достаточным для возникновения возместительной обязанности хозяйствующего субъекта факта негативного изменения им состояния окружающей среды. При этом дополнительно подчеркивается, что заявитель в делах данного рода предоставляет доказательства касательно лишь двух традиционных условий наступления ответственности (вред, причинная связь), а при определении размера возмещения действует ослабленный доказательственный стандарт «разумной степени достоверности».

Приведенная трактовка при первом прочтении позволяет заключить, что имущественная ответственность за вред окружающей среде, а за ней и деликтная ответственность за экогенный вред здоровью граждан наступают при применении опровержимых презумпций вины и противоправности, действие которых распространяется на ситуации обнаружения неблагоприятных изменений

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», п. 6 – 7 // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2018. – № 2.

природных ресурсов или объектов животного (растительного) мира в процессе определенной экономической деятельности¹. В свою очередь, если при применении специальной экологической ответственности допустимым является отступление от принципа экономической обоснованности размера возмещения вреда, в отношении последствий повреждения здоровья также могут предусматриваться методики, позволяющие производить его оценку и возмещение с разумной степенью достоверности. Вместе с тем, эти тезисы опровергаются последующими разъяснениями высшей судебной инстанции.

В особенности, п. 7 рассматриваемого Постановления Пленума ВС РФ непосредственно касается определения причинной связи, наличие которой предполагается только для ситуаций, когда хозяйствующим субъектом превышены установленные нормативы допустимого воздействия на окружающую среду. Здесь также сделан дополнительный акцент на возможности приведения ответчиком специальных аргументов, способных лишить указанное предположение юридического значения, а потому не может быть никаких сомнений в том, что рассматриваемые разъяснения относятся к опровержимой презумпции причинной связи. В свою очередь, п. 8 документа непосредственно касается условия о вине, и в данной части освобождение истца от обязанности по доказыванию связывается исключительно с наличием у ответчика статуса владельца источника повышенной опасности (владельцы нефтепроводов, радиационно опасных и ядерно опасных производств и т.п.).

На фоне отмеченных противоречий суды при разрешении конкретных дел придерживаются достаточно осторожного подхода к объяснению презумпции экологической опасности хозяйственной деятельности, прибегая для этой цели к широкому толкованию принципа генерального деликта. Отмечается, в частности, что при подтверждении факта загрязнения окружающей среды, причинно связанного с хозяйственной деятельностью ответчика, не является обоснованным требование о доказывании истцом наличия конкретного экологического

¹ См.: Колесниченко О.В. Вред здоровью, причиненный в результате неблагоприятного экологического воздействия: цивилистические механизмы компенсации // Юридические исследования. – 2024. – № 3. – С. 115 – 116.

нарушения¹. Выдвигаемые ответственным лицом возражения по поводу осуществления им всего комплекса необходимых мероприятий по обеспечению экологической безопасности оцениваются как направленные на доказывание отсутствия его вины². Таким образом, все вышеприведенные выкладки в конечном счете сводятся к констатации распространения опровержимой презумпции вины на отношения с участием лиц и организаций, оказывающих на окружающую среду предполагаемое неблагоприятное воздействие.

Тем временем, при причинении физического вреда в экологической сфере значительные сложности составляет не только установление факта правонарушения, но и определение связи между таким нарушением и вредом конкретного характера и размера, поскольку, как известно, одни и те же заболевания (бронхиальная астма, острые инфекции верхних и нижних дыхательных путей, ишемическая болезнь сердца и др.) могут происходить как от экологических, так и иных, не связанных с ними факторов³. Формулировка стандарта «разумной степени достоверности» лишь на первый взгляд не препятствует его распространению на все проявления неблагоприятных последствий воздействия на окружающую среду, поскольку разработанные к настоящему времени таксы и методики предназначены для восстановления ее природных компонентов, включая землю, водные объекты, лес и др.

Так, например, актуальная методика определения объема возмещения физического вреда вследствие загрязнения атмосферного воздуха предполагает включение в таковой предполагаемых расходов на лечение (стационарное и

¹ См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2021 г. № 88-175/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6569:1> (дата обращения: 14.01.2024); Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 июля 2023 г. № Ф09-4641/23 по делу № А50-25922/2022. – URL: <https://base.garant.ru/38909844/> (дата обращения: 14.01.2024); Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 июля 2023 г. № Ф03-2951/2023 по делу № А73-12376/2022 (дата обращения: 14.01.2024). – URL: <https://base.garant.ru/37245435/> и др.

² См.: Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 октября 2023 г. № 304-ЭС23-8238 по делу № А81-7479/2021. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407710267/> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Колесниченко О.В. Вред здоровью, причиненный в результате неблагоприятного экологического воздействия: цивилистические механизмы компенсации. – С. 118.

амбулаторное) экообусловленных состояний, расходов на социальное и пенсионное обеспечение пострадавших. При этом каждый факт происхождения повреждения здоровья от допущенного субъектом хозяйственной деятельности нарушения санитарного законодательства подлежит установлению «по исковому заявлению гражданина»¹. Методика определения последствий неблагоприятных экологических воздействий, вызванных аварией гидротехнических сооружений, предполагает определение вероятной величины вреда жизни и здоровью как «социального ущерба» в зависимости от типовых сценариев развития аварии совокупно с общим ущербом, причиняемым третьим лицам и имуществу предприятия².

Иной подход можно встретить в законодательстве субъектов РФ. В частности, представляет интерес пример Свердловской области, где вплоть до 2018 г. регулировались вопросы возмещения хозяйствующими субъектами двух видов физического вреда в экологической сфере³ – индивидуального как особого заболевания или иного неблагоприятного эффекта для здоровья, приписываемого с достаточной достоверностью воздействию конкретного вредного фактора для каждого отдельного потерпевшего, и коллективного, выраженного в росте специфической заболеваемости или проявлении иных неблагоприятных эффектов в группе граждан, объединенных консолидирующими признаками (место работы, проживание на определенной территории и т.п.).

¹ См.: Методические указания МУ 2.1.9 000-2000 «Определение объема и порядка возмещения вреда здоровью граждан вследствие нарушений санитарного законодательства»: утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 30 декабря 2000 г. – URL: <https://base.garant.ru/12119129/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 10 декабря 2020 г. № 516 «Об утверждении Методики определения размера вреда, который может быть причинен жизни, здоровью физических лиц, имуществу физических и юридических лиц в результате аварии гидротехнического сооружения (за исключением судоходных и портовых гидротехнических сооружений)». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/573191717> (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Решение Свердловского областного Совета народных депутатов от 23 июня 1993 г. № 141/21 «Об утверждении Положения о порядке возмещения вреда, причиненного здоровью граждан Свердловской области в связи с экологическими и санитарными правонарушениями» (утратило силу). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/429087784> (дата обращения: 14.01.2024).

В целях решения проблемы определения причинной связи, явственно следующей из приведенных определений, обязанность по установлению происхождения неблагоприятных последствий от конкретных экологических или санитарных правонарушений возлагалась на постоянную экспертную комиссию. Причем, учитывая ограниченность субъектовых полномочий в данной сфере регулирования, этот шаг не связывался с введением специальных презумпций или изменением доказательственных стандартов – соответствующие структуры предполагались исполняющими данную обязанность в рамках осуществления ими функций представителей истцов (потерпевших).

Что особенно примечательно, регулирование форм и способов возмещения физического вреда производилось с учетом природы экологических рисков и обозначенных выше разновидностей неблагоприятных последствий. Так, индивидуальный физический вред признавался подлежащим возмещению в части, касающейся не только базовых утрат способностей и новых потребностей потерпевшего (утраты способности к оплачиваемому труду, потребности в постороннем уходе и т.п.), но и специфических потребностей, обусловленных характером экологического воздействия (потребности в переезде в другую местность во избежание обострения симптомов, в освоении новой профессии, обусловленной наличием медицинских противопоказаний к работе с определенными веществами и субстанциями). Коллективный физический вред предполагалась оценивать в натуральной форме путем выделения «представителю интересов трудового коллектива» средств для оплаты профилактических и оздоровительных мероприятий, дополнительного медицинского страхования.

Представляется, что изложенный подход мог, в случае его последовательной реализации, способствовать модификации механизма деликтной ответственности за физический вред в экологической сфере. Так, например, из-за того, что возложение на органы экологического контроля функций представителя не гарантировало успешного разрешения дел данной категории в судах, в один из конкретизирующих документов было включено правило о том, что коллективный вред в экологической сфере устанавливается

путем сравнения состояния заболеваемости в целевой группе с аналогичными показателями в контрольной группе населения, отличающейся отсутствием влияния соответствующего вредного фактора, а также наибольшей схожестью условий жизни и труда с пострадавшими¹. Таким образом, опосредованно вводилась презумпция неблагоприятного экологического воздействия на здоровье человека для ситуаций, когда из факторов специфической заболеваемости могли быть исключены географическое положение, климатические условия, степень благоустройства, уровень медицинского, коммунального и бытового обслуживания и прочие ординарные условия.

На некоторую специфику и проблемы эффективности возмещения вреда, причиненного здоровью граждан неблагоприятным воздействием на окружающую природную среду в различных формах, сегодня указывают лишь нормы тех источников субъектового уровня, которые предписывают организацию для этих целей специальных экологических фондов². Вместе с тем, актуальное специальное³ и бюджетное законодательство⁴ не предусматривают правомочий регионов и муниципалитетов, а равно и самой федерации на создание таковых в форме внебюджетных, а также не устанавливают обязанности направления поступлений от платы за негативное воздействие на окружающую среду и иных сумм, взыскиваемых с субъектов хозяйственной деятельности (сумм возмещения вреда окружающей среде, доходов от реализации незаконно добытой продукции и

¹ См.: Постановление Главы администрации Свердловской области от 29 сентября 1994 г. № 487 «Об утверждении порядка определения размеров компенсации экономического ущерба здоровью граждан или группе граждан, связанного с экологическими и санитарными правонарушениями». – URL: <https://base.garant.ru/9300069/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Закон Республики Саха (Якутия) от 23 марта 2023 г. 2609-3 № 1129-VI «Экологический кодекс Республики Саха (Якутия)». – URL: <https://base.garant.ru/406599017/> (дата обращения: 14.01.2024); Закон Республики Марий Эл от 24 февраля 2014 г. № 5-3 «О регулировании отдельных отношений в области охраны окружающей среды», ст. ст. 13.1, 75. – URL: <https://base.garant.ru/20792372/> (дата обращения: 14.01.2024) и др.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 31 мая 2023 г. № 881 «Об утверждении Правил исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 23 (часть I). Ст. 4191.

⁴ См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ, ст. 144 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 02.11.2023.

т.п.), на компенсации частным лицам. В силу указанных причин заслуживает внимания вопрос о том, какие частноправовые инструменты могут быть задействованы в данной сфере при сохранении традиционной конструкции деликтной ответственности, и каким должно быть регулирующее воздействие государства на их использование.

Примечательно, что при исследовании проблем и тенденций развития так называемого «вмененного» страхования ответственности, являющегося условием осуществления отдельных видов деятельности, в современной доктрине отмечается, что таковое не всегда является достаточно эффективным средством защиты субъектов экономических отношений, однако сопряжено с весьма существенным ограничением права собственности¹. Последнее связывается с заведомо невыгодным для страхователя определением условий договора страхования, завышением страховых тарифов из-за уникальности страхуемого риска и недостаточности информации, необходимой для прогнозирования величины возмещения².

Указанными обстоятельствами объясняются инициативы по сокращению случаев применения «вмененного» страхования ответственности, развитию альтернативных инструментов обеспечения обязательств перед третьими лицами³. Традиционной альтернативой страхования ответственности, как уже отмечалось выше, является страхование рисков причинения вреда (no-fault). Однако применительно к физическому вреду, вызванному экологическими факторами, использование этой конструкции не исключает неопределенности при установлении основания возникновения возместительной обязанности страховщика, прогнозировании размера страховых выплат.

¹ См.: Покачалова А.С. Правовое регулирование вмененного страхования: финансово-правовой аспект // Финансовое право. – 2022. – № 3. – С. 29; Чуб А. Правовые инициативы страховщиков // Современные страховые технологии. – 2021. – № 3. – С. 75.

² См.: Социальное гражданское право в его основополагающих институтах / отв. ред. К.М. Некрашевич. – М.: Статут, 2022. – С. 129 – 130.

³ См.: Бурдакова М.Ю. Страхование гражданско-правовой ответственности в России: современное состояние и направления развития // Цивилизация знаний: российские реалии: сб. статей. – М.: Российский новый университет, 2021. – С. 295.

В тематических исследованиях отмечается комплексный характер последствий неблагоприятного воздействия на окружающую среду, при этом констатируется, что таковые могут включать в себя имущественный ущерб субъектов экономической деятельности и отдельных граждан (в т.ч. в виде упущенной выгоды), социальный ущерб в виде повреждения здоровья или смерти, экологический вред в узком значении как нарушение состояния экосистем, загрязнение природных ресурсов¹. Однако представляется очевидным, что физическому вреду в их числе свойственны не только разнообразные формы проявления (указываются, к примеру, нарушения физиологического, генетического, морального порядка²), но и вторичность по отношению к повреждению природных компонентов³.

Ситуация, в которой рост специфической заболеваемости группы граждан, проживающих на определенной территории, происходит на фоне накопления вредных веществ в источниках водоснабжения, иных природных ресурсах, наиболее показательна для понимания того, насколько неприспособленным к исследуемым отношениям является устоявшееся определение страхового случая в личном страховании. При этом речь идет как о внезапных событиях, влекущих за собой травматические повреждения (несчастных случаях), так и о воздействии вредных факторов, вызывающих профессиональные заболевания, поскольку последние, во-первых, относительно успешно обособляются от иных влияний, а,

¹ См.: *Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б.* Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // *Lex russica.* – 2016. – № 8 (117). – С. 131 – 132; *Жулай Е.А., Черкашина Е.Г.* Виды экологического вреда и способы его возмещения // *Вестник Амурского государственного университета. Гуманитарные науки.* – 2008. – № 42. – С. 32; *Данилова Н.В.* Совершенствование института возмещения экологического вреда // *Экологическое право.* – 2015. – № 3. – С. 5 и др.

² См.: *Иванов А.А.* Юридическая ответственность за экологические правонарушения: перспективы развития // *Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии.* – 2015. – № 2. – С. 115.

³ См.: *Инишкова А.О., Федорова П.А.* К вопросу о понятии «экологического вреда» // *Трансформация правовых институтов и методов обеспечения экологической и продовольственной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза в условиях внедрения генно-инженерных технологий: сб. статей.* – Саратов: Саратовский источник, 2021. – С. 206.

во-вторых, с достаточной степенью достоверности могут считаться происходящими из сферы трудовой деятельности потерпевшего.

Учитывая сказанное, нельзя обойти вниманием подход, согласно которому в экологической сфере оптимальной является реализация самостоятельной разновидности прямого страхования, обозначаемой как страхование объекта. Как и в случае со страхованием *no-fault*, страховым случаем здесь считается наступление неблагоприятных последствий (вреда), независимо о того, соблюдены ли условия привлечения страхователя к деликтной ответственности. В то же время, страховое покрытие распространяется не на вред третьим лицам и (или) самому страхователю, но на любой вред, причиняемый производственным объектом или иным средством воздействия на окружающую среду при условии его обнаружения в установленных договором пространственных пределах (таковые могут определяться границами эксплуатируемого земельного участка и непосредственно прилегающих к нему частных владений)¹.

Достоинством страхования объекта может считаться его комплексность, выраженная в возможности преодоления с помощью страхового возмещения широкого спектра неблагоприятных последствий, включая нарушение конкретных имущественных прав, причинение убытков в форме упущенной выгоды и др. Впрочем, эта же особенность при ближайшем рассмотрении является и его недостатком, поскольку предлагаемые методики определения размера страхового возмещения не могут учесть этапности возникновения различных видов ущерба. Большинство из них основаны на использовании методов оценки воздействия на окружающую среду, включая встроенный в нее социальный компонент (область жизнедеятельности человека), в процессе строительства и эксплуатации производственных и инфраструктурных объектов субъектом предпринимательских отношений².

¹ См.: *Faure M., Verheij A.* Shifts in Compensation for Environmental Damage. – Vienna; New York: Springer, 2007. – P. 73 – 102.

² См.: *Sangha K.K., Russell-Smith J., Evans J.* et al. Methodological approaches and challenges to assess the environmental losses from natural disasters // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. – 2020. – Vol. 49. – P. 101619; *Liu D.* Value evaluation system of ecological environment

С этих позиций, в частности, потери третьих лиц от загрязнения как наиболее распространенной формы экологического влияния ограничиваются возмещением причиненных неудобств («disturbance» – англ.) и вредоносного влияния («injurious affection» – англ.)¹. В ряду первых оцениваются имущественные потери, вызванные необходимостью оставления близлежащих земельных участков, вынужденного прекращения промысла в реках и водоемах, в ряду вторых – предполагаемое снижение стоимости земельных участков и иных объектов права собственности, подвергшихся загрязнению. Нельзя не заметить также, что обязанность потерпевшего установить причинную связь не устраняется в полном объеме, но в модифицированном виде предполагает необходимость подтвердить происхождение вреда от страхуемого риска. Для физического вреда эта задача может оказаться нерешаемой из-за отсутствия первичных проявлений.

Рассмотрение проблем развития страхования объекта в экологической сфере, как ни парадоксально, вновь возвращает нас к определению природы имущественной ответственности в экологической сфере. И здесь справедливым является утверждение о том, что специальная экологическая ответственность и деликтная ответственность за экогенный вред имеют фундаментальные различия, обусловленные тем, что интерес в сохранении окружающей природной среды не принадлежит частным лицам². Таковая не имеет своей целью нормализацию социальных связей, но направлена на сохранение баланса «в отношениях» между обществом и эксплуатируемыми природными ресурсами, а значит, не является частноправовой, даже будучи наделенной компенсационной функцией. Этот тезис, однако, не равнозначен тому, что в экологической сфере нет места деликтной ответственности. Последняя не может быть интерпретирована на основе единственной деонтологической или инструментальной теории, но

damage compensation caused by air pollution // *Environmental Technology & Innovation*. – 2021. – Vol. 22. – P. 101473 и др.

¹ См.: *Onyeabor E.* Practical Tips on Evaluation and Assessment of Environmental Pollution Damage in Environmental Litigation // *Journal of Environmental Management and Safety*. – 2012. – Vol. 3. – № 2. – P. 138 – 145.

² См.: *Бринчук М.М.* Эколоγο-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // *Lex russica*. – 2016. – № 6 (115). – С. 31 – 33.

принимается в качестве комплексного правового средства, при применении которого справедливое перераспределение потерь между частными субъектами служит сохранению общезначимых ценностей¹.

Думается, область реализации публичного интереса применительно к имущественной ответственности в экологической сфере коррелирует обязательствам государства по созданию благоприятной экологической обстановки, разработке и реализации комплекса мер, направленных на предупреждение и преодоление последствий вредного влияния². В самом деле, взыскиваемый в пользу государства экологический ущерб определяется через факторы влияния на окружающую среду, не устранимые без вмешательства человека, а вред на стороне третьих лиц принимается в его объеме лишь в части, в которой он влечет за собой непредвиденное увеличение размера социальных обязательств (при массовых вспышках заболеваний, отравлениях и т.п.). Именно такой вред ближе всего по содержанию к «ущербу пострадавшей местности», возмещаемому в рамках страхования объекта.

Особую сложность при выборе дополнительного средства компенсации физического вреда в экологической сфере составляет возможность его происхождения от так называемого «накопленного» неблагоприятного влияния³, выражающегося не в конкретном нарушении природоохранных норм, но в постепенном ухудшении состояния экосистем, климата, отдельных природных ресурсов в условиях регулярного осуществления определенных видов хозяйственной деятельности. Такой вред не лишается качества возместимости, поскольку в силу п. 2 ст. 77 Закона об охране окружающей среды выплата компенсаций в пользу третьих лиц, во-первых, производится обособленно от применения мер специальной экологической ответственности, а, во-вторых, не

¹ См.: *Jamshidi M., Pournoori M., Poorhashemi A.* Distinguishing between civil liability and environmental damage liability // *Journal of Research in Ecology*. – 2018. – Vol. 6 (1). – P. 1350.

² См.: *Barbu F.O.* The Objective Civil Liability For The Environmental Damage // *Multidimensional Education and Professional Development: Ethical Values: collection of materials / ed. by A. Sandu, T. Ciulei, A. Frunza*. – Targoviste: Future Academy, 2017. – Vol. 27. – P. 56.

³ См.: *Гафаров Н.Р.* Выявление и критерии оценки объектов накопленного вреда окружающей среде // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – Т. 17. – № 1 (134). – С. 190.

исключается при получении положительного заключения государственной экологической экспертизы. Последнее позволяет предполагать, что соблюдение установленных нормативов воздействия на окружающую среду не является препятствием для возникновения деликтной возместительной обязанности.

На учет специфики накопленного экологического влияния, на первый взгляд, ориентированы такие альтернативные компенсационные механизмы, как соглашение о распределении потерь, параметрическое страхование. В то же время, их ближайшее рассмотрение позволяет выявить ту же проблему, что и при страховании объекта, - такие механизмы ориентированы на защиту хозяйствующих субъектов от последствий экологических санкций со стороны государства, обеспечивают принятие ими мер по восстановлению компонентов природной среды по принципу «загрязнитель платит».

Сферой применения соглашений о распределении потерь традиционно являются отдельные виды хозяйственной деятельности, связанные с эксплуатацией источников повышенной опасности (перевозка нефтепродуктов, деятельность в сфере атомной энергетики, эксплуатации автозаправочных станций и др.). При этом заключение таковых обуславливается законодательно установленной обязанностью владельцев таких объектов создать дополнительные гарантии для возмещения вреда, а не модификацией конструкции деликтной ответственности. Опосредованное влияние на ее «исправительный» компонент обнаруживается лишь в том, что участники соглашений обычно оговаривают в качестве условия участия в схеме более строгие требования к обеспечению безопасности перевозок по сравнению с действующими нормативами, т.е. их ответственность «повышается» без участия государства¹.

Например, в Китае соглашения распространены среди судовладельцев и распространяются на любые потери, убытки или расходы, которые могут возникать при загрязнении внутренних вод нефтью (нефтепродуктами). Вместе с тем, принятое в данной сфере правило пропорциональной компенсации

¹ См.: *Faure M., Jing L. Compensation for Environmental Damage in China: Theory and Practice // Pace Environmental Law Review. – 2014. – Vol. 31. – P. 292 – 294.*

практически не оставляет возможности для учета экогенного ущерба жизни и здоровью третьих лиц. Из общего объема определенной участниками соглашения суммы начальные выплаты производятся на принятие мер по ликвидации последствий аварии и по очистке внутренних вод, в дальнейшем учитываются убытки иных хозяйствующих субъектов, вызванные прекращением деятельности, и лишь после этого – иной ущерб сторонних субъектов¹.

Как нетрудно заметить, распространение на возмещение экогенного вреда презумпции экологической опасности отдельных видов деятельности не способствует в необходимой мере его компенсируемости, поскольку таковая действует лишь в отношении разумно предвидимых повреждений природных компонентов. Параметрическое страхование, в отличие от рассмотренных механизмов, в принципе не требует установления наличия конкретного вреда и его происхождения от определенных экологических нарушений или экологически опасной деятельности. Наступление страхового случая здесь связывается с достижением предельного значения определенного индекса (параметра) оценки состояния природных компонентов, свидетельствующим о возможных негативных последствиях².

В настоящее время параметрические схемы активно применяются для климатических рисков, в частности, индекс оценки уровня осадков позволяет осуществлять таковое в отношении рисков засухи (в Малави), падежа скота (в Монголии) и т.п.³ Их распространению на физический вред, как следует полагать, препятствует то, что заболевания человека зачастую проблематично связать не только с определенным загрязнителем, но и с конкретным параметром оценки состояния окружающей среды. В свете сказанного представляют интерес смешанные компенсационные механизмы, основанные на определении

¹ См.: *Fu B., Li H.* Legal advice on the Chinese compensatory fund system for oil pollution damage caused by ships from the perspective of marine environmental governance // *Policy and practice review.* – 2023. – Vol. 9. – P. 1083624.

² См.: *Jerry R.H.* Understanding Parametric Insurance: A Potential Tool to Help Manage Pandemic Risk // *Covid-19 and Insurance* / ed. by M. Paredes, A. Tarasiuk. – Cham: Springer, 2023. – P. 17.

³ См.: *Horton J.* Parametric Insurance as an Alternative to Liability for Compensating Climate Harms // *Carbon & Climate Law Review.* – 2018. – Vol. 12. – № 1. – P. 291.

причинной связи с помощью закономерностей, обозначаемых через совокупность медицинских и юридических критериев неблагоприятного экологического воздействия.

Показательным примером реализации таких механизмов являются так называемые «асбестовые схемы», распространяемые на заболевания, вызванные неблагоприятным влиянием асбеста, не связанным с профессиональной деятельностью потерпевшего. Такие схемы построены по принципу бесспорного осуществления выплат из специального фонда или фонда страхования от несчастных случаев на производстве в пользу лиц, повреждение здоровья которых выражено в определенном заболевании, с характерными для воздействия асбеста проявлениями и необходимой степенью тяжестью симптомов (медицинский критерий), и, кроме того, может считаться причинно связанным с таким воздействием по данным эпидемиологического расследования (критерий воздействия, или юридический критерий).

Так, к примеру, в Японии и Корее медицинские критерии вводятся отдельно для таких диагнозов, как рак легких, асбестоз, плеврит (диагноз «мезотелиома» также упоминается, но не требует конкретизации, поскольку само это состояние свидетельствует о воздействии асбеста), и предусматривают различные требования к количеству определяемых асбестовых тел, визуальной характеристике плевральной бляшки и др. Примечательно при этом, что если в Корее факт заболевания с заданными характеристиками одновременно является подтверждением вредного воздействия, в Японии обязательным является соблюдение юридического критерия, предполагающего предоставление данных о профессиональной деятельности и (или) месте жительства потерпевшего, а также интенсивности воздействия асбеста на определенных должностях или в заданных условиях. В отличие от такого подхода, в Бельгии отсутствуют специфические требования к медицинской картине заболевания, поскольку диагностирование заболевания из обязательного перечня является лишь первым шагом на пути к определению построенного на аналогичных принципах юридического критерия, а во Франции в принципе отсутствует перечень заболеваний, вызванных асбестом,

т.е. любое повреждение здоровья может приниматься как основание для выплаты из специального фонда при соблюдении критериев влияния¹.

Следует заметить, что немногие из схем данного рода имеют в своей основе механизм страхования (взаимного) – в частности, только в Японии и Корее источниками пополнения специализированных фондов являются взносы, взимаемые с субъектов экономической деятельности, деятельность которых связана с асбестом². В иных приведенных случаях для этих целей используются средства социального страхования и система общего налогообложения с некоторыми отсылками к инструментам деликтной индивидуализации – например, в Великобритании единственным источником возмещения вреда потерпевшим от воздействия асбеста являются суммы «восстановленных» (взысканных с виновных лиц в порядке регресса) компенсаций, которые ранее были назначены в соответствии с Законом пневмокониозе и других заболеваниях 1979 г.³ В то же время, все они достаточно показательны в контексте демонстрации возможностей презумпционального определения экогенного физического вреда и его связи с неблагоприятным экологическим воздействием.

Японский опыт в экологической сфере при этом заслуживает более подробного рассмотрения и не только потому, что «асбестовая» схема четко обособлена от мер социальной защиты населения. Специфику реализуемого в данном правовом порядке компенсационного механизма в значительной степени определяют предпосылки его возникновения, выразившиеся в массовом заявлении коллективных исков по поводу специфической заболеваемости со стороны лиц, проживающих в непосредственной близости от крупных промышленных производств, в 1950-1970-х гг. Первоначальным ответом на эту

¹ См.: *Pillayre H.* Compensation Funds, Trials and the Meaning of Claims: The Example of Asbestos-Related Illness Compensation in France // *Social & Legal Studies*. – 2021. – Vol. 30 (2). – P. 180 – 181.

² См.: *Lee K.M., Godderis L., Furuya S. et al.* Comparison of asbestos victim relief available outside of conventional occupational compensation schemes // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2021. – Vol. 18. – №. 10. – P. 5 – 6, 9 – 10.

³ См.: *Pneumoconiosis Etc. (Workers' Compensation) Act 1979*. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/acts/pneumoconiosis-etc-workers-compensation-act-1979> (дата обращения: 14.01.2024).

проблему явилось распространение ответственности независимо от вины на хозяйствующих субъектов, деятельность которых связывалась с конкретным типом неблагоприятного экологического воздействия. Вина таких субъектов в причинении вреда жизни и здоровью граждан, проживающих на прилегающей местности, считалась установленной при наличии факта выпуска в окружающую среду конкретного загрязнителя.

В то же время, применение этой конструкции не освобождало потерпевших от определения причинной связи между действием загрязнителя и развитием заболевания, а потому в 1973 г. специальным законом¹ была учреждена система сертификации для таких субъектов. Выдачей сертификата подтверждался факт происхождения повреждения здоровья от неблагоприятного экологического влияния, при этом изначально для прохождения процедуры сертификации достаточно было подтвердить факт проживания на экологически неблагополучной территории, относящейся к I или II классу. Класс I присваивался местам проживания по признаку значительного превышения средних показателей общей заболеваемости по стране (в части заболеваний, предположительно вызванных загрязнением атмосферного воздуха, - астмы, хронического бронхита и др.). Статусом территорий класса II наделялись участки местности в границах префектур, для которых в судебном порядке уже устанавливалась причинная связь между загрязнением и специфической заболеваемостью населения (включая случаи болезни Минамата, вызванной отравлением ртутью, болезни итай-итай, возникающей при отравлении солями кадмия, и т.п.)².

Как нетрудно заметить, опорой вводимой схемы составляли предположение об экологической опасности отдельных видов деятельности вкупе с неопровержимой презумпцией происхождения физического вреда от загрязнения, основывающейся на доступных знаниях о причинах возникновения и симптомах

¹ См.: Act on Compensation for Pollution-related Health Damage (Act No. 111 of October 5, 1973). – URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3403/tb> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: *Osaka E.* Reevaluating the Role of the Tort Liability System in Japan // *Arizona Journal of International and Comparative Law.* – 2009. – Vol. 26. – № 2. – P. 400 – 405.

экологически обусловленных заболеваний (медицинский критерий), широким толкуемом свойстве преюдициальности решений по ранее рассмотренным экологическим спорам (юридический критерий). По первоначальному замыслу, роль государства в рассмотрении дел данной категории сводилась к содействию в заключении мировых соглашений, по условиям которых ответственные субъекты обязывались к возмещению вреда в ограниченном размере (в части оплаты программ лечения и реабилитации), а пострадавшие отказывались от дальнейших притязаний, при этом такой отказ как бы уравнивал собой сокращение числа условий, необходимых для привлечения к деликтной ответственности.

В процессе практического применения схема претерпела существенные изменения, связанные как с модификацией содержания медицинского критерия, так и с определением правовых средств компенсации. Так, к настоящему моменту субъекты хозяйственной деятельности не производят выплат напрямую потерпевшим, но лишь участвуют в формировании специального фонда, уплачивая дополнительный сбор за неблагоприятное воздействие на окружающую среду. Средства из фонда направляются в префектуры, в которых выполняется медицинский критерий по экологически обусловленной заболеваемости, и расходуются непосредственно на возмещение первичных потребностей потерпевших, компенсацию вреда, вызванного утратой общего качества жизни потерпевшего, в фиксированном размере и т.п.¹ С 1988 г. в Японии не осуществляется сертификация новых пострадавших по I классу экологически неблагополучных территорий, поскольку считается нашедшим свое научное обоснование факт отсутствия причинной связи между загрязнением атмосферного воздуха и большинством общих заболеваний.

Комментируя эти изменения в части, касающейся медицинского критерия, следует заметить, что действующая редакция Закона о возмещении вреда здоровью, связанного с загрязнением окружающей среды, справедливо критикуется за отсутствие гибкости в определении категорий экологически

¹ См.: Environmental Restoration and Conservation Agency of Japan (ERCA). Operation of the Pollution-related Health Damage Compensation System. – URL: https://www.erca.go.jp/erca/english/activities/ac_01.html (дата обращения: 14.01.2024).

обусловленных заболеваний, игнорирование современных научных данных об их новых разновидностях и причинах возникновения¹. Представляется, что введенное ограничение на сертификацию коррелирует с включением в рассматриваемый компенсационный механизм социально-обеспечительных элементов, поскольку для системы социального обеспечения характерна потребность в создании гарантий ее финансовой устойчивости и не является обязательным достижение полноты возмещения.

С другой стороны, нельзя не отметить, что несмотря на освобождение хозяйствующих субъектов от деликтной ответственности, некоторая индивидуализация имущественного воздействия достигается за счет целевого взыскания взносов. С этих позиций созданный для выплат потерпевшим фонд может рассматриваться как квазистраховой, в основе которого лежит соглашение о распределении рисков причинения экогенного физического вреда между государством и иными ответственными лицами². При этом следует отмечать, что такой вариант в целом не требует обязательного участия государства как носителя публичного интереса в экологической сфере. Очевидно, что хозяйствующие субъекты не могут быть ограничены в выборе инструментов для формирования источников исполнения своих обязательств, в том числе и применительно к деликтной ответственности, наступающей независимо от вины, под действием презумпции причинной связи и т.п.

Примечательно, что в отечественной доктрине обнаруживается точка зрения, согласно которой схожесть клинической картины течения и признаков заболеваний потерпевших, подвергшихся однородному экологическому воздействию (по сравнению с требованиями, ранее удовлетворявшимися в судах), считается поводом для упрощенного урегулирования новых претензий³. В то же

¹ См.: *Asakura T., Mallee H., Tomokawa S. et al. The ecosystem approach to health is a promising strategy in international development: lessons from Japan and Laos // Global Health. – 2015. – Vol. 11 (1). – P. 7.*

² См.: *Barrett B.F., Therivel R. Environmental policy and impact assessment in Japan. – London: Routledge, 2019. – P. 159 – 230.*

³ См.: *Брославский Л. Экологические нарушения: компенсация вреда пострадавшим гражданам // Адвокатская газета. – 2021. – № 23. – URL:*

время, такое понимание преюдициальности явно противоречит ст. 61 ГПК РФ, не предусматривающей освобождения от доказывания отдельных юридических значимых обстоятельств по признаку «схожести» или «однородности» описательной характеристики ситуации и представленных доказательств. Неслучайно поэтому то, что для «массовых экологических деликтов» единственно возможным считается публичный порядок компенсации¹.

Представляется, что такое ограничение может считаться обоснованным лишь в тех ситуациях, когда соответствующее повреждение (нарушение) невозможно приписать действию (бездействию) определенного субъекта, что применительно к экологической сфере в полной мере справедливо лишь для случаев неблагоприятного воздействия естественных природных факторов, ни один из которых при этом не является определяющим. В иных случаях применение частноправовых компенсационных механизмов является оправданным, при условии, что причиненный вред может считаться следствием правонарушения. И здесь нельзя не воспользоваться телеологическим методом определения пределов деликтной ответственности, позволяющим устранить характеристику «опосредованности» тех или иных потерь путем ценностно-ориентированного толкования конкретной защитной нормы. С таких позиций экогенный физический вред следует считать прямым, если риск его причинения является характерным для определенного вида деятельности, поскольку такой риск изначально принимается субъектом экономической деятельности «на себя», считается находящимся в зоне его непосредственного влияния.

В целях обеспечения возместимости физического вреда в экологической сфере презумпцию экологической опасности отдельных видов хозяйственной деятельности следует сопровождать правовым закреплением неопровержимой

<https://www.advgazeta.ru/mneniya/ekologicheskie-narusheniya-kompensatsiya-vreda-postradavshim-grazhdanam/> (дата обращения: 14.01.2024).

¹ См.: *Рыженков А.Я.* Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 3. – С. 84; *Евтушенко В.И.* Конституционно-правовое регулирование деятельности по возмещению вреда лицам, пострадавшим при чрезвычайных ситуациях экологического характера // Современное право. – 2009. – № 11. – С. 38 и др.

презумпции происхождения физического вреда от неблагоприятного экологического воздействия, основывающейся на доступных знаниях о причинах возникновения и симптомах экологически обусловленных заболеваний (медицинский критерий), принадлежности потерпевшего к группе риска по признаку проживания или работы на зараженной территории (юридический критерий). Введение таких презумпций должно сопровождаться установлением обязанности хозяйствующих субъектов по созданию материальных условий для выполнения обязательств перед потерпевшими.

В то же время, учитывая специфику экологических рисков, не следует настаивать на применении страховых механизмов. Гораздо более предпочтительным, на наш взгляд, является установление обязанности по заключению соглашений о распределении потерь, предусматривающих формирование квазистрахового фонда для исполнения обязательств перед потерпевшими, взносы в который должны уплачиваться субъектами хозяйственной деятельности дифференцированно, исходя из сведений о степени негативного влияния конкретных производственных факторов и качестве принимаемых конкретным лицом мер по обеспечению безопасности осуществляемой им деятельности. Следует заметить, что этому подходу не противоречит актуальное нормативное правовое регулирование статуса и финансовых основ деятельности общественно-полезных фондов (ст. 123.17 ГК РФ и др.), которые могут создаваться для решения подобных задач на основе добровольных имущественных взносов граждан и организаций.

Таким образом, возместимость физического вреда, причиненного в экологической сфере, за пределами действия социально-обеспечительных механизмов достигается применением презумпциональной системы компенсации. Для последней характерно распространение на возникающие деликтные обязательства неопровержимой презумпции наличия физического вреда и его происхождения от присущего отдельным видам деятельности неблагоприятного экологического влияния, основывающейся на медицинском и юридическом критериях. Возмещение причиненного физического вреда предпочтительно

осуществлять в форме возместительной обязанности, вытекающей из соглашений о распределении рисков. Условиями таких соглашений должно предусматриваться создание квазистрахового общественно-полезного фонда, выплатами из которого будут погашаться обязательства перед потерпевшими в объеме базовых утрат способностей и новых потребностей, физического вреда состояния в фиксированном размере, а также специфических потребностей, обусловленных характером экологического воздействия¹.

В целом рассмотрение специальных правил и условий возмещения вреда, причиненного здоровью гражданина, позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Во-первых, условиями для разработки и внедрения специальных систем возмещения вреда здоровью являются: повышенные риски повреждения здоровью в определенной сфере человеческой деятельности, которые невозможно полностью нивелировать или существенно снизить с учетом современного состояния развития науки и техники; распространенность случаев повреждения здоровья в данной сфере; происхождение повышенных рисков от деяний определенной категории лиц; определение статуса пострадавшего как наиболее уязвимой стороны правоотношений; влияние на вероятность причинения вреда множества случайных и (или) малоизученных, в т.ч. внешних, факторов.

Во-вторых, по принципу действия и сочетанию доступных правовых средств компенсации такие системы могут быть: 1) *безвиновными*, что предполагает полный или частичный отказ от конструкции деликтной ответственности и внедрение возместительного страхования рисков причинения вреда, - здесь базовыми условиями назначения компенсации служат сам факт повреждения здоровья, а также происхождение такого вреда из сферы действия отмеченных рисков; 2) *презюмциональными*, где при сохранении конструкции деликтной ответственности вырабатываются и внедряются специальные правовые презюмции, касающиеся не только наличия вины, но и иных необходимых условий ее наступления – причинной связи, противоправности, самого вреда в

¹ См.: Колесниченко О.В. Вред здоровью, причиненный в результате неблагоприятного экологического воздействия: цивилистические механизмы компенсации. – С. 115 – 126.

конкретном размере; действие вводимых специальных правовых презумпций уравнивается возместительным обязательным и (или) добровольным страхованием ответственности; 3) *смешанными*, где возместительное страхование рисков причинения вреда применяется в комплексе с особой трактовкой отдельных условий наступления деликтной ответственности, а также ее обязательным и (или) добровольным страхованием.

Применение смешанных систем чаще обосновано в тех сферах человеческой деятельности, участники которых продуцируют повышенные риски повреждения здоровья не только для третьих, более уязвимых, лиц, но и для самих себя и равноправных с ними субъектов правоотношений. Презумпциональные системы оправданы в сферах, где повышенные риски повреждения здоровья носят распределенный характер, а, следовательно, внедрение всеобъемлющего личного страхования представляется здесь экономически необоснованным. Безвиновные системы основаны на экономической трактовке идеи справедливости и характеризуется универсальностью выплат, а потому их использование представляется целесообразным в чистом виде лишь в ситуации отсутствия устойчивых систем социального обеспечения и обязательного медицинского страхования.

В-третьих, распределение компонентов объема возмещения физического вреда между доступными правовыми средствами в частных системах компенсации строится на различиях страховой (иной альтернативной) и деликтной индивидуализированной форм возмещения, выраженных в: предпочтительности определенного способа восстановления (натурального или денежного), характере связи отдельных компонентов возмещения с рисками, свойственными для сферы профессиональной деятельности и иных сфер отношений, в которые вовлекается потерпевший (имеет значение либо безразлична), цели компенсации (скорейшем возвращении к оплачиваемому труду или восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, в целом), преобладающем порядке расчета выплат (на основе статистически обоснованных показателей или оценки индивидуальной ситуации).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционный подход, в соответствии с которым категория физического вреда исследуется через призму динамики форм и способов возмещения, формирует предпосылки для признания свойства его возместимости, обращает внимание на потребность в рассмотрении этого свойства применительно к цивилистическим средствам компенсации. Так, в частности, на дореволюционном этапе развития гражданского права размер выплат при увечьях и иных повреждениях здоровья мог определяться судом с учетом особых потребностей и утраченных способностей потерпевшего (потребности в содержании, способности к заключению брачного союза). В период существования СССР распространение на всех трудящихся гарантий в области государственного социального страхования не препятствовало обоснованию в цивилистической доктрине методов оценки и возмещения утраты способности к ведению домашнего хозяйства, утраты способности к самообслуживанию, потребности в постороннем уходе, учитываемой при оказании необходимых услуг членами семьи потерпевшего.

Вместе с тем, взятый за основу, такой подход не обеспечивает достижения ожидаемого эффекта от применения норм гражданского законодательства о возмещении вреда здоровью, связываемого со скорейшим возвращением потерпевшего к привычным формам активности, восстановлением семейных и иных межличностных связей. Несбалансированное применение деликтной индивидуализированной, деликтной перераспределяющей, страховой и социальной форм возмещения обнаруживает диспропорции в объеме гражданской ответственности, приводит к необоснованным сверхкомпенсациям или, напротив, недостижению цели полного восстановления положения, существовавшего до нарушения права. На решение обозначенных проблем направлено внедрение концепции возместимости физического вреда, базирующейся на его динамико-реляционных (физический вред влияния) и статистической (физический вред состояния) характеристиках.

Основу динамико-реляционных характеристик повреждения здоровья составляет утрата способности к труду, возмещение которой производится исходя из экономической оценки способности потерпевшего к любым видам оплачиваемой деятельности, учитывающей динамику ее изменения на протяжении всей жизни соответствующего лица. В отличие от традиционного подхода, при котором компенсации подлежит потеря в зарплате (доходе) пострадавшего, возмещение данной составляющей базируется на представлении о способности к оплачиваемому труду как о самостоятельном свойстве личности потерпевшего. Утрата последнего принимается во внимание независимо от степени уверенности в достижении конкретных показателей доходности. В дополнение к названному компоненту, компенсируется утрата способности к действию, направленному на получение иного полезного результата в сфере занятости (организацию проживания и бытового обслуживания совместно проживающих лиц, уход за нетрудоспособными членами семьи и др.), утрата личной автономии как способности к обеспечению собственной повседневной жизнедеятельности жертвы.

Интерес, выраженный в сохранении здоровья как состояния равновесного функционирования тканей, органов и их систем, находит свое выражение в возмещении компонентов роста потребностей в области медицинского обслуживания, возникновения дополнительных потребностей в связи с компенсацией ограничений, присущих посттравматическому физическому состоянию. Разумность и обоснованность возмещения физического вреда в данной части определяются разумностью выбора плана лечения или реабилитации, отдельных медикаментов, услуг, приспособлений, оплата которых в заявленном размере оправдывает эффективное удовлетворение соответствующей потребности; обоснованием повышенной вероятности достижения с их помощью положительного результата в форме выздоровления, частичного улучшения или стабилизации состояния здоровья потерпевшего (по сравнению с иными доступными планами); адекватностью проводимых мероприятий обеспечению достойного уровня жизни пострадавшего лица.

Следование ресурсно-ориентированному подходу к качеству жизни обуславливает введение категории физического вреда состояния. С ее помощью уточняется область применения конструкции морального вреда при повреждении здоровья, которая как для потерпевшего, так и для третьих лиц ограничивается развитием эмоциональных реакций на само посягательство и возникновение сопутствующих нематериальных потерь «особой ценности». В отличие от вреда состояния, при определении размера компенсации морального вреда анатомо-функциональные нарушения имеют лишь вспомогательное значение, подчеркивая степень выраженности эмоциональных реакций. Физический вред состояния предполагает учет только тех объективно существующих повреждений, которые причинно связаны с посягательством. Эту характеристику подчеркивает предлагаемая в работе методика его оценки и возмещения.

Значение концепции возместимости физического вреда не ограничивается определением порядка и критериев определения размера возмещения отдельных компонентов. Вспомогательная роль правовых форм и способов возмещения предполагает уточнение механизма их применения для предлагаемой объемной характеристики. Немаловажную роль играет рассмотрение особенностей возместимости физического вреда в частных системах компенсации. Для каждой из этих систем характерны направленность образующих ее элементов по отдельности и в тесной связи друг с другом на возмещение физического вреда в его непосредственном значении, определение для этих целей сущности и функций правовых форм, способа возмещения, порядка и условий назначения отдельных компонентов выплаты в пользу потерпевшего.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты

Международные правовые акты

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров: заключена в г. Вене 11 апреля 1980 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9010417> (дата обращения: 14.01.2024).

2. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения: принят Международной конференцией здравоохранения 22 июля 1946 г. – URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9> (дата обращения: 14.01.2024).

Нормативные правовые акты Российской Федерации

3. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04 июля 2020 г.

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 26 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

5. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 16.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30 января 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

10. О внешней разведке: федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (ред. от 04 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 143.

11. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 17. – Ст. 1455.

12. О занятости населения в Российской Федерации: федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 51. – Ст. 9138.

13. О пожарной безопасности: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 19 октября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 35. – Ст. 3649.

14. О полиции: федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

15. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 25 мая 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

16. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

17. О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 01 октября 2019 г. № 328-ФЗ (ред. от 26 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 40. – Ст. 5488.

18. О службе в таможенных органах Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 26 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3586.

19. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4563.

20. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации: федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ (ред. от 27 ноября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1474.

21. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 49. – Ст. 6422.

22. Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 1 (1 ч.). – Ст. 18.

23. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: федеральный закон от 24 июля

1998 г. № 125-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3803.

24. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4194.

25. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.

26. Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном: федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 25. – Ст. 3257.

27. Об основах обязательного социального страхования: федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) // // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 29. – Ст. 3686.

28. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

29. Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

30. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: закон Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-I (ред. от 10 июля 2023 г.) // Ведомости Съезда народных

депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 21. – Ст. 699.

31. О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 10 июля 2023 г.) // Российская газета. – 1992. – 29 июля.

32. О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей: указ Президента РФ от 05 марта 2022 г. № 98 (ред. от 08 апреля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 24. – Ст. 4031.

33. О признании лица инвалидом: постановление Правительства РФ от 05 апреля 2022 г. № 588 (ред. от 28 ноября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 15. – Ст. 2506.

34. Об утверждении Положения об оплате дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: постановление Правительства РФ от 15 мая 2006 г. № 286 (ред. от 22 апреля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 21. – Ст. 2263.

35. Об утверждении Правил исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31 мая 2023 г. № 881 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 23 (часть I). – Ст. 4191.

36. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 (ред. от 11 ноября 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 35. – Ст. 4308.

37. Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями: постановление Правительства РФ от 28 декабря 2019 г. № 1928 (ред. от 02 марта 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 1. – Ст. 106.

38. Об утверждении Правил расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего: постановление Правительства РФ от 15 ноября 2012 г. № 1164 (ред. от 21 февраля 2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 47. – Ст. 6512.

39. О федеральном перечне реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду: распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2005 г. № 2347-р (ред. от 10 ноября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 4. – Ст. 453.

40. Об утверждении порядка обеспечения пациентов лечебным питанием приказ Минздрава России от 23 сентября 2020 г. № 1008н // официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01 октября 2020 г.

41. Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи детям при врожденных аномалиях нервной системы: приказ Минздрава России от 07 ноября 2012 г. № 652н // Российская газета (спецвыпуск). – 2013. – 10 июня.

42. Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи при травме позвоночника, спинного мозга и нервов спинного мозга: приказ Минздрава России от 07 ноября 2012 г. № 639н // Российская газета. – 2013. – 10 июня.

43. Об утверждении Условий и порядка формирования листков нетрудоспособности в форме электронного документа и выдачи листков нетрудоспособности в форме документа на бумажном носителе в случаях, установленных законодательством Российской Федерации: приказ Минздрава России от 23 ноября 2021 г. № 1089н (ред. от 13 декабря 2022 г.) // официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30 ноября 2021 г.

44. О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы: приказ Минздравсоцразвития РФ от 27 августа 2019 г. № 585н (ред. от 06 октября 2021 г.) // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 19 ноября 2019 г.

45. О порядке медицинского отбора и направления больных на санаторно-курортное лечение: приказ Минздравсоцразвития РФ от 22 ноября 2004 г. № 256 (ред. от 15 декабря 2014 г.) // Российская газета. – 2004. – 22 декабря.

46. Об определении степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве: приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 февраля 2005 г. № 160 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 16.

47. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н (ред. от 18 января 2012 г.) // Российская газета. – 2008. – 05 сентября.

48. Об утверждении перечня профессиональных заболеваний: приказ Минздравсоцразвития России от 27 апреля 2012 г. № 417н // Российская газета. – 2012. – 23 мая.

49. Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации: приказ Минздравсоцразвития России от 05 мая 2012 г. № 502н (ред. от 02 декабря 2013 г.) // Российская газета. – 2012. – 22 июня.

50. Об утверждении классификации (изделий) в рамках федерального перечня реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2005 г. № 2347-р: приказ Минтруда России от 13 февраля 2018 г. № 86н (ред. от 01 февраля 2023 г.) // официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15 марта 2018 г.

51. Об утверждении критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: приказ Минтруда России от 30 сентября 2020 г. № 687н (ред. от 14 декабря 2023 г.) // официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 17 декабря 2020 г.

52. Об утверждении Порядка организации и деятельности федеральных учреждений медико-социальной экспертизы: приказ Минтруда России от 30 декабря 2020 г. № 979н. (ред. от 22 февраля 2024 г.) // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 03 июня 2021 г.

53. Об утверждении разъяснения о порядке оплаты дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: приказ Минтруда России от 20 августа 2018 г. № 529н // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 27 ноября 2018 г.

54. Об утверждении Методики определения размера вреда, который может быть причинен жизни, здоровью физических лиц, имуществу физических и юридических лиц в результате аварии гидротехнического сооружения (за исключением судоходных и портовых гидротехнических сооружений): приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 10 декабря 2020 г. № 516 // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 19 октября 2022 г.

55. Об утверждении методических указаний МУ 2.1.9 000-2000 «Определение объема и порядка возмещения вреда здоровью граждан вследствие

нарушений санитарного законодательства»: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 30 декабря 2000 г. – URL: <https://base.garant.ru/12119129/> (дата обращения: 14.01.2024).

56. Об утверждении Концепции развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования: решение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25 сентября 2020 г. № 202/оп-1/2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366842/ (дата обращения: 14.01.2024).

Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации

57. О регулировании отдельных отношений в области охраны окружающей среды: закон Республики Марий Эл от 24 февраля 2014 г. № 5-3. – URL: <https://base.garant.ru/20792372/> (дата обращения: 14.01.2024).

58. Экологический кодекс Республики Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 23 марта 2023 г. 2609-3 № 1129-VI. – URL: <https://base.garant.ru/406599017/> (дата обращения: 14.01.2024).

Нормативные правовые акты зарубежных стран

59. Actuarial Tables With explanatory notes for use in Personal Injury and Fatal Accident Cases (Eighth edition). – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/989906/Ogden_Tables_8th_Edition_Updated_Final_25.5.21.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

60. Alabama Code – title 25 «Industrial relations and labor». – URL: <https://law.justia.com/codes/alabama/2009/Title25/Chapter5/Chapter5.html> (дата обращения: 14.01.2024).

61. Arzneimittelgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 12. dezember 2005 (BGBl. I S. 3394). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/amg_1976/AMG.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

62. Bundesgesetz über den Allgemeinen Teil des Sozialversicherungsrechts (ATSG) vom 6. oktober 2000 (stand am 1. oktober 2019). – URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20002163/index.html> (дата обращения: 14.01.2024).

63. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_251.html (дата обращения: 14.01.2024).

64. Burgerlijk Wetboek. – URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0005289/2020-07-01> (дата обращения: 14.01.2024).

65. California labor code – LAB § 5400. – URL: https://www.dir.ca.gov/dlse/Garment-Rules_and_Regulations.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

66. Civil Code (Act No. 89 of April 27, 1896). – URL: <https://www.moj.go.jp/content/000056024.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

67. Civil Code, Part I, Part III Claims, Chapter V Torts. – URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&id=2057&re=02&vm=02> (дата обращения: 14.01.2024).

68. Civil Law Act 1956. – URL: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Act%2067.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

69. Code civil, Livre III. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA000032021490/#LEGISCTA000032021490 (дата обращения: 14.01.2024).

70. Code de la santé publique. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006072665/ (дата обращения: 14.01.2024).

71. Code de la sécurité sociale. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000036393231/ (дата обращения: 14.01.2024).

72. Codice delle assicurazioni private (D.lgs. 7 settembre 2005, n. 209). – URL: <https://www.brocardi.it/codice-delle-assicurazioni-private/titolo-x/capolo-iii/art139.html> (дата обращения: 14.01.2024).

73. Código de Defesa do Consumidor. – URL: <https://procon.to.gov.br/codigo-de-defesa-do-consumidor/> (дата обращения: 14.01.2024).

74. Costituzione della Repubblica italiana (aggiornato alla legge costituzionale 11 febbraio 2022, n. 1). – URL: <https://www.senato.it/sites/default/files/media-documents/Costituzione.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

75. Consumer Product Safety Act № 31 (1973). – URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/jap158112.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

76. Council Directive 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A31985L0374> (дата обращения: 14.01.2024).

77. Consumer Protection Act, 1999 (Act № 599). – URL: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_isn=54121&p_lang=en (дата обращения: 14.01.2024).

78. De Letselschade Richtlijn Huishoudelijke Hulp. – URL: <https://deletselschaderaad.nl/richtlijnen/huishoudelijke-hulp/> (дата обращения: 14.01.2024).

79. Employment Accidents Insurance Act (20.8.1948/608). – URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1948/en19480608.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

80. Federal Decree Law № 4 of 2016 on Medical Liability. – URL: [https://www.dha.gov.ae/Asset%20Library/MarketingAssets/20180611/\(E\)%20Federal%20Decree%20no.%204%20of%202016.pdf](https://www.dha.gov.ae/Asset%20Library/MarketingAssets/20180611/(E)%20Federal%20Decree%20no.%204%20of%202016.pdf) (дата обращения: 14.01.2024).

81. Florida Birth-Related Neurological Injury Compensation Act. – URL: https://www.lawsserver.com/law/state/florida/statutes/florida_statutes_766-302 (дата обращения: 14.01.2024).

82. Florida Birth-Related Neurological Injury Compensation Plan (Florida Statutes 766.303). – URL: https://www.lawserver.com/law/state/florida/statutes/florida_statutes_766-303 (дата обращения: 14.01.2024).

83. Guidance «Industrial Injuries Disablement Benefits: technical guidance» (Updated 11 July 2023) - 14. Appendix 1: List of diseases covered by Industrial Injuries Disablement Benefit. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/industrial-injuries-disablement-benefits-technical-guidance/industrial-injuries-disablement-benefits-technical-guidance> (дата обращения: 14.01.2024).

84. Indiana Code – title 22 «Labor and Safety». – URL: <https://law.justia.com/codes/indiana/2019/> (дата обращения: 14.01.2024).

85. Injury Prevention, Rehabilitation, and Compensation Act 2001. – URL: http://www.nzlii.org/nz/legis/hist_act/ipraca20012001n49544/ (дата обращения: 14.01.2024).

86. Immunization Act № 68 (1948). – URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=04&re=02&id=2964&lvm=02> (дата обращения: 14.01.2024).

87. Kansas Revised Statutes – section 44-501. – URL: http://kslegislature.org/li_2012/b2011_12/statute/044_000_0000_chapter/044_005_0000_article/044_005_0001_section/044_005_0001_k (дата обращения: 14.01.2024).

88. Kodeks cywilny (Ustawa z dnia 23 kwietnia 1964 r.). – URL: <https://arslege.pl/kodeks-cywilny/k9/> (дата обращения: 14.01.2024).

89. Law 89/2012, the Civil Code of the Czech Republic. – URL: <http://obcanskyzakonik.justice.cz/images/pdf/Civil-Code.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

90. Lettre de la Commission de Réflexion sur l'Évaluation et l'Indemnisation du Dommage Corporel (septembre 2016, n°10) «Les frais divers (FD)». – URL: <https://www.aredoc.com/index.php/publication/lettre-de-la-coreidoc-n-10-les-frais-divers-fd/> (дата обращения: 14.01.2024).

91. Ley 35/2015, de 22 de septiembre, de reforma del sistema para la valoración de los daños y perjuicios causados a las personas en accidentes de circulación. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2015-10197> (дата обращения: 14.01.2024).

92. Loi du 21 novembre 1989 relative à l'assurance obligatoire de la responsabilité en matière de véhicules automoteurs. – URL: <https://www.code-de-la-route.be/textes-legaux/sections/lois/w211189/984-hs5bis> (дата обращения: 14.01.2024).

93. Loi modifiant diverses dispositions relatives au régime de l'indemnisation automatique des usagers de la route les plus vulnérables et des passagers de véhicules (Loi 19-01-2001). – URL: <https://www.code-de-la-route.be/pdf/wijzigingen/Verzekering/210201.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

94. Loi n° 85-677 du 5 juillet 1985 tendant à l'amélioration de la situation des victimes d'accidents de la circulation et à l'accélération des procédures d'indemnisation. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006068902/2021-01-05/#:~:text=Les%20victimes%2C%20hormis%20les%20conducteurs,cause%20exclusive%20de%20l'accident> (дата обращения: 14.01.2024).

95. Lov om erstatning ved pasientskader mv. (pasientskadeloven) nr 53 af 15/06/2011. – URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2001-06-15-53> (дата обращения: 14.01.2024).

96. Lov om patientforsikring nr 367 af 06/06/1991. – URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/1991/367> (дата обращения: 14.01.2024).

97. Minnesota Statutes – chapters 175 - 186 «Labor, industry». – URL: <https://law.justia.com/codes/minnesota/2018/chapters-175-186/chapter-176/> (дата обращения: 14.01.2024).

98. Mississippi Code – title 71 «Labor and industry» (chapter 3 - Workers' Compensation). – URL: <https://law.justia.com/codes/mississippi/2010/title-71/3/> (дата обращения: 14.01.2024).

99. Neurological Compensation Act (chapter 50 of Title 38.2 of the Code of Virginia). – URL: <https://law.lis.virginia.gov/vacode/title38.2/chapter50/> (дата обращения: 14.01.2024).
100. Nevada Revised Statutes (NRS) – Chapter 616 A-D «Nevada Industrial Insurance Act», Chapter 617 «Nevada Occupational Diseases Act». – URL: <https://law.justia.com/codes/nevada/2019/> (дата обращения: 14.01.2024).
101. Patientskadelag (1996:799). – URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/patientskadelag-1996799_sfs-1996-799 (дата обращения: 14.01.2024).
102. Pharmaceuticals and Medical Devices Act № 192 (2002). – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/> (дата обращения: 14.01.2024).
103. Potilasvakuutuslaki 22.8.2019/948. – URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2019/20190948> (дата обращения: 14.01.2024).
104. Principles of European Tort Law (PETL). – URL: <http://www.egtl.org/PETLEnglish.html> (дата обращения: 14.01.2024).
105. Produkthaftpflichtgesetz (PrHG) vom 18. juni 1993 (stand am 1. Juli 2010). – URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19930205/index.html/> (дата обращения: 14.01.2024).
106. Produkthaftungsgesetz vom 15. dezember 1989 (BGBl. I S. 2198). – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/prodhaftg/ProdHaftG.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).
107. Product Liability Act № 85 (1994). – URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=04&id=86&re=02> (дата обращения: 14.01.2024).
108. Product Liability Act (Partial Amendments to Act No. 14764 as of April 18, 2017). – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=29469&lang=ENG#:~:text=The%20purpose%20of%20this%20Act,the%20defects%20of%20their%20products (дата обращения: 14.01.2024).

109. Product Quality Law of the People's Republic of China. – URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/Businessregulations/201303/20130300046024.shtml> (дата обращения: 14.01.2024).

110. Rapport du groupe de travail chargé d'élaborer une nomenclature des préjudices corporels. – URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/064000217.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

111. Reglement verkeersregels en verkeerstekens 1990 (RVV 1990). – URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0004825/2020-01-01> (дата обращения: 14.01.2024).

112. Revised Compendium of Personal Injury Awards (circular № 255/2018). – URL: https://www.malaysianbar.org.my/document/com_docman/gid/itemid&rid=27104 (дата обращения: 14.01.2024).

113. Road Accident Victims Compensation Law – 1975. – URL: <https://www.israelinsurancelaw.com/road-accident-victims-compensation-law-1975/> (дата обращения: 14.01.2024).

114. Rregullore për trajtimin e dëmeve që mbulojnë NGA kontrata e sigurimit të detyrueshëm në sektorin e transportit nr. 53, datë 25.06.2009, neni 29-30. – URL: <https://www.insurers-al.org/wp-content/uploads/2020/10/Rregullore-nr-53-AMF.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

115. Social Security (Recovery of benefits) act 1997. – URL: [https://www.tynwald.org.im/spfile?file=/links/tls/socsec/ss/SocialSecurity\(RecoveryofBenefits\)Act1997.pdf](https://www.tynwald.org.im/spfile?file=/links/tls/socsec/ss/SocialSecurity(RecoveryofBenefits)Act1997.pdf) (дата обращения: 14.01.2024).

116. Sozialgesetzbuch (SGB) Erstes Buch (I) - Allgemeiner Teil - (Artikel I des Gesetzes vom 11. Dezember 1975, BGBl. I S. 3015). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_10/_116.html (дата обращения: 14.01.2024).

117. Tableau d'indemnisation et Barèmes de capitalization. – URL: <https://jmp-avocat-indemnisation.fr/tableau-indemnisation-accident-cotations.html> (дата обращения: 14.01.2024).

118. Tabelle integrate a punti per la liquidazione del danno non patrimoniale da perdita del rapporto parentale - Edizione 2022. – URL:

https://www.ordineavvocatimilano.it/media/news/GIUGNO2022/P-_11185_22.pdf
(дата обращения: 14.01.2024).

119. Tabelle Milanesi per la liquidazione del danno non patrimoniale. – URL: <http://www.milanosservatorio.it/wp-content/uploads/2021/03/OSS-MI-TABELLE-2021-LIQUIDAZIONE-DANNO-NON-PATRIMONIALE-ALLA-PERSONA.pdf>
(дата обращения: 14.01.2024).

120. Texas Labor Code – title 5. «Workers' Compensation». – URL: <http://www.texas-statutes.com/labor-code> (дата обращения: 14.01.2024).

121. The 2019 Florida Statutes – chapter 440 «Workers' Compensation». – URL: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0400-0499/0440/0440ContentsIndex.html (дата обращения: 14.01.2024).

122. Virginia Birth-Related Neurological Injury Compensation Program. – URL: <https://law.lis.virginia.gov/vacode/title38.2/chapter50/section38.2-5002/> (дата обращения: 14.01.2024).

123. Wegenverkeerswet 1994. – URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0006622/2020-12-01> (дата обращения: 14.01.2024).

124. West Virginia code – chapter 23 «Workers' Compensation». – URL: <http://www.wvlegislature.gov/wvcode/chapterentire.cfm?chap=23&art=4§ion=6>
(дата обращения: 14.01.2024).

125. Workers' Comp Statute Section (the Laws of New York). – URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/WKC/1> (дата обращения: 14.01.2024).

Нормативные правовые акты, утратившие силу

126. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: постановление Верховного совета СССР 31 мая 1991 г. № 2211-I. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16> (дата обращения: 14.01.2024)
(документ утратил силу).

127. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 08 декабря 1961 г. // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 525 (документ утратил силу).

128. О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий: указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. № 4409-VIII. – URL: <https://ppt.ru/docs/ukaz/85657> (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

129. О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей: указ Президиума ВС СССР от 18 мая 1981 г. № 4892-X: Закон СССР от 24 июня 1981 г. № 5156-X. – URL: <https://base.garant.ru/10105655/> (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

130. Об усилении ответственности за хулиганство: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362-VI (ред. от 05 июня 1981 г.). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007313> (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

131. Гражданский кодекс РСФСР: постановление Верховного совета РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407 (документ утратил силу).

132. О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. // Известия ВЦИК. – 1922. – № 256. – 12 ноября (документ утратил силу).

133. О страховании рабочих от несчастных случаев: Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думою закон 23 июня 1912 г. // Собрание узаконений. – 1912. – 11 июля. – Ст. 1230 (документ утратил силу).

134. Свод законов Российской Империи (по изд. 1900 г.). – URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x/ (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

135. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности: высочайше

утверждены 2 июня 1903 г. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/1903.htm> (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

136. Об утверждении правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей: постановление Совмина СССР от 03 июля 1984 г. № 690 // Сборник постановлений Правительства СССР. – 1984. – № 24. – Ст. 447 (документ утратил силу).

137. О порядке организации и проведения врачебно-страховой экспертизы: инструкция Минфина СССР от 12 мая 1974 г. № 110. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8317.htm (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

138. Об утверждении Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: приказ Минюста СССР, Прокуратуры СССР, Минфина СССР 02 марта 1982 г. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5866> (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

139. Об утверждении Инструкции о порядке применения Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей: постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 13 февраля 1985 г. № 50/П-2. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9020917> (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

140. Об утверждении Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой: постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 22 декабря 1961 г. № 483/25 // Бюллетень Госкомтруда СССР. – 1961. – № 1 (документ утратил силу).

141. Об утверждении положения о расследовании и учете несчастных случаев на производстве: постановление Президиума ВЦСПС от 13 августа 1982 г. № 11-6. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11243.htm (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

142. Об утверждении Положения о порядке обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию: постановление Президиума ВЦСПС от 12 ноября 1984 г. № 13-6. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8227/ (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

143. Правила к руководству для определения ослабления или утраты трудоспособности от телесных повреждений вследствие несчастных случаев, на основании Высочайше утвержденного 02 июня 1903 г. мнения Государственного Совета: утверждены Министром внутренних дел 05 июня 1904 г. // Собрание узаконений. – 1904. – № 165. – Ст. 1753 (документ утратил силу).

144. Об утверждении Положения о порядке возмещения вреда, причиненного здоровью граждан Свердловской области в связи с экологическими и санитарными правонарушениями: решение Свердловского областного Совета народных депутатов от 23 июня 1993 г. № 141/21. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/429087784> (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

145. Об утверждении порядка определения размеров компенсации экономического ущерба здоровью граждан или группе граждан, связанного с экологическими и санитарными правонарушениями: постановление Главы администрации Свердловской области от 29 сентября 1994 г. № 487. – URL: <https://base.garant.ru/9300069/> (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

*Материалы судебной практики**Судебная практика Российской Федерации*

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июня 2012 г. № 13-П.
– URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130742 (дата обращения: 14.01.2024).
2. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.
3. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 2.
4. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 // Российская газета. – 2010. – 05 фев.
5. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 // Российская газета. – 2016. – 04 апреля.
6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
7. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2011 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 сентября 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 11.

9. Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 21 февраля 2022 г. № 75-КГ21-4-К3. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/634:2> (дата обращения: 14.01.2024).

10. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 августа 2021 г. № 57-КГ21-11-К1. – URL: <https://base.garant.ru/402693357/> (дата обращения: 14.01.2024).

11. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 марта 2021 г. № 5-КГ21-4-К2. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/237:51> (дата обращения: 14.01.2024).

12. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 марта 2021 г. № 18-КГ20-122-К4. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22032021-n-18-kg20-122-k4/> (дата обращения: 14.01.2024).

13. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 2-КГ20-9-К3. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3964:9> (дата обращения: 14.01.2024).

14. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 77-КГ19-13. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/858:2> (дата обращения: 14.01.2024).

15. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 46-КГ19-15. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6015:7> (дата обращения: 14.01.2024).

16. Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 29 октября 2018 г. № 74-КГ18-9. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6049:9> (дата обращения: 14.01.2024).

17. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 августа 2016 г. № 81-КГ16-12. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/228:46> (дата обращения: 14.01.2024).

18. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 июня 2016 г. № 77-КГ16-3. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/10399:1> (дата обращения: 14.01.2024).

19. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2014 г. № 70-КГ14-1. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=39tsHg&base=ARB&n=392230#uqwqnlToFh9jaUeP1> (дата обращения: 14.01.2024).

20. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 октября 2013 г. № 8-КГ 13-12. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=18117631903535028211454454&cacheid=8DFED00733A670E4DA24098D76422FDE&mode=splus&base=ARB&n=364172&rnd=0.4355655900035007#6cw0fjakrlk> (дата обращения: 14.01.2024).

21. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 октября 2023 г. № 304-ЭС23-8238 по делу № А81-7479/2021. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407710267/> (дата обращения: 14.01.2024).

22. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2021 г. по делу № 8Г-33936/2020[88-3450/2021-(88-32334/2020)]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/428:1> (дата обращения: 14.01.2024).

23. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июля 2020 г. по делу № 8Г-5703/2020[88-10381/2020]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1363:7> (дата обращения: 14.01.2024).

24. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01 октября 2020 г. по делу № 88-23049/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6166:11> (дата обращения: 14.01.2024).

25. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2023 г. по делу № 88-9295/2023. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/9859:1> (дата обращения: 14.01.2024).

26. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01 октября 2020 г. по делу № 8Г-21792/2020[88-20749/2020]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/776:1> (дата обращения: 14.01.2024).
27. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04 августа 2020 г. по делу № 8Г-9251/2020[88-9098/2020]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3924:5> (дата обращения: 14.01.2024).
28. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 08 декабря 2021 г. по делу № 88-18498/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6185:13> (дата обращения: 14.01.2024).
29. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06 октября 2022 г. по делу № 8Г-22004/2022 [88-27018/2022]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/180:35> (дата обращения: 14.01.2024).
30. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2023 г. по делу № 8Г-4202/2023[88-6802/2023]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2040:12> (дата обращения: 14.01.2024).
31. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2021 г. № 88-1671/2021. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=35382&dst=100001#pKIKNjS2EgaNLCjK> (дата обращения: 14.01.2024).
32. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 октября 2021 г. по делу № 88-21446/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6213:16> (дата обращения: 14.01.2024).
33. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 сентября 2021 г. по делу № 8Г-17328/2021 [88-17529/2021]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/233:49> (дата обращения: 14.01.2024).
34. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2021 г. по делу № 8Г-5886/2021 [88-8670/2021]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/177:33> (дата обращения: 14.01.2024).

35. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2020 г. по делу № 88-4715/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6244:19> (дата обращения: 14.01.2024).

36. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 октября 2022 г. по делу № 88-16267/2022. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=AvirQ&page=splus&ts=9HNYdXTGG7210fK22> (дата обращения: 14.01.2024).

37. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 г. по делу № 8Г-21287/2021[88-1552/2022-(88-20999/2021)]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/23:43> (дата обращения: 14.01.2024).

38. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2021 г. по делу № 8Г-8238/2021 [88-9284/2021]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4392:5> (дата обращения: 14.01.2024).

39. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2021 г. № 88-175/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6569:1> (дата обращения: 14.01.2024).

40. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03 августа 2023 г. по делу № 8Г-12046/2023[88-13238/2023]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2065:18> (дата обращения: 14.01.2024).

41. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июля 2023 г. по делу № 8Г-12143/2023[88-13473/2023]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2077:21> (дата обращения: 14.01.2024).

42. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 декабря 2022 г. по делу № 8Г-25056/2022[88-24346/2022]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/968:1> (дата обращения: 14.01.2024).

43. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09 августа 2022 г. по делу № 8Г-15297/2022[88-15391/2022]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=39tsHg&page=splus&ts=eQJlnlTL528ZjQw4> (дата обращения: 14.01.2024).

44. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31 марта 2022 г. № 88-5561/2022. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6309:21> (дата обращения: 14.01.2024).
45. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 января 2022 г. по делу № 88-362/2022. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6334:23> (дата обращения: 14.01.2024).
46. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01 декабря 2020 г. по делу № 8Г-17312/2020[88-16239/2020]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1455:20> (дата обращения: 14.01.2024).
47. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2020 г. № 88-10372/2020. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=11348#bo9KNjS4oED4JaTW1> (дата обращения: 14.01.2024).
48. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04 марта 2020 г. № 88-3168/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6365:25> (дата обращения: 14.01.2024).
49. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 03 ноября 2022 г. по делу № 8Г-8931/2022 [88-9167/2022]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3050:16> (дата обращения: 14.01.2024).
50. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 января 2023 г. № 77-11/2023. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2366:1> (дата обращения: 14.01.2024).
51. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16 мая 2022 г. № 08АП-3017/2022 по делу № А75-11071/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6385:0> (дата обращения: 14.01.2024).
52. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 мая 2021 г. по делу № А60-39484/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6419:2> (дата обращения: 14.01.2024).

53. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16 июля 2021 г. по делу № А82-14692/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/6455:4> (дата обращения: 14.01.2024).

54. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 октября 2014 г. № Ф01-4293/14 по делу № А29-8593/2013. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/825:4> (дата обращения: 14.01.2024).

55. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 июля 2023 г. № Ф03-2951/2023. – URL: <https://base.garant.ru/37245435/> (дата обращения: 14.01.2024).

56. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 декабря 2018 г. № Ф07-15321/18. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3855:1> (дата обращения: 14.01.2024).

57. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 сентября 2016 г. № Ф07-7344/2016. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/853:6> (дата обращения: 14.01.2024).

58. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 июля 2023 г. № Ф09-4641/23. – URL: <https://base.garant.ru/38909844/> (дата обращения: 14.01.2024).

59. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 ноября 2021 г. № Ф09-7963/21. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/868:8> (дата обращения: 14.01.2024).

60. Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 14 июня 2017 г. по делу № 33-2139/2017. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=218165#ktIXilTLvZNCOAHE> (дата обращения: 14.01.2024).

61. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия от 29 марта 2019 г. по делу № 33-1109/2019. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3898:3> (дата обращения: 14.01.2024).

62. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 01 марта 2017 г. по делу № 33-723/2017. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1343:2> (дата обращения: 14.01.2024).

63. Апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 30 июля 2020 г. по делу № 33-886/2020. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=96155#oUz7NjSMbFexNgsI> (дата обращения: 14.01.2024).

64. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 13 февраля 2019 г. по делу № 33-667/2019. – URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=Апелляционное+определение+Волгоградского+областного+суда+от+13+февраля+2019+г.+по+делу+№+33-667%2F2019> (дата обращения: 14.01.2024).

65. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 02 июля 2019 г. по делу № 33-4042. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2021232759012090061017150333&cacheid=3091219536CC5D020887F324CE486242&mode=splus&base=SOKI&n=348587&rnd=EEF6F931E27A5A7FD7966256E6A9A16D#2j072ku3pgo> (дата обращения: 14.01.2024).

66. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 15 декабря 2015 г. по делу № 33-6771/2015. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1461:23> (дата обращения: 14.01.2024).

67. Апелляционное определение Камчатского краевого суда от 01 июня 2023 г. по делу № 33-856/2023. – URL: https://oblsud--kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=6139191&case_uid=1d0618c3-c000-42b2-9e47-b3ed5b65d86a&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 14.01.2024).

68. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 28 апреля 2020 г. по делу № 33-3469/2020. – URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=Апелляционное+определение+Кемеровского+о>

бластного+суда+от+28+апреля+2020+г.+по+делу+№+33-3469%2F2020 (дата обращения: 14.01.2024).

69. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 27 октября 2015 г. по делу № 33-11143/2015. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/10038:14> (дата обращения: 14.01.2024).

70. Апелляционное определение Костромского областного суда от 12 августа 2015 г. по делу № 33-1383/2015. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1393:14> (дата обращения: 14.01.2024).

71. Апелляционное определение Московского городского суда от 17 марта 2022 г. по делу № 33-0575/2022. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1940:1> (дата обращения: 14.01.2024).

72. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 декабря 2021 г. по делу № 33-47444/2021. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/954:11> (дата обращения: 14.01.2024).

73. Апелляционное определение Московского областного суда от 27 сентября 2021 г. по делу № 33-477/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=Апелляционное+определение+Московского+о+бластного+суда+от+27+сентября+2021+г.+по+делу+№+33-477%2F2021> (дата обращения: 14.01.2024).

74. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 августа 2021 г. по делу № 33-17874/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=Апелляционное+определение+Московского+го+родского+суда+№+33-17874%2F2021> (дата обращения: 14.01.2024).

75. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 марта 2021 г. по делу № 33-8258/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=Апелляционное+определение+Московского+го+родского+суда+от+26+марта+2021+г.+по+делу+№+33-8258%2F2021> (дата обращения: 14.01.2024).

76. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 февраля 2020 г. по делу № 33-7826/2020. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4364:1> (дата обращения: 14.01.2024).

77. Апелляционное определение Московского городского суда от 08 октября 2019 г. по делу № 33-43802/2019. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1210128#NYpXilTGMkoU7nc91> (дата обращения: 14.01.2024).

78. Апелляционное определение Московского городского суда от 08 октября 2019 г. по делу № 33-42312/2019. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1036:17> (дата обращения: 14.01.2024).

79. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 апреля 2019 г. по делу № 33-18617/2019. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1050:20> (дата обращения: 14.01.2024).

80. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 апреля 2019 г. по делу № 33-13542/2019. – URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/21:41> (дата обращения: 14.01.2024).

81. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 апреля 2017 г. по делу № 33-16205. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1076:22> (дата обращения: 14.01.2024).

82. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 октября 2016 г. по делу № 33-39475/2016. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=801453#3aChdXTmnuVuLEMx> (дата обращения: 14.01.2024).

83. Апелляционное определение Московского городского суда от 04 августа 2016 г. № 4Г-7655/2016. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=AvirQ&page=splus&ts=9HNYdXTGG7210fK22> (дата обращения: 14.01.2024).

84. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2015 г. № 33-1400/15. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2029:10> (дата обращения: 14.01.2024).

85. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 28 марта 2017 г. по делу № 33-3708/2017. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1375:10> (дата обращения: 14.01.2024).

86. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 06 декабря 2016 г. по делу № 33-9199/2016. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2717:1> (дата обращения: 14.01.2024).

87. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 02 июля 2020 г. № 33-7059/2020 по делу № 2-105/2020. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=185008#NGF8NjSIknkIAtpO> (дата обращения: 14.01.2024).

88. Апелляционное определение Самарского областного суда от 17 марта 2014 г. по делу № 33-2491/2014. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VGGrwlQIMxN/> (дата обращения: 14.01.2024).

89. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 марта 2022 г. по делу № 33-5254/2022. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1999:8> (дата обращения: 14.01.2024).

90. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21 февраля 2019 г. № 33-3057/2019 по делу № 2-1866/2018. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1110:24> (дата обращения: 14.01.2024).

91. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 января 2018 г. по делу № 33-716/2018. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1116:26> (дата обращения: 14.01.2024).

92. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 июня 2016 г. № 33-10830/2016 по делу № 2-5443/2015. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1132:28> (дата обращения: 14.01.2024).

93. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23 мая 2013 г. по делу № 33-6249/2013. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4516:3> (дата обращения: 14.01.2024).

94. Апелляционное определение Сахалинского областного суда от 01 июня 2017 г. по делу № 33-1178/2017. – URL: <https://base.garant.ru/147832006/> (дата обращения: 14.01.2024).

95. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 28 июня 2019 г. по делу № 33-10192/2019. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RASVR;n=181004#hkPTсhTZSjTV52dB> (дата обращения: 14.01.2024).

96. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 30 апреля 2014 г. по делу № 33-5226/2014. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4506:1> (дата обращения: 14.01.2024).

97. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 25 февраля 2016 г. по делу № 33-1129/2016. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1359:4> (дата обращения: 14.01.2024).

98. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 05 февраля 2013 г. по делу № 33-6005/12. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/4378:3> (дата обращения: 14.01.2024).

99. Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 марта 2016 г. по делу № 33-722/2016. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1446:16> (дата обращения: 14.01.2024).

100. Кассационное определение Московского городского суда от 24 февраля 2012 г. № 33-5852/12. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1390:12> (дата обращения: 14.01.2024).

101. Кассационное определение Пензенского областного суда от 20 декабря 2011 г. № 33-3251. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1642:0> (дата обращения: 14.01.2024).

102. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 28 июня 2019 г. по делу № 4Г-344/2019. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/1021:2> (дата обращения: 14.01.2024).

103. Решение Ванинского районного суда Хабаровского края от 13 января 2021 г. по делу № 2-64/2021. – URL: <https://vaninsky-->

hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=132923956&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

104. Решение Вахитовского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 26 января 2022 г. по делу № 2-143/2022. – URL: https://vahitovsky--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=174265826&case_uid=29ba76ec-1d5e-4425-91b4-9942a92ad750&delo_id=1540005 (дата обращения: 14.01.2024).

105. Решение Зеленоградского районного суда г. Москвы от 24 июня 2021 г. по делу № 02-0211/2021. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases/civil/details/6ebc61b1-557b-11eb-81a6-49a109728835?caseNumber=02-0211/2021> (дата обращения: 14.01.2024).

106. Решение Евпаторийского городского суда Республики Крым от 15 апреля 2021 г. по делу № 2-124/2021. – URL: https://evpatoriya--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=88524586&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

107. Решение Керченского городского суда Республики Крым от 28 сентября 2021 г. по делу № 2-1508/2021. – URL: https://kerch--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=97789749&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

108. Решение Копейского городского суда Челябинской области от 16 сентября 2021 г. по делу № 2-2664/2021. – URL: https://koreysk--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=341229912&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

109. Решение Кумертауского городского суда Республики Башкортостан от 02 февраля 2021 г. по делу № 2-80/2021. – URL: https://kumertauskiy--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6686654&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

110. Решение Ленинского районного суда г. Пензы Пензенской области от 19 января 2022 г. по делу № 2-55/2022. – URL: <https://leninsky-->

pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=102960622&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

111. Решение Ногинского городского суда Московской области от 15 марта 2022 г. по делу № 2-946/2022. – URL: https://noginsk--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=526230052&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

112. Решение Октябрьского районного суда г. Владимира Владимирской области от 26 января 2022 г. по делу № 2-32/2022. – URL: https://oktiabrsky--wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=119283367&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

113. Решение Раменского городского суда Московской области от 24 мая 2021 г. по делу № 2-1124/2021. – URL: <https://судебныерешения.рф/57131883> (дата обращения: 14.01.2024).

114. Решение Свердловского районного суда г. Перми Пермского края от 22 декабря 2021 г. по делу № 2-7697/2021. – URL: https://sverdlov--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=162226554&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

115. Решение Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 21 сентября 2021 г. по делу № 2-39/2021. – URL: https://ustinovskiy--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=177280311&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

116. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 23 октября 1963 г. № 6 о судебной практике по искам о возмещении вреда. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6011.htm (дата обращения: 14.01.2024) (документ утратил силу).

117. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 марта 1979 г. «О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1979. – № 3. – С. 13 (документ утратил силу).

118. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 марта 1960 г. № 3 «О судебной практике по гражданским и колхозным делам» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1960. – № 3 (документ утратил силу).

119. Постановление Пленума Верховного суда СССР № 11/М/6/у от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам о причинении вреда» // Картотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. 1943. Вып. 10-12. Разд. XII-1. – М.: гос. Изд-во мест. пром-сти РСФСР, 1944 (документ утратил силу).

120. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 26 апреля 1952 г. по делу № 03/347 // Судебная практика Верховного суда СССР. – 1952. – № 8 (документ утратил силу).

121. Определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 12 июня 1954 г. по делу № 03/565-54 // Судебная практика Верховного суда СССР. – 1954. – № 5 (документ утратил силу).

122. Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. № 36 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении норм ГК РСФСР, регулирующих возмещение вреда» // Бюллетень Верховного суда РСФСР. – 1967. – № 4 (документ утратил силу).

Судебная практика зарубежных стран

123. Alexander v. Scheid (726 N.E.2d 272, 281 (Ind. 2000). – URL: <https://casebriefsco.com/casebrief/alexander-v-scheid> (дата обращения: 14.01.2024).

124. Bastrup (Rt-1998-639, s. 647). – URL: <https://www.erstatningsjus.no/ehjelp/Omsorg.html> (дата обращения: 14.01.2024).

125. Barry v Ministry of Defence [2023] EWHC 459 (KB). – URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/KB/2023/459.html> (дата обращения: 14.01.2024).

126. Broussard v. United States, 989 F.2d 171 (5-й Cir. 1993). – URL: <https://casetext.com/case/broussard-v-us-2> (дата обращения: 14.01.2024).

127. CA Montpellier, 1re ch., sect. C, 10 déc. 2019, no 17/00707. – URL: <https://www.labase-lextenso.fr/gazette-du-palais/GPL379b0> (дата обращения: 14.01.2024).

128. C 49/13 - uzasadnienie Sąd Okręgowy w Radomiu z 2013-05-23. – URL: [https://orzeczenia.radom.so.gov.pl/details/\\$N/153010000000503_I_C_000049_2013_Uz_2013-05-23_001](https://orzeczenia.radom.so.gov.pl/details/$N/153010000000503_I_C_000049_2013_Uz_2013-05-23_001) (дата обращения: 14.01.2024).

129. Corte di Cassazione – sentenza 21 aprile 2021, n. 10579. – URL: <https://www.bizzarilex.it/wp-content/uploads/2021/07/Cass-10579-2021.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

130. Corte di Cassazione – sentenza 14 febbraio 2018, n. 9196. – URL: <https://www.studiolegalecalvello.it/danno-non-patrimoniale-principi-cui-giudice-deve-attenersi-nel-determinare-la-qualificazione-quantificazione-del-danno-cass-civ-91962018/> (дата обращения: 14.01.2024).

131. Corte di Cassazione – sentenza 20 maggio 2015, n. 10263. – URL: https://www.professionegiustizia.it/documenti/notizia/2015/macropermanenti_le_tabell_e_di_milano_hanno_valenza_nazionale_secondo_la_cassazione (дата обращения: 14.01.2024).

132. Corte Costituzionale – sentenza 14 luglio 1986, n. 184. – URL: <https://www.jstor.org/stable/23180621> (дата обращения: 14.01.2024).

133. Corte di Cassazione – sentenza 6 giugno 1981, n. 3675. – URL: <https://www.rivistadeldirittocommerciale.com/fascicoli/1981-numero-3-6/37153-corte-di-cassazione-6-giugno-1981-n-3675> (дата обращения: 14.01.2024).

134. Corte Costituzionale – sentenza 26 luglio 1979, n. 88. – URL: <https://www.giurcost.org/decisioni/1979/0088s-79.html#:~:text=Dopo%20il%20passaggio%20in%20giudicato,convenuto%20alla%20loro%20integrit%C3%A0%20fisica> (дата обращения: 14.01.2024).

135. Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 30 juin 2021, 19-22.787. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000043759620?init=true&page=1&query=19-22787&searchField=ALL&tab_selection=all (дата обращения: 14.01.2024).

136. Cour de cassation, civile, Chambre civile 2, 18 janvier 2018, 17-10.381, Inédit. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000036584600/> (дата обращения: 14.01.2024).

137. Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 30 avril 2014, 12-22.567, Publié au bulletin. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000028894830> (дата обращения: 14.01.2024).

138. Cour de Cassation, Chambre criminelle, du 18 mars 1975, 74-92.118, Publié au bulletin. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007056911/> (дата обращения: 14.01.2024).

139. Donnelly v Joyce [1974] QB 454. – URL: <https://www.lawteacher.net/cases/donnelly-v-joyce.php> (дата обращения: 14.01.2024).

140. Engevold (Rt-2002-673, s. 680). – URL: https://www.jus.uio.no/ior/personer/vit/perkje/videoundervisning/Eksternt/voldsofferers_tatningskontoret/arbeidshefte-iii-utmaling.-til-morten-kjellands-forelesning-kfv.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

141. Extrait de l'arrêt de la Ire Cour civile dans la cause X. contre Y. AG (recours en réforme) 4C.298/2006 du 19 décembre 2006 (BGE 133 III 81). – URL: http://relevancy.bger.ch/php/clir/http/index.php?highlight_docid=atf%3A%2F%2F133-III-81%3Ade&lang=de&type=show_document (дата обращения: 14.01.2024).

142. Harris v Brights Asphalt Contractors Ltd, 20 Jan 1953 [1953] 1 QB 617, QBD. – URL: https://www.iclr.co.uk/document/1950001596/casereport_34907/html (дата обращения: 14.01.2024).

143. Hodgson v Trapp [1989] AC 807. – URL: <https://www.lawteacher.net/cases/hodgson-v-trapp.php> (дата обращения: 14.01.2024).

144. Housecroft v. Burnett [1986] 1 All ER 332. – URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff87960d03e7f57ec10d7> (дата обращения: 14.01.2024).

145. I ACa 1039/13 - wyrok z uzasadnieniem Sąd Apelacyjny w Katowicach z 2014-02-05. – URL: [https://orzeczenia.katowice.sa.gov.pl/content/\\$N/151500000000503_I_ACa_001039_2013_Uz_2014-02-05_002](https://orzeczenia.katowice.sa.gov.pl/content/$N/151500000000503_I_ACa_001039_2013_Uz_2014-02-05_002) (дата обращения: 14.01.2024).

146. Judgment in Case C-503/13 and C-504/13 «Boston Scientific Medizintechnik GmbH v AOK Sachsen-Anhalt – Die Gesundheitskasse and Others». – URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-03/cp150031en.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

147. Judicial College Guidelines for the Assessment of General Damages in Personal Injury Cases (2022) (United Kingdom). – URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Browse/Home/Books/Judicial?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Browse/Home/Books/Judicial?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)) (дата обращения: 14.01.2024).

148. Judgment in Case C-621/15 «W And Others v Sanofi Pasteur». – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62015CJ0621> (дата обращения: 14.01.2024).

149. LeBlanc v. Barry, 790 So. 2d 75 (La. Ct. App. 2001). – URL: <https://casetext.com/case/leblanc-v-barry-1> (дата обращения: 14.01.2024).

150. Matsuyama v. Birnbaum, 452 Mass. 1, 890 N.E.2d 819 (2008). – URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-matsuyama-v-birnbaum> (дата обращения: 14.01.2024).

151. Nurul Atikah binti Mustafa Kamal (seorang kanak-kanak mendakwa melaluibapa atau wakil litigasi, Mustafa Kamalbin Omar) v Nurazlina Suriani binti Zulkifly & Ors [2019] MLJU 178. – URL: <https://www.elaw.my/archive/MLRH20192378.html> (дата обращения: 14.01.2024).

152. Roberts v. Johnstone [1989] QB 878. – URL: <https://vlex.co.uk/vid/roberts-v-johnstone-793568077> (дата обращения: 14.01.2024).

153. Sentenza Cassazione Civile n. 238 del 10/01/2017. – URL: <https://sentenze.laleggepertutti.it/sentenza/cassazione-civile-n-238-del-10-01-2017> (дата обращения: 14.01.2024).

154. Sentenza Cassazione Civile n. 16896 del 20/07/2010. – URL: <https://sentenze.laleggepertutti.it/sentenza/cassazione-civile-n-16896-del-20-07-2010> (дата обращения: 14.01.2024).

155. Supreme Court Judgment 98Da15934 (February 25, 2000). – URL: <https://eng.scourt.go.kr/eng/supreme/decisions/NewDecisionsView.work?seq=1367&mode=6&searchWord=> (дата обращения: 14.01.2024).

156. Wu Siew Ying t/a Fuh Lin Bud-Grafting Centre v Gunung Tunggal Quarry & Construction Sdn Bhd & Anor [2011] 2 MLJ 1. – URL: <https://www.coursehero.com/file/28727041/Wu-Siew-Ying-ta-Fuh-Lin-Bud-Grafting-Centre-Federal-Court1PDF/> (дата обращения: 14.01.2024).

***Научные статьи, монографии, учебная литература,
диссертации и авторефераты диссертаций***

Научные статьи

1. Авдеев, А.И. Современное законодательство как основа для определения «Вред здоровью» / А.И. Авдеев, В.В. Прутовых // Дальневосточный медицинский журнал. – 2021. – № 3. – С. 80 – 82.

2. Агарков, М.М. Обязательства из причинения вреда // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 1. – С. 55 – 58.

3. Александрова, Е.А. Методология оценки качества жизни, связанного со здоровьем с использованием опросника EQ-5D-3L / Е.А. Александрова, А.Р. Хабибуллина // Российский медицинский журнал. – 2019. – Т. 25. – №. 4. – С. 202 – 209.

4. Алексеев, С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12 – 19.

5. Амфитеатров, Г.Н. Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию // Советское государство и революция права. – 1930. – № 4. – С. 72 – 78.

6. Андреев, В.К. Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 27 – 33.

7. Андреев, Ю.Н. О некоторых вопросах законных интересов субъектов гражданского права // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. статей. – Воронеж: Научная книга, 2021. – С. 451 – 452.
8. Андреев, Ю.Н. О некоторых проблемах в гражданском праве // Цивилист. – 2022. – № 2 (38). – С. 60 – 66.
9. Анисимов, А.П. Возмещение вреда, причиненного здоровью человека экологическим правонарушением / А.П. Анисимов, Ю.Е. Каюшникова // Legal Concept. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 36 – 44.
10. Анохин, К. Неразрешенные вопросы судебной практики по искам из причинения вреда / К. Анохин, О. Финикова // Социалистическая законность. – 1954. – № 12. – С. 18 – 21.
11. Анохин, А.А. Основные континентальные воззрения на соотношение деликтной и договорной ответственности // Юридическая наука. – 2020. – № 8. – С. 3 – 7.
12. Антимонов, Б.С. К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1 - 6 июля 1946 г. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – С. 62 – 79.
13. Антонов, А.А. Некоторые аспекты ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности // Юрист. – 2019. – № 12. – С. 25 – 30.
14. Арсланов, К.М. Гражданско-правовое (частное) наказание за деликт: предупреждение, «личное удовлетворение» в гражданском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 2. – С. 241 – 247.
15. Арсланов, К.М. Понятие гражданско-правовой ответственности по германскому праву // Ученые записки Казанского университета. – Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – Кн. 4. – С. 101 – 108.
16. Архипов, Е.П. Особенности подсчетов экономического ущерба от ЧС / Е.П. Архипов, М.Э. Макарова // Московский экономический журнал. – 2019. – № 9. – С. 245 – 251.

17. Бабенко, А.В. Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений // Право и экономика. – 2006. – № 6. – С. 43 – 48.
18. Багмет, А.М. Профессиональные ошибки и дефекты при оказании медицинской помощи детям: уголовно-правовая оценка / А.М. Багмет, Л.И. Черкасова // Российский следователь. – 2015. – № 1. – С. 15 – 17.
19. Бакаева, И.В. Личные неимущественные отношения и нематериальные блага в контексте модернизации гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 12. – С. 79 – 87.
20. Бакаева, И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 9 – 13.
21. Бакунин, С.Н. Возмещение вреда, причиненное жизни и здоровью несовершеннолетнего: социальные и правовые аспекты // Цивилист. – 2007. – № 2. – С. 65 – 67.
22. Баринов, Е.Х. Здоровье как объект гражданского права / Е.Х. Баринов, И.Л. Балашова, О.И. Косухина // Проблемы экспертизы в медицине. – 2012. – Т. 12. – № 1-2 (45-46). – С. 5 – 9.
23. Баринов, Е.Х. Юридическая квалификация дефектов оказания медицинской помощи и врачебных ошибок – помощь практическому здравоохранению / Е.Х. Баринов, Е.Н. Добровольская, Б.М. Муздыбаев, П.О. Ромодановский // Медицинское право. – 2010. – № 5. – С. 3 – 8.
24. Баринов, М.А. Источник повышенной опасности в гражданском праве / М.А. Баринов, Ю.Ф. Кравицкий, А.В. Губанов, А.А. Трофимова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2017. – № 4 (37). – С. 28 – 34.
25. Беликова, К.М. Некоторые размышления о причинении вреда источником повышенной опасности в праве РФ и США / К.М. Беликова, М.Б. Румянцев // Право и политика. – 2018. – № 5. – С. 29 – 41.
26. Бельский, К.С. О системе административного права // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 5 – 11.

27. Бернштейн, Д.И. Проблема так называемой ответственности без вины в советском праве // Сборник статей аспирантов Ташкентского гос. ун-та. – Ташкент, 1963. – Вып. 253. – С. 118 –122.
28. Благодир, А.Л. Отношения по обязательному социальному страхованию в предмете трудового права: история и современное состояние // Журнал российского права. – 2018. – № 7. – С. 73 – 81.
29. Богданов, Д.Е. Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. – 2012. – № 3. – С. 82 – 91.
30. Богданов, Д.Е. Возмещение потерь в российском и зарубежном праве // Lex russica. – 2017. – № 5. – С. 174 – 193.
31. Богданов, Д.Е. Ответственность за утрату шанса на лучший результат с позиции справедливости: постановка проблемы // Современное право. – 2013. – № 6. – С. 86 – 91.
32. Богданов, Д.Е. Справедливость как основное начало социализации и гуманизации деликтной ответственности // Адвокат. – 2013. – № 3. – С. 7 – 19.
33. Богданов, Д.Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. – 2013. – № 7. – С. 49 – 62.
34. Богданов, Д.Е. К вопросу о некомпенсационных убытках в гражданском праве России / Д.Е. Богданов, Е.Е. Богданова // Гражданское право. – 2017. – № 2. – С. 7 – 10.
35. Богданов, Д.Е. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект / Д.Е. Богданов, С.Г. Богданова // Гражданское право. – 2018. – № 6. – С. 32 – 35.
36. Богданов, Е.В. Случай и непреодолимая сила: проблемы правоприменения и дифференциации // Юрист. – 2018. – № 3. – С. 35 – 39.
37. Боер, А.А. Проблема определения объекта посягательства при причинении морального вреда // Закон. Право. Государство. – 2018. – № 1 (17). – С. 96 – 99.

38. Болдырев, В.А. Правовые проблемы возмещения заработка (дохода), утраченного в результате повреждения здоровья // Общество и право. – 2003. – № 2. – С. 198 – 212.
39. Бочаров, А.Н. Компенсация правомерно нанесенного ущерба в системе гражданско-правовых обязательств // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 249 – 256.
40. Бочаров, А.Н. Личность как объект гражданско-правовой защиты по смыслу ст. 16.1 Гражданского кодекса РФ // Legal Concept. – 2019. – № 2. – С. 107 – 111.
41. Брагинский, М.И. К вопросу об ответственности за чужие действия по советскому гражданскому праву // Труды ВЮЗИ. – 1961. – Т. 1. – С. 3 – 84.
42. Брауде, И.Л. Возмещение неимущественного вреда // Революционная законность. – 1926. – № 9-10. – С. 10 – 14.
43. Бринчук, М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // Lex russica. – 2016. – № 6 (115). – С. 26 – 47.
44. Брославский, Л. Экологические нарушения: компенсация вреда пострадавшим гражданам // Адвокатская газета. – 2021. – № 23. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ekologicheskie-narusheniya-kompensatsiya-vreda-postradavshim-grazhdanam/> (дата обращения: 14.01.2024).
45. Брук, М. Хроники гражданского суда // Юридический Вестник. – 1886. – № 12. – С. 707 – 722.
46. Будылин, С.Л. Боль и страдания в странах общего права. Преискурант или судебная дискреция // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 3. – С. 78 – 97.
47. Будылин, С.Л. Сверхкомпенсационные убытки. Возможности их взыскания в России и за рубежом // Арбитражная практика. – 2014. – № 4. – С. 116 – 125.
48. Бурдакова, М.Ю. Страхование гражданско-правовой ответственности в России: современное состояние и направления развития // Цивилизация знаний:

российские реалии: сб. статей. – М.: Российский новый университет, 2021. – С. 292 – 297.

49. Быкина, М.В. Проблемы взыскания убытков в гражданском праве Российской Федерации // Terra Economicus. – 2011. – Т. 9. – № 1. – С. 160 – 162.

50. Василевская, Л.Ю. Возмещение потерь по российскому и прецедентному праву // Lex russica. – 2017. – № 5. – С. 194 – 204.

51. Василенко, Н.В. Страхование профессиональной ответственности: новые горизонты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. – С. 33 – 45.

52. Васильева, М.И. Правовые проблемы возмещения вреда здоровью граждан, причиненного экологическими правонарушениями // Судья. – 2017. – № 9. – С. 15 – 21.

53. Васькин, В.В. Виды убытков по закону // Советское государство и право. – 1976. – № 2. – С. 46 – 50.

54. Васькин, В.В. Возмещение реального ущерба и упущенной выгоды // Хозяйство и право. – 1994. – № 3. – С. 116 – 120.

55. Витрянский, В.В. Общие положения об обязательствах // Кодификация российского частного права: сборник статей / под ред. Д.А. Медведева. – М.: Статут, 2019. – С. 198 – 252.

56. Войтинский, И. Общая и профессиональная трудоспособность в сенатской практике по применению закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих // Право. – 1912. – № 3. – С. 134 – 138.

57. Гаврилов, Е.В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. – 2014. – № 9. – С. 39 – 47.

58. Гаврилов, Е.В. Нематериальные блага и личные неимущественные права в новой редакции статьи 150 Гражданского кодекса РФ // Гражданин и право. – 2016. – № 1. – С. 56 – 69.

59. Гарипова, И.И. Компенсация морального вреда при осуществлении медицинской деятельности // Право и экономика. – 2017. – № 9. – С. 40 – 45.

60. Гафаров, Н.Р. Выявление и критерии оценки объектов накопленного вреда окружающей среде // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 1 (134). – С. 189 – 197.
61. Гинс, Г. Автомобильное право, в особенности гражданская ответственность владельцев автомобилей // Право. – 1910. – № 10. – С. 580 – 589.
62. Горелик, А.Т. Основные принципы определения процента потери трудоспособности по опыту Ленинградской городской судебно-медицинской экспертизы // Вопросы судебно-медицинской экспертизы: сб. статей. – М.: Госюриздат, 1958. – Вып. 3. – С. 145 – 150.
63. Гринь, О.С. Особенности ответственности по обеспечительным обязательствам // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 5. – С. 46 – 58.
64. Груздев, В.В. Причинная связь в гражданском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 4. – С. 75 – 80.
65. Гурылева, М.Э. Критерии качества жизни в медицине и кардиологии / М.Э. Гурылева, М.В. Журавлева, Г.Н. Алеева // Русский медицинский журнал. – 2006. – Т.14. – № 10. – С. 761 – 763.
66. Гусакова, Ю.С. Концепции личных неимущественных отношений в предмете гражданского права / Ю.С. Гусакова, Е.В. Вдовенко // News of Science and Education. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 106 – 108.
67. Гусева, И.И. Новые подходы к методике определения размера компенсации морального вреда в связи с причинением вреда здоровью и жизни граждан / И.И. Гусева, В.Н. Зубков // Российская юстиция. – 2019. – № 1. – С. 62 – 65.
68. Гусева, И.И. Общие методологические вопросы оценки размера компенсации морального вреда / И.И. Гусева, В.Н. Зубков // Modern Science. – 2021. – № 2-2. – С. 154 – 158.
69. Гуссаковский, П.Н. Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными действиями // Журнал Министерства Юстиции. – 1912. – № 8. – С. 1 – 39.

70. Гуревич, М.Г. Принцип полного возмещения ущерба в обязательствах из причинения вреда жизни и здоровью работника на производстве // Ученые записки Пермского университета. – 1961. – Вып. 6 (т. 19). – С. 45 – 75.
71. Давтян-Давыдова, Д.Н. Субъекты обязательства по возмещению вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ и услуг // Правовая парадигма. – 2018. – № 1. – С. 46 – 50.
72. Давыдовский, И.В. Врачебные ошибки // Советская медицина. – 1941. – № 3. – С. 3 – 10.
73. Данилов, А.Б. Диагностические шкалы для оценки невропатической боли / А.Б. Данилов, О.С. Давыдов // Боль. – 2007. – № 3. – С. 11 – 14.
74. Данилова, Н.В. Совершенствование института возмещения экологического вреда // Экологическое право. – 2015. – № 3. – С. 3 – 6.
75. Дегтярев, С.Л. Гражданско-правовая ответственность и способ защиты личных неимущественных прав в виде компенсации морального вреда // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 4 (40). – С. 40 – 46.
76. Дегтярев, С.Л. Достаточно ли закрепления в действующем законодательстве институтов возмещения убытков и компенсации морального вреда через оценочные понятия (категории) для их успешной реализации в формируемой цифровой среде? // Научный портал МВД России. – 2023. – № 4 (64). – С. 34 – 48.
77. Демкина, А.В. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров по законодательству России и Франции: сравнительно правовой анализ // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 467. – С. 244 – 250.
78. Дерюгина, С.Р. Правовые особенности деликтных обязательств, возникающих при причинении вреда источником повышенной опасности // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 145 – 151.

79. Дерюгина, Т.В. О компенсаторных обязательствах и их месте в системе гражданско-правовых обязательств // Гражданское право. – 2021. – № 6. – С. 24 – 27.
80. Дерюгина, Т.В. Теоретические и практические проблемы толкования и применения категорий «убытки», «вред», «ущерб» // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 9 – 15.
81. Дмитриева, О.В. Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // Закон. – 2016. – № 12. – С. 89 – 100.
82. Добровинская, А.В. Понятие и случаи ограниченной ответственности в гражданском праве // Lex russica. – 2017. – № 5. – С. 148 – 162.
83. Дождев, Д.В. Объективные критерии освобождения от ответственности в гражданском праве // Гражданское право. – 2017. – № 2. – С. 14 – 17.
84. Домбровский, И.С. О психическом аспекте причинения вреда здоровью человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 4. – С. 69 – 72.
85. Дондоков, А.И. Доктрина Loss of Chance в английском праве // Закон. – 2013. – № 7. – С. 150 – 155.
86. Донцов, Д.С. Тело живого человека как нематериальное благо и гражданско-правовая защита его физической неприкосновенности // Медицинское право. – 2011. – № 2. – С. 38 – 42.
87. Драгунова, Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 12. – С. 91 – 161.
88. Евсина, О.В. Качество жизни в медицине – важный показатель состояния здоровья пациента (обзор литературы) // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2013. – № 1 (1). – С. 119 – 133.

89. Евстигнеев, Э.А. Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // Вестник гражданского права. – 2020. – Т. 20 (№ 1). – С. 33 – 59.
90. Евстигнеев, Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17 (№ 4). – С. 45 – 83.
91. Евтушенко, В.И. Конституционно-правовое регулирование деятельности по возмещению вреда лицам, пострадавшим при чрезвычайных ситуациях экологического характера // Современное право. – 2009. – № 11. – С. 38 – 41.
92. Еремян, З.А. История становления и развития концепции качества жизни в медицине / З.А. Еремян, О.Ю. Щелкова // Психология. Психофизиология. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 37 – 49.
93. Ермолова, О. Нематериальные блага: сущность и признаки правовой конструкции // Цивилист. – 2012. – № 3. – С. 36 – 41.
94. Ерофеева, А.С. Возмещение морального вреда в связи с повреждением здоровья: правовые проблемы и пути совершенствования законодательства // Lex russica. – 2006. – № 1. – С. 136 – 139.
95. Ерофеев, С.В. Медицинские и юридические аспекты проблемы возмещения морального вреда в связи с повреждением здоровья и причинением смерти / С.В. Ерофеев, А.С. Ерофеева // Научные труды II Всероссийского съезда (Национального конгресса) по медицинскому праву. – М.: НАМП, 2003. – С. 419 – 423.
96. Ефремов, А.В. Актуальные правовые особенности, возникающие на практике при реализации (осуществлении) публично-правовых способов возмещения вреда, причиненного здоровью военнослужащих, 2016. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
97. Ефремов, А.В. Компенсация морального вреда за гибель (смерть) военнослужащих по правилам гражданского законодательства // Гражданин и право. – 2020. – № 5. – С. 76 – 95.

98. Згонников, П.П. О совершенствовании законодательства о способах защиты гражданских прав // Российская юстиция. – 2019. – № 11. – С. 11 – 14.
99. Жаворонкова, Н.Г. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы / Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов // Lex russica. – 2016. – № 8 (117). – С. 130 – 140.
100. Жаглина, М.Е. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда здоровью несовершеннолетних (по материалам судебной практики) / М.Е. Жаглина, А.В. Жаглин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 4. – С. 30 – 35.
101. Жданова, А.Н. Отдельные аспекты правоприменительной деятельности по производству выплат в целях возмещения вреда здоровью сотрудника органов внутренних дел, причиненного при выполнении служебных обязанностей / А.Н. Жданова, Д.Ю. Маркелов // Российский судья. – 2020. – № 8. – С. 3 – 6.
102. Жулай, Е.А. Виды экологического вреда и способы его возмещения / Е.А. Жулай, Е.Г. Черкашина // Вестник Амурского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 42. – С. 32 – 36.
103. Зайцев, О.В. Проблемы определения предмета гражданского права // Власть Закона. – 2017. – № 4. – С. 93 – 104.
104. Зарипов, Ш.Р. Массовый деликт: публичный (административный) порядок возмещения вреда // Трансформация права в информационном обществе: сборник статей. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного юридического университета, 2020. – С. 311 – 317.
105. Захаров, Д.Е. Неисполнение обязанности как основание гражданско-правовой ответственности за нарушение договора по законодательству Германии // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 150 – 155.
106. Ибрагимова, А.И. Гражданско-правовая сущность и определение понятий вреда и убытков // Бизнес и право. – 2013. – № 5. – С. 40 – 45.

107. Ибрагимова, А.И. Отдельные проблемы определения размера подлежащего возмещению причиненного вреда в российском гражданском праве // Российская юстиция. – 2018. – № 4. – С. 9 – 13.

108. Ибрагимова, А.И. Понятие и защита личных или собственных духовно-нравственных и интеллектуальных прав и гражданско-правовая ответственность за их нарушение // Российская юстиция. – 2020. – № 8. – С. 13 – 16.

109. Иванов, А.А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: перспективы развития // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. – 2015. – № 2. – С. 110 – 124.

110. Идрисов, Х.В. О соотношении вины, риска и случая в гражданском праве // Власть. – 2007. – № 11. – С. 106 – 108.

111. Иншакова, А.О. Перспективные тенденции развития законодательных основ права физического лица на внешний облик / А.О. Иншакова, А.С. Мограбян // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 36 – 41.

112. Иншакова, А.О. К вопросу о понятии «экологического вреда» / А.О. Иншакова, П.А. Федорова // Трансформация правовых институтов и методов обеспечения экологической и продовольственной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза в условиях внедрения генно-инженерных технологий: сб. статей. – Саратов: Саратовский источник, 2021. – С. 204 – 206.

113. Иоффе, О.С. К вопросу об объеме возмещения в делах о причинении увечья // Вестник Ленинградского университета. – 1952. – № 4. – С. 81 – 90.

114. Калмыков, Ю.Х. Правовые средства обеспечения имущественных потребностей граждан / Ю.Х. Калмыков, Н.А. Баринов // Гражданское право и сфера обслуживания: сборник научных трудов. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1984. – С. 47 – 55.

115. Карапетов, А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 11. – С. 24 – 80.

116. Кархалев, Д.Н. Вина в гражданском праве // Право и образование. – 2018. – № 3. – С. 4 – 11.
117. Кархалев, Д.Н. Возмещение потерь по правилам статьи 406¹ Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 2. – С. 75 – 78.
118. Кархалев, Д.Н. Гражданско-правовые формы охранительных отношений // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20. – № 1. – С. 55 – 63.
119. Кириллова, Е.А. Обязательства из причинения вреда жизни и здоровью пациента биомедицинскими технологиями // Юрист. – 2021. – № 4. – С. 71 – 74.
120. Климович, А.В. К вопросу о понятии «вред» в деликтных обязательствах // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 3. – С. 44 – 48.
121. Князькин, А.Д. Определение объема и размера экогенного вреда причиненного здоровью гражданина в Российской Федерации // Казанская наука. – 2011. – № 1. – С. 261 – 262.
122. Кобец, П.Н. Функционирование механизма по возмещению вреда, причиненного преступлением, в государствах с различными правовыми системами // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 53 – 58.
123. Ковалевский, С.М. Некоторые дискуссионные правовые проблемы ответственности за медицинский вред и его возмещения // Социальное и пенсионное право. – 2014. – № 1. – С. 18 – 28.
124. Ковязина, Н.М. Убытки как самая распространенная мера гражданско-правовой ответственности // Юрист. – 2021. – № 3. – С. 57 – 63.
125. Козлов, И.А. Доктрина утраты шанса: плюсы и минусы признания теории // Юридическая наука. – 2021. – № 10. – С. 13 – 17.
126. Козырева, Е.В. К вопросу о системе критериев для определения размера компенсации морального вреда / Е.В. Козырева, Н.В. Новикова // Вестник

Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4 (68). – С. 29 – 33.

127. Колесниченко, О.В. Возмещение вреда здоровью: определение размера дополнительно понесенных расходов или оценка потребности? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 4. – С. 79 – 83.

128. Колесниченко, О.В. Возмещение вреда, причиненного здоровью потребителя, по нормам о product liability: принципиальные направления совершенствования российского законодательства по результатам исследования зарубежного опыта // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – № 11 (180). – С. 144 – 155.

129. Колесниченко, О.В. Возмещение утраты способности к трудовой и иной оплачиваемой деятельности как альтернатива возмещению утраченного заработка (дохода) потерпевшего в деликтных обязательствах // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – № 11 (204). – С. 9 – 18.

130. Колесниченко, О.В. Вред здоровью, причиненный в результате неблагоприятного экологического воздействия: цивилистические механизмы компенсации // Юридические исследования. – 2024. – № 3. – С. 115 – 126.

131. Колесниченко, О.В. Зарубежный опыт применения специальных систем возмещения вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (на примере Германии и Великобритании), и перспективы его заимствования в российских условиях // Право и политика. – 2020. – № 8. – С. 18 – 32.

132. Колесниченко, О.В. Карательные и справедливые формы вознаграждения вреда здоровью в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи конца XIX - начала XX века // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4 (70). – С. 94 – 102.

133. Колесниченко, О.В. Категории «вред здоровью» и «убытки» в гражданском праве России: проблемы терминологической определенности // Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов: сб. статей. – М.: Русайнс, 2021. – С. 258 – 263.

134. Колесниченко, О.В. Концепт возмездительного страхования и его практическое значение в сфере личного страхования // Современная модель развития страхового рынка: приоритеты и возможности: сб. статей. – СПб.: СПбГУ, 2022. – С. 305 – 310.

135. Колесниченко, О.В. Концепция биологического вреда в Италии – переосмысление категории «вред здоровью»? // Российский юридический журнал. – 2023. – № 1 (148). – С. 97 – 107.

136. Колесниченко, О.В. Определение объема возмещения вреда здоровью в значении физического «вреда влияния»: правовые и доктринальные предпосылки // Законодательство. – 2023. – № 9. – С. 7 – 14.

137. Колесниченко, О.В. Опыт системного исследования современных форм и способов возмещения вреда здоровью на основе комплексного анализа законодательства // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 3 (38). – С. 83 – 94.

138. Колесниченко, О.В. Правовое обеспечение и условия возмещения вреда, причиненного здоровью в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, в России и США: сравнительное исследование // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – № 11 (168). – С. 139 – 147.

139. Колесниченко, О.В. Придание свойства «возместимости» вреду, причиненному здоровью человека, через конструкцию косвенных убытков: проблемы правопонимания и правоприменения // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – № 3 (184). – С. 9 – 18.

140. Колесниченко, О.В. Рассуждения о реальном объеме обязанности по возмещению вреда здоровью: путь к индивидуализации деликтной ответственности? // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – № 8 (189). – С. 23 – 34.

141. Колесниченко, О.В. Снижение общего качества жизни как самостоятельная разновидность неэкономических потерь при повреждении здоровья // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – № 6 (199). – С. 22 – 33.

142. Колесниченко, О.В. Сравнение специальных систем возмещения вреда, причиненного здоровью участников дорожного движения (на примере

Израиля и Франции): поиск оптимальной модели правового регулирования // Транспортное право. – 2021. – № 1. – С. 10 – 14.

143. Колесниченко, О.В. «Убыточная» концепция вреда здоровью: непризнанные парадоксы российского деликтного права // Гражданское право. – 2023. – № 1. – С. 34 – 37.

144. Колесниченко, О.В. Утрата способности к ведению домашнего хозяйства: критерии учета в объеме возмещения вреда здоровью // Хозяйство и право. – 2023. – № 10. – С. 13 – 23.

145. Колесниченко, О.В. Утрата способности к действию, направленному на получение полезного результата в сфере занятости, в объеме возмещения вреда здоровью // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): сборник материалов международной научно-практической конференции. – Волгоград: ВИ РАНХИГС, 2023. – С. 40 – 42.

146. Колесниченко, О.В. Утрата шанса в сфере защиты права на здоровье: новый доказательственный стандарт или деликтная потеря? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 9. – С. 36 – 40.

147. Колесниченко, О.В. Эволюция правовых средств возмещения вреда здоровью в советском гражданском праве: область терминологических подмен и ключ к определению современных тенденций развития законодательства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – № 2. – С. 134 – 143.

148. Комиссарова, Е.Г. Методические ориентиры в учебном познании гражданско-правовой тематики о субъективных правах // Ex Jure. – 2020. – № 1. – С. 35 – 46.

149. Комиссарова, Е.Г. Требования добросовестности, разумности и справедливости как гражданско-правовые аксиомы / Е.Г. Комиссарова, О.А. Кузнецова // Ex Jure. – 2023. – № 3. – С. 84 – 98.

150. Копяков, А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2020. – № 1. – С. 146 – 196.

151. Коренева, В.Г. Ответственность за недостатки товаров, работ и услуг как особый вид деликтной ответственности в гражданском праве Российской Федерации // Бизнес в законе. – 2011. – № 2. – С. 92 – 94.
152. Корепанова, С.В. Функции способов защиты гражданских прав // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 4. – С. 177 – 183.
153. Кравцова, Е.А. Проблемы возмещения экологического вреда в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 321 – 326.
154. Краснова, С.А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 1. – С. 68 – 110.
155. Кратенко, М.В. Действия по «распоряжению» личными нематериальными благами: понятие, виды и пределы осуществления // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 1. – С. 60 – 65.
156. Кратенко, М.В. Современная модель компенсационного страхования (Indemnity Insurance) и перспективы ее воплощения в российском праве / М.В. Кратенко, О.Ю. Луйк // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – Вып. 50. – С. 762 – 786.
157. Крупейников, К.В. Историко-правовой анализ вины в Римском частном праве и современном Российском гражданском праве // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 4 (160). – С. 86 – 90.
158. Красс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43 – 50.
159. Кузнецов, М.В. Ответственность без вины в предпринимательских отношениях // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». – 2017. – № 1. – С. 77 – 86.
160. Кузнецова, Н.В. К вопросу о страховании ответственности за качество как эффективном инструменте защиты интересов изготовителей и потребителей //

Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 178 – 185.

161. Кузнецова, О.А. К вопросу о «виновной» и «безвиновной» гражданско-правовой ответственности // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: сборник статей / отв. ред. В.Г. Голубцов; О.А. Кузнецова. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. – С. 149 – 151.

162. Кузнецова, О.А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // *Lex russica*. – 2017. – № 5 (126). – С. 11 – 23.

163. Кузьмина, М.В. Некоторые аспекты реализации компенсационной функции в частном праве // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2020. – № 1. – С. 36 – 40.

164. Кумаллагов, З.У. Проблемы правового регулирования компенсации морального вреда // *Гражданин и право*. – 2019. – № 5. – С. 93 – 96.

165. Лантух, Д.В. Возмещение вреда, причинённого жизни и здоровью граждан вследствие оказания медицинских услуг / Д.В. Лантух, Е.Л. Невзгодина // *Вестник Омского университета. Серия: Право*. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 104 – 114.

166. Ларина, Л.Ю. Некоторые проблемы компенсации вреда, причиненного потерпевшему в результате преступления / Л.Ю. Ларина, И.В. Пантюхина // *Юридическая наука*. – 2015. – № 1. – С. 59 – 62.

167. Лебедев, В.А. Права человека в современной России // *Проблемы права*. – 2012. – № 6. – С. 9 – 14.

168. Лебедева, Л.С. «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2018. – № 4. – С. 68 – 80.

169. Левушкин, А.Н. Теория правовой формы в семейном праве / А.Н. Левушкин, Е.В. Косенко // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2017. – № 1 (35). – С. 73 – 83.

170. Летута, Т.В. Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, в договорных формах гражданского оборота // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2019. – № 7. – С. 39 – 45.

171. Ли, Ч. Внедоговорная ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами / Ч. Ли, С. Менг // *Закон.* – 2020. – № 3. – С. 49 – 56.

172. Ли, Ч. Соотношение виновной и безвиновной ответственности в деликтных обязательствах // *Вестник ВАС РФ.* – 2013. – № 4. – С. 53 – 63.

173. Либанова, С.Э. Проблемы возмещения убытков и пути их решения в XXI веке // *Государство и право: теория и практика.* – 2017. – № 3 (8). – С. 24 – 29.

174. Лугманов, Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* – 2019. – № 2. – С. 115 – 153.

175. Лушников, А.М. Проблемы социального страхования: опыт междисциплинарного подхода // *Российское право: образование, практика, наука.* – 2020. – № 4. – С. 48 – 62.

176. Майданик, Л.А. Возмещение вреда, причиненного здоровью при исполнении потерпевшим трудовых обязанностей // *Советское государство и право.* – 1976. – № 4. – С. 35 – 41.

177. Майданик, Л.А. О праве потерпевшего на возмещение расходов, связанных с приобретением автотранспортных средств // *Советская юстиция.* – 1972. – № 3. – С. 20 – 29.

178. Малейн, Н.С. Возмещение вреда, причиненного повреждением здоровья военнослужащих // *Советское государство и право.* – 1965. – № 8. – С. 80 – 95.

179. Малейна, М.Н. Договор об участии здорового гражданина в клиническом исследовании новых методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации // *Медицинское право.* – 2020. – № 5. – С. 17 – 22.

180. Малейна, М.Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // *Закон.* – 1995. – № 10. – С. 102 – 105.

181. Малеина, М.Н. Объекты авторского права на теле человека и проблемы их использования // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 56 – 66.
182. Малеина, М.Н. Понятие и классификации геномной (генетической) информации // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – № 7 (164). – С. 50 – 58.
183. Малеина, М.Н. Правовое регулирование применения медицинских роботов-хирургов в комплексе цифровых технологий // Медицинское право. – 2023. – № 1. – С. 2 – 5.
184. Малеина, М.Н. Правовой статус биобанка (банка биологических материалов человека) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 99 – 117.
185. Малеина, М.Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 59 – 73.
186. Малеина, М.Н. Содержание договора о санаторно-курортном лечении // Медицинское право. – 2021. – № 2. – С. 14 – 20.
187. Малеина, М.Н. Юридическая характеристика здоровья как нематериального блага // Медицинское право. – 2014. – № 4. – С. 12 – 16.
188. Малинова, А.Г. Юридизация понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда // Российский юридический журнал. – 2020. – № 4. – С. 73 – 79.
189. Мамин, А.С. Сравнительно-правовой анализ разграничения договорной и деликтной ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ и услуг по действующему законодательству РФ / А.С. Мамин, Р.В. Халин // Бизнес в законе. – 2013. – № 6. – С. 45 – 49.
190. Маркина, М.В. Основная и субсидиарная ответственность за причинение вреда лицом, застраховавшим свою гражданско-правовую ответственность за причинение вреда // Юрист. – 2021. – № 6. – С. 33 – 35.

191. Маслов, Н.А. Анализ понятия «моральный вред» и проблем, возникающих из неопределенности данной категории // Гражданин и право. – 2019. – № 5. – С. 89 – 92.
192. Матанцев, Д.А. Динамика деликтного обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью // Юридическая наука. – 2022. – № 11. – С. 63 – 66.
193. Матанцев, Д.А. Основания деликтной ответственности в римском и современном европейском гражданском праве // Юридическая наука. – 2021. – № 11. – С. 110 – 114.
194. Матвеев, Г.К. Вина в советском гражданском праве // Социалистическая законность. – 1956. – № 5. – С. 87 – 90.
195. Матейкович, М.С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 103 – 118.
196. Мильков, А.В. Заметки к вопросу о принципах гражданско-правовой ответственности // Закон. – 2018. – № 11. – С. 162 – 172.
197. Мисник, Н.Н. О разграничении компетенции установления нуждаемости в санаторно-курортном лечении как форме возмещения вреда здоровью / Н.Н. Мисник, Д.П. Березовский, А.А. Бударина, Е.В. Кузнецова // Законодательство и экономика. – 2008. – № 5. – С. 68 – 71.
198. Михайлов, В.С. Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения // Вестник гражданского права. – 2018. – № 3. – С. 103 – 161.
199. Михайлов, В.С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. – 2019. – № 4. – С. 82 – 144.
200. Михайлова, И.А. Имущественная составляющая личных неимущественных авторских прав: вопросы теории и практики // Труды по интеллектуальной собственности. – 2022. – Т. 41. – № 2. – С. 44 – 53.

201. Михайлова, И.А. К вопросу о гражданско-правовом статусе выгодоприобретателя по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья государственных служащих // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. – № 3 (137). – С. 77 – 81.

202. Михайлова, И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 3 – 8.

203. Михайлова, И.А. Право на достойное существование в системе субъективных прав российских граждан // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 123 – 129.

204. Михайлова, И.А. Принцип справедливости как идейная основа деликтной ответственности (продолжение дискуссии) // Современное право. – 2023. – № 7. – С. 12 – 18.

205. Михайлова, И.А. К вопросу об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, в гражданском праве / И.А. Михайлова, А.Н. Павлухин, Н.Д. Эриашвили // Закон и право. – 2021. – № 11. – С. 21 – 31.

206. Михайлова, И.А. Компенсация морального вреда, причиненного жизни и здоровью граждан в условиях пандемии: новая реальность и новые проблемы / И.А. Михайлова, И.Н. Романова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 5. – С. 59 – 62.

207. Михайлова, И.А. Новый этап совершенствования судебных позиций Верховного Суда РФ по вопросам о компенсации морального вреда / И.А. Михайлова, И.Н. Романова // Современное право. – 2023. – № 4. – С. 31 – 37.

208. Михеева, Л.Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. – URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785835411139.html> (дата обращения: 14.01.2024).

209. Мнацаканян, А.С. Общие положения о соотношении договорной и деликтной ответственности исполнителя медицинских услуг // Гражданское право и гражданский процесс. – 2007. – № 4 (18). – С. 99 – 103.

210. Мограбян, А.С. Актуальные проблемы в сфере оказания косметологических услуг: частноправовой аспект // Lex russica (Русский закон). – 2018. – № 10. – С. 58 – 69.

211. Мозолин, В.П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // Журнал российского права. – 2012. – № 1. – С. 33 – 40.

212. Монастырский, Ю.Э. Требования из причинения вреда – особый путь отечественной цивилистики // Хозяйство и право. – 2022. – № 5. – С. 33 – 48.

213. Морозов, А.М. О возможности оценивания болевого синдрома при помощи наиболее валидизированных шкал боли (обзор литературы) / А.М. Морозов, С.В. Жуков, М.А. Беляк // Вестник новых медицинских технологий. – 2020. – № 27 (2). – С. 62 – 68.

214. Мохов, А.А. Страхование гражданской (профессиональной) ответственности в период становления биомедицины // Медицинское право. – 2020. – № 1. – С. 12 – 18.

215. Муковнин, В.В. Физические страдания как признак морального вреда // Современное право. – 2008. – № 11. – С. 39 – 43.

216. Нгуен, В.Т. К вопросу о способах возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 134 – 138.

217. Невзгодина, Е.Л. Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности // Омские научные чтения – 2020: сб. статей. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. – С. 41 – 46.

218. Невзгодина, Е.Л. Понятие, специфические особенности и система внедоговорных обязательств из причинения вреда по законодательству Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2010. – № 2 (23). – С. 61 – 64.

219. Невзгодина, Е.Л. Юридическая квалификация медицинской ошибки и ее правовые последствия // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (43). – С. 137 – 144.
220. Нестеров, А.В. Правовая категория нематериальных (существующих) благ и их систематизация // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 19 – 30.
221. Нохрина, М.Л. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство и цивилистическая наука // Правоведение. – 2013. – № 5 (310). – С. 143 – 160.
222. Озова, Н.А. Особенности страхования ответственности медицинских работников // Медицинское право. – 2016. – № 5. – С. 21 – 25.
223. Оршанский, И. О законных предположениях и их значении // Журнал гражданского и уголовного права. – 1874. – Кн. 5. – С. 1 – 55.
224. Острикова, Л.К. Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 12. – С. 43 – 52.
225. Острикова, Л.К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Lex russica. – 2017. – № 5 (126). – С. 105 – 115.
226. Палиенко, И.В. Пределы деликтной ответственности в российском праве (проблема чистых экономических убытков) // Юридическая наука. – 2019. – № 12. – С. 49 – 52.
227. Пантюхина, И.В. Формы проявления вреда здоровью личности в половых преступлениях (по материалам судебной практики) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 3. – С. 21 – 24.
228. Панюгин, В. Зачет заработка потерпевшего при частичной утрате трудоспособности от увечья // Социалистическая законность. – 1955. – № 4. – С. 21 – 33.
229. Петров, А.Я. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью работника: правовые основы // Хозяйство и право. – 2019. – № 12 (515). – С. 35 – 42.

230. Пиликина, М.Г. Причинная связь как одно из условий возмещения убытков в договорном праве // Бизнес, менеджмент и право. – 2018. – № 3. – С. 25 – 29.
231. Пирвиц, Э. Значение вины в гражданском праве // Журнал Министерства юстиции. – 1895. – Кн. 3. – С. 61– 67.
232. Покачалова, А.С. Правовое регулирование вмененного страхования: финансово-правовой аспект // Финансовое право. – 2022. – № 3. – С. 25 – 30.
233. Полянская, В.А. Психологический компонент морального вреда как предмет судебно-психологической экспертизы // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 1. – С. 59– 62.
234. Попович, М.М. К вопросу о жизни и смерти: гражданско-правовой аспект // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 81 – 86.
235. Попондопуло, В.Ф. Личные неимущественные отношения в системе дуализма регулирования // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 3 (13). – С. 23 – 30.
236. Потеемина, Т.Е. Качество жизни в здравоохранении: критерии, цели, перспективы / Т.Е. Потеемина, С.В. Кузнецова, А.В. Перешеин, О.Ю. Самойлова, О.И. Янушанец // Российский остеопатический журнал. – 2018. – № 3-4. – С. 98 – 106.
237. Прокаев, А.В. Методологическое исследование внедоговорной ответственности и внедоговорного обязательства / А.В. Прокаев, О.Г. Строкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 6 (131). – С. 118 – 135.
238. Пустовалова, И.Н. Современные подходы к методике определения размера компенсации морального вреда / И.Н. Пустовалова, И.А. Валеева // Электронный научный журнал «Век качества». – 2021. – № 3. – С. 189 – 201.
239. Радайде, Д.С. Родовое понятие вреда, видовое по отношению к нему понятие института обязательств вследствие причинения вреда и смежные понятия гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета

имени В.И. Вернадского (Юридические науки). – 2020. – Т. 6 (72). – № 2. – С. 148 – 154.

240. Рассудовский, В.А. Вопросы об имущественном риске в гражданском праве // Советская юстиция. – 1963. – № 18. – С. 11 – 13.

241. Рахмилович, В.А. О противоправности как основании гражданской ответственности // Советское государство и право. – 1964. – № 3. – С. 53 – 62.

242. Редько, Е.П. Соотношение понятий «моральный» и «неимущественный» вред: теоретические и практические аспекты // Мировой судья. – 2008. – № 10. – С. 20 – 23.

243. Рузанова, В.Д. Вопросы разграничения имущественных и неимущественных гражданских правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 14 – 18.

244. Рузанова, Е.В. Вопросы соотношения обязательств вследствие причинения вреда и гражданско-правовой ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 3 (98). – С. 99 – 103.

245. Румянцев, М.Б. Безвиновная ответственность – один из векторов развития деликтного права в России и США // Современное право. – 2011. – № 11. – С. 46 – 49.

246. Румянцев, Н. Взыскание ущерба из причинения вреда // Социалистическая законность. – 1952. – № 10. – С. 58 – 62.

247. Рыбкина, М.В. Ответственность за вред, причиненный врачебной ошибкой жизни и здоровью гражданина / М.В. Рыбкина, О.В. Ковалева // Социология и право. – 2015. – № 4. – С. 101 – 109.

248. Рыбников, С.А. О договоре личного страхования // Советское государство и право. – 1948. – № 1. – С. 66 – 71.

249. Рыженков, А.Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 3. – С. 77 – 85.

250. Рыженков, А.Я. Структурная модель юридического факта в гражданском праве // Современное право. – 2021. – № 6. – С. 66 – 70.
251. Самсонов, Р.А. Апробация метода капитализации доходного подхода к оценке стоимости компенсации вменяемого морального вреда // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 53 – 63.
252. Сараев, Д.В. О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // Юрист. – 2002. – № 7. – С. 3 – 6.
253. Сергиенко, А.А. Некоторые вопросы теории и практики возмещения вреда в связи с причинением увечья рабочим и служащим // Ученые записки Харьковского юридического института. – Вып. 8. – Харьков, 1957. – С. 121 – 141.
254. Сеницын, С.А. Возмещение вреда, причиненного здоровью работника: взгляд с позиций гражданского и трудового права // Хозяйство и право. – 2020. – № 2 (517). – С. 100 – 110.
255. Сеницын, С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 54 – 68.
256. Сеницын, С.А. Личные неимущественные права и безопасность человека в виртуальном пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 13 – 24.
257. Ситдикова, Л.Б. Информация как нематериальное благо // Юрист. – 2007. – № 8. – С. 62 – 64.
258. Слипченко, С.А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. – 2011. – № 2. – С. 42 – 47.
259. Случевская, Ю.А. Экологический вред: проблема определения и оценки // Общество и право. – 2020. – № 4 (74). – С. 19 – 23.
260. Смоленцев, Е. Возмещение вреда, причиненного повреждением здоровья // Социалистическая законность. – 1953. – № 7. – С. 53 – 65.
261. Соболев, С.И. Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 6. – С. 27 – 73.

262. Соломин, С.К. Причинение вреда гражданину вследствие недостатков товаров, работ, услуг: вопросы квалификации / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина // Право и экономика. – 2022. – № 11. – С. 9 – 16.

263. Степанов, С.К. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в ходе контртеррористической операции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2022. – № 5. – С. 43 – 55.

264. Сударев, Г.А. Теоретические модели вины потерпевшего в трудах пандектистов // Вестник гражданского права. – 2022. – № 5. – С. 192 – 235.

265. Сулейменов, М.К. Неимущественные права в законодательстве Казахстана и других постсоветских стран // Неимущественные права: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы: Казахстанский Международный Арбитраж, 2020. – С. 13 – 17.

266. Суханов, Е.А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2006. – Т. 6. – № 2. – С. 5 – 26.

267. Табунщиков, А.Т. Компенсация морального вреда в России и за рубежом: многоаспектность проблемы // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 7 (57). – С. 147 – 155.

268. Табунщиков, А.Т. Правовые проблемы компенсации морального вреда в России и за рубежом / А.Т. Табунщиков, В.А. Бочаров // Образование и право. – 2017. – № 11. – С. 265 – 271.

269. Тарасевич, К.А. О некоторых вопросах определения размера компенсации морального вреда // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 4 (46). – С. 158 – 165.

270. Тархов, В.А. Конституционные отношения // Правоведение. – 1981. – № 2. – С. 20 – 28.

271. Тебряев, А.А. Общее основание и условия возникновения мер ответственности и мер защиты вследствие причинения вреда источником повышенной опасности // Юрист. – 2002. – № 6. – С. 2 – 5.

272. Тепаев, Р.Ф. Синдром боли у детей: диагностика и лечение / Р.Ф. Тепаев, А.Н. Обедин // Педиатрическая фармакология. – 2014. – Т. 11 (6). – С. 86 – 91.
273. Тищенко, Е.В. К вопросу об объекте причинения вреда здоровью // Известия вузов: Северо-Кавказский регион. – 2005. – № 7. – С. 84 – 87.
274. Торкин, Д.А. Возмещение убытков и гражданско-правовая ответственность в условиях рыночной экономики // Современное право. – 2014. – № 2. – С. 85 – 89.
275. Торкин, Д.А. Теории возмещения договорных убытков в странах англо-американской правовой системы // Российский юридический журнал. – 2020. – № 3 (132). – С. 91 – 106.
276. Трифонова, Е.В. Компенсация морального вреда в современном гражданском праве / Е.В. Трифонова, Ю.Л. Шумских // Право в современном мире: сборник статей. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 300 – 305.
277. Трофимова, Г.А. Моральный вред: сущность, основания возникновения и объем // Законодательство и экономика. – 2016. – № 7. – С. 22 – 30.
278. Трофимова, Т.В. Системный подход к классификации личных неимущественных прав в гражданском праве // Вестник Омского государственного университета. – Серия Право. – 2008. – № 3. – С. 179 – 183.
279. Туктаров, Ю.Е. Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006. – С. 138 – 168.
280. Ульбашев, А.Х. Институт личных прав в гражданском законодательстве постсоветских стран // Законодательство. – 2022. – № 1. – С. 61 – 67.
281. Ульбашев, А.Х. Осуществление и защита личных прав // Законодательство. – 2017. – № 9. – С. 10 – 22.

282. Утевский, Б. Возмещение неимущественного вреда как мера социальной защиты // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – № 35. – С. 1083 – 1084.

283. Фаст, И.А. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги 25 лет существования института в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 5 (36). – С. 58 – 75.

284. Филатова, О.Н. Категория «Вред здоровью»: вопросы теории и практики // Вестник ТГУ (Гуманитарные науки. Право). – 2008. – № 2. – С. 472 – 479.

285. Флейшиц, Е.А. Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья // Ученые записки ВИЮН. – Вып. 1. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 3 – 99.

286. Фогельсон, Ю.Б. Деликтные обязательства и страхование деликтной ответственности. Проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 7. – С. 15 – 20.

287. Фогельсон, Ю.Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции (стандарты доказывания, возмещение вреда жизни или здоровью) // Закон. – 2020. – № 1. С. 160 – 170.

288. Фрунзэ, Ю. Возмещение ущерба в случае потери благоприятной возможности, как новый институт гражданского права Республики Молдова / Ю. Фрунзэ, О. Татар // Studii și cercetări juridice. – 2020. – № 1. – С. 85 – 99.

289. Халабуденко, О.А. К вопросу о понятии «обязательство» и систематизации правового материала, посвященного обязательственному праву, в европейской правовой культуре // Проблемы гражданского права и процесса: сборник статей / под ред. И.Э. Мартыненко. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2017. – С. 267 – 284.

290. Ханукаев, Ю.Э. Место и значение обычая в регулировании отношений, связанных с осуществлением нематериальных благ в РФ // Нотариус. – 2017. – № 5. – С. 20 – 22.

291. Хаскельберг, Б.Л. Некоторые вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью граждан при исполнении трудовых обязанностей // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе: сборник статей. – Томск, 1982. – С. 99 – 100.

292. Шевченко, Г.Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве // Современное право. – 2017. – № 3. – С. 67 – 74.

293. Шипова, Е.А. Анализ правового регулирования и функционирования саморегулирования в здравоохранении в России и за рубежом // Гражданское право. – 2020. – № 2. – С. 41 – 43.

294. Шлеинов, А.А. Безвиновная гражданско-правовая юридическая ответственность в гражданском праве РФ на примере ответственности за причиненный моральный вред // Юридические исследования. – 2020. – № 3. – С. 48 – 64.

295. Щербачева, Л.В. Соотношение суброгации и регресса в гражданском праве России // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 4. – С. 161 – 165.

296. Хлыстак, Е. Объем возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья при исполнении договорных обязательств // Правосудие в Хакасии. – 2007. – № 7. – С. 16 – 24.

297. Хужин, А.М. Современные подходы к определению предмета и метода гражданского права // Российский правовой журнал. – 2021. – № 1. – С. 69 – 74.

298. Ческис, Г.И. Вопросы установления объема возмещения вреда в делах о причинении увечья // Труды Иркутского государственного университета. – Вып. 3 (т. 22). – Иркутск, 1957. – С. 150 – 164.

299. Чуб, А. Правовые инициативы страховщиков // Современные страховые технологии. – 2021. – № 3. – С. 70 – 77.

300. Чугункин, Е.В. Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги, как специальный деликт в российском

гражданском праве / Е.В. Чугункин, Р.Д. Панкин // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – 2016. – № 5. – С. 136 – 141.

301. Чулюкова, С.А. К проблеме правового регулирования возмещения вреда, причинённого жизни гражданина // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 9 (165). – С. 94 – 99.

302. Шаргородский, М.Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. – 1956. – № 7. – С. 38 – 51.

303. Шиминова, М.Я. Имущественная ответственность за моральный вред // Советское государство и право. – 1970. – № 1. – С. 118 – 122.

304. Шевченко, Г.Н. Регресс и суброгация в российском гражданском праве // Вестник Омского университета. Право. – 2021. – № 3. – С. 45 – 52.

305. Шевчук, Е.П. Порядок исполнения обязательства по возмещению вреда здоровью гражданина, причиненного при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 1 (84). – С. 53 – 57.

306. Шевчук, Е.П. Проблемы определения размера возмещения вреда, причиненного здоровью при оказании медицинских услуг // Глаголь правосудия. – 2015. – № 2 (10). – С. 10 – 14.

307. Шепель, Т.В. Переосмысление назначения института обязательств из причинения вреда в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 42. – С. 188 – 200.

308. Шепель, Т.В. Соотношение договорной и деликтной ответственности медицинской организации перед пациентом // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 38. – С. 153 – 162.

309. Эрделевский, А.М. Моральный вред: соотношение с другими видами вреда // Российская юстиция. – 1998. – № 6. – С. 19 – 21.

310. Эрделевский, А.М. О праве близких потерпевшего на компенсацию морального вреда // Хозяйство и право. – 2019. – № 11. – С. 63 – 68.

311. Эрделевский, А.М. О презумпции причинения морального вреда // Хозяйство и право. – 2017. – № 11. – С. 102 – 108.

Монографии, учебная литература

312. Александров, Н.Г. Законность и правоотношение в социалистическом обществе. – М.: Госюриздат, 1955. – 176 с.
313. Алексеев, С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. – Т. 1. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1959. – 336 с.
314. Анненков, К. Система русского гражданского права. Т. IV. Отдельные обязательства. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1904. – 649 с.
315. Ансон, В. Договорное право. – М.: Юрид. лит., 1984. – 463 с.
316. Антимонов, Б.С. Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. – М.: Госюриздат, 1952. – 295 с.
317. Белицкая, А.В. Комментарий к Федеральному закону от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном». – М.: Юстицинформ, 2013. – 180 с.
318. Белов, В.А. Гражданское право. Т. 1: Общая часть. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2016. – 622 с.
319. Белякова, А.М. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности: Ответственность владельца источника повышенной опасности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 56 с.
320. Белякова, А.М. Возмещение причиненного вреда (отдельные вопросы). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 103 с.
321. Беляцкин, С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. – М.: Городец, 1997. – 64 с.
322. Болдырев, В.А. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина: учебное пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2006. – 108 с.
323. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2008. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 14.01.2024).

324. Брагинский, М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. – 840 с.
325. Братусь, Д.В. Организационные авторские права / под общ. ред. Б.М. Гонгало. – Москва: Статут, 2022. – 238 с.
326. Варкалло, В. Ответственность по гражданскому праву. Возмещение вреда: функции, виды, границы / под ред. С.Н. Братуся. – М.: Прогресс, 1978. – 327 с.
327. Варшавский, К.М. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда другому. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – 228 с.
328. Волос, А.А. Принципы обязательственного права: монография. – М.: Статут, 2016. – 176 с.
329. Власов, А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 343 с.
330. Внедоговорные охранительные обязательства: учебное пособие / под ред. А.В. Головизнина. – М.: Юстицинформ, 2015. – 238 с.
331. Вормс, А.Э. Зачет пенсий и страховых сумм при исчислении вознаграждения за телесные повреждения. – СПб.: Известия Санкт-Петербургского политехнического института, 1909. – Т. XII. – 70 с.
332. Гавзе, Ф.И. Возмещение вреда, причиненного механизированным транспортом. – Минск: Университетское, 1988. – 46 с.
333. Голубев К.И., Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности / К.И. Голубев, С.В. Нарижний. – СПб.: Литагент «Юридический центр», 2004. – 327 с.
334. Государство. Право. Экономика / отв. ред. В.М. Чхиквадзе; АН СССР, Институт государства и права. – М.: Юрид. лит., 1970. – 488 с.
335. Граве, К.А. Страхование / К.А. Граве, Л.А. Лунц. – М.: Госюриздат, 1960. – 176 с.
336. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт, 2023. – 484 с.

337. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт, 2019. – 525 с.
338. Гражданское право / под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. – Т. 1. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. – 419 с.
339. Гражданское право / под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. – Т. 2. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 319 с.
340. Гражданское право: учебник / отв. ред. С.С. Алексеев. – М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. – 528 с.
341. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева. – М.: РГ-Пресс, 2012. – Т. 1. – С. 1006 с.
342. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби; Проспект, 2003. – Т. 1. – 784 с.
343. Гражданское право: учебник / под ред. О.Н. Садикова. – Т. I. – М.: Контракт; Инфра-М, 2006. – Т. 1. – 493 с.
344. Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – СПб.: Теис, 1996. – Ч. 1. – 550 с.
345. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2018. – Т. 1. – 528 с.
346. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2017. – Т. 2. – 602 с.
347. Гражданско-правовое положение личности в СССР / под ред. Малеина Н.С. – М.: «Наука», 1975. – 399 с.
348. Гражданское Уложение. Книга пятая: Обязательства: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. – СПб.: тип. Правительствующего Сената, 1899. – 212 с.
349. Грибанов, В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 283 с.
350. Гришаев, С.П. Постатейный комментарий к Разделу IV «Отдельные виды обязательств» части второй Гражданского кодекса Российской Федерации /

С.П. Гришаев, Ю.П. Свит, Т.В. Богачева. – М.: Новая правовая культура, 2021. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

351. Гуляев, А.М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. Сената и проекта Гражданского уложения (издание 4-ое, пересмотренное и дополненное). – СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1913. – 638 с.

352. Дементьев, Е.М. Законы о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев. – СПб.: тип. В.О. Киршбаума, 1909. – 269 с.

353. Добрачев, Д.В. Развитие института возмещения убытков в свете модернизации российского гражданского законодательства. – М.: Юстицинформ, 2012. – 224 с.

354. Добровинская, А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 160 с.

355. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Г. Карапетова. – М.: Статут, 2017. – 1120 с.

356. Дождев, Д.В. Правовое общение: опыт римского права. – М.: Институт государства и права РАН, 2012. – 68 с.

357. Донцов, С.Е. Ответственность за вред, причиненный личности / С.Е. Донцов, М.Я. Маринина. – М.: Юрид. лит., 1986. – 160 с.

358. Дюбко, Е.Г. Защита нематериальных благ и неимущественных прав граждан и юридических лиц в гражданском праве России. – М.: «Дашков и К^о», 2014. – 166 с.

359. Дювернуа, Н.Л. Конспект лекций по русскому гражданскому праву. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – 425 с.

360. Егоров, К.В. Медицинское право: учебное пособие / К.В. Егоров, А.С. Булнина, Г.Х. Гараева. – М.: Статут, 2019. – 190 с.

361. Егоров, Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 174 с.
362. Егорова, М.А. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве / М.А. Егорова, В.Г. Крылов, А.К. Романов: учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2017. – 376 с.
363. Ефремов, А.В. Актуальные правовые особенности, возникающие на практике при реализации (осуществлении) публично-правовых способов возмещения вреда, причиненного здоровью военнослужащих (2016). – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
364. Змирлов, К.П. Вознаграждение за вред и убытки, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных железнодорожными и пароходными предприятиями, по решениям Правительствующего Сената. – СПб.: Сенатская типография, 1908. – 200 с.
365. Илларионова, Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. – 168 с.
366. Иоффе, О.С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
367. Иоффе, О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 1955. – 310 с.
368. Иоффе, О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. – Л.: изд-во ЛГУ, 1958. – С. 511 с.
369. Иоффе, О.С. Основы советского гражданского законодательства / О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой. – Л.: изд-во ЛГУ, 1962. – 216 с.
370. Козацкая, В.Э. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие / В.Э. Козацкая, А.И. Мачкасов. – Рязань: Академия ФСИН России, 2017. – 147 с.
371. Комаров, А.С. Ответственность в коммерческом обороте. – М.: Юрид. лит., 1991. – 208 с.

372. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части II (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 987 с.
373. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. – 728 с.
374. Кофман, В.И. Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2011. – 590 с.
375. Красавчиков, О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М.: Юрид. лит., 1966. – 200 с.
376. Красавчиков, О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. – Т. 1. – М.: Статут, 2005. – 492 с.
377. Кривцов, А.С. Общее учение об убытках. – Юрьев: типография К. Маттисена, 1902. – 219 с.
378. Кубанцев, С.П. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование: практическое пособие / С.П. Кубанцев, А.С. Автономов, В.Ю. Артемов, И.С. Власов. – М.: Контракт, 2016. – 304 с.
379. Кузнецова, О.В. Возмещение морального вреда: практическое пособие. – М.: Юстицинформ, 2009. – 152 с.
380. Лазаревский, Н.И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. – СПб.: тип. Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1905. – 712 с.
381. Либанова, С.Э. Гражданско-правовая ответственность: взыскание убытков: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2020. – 171 с.
382. Литвинов-Фалинский, В.П. Новые законы о страховании рабочих. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1912. – 364 с.
383. Литвинов-Фалинский, В.П. Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующим в России законам. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1903. – 382 с.
384. Литвинов-Фалинский, В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1900. – 365 с.

385. Лукьяненко, М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. – М.: Статут, 2010. – 423 с.
386. Майданик, Л.А. Материальная ответственность за повреждение здоровья / Л.А. Майданик, Н.Ю. Сергеева. – М.: Госюриздат, 1962. – 216 с.
387. Манджиев, А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. – М.: Статут, 2017. – 192 с.
388. Малейн, Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности. – М.: Юрид. лит., 1965. – 230 с.
389. Малейн, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – М.: Юрид. лит., 1985. – 192 с.
390. Малейна, М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: МЗ «Пресс», 2000. – 242 с.
391. Матвеев, Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М.: Юрид. лит., 1970. – 312 с.
392. Махиборода, М.Н. Общие положения гражданско-правовой ответственности на транспорте как источнике повышенной опасности по законодательству Российской Федерации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 95 с.
393. Новицкий, И.Б. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями: Опыт обобщения арбитражной и судебной практики. – М.: Госюриздат, 1952. – 184 с.
394. Новицкий, И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – М.: Госюриздат, 1954. – 416 с.
395. Нолькен, А.М. Законы о вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных, общественных и казенных: практическое руководство. – СПб.: Изд. Юридическое книжного склада «Право», 1911. – 326 с.
396. Поздняков, В.С. Правовое регулирование отношений по внешней торговле СССР / В.С. Поздняков, О.Н. Садиков. – М.: Междунар. отношения, 1985. – Ч. I. – 192 с.
397. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 2020 (Классика российской цивилистики.). – 351 с.

398. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984. – 224 с.
399. Райхер, В.К. Общественно-исторические типы страхования. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – 282 с.
400. Родионова, О.М. Механизм гражданско-правового регулирования: деятельностно-догматический подход: монография. – М.: Статут, 2013. – 436 с.
401. Романов, А.К. Деликтная ответственность в английском праве. – М.: Ин-т МИРБИС, 2011. – 282 с.
402. Российское гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – Т. 1. – 958 с.
403. Российское гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – Т. 2. – 1208 с.
404. Садилов, О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Статут, 2009. – 221 с.
405. Сарбаш, С.В. Элементарная догматика обязательств: учебное пособие. – М.: Статут, 2016. – 336 с.
406. Семенова, А.Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. – 58 с.
407. Серебровский, В.И. Очерки советского страхового права. – М.: Госиздат, 1926. – 184 с.
408. Слесарев, В.Л. Объект и результаты гражданского правонарушения. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980. – 167 с.
409. Смирнов, В.Т. Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья и смерти работникам. – М.: Госюриздат, 1957. – 231 с.
410. Смирнов, В.Т. Общее учение о деликтных обязательствах / В.Т. Смирнов, А.А. Собчак. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 152 с.
411. Снежко, О.А. Защита социальных прав граждан: теория и практика: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 274 с.

412. Соломин, С.К. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина. – М.: Юстицинформ, 2019. – 140 с.
413. Соломин, С.К. Добросовестность в гражданском праве: монография / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина. – М.: Юстицинформ, 2018. – 144 с.
414. Соломин, С.К. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина. – М.: Юстицинформ, 2022. – 168 с.
415. Социальное гражданское право в его основополагающих институтах / отв. ред. К.М. Некрашевич. – М.: Статут, 2022. – 190 с.
416. Старчиков, М.Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика. – М.: Инфотропик Медиа, 2016. – 196 с.
417. Стеценко, С.Г. Медицинское право: учебник. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 567 с.
418. Стучка, П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1: Введение в теорию гражданского права. – М.: Соцэкгиз, 1931. – 260 с.
419. Сятчихин, А.В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве. – М.: Проспект, 2020. – 232 с.
420. Тагайназаров, Ш.Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. – Душанбе: Дониш, 1990. – 213 с.
421. Тархов, В.А. Гражданское право. Общая часть: курс лекций. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. – 331 с.
422. Тархов, В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 456 с.
423. Толстой, В.С. Личные неимущественные правоотношения. – М.: Элит, 2006. – 214 с.
424. Томсинов, А.В. Понятие договорных убытков в праве Англии, США и России. – М., 2010. – 179 с.

425. Трегубов, С.Л. Методика и практика судебно-медицинской экспертизы трудоспособности. – М.: Медгиз, 1960. – 224 с.
426. Тютрюмов, И.М. Гражданское право. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1922. – 548 с.
427. Тютрюмов, И.М. Законы гражданские. Том I. – Петроград, издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1915. – 1413 с.
428. Тютрюмов, Р. Фабричное законодательство в России. – М.: «Полезьа» В. Антик и Ко, 1908. – 117 с.
429. Ульбашев, А.Х. Общее учение о личных правах. – М.: Статут, 2019. – 225 с.
430. Флейшиц, Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. – М.: Юрид. лит., 1951. – 239 с.
431. Фогельсон, Ю.Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 576 с.
432. Хохлов, В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. – М.: Статут, 2015. – 288 с.
433. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права: учебник / под ред. В.Г. Стрекозова. – М.: Омега-Л, 2015. – 323 с.
434. Цвайгерт, К. Сравнительное частное право: в 2-х тт. – Том II. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М.: Международные отношения, 2010. – 728 с.
435. Чурилов, А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография. – М.: Юстицинформ, 2019. – 200 с.
436. Шварц, Х.И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 64 с.
437. Шевченко, А.С. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие / А.С. Шевченко, Г.Н. Шевченко. – М.: Статут, 2013. – 133 с.

438. Шепель, Т.В. Внедоговорное охранительное обязательство: учебное пособие. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. – 172 с.

439. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М.: Спарк, 1995. – 556 с.

440. Шиминова, М.Я. Возмещение вреда, причиненного здоровью. – М.: Московский рабочий («Беседы о советском законе»), 1972. – 118 с.

441. Шиминова, М.Я. Компенсация вреда гражданам: гражданско-правовое регулирование. – М.: Наука, 1979. – 184 с.

442. Эрделевский, А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: Изд. дом «Форум»: ИНФРА-М, 1997. – 239 с.

443. Яблочков, Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Т. II. – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1911. – 612 с.

444. Яичков, К.К. Права, возникающие в связи с потерей здоровья. – М.: Наука, 1964. – 167 с.

445. Яковлев, В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. – Кн. 1. – М.: Статут, 2012. – 976 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

446. Горшенков, Г.Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Горшенков Геннадий Геннадьевич. – Нижний Новгород, 1996. – 178 с.

447. Гурвичюте, Х.О. Договор имущественного страхования в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / Гурвичюте Хана Ошеровна. – М., 1954. – 198 с.

448. Корсаненкова, Ю.Б. Межотраслевые связи права социального обеспечения: современное состояние и их влияние на дальнейшее развитие отрасли: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / Корсаненкова Юлия Борисовна. – М., 2021. – 429 с.

449. Михно, Е.А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.03 / Михно Елена Александровна. – СПб., 1998. – 204 с.

450. Моисеева, С.Ф. Возмещение вреда, причинённого здоровью и жизни военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.03 / Моисеева Светлана Федоровна. – Волгоград, 2014. – 192 с.

451. Монастырский, Ю.Э. Возмещение убытков в гражданском праве России: дис. ... д-ра юрид. наук; 12.00.03 / Монастырский Юрий Эдуардович. – Севастополь, 2020. – 357 с.

452. Пузырева, А.А. Пределы использования частнопроводных конструкций в праве социального обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.05 / Пузырева Александра Александровна. – Омск, 2020. – 235 с.

453. Сергун, А.К. Обязательства, возникающие вследствие повреждения здоровья или причинения смерти: дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.03 / Сергун Алла Константиновна. – М., 1952. – 146 с.

454. Темникова, Н.А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребенка в семейном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.03 / Темникова Наталья Александровна. – Екатеринбург, 2006. – 166 с.

455. Шакурова, Н.К. Обязательства по возмещению вреда, причинённого деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих: дис. ... канд. юрид. наук; 5.1.3 / Шакурова Наиля Камилевна. – Казань, 2022. – 192 с.

Научные статьи, монографии,

учебная литература, диссертации на иностранных языках

456. Alpa, G. Il «danno biologico»: parabola o evoluzione di un progetto di politica del diritto? // Argomenti di Diritto del Lavoro. – 2000. – Vol. 5 (2). – P. 170 – 174.

457. Alshaibani, M. Compensatory Damages Granted in Personal Injuries: Supplementing Islamic Jurisprudence with Elements of Common Law: thesis doctoral. – Bloomington, 2017. – 193 p.

458. Altwicker-Hámori, S. Measuring violations of human rights: An empirical analysis of awards in respect of non-pecuniary damage under the European Convention on Human Rights / S. Altwicker-Hámori, T. Altwicker, A. Peters // Heidelberg Journal of International Law (HJIL). – 2016. – Vol. 76. – P. 1 – 51.

459. Angel, P. L'indemnisation des victimes d'accidents de la circulation en Europe: recueil des travaux du Groupe de recherche européen sur la responsabilité civile et l'assurance (GRERCA) / Groupe de recherche européen sur la responsabilité civile et l'assurance / P. Angel, O. Berg, B. Coninck, M. Martin-Casals, O. Gout, V. Forti et al. – Bruxelles: Bruylant, 2015. – 281 p.

460. Arbatskaya, M. Liability or labeling? Regulating product risks with costly consumer attention / M. Arbatskaya, M.V. Aslam // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2018. – № 154. – P. 238 – 252.

461. Arcadio, D. Les bons ouvriers ont toujours de bons outils (ou comment améliorer les outils de la réparation du dommage corporel), colloque La réparation du dommage corporel à l'épreuve de l'unification des pratiques // Gazette du Palais. – 2011. – Vol. 358. – P. 16 – 25.

462. Askeland, B. Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective / B. Askeland, W. Cardi, M.D. Green et al. – Vein: Jan Sramek Verlag, 2015. – 912 p.

463. Asakura, T. The ecosystem approach to health is a promising strategy in international development: lessons from Japan and Laos / T. Asakura, H. Mallee, S. Tomokawa et al. // Global Health. – 2015. – Vol. 11 (1). – P. 1 – 8.

464. Bal, B.S. An Introduction to Medical Malpractice in the United States // Clinical Orthopaedics and Related Research. – 2009. – Vol. 467 (2). – P. 339 – 347.

465. Balakrishnan, S. Compensation for road crashes – is it sufficient? // MedCrave Online Journal of Civil Engineering. – 2018. – Vol. 4 (4). – P. 248 – 250.

466. Bale, A. Medicine in the industrial battle: Early workers' compensation // Social Science & Medicine. – 1989. – Vol. 28 (11). – P. 1113 – 1120.

467. Barbu, F.O. The Objective Civil Liability for The Environmental Damage // Multidimensional Education and Professional Development: Ethical Values:

collection of materials / ed. by A. Sandu, T. Ciulei, A. Frunza. – Targoviste: Future Academy, 2017. – Vol. 27. – P. 53 – 57.

468. Barrett, B.F. Environmental policy and impact assessment in Japan / B.F. Barrett, R. Therivel. – London: Routledge, 2019. – 314 p.

469. Barrett, J. Damages: For loss of consortium and servitium // Precedent. – 2019. – Vol. 151. – P. 34 – 37.

470. Baumann, F. Products liability, consumer misperceptions, and the allocation of consumers to firms / F. Baumann, T. Friehe // Economics Letters. – 2020. – № 185. – P. 65 – 75.

471. Baumann, F. Product Liability and Reasonable Product Use / F. Baumann, A. Rasch. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3739876 (дата обращения: 14.01.2024).

472. Бесх, I. De rol van veroorzaker en verzekeraar bij excuses aan verkeersslachtoffers // Tijdschrift voor Herstelrecht. – 2019. – Vol. 19. – P. 68 – 74.

473. Бесх, I. Herstelrecht op het terrein van verkeersongevallen // Recht der Werkelijkheid. – 2020. – Vol. 41. – P. 78 – 85.

474. Beever, A. A Theory of Tort Liability. – London: Bloomsbury Publishing, 2016. – 272 p.

475. Berryman, J. Non-Pecuniary Damages – In Search of a Purpose (2021). – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4023466 (дата обращения: 14.01.2024).

476. Bisneto, D.C. A reparação adequada de danos extrapatrimoniais individuais: alcance e limites das formas não pecuniárias de reparação. – Salvador: Universidade Federal da Bahia, 2018. – 186 p.

477. Blanquet, B. Le délit: un langage adressé / B. Blanquet, C. Vaz-Cerniglia // Adolescence. – 2018. – Vol. 361. – P. 97 – 99.

478. Bloechle, C. Quality of life in chronic pancreatitis – results after duodenum-preserving resection of the head of the pancreas / C. Bloechle, J.R. Izbicki, W.T. Knoefel et al. // Pancreas. – 1995. – Vol. 11 (1). – P. 77 – 85.

479. Bocharov, T. Is there a «compensation culture» in contemporary Russia? The role of liability insurance, non-pecuniary damages, and legal profession in personal injury litigation // *Oñati Socio-Legal Series*. – 2021. – Vol. 11. – № 2. – P. 557 – 589.
480. Bonifacio, P. Il risarcimento del «nuovo» danno non patrimoniale e la sua funzione. – Roma: Luiss Academy, 2016. – 274 p.
481. Bouvet, R. Le préjudice d’anxiété né de l’usage d’un produit de santé défectueux / R. Bouvet, M. Cardinal, T. Schütze // *Revue générale de droit medical*. – 2017. – Vol. 62. – P. 65 – 86.
482. Brennan, T. Incidence of Adverse Events and Negligence in Hospitalized Patients - Results of the Harvard Medical Practice Study I / T. Brennan, L. Leape, N. Laird, L. Hebert, A. Localio, A. Lawthers et al. // *The New England journal of medicine*. – 1991. – Vol. 324. – P. 370 – 376.
483. Bylykbashi, J. Biological Damage, as a Special Figure of Non-pecuniary Damage and Problems Encountered in Albanian Jurisprudence / J. Bylykbashi, E. Dervishi // *Journal of International Cooperation and Development*. – 2019. – Vol. 2 (2). – P. 92 – 109.
484. Carnelutti, F. Il Danno e il Reato. – Padova: C.E.D.A.M, 1926. – 133 p.
485. Castellano, A. Product liability under ambiguity / A. Castellano, F. Tohmé, O.O. Chisari // *European Journal of Law and Economics*. – 2020. – № 49. – P. 473 – 487.
486. Castillo, J.G. Products liability in Europe and the United States // *Revista Chilena de Derecho*. – 2012. – № 39 (2). – P. 277 – 296.
487. Cek, N. The Standards of Proof in Medical Malpractice Cases // *Medicine, Law & Society*. – 2020. – Vol. 13(2). – P. 173 – 196.
488. Cendon, P. Il caso Barillà: perché sì al danno esistenziale secondo la Cassazione penale. – Milano: Key, 2022. – 65 p.
489. Çevik, I. Schockschaden und Hinterbliebenengeld nach deutschem Recht und Angehörigenschmerzensgeld nach türkischem Recht // *European Review of Private Law*. – 2018. – Vol. 26 (3). – P. 341 – 369.

490. Chandra, M. Progress in Medicine: Compensation and medical negligence in India: Does the system need a quick fix or an overhaul? / M. Chandra, S. Bada Math // *Annals of Indian Academy of Neurology*. – 2016. – Vol. 19 (1). – P. 21 – 27.
491. Chen, H. Comparative study on the strands of research on the governance model of international occupational safety and health issues / H. Chen, C. Hou, L. Zhang, S. Li // *Safety Science*. – 2020. – Vol. 122. – P. 25 – 35.
492. Cirfera, V. Danno biologico persistente: il presupposto dottrinale / V. Cirfera, C. Prete, M. Polo, G. Muci // *Pratica Medica & Aspetti Legali*. – 2013. – Vol. 7 (3). – P. 67 – 73.
493. *Comparative Tort Law* / ed. by M. Bossani, A.J. Sebok. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. – 584 p.
494. Collet, L. Conséquences anormales des accidents médicaux non fautifs: Jurisprudence du Conseil d'État // *Bulletin de l'Académie Nationale de Médecine*. – 2020. – Vol. 204 (6). – P. 598 – 603.
495. *Covid-19 and Insurance* / ed. by M. Paredes, A. Tarasiuk. – Cham: Springer, 2023. – 343 p.
496. Daller, D. *Product Liability Desk Reference: A Fifty-State Compendium*. – New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2020. – 1146 p.
497. *Damages and Compensation Culture: Comparative Perspectives* / ed. by E. Quill, R.J. Friel. – Oxford: Hart Publishing, 2019. – 360 p.
498. Deakin, S.F. *Markesinis and Deakin's Tort Law* / S.F. Deakin, Z. Adams, B. Markesinis. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 912 p.
499. De Cupis, A. *Il danno: teoria generale della responsabilità civile*. – Roma: Bosch, 1975. – 852 p.
500. Deffains, B. Laws and norms: Experimental evidence with liability rules / B. Deffains, R. Espinosa, C. Fluet // *International Review of Law and Economics*. – 2019. – Vol. 60. – P. 44 – 48.
501. D'Errico, S. No-fault compensation program for COVID-19 vaccines as feasibility and wisdom of a policy instrument to mitigate vaccine hesitancy /

S. D'Errico, M. Zanon, M. Concato et al. // *Vaccines*. – 2021. – Vol. 9. – № 10. – P. 1 – 14.

502. Dorey, D.L. The calculation of damages for bodily injury claims / D.L. Dorey, B.L. Rentiers. – Vancouver: Dolden Wallace Folick LLP, 2014. – 27 p.

503. Douglas, S. Work Life Expectancy and Loss of Future Earnings: A Review / S. Douglas, G. Laing, G. Watt // *The Journal of New Business Ideas & Trends*. – 2019. – Vol. 17 (2). – P. 1 – 10.

504. Dyer, K. Concentrate Questions and Answers Tort Law: Law Q&A Revision and Study Guide. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 240 p.

505. European Tort Law Yearbook / ed. by E. Karner, B.C. Steininger. – Berlin: Walter de Gruyter, 2019. – 804 p.

506. Faunce, T. The High Court's Lost Chance in Medical Negligence / T. Faunce, A. McEwan // *Journal of Law & Medicine*. – 2010. – Vol. 18. – № 2. – P. 272 – 283.

507. Faure, M. Compensation for Environmental Damage in China: Theory and Practice / M. Faure, L. Jing // *Pace Environmental Law Review*. – 2014. – Vol. 31. – P. 226 – 309.

508. Faure, M. Shifts in Compensation for Environmental Damage / M. Faure, A. Verheij. – Vienna; New York: Springer, 2007. – 338 c.

509. Fischer, K. Verjährung von Schadenersatzansprüchen wegen Behandlungsfehler // *GesundheitsRecht*. – 2020. – Vol. 19. – P. 516 – 521.

510. Folmer, C.P. Beyond Compensation? Examining the Role of Apologies in the Restoration of Victims' Needs in Simulated Tort Cases / C.P. Folmer, P.M. Desmet, W.H. Boom // *Law and Human Behavior*. – 2018. – Vol. 43 (4). – P. 329 – 383.

511. Fox, K.A. Defining the Construct of Malingered PTSD in Civil Litigation: A Confirmatory Factor Analysis. – Houston: University of Houston, 2020. – 77 p.

512. Frezza, E.E. The Moral Distress Syndrome Affecting Physicians. – New York: Productivity Press, 2020. – 232 p.

513. Friehe, T. Products liability when consumers are salient thinkers / T. Friehe, C.L. Pham // *Economics Letters*. – 2020. – № 186. – P. 44 – 48.

514. Fu, B. Legal advice on the Chinese compensatory fund system for oil pollution damage caused by ships from the perspective of marine environmental governance / B. Fu, H. Li // Policy and practice review. – 2023. – Vol. 9. – P. 1083624.
515. Fuchs, M. Delikts-und Schadensersatzrecht: textbook / M. Fuchs, W. Pauker, A. Baumgärtner. – Springer-Verlag: Berlin, 2017. – 494 p.
516. García, P. El Trabajo Doméstico En El Derecho Europeo De Daños (Housekeeping Capacity and Tort Law in Europe) // InDret. – 2014. – Vol. 4. – P. 3 – 54.
517. Gilmore, G. The Death of Contract. – Columbus: Ohio State University Press, 1974. – 151 p.
518. Glanzmann, P. Schlichtungsstellen und Gutachterkommissionen für Fragen ärztlicher Haftpflicht // Der Orthopäde. – 2021. – Vol. 50. – P. 159 – 161.
519. Goldberg, J. Twentieth Century Tort Theory // Georgetown Law Journal. – 2002. – Vol. 90. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=347340 (дата обращения: 14.01.2024).
520. Goodman, J.L. A guide to understanding the economic loss doctrine / J.L. Goodman, D.R. Peacock, K.J. Rutan // Drake Law Review. – 2019. – Vol. 67. – P. 1 – 57.
521. Goudkamp, T. Damages for pain and suffering in the UK and Europe // Precedent. – 2021. – Vol. 163. – P. 33 – 37.
522. Gras, P.M. Proposition pour une indemnisation concrète du DFT / P.M. Gras, B. Guillon // Gazette du Palaisn. – 2011. – Vol. 197. – P. 15 – 18.
523. Guegan-Lecuyer, A. La distinction de préjudices temporaires et permanents: l'exemple du déficit fonctionnel // Gazette du Palaisn. – 2014. – Vol. 361. – P. 25 – 29.
524. Guerra, R. Notas sobre el perjuicio sexual como un tipo de daño moral o daño no patrimonial civilmente indemnizable. Comentario a la sentencia de la Corte Suprema de fecha 30 de abril de 2020, dictada en autos rol 33.598-2018 // Ius et Praxis. – 2021. – Vol. 27 (3). – P. 303 – 315.

525. Hamonet, C. Pour une nouvelle méthodologie et une humanisation de l'expertise médicale // *Gazette du Palaisn.* – 2008. – Vol. 110. – P. 62 – 65.

526. Hanvold, T.N. Occupational Safety and Health Among Young Workers in the Nordic Countries: A Systematic Literature Review / T.N. Hanvold, P. Kines, M. Nykänen, S. Thomée, K.A. Holte, J. Vuori et al. // *Safety and Health at Work.* – 2019. – Vol. 10 (1). – P. 3 – 20.

527. Harder, S. Compensation for the Cost of a Surrogacy Arrangement in Personal Injury Cases // *Bond Law Review.* – 2021. – Vol. 33 (1). – P. 93 – 118.

528. Hardy, S. Social Security Law in the United Kingdom. – The Netherlands: Kluwer Law International B.V., 2019. – 280 p.

529. Hoed, J. Scheidslijnen tussen kansschade, proportionele aansprakelijkheid en de omkeringsregel: Enkele praktische opmerkingen over verschillen tussen deze drie leerstukken naar aanleiding van HR 27 oktober 2017, ECLI:NL:HR:2017:2786 // *Maandblad voor Vermogensrecht.* – 2018. – Vol. 16. – P. 189 – 201.

530. Hoffman, W. Guide to product liability in Europe / W. Hoffman, S. Hill-Arning. – Vienna: Springer, 2020. – 272 p.

531. Horsey, K. Tort Law / K. Horsey, E. Rackley. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 752 p.

532. Horton, J. Parametric Insurance as an Alternative to Liability for Compensating Climate Harms // *Carbon & Climate Law Review.* – 2018. – Vol. 12. – № 1. – P. 285 – 296.

533. Husaini, M.F. An Analysis of Inconsistent Methodology to Compute Permanent Future Nursing Care Costs in Personal Injury Claim / M.F. Husaini, K. Salleh // *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities.* – 2021. – Vol. 29. – P. 1 – 16.

534. Jagadish, G. Estimating the Human Cost of Transportation Accidents: Methodologies and Policy Implications. – Amsterdam: Elsevier, 2020. – 224 p.

535. Jerstad, C.A. Oppjustering av erstatningsnivå ved hjelp av G-regulering–betydningen av HR-2022-980-A // *Tidsskrift for erstatningsrett, forsikringsrett og trygderett.* – 2023. – Vol. 3. – P. 162 – 178.

536. Kaffash, S. A survey of data envelopment analysis applications in the insurance industry 1993–2018 / S. Kaffash, R. Azizi, Y. Huang, J. Zhu // *European Journal of Operational Research*. – 2020. – Vol. 284 (3). – P. 801 – 813.

537. Karapanou, V. Towards a Better Assessment of Pain and Suffering Damages / V. Karapanou, L. Visscher // *Journal of European tort law*. – 2010. – Vol. 1 (1). – P. 48 – 74.

538. Kasperska, M. Personality Rights – A Universal Tool for the Recovery of Non-Pecuniary // *Athens Journal of Law*. – 2021. – Vol. 7 (4). – P. 575 – 586.

539. Keirse, A.L. Eigen schuld en BGK in (deel) geschil; wie kent de tweede billijkheidscorrectie? / A.L. Keirse, J. Biezenaar // *Tijdschrift voor Vergoeding Personenschade*. – 2018. – Vol. 21. – P. 1 – 14.

540. King, J.H. Causation, Valuation, and Chance in Personal Injury Torts Involving Preexisting Conditions and Future Consequences // *Yale Law Journal*. – 1981. – Vol. 90. – P. 1353 – 1397.

541. Kjelland, M. Hjemmearbejdsersstatning: forholdet til velferdsrettslige, skatterettslige og bevisrettslige sider ved utmålingen // *Tidsskrift for erstatningsrett, forsikringsrett og velferdsrett*. – 2011. – Vol. 8. – №. 1-2. – P. 4 – 50.

542. Knies, S. Compensation Mechanisms for Lost Productivity: A Comparison between Four European Countries / S. Knies, A. Boonen, M.J. Candel, S.M. Evers, J.L. Severens // *Value in Health*. – 2013. – Vol. 16 (5). – P. 740 – 744.

543. Kolesnichenko, O.V. Planes de compensación del daño a la salud provocado por error médico: investigación y elección jurídica comparada de ruta para la Federación de Rusia // *Boletín Mexicano De Derecho Comparado* – 2022. – Vol. 163. – P. 65 – 86.

544. Kondo, A. Impact of increased long-term care insurance payments on employment and wages in formal long-term care // *Journal of the Japanese and International Economies*. – 2019. – Vol. 53. – P. 1 – 76.

545. Koziol, H. Punitive Damages - A European Perspective // *Louisiana Law Review*. – 2008. – Vol. 68. – P. 741 – 764.

546. Kratz, R. The Question of the Constitutionality of Non-Economic Damage Caps in Personal Injury Cases in Canada // *The University of Miami Inter-American Law Review*. – 2019. – Vol. 50 (1). – P. 195 – 235.

547. Kretzmer, D. No-Fault Comes to Israel: The Compensation for Victims of Road Accidents Law, 1975 // *Israel Law Review*. – 1976. – Vol. 11 (2). – P. 288 – 311.

548. Jamshidi, M. Distinguishing between civil liability and environmental damage liability / M. Jamshidi, M. Pournoori, A. Poorhashemi // *Journal of Research in Ecology*. – 2018. – Vol. 6 (1). – P. 1348 – 1362.

549. Lambregts, T.R. Displaced, disliked and misunderstood: A systematic review of the reasons for low uptake of long-term care insurance and life annuities / T.R. Lambregts, F.T. Schut // *The Journal of the Economics of Ageing*. – 2020. – Vol. 17. – P. 1 – 28.

550. Landolt, H. Hausarbeitsschaden: Lösungen aus dem Blickwinkel des schweizerischen Rechts // *Hausarbeitsschaden–bei Verletzung und Tötung: Die Sicht des Sozialversicherungsträgers*. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2020. – P. 71 – 88.

551. Lee, K.M. Comparison of asbestos victim relief available outside of conventional occupational compensation schemes / K.M. Lee, L. Godderis, S. Furuya et al. // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2021. – Vol. 18. – № 10. – P. 1 – 21.

552. Léime, Á.N. Extended Working Life Policies / Á.N. Léime, J. Ogg, M. Rašticová, D. Street, C. Krekula, M. Bédiová et al. – Dordrecht: Springer International Publishing, 2020. – 515 p.

553. Liu, D. Value evaluation system of ecological environment damage compensation caused by air pollution // *Environmental Technology & Innovation*. – 2021. – Vol. 22. – P. 101473.

554. Liu, J. The Impact of Medical Malpractice Reforms / J. Liu, D. Hyman // *Annual Review of Law and Social Science*. – 2020. – Vol. 16. – P. 405 – 419.

555. Loss of Housekeeping Capacity / ed. by E. Karner, B.C. Steininger. – Berlin: Walter de Gruyter, 2019. – 804 p.

556. Loss of Housekeeping Capacity / ed. by E. Karner, K. Oliphant. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. – 339 p.
557. Lucas, D.L. Using Workers' Compensation Claims Data to Describe Nonfatal Injuries among Workers in Alaska / D.L. Lucas, J.R. Lee, K.M. Moller, M.B. O'Connor, L.N. Syron, J.R. Watson // *Safety and Health at Work*. – 2020. – Vol. 2. – P. 93 – 112.
558. Luetjens, J. Successful Public Policy: Lessons from Australia and New Zealand / J. Luetjens, M. Mintrom, P. Hart. – Canberra: ANU Press, 2019. – 530 p.
559. Magnus, U. Damages for Non-Pecuniary Loss in German Contract and Tort Law // *The Chinese Journal of Comparative Law*. – 2015. – Vol. 3. – № 2. – P. 289 – 307.
560. Marc, S.S. Medical Malpractice and Compensation in Germany // *Chicago-Kent Law Review*. – 2011. – Vol. 86 (3). – P. 1139 – 1168.
561. Marit, I. Op weg naar herstel: herstelrecht voor slachtoffers van verkeersmisdrijven // *Tijdschrift voor Herstelrecht*. – 2019. – Vol. 3. – P. 41 – 48.
562. Markel, D. Retributive Damages: A Theory of Punitive Damages as Intermediate Sanction // *Cornell Law Review*. – 2009. – Vol. 94. – P. 239 – 340.
563. Markesinis, B. Markesinis's German Law of Torts / B. Markesinis, J. Bell, A. Janssen. – London: Bloomsbury Publishing, 2019. – 642 p.
564. Markesinis, B. Compensation for Personal Injury in English, German and Italian Law / B. Markesinis, M. Coester, G. Alpa, A. Ullstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 276 p.
565. Martín-Casals, M. Conceptos perjudiciales (heads of damage) en la indemnización por muerte y por lesiones personales en Europa // *Revista para el Análisis del Derecho*. – 2013. – Vol. 2. – P. 11 – 48.
566. Masayuki, O. Medical Malpractice in Neurological Diseases // *Brain and nerve*. – 2020. – Vol. 72. – P. 287 – 294.
567. Mate, S.L. La delimitación del concepto de daño moral: un estudio de la cuestión en el ordenamiento jurídico español // *Revista Boliviana de Derecho*. – 2021. – Vol. 32. – P. 278 – 313.

568. Mátyus, A. A sérelemdíj funkció-analízise // *Debreceni Jogi Műhely*. – 2020. – T. 17. – № 3-4. – C. 97 – 117.
569. Mel, E. La réparation des dommages associés aux soins // *La Revue de l'Infirmière*. – 2019. – Vol. 68. – P. 47 – 48.
570. McBride, N.J. *Tort law* / N.J. McBride, R. Bagshaw. – Oxford: Pearson UK, 2018. – 944 p.
571. McCarthy, C. Economic aspects of personal injury compensation in Ireland // *UCD Centre for Economic Research Working Paper Series*. – 2010. – Vol. 10 (23). – P. 1 – 20.
572. McGregor, H. Compensation Versus Punishment in Damages Awards // *The Modern Law Review*. – 1965. – T. 28. – №. 6. – P. 629 – 653.
573. Mims, M.C. Properly Limiting the Lost Chance Doctrine in Medical Malpractice Cases: A Practitioners' Rejoinder / M.C. Mims, R. Crisler // *Louisiana Law Review*. – 2021. – Vol. 81 (3). – P. 863 – 885.
574. Müller, C. Perte d'une chance – Revisited // *Tagungsband des Personen-Schaden-Forums* / ed. S. Weber. – Zurich/Basel/Geneva: Have, 2018. – P. 15 – 34.
575. Nakabayashi, M. From family security to the welfare state: Path dependency of social security on the difference in legal origins // *Economic Modelling*. – 2019. – Vol. 82. – P. 280 – 293.
576. *Neuropsychological Evaluation of Somatoform and Other Functional Somatic Conditions* / ed. by K.B. Boone. – New York: Routledge, 2017. – 462 p.
577. Nguyen, T. Comparative analysis of medical malpractice law // *Asian Journal of Law and Economics*. – 2019. – Vol. 10. – P. 1 – 15.
578. Nieto, A.S. *Perjuicio estético en la Ley 35/2015. Un daño objetivo sujeto a una valoración subjetiva: tesis doctoral*. – Lejona, 2022. – 284 p.
579. Oliphant, K. *Employers' Liability and Workers' Compensation* / K. Oliphant, G. Wagner. – Vienna: Walter de Gruyter, 2012. – 660 p.
580. Onyeabor, E. Practical Tips on Evaluation and Assessment of Environmental Pollution Damage in Environmental Litigation // *Journal of Environmental Management and Safety*. – 2012. – Vol. 3. – № 2. – P. 135 – 145.

581. Osaka, E. Reevaluating the Role of the Tort Liability System in Japan // *Arizona Journal of International and Comparative Law*. – 2009. – Vol. 26. – №. 2. – P. 393 – 426.

582. Pardolesi, R. Danno non patrimoniale, uno e bino, nell'ottica della Cassazione, una e Terza // *La nuova giurisprudenza civile commentata*. – 2019. – Vol. 1. – P. 1344 – 1348.

583. Paridon, H.M. The German Berufsgenossenschaften (institutions for statutory accident insurance and prevention): Organisation, mandate and activities in the area of mental health / H.M. Paridon, C.M. Paridon, F.A. Bindzius // *International Journal of Law and Psychiatry* – 2007. – Vol. 30 (4–5). – P. 400 – 415.

584. Parizot, I. Inégalités dans les parcours d'indemnisation des victimes d'accidents médicaux. Une enquête au sein du dispositif français de règlement amiable / I. Parizot, I. Cailbault, M. Winance, J. Barbot // *Revue d'épidémiologie et de santé publique*. – 2017. – Vol. 65. – P. 99 – 108.

585. *Personal Injury and Damage Ascertainment under Civil Law* / ed. by S.D. Ferrara, R. Doscolo-Berto, G. Viel. – Cham: Springer, 2016. – 700 p.

586. Pierre, P. La réparation intégrale en Europe: Etudes comparatives des droits nationaux / P. Pierre, F. Leduc. – Bruxelles: Éditions Larcier, 2012. – 505 p.

587. Pillayre, H. Compensation Funds, Trials and the Meaning of Claims: The Example of Asbestos-Related Illness Compensation in France // *Social & Legal Studies*. – 2021. – Vol. 30 (2). – P. 180 – 202.

588. Positano, G. La tutela del danno alla persona. Aspetti giuridici, medico legali e assicurativi / Gabriele Positano, Giuseppe Positano. – Milano: CEDAM, 2001. – 426 p.

589. Priel, D. The place of responsibility in tort liability // *Jurisprudence*. – 2019. – Vol. 10 (3). – P. 396 – 407.

590. Rabin, R.L. Non-Pecuniary Damages in American Tort and Contract Law // *The Chinese Journal of Comparative Law*. – 2015. – Vol. 3 (2). – P. 226 – 244.

591. Radivojević, Z. State Liability for Non-Pecuniary Damages in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights / Z. Radivojević, N. Raicevic // *Teme-časopis za društvene nauke*. – 2020. – Vol. 1. – P. 17 – 32.

592. Rached, H. La force contraignante de la nomenclature Dintilhac à l'épreuve du principe de réparation intégrale du préjudice / H. Rached, N. Jousset // *La Revue de Médecine Légale*. – 2019. – Vol. 10 (1). – P. 1 – 10.

593. Renato, L.N. Dano biológico e quantificação standard // *Revista Juridica da Unifil*. – 2015. – № 15. – P. 195 – 212.

594. Riedel, J. Rahmenverfahrensordnung für die Gutachterkommissionen und Schlichtungsstellen der Ärztekammern // *Medizinrecht*. – 2019. – Vol. 37. – P. 294 – 295.

595. Risso, G. Product liability and protection of EU consumers: is it time for a serious reassessment? // *Journal of Private International Law*. – 2019. – № 15 (1). – P. 210 – 233.

596. Rivollier, V. Le montant de l'indemnisation du préjudice d'affection devant les cours d'appel // *Jurimétrie, Revue de la mesure des phénomènes juridiques*. – 2022. – Vol. 1 – P. 1 – 17.

597. Rogac, A. Repararea prejudiciului pentru pierderea șansei în Codul civil modernizat (2020). – URL: <https://juridicemoldova.md/7813/repararea-prejudiciului-pentru-pierderea-sansei-in-codul-civil-modernizat.html> (дата обращения: 14.01.2024).

598. Rondinelli, R.D. *AMA Guides to the Evaluation of Permanent Impairment, Sixth Edition: Hardcover*. – Washington: American Medical Association, 2011. – 634 p.

599. Rossetti, M. *Il danno alla salute*. – Padova: CEDAM, 2021. – 1619 p.

600. Roy, A. *Personal Injury Limitation Law* / A. Roy, N. Ross. – London: Bloomsbury Professional, 2020. – 938 p.

601. Samudio, R.E. *Non-economic losses under Japanese law from a comparative perspective: thesis doctoral*. – Hokkaido, 2017. – 257 p.

602. Sangha, K.K. Methodological approaches and challenges to assess the environmental losses from natural disasters / K.K. Sangha, J. Russell-Smith, J. Evans et al. // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. – 2020. – Vol. 49. – P. 101619.

603. Saporito, L. The Loss of Chance in a Comparative Perspective // *Annali del CERSIG: raccolta di articoli scientifici* / L. Saporito, B. Tassone. – Rome: Centro di ricerca sulle Scienze Giuridiche, Eurilink, 2020. – P. 99 – 155.
604. Sawicki, N.N. Choosing medical malpractice // *Washington Law Review*. – 2018. – Vol. 93. – P. 891 – 966.
605. Schellekens, M. No-fault compensation schemes for self-driving vehicles // *Law, Innovation and Technology*. – 2018. – Vol. 10. – P. 314 – 333.
606. Schulz-Borck, H. Der Haushaltsführungsschaden: Entgelttabellen TVöD/Bund zur Bewertung von Personenschäden in der Haushaltsführung / H. Schulz-Borck, F. Pardey. – Karlsruhe: VVW GmbH, 2022. – 64 p.
607. Sepúlveda, P.D. El «danno alla Salute» y el llamado «danno biológico» a la luz de los daños corporales // *Ars Boni et Aequi*. – 2013. – Vol. 9 (1). – P. 173 – 184.
608. Sherifi, V. Compensation of existential and biological damage in the Albanian legal system. – URL: https://www.academia.edu/12882534/COMPENSATION_OF_EXISTENTIAL_AND_BIOLOGICAL_DAMAGE_IN_THE_ALBANIAN_LEGAL_SYSTEM (дата обращения: 14.01.2024).
609. Shoenfeld, Y. Who is afraid of medical malpractice? // *Harefuah*. – 2020. – Vol. 159. – P. 54 – 56.
610. Sirena, P. Il concetto di 'danno' nel diritto italiano e francese della responsabilità civile // *Rassegna di diritto civile*. – 2019. – № 2. – P. 544 – 579.
611. Slama, R. So You're Telling Me There's a Chance: An Examination of the Loss of Chance Doctrine Under Nebraska Law // *Nebraska Law Review*. – 2021. – Vol. 99 (4). – P. 1014 – 1039.
612. Slimmen, M. Road Traffic Liability in the Netherlands / M. Slimmen, W.H. Van Boom. – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2975796> (дата обращения: 14.01.2024).
613. Teslaar, V.S. L'indemnisation imparfaite du déficit fonctionnel permanent // *Recueil Dalloz*. – 2017. – Vol. 23. – P. 1309 – 1311.

614. Torres, L.D. Employer's civil liability for work-related accidents: A comparison of non-economic loss in Chile and England / L.D. Torres, A. Jain // *Safety Science*. – 2017. – Vol. 94. – P. 197 – 207.
615. Tudurut, L. Non-Pecuniary Compensatory Damages. Comparative Law Aspects – Specific References to France and Italy // *Bulletin of the Transilvania University of Braşov Series VII: Social Sciences. Law*. – 2021. – Vol. 14 (63). – P. 137 – 146.
616. Underwood, J. *Tort Law: Principles in Practice*. – New York: Wolters Kluwer, 2022. – 954 p.
617. Van Boom, W. *Shifts in Compensation Between Private and Public Systems* / W. Van Boom, M. Faure. – Springer: Vienna, 2007. – 253 p.
618. Verheyen, T. Modern Theories of Product Warnings and European Product Liability Law // *Utrecht Law Review*. – 2019. – № 15 (3). – P. 44 – 56.
619. Volpe, R. *Casebook of Traumatic Injury Prevention*. – Luxembourg: Springer, 2020. – 573 p.
620. Wallis, K. No-fault, no difference: no-fault compensation for medical injury and healthcare ethics and practice // *British Journal of General Practice*. – 2017. – Vol. 67. – P. 38 – 39.
621. Wanda, B.P. Problems arising in compensating unconscious plaintiffs for loss of amenities of life: a comparative survey // *Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. – 2005. – Vol. 38 (1). – P. 113 – 142.
622. Ware, J. Overview of the SF-36 Health Survey and the International Quality of Life Assessment (IQOLA) Project / J. Ware, B. Gandek // *Journal of clinical epidemiology*. – 1998. – Vol. 51. – P. 903 – 912.
623. Wasilewska, E. Objective assessment of harm in order to establish compensation to the aggrieved patient // *Ius novum*. – 2017. – Vol. 3. – P. 98 – 118.
624. Watson, K. Patients' Rights, Medical Error and Harmonisation of Compensation Mechanisms in Europe / K. Watson, R. Kottenhagen // *European Journal of Health Law*. – 2018. – Vol. 25 (1). – P. 1 – 23.

625. Wich, M. Ekkernkamp A. Die Gesetzliche Unfallversicherung in Deutschland als erfolgreiches Beispiel einer Value-based-Healthcare-Struktur / M. Wich, T. Auhuber, D. Scholtysik., A. Ekkernkamp // Zeitschrift für Evidenz, Fortbildung und Qualität im Gesundheitswesen. – 2018. – Vol. 130. – P. 13 – 20.

626. Wu, Y. Der Ersatz immaterieller Schäden beim Unfalltod: Eine vergleichende Studie zwischen deutschem und chinesischem Recht. – Berlin: Duncker & Humblot, 2022. – 154 p.

627. Yates, W.D. Safety Professional's Reference and Study Guide. – Boca Raton: CRC Press, 2017. – 872 p.

628. Zettin, M. Il danno biologico da morte quale perdita del piacere della vita / M. Zettin, S. Rabino // Psicologia & Giustizia. – 2001. – Vol. 2. – P. 1 – 14.

629. Zoppoli, L. Il danno biologico tra principi costituzionali, rigidità civilistiche e tutela previdenziale // Rivista della Associazione lavoro e ricerche – ALAR. – 2001. – Vol. 11 (3). – P. 389 – 396.

Электронные ресурсы

1. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека: АЮР, 03 марта 2020 г. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_a_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (дата обращения: 14.01.2024).

2. Справка Иркутского областного суда о результатах обобщения судебной практики по делам о возмещении вреда, причиненного здоровью или смертью потерпевшего в результате ДТП, преступления. – URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=575 (дата обращения: 14.01.2024).

3. Судебная статистика (Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации). – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 14.01.2024).

4. Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.01.2024).
5. A guide to different procedural rules, limitation periods, assessment of damages and recent cases for personal injury claims (2022). – URL: <https://www.wottonkearney.com.au/state-of-the-nation/> (дата обращения: 14.01.2024).
6. AMA Guides to the Evaluation of Permanent Impairment. – URL: <https://www.ama-assn.org/delivering-care/ama-guides/ama-guides-meeting-archives-resources> (дата обращения: 14.01.2024).
7. Arbeitsplatz Haushalt: Zeitaufwand für Hausund Familienarbeit und deren monetäre Bewertung Statistische Grundlagen und Tabellen für die Bemessung des Haushaltschadens auf der Basis SAKE 2004 und LSE 2004. – URL: <https://www.studerzahner.ch/assets/uploads/sake-2004-statistik-haushaltstaetigkeit.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).
8. Barème de capitalisation le plus favorable aux victims. – URL: <https://www.hello-victimes.fr/les-barèmes-d-indemnisation/barème-de-capitalisation-bcriv/> (дата обращения: 14.01.2024).
9. Bodily injury landscape Europe Belgium (by Swiss Re), 2018. – URL: https://www.swissre.com/dam/jcr:4ca8e673-1d61-47f9-afde-a7d62923855b/2018_bodily_injury_landscape_belgium.pdf (дата обращения: 14.01.2024).
10. Bodily injury landscape Europe – The Netherlands (by Swiss Re), 2018. – URL: https://www.swissre.com/dam/jcr:f4860ccb-fb26-44a7-aa1e-6c1ac9ba2b98/2018_bodily_injury_landscape_netherlands.pdf (дата обращения: 14.01.2024).
11. Conseil d'État, 5ème - 6ème chambres réunies, 08/07/2020, 425229. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000042100801/> (дата обращения: 14.01.2024).
12. Conseil d'État, 5ème et 4ème sous-sections réunies, 26/05/2010, 306354. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000022330296> (дата обращения: 14.01.2024).

13. F06, F07, F09 in International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision. – URL: <https://icd.who.int/browse10/2010/en#/F00-F09> (дата обращения: 14.01.2024).
14. Hållbarhetsrapport 2018 (Trafikförsäkringsföreningen). – URL: <https://www.trafikförsäkringsföreningen.se/globalassets/om-oss/hallbarhetsrapporter/hallbarhetsrapport-2018.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).
15. Impairment Assessment Services Operational Guidelines (december 2020). – URL: <https://www.acc.co.nz/assets/contracts/imp-og.pdf/> (дата обращения: 14.01.2024).
16. Indemnisation des dommages corporels Recueil méthodologique. – URL: https://www.avocatparis.org/system/files/worksandcommissions/BAREME_INDEMNISATIONPREJUDICE_CORPOREL_CA_PARIS.pdf (дата обращения: 14.01.2024).
17. Environmental Restoration and Conservation Agency of Japan (ERCA). Operation of the Pollution-related Health Damage Compensation System. – URL: https://www.erca.go.jp/erca/english/activities/ac_01.html (дата обращения: 14.01.2024).
18. La genèse de la Nomenclature Dintilhak. – URL: <https://jmp-avocat-indemnisation.fr/nomenclature-dintilhac-prejudices-patrimoniaux-extrapatrimoniaux-permanents-temporaires.html> (дата обращения: 14.01.2024).
19. La nomenclature des postes de préjudice de la victime directe: Bilan 2022. – URL: <https://www.aredoc.com/wp-content/uploads/2022/10/BROCHURE-SUR-LES-POSTES-DE-PREJUDICE-2022.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).
20. Les gênes temporaires constitutives d'un Déficit Fonctionnel Temporaire (DFT). – URL: <https://www.aredoc.com/wp-content/uploads/2017/08/Point-12-PDF.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).
21. WHO Quality of Life Assessment Group (1996). – URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/54358> (дата обращения: 14.01.2024).
22. Workers' Compensation: Overview and Issues: congressional analysis (updated February 18, 2020). – URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44580.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).